

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2019. Том 57

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русьны

2019. № 57

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2019. Nr. 57

Association "Rus" (Chisinau, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Заместитель главного редактора
Дмитрий Катунин

Томский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь
Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Николай Бабилунга

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Богдан Боднарюк

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Михаил Губогло

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук (Россия)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Всеволод Меркулов

Академия ДНК-генеалогии (Россия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Николай Руссев

Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака (Молдова)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований
(США)

Михайло Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича (Украина)

Роман Шапка

(Канада)

Петр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Deputy Editor-in-Chief
Dmitry Katunin

Tomsk State University (Russia)

Executive Editor
Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Nikolai Babilunga

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Bogdan Bodnaryuk

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Mikhail Guboglo

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Vsevolod Merkulov

The Academy of DNA Genealogy (Russia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Nikolay Russev

Grigoriy Tsamblak Taraclia State University (Moldova)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Mykhaylo Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

Taras Shevchenko State University of Transnistria (Moldova, Transnistria)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

Содержание

Страница редактора	9
--------------------------	---

ИСТОРИЯ

<i>Савчук Б.П., Билавич Г.В.</i> Проблема использования исторических названий Галиции в межвоенный период XX в.	13
<i>Зиновьев В.П.</i> Молдавская диаспора в Северной Азии в конце XIX – начале XXI в.	35
<i>Чемакин А.А.</i> Монархисты из газеты «Республиканец»: монархическая организация Румынского фронта и бригада М.Г. Дроздовского в 1918 г.	49
<i>Шевелев Д.Н.</i> Окончание Первой мировой войны и карпаторусский вопрос: взгляд из Сибири (осень 1918 – осень 1919 г.)	66
<i>Нам И.В., Наумова Н.И., Зиновьева В.И.</i> Организации военнопленных русинов в Сибири и власть: конфликт интересов (1918–1919 гг.)	84
<i>Оськин М.В.</i> Помглавкорум Дмитрий Григорьевич Щербачев и ликвидация Румынского фронта зимой – весной 1918 г.	99
<i>Данилець Ю.В.</i> Документи архіву Синоду Сербської православної церкви про місіонерську роботу єпископа Досифея (Васича) на Підкарпатській Русі	119
<i>Чучко М.К.</i> Буковинська митрополія у складі помісної Румунської православної церкви (міжвоєнний період).....	131
<i>Срібняк І.В., Попенко Я.В.</i> Діяльність військового відділу Надзвичайної дипломатичної місії УНР у Румунії, 1920 р. (за матеріалами САУ)	157
<i>Мельничук О.А., Зинько Ю.А., Тучинский В.А.</i> Внешнеполитические предпосылки образования Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики	179
<i>Суляк С.Г.</i> «Свободное слово. Ежемесячный карпато-русский журнал» как важный источник по истории Подкарпатской Руси межвоенного периода	195
<i>Кокайс П.</i> Оценка положения карпатских русинов на основе дискуссий депутатов парламента Чехословацкой Республики в период 1918–1938 гг. ...	230

<i>Трофимович В.В., Трофимович Л.В.</i>	
Карпатоукраїнський аспект зовнішньої політики європейських країн у період чехословацької кризи (1938–1939 рр.)	251
<i>Кудряченко А.І.</i>	
Карпатська Україна у планах гітлерівської Німеччини	271
<i>Казак О.Г.</i>	
Национально-культурная жизнь межвоенной Подкарпатской Руси в оценках членов правительства Чехословакии в Лондоне (1940–1944 гг.)	294
<i>Саган Г.В.</i>	
Створення та діяльність громадських організації русинів-українців в Королівстві сербів, хорватів і словенців у міжвоєнний період	307
<i>Сторожук С.В., Гоян И.М., Федик О.В.</i>	
Чинники формування культурної ідентичності русинів Угорської Русі у ХІХ ст.	329
<i>Дулатов Б.К.</i>	
Пребывание австро-венгерских военнопленных и беженцев в Поволжье в контексте экономических и политических процессов в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Волгоградской области)	349
<i>Дворниченко А.Ю.</i>	
Русины в уме и сердце русского историка (на примере Г.В. Вернадского и А.В. Флоровского)	374
<i>Грибовский М.В., Фоминых С.Ф.</i>	
Федор Федорович Аристов как исследователь русинов	394
<i>Нікольський Є.В., Юган Н.Л.</i>	
Філософсько-релігійна думка Гавриїла Костельника (аналіз маловідомих та архівних джерел)	404

ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Драч О.О.</i>	
Повоєнні роки життя русинів Буковини в епістолярії Ольги Кобилянської	420

CONTENTS

Editorial	9
------------------------	---

HISTORY

<i>Savchuk B.P., Bilavych G.V.</i> On the Use of Historical Names of Galicia in the Interwar Period of the 20th Century	13
<i>Zinoviev V. P.</i> Moldovans in Northern Asia in the Late 19th – Early 21st Centuries	35
<i>Chemakin A.A.</i> Monarchists from the Newspaper “Respublikanets”: The Monarchist Organisation of the Romanian Front and M.G. Drozdovsky’s Brigade in 1918	49
<i>Shevelev D.N.</i> The End of the First World War and the Carpathian Issue: A View from Siberia (Autumn 1918 – Autumn 1919)	66
<i>Nam I.V., Naumova N.I., Zinovieva V.I.</i> Organisations of Rusinian Prisoners of War in Siberia and Authority: A Conflict of Interests (1918–1919)	84
<i>Oskin M.V.</i> Pomglavkorum Dmitry Grigorievich Shcherbachev and Liquidation of the Romanian Front in the Winter – Spring of 1918	99
<i>Danylets Yu.V.</i> Documents of the Serbian orthodox Church Sinod archive on the missionary activities of bishop Dosifey (Vasich) in the Subcarpathian Rus	119
<i>Chuchko M.K.</i> Metropolis of Bukovina of the Romanian Orthodox Church (Interwar Period) ...	131
<i>Sribnyak I.V., Popenko Ya.V.</i> Activities of the Military Department of the Ukrainian People’s Republic Extraordinary Diplomatic Mission in Romania, 1920 (Based on CAW)	157
<i>Melnychuk O.A., Zinko Y.A., Tychynskiy V.A.</i> Foreign Policy Factors in the Formation of the Moldavian Autonomous Soviet Socialist Republic	179
<i>Sulyak S.G.</i> Journal “Free Word: Carpatho-Russian Monthly” as an Important Source on the History of Subcarpathian Rus in the Inter-War Period	195
<i>Kokaist P.</i> Assessment of the Situation of Carpathian Rusins Based on the Discussions of the Czechoslovak Republican Parliament Deputies in 1918–1938	230
<i>Trofymovych V.V., Trofymovyc L.V.</i> Carpatho-Ukrainian Aspects of European Foreign Policy During the Czechoslovakian Crisis (1938–1939)	251

<i>Kudriachenko A.</i>	
Carpatho-Ukraine in the Plans of Hitlerite Germany	271
<i>Kazak O.G.</i>	
National and Cultural Life of the Interwar Subcarpathian Rus in the Assessments of Members of the Czechoslovak Government in London (1940–1944)	294
<i>Sagan G.V.</i>	
Formation and Activities of Rusin-Ukrainian Societies in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes in the Interwar Period	307
<i>Storozhuk S., Hoian I., Fedyk O.</i>	
Factors of Cultural Identity Formation in the Rusins of Ugric Rus in the 19th Century	329
<i>Dulatov B.K.</i>	
Austro-Hungarian Prisoners of War and Refugees in the Volga Region in the Context of the Economic and Political Processes During WWI (Based on the Materials of the State Archive of Volgograd Region)	349
<i>Dvornichenko A.Y.</i>	
The Rusins in the Mind and Heart of the Russian Historian (A Case Study of G.V. Vernadsky and A.V. Florovsky)	374
<i>Gribovskiy M.V., Fominyh S.F.</i>	
Fedor Fedorovich Aristov as a Researcher of Rusins ... 393	
<i>Nikolsky E.V., Yuhan N.L.</i>	
Philosophical and Religious Thought of Gabriel Kostelnik (The Analysis of Understudied and Archival Sources)	394
<i>Nikolsky E.V., Yuhan N.L.</i>	
Philosophical and Religious Thought of Gabriel Kostelnik (The Analysis of Understudied and Archival Sources)	404

LITERATURE AND LITERARY THEORY

<i>Drach O.A.</i>	
Post-War Years of Life of Bukovinian Rusins in Olha Kobylianska's Epistolary	420

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

29–30 мая 2019 г. редакция международного исторического журнала «Русин», Общественная ассоциация «Русь» и Национальный исследовательский Томский государственный университет провели в Кишиневе V Международную научно-практическую конференцию «История Карпато-Днестровских земель с древнейших времен до наших дней (межвоенный период)».

1918–1939 гг. были непростыми для населения Карпатской и Карпато-Днестровской Руси. Попытки создать русинскую государственность на территории Карпатской Руси, входившей в состав Австро-Венгрии (Команчская Республика (Восточно-Лемковская Республика), Русская Народная Республика Лемков (Западно-Лемковская Республика), Гуцульская Республика, ЗУНР, Галицкая ССР), не увенчались успехом, так же, как и усилия населения севера Бессарабии, региона компактного расселения русинов, направленные на формирование легитимного общекарпатского правительства и освобождение края от румынской оккупации (Хотинское восстание).

После Первой мировой войны земли, населенные русинами, оказались в составе Польши, Чехословакии, Румынии, Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевства Югославия). Только часть территории русинов бывшего Венгерского королевства стала «автономной землей» под названием *Подкарпатская Русь* (в основном это нынешняя территория Закарпатской области Украины) в составе Чехословакии, хотя реальную автономию край так и не получил.

На территории Карпатской Руси продолжали действовать многочисленные русские и украинофильские организации, значительная часть населения, как и раньше, продолжала считать себя русскими, русинами. В странах проживания последние подвергались полонизации, румынизации, словакизации. Власти Чехословакии и Польши препятствовали распространению православия среди русинов. В 1938 г. на юго-востоке Польши было разрушено 127 православных храмов (треть всех православных церквей, существовавших в регионе). По данным польской переписи 1931 г., которая проводилась по родным языкам, русинский (по переписи – ruski, le ruthene (русинский)) признали родным 1 219 647 чел. Украинский родным назвали 3 221 975 чел., русский (rosyjski, le russe) – 138 713, белорусский (białoruski, le bielorusse) – 989 852. Белорусов по-польски называли (и называют) białorusini (ед.: białorusin, białorusinka).

Румынские власти тоже проводили политику раскола и ассимиляции местного восточнославянского населения (русинов, малороссов, великороссов). В переписи 1930 г. к «рутенам-украинцам» (ruteni-ucrainieni) (и носителям языка «рутенский и украинский» (ruteană și ucraineană)) румыны причислили всех, кто считал себя рутенами, украинцами, малорусами, руснаками – в отличие от великороссов, которых в переписи называли «rus (muscal)». Гуцулы «переписывались» отдельно: «huțan (huțul)».

Именно в межвоенный период усилилась этническая трансформация русинов.

В обсуждении вопросов межвоенного положения населения Карпатской и Карпато-Днестровской Руси приняли участие 36 исследователей (из них 18 докторов наук и 16 кандидатов) из четырех стран (Молдавии, в т. ч. Приднестровья, России, Украины, Чехии), было заслушано 28 докладов. Программа мероприятия выложена на сайте конференции: http://conference.tsu.ru/carpathian/&conference_page=cat&category=program

Основное внимание докладчики уделили предвоенной истории Карпато-Днестровских земель (территория исторической Молдовы, сегодня это Республика Молдова, Черновицкая область Украины, Запрутская Молдова и часть Одесской области Украины), а также части территории Карпатской Руси – Подкарпатской Руси, которая в период 1918–1939 гг. получила свою, пусть и урезанную, государственность в составе Чехословацкой Республики.

Часть статей, написанных на основе прозвучавших на конференции докладов, опубликована в настоящем выпуске журнала.

С № 58 журнала «Русин» меняется порядок оформления внутритекстовых ссылок и списка литературы (Литература) в статьях. Список литературы должен оформляться в алфавитном порядке и быть пронумерованным (начиная с первого номера). Ссылки на литературу следует давать в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, отделяя номер страницы двоеточием [5: 97]. В Литературе: 5. Суляк С.Г. Русины Бессарабии в XIX начале XX в.: к проблеме численности // Русин. 2015. № 39. С. 95–115. DOI 10.17223/18572685/39/7

Если есть, обязательно указывается DOI.

В выходных данных книг следует указывать не только город и год, но и издательство, и количество страниц.

С.Г. Суляк,
главный редактор

DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD, AUTHORS AND READERS!

On May 29–30, 2019, the Editorial Board of the *Rusin International Historical Journal*, the Public Association *Rus* and the National Research Tomsk State University held the Fifth International Conference “History of the Carpathian-Dniester Lands From Ancient Times to the Present (the Interwar Period)” in Chişinău.

The period of 1918–1939 was hard for the population of the Carpathian and Carpathian-Dniester Rus. The Rusins kept trying to establish their statehood in the territory of the Carpathian Rus, which was part of Austria-Hungary (the Komancza Republic, also known as the Eastern Lemko Republic, Russian People’s Republic of Lemkos (West Lemko Republic), Hutsul Republic, ZUNR, Galician SSR), but all their attempts failed. The Rusinian population of Northern Bessarabia also unsuccessfully tried to form a legitimate all-Bessarabian government and liberate Bessarabia from the Romanian occupation (Khotyn Uprising).

After WWI, the territories inhabited by the Rusins became part of Poland, Czechoslovakia, Romania, the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (Kingdom of Yugoslavia). Only part of the Rusinian territory in the former Hungarian kingdom became an “autonomous land” called Subcarpathian Rus (mainly the present territory of the Transcarpathian region of Ukraine) within Czechoslovakia, though the region has never gained real autonomy.

The Carpathian Rus was home to numerous Russian and Ukrainophilic organisations; a considerable part of the population continued to consider themselves Russian, or Rusins. In the countries of their residence, they were subjected to Polonisation, Romanisation, and Slovakisation. The Czechoslovak and Polish authorities prevented the spread of Orthodoxy among the Rusins. In 1938, 127 Orthodox churches were demolished in southeastern Poland (one third of all Orthodox churches in the region). According to the Polish census of 1931, which registered native languages, the Rusinian language (according to the census, *ruski, le ruthene*) was registered as native by 1,219,647 people. Ukrainian was claimed as native by 3,221,975 people, Russian (*rosyjski, le russe*) – by 138,713, Belarussian (*białoruski, le bielorusse*) – by 989,852. The Belarusians in Polish have always been called *białorusini* (*białorusin, białorusinka*).

The Romanian authorities also pursued a policy of split and assimilation of the local East Slavic population (Rusins, Little Russians, Great Russians). In the 1930 census, Ukrainian Rusins (ruteni-ucrainieni) (who spoke Rusin and Ukrainian (ruteană și ucraineană)) included all those who identified themselves as Ruthenians, Ukrainians, Little Russians, Rusnaks, unlike the Great Russians, who were registered as “rus (muscal)” in the census. The Hutsuls were registered separately as “huțan (huțul)”.

It was during the interwar period that the Rusinian ethnic transformation increased.

The Conference was attended by 36 scholars from four countries (Moldavia, including Transnistria, Russia, Ukraine, Czech Republic) who presented 28 reports on the interwar situation of the population of the Carpathian and Carpathian-Dniester Rus. The program program is available is available from http://conference.tsu.ru/carthian/&conference_page=cat&category=program

The presenters mainly focused on the pre-war history of the Carpathian-Dniester lands (the territory of historical Moldova, today the Republic of Moldova, Chernivtsi region of Ukraine, Romanian Moldavia and part of Odessa region of Ukraine), as well as parts of the territory of Carpathian Rus – Subcarpathian Rus, which received a reduced autonomy within the Czechoslovak Republic in 1918–1939. Some of the papers presented at the Conference are included in this journal.

From No. 58, on, there will be new rules for inter-text references and reference list. The reference list should be arranged alphabetically and numbered (starting with 1). In-text references should be enclosed in square brackets. The in-text reference should contain the reference number and the page number, separated by the colon [5: 97]. The *Reference list* (Literatura): 5. Sulyak S.G. Rusiny Bessarabii v XIX nachale XX v.: k probleme chislennosti // Rusin. 2015. № 39. S. 95–115. DOI 10.17223/18572685/39/7. If a particular paper has its digital object identifier (DOI), it must be included.

The output of books should indicate not only the city and year, but also the publishing house and the number of pages. The date line of a source must include city, year, publishing house, and pages.

S.G. Sulyak,
Editor-in-Chief

УДК 94: 316.356.4“1919/1939”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/2

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ГАЛИЦИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД XX в.

Б.П. Савчук¹, Г.В. Билавич²

Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника
Украина, 76018, г. Ивано-Франковск, ул. Т. Шевченко, 57

¹ E-mail: boris_savchuk@ukr.net

² E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

Авторское резюме

В статье представлен комплексный анализ проблемы происхождения и использования исторических названий Галиции в межвоенный период XX в. Показаны процесс их формирования в X–XIX вв. (Галицкое княжество, Галицкая земля, Галицкая Русь, Галицкое воеводство, Червоная Русь, Королевство Галиции и Лодомерии, Восточная Галиция и др.) и возникновения новых форм этнорегиональных терминов в 20–30-е гг. XX в. (*кресы всходни, Малопольша Вшходня, восточные воеводства* и др.). Освещаются использование этих названий разными общественно-политическими течениями и организациями, этническими общностями края в межвоенный период XX в., а также интерпретация данной проблемы в польской (в частности, сквозь призму кресового дискурса), российской, украинской историографиях.

Ключевые слова: Галиция, Восточная Галиция, межвоенный период, русины, кресы всходни, Малопольша Вшходня.

ON THE USE OF HISTORICAL NAMES OF GALICIA IN THE INTERWAR PERIOD OF THE 20TH CENTURY

B.P. Savchuk¹, G.V. Bilavych²

Vasil Stefanik Carpathian National University
57 T. Shevchenko Street, Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine

¹ E-mail: boris_savchuk@ukr.net

² E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

Abstract

The historical name of Galicia represents a peculiar phenomenon in the development of ethnotoponyms of the Carpathian-Dniester lands and the entire East Slavic region. Having more than two thousand years of history, in the 11th – 19th centuries, it became the base for the names that designated the formation of state-political entities and served as a marker for determining the regions of Rusinian population residence, generating a multitude of new ethnotoponymic structures. At the same time, the root word *Galicia* has been preserved in different versions. The article presents a comprehensive analysis of the origin and use of historical names of Galicia in the interwar period of the 20th century, showing their formation in the 10th – 19th centuries (Principality of Halych, Halych Land, Galicia, Ruthenian Voivodeship, Red Ruthenia, the Kingdom of Galicia and Lodomeria, Eastern Galicia, etc.) and the emergence of new forms of ethno-regional definitions in the 1920–30s (*kresy wschodnie*, *Malopolska Wschodnia*, *Eastern Voivodeships*, etc.). The authors focus on the use of these names by various socio-political movements, organisations, and regional ethnic communities during the interwar period of the 20th century as well as their interpretation in Polish (in particular, through the prism of the *kresy* (old borderlands) discourse), Russian, and Ukrainian historiographies.

Keywords: Galicia, Eastern Galicia, interwar period, Rusins, *kresy wschodnie*, *Malopolska Wschodnia*.

В массе накопившихся во второй половине XX – начале XXI в. научной литературы по истории Галиции отсутствуют обобщающие исследования, касающиеся использования ее исторических названий в общественной жизни региона и в научной историографии. Предметное изучение данной проблемы, особенно касающееся 20–30-х гг. XX в., актуализует сложившаяся в постсоветской науке ситуация, когда авторы декларируют в заглавиях и используют в текстах названия этого региона, которые не соответствуют их реальному содержанию, не отражают предмет исследования.

В данной статье мы ставим задачи определить обстоятельства происхождения и суть основных исторических названий Галиции, обосновать целесообразность их использования в контексте исторического развития региона в межвоенный период XX в., выяснить подходы национальных историографий к этой проблеме.

Решение этих задач требует учета двухвекового опыта (В.Б. Антонович, Ф.Ф. Аристов, Г. Величко, Я.Ф. Головацкий, М.С. Грушевский, Д.И. Зубрицкий, А.А. Кочубинский, И.П. Крипякевич, В.М. Кубийович, Г.И. Купчанко, Ф.И. Свистун, И.П. Филевич, И.Я. Франко и др.) формирования синкретического жанра землеописания восточнославянского региона, Карпато-Днестровских земель, Украины и современных парадигм их изучения в разрезе исторической регионалистики

(В.А. Булкин, Я.В. Верменич, Л.В. Войтович, А.С. Герд, Л.Е. Горизонтов, П.Р. Магочий, Н.М. Пашаева, В.Т. Пашуто, С.Г. Суляк и др.), исторической географии, топонимики, картографии (О.Е. Афанасьев, И.А. Еремия и др.), этнологии и этнографии (Ю.Г. Гошко, Д.К. Зеленин, С.А. Макарчук, Б.П. Савчук и др.)¹.

Отметим опыт исследования С.Г. Суляком русинской топонимики Карпато-Днестровских земель, который синтезирует накопленные за полтора тысячелетия лингвистические, археологические, исторические источники, этимологический анализ сотен топонимов и гидронимов, результаты изучения проблем этногенеза разных народов Молдавии, Румынии, Буковины, Бессарабии и т. д. (Суляк 2018). Такой комплексный междисциплинарный подход эффективен при изучении полиэтнических территориальных феноменов.

Особенный интерес представляет концептуальная работа С.Г. Суляка, посвященная вопросу терминологии Карпатской Руси. В ней проведен тщательный анализ региональной русинской топонимики (Галичина, Буковина, Угорская Русь, Бессарабия, Холмщина, Подляшье) в тысячелетней ретроспективе и с акцентом на ее развитии в XIX – начале XX в. (Суляк 2019). Наша статья в некоторой мере является продолжением этой рецепции в более узком сегменте трансформации и использования исторических названий Галиции в 20–30-е гг. XX в.

В современном научном дискурсе утверждается парадигма, согласно которой первостепенное значение в изучении отдельных социумов отводится не «временным», а «пространственным» факторам, которые выступают основной структурной и системообразующей доминантой исследований. Учитывая опыт изучения понятия *регион* (Верменич 2003: 81–82; Савчук 2004: 40–44; Каримова 2006: 32–38), исходим из его определения как фрагмента глобального социума, концептуального пространства, территориальной единицы, исторически сформированного социокультурного ареала, население которого управляемо, не имеет государственно-политического суверенитета и отличается этноисторическими, ментальными особенностями, внутренней системой социальных связей, другими признаками.

Наш методологический подход предусматривает синтезированное изучение тысячелетней ретроспективы появления разных исторических названий Галиции, выяснение обстоятельств их трансформации и использования в межвоенный период, анализ рецепции проблемы в украинской, польской, российской историографиях.

Осмысливая ретроспективу возникновения исторических названий Галиции, попадаем в лабиринт их сложных переплетений, которые в разных вариантах выявлялись и трансформировались в 20–30-х XX в.

Корни происхождения этнопонима² *Галиция* (укр. *Галичина*; польск. *Galicja*, нем. *Galizien*) следует искать в периоде IV в. до н. э. – VIII в. Эта проблема остается предметом дискуссий³. Последующую эволюцию этого названия обозначают этнополитонимы *Галицкая земля*, *Галицкая Русь*, *Галицкое княжество*, *Галицко-Волынское княжество*, отражающие процессы формирования государственности в юго-западной части восточнославянского региона в X – начале XIV в., а также их эволюцию в традиции летописания. В процессе перераспределения территории Галиции между князьями, а в XIV–XVIII вв. и между разными государствами возникали и трансформировались названия *Галицкая земля*, *Галицкие волости*, *Галицкая Русь*, *Галицкое воеводство*, *Руське воеводство*, *Руськое королевство*, *Королевство Русь*, *Червонная Русь*⁴ и др. (Войтович 2011; Суляк 2019: 275–278).

После трех разделов Польши и территориальных перераспределений конца XVIII – начала XIX в. территория Галиции как коронный край и северо-восточная провинция монархии Габсбургов стала именоваться *Королевством Галиции и Лодомерии* (нем. *Königreich Galizien und Lodomerien*). Утвердив это дуалистическое название – *Galicja* (реже – *Halicia*) и *Lodomeria* (*Лодомерия*, *Володимерия*, т. е. *Вольшь*) как официальное, Габсбурги не апеллировали к исторической традиции русинов, а стремились таким образом обосновать свое наследственное право на владение этими землями. Написанные с этой целью исторические работы⁵ дали повод для научного дискурса.

Объединение в одной просуществовавшей до 1918 г. провинции Восточной Галиции, где доминировало русинское население, и Западной Галиции, которая охватывала польские этнические земли, стало миной замедленного действия, которая с 1848 г. постоянно детонировала конфликтами между русинами и поляками в плане официального статуса региона и множества политических и культурных вопросов, касавшихся их национальных прав и интересов.

После Первой мировой войны возрожденная в статусе самостоятельного государства Польская Республика интегрировала многонациональную Восточную Галицию. Как одно из средств политики национальной ассимиляции ее русинско-украинского населения⁶ она, как нам представляется, фактически впервые предприняла попытку сломать тысячелетнюю традицию исторического наименования Галиции.

В 1919–1921 гг., после падения Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР), вопрос о Восточной Галиции (как никогда прежде) актуализировался на международной арене. Результаты анализа международных документов – договоров, соглашений, переписки, деклараций и т. п. (Західно-Українська 2011) – свидетельствуют о

международном признании названия *Восточная Галиция*. Среди дипломатов, лидеров зарубежных стран, международных организаций существовало достаточно четкое понимание исторического, этнокультурного своеобразия и интересов коренного населения региона, которое в разных случаях упоминалось как *русины*, *руські*, *українці*. Об этом свидетельствует утвержденный Лигой Наций в ноябре 1919 г. «Устав для Восточной Галиции», согласно которому определялись ее границы, а Польша получила 25-летний мандат на управление краем при условии предоставления ему автономии и признания языково-культурных прав его коренного населения (Статут 1919). Однако он был отклонен и украинской, и польской сторонами.

Межвоенная демократическая Польша последовательно реализовала курс на поэтапное государственное, а затем этнокультурное поглощение Восточной Галиции и ассимиляцию ее коренного населения. В законодательном порядке 20 января 1920 г. был распущен Галицкий краевой сейм (ЦДІАУ 2: 1). В украинской историографии, как правило, с привязкой к материалам т. н. Кровавой книги⁷, утверждается, что уже в марте 1920 г. было запрещено употребление названий *Восточная Галиция*, *Западная Украина*, *український*, *українець*, которые замещались официальными терминами *Восточная Малопольша* (польск. *Małopolska Wschodnia*), *русин* (*русинский*), *руський*. Поэтому важно зафиксировать принятое 26 мая 1923 г. Советом министров Польши постановление об официальном введении названия *восточные воеводства* вместо *Восточная Галиция* и *Западная Украина* (ЦДІАУ 3: 1).

Это была реакция на включение, согласно решению польского правительства от 17 января 1921 г., территории бывшей Галиции в общегосударственную административную систему Польши. В обиходе появилось ее новое официальное название – *Малопольша* (польск. *Małopolska*⁸), которая «по традиции» делилась на две части. Восточная Малопольша (Восточная Галиция) была поделена на три воеводства общей площадью 50 236 км: Станиславское и Тернопольское воеводства, включавшие только русинско-украинские земли, а также Львовское, к которому присоединили еще и 11 польских повитов (уездов). Западная Малопольша (*Zachodnia Małopolska*; Западная Галиция) включала Краковское воеводство (28 744 км), в составе которого оказалась этнически русинская Лемковщина (ЦДІАУ 2: 17–21; Maliszewski 1923: 66).

Также, как правило, без обращения к конкретным документам в исторической литературе констатируется факт появления термина *восточные кресы* (польск. *Kresy Wschodnie*; от *kres* – *граница, окраина, край*) для обозначения находившихся в составе Польши территорий Западной Украины, Западной Белоруссии и Литвы. Согласно адми-

нистративному делению, сюда входили воеводства Станиславское, Тернопольское, часть Львовского, Волынского, Полесское, Виленское, Новогрудское, один повит Белостоцкого воеводства, где этническое большинство составляли украинцы, белорусы, литовцы.

Появление термина *восточные кресы* мы связываем с принятием польским сеймом 31 июля 1924 г. трех т. н. называемых кресовых законов, которые регулировали использование на обозначенных территориях официального польского языка в органах государственной власти и самоуправления, судах, прокуратуре и нотариате, в учебных заведениях (Dziennik 1924). Комментируя суть этих актов, их главный идеолог Ст. Грабский утверждал, что они исходят из признания «жизненных реалий», что «польская Речь Посполита есть Польское государство» и в ее границах не должно быть и пяди земли, где бы этот факт не признавался (Dziennik 1924: N 79: 12–13).

В идейно ангажированной постсоветской историографии феномен восточных кресов и их составляющей – Восточной Галиции преимущественно определяется как проявление деструктивной, ассимиляторской политики Польши в отношении вошедших в ее состав иноэтнических регионов. Мы склонны считать, что в поисках приемлемой модели реализации курса на создание мононационального государства польский политический истеблишмент прежде всего апеллировал к собственным национальным традициям.

О несостоятельности ассоциирования восточных кресов исключительно как региона, которому отводится роль «сырьевого придатка», «колониального анклава», «культурного маргинала», свидетельствует полуторавековой кресовый дискурс⁹. Исследуя его как аксеологическую категорию, Я. Кольбушевский показал, что название *кресы* связано с т. н. утраченными землями – восточными регионами Первой Речи Посполитой. Лексема *кресы* приобрела эмоциональную окраску и используется в трех значениях: 1) топографическом – определяет их в историческом контексте; 2) мифическом – ассоциирует с «пышной природой», богатой жизнью, славянщиной, высокой культурой; 3) как «фанатизм крепости»¹⁰ (Kolbuszewski 1997).

Понимание правящей элитой межвоенной Польши восточных кресов прежде всего как приграничной полиэтнической территории государства подтверждает и факт сохранения термина *западные кресы*, большая часть которых входила в ее состав.

Однако русинско-украинская элита воспринимала факт включения Восточной Галиции в пространство «кресового пограничья» как наступление на ее автономность и отрицание этнокультурной идентичности. В таком плане заслуживает внимания рецепция французского специалиста по истории Украины и Польши Д. Бовуа, который,

учитывая историческую ретроспективу, развенчал «миф восточных окраин» межвоенной Польши. Исходя из того, что «кресовый стереотип» утвердился в XV в., когда под влиянием татарской агрессии в Европе возникла визия, будто восточные границы Польши являются «крепостью всего христианства», а после ее разделов он приобрел эмоциональную окраску, слился с представлением о «польском превосходстве», автор считает парадоксальным и неестественным перенесение этого названия на восточных соседей Польши. Кресы «могут быть только польскими», и такое их определение всегда будет «солью в глазу» этих народов. «Они требуют уважения», а вместо этого их трактовали как периферию Польши, поэтому «их национальное достоинство не могло с этим согласиться» (Beauvois 1994).

При анализе кресовой проблемы в межвоенной Польше напрашивается еще одна аналогия. Речь идет о пресловутом «сокальском кордоне», который проходил по бывшей австро-российской границе и был установлен властью Польши для предотвращения влияния «деструктивной Галиции» на ее северо-западные земли, Волынь и Холмщину. Таким образом, если Габсбурги искусственно реанимировали название *Королевство Галиции и Лодомерии*, хотя Волынь в XIX – начале XX в. находилась в составе Российской империи, то, оказавшись в межвоенный период вместе с Галицией в составе одного государства – Польши, они были формально объединены в восточные кресы, а в сущности разъединены и противопоставлены.

В условиях идейно-политического и культурно-этнического плюрализма в межвоенной Польше возникла ситуация, когда на разных уровнях общественной жизни (государственном, национально-политическом, научном, культурологическом, образовательном, издательском, бытовом) для обозначения Восточной Галиции использовались разные (как вновь принятые, так и старые) исторические названия. С этим вопросом тесно связаны отличия в употреблении этнонимов, которые еще выразительнее и острее ощущались разными акторами общественных отношений.

Государственные и административные органы в официальном делопроизводстве употребляли термины *Małopolska Wschodnia*, *Kresy Wschodnie*, *Język rusjki* (русский язык). Публично, особенно в русле политики «нормализации» польско-украинских отношений середины 30-х гг. XX в., декларировался «нейтралитет» власти по этому вопросу. Показательным стало выступление в 1937 г. польского сенатора В. Децикевича, который утверждал, что Польша всегда толерантно относилась к употреблению названий *русин*, *русский*, *украинец*, *Восточная Галиция*, *Галицкая Русь*. При этом он ссылался на решения Министерства внутренних дел, которые предписывали, что если

общины сами принимали то или иное название, то органы администрации должны использовать их индивидуально и не имеют права вмешиваться в такого рода споры (М. С. 1937).

На самом деле дела обстояли иначе. В массе находящихся в Центральном государственном архиве Украины в г. Львове (ЦДІАУ 1) и областных архивах Украины документов Министерства внутренних дел, Министерства образования и религии, воеводских и поветовых администраций в вопросах контроля, регулирования и анализа общественной жизни в Галиции использовался широкий спектр исторических названий и этнонимов. Их выбор обуславливался характером и содержанием текста. В документах предписывающего и разрешительного характера фигурировали официально принятые термины *Малопольска Всьходня, восточные кресы, восточные воеводства, руський*, иногда *русинь*. В информационно-аналитических материалах (рапортах, донесениях, справках, отчетах), отражающих характер общественных и национальных отношений, кроме вышеупомянутых, употреблялись термины *украинць, украинский, Галиция, Восточная Галиция, Западная Украина*. При этом они, как правило (в зависимости от грамотности составителей), брались в кавычки или подавались с приставкой *tzw-* («так называемый»). Тем самым подчеркивался их «политический», «оппозиционный», «деструктивный» характер, противоречащий официальным представлениям о «публичном порядке и спокойствии».

Таким образом, вся вертикаль власти на словах декларировала толерантное отношение к национальным интересам русинско-украинского населения Восточной Галиции и признание его прав на этническую самоидентификацию, а на практике препятствовала их реализации. Об этом ярко свидетельствует деятельность воеводских и повитовых органов администрации и полиции, наделенных функциями контроля, регулирования и управления общественной жизнью Восточной Галиции. Многочисленные архивные документы свидетельствуют, что они отказывались регистрировать местные общественные организации, запрещали проведение ими просветительских мероприятий из-за того, что в предложенных документах (программах, афишах и т. п.) фигурировали названия *украинский, Галиция, Западная Украина*, а также *Галицкая Русь* и др. Их подателей заставляли использовать польскоязычные формы этнонимов, топонимов, комонимов, гидронимов. В случаях с Обществом им. М. Качковского и других москвофильских организаций отказы мотивировались использованием этимологического правописания документов.

В общественных, культурных, научных кругах разных этнических групп Галиции не было единства в вопросе использования ее исто-

рических названий. Это показательно проявилось в периодических изданиях. В частности, «Monitor Polski» («Монитор польский») и другие правительственные издания использовали только официально принятые названия *Малопольша Востдня, восточные воеводства, восточные кресы* и др. Такой же позиции придерживалась «Chwila» – газета, которую издавали евреи, принявшие польскую культуру. А наиболее популярные среди польской общественности «Kurier Lwowski» («Курьер львовский»), «Dziennik Polski» («Ежедневник польский»), «Warszawski Dziennik Narodowy» («Варшавский национальный ежедневник»), вокруг которых группировались представители науки и культуры, придерживались более демократичной позиции: исторические названия Галиции употреблялись в соответствии с историческими периодами и обсуждаемой проблематикой.

В межвоенной периодике Галиции нами выявлена активная эксплуатация разных вариантов термина *Червонная Русь* для обоснования определенных идейных взглядов. Так, с одной стороны, польские публицисты, опираясь на работы своих историков (С. Закшевского, В. Кентьшинского и др.), интерпретировали его как *Червенская Русь* и на этой основе, опираясь на утверждения о польском, а не о русинском характере Червоных градов X–XI вв., обосновывали «историческую справедливость возвращения» Галиции «в лоно Речи Посполитой».

С другой стороны, русофильские издания 20-х гг. XX в. некоторое время продолжали озвучивать идеи газеты «Червонная Русь» (выходила в 1888–1890 гг. во Львове, затем как «Галицкая Русь» в 1891–1893 гг. и как «Галичанин» в 1893–1913 гг.), которая своим названием и его историческим толкованием пыталась противопоставить русинов Галиции украинскому населению Надднепрянской Украины. Но позже отказались от такого постулата, который не соответствовал главному концепту об их общей принадлежности «к единому русскому народу».

Это стало лишь одним из проявлений большого разнобоя в использовании этнотопонимов в идейно разобленном русинско-украинском лагере. Проукраински ориентированные политические партии (от национал- и социал-демократической до радикально-националистической ориентации), как и культурно-просветительские, финансово-экономические, церковные институции, сохраняли относительное единство в этом вопросе. Не только во внутреннем делопроизводстве, но и в переписке с органами власти, в прессе они, игнорируя официальные, использовали традиционные названия *Галиция, Восточная Галиция, Русь, Украина*, а в историческом контексте – *Галицкая Русь, Червонная Русь* и др.

Под влиянием революционных событий 1917–1919 гг. в публичном обиходе стали утверждаться названия *Западная Украина, западно-*

украинские земли (применялась аббревиатура ЗУЗ), *Западная Волянь*, *северо-западные земли* для обозначения входивших в состав Польши Западной Волины, Холмщины, Подляшья, Западного Полесья.

Также имела место тенденция, когда в первой половине 20-х гг. XX в. названия *русин*, *русский*, *украинец* в публичной жизни употреблялись совместно, а в дальнейшем стали преимущественно использоваться названия *украинец*, *украинский*, так что два первых термина и производные от них применялись главным образом в историко-ретроспективном контексте.

Другая ситуация сложилась в лагере русофилов¹¹, которые, оправившись от австро-венгерских репрессий 1915–1918 гг., в межвоенный период переживали сложные процессы самоидентификации и организации общественной деятельности. Их идейная позиция по обсуждаемому вопросу нашла выражение в программных заявлениях политических организаций. Созданная в 1923 г. «Русская народная организация»¹² провозгласила себя союзом русского населения Галиции, который признает «национальное и культурное единство всех русских племен» (Организационный 1928). А на созванном в Варшаве в марте 1925 г. съезде по вопросам образования ее представители призвали активно бороться за «русскую школу» для всего «русского населения» Польши, потому что «и Волянь, Полесье, Холмщина, Белая Русь», и Восточная Галиция с Лемковщиной всегда были и теперь остаются «русскими землями», на которых всегда проживала и проживает часть «великого русского народа», единого по происхождению и культуре (Русский 1925).

Можно проследить эволюцию галицких русофилов в вопросе использования исторических названий территорий проживания русинов. В первом выпуске «Талергофского альманаха», где печатались воспоминания об австрийских репрессиях в 1914–1915 гг. (Талергофский 1924), встречаем широкий спектр таких названий с характерными особенностями правописания: *Восточная Галиция*, *Буковина*, *Закарпатье*, *Лемковщина (в Западной Галиции)*, *Прикарпатская Русь*; *въ Галичинь*, *Буковинь*, *Угорской Руси*; *Галицкая Русь*, *Буковинская Русь*; *Угорская*, а ныне *Карпатская Русь* и др. А в третьем выпуске «Талергофского альманаха» (Талергофский 1930), как и в периодических печатных изданиях «Русский голос», «Земля і воля», «На рубежъ» (орган студенческого общества «Друг»), «Вѣстник народнаго дома», уже главным образом фигурировали названия *Галиция*, *Галицкая Русь*, *Закарпатская Русь*, *Волянь*.

Примечательно, что в уставе Общества им. М. Качковского (Уставъ 1928) территория его деятельности определялась термином *Восточная Галиция*, в то время как в учредительных документах большинства

проукраинских общественных ассоциаций, согласно действующему законодательству, она обозначалась по названиям воеводств.

Под влиянием общественных изменений эволюционировало массовое сознание русинско-украинского населения Галиции, которое в вопросах этнокультурной самоидентификации всегда было более консервативным, чем национальная элита. В своих воспоминаниях В. Макар, впоследствии деятель националистического движения, утверждает, что термином *украинский* начали замещать самоназвание *русинский* только под влиянием революционных событий на Украине 1917–1918 гг. Это отразилось и в песнях, исполнявшихся в приюте г. Станислава, где он воспитывался: если раньше пели «В нас родина вся одна / Наша мила Русь Свята...», то вскоре, по настоянию его патрона епископа Г. Хомишина, слова *Русь, русин* заменили на *Вкраина, украинец* (Макар 2001: 74–76).

Очевидно, что в крестьянской и мещанской массе, которая составляла до 95 % русинско-украинского населения Галиции, изменения в этнотерриториальных представлениях происходили еще медленнее и в категориях современной этнологии и социологии не кристаллизировались до 1939 г. Материалы переписи населения и другие источники свидетельствуют, что жители края могли самоидентифицироваться только по вероисповеданию, а на основе языка испытывали определенные трудности. Они имели смутное представление не только о региональных названиях (*Галиция, кресы, Малопольша Восточная* и др.), но и о территориально-административных единицах. На эти и подобные вопросы крестьяне часто отвечали, что, «как и их деды-прадеды», они «русины», «руськие», «тутешние».

Принимая во внимание эти факты, как и звучавшие в 1939 г. призывы греко-католических священников к прихожанам называть себя украинцами, а не русинами (Федевич 2009: 20–21), следует все же признать, что значительная часть крестьянства считала себя украинцами и имела достаточно четкие этнотерриториальные представления о Галиции (Восточной и Западной) и соседних с ней регионах (Подкарпатская Русь, Волынь, Холмщина), как и об Украине, Польше, Советской России. Важную роль в формировании их этноисторического самосознания играла просветительская деятельность украинских общественных организаций.

Проблема использования исторических названий Галиции с позиций ретроспективы и современности нашла отражение в интеллектуальных кругах края межвоенного периода. Он стал важным этапом в развитии упомянутого кресового дискурса, который можно обозначить тремя группами творческих изысканий: 1) исторические нарративы; 2) поэзия; 3) воспоминания.

В первой группе заслуживают внимания работы известного публициста, историка и политика И. Бартошевича, который обосновал программу мирной экспансии Польшей восточных кресов. Размышляя о ее государственных границах, он предложил отличать понятия *историко-политическая территория* как земли, необходимые для развития нации, и *этнографическая территория* как «ареал племени, народности». Исходя из того, что нация не может ограничиваться территориями, которые она заселяет, обосновывалась необходимость ее «мирной экспансии» на земли других народов, племен. Если они пассивны и политически не организованы, эта экспансия будет достаточной легкой, мирной (Bartoszewicz 1924; Bartoszewicz 1929: 27–29; 99–109). При этом И. Бартошевич понимал, что «пограничные области» (Червонная Русь, Западное Подолье, Волинь, Полесье, Литва), которые «сегодня» находятся в пределах Польши, никогда не были «польской окраиной». Поэтому эти «русинско-литовские земли» называть «кресами» неправильно и несправедливо, ибо «наши границы» лежали «вне их оцепления» (Bartoszewicz 1924: 3–4).

Апеллируя к актуализованной в межвоенной Польше т. н. ягеллонской идее¹³, польские историки (О. Галеский, В. Конопчинский, К. Нич, К. Скимунт и др.) под углом проблемы «пограничных» и «приграничных» территорий дискутировали о сущности и правомерности использования названий *восточные кресы*, *Малопольша*, *Всходня*, *Червонная Русь* и др. Феномен восточных кресов рассматривался в контексте понятия *пограничье*, которое, благодаря своему своеобразному «красноречивому названию», отражает механизмы «сокращения, загрузки или расширения» в «хаотическом переходном процессе» национальных изменений на этих «присоединенных» / «возвращенных» землях (Skirmuntt 1925: 5).

Отметим и малоизвестную работу профессора Краковского университета К. Нича «O nazwy dzisiejszych czesci Polski» («О современном названии части Польши»), в которой показана необоснованность названия *Малопольша* *Всходня*: неудачная копия названия *Малой Польши* как отдельного региона со своей сложной историей, что дезориентирует общественную мысль современной Польши, вносит хаос в ее историческую память¹⁴.

Вторую группу межвоенной кресовой литературы представляет поэзия А. Загурской («К дню Воскресения»), Я. Красицкой («Рогалиты»), К. Иллакович и др. Детальный анализ их произведений, сделанный польским литературоведом Ст. Уляшем, показывает, как созданные поэтами яркие художественные образы передают ментальные и регионально-пространственные представления местного населения

в атрибутивных понятиях *кресы*, *кресовость*, *краянство* и в категориях самоидентификации по линиям пересечения и противопоставления «я» – «мы» – «они»; «свои – чужие»; «оскорбленные» – «удовлетворенные» и т. п. (Ульяш 2011: 81–96).

Среди отнесенных к третьей группе кресовых воспоминаний, кроме женских реминисценций (З. Коссак-Щуцкой, М. Дудин-Козицкой, Е. Залеско-Дорожинской, З. Жураковской) (Ульяш 2011: 95–105), представляют интерес мемуары упомянутого Ст. Грабского, известного государственного деятеля, министра образования и религии Польши 1923, 1925–1926 гг. Они проливают свет на эпохальные события, связанные с противоречиями вокруг подписания Рижского мирного договора (понимание его участниками сути названий разных регионов Украины и Польши, их границ), на дискуссии вокруг кресовых законов 1924 г., ставших важной детерминантой утверждения названия *восточные кресы*, других аспектов этнополитики Польши (Grabski 1989).

Для формирования научного взгляда на то, как представители разных этнических групп (русины, поляки, евреи) понимали и относились к вопросам, связанным с названиями *восточные кресы*, *Малопольша*, *Восточная / Западная Галиция*, и самоидентифицировались с ними, представляют интерес автобиографические произведения¹⁵ уроженцев Галиции Л. Бучковского «Чёрный поток» и А. Хцюка «Атлантида». Написанные уже в эмиграции, они отражают исторический и экзистенциальный опыт писателей и общественных деятелей польско-украинского пограничья, который демонстрирует перманентное сравнение «идеализированного прошлого» и «враждебного настоящего» (Buczowski 1979; Chciuk 2002).

Такой краткий синтезированный срез кресового дискурса считаем продуктивным и полезным для украинской и российской историографий, которые, исходя из предоставленных его участниками источников, могут значительно расширить границы видения развития русинско-украинского социума Галиции в разные исторические периоды.

Польский кресовый дискурс нашел свою «оппозиционную рецепцию» в творчестве известного украинского прозаика начала XX в. Леся Мартовича. В романе «Суеверие» («Забобон») он показал драматическую жизнь полячки Кранцовской, несчастной женщины-пьяницы, вступившей в связь с русином Матчуком, который ее откровенно презирал (Леся Мартович 1954: 219–462). Таким образом, мифической «кресовой женщине» противопоставляется образ экзальтированной «кресовянки» Кранцовской, которая, кроме всего прочего, и своей красноречивой фамилией символизировала неприятие навязанной русинам Восточной Галиции гегемонии польской

элитной культуры. Такой «межкультурный мезальянс» олицетворяет ее «рубевж» и «закат» как исчерпавшей себя самовольно навязанной «духовной ценности».

Проукраинскую визию понимания и использования исторических названий Галиции в межвоенные десятилетия XX в. условно подытожила аналитическая статья «Старое, доброе и правильное название: Галичина» в газете «Дело» за 27 февраля 1939 г. Ее анонимный автор, безусловно, ученый-специалист, утверждал, что «застолбить» название территории или края можно тремя путями: 1) распоряжением властей; 2) научными исследованиями, особенно если речь идет о названиях, утративших бывшее государственно-политическое или национальное значение; 3) традицией и обычаем. Проанализировав мировой опыт, он показал, что второй вариант – наилучший, но в реалиях общественной жизни края реализовался первый путь. Несмотря на это, название *Галичина* стало общепринятым для всего населения края, включая русофилов и большинства не только евреев, но и поляков, если они «забывали о политике» (Стара 1939). Исходя из анализа артефактов и историко-географических исследований, автор статьи раскрыл обстоятельства появления и исчезновения более десятка исторических названий Галиции. В итоге он пришел к выводу: за семь веков существования название *Галичина* укоренилось в исторической памяти не только русинов-украинцев, но и поляков, поэтому все попытки его устранения надо расценивать как выступление последних и против «своего исторического прошлого» (Стара 1939).

Продолжая эту мысль, отметим, что именно в Галиции в межвоенный период появились фундаментальные исследования, которые сыграли важную роль в формировании исторической регионалистики Украины. Среди них – базовые работы основателей украинской этногеографии, демогеографии, картографии С.Л. Рудницкого «Обзор национальной территории Украины» и др. (написаны в Вене в 1919–1923 гг.), В.М. Кубийовича «Атлас Украины и смежных краев» (1937), «Украинская общая энциклопедия “Книга знаний”» (в 3 т.; Львов, 1930–1933) и др.

Обозначенные выше и другие исторические обстоятельства, преломленные через идеологические и методологические традиции, нашли отражение в рецепциях понимания и употребления исторических названий Галиции в разных национальных историографиях.

Наиболее системно и последовательно к этой проблеме подходят польские историки. Эта традиция сохраняется от написанных с позиций позитивизма и поиска новых демократических парадигм работ 70–80-х гг. XX в. (М. Паперженская-Турек, Р. Торжецкий, А. Хойновский и др.) до современных, которые отличаются идейным и научным плю-

рализмом, широким спектром тематических подходов к межвоенной истории Галиции (Б. Гальчак, Р. Дрозд, Я. Моклак, З. Смолак и др.). Для них характерно употребление названий *Восточная Галиция*, *Западная Галиция*, *Западная Украина*, *кресы востодни*, *Малопольща Востодня* и др. с учетом их официального статуса, этнического состава населения, внутренней территориально-административной структуры, других этнорегиональных реалий того времени и современных научных характеристик.

Украинские исследователи предоставили наиболее обширный массив научных работ по истории Галиции межвоенного периода, которые показывают широкую палитру подходов к использованию ее названий. Это нашло отражение в сложном ряду «дихотомий», когда в названии работы фиксируются термины *Галиция* или *Западная Украина*, а изложенные материалы касаются только Восточной Галиции; когда понятие *Малопольща Востодня* используется по отношению не только к Восточной Галиции, но и к Западной Волыни, а то и ко всей Западной Украине, с которой нередко отождествляется термин *Малопольша*. Термин *восточные кресы* часто употребляется в отношении только Галиции или Западной Украины, хотя он касается и других этнических территорий. Этот термин часто воспринимается как «нормативно устоявшийся» или как навязанный Польшей для обозначения «украинного», «колониального», «маргинального» статуса присоединенных иноэтнических территорий, без понимания в обоих случаях его настоящего смысла.

Эти и другие погрешности встречаются и в современной российской историографии по межвоенной истории Галиции. При этом она дает опыт обоснования авторами мотивов выбора терминологии относительно использования исторических названий региона. В качестве примера отметим позицию Н.М. Пашаевой, которая в монографии «Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв.» отметила, что «сознательно употребляет слово *Галичина* с ударением на последнем слоге, а не *Восточная Галилиция*. Он принят в исторической литературе и наиболее полно отражает понятие. Им обозначаются земли Карпатского региона, которые ныне входят в состав Западной Украины – Львовской, Ивано-Франковской, Тернопольской областей, а также Польши – трагическая Лемковщина с ее древнерусским Перемышлем. Мы избегаем употреблять для Галичины термин *Западная Украина...*» (Пашаева 2001: 5). Такая позиция выглядит достаточно аргументированной, в частности, свидетельствует о неправомочности употребления термина *Западная Украина* в отношении всех украинских этнических земель, входивших в состав межвоенной Польши.

Новая и наиболее полная рецепция российской историографии по истории межвоенной Галиции представлена в монографии К.К. Федевича. Автор четко определил суть и «равнозначность» терминов *Восточная Галиция* и *Восточная Малопольша*, но в тексте как тождественное им используется и название *Галиция*. Приемлемой, хотя еще не устоявшейся, считаем их синонимию с формулировкой *галицкие украинцы в Польше*. Оно положено в основу названия работы (Федевич 2009) и адаптирует аналоги западной историографии через фиксацию присутствия этнотерриториального феномена в определенной государственно-политической системе.

Таким образом, историческое название Галиции представляет своеобразное явление в развитии этнотопонимики Карпато-Днепровских земель и всего восточнославянского региона. По своему древнему происхождению оно имеет более чем двухтысячелетнюю историю, а в XI–XIX вв. стало основой названий, которые обозначали процессы формирования государственно-политических образований и служили маркером определения регионов проживания русинского населения, что проявилось в появлении множества этнотопонимических новообразований. При этом в разных вариантах сохранялось коренное слово *Галиция*, и только политиком межвоенной Польши решил стереть его с исторической памяти русинско-украинского и польского народов, других этнических групп, для которых оно стало важным символом этнокультурной и территориальной идентичности. В результате произошло своеобразное «этнонимическое раздвоение», которое привело к параллельному сосуществованию традиционной и официальной групп названий Галиции. Это явление отразилось на их использовании в научно-историческом дискурсе, анализ которого показал необходимость осознанного подхода авторов к использованию названий региона при изучении его прошлого и настоящего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ограничиваемся фиксацией имен достаточно известных в науке ученых. Работы некоторых из них использованы в нашей статье. Ряд фундаментальных трудов, касающихся опыта изучения исторических названий Галиции, проанализирован в исследованиях Л.В. Войтовича (Войтович 2011), С.Г. Суляка (Суляк 2019) и др.

2. Этнотопоним (древнегреч. *народ – место – имя, название*) – исторически активная, многозначная категория, разновидность топонимов, обозначающая древние географические названия. Отражает явление, когда народ и местность назывались одним словом. Используем в

таком значении: распространение этнического названия на определенную территорию, регион.

3. Из десятка версий, объясняющих происхождение названия *Галиция* (*Галичина*), наиболее обоснованы те, которые выводят его от слова *галка* (изображена на гербе Галича, столицы Галицкого княжества); греческого *галас* – *соль*; племен *алазонов* (*галазоны*); кельтского племени галлов, заселившего территорию региона в VI–III вв. до н. э. и оставившего свои названия во французской Галлии, малоазийской Галатии и др. Все версии свидетельствуют о древнем происхождении этого названия (Савчук 2004: 518).

4. Червонная Русь (Красная Русь, Червенские грады; укр. Червона Русь, Червенська Русь; лат. *Russia Rubra, Ruthenia Rubra*) – давнее название Галиции, возможно, возникшее под влиянием традиции народов Востока обозначать по цвету сложные географические названия. Имеет книжное происхождение, встречается в иностранных источниках XV–XVIII вв., не было распространено среди русинского населения (Исаєвич 1996).

5. Например, книга Й.-Х. Энгеля «История Галича и Владимира до 1772 года» (Вена, 1792) обосновывала версию, согласно которой само название провинции свидетельствует о наследственных правах Габсбургов на новоприсоединенные земли: с XIII в. короли Венгрии, стремясь подчинить Галицию и Волынь, именовали себя *королями Галиции и Володимерии*. Эту версию 1925 г. раскритиковал украинский историк И. Кревецкий в работе «Королевство Галиция и Володимерия 1772–1918».

6. Словосочетание *русинско-украинское население* отражает особенности его самоидентификации, когда вместе с традиционными названиями *русин, русский* в 1905–1906 гг. начало проникать в галицкий социум название *украинский*. С 1918–1919 гг. этот процесс ускорился, но, как свидетельствуют и материалы нашего исследования, не был завершён до 1939 г.

7. «Кривава книга» («Кровавая книга») с подзаголовком «Матеріали до польської інвазії на українських землях Східної Галичини 1918–1919 років» («Материалы о польской инвазии на украинских землях Восточной Галиции 1918–1919 годов») была опубликована в Вене в 1919 г. Собранные в ней свидетельства очевидцев о «злодеяниях поляков» использовались правительством ЗУНР для убеждения европейских лидеров в необходимости предоставить краю отдельный политико-правовой статус.

8. Малопольша (*Małopolska*) – историческая область, расположенная в южной и юго-восточной части Польши, вдоль Верхней Вислы, главный город Краков. Название происходит от латинского *Полония*

минок (*Polonia Minor*), т. е. *малая* в значении *молодая* Польша. Его употребляли для отличия от *старой* Великопольши (Познанщины). До конца XV в. это название относилось к территориям Краковского, Люблинского, Сандомирского воеводств. С образованием в 1569 г. Речи Посполитой была создана Малопольская провинция, в состав которой также вошли все «русские» земли короны. После ее разделов Малопольша вошла в состав Королевства Галиции и Володимерии.

9. Появление термина *кресы* связывают с романом Я.Х. Захаревича «*Na kresach*» (1860). Сначала он обозначал линию военного пограничья Речи Посполитой в XVII–XVIII вв., затем ее давние земли в границах до раздела в 1772 г. В период романтизма понятие *кресы* из историко-географического значения переросло в сложную национально-идеологическую концепцию (Kieniewicz 1991). Кресовый дискурс как феномен польской культуры представляет рецепция кресов как «золотого периода» истории Польши и ее культурную гегемонию. Это нашло отражение в массиве «кресоведческой» художественной и публицистической литературы, научных исследованиях, обосновывающих концепт «превосходства польской культуры» на территориях, которые сейчас являются частью Украины и рассматриваются как «культурное пограничье» (Bakula 2006).

10. Концепт «фанатизм крепости» воссоздан литературоведом М. Янион в фантазийном образе кресовой женщины, олицетворяющей родину, родной край. Она наделена патриархальными чертами воина – «кресовой амазонки», которая не боится страданий и готова принести себя в жертву в борьбе за национальные и католические ценности, за свою веру и родную семью.

11. Не углубляясь в научный дискурс относительно употребления терминов *москвофилы* и *русофилы*, отдаем предпочтение последнему, ибо он адекватнее отражает названия их организаций и идеологическую платформу, основанную на идее этнонационального единства и общерусской идентичности великороссов, малороссов и белорусов.

12. Специального непредвзятого анализа требует сложившаяся в российской и украинской историографии ситуация, когда авторы произвольно интерпретируют исторически сложившиеся в Галиции формы правописания отдельных терминов, этнонимов. Например, слова *русинский*, *русский* истолковываются и как *русский*, и как *украинский*; *руский* как *русский*, *украинский* и т. д. Ангажированные, не учитывающие исторического контекста подходы к этой проблеме приводят к искажению сущности и характера исторических процессов и явлений.

13. Название происходит от королевской династии Ягеллонов, которые, взойдя на престол в 1386 г., первыми реализовали идею объединения Польского королевства и Великого княжества Литов-

ского. Ее актуализация в межвоенный период была направлена на ослабление России за счет реализации «цивилизационной миссии» Польши на Востоке, в частности предусматривала с этой целью «мирную интеграцию» восточных кресов.

14. В детальном изложении эта работа представлена в статье «Малопольска» («Діло». Львів, 1924. 6 травня).

15. Такие произведения называют «испорченные воспоминания», переделанные в «псевдороманы» и «псевдожизнеописания», в их содержании правда и домысел часто переплетаются.

ЛИТЕРАТУРА

Верменич 2003 – *Верменич Я.В.* Теоретико-методологічні проблеми історичної регіоналістики в Україні. Київ, 2003. 516 с.

Войтович 2011 – *Войтович Л.* Границы Галицко-Волынского государства // Русин. 2011. № 3 (25). С. 5–41.

Ісаєвич 1996 – *Ісаєвич Я.Д.* Україна давня і нова. Львів, 1996. 336 с.

Західно-Українська 2011 – Західно-Українська Народна Республіка 1918–1923: документи і матеріали: у 5 т. Т. 5, кн. 2: Зовнішня політика і міжнародне становище. 1920–1921 рр. Івано-Франківськ, 2011. 915 с.

Каримова 2006 – *Каримова А.Б.* Региональное пространство в политической организации мира: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2006. 39 с.

Лесь Мартович 1954 – *Лесь Мартович.* Забобон. Твори. Київ, 1954. 464 с.

Макар 2001 – *Макар В.* Спомини та роздуми // Збір. тв.: у 4 т. Торонто; Київ, 2001. Т. 4. 520 с.

М. С. 1937 – «Русь», «Україна», «руський», «український» // Новий час. 1937. № 31. С. 2.

Організаційний 1928 – Організаційний устав Галицко-рускої народної організації // Земля і воля. 1928. № 254. С. 2–3.

Пашаєва 2001 – *Пашаєва Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001. 201 с.

Рускій 1925 – Русскій голос. 1925. № 115. С. 3.

Савчук 2004 – *Савчук Б.* Українська етнологія. Івано-Франківськ, 2004. 560 с.

Стара 1939 – Стара, добра і правильна назва // Галичина. Львів, Діло. 1939. 27 лютого.

Статут 1919 – Статут для Східної Галичини // Український прапор. 1919. 9 листопада.

Суляк 2018 – *Суляк С.Г.* Русинская топонимика Карпато-Днестровских земель как источник сведений об этническом составе населения Молдавского княжества // Русин. 2018. № 51. С. 134–161. DOI: 10.17223/18572685/51/10

Суляк 2019 – *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16

Талергофскій 1924 – Талергофскій альманахъ. Пропамятная книга. Львовъ: Изд. Талергофского комитета, 1924. Вып. 1. 219 с.

- Талергофській 1930 – Талергофській альманахъ. Пропамятная книга. Львовъ: Изд. Талергофского комитета, 1930. Вып. 3, ч. 1. 159 с.
- Ульяш 2011 – *Ульяш Ст.* Література пограниччя – пограниччя літератури. Київ, 2011. 255 с.
- Уставъ 1928 – Уставъ Общества им. Михаила Качковского во Львовъ // Наука. 1928. № 3. С. 7–8.
- Федевич 2009 – *Федевич К.К.* Галицькі українці у Польщі. 1920–1939 рр. Київ: Основа, 2009. 280 с.
- ЦДІАУ 1 – Центральний державний архів України у м. Львові (далі – ЦДІАУ у Львові). Ф. 71. Оп. 1. Спр. 16.
- ЦДІАУ 2 – ЦДІАУ. Ф. 146. Оп. 2а. Спр. 178.
- ЦДІАУ 3 – ЦДІАУ. Ф. 770. Оп. 1. Спр. 1.
- Bakuła 2006 – *Bakuła B.* Kolonialne i postkolonialne aspekty polskiego dyskursu kresoznawczego (zarys problematyki) // *Teksty Drugie*. 2006. № 6. S. 11–33.
- Bartoszewicz 1924 – *Bartoszewicz J.* Znaczenie polityczne kresów wschodnich dla Polski. Warszawa, 1924. 40 s.
- Bartoszewicz 1929 – *Bartoszewicz J.* Zagadnienia polityki polskiej. Warszawa, 1929. 152 s.
- Beauvois 1994 – *Beauvois D.* Mit «kresów wschodnich», czyli jak mu położyć Kres // *Polskie mity polityczne XIX i XX wieku*. Wrocław, 1994. S. 93–105.
- Buczkowski 1979 – *Buczkowski L.* Czarny Potok. Kraków: Wydaw. Literackie, 1979. 238 s.
- Chciuk 2002 – *Chciuk A.* Atlantyda. Warszawa: LTW, 2002. 160 s.
- Grabski 1989 – *Grabski S.* Pamiętniki. Warszawa: Czytelnik, 1989. T. 2. 516 s.
- Dziennik 1924 – *Dziennik ustaw Rzeczypospolitej Polskiej* // Warszawa. 1924. № 73, 78, 79.
- Kolbuszewski 1997 – *Kolbuszewski J.* Kresy jako kategoria aksjologiczna // *Kresy – pojęcie i rzeczywistość. Zbiór studiów*. Warszawa, 1997. S. 119–130.
- Kieniewicz 1991 – *Kieniewicz S.* Kresy. Przemiany terminologiczne w perspektywie dziejowej *Przegląd Wschodni*. Warszawa, 1991. T. 1. S. 3–13.
- Maliszewski 1923 – *Maliszewski E.* Stosunki narodowościowe w Rzeczypospolitej Polskiej, Warszawa, 1923. 140 s.
- Skirmuntt 1925 – *Skirmuntt K.* Idea jagiellońska a polityka kresowa. Wilno, 1925. 12 s.

REFERENCES

- Vermenych, Ya.V. (2003) *Teoretiko-metodologichni problemi istorichnoi regionalistiki v Ukraini* [Theoretical and methodological problems of historical regionalism in Ukraine]. Kyiv: NAS of Ukraine.
- Voitovich, L. (2011) The Boundaries of the Galician–Volhynian State. *Rusin*. 3 (25). pp. 5–41. (In Russian).
- Isaevich, Ya.D. (1996) *Ukraina davnya i nova* [Old and New Ukraine]. Lviv: NAS of Ukraine.
- Karpenko, O. & Mirsan, K. (eds) (2011) *Zakhidno-Ukrains'ka Narodna Respublika*

1918–1923: *dokumenti i materiali: u 5 t.* [Western Ukrainian People's Republic 1918–1923: documents and materials. In 5 vols]. Vol. 5(2). Ivano-Frankivsk: [s.n.].

Karimova, A.B. (2006) *Regional'noe prostranstvo v politicheskoy organizatsii mira* [Regional space in the political organization of the world]. Political Science Dr. Diss. Moscow.

Martovych, L. (1954) *Zabobon. Tvory* [Zabobon. Writings]. Kyiv: [s.n.]

Makar, V. (2001) *Zibr. tvory u 4-kh t.* [collected Works. In 4 vols]. Vol. 4. Toronto, Kyiv: [s.n.]

M.S. (1937) “Rus”, “Ukraina”, “rus'kyi”, “ukrainskyi” [“Rus”, “Ukraine”, “Ruskiy”, “Ukrainian”]. *Noviy chas*. 31. p. 2.

Galician-Ruthenian People's Organization. (1928) *Organizatsiyynyj ustav Galitsko-ruskoj narodnoj organizatsii* [Organizational charter of the Galician-Ruthenian People's Organization]. *Zemlya i volya*. 254. pp. 2–3.

Pashaeva, N.M. (2001) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th–20th centuries]. Moscow: Russian State Public Library.

Russkiy golos. (1925) 115. p. 3.

Savchuk, B. (2004) *Ukrains'ka etnologiya* [Ukrainian ethnology]. Ivano-Frankivsk: Lileya-NB.

Ukrains'kiy prapor. (1919) Statut dlya Skhidnoï Galichini [Statute for Eastern Galicia]. 9th November.

Dilo. (1939) *Stara, dobra i pravylna nazva Halychyna* [The old, good and proper name is Halychyna]. 27th February.

Sulyak, S.G. (2018) Rusin toponyms of Carpathian-Dniestrian land as a source of information on the ethnic composition of the Moldavian principality. *Rusin*. 1(51). pp. 134–161. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/51/10

Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

Bendasyuk, S. (ed.) (1924) *Talegrofskiy al'manakh". Propamyatnaya kniga* [The Talerhof Almanac. A Memorial Book]. Vol. 1. Lviv: Izd. Talergofskogo komiteta.

Bendasyuk, S. (ed.) (1930) *Talegrofskiy al'manakh". Propamyatnaya kniga* [The Talerhof Almanac. A Memorial Book]. Vol. 3(1). Lviv: Izd. Talergofskogo komiteta.

Uliash, St. (2011) *Literatura pohranychchia – pohranychchia literaturi* [Literature of the borderland – the boundaries of literature]. Kyiv: Universitet “Ukraina”.

The Mikhail Kachkovsky Society in Lviv. (1928) *Ustav* [Charter]. *Nauka*. 3. pp. 7–8.

Fedevich, K.K. (2009) *Galits'ki ukrainsi u Pol'shchi. 1920–1939 rr.* [Galician Ukrainians in Poland. 1920–1939]. Kyiv: Osnova.

The Central State Historical Archive of Ukraine in Lviv (CSIAU in Lviv). (n.d.) Fund 71. List 1. File 16.

The Central State Historical Archive of Ukraine in Lviv (CSIAU in Lviv). (n.d.) Fund 146. List 2a. File 178.

The Central State Historical Archive of Ukraine in Lviv (CSIAU in Lviv). (n.d.) Fund 770. List 1. File 1.

Bakuła, B. (2006) *Kolonialne i postkolonialne aspekty polskiego dyskursu*

kresoznawczego (zarys problematyki) [Colonial and postcolonial aspects of Polish discourse in reconnaissance (outline of the problems)]. *Teksty Drugie*. 6. pp. 11–33.

Bartoszewicz, J. (1924) *Znaczenie polityczne kresów wschodnich dla Polski* [The political importance of the eastern borderlands for Poland]. Warsaw: [s.n.].

Bartoszewicz, J. (1929) *Zagadnienia polityki polskiej* [Issues of Polish politics]. Warsaw: [s.n.].

Beauvois, D. (1994) *Mit “kresów wschodnich”, czyli jak mu położyć kres. Polskie mity polityczne XIX i XX wieku* [The myth of the “eastern borderlands”, or how to put it end. Polish political myths of the 19th and 20th centuries]. Wrocław: [s.n.].

Buczkowski, L. (1979) *Czarny Potok* [Black Stream]. Kraków: Wydaw. literary.

Chciuk, A. (2002) *Atlantyda* [Atlantis]. Warsaw: LTW.

Grabski, S. (1989) *Pamiętniki* [Diaries]. Vol. 2. Warsaw: Reader.

Poland. (1924) *Dziennik ustaw Rzeczypospolitej Polskiej* [Journal of Laws of the Republic of Poland]. Vol. 73, 78, 79. Warsaw: [s.n.].

Kolbuszewski, J. (1997) Kresy jako kategoria aksjologiczna [Borderlands as an axiological category]. In: Koter, M. et al. *Kresy – pojęcie i rzeczywistość* [Borderlands – concept and reality]. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy. pp. 119–130.

Kieniewicz, S. (1991) Kresy. Przemiany terminologiczne w perspektywie dziejowej [Terminological transformations in the historical perspective]. *Przegląd Wschodni*. 1. pp. 3–13.

Maliszewski, E. (1923) *Stosunki narodowościowe w Rzeczypospolitej Polskiej* [The National relations in the Republic of Poland]. Warsaw: [s.n.].

Skirmuntt, K. (1925) *Idea jagiellońska a polityka kresowa* [Jagiellonian idea and borderland policy]. Wilno: [s.n.].

Савчук Борис Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры педагогики им. Б. Ступарика Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Boris P. Savchuk – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: boris_savchuk@ukr.net

Билавич Галина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики начального образования Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Galyna V. Bilavych – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

УДК 94 (470, 478)"18-20"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/3

МОЛДАВСКАЯ ДИАСПОРА В СЕВЕРНОЙ АЗИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI в.*

В.П. Зиновьев

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: vpz@tsu.ru

Авторское резюме

Прослежена динамика численности и размещения молдаван в Сибири с конца XIX в. до нашего времени. Основой для анализа послужили данные переписей населения России и СССР. Автор также стремится установить основные факторы, повлиявшие на миграцию этого европейского этноса на территорию Северной Азии. Главный вывод – констатация преобладания до 60-х гг. принудительных мер к перемещению молдаван на территорию Сибири посредством депортации молдавских семей как ненадежного элемента накануне военных действий летом 1941 г., как раскулаченных и пособников фашистских оккупантов в 1949 и 1951 гг. В 1960–1980-е гг. шли встречные потоки молдаван, возвращавшихся из ссылки на родину и прибывавших в Сибирь и на Дальний Восток на заработки. В постсоветское время основной для молдаван является трудовая миграция на нефтепромыслы Тюменской области и предприятия добывающей промышленности Восточной Сибири. Миграция молдаван, оставшихся в Северной Азии, подчиняется обычным для индустриального общества закономерностям – перемещениям населения из сельской местности в города и промышленные зоны, процессам ассимиляции и аккультурации.

Ключевые слова: Северная Азия, Сибирь, Дальний Восток, молдаване, трудовая миграция, спецпереселение.

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

MOLDOVANS IN NORTHERN ASIA IN THE LATE 19TH – EARLY 21ST CENTURIES*

V. P. Zinoviev

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: vpz@tsu.ru

Abstract

The article traces the dynamics of the number and location of Moldavians in Siberia since the end of the 19th century up to the present. The analysis is based on the USSR and Russian census data. The author identifies the main factors that influenced the Moldavian migration to Northern Asia and concludes that before the 1960s the Moldovans were mainly deported to Siberia as unreliable before the military actions in the summer of 1941, as dispossessed kulaks and Nazi collaborators in 1949 and 1951. The 1960–80s saw the oncoming flows of Moldovans returning from exile to their homeland and arriving in Siberia and the Far East to earn money. In the post-Soviet times, the main was labour migration to the oil fields in Tyumen region and mining enterprises of Eastern Siberia. The migration of Moldovans remaining in Northern Asia is subject to the usual patterns of the industrial society – the population shift from rural areas to urban and industrial zones, assimilation and acculturation.

Key words: Northern Asia, Siberia, the Far East, Moldavians, labour migration, special resettlement.

Межнациональные отношения на территории евразийского пространства (Российской империи, СССР, стран СНГ) представляют исторически единый процесс, менявший свою интенсивность и формы под влиянием внешних и внутренних факторов. Автор обратился к характеристике малой части этого процесса – участия молдаван в формировании населения Северной Азии, включающей историко-географические области Сибирь и Дальний Восток России, самую обширную и малонаселенную часть Евразии.

Этот сюжет, несмотря на многочисленные исследования по истории диаспор Сибири (Колоткин 1994; Очерки 2001; Вибе 2007; Нам 2009; Славянский мир 2009; Восток России 2011; Местные сообщества 2012; Нам, Наумова, Зиновьева 2017 и др.), так и не получил должного освещения в историографии.

* The results were obtained under the Ministry of Education and Science of Russia Government Contract, Project Nr. 33.1687.2017/4.6.

Конечно, молдавские историки не могли обойти стороной тему депортаций десятков тысяч человек из Молдавии в другие районы СССР, в т. ч. и в Сибирь, во время и после Второй мировой войны (Пасат 1998; Царанов 1998; Дигол 2004 и др.). О высылке 1949 г. упоминается в третьем томе «Истории Молдовы» (История Молдовы 2016: 468–472). Историки рассматривают послевоенные депортации как способ ускорения коллективизации и наказания коллаборационистов.

Российские историки, для которых депортация десятков тысяч репрессированных из Бессарабии и Молдовы в Сибирь – не великая проблема на фоне сталинских репрессий, все же не прошли мимо этой темы и упоминают о ссыльных молдаванах достаточно часто (Земсков 1990; Земсков 1991а; Земсков 1991b; Земсков 1994; Демешкин 1998; Земсков 2005; Гурьянов; Красильников, Санина 2009; Зиновьев, Уйманов 2018). Однако никто из историков пока не заинтересовался добровольными переселенцами в Сибирь из Молдавии, которых не меньше, чем ссыльных. Отдельные сообщения о них есть лишь в краеведческих публикациях и справочниках (Гончарова 2007; Климовская 2011).

Нет пока общего представления о динамике участия молдаван в формировании населения Северной Азии, их распределения по территории, нет анализа факторов, приведших жителей юго-западной части Российской империи (СССР) в негостеприимный северный край. Цель статьи – проследить динамику численности и размещения молдаван на территории Северной Азии.

Материалами для изучения этого процесса стали опубликованные результаты переписей населения Российской империи – 1897 г., СССР – 1926, 1937, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг., Российской Федерации – 2002, 2010 гг. Текущая демографическая статистика не фиксирует и не анализирует национального состава населения России, она лишь показывает миграционные потоки, выделяя гражданство мигрантов, но не их этническую принадлежность. По этой причине оценка современной ситуации предположительна.

Таблица 1

**Распределение молдаван и румын в Северной Азии
по данным переписи населения 1897 г.***

Территория	Мужчин	Женщин	Итого
Российская империя	575 518	546 151	1 121 669
Северная Азия	526	221	747
В городах	106	24	130
В уездах	420	197	517
о. Сахалин	100	7	107

Приморская область	39	17	56
Амурская область	4	3	7
Якутская область	10	1	11
Забайкальская область	33	8	41
Иркутская губерния	115	82	197
Енисейская губерния	46	8	54
Томская губерния	79	46	125
Тобольская губерния	56	18	74
Акмолинская область	44	31	75

* Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. II: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. С. 2–91.

Анализ данных переписи (табл. 1) показывает, что она зафиксировала очень немного молдаван и румын на территории Зауралья, всего лишь 747 чел. Преобладание мужчин (526 на 221 женщину) среди зарегистрированных носителей романских языков говорит о том, что они прибыли в Сибирь и на Дальний Восток, вероятнее всего, в качестве ссыльных и каторжных, рабочих-отходников. Более равномерное соотношение полов в молдавской диаспоре в Акмолинской области, Томской и Иркутской губерниях указывает на возможное добровольное переселение отдельных крестьянских семей. Однако можно с уверенностью утверждать, что до начала XX в. бессарабские «самоходы», т. е. самовольные переселенцы, были исключительной редкостью в Сибири и на Дальнем Востоке.

Переселение, организованное премьер-министром П.А. Столыпиным, также привлекло мало молдаван, несмотря на их малоземелье. Но небольшая их часть добралась до Тихого океана, оставив свой след в формировании населения Приморья, о чем свидетельствуют потомки молдавских переселенцев (Климовская 2011).

Итог переселенческого движения молдаван в Сибирь и на Дальний Восток зафиксировала перепись 1926 г. (табл. 2). Заметным их присутствие было в Дальневосточном (3 732 чел.) и Сибирском (1 807 чел.) краях. Всего в Северной Азии осело 5 611 молдаван. В городах их было зарегистрировано всего 345 чел., значит, переселялись крестьяне, которых тянула в Сибирь и на Дальний Восток власть земли. Мужчины среди молдавских переселенцев еще заметно преобладали.

Таблица 2

**Численность и размещение молдаван в Северной Азии
по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.***

Территория	Мужчин	Женщин	Итого	В т. ч. в городах
СССР	138 533	140 372	278 905	13 567
Украина	127 476	130 318	257 704	11 412
РСФСР	10 708	8 827	20 535	1 902
Северная Азия	2 999	2 612	5 611	345
В том числе Сибирский край	978	829	1 807	123
Бурят-Монгольская АССР	30	19	49	1
Дальневосточный край	1 971	1 761	3 732	219
Якутская АССР				
Уральская область (Тобольский, Тюменский, Курганский, Ишимский округа)	20	3	23	2

* Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. № 801–802. 11–24 февраля 2019. URL: www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26/php; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп Weekly. № 801–802. 11–24 февраля 2019. URL: www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26/php?

Численность и размещение молдаван в Сибири и на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны можно определить по переписи населения 1939 г. (табл. 3). Опубликованные краткие итоги переписи 1937 г. не дают данных о численности молдаван в регионах РСФСР вследствие ее незначительности (Всесоюзная перепись 1991: 85–96).

Таблица 3

**Численность и размещение молдаван в Северной Азии
по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.***

Территория	Количество, чел.
СССР	260 418
РСФСР	23 457
Украинская ССР	230 698
Алтайский край	211
Красноярский край	170
Приморский край	2 774
Хабаровский край	768

Иркутская область	196
Новосибирская область	474
Омская область	674
Читинская область	244
Бурят-Монгольская АССР	105
Якутская АССР	42
Северная Азия	5 658

* Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly. № 801–802. 11–24 февраля 2019. URL: www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39/php?reg; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР // Демоскоп Weekly. № 801–802. 11–24 февраля 2019. URL: www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39/php

Данные о численности и размещении молдаван на 1939 г. показывают, что этнос на территории СССР переживал нелегкие времена. Число молдаван в СССР сократилось с 1926 г. на 18,5 тыс. чел. Это количество приходится в основном на Украинскую ССР. В РСФСР число молдаван выросло на 3 тыс. В регионах Северной Азии, Урала, в Казахстане численность и характер размещения молдаван не изменились. Заметной для статистики ссылки сюда в 1930-х гг. не было, поэтому упоминания об этом в «Истории Молдовы» ошибочны (История Молдовы 2016: 141–143). Большая часть российских молдаван в 1939 г., как и в 1926 г., находилась в регионах Северного Кавказа – Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях.

Данные переписи 1937 г. совершенно расходятся со сведениями 1939 г. В СССР перепись 1937 г. учла 223 850 молдаван, т. е. на 36 тыс. меньше, чем в 1939 г., в т. ч. на Украине – 221 831, т. е. на 8 тыс. меньше (Всесоюзная перепись 1991: 83, 94). Таким образом, на остальные республики остается всего 2 тыс. чел., т. е. на 28 тыс. меньше, чем в 1939 г., что вызывает большие сомнения. Сталинская статистика вообще чрезвычайно запутана. Не подлежит сомнению одно: имели место большие потери населения СССР, в т. ч. молдаван, от голода и репрессий в 1930-е гг., однако репрессии не имели характера этнических чисток, как это иногда утверждают историки новых независимых республик.

Впервые население Бессарабии (Молдавской ССР, Черновицкой и Измаильской областей Украины) подверглось высылке в Сибирь накануне Великой Отечественной войны, в ночь с 12 на 13 июня 1941 г., в результате операции по депортации ненадежных социальных элементов. Главы семей (4 676 чел.) были отправлены четырьмя

эшелонами в лагеря Коми АССР Вятлаг, Ивдельлаг и Устьвымлаг, члены их семей – 12 577 чел. (11 284 по прибытии) – на спецпоселение в Казахстан, в Коми АССР – 352, в Красноярский край – 470, в Омскую область – 5 938 чел. (6 095 по прибытии), Новосибирскую область – 7 198 (5 787 по прибытии), всего 25 713 чел. (23 978 по прибытии) в 29 эшелонах. Итого выслано из Бессарабии, по подсчетам А.Э. Гурьянова, 30 387 чел. (29 839 по прибытии). Автор подсчетов значительное расхождение в цифрах относит на счет ошибок в документах репрессивных органов. Приведенная цифра в целом соответствует подсчетам молдавских историков (Пасат 1998). Таким образом, в Сибирь в 1941 г. попали 12,4 тыс. спецпоселенцев из Бессарабии. Не все они из Молдовы и не все молдаване, но в любом случае не менее 10 тыс. молдаван стали невольными жителями Сибири.

Следующая волна депортации в Сибирь обвиненных в коллаборационизме и политически ненадежных из Бессарабии последовала в 1948–1951 гг. В октябре 1948 г. были высланы в Томскую область из Измаильской области около тысячи крестьян-кулаков, обвиненных в бандитизме и пособничестве бандитизму (Сталинские депортации 2005). На спецпоселение из Молдавской ССР в Курганскую, Тюменскую, Иркутскую и Кемеровскую области, Алтайский и Хабаровский края и Бурят-Монгольскую АССР 6–7 июля 1949 г. были отправлены 35–36 тыс. чел., обвиненных в том, что они были бывшими торговцами, помещиками, фабрикантами, членами буржуазных правительств, политических партий, полицейскими и кулаками, сотрудничавшими с оккупантами, а также члены их семей (Земсков 1990: 12; Дигол 2004; Сталинские депортации 2005). В апреле 1951 г. в Томскую область из Молдавской ССР были высланы 3 тыс. иеговистов, операция носила название «Север» (Сталинские депортации 2005). В октябре 1951 г. была произведена депортация 35 тыс. кулаков из Прибалтики, Молдавии (9,7 тыс.), Западной Украины, Западной Белоруссии в Красноярский край, Якутскую АССР, Тюменскую область, Казахстан (Сталинские депортации 2005; Красильников, Сарнова 2009: 481). В итоге в Северной Азии оказались около 60 тыс. уроженцев Бессарабии.

Эти депортации иногда относят к этническим (Красильников, Сарнова 2009), но они, скорее всего, были классово-политическими, совмещавшими наказание за сотрудничество с гитлеровским режимом и слом сопротивления классового противника.

Таблица 4

**Распределение спецпоселенцев из Молдавии в местах ссылки
на 1 января 1953 г.***

Территория	Сосланные в 1941 г.	Сосланные в 1949 г.	Сосланные в 1951 г.	Иные категории
Казахская ССР	3 681	5		
Узбекская ССР		10		
Киргизская ССР		10		
Молотовская область		29		
Свердловская область	7			
Тюменская область	1 632			
Курганская область		13 447		
Алтайский край		4 662		
Красноярский край	12	4		
Кемеровская область	180	1 368		
Новосибирская область	476			
Иркутская область		3 397		
Омская область	488	30		
Томская область	3 317		3 118	
Бурят-Монгольская АССР		2 718		
Амурская область		989		
Хабаровский край		911		
Якутская АССР		2		
ИТЛ				7
Ссылнопоселенцев				610
Власовцев				404
Итого в Северной Азии	6 509	27 535	3 118	1021

* Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.

Из общего числа спецпоселенцев (2 753 356) выходцев из Молдавии было немного. В табл. 4 только в Сибири и на Дальнем Востоке указаны 38 183 чел. В целом на 1 января 1953 г. по СССР уроженцами Молдавии были 45 631 спецпоселенец (Земсков 1991б).

Большинство ссыльных из Молдавии недолго прожили в Северной Азии. Уже 17 сентября 1955 г. последовал указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» Он коснулся 4 тыс. ссыльных из Молдавии (Земсков 1991а: 15). В 1956 г. выезд из мест ссылки приобрел массовый характер.

На 1 января 1959 г. на спецучете стояли только 2 018 уроженцев Молдавии, в т. ч. числе 344 ссыльных 1949 г., 1 413 иеговистов, 172 ссыльных 1941 г. (Земсков 1991а: 23).

Конечно, бывшие спецпоселенцы не могли выехать из мест ссылки сразу же после освобождения, поэтому Всесоюзная перепись 1959 г. учла достаточно много молдаван в сибирских краях и областях (табл. 5).

Таблица 5

Численность и размещение молдаван в Северной Азии в 1959–1989 гг.*

Территория	Годы			
	1959	1970	1979	1989
СССР	2 214 139	2 697 994	2 968 224	3 352 352
РСФСР	62 298	87 538	102 137	172 671
Украинская ССР	241 650	265 902	293 576	324 525
Северная Азия, в т. ч.	19 831	16 328	21 599	58 197
Алтайский край	920	865	1183	2 049
Красноярский край	1 079	1 348	2 349	5 101
Приморский край	2 144	2 052	2 629	3756
Хабаровский край	659	682	1 504	3 999
Амурская область	504	393	1 086	2 318
Иркутская область	1 607	1 061	1 836	3 044
Камчатская область	167	246	570	1 324
Кемеровская область	2 434	1 580	1 961	2 268
Курганская область	2 350	1 190	1 046	1 126
Магаданская область	417	538	1 132	2 247
Новосибирская область	642	1 057	956	1 361
Омская область	844	927	1 163	1 645
Сахалинская область	699	656	791	1 456
Томская область	3 372	1 267	1 302	1 928
Тюменская область	1 662	1 280	3 585	17 718
Читинская область	388	461	787	2 271
Бурятская АССР	323	400	550	912
Якутская АССР	124	299	1095	3 674
Тувинская АССР	**	26	29	54

* Источник подсчета: Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. № 801–802. 11–24 февраля 2019. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php; Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. № 801–802. 11–24 февраля 2019. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php; Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. № 801–802. 11–24 февраля 2019. URL: www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php; Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. № 801–802. 11–24 февраля 2019. URL: www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php

** Показано в составе Красноярского края.

Анализ численности молдаван на территории Северной Азии демонстрирует снижение показателя с 1959 г. (19 831 чел.) до 1970 г. (16 328) и серьезный рост в дальнейшем до 21 599 чел. в 1979 г. и 58 197 в 1989 г. Молдаване ехали в Сибирь теперь уже добровольно – на стройки и эксплуатацию промышленных объектов, которые разворачивались по всей Сибири и Дальнему Востоку. Многие оставшиеся здесь на постоянное жительство после ссылки перебирались постепенно из сельской местности в города.

Таблица 6

Численность и размещение молдаван в Северной Азии в 2002–2010 гг.*

Территория	Год	
	2002	2010
Российская Федерация	172 330	156 400
Курганская область	1 064	815
Тюменская область	17 938	15 806
Республика Алтай	170	148
Республика Бурятия	431	307
Республика Тыва	44	25
Республика Хакасия	424	375
Алтайский край	1 573	1 211
Красноярский край	3 803	2 749
Иркутская область	2 064	1 465
Кемеровская область	1 491	1071
Новосибирская область	1 144	956
Омская область	1 473	1 223
Томская область	1 357	1 012
Читинская область (Забайкальский край)	827	613
Республика Саха (Якутия)	2 255	1 622
Приморский край	2 288	1 433
Хабаровский край	1 360	927
Амурская область	1 122	736
Камчатская область (край)	662	479
Магаданская область	479	367
Сахалинская область	751	581
Еврейская АО	672	447
Чукотский АО	133	91
Итого: Северная Азия	43 515	34 456

* Всероссийская перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России // Демоскоп Weekly. № 801–802. 11–24 февраля 2019. URL: www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=86; Всероссийская перепись населения 2010 года. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации // Демоскоп Weekly. № 801–802. 11–24 февраля 2019. URL: www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php

Тенденция роста численности молдаван в Северной Азии после распада СССР изменилась в сторону ее снижения (табл. 6). Деиндустриализация и депопуляция Крайнего Севера и Дальнего Востока (Зиновьев 2016) сказались и на судьбе представителей молдавского этноса. Численность молдаван в Северной Азии снизилась с 58,2 тыс. чел. в 1989 г. до 34,5 тыс. чел. в 2010 г. Большая часть молдаван в 2010 г. жила в городах – 78,4 %. Молдаван Северной Азии начала XXI в. следует отнести к постоянному населению. Они в большинстве своем – потомки переселенцев и ссыльных первой половины XX в. или индустриальные мигранты советских времен, в отличие от молдаван, приезжающих на заработки в московский и другие регионы Европейской России в постсоветские времена. Вклад молдаван в аграрное и индустриальное освоение Северной Азии, формирование ее многонационального населения заметен, особенно в новых индустриальных районах Сибири – нефтепромыслах тюменского Севера, добычи алмазов в Якутии, полиметаллов в Красноярском крае.

ЛИТЕРАТУРА

Вибе 2007 – *Вибе П.П.* Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск: Издательство ОмГПУ, 2007. 368 с.

Восток России 2011 – Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / Под. ред. В.И. Дятлова. Иркутск: Оттиск, 2011. 624 с.

Всесоюзная перепись 1991 – Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991. 238 с.

Гончарова 2007 – *Гончарова Т.А.* Молдаване // Томская область: народы, культуры, конфессии. Энциклопедия. Томск: Издательство Томского университета / Отв. ред. О.М. Рындина. 2007. С. 138–139.

Гурьянов – *Гурьянов А.Э.* Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае–июне 1941 г. URL: http://old.memo.ru/history/POLAcy/G_2.htm (дата обращения: 27.02.2019).

Демешкин 1998 – *Демешкин В.А.* Советская ссылка в Нарымском крае (1920-е – середина 1950-х гг. // Нарымский край – мое отечество: материалы зональной научно-практической конференции. Колпашево, 27 июня 1997 г. Томск, 1998. С. 40–46.

Дигол 2004 – *Дигол С.* Операция «Юг» 1949 года в левобережной Молдавии: забытый фрагмент «реабилитированной» памяти // *AbImperio*. 2004. № 2. С. 269–296.

Земсков 1990 – *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы (по документации НКВД–МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17.

Земсков 1991a – *Земсков В.Н.* Массовое освобождение из спецпоселения и ссылки в 1954–1960 гг. // Социологические исследования. 1991a. № 1. С. 5–26.

Земсков 1991b – *Земсков В.Н.* Заключение, спецпоселенцы, ссыльно-поселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991b. № 5. С. 151–165.

Земсков 1994 – *Земсков В.Н.* Судьба «кулацкой ссылки», 1930–1954 гг. // Отечественная история. 1994. № 1. С. 118–147.

Зиновьев 2016 – *Зиновьев В.П.* Этапы хозяйственного освоения Северной Азии. Демографический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 53. С. 111–114. DOI: 10.17223/15617793/413/17

Зиновьев, Уйманов 2018 – *Зиновьев В.П., Уйманов В.Н.* Долгое эхо гражданской войны: уроженцы западных губерний России и Карпатской Руси в жерновах репрессий на территории Томской области // Русин. 2018. № 53. С. 210–222. DOI: 10.17223/18572685/53/12

История Молдовы 2016 – История Молдовы. Т. III: Молдавия в новейшее время (1917 – начало XXI века) / Координатор проекта С.М. Назария. Кишинев: Tipografia Centrala, 2016. 747 с.

Климовская 2011 – *Климовская (Гнездилова) Э.С.* Зембрены. История села, семья Акима Гаджеу / Общество изучения Амурского края. 2011. URL: oiaak.pf/zembreny-istoriya-sela-semya-akima-gadzheu (дата обращения: 26.02.2018).

Колоткин 1994 – *Колоткин М.Н.* Балтийская диаспора Сибири: опыт исторического анализа 20–30-х гг. Новосибирск: Сибирская государственная геодезическая академия, 1994. 164 с.

Красильников, Сарнова 2009 – *Красильников С.А., Сарнова В.В.* Депортация // Историческая энциклопедия Сибири. Т. I: А–И. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. С. 478–485.

Местные сообщества 2012 – Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / Под ред. В.И. Дятлова. Иркутск: Оттиск, 2012. 463 с.

Нам 2009 – *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.

Нам, Наумова, Зиновьева 2017 – Нам И.В., Наумова Н.И., Зиновьева В.И. Карпаторусский совет и формирование воинских подразделений карпаторусов в Сибири в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) // Русин. 2017. № 49. С. 85–100. DOI: 10.17223/18572685/49/6

Очерки 2001 – Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. 240 с.

Пасат 1998 – *Пасат В.И.* Суровая правда истории: Депортации с территории Молдавской ССР 40–50 гг. Кишинэу: Моментул, 1998. 800 с.

Славянский мир 2009 – «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 218 с.

Сталинские депортации 2005 – Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Н.П. Поболь, П.М. Полян. М.: МФД: Материк, 2005. С. 789–798.

Царанов 1998 – Царанов В.И. Операция «Юг». О судьбе зажиточного крестьянства Молдавии. Кишинев, 1998.

REFERENCES

Vibe, P.P. (2007) *Nemetskie kolonii v Sibiri: sotsial'no-ekonomicheskii aspekt* [German colonies in Siberia: socio-economic aspect]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.

Dyatlov, V.I. (ed.) (2011) *Vostok Rossii: migratsii i diasporv v pereselencheskom obshchestve. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [East Russia: migration and diaspora in the resettlement society. The turn of the 19th–20th and 20th–21st centuries]. Irkutsk: Ottisk.

Polyakov, Yu.A. (ed.) (1991) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g. Kratkie itogi* [All-Union census of the population of 1937. Summary]. Moscow: [s.n.].

Goncharova, T.A. (2007) Moldavane [Moldovans]. In: Ryndina, O.M. (ed.) *Tomskaya oblast': narody, kul'tury, konfessii. Entsiklopediya* [Tomsk Region: Peoples, Cultures, Confessions. Encyclopedia]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 138–139.

Guryanov, A.E. (n.d.) *Masshtaby deportatsii naseleniya vglub' SSSR v mae-iyune 1941 g.* [The extent of deportation in the Soviet Union in May – June 1941]. [Online] Available from: http://old.memo.ru/history/POLAcy/G_2.htm (Accessed: 27th February 2019).

Demeshkin, V.A. (1998) [Soviet exile in Narym (the 1920s – mid 1950s)]. *Narymskiy kray – moe otechestvo* [Narym region is my Fatherland]. Proc. of the Conference. Kolpashevo. June 27, 1997. Tomsk. pp. 40–46. (In Russian).

Digol, S. (2004) The 1949 Operation “South” in the Left-Bank Moldavia: A Forgotten Fragment of “Rehabilitated” Memory. *AbImperio*. 2. pp. 269–296. (In Russian).

Zemskov, V.N. (1990) Spetsposelentsy (po dokumentatsii NKVD-MVD SSSR) [Special settlers (according to the documentation of NKVD – MVD of the USSR)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 3–17.

Zemskov, V.N. (1991a) Massovoe osvobozhdenie iz spetsposeleniya i ssylki v 1954–1960 gg. [Massive release from special settlements and exiles in 1954–1960]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 5–26.

Zemskov, V.N. (1991b) Zaklyuchennyye, spetsposelentsy, ssyl'noposelentsy, ssyl'nye i vyslannyye (Statistiko-geograficheskii aspekt) [Prisoners, special settlers, exiles and expellees (the statistical and geographical aspect)]. *Istoriya SSSR*. 5. pp. 151–165.

Zemskov, V.N. (1994) Sud'ba “kulatskoy ssylki”, 1930–1954 gg. [The fate of “kulak exile”, 1930 – 1954]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 118–147.

Zinovyev, V.P. (2016) Stages of economic development in North Asia. The demographic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 111–114 (in Russian). DOI: 10.17223/15617793/413/17

Zinovyev, V.P. & Uimanov, V.N. (2018) The long echo of the Civil War: Natives of the Carpathian-Dniester lands under the millstones of repressions in Tomsk region. *Rusin*. 3(53). pp. 210–222. DOI: 10.17223/18572685/53/12

Nazaria, S.M. (2016) (ed.) *Istoriya Moldovy* [History of Moldova]. Vol. 3. Chişinău: Tipografia Centrala.

Klimovskaya (Gnezdilova), Z.S. (2011) *Zembreny. Istoriya sela, sem'ya Akima Gadzheu* [Zembrena. The history of the village, Akim Gadzheu's family]. [Online] Available from: oiaк.рф/zembreny-istoriya-sela-semya-akima-gadzheu (Accessed: 26th February 2018)

Kolotkin, M.N. (1994) *Baltiyskaya diaspora Sibiri: opyt istoricheskogo analiza 20–30-kh gg.* [The Baltic Diaspora of Siberia: A historical analysis of the 1920–30s] Novosibirsk: Sibirskaya gosudarstvennaya geodezicheskaya akademiya.

Krasilnikov, S.A. & Sarnova, V.V. (2009) *Deportatsiya* [Deportation]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 1. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri. pp. 478–485.

Dyatlov, V.I. (ed.) (2012) *Mestnye soobshchestva, mestnaya vlast' i migranty v Sibiri na rubezhakh XIX–XX i XX–XXI vekov* [Local communities, local authorities and migrants in Siberia at the turn of the 19th–20th and 20th–21st centuries]. Irkutsk: Ottisk.

Nam, I.V. (2009) *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskoy perelome (1917–1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the Far East at a historic turning point (1917–1922)]. Tomsk: Tomsk State University.

Nam, I.V., Naumova, N.I. & Zinovyeva, V.I. (2017) The Carpatho-Russian Council and the Formation of the Carpatho-Russian Military Units in Siberia during the Civil War. *Rusin*. 3(49). pp. 85–100 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/49/6

Kostyuk, M.P. & Lamin, V.A. (eds) (2001) *Ocherki istorii belorusov v Sibiri v XIX–XX vv.* [Essays on the history of Belarusians in Siberia in the 19th – 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

Pasat, V.I. (1998) *Surovaya pravda istorii: Deportatsii s territorii Moldavskoy SSR 40–50 gg.* [The harsh truth of history: Deportations from the territory of the Moldavian SSR in the 1940–50s]. Chişinău: Momentul.

Bakhtina, O.N., Syrov, V.N. & Dutchak, E.E. (eds) (2009) *“Slavyanskiy mir” Sibiri: novye podkhody v izuchenii protsessov osvoeniya Severnoy Azii* [The “Slavic world” of Siberia: new approaches to the study of the developmental processes of Northern Asia]. Tomsk: Tomsk State University.

Yakovlev, A.N. (ed.) (2005) *Stalinskie deportatsii. 1928–1953* [The Stalinist deportations. 1928–1953]. Moscow: MFD: Materik. pp. 789–798.

Tsaranov, V.I. (1998) *Operatsiya “Yug”. O sud'be zashchitnogo krest'yanstva Moldavii* [“Operation South”. The fate of the wealthy Moldavian peasantry]. Chişinău: [s.n.].

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета (Россия).

Vasily P. Zinoyev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

УДК 94(47)"1918"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/4

МОНАРХИСТЫ ИЗ ГАЗЕТЫ «РЕСПУБЛИКАНЕЦ»: МОНАРХИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУМЫНСКОГО ФРОНТА И БРИГАДА М.Г. ДРОЗДОВСКОГО В 1918 г.

А.А. Чемакин

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Авторское резюме

Первая отдельная бригада русских добровольцев, возглавлявшаяся полковником М.Г. Дроздовским и позднее преобразованная в Дроздовский полк, – одно из самых известных и популярных белых подразделений времен гражданской войны. О монархических взглядах Дроздовского и о существовании тайного монархического общества в его бригаде было известно и ранее, но эти данные носили неполный и отрывочный характер. Обнаруженные нами документы Монархической организации Румынского фронта, хранящиеся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины и ранее не введенные в научный оборот, позволяют реконструировать историю ее возникновения, идеологию и связи с бригадой Дроздовского. Тайная организация в среде русских офицеров Румынского фронта возникла в городе Яссы в конце 1917 г. Первоначальная ее цель – объединение офицерства и предотвращение окончательного разложения фронта, поэтому среди членов этого общества были как монархисты, так и республиканцы. Более того, монархисты боялись заявлять о своих взглядах, и каждый из них думал, что все остальные члены организации – республиканцы. Именно поэтому сложилась парадоксальная ситуация: структура, значительную часть которой составляли монархисты, издавала газету «Республиканец». Лишь в начале 1918 г. монархисты смогли объясниться между собой, после чего началось создание уже непосредственно монархической организации. В конце зимы 1918 г. она разделилась на две части. Первая, возглавлявшаяся М.Г. Дроздовским и Д.Б. Бологовским, ушла на Дон, вторая же, во главе с Н.С. Позняковым, осталась в Румынии и начала налаживать контакты с немецким командованием. К лету 1918 г. Позняков и его сторонники перебрались

из Румынии в Киев и приняли активное участие в создании поддерживавшейся немцами монархической Астраханской армии. Монархическая организация прекратила свое существование на рубеже 1918–1919 гг., после смерти Дроздовского и взятия Киева петлюровцами.

Ключевые слова: Румынский фронт, монархисты, Монархическая организация Румынского фронта, гражданская война, Яссы, М.Г. Дроздовский, Н.С. Позняков, Д.Б. Бологовский.

MONARCHISTS FROM THE NEWSPAPER “RESPUBLIKANETS”: THE MONARCHIST ORGANISATION OF THE ROMANIAN FRONT AND M.G. DROZDOVSKY’S BRIGADE IN 1918

A.A. Chemakin

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Abstract

The first separate brigade of Russian volunteers headed by Colonel M.G. Drozdovsky, later reformed into the Drozdovsky Regiment, was one of the best-known and popular White divisions of the Civil War. Drozdovsky’s monarchist views and a secret monarchist organisation in his brigade have already been discussed; however, this information was incomplete and fragmentary. The documents related to the Monarchist organization in the Romanian front we found in The Central State Archive of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine have never been introduced into scientific discourse before. They allow reconstructing the formation and ideology of this organisation as well as its ties with the Drozdovsky Brigade. A secret organisation among Russian officers of the Romanian front arose in the city of Iași in the late 1917. As its initial goal was to unite the officers and prevent the final decay of the front, it united both monarchists and republicans. Moreover, the monarchists avoided declaring their views, thinking of other members of the organisation as Republicans. It resulted in a paradox: the structure, formed mainly of monarchists, published the Republican newspaper “Respublikanets”. Only in the early 1918 were the monarchists able to communicate among themselves to form an exclusively monarchist organisation. At the end of the winter of 1918, the organisation split into two parts. The first, headed by M.G. Drozdovsky and D.B. Bologovsky, went to the Don, while the other, headed by N.S. Poznyakov, remained in Romania and

began to forge relationships with the German Command. By the summer of 1918, Poznyakov and his adherents moved from Romania to Kiev and actively participated in the formation of the monarchist Astrakhan army supported by the Germans. The Monarchist organisation disbanded at the turn of 1918–1919, when Drosdovsky died and Kiev was taken by Petliura.

Keywords: Romanian Front, monarchists, Monarchist organisation of the Romanian front, Civil War, Iași, M.G. Drozdovsky, N.S. Poznyakov, D.B. Bologovsky.

Первая отдельная бригада русских добровольцев полковника М.Г. Дроздовского, позднее преобразованная в Дроздовский полк, – одно из самых известных подразделений времен гражданской войны. Слухи о том, что отряд Дроздовского был по своей идеологии монархическим, появились уже во время похода Яссы – Дон. Так, например, газета «Киевская мысль» 8 (21) марта 1918 г. опубликовала заметку «Выступление монархистов», написанную ее собственным корреспондентом в Одессе: «В Дубоссары через Бессарабию прибыл из Румынии отряд в 500 чел[овек] каких-то офицеров и солдат с ружьями и пулеметами. Окружив город, отряд никого не впускает и не выпускает. Отряд разогнал комитеты, и от имени "его императорского величества" опубликовали приказ о мобилизации всего мужского населения для борьбы с немцами и большевиками и воссоздания единой России с императором во главе. Собираясь на улицах, эта банда поет монархический гимн. <...> По дополнительным сведениям, монархический военный отряд, прибывший в Дубоссары, возрос до тысячи человек. Город объявлен военным штабом отряда. Поднят трехцветный флаг. Пригласив начальника еврейской дружины Курляндского, его избили, заявив, что они не признают еврейских офицеров» (Выступление монархистов 1918: 3). Конечно, заметка написана на основании слухов, порой абсурдных, но это как раз тот случай, когда нет дыма без огня. И действительно, отряд Дроздовского был одним из немногих белых подразделений, среди чинов которых однозначно доминировали люди монархических взглядов. О монархических воззрениях Дроздовского и о существовании тайной монархической организации в его бригаде было известно и ранее (Дроздовский и дроздовцы 2006: 42, 51–52, 102–103), но эти данные носили неполный и отрывочный характер.

Основные источники по истории Монархической организации Румынского фронта – это воспоминания ротмистра Дмитрия Борисовича Бологовского (1894 – не ранее 1939), хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации и ранее неоднократно

цитировавшиеся историками, и внутренняя документация самой этой организации, отложившаяся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины и в научный оборот так до сих пор и не введенная. Последнему способствовало то, что фонд, в котором хранится эта документация, был неверно атрибутирован – он обозначен как «Блок монархічних організацій України, м. Яси (Румунія), м. Київ». В действительности это фонд Монархической организации Румынского фронта и ее лидера Николая Сергеевича Позняка (1893 – не ранее 1969). Опираясь на мемуары Бологовского и документы из фонда Позняка, а также на ряд других источников, мы постараемся реконструировать историю возникновения Монархической организации Румынского фронта, ее идеологию и связи с отрядом Дроздовского.

В официальной истории организации, подготовленной для немецкого командования и переданной ему весной 1918 г. в Галаце (автором текста, вероятно, был сам Позняков), утверждалось, что «русская монархическая партия» с центром в Яссах образовалась осенью 1917 г.: «Настоящая партия поставила себе целью объединение русского офицерства и создание хотя бы ядра будущей военной силы, которая внесла бы порядок и законность в России и восстановила бы на престоле законного монарха, наследника цесаревича Алексея Николаевича». Первоначально организация считала себя связанной договорами, заключенными прежним правительством, и поэтому она обратилась за помощью к союзникам. При их материальной поддержке была образована Первая отдельная добровольческая бригада, но из-за того, что «собственными средствами не представлялось возмож-

ным оборудовать бригаду с технической стороны», дело ее формирования пришлось передать в руки штаба Румынского фронта (ЦГАВО 1: 1).

Дроздовец В.Г. Харжевский также относил появление общества к концу 1917 г.: «Уже в конце ноября в Яссах по-

Дом № 24 на улице Николае Бэлческу (ранее – Музелор) в Яссах.

Н.С. Позняков. Июнь 1912 г.
(ЦГА Москвы. Ф. 418.
Оп. 326. Д. 1531. Л. 2).

явилась организация с монархическим оттенком, которая отдавала себе отчет в том, что первой задачей является свержение еще не окрепшей советской власти». Сперва эта организация, по словам Харжевского, работала почти конспиративно, ибо при явной работе были бы неизбежны предупредительные меры со стороны представителей Украины при штабах. В ней группировались преимущественно офицеры 3-го Сибирского горного артиллерийского дивизиона во главе с Бологовским, а «штаб» ее помещался на улице Музелор, д. 24. Поддержку оказывали некоторые офицеры штаба фронта, в частности Генерального штаба полковник Палицын и Генерального штаба капитан Федоров (ГАРФ 3: 14–14 об.).

Капитан (позднее – ротмистр) Д.Б. Бологовский рассказывает историю возникновения организации немного иначе. Во второй половине ноября 1917 г., когда боевые действия прекратились, а фронт де-факто развалился, он приехал в Яссы. Однажды к нему на улице подошел неизвестный офицер и пригласил зайти по указанному адресу, где Бологовскому объяснят, что делать в сложившейся ситуации; для попадания в квартиру нужно будет назвать пароль: «Россия». Бологовский так и поступил. Его встретил некто, одетый в плащ с капюшоном и обмотанный шарфом, и рассказал, что существует тайное общество, располагающее неограниченными кадрами и материальными средствами. Цель организации, во главе которой стоит неизвестный рядовым членам Верховный совет, – борьба с большевиками. За поступки, не согласующиеся с правилами этого общества, полагается смертная казнь. Бологовскому было предложено вступить в ряды организации. Он согласился, подписав бумагу. После этого выяснилось, что, несмотря на театральность и таинственность церемонии вступления, вся организация к тому моменту состояла из пяти членов Верховного совета (В.Д. Янчевецкий, впоследствии ставший известным писателем, творившим под псевдонимом Василий Ян, полковник Б.А. Палицын, капитан Д.В. Сахаров, Н.С. Позняков, подпоручик П.П. Ступин), «неограниченные кадры» олицетворял один Бологовский, только что вступивший и вскоре также ставший членом совета, а «неограниченные средства» состояли из 20 тыс.

румунских леев, выданных французами (которые, кстати, за это потребовали обозначения в уставе организации борьбы не только с большевиками, но и с немцами). Первоначально работа не шла, потенциальных членов пугали маскарадные приемы организаторов, между которыми шла борьба за лидерство. Все изменилось 12 декабря, когда в организацию вступил полковник М.Г. Дроздовский, вскоре ставший ее руководителем. Дроздовскому удалось создать и легализовать Первую бригаду русских добровольцев, а также открыть бюро для записи в специально для этой цели снятом доме по адресу Музелор, д. 24 (ныне это улица Николае Бэлческу) (ГАРФ 2: 4–10). Бологовский с согласия Дроздовского создал «команду разведчиков особого назначения», начавшую террор против большевиков. Так, например, «разведчиками» Бологовского был убит комиссар С.Г. Рошаль (ГАРФ 2: 15–21).

Несмотря на то, что тайная организация к началу 1918 г. представляла из себя уже заметную силу, никакой речи о монархии первоначально не шло. Впрочем, нельзя исключать, что Н.С. Позняков, идеолог организации и вообще один из немногих политически подкованных членов Верховного совета, задумывался о провозглашении монархических лозунгов еще в 1917 г. Бывший студент историко-филологического отделения Московского университета, поэт и переводчик, в 1917 г. он был заведующим поездом-складом Российского Красного Креста (ЦГАМ: 8 об., 13, 13 об., 19–22). По словам Бологовского, Позняков, «земгусар, бывший лицеист, с добрыми ужасно близорукими глазами, был не способен ни к какой активной деятельности, но обладал сильным и ясным умом кабинетного ученого и ненавидел глубокой продуманной ненавистью революцию, евреев и все, что с ними связано» (ГАРФ 2: 8).

Вскоре после своего создания организация начала издание печатного органа – газеты «Республиканец». Многим свидетелям событий запомнилось, что газета эта была монархической, но это, вероятно, просто аберрация памяти. «На улице Музилер (Музелор. – А.Ч.) № 24 помещалось бюро таинственного Московского центра, где принималась запись и издавалась газета "Республиканец", явно монархического направления», – вспоминал дроздовец В.М. Кравченко (Кравченко 1973: 18). Другой дроздовец, В.Г. Харжевский, также вспоминал, что организация Бологовского «приступила к изданию газеты ярко антибольшевицкого и монархического направления под заглавием... "Республиканец"» (ГАРФ 3: 15 об.). Газета начала выходить 12 декабря 1917 г. Редактором «Республиканца» был Н.В. Карабанов, издателем – член тайной организации В.Г. Янчевецкий. «"Республиканец" появился в Яссах тогда, когда особенно насущно

чувствуется потребность в газете. Громадный русский гарнизон румынской столицы не имеет никаких сведений ни о русской, ни о мировой жизни», – говорилось в одной из статей (Встречи 1917: 2).

Изученные нами номера газеты не дают никаких оснований согласиться с утверждениями Кравченко и Харжевского. Передовица первого номера «Республиканца» была выдержана в абсолютно «февралистском» духе, в ней выражалась надежда, что новые основные законы и будущая Конституция «свяжут всех русских республиканцев в одну семью, с братскими отношениями одного народа к другому», и подвергались критике люди, «которые вздыхают по старому строю и сами ни на что не способны» (Передовая 1917a: 1). В новогоднем номере предсказывалось, что «на месте старого строя создадутся новые свободные государства, которые заживут такой же культурной жизнью, какой живут великие демократические республики. Мы в это верим и потому спокойно смотрим на предсмертные кривляния и выкрики большевиков и их сторонников, которые будут сметены верными и твердыми русскими республиканцами» (Передовая 1918: 1). «Республиканец» выражал сожаление, что, в то время как народности России – Польша, Литва, Украина, казачество и другие – встали на защиту государства от внутренней измены и разрухи, великороссы молчат, и задавался вопросом: «Где же вы – строители земли русской?» (Передовая 1917b: 1). Лишь в начале 1918 г. в «Республиканце» стала появляться информация о Добровольческой армии (Добровольческая армия 1918: 2), а затем было напечатано и объявление о формировании 1-й Отдельной русской бригады добровольцев, для вступления в которую надо было обращаться на улицу Музелор, д. 24 (1-я бригада 1918: 1). Сама же редакция «Республиканца» распо-

полагалась по другому адресу, на ул. Куза-Водэ, д. 50, причем она давала справки по поступлению во все имеющиеся добровольческие части (Запись 1918: 1).

В.Г. Янчевецкий вспоминал год спустя: «“Республиканец”, издававшийся на Румынском фронте, боролся всеми силами против немецкой пропаганды, стараясь удержать русских солдат

Республиканец. 1918. 31 января. № 26. С. 1.

на своем посту, защищая в то же время идеи воинской дисциплины, уважения и подчинения солдат офицерам. Солдаты тогда нам не хотели верить, развращенные агитаторами и немецкой пропагандой, они присылали редакции "Республиканца" смертные приговоры, разгромили киоски в Галаце, Бакэу, где продавался "Республиканец", заявляя, что мы контрреволюционеры, реакционеры и т. д.» (В.Я. 1918: 1).

Таким образом, хотя многие солдаты считали газету контрреволюционной, никакого монархического уклона в «Республиканце» не было. Причин этому может быть несколько. Издатель газеты Янчевецкий, по описанию Бологовского, был «интернациональным революционером, революционером во что бы то ни стало», который, после того как революция стала фактом, «записался в кадры контрреволюции» (ГАРФ 2: 7–8). Показательно и то, что Янчевецкий, покинув Румынский фронт и обосновавшись в Челябинске осенью 1918 г., возобновил издание «Республиканца». До конца не ясно, был ли Янчевецкий связан с организацией после того, как она перешла на монархические позиции, или нет. По всей видимости, все же нет, по крайней мере, весной 1918 г. он покинул Яссы отдельно от дроздовцев (Просветов 2017: 119–120). Во-вторых, очевидно, что организация, взяв деньги у французов, первоначально была вынуждена следовать в русле их политики и изображать «демократичность» и приверженность республиканским ценностям. Третья – и, видимо, основная – причина заключалась в том, что, хотя большинство членов организации были монархистами, они просто-напросто боялись друг другу в этом признаться.

Переход организации на монархические рельсы произошел в конце января или в феврале 1918 г. Бологовский вспоминал, что как-то вечером, незадолго до выступления из Румынии, после заседания Верховного совета организации, на котором присутствовали он, Палицын, Дроздовский и Позняков, заговорили о политических убеждениях, партиях и программах.

«– Я сейчас, конечно, стою за республику, но, собственно, по-моему, я убежден, что единственная желательная для России форма правления – это монархия, – сказал Дроздовский. Все с удивлением посмотрели на него, но тут же подтвердили дружным хором:

– Конечно, безусловно!

– Я повторяю, что я сейчас стою за республику, но, как хотите, а в душе я все-таки, пожалуй, монархист, – продолжал Дроздовский.

– И я! – сказали мы, трое остальных, одновременно.

Дроздовский смотрел на нас с не меньшим удивлением, чем мы на него. В конце концов, через 10 минут было выяснено, что все мы – монархисты. Это открытие было крайне неожиданно для каждого из

нас. И действительно, все мы четверо принадлежали к числу членов органа, управлявшего известной организацией. Эта организация основана, построена и держится на лозунгах и основах чисто республиканских: защита завоеваний революции, созыв Учредительного собрания (которое а priori предполагалось республиканским) и прочее; мы издаем газету "Республиканец"; наши прокламации и воззвания зовут в наши ряды на защиту республики. И вдруг мы, так сказать, жрецы всего этого республиканства, оказались... монархисты. Невольно являлась мысль, а что если и все кадры нашего отряда состоят из таких же республиканцев, как и мы сами» (ГАРФ 2: 85).

Дроздовский предложил Бологовскому в частном порядке переговорить с несколькими офицерами отряда. Бологовский поговорил с 12 или 15 офицерами, и оказалось, что среди них не было ни одного республиканца – все монархисты. После доклада об этом Дроздовскому было решено произвести подсчет единомышленников и «создать внутри нашего отряда самостоятельную, независимую политическую организацию, имеющую целью организовать в одно стройное целое всех монархистов нашего отряда». После этого в каждой роте, эскадроне и батарее отряда были определены агенты-резиденты, которые дальнейшую работу в своем подразделении вели самостоятельно. Был выработан знак члена тайной монархической организации. По словам Бологовского, он «представлял из себя обыкновенного мужского формата визитную карточку. Одна сторона ее была чистая, а на другой стороне она делилась вдоль пополам толстой черной чертой; перпендикулярно продольной черте шли одна, две или три поперечные черты соответственно трем степеням, на которые разделялись члены организации. Карточек третьей, высшей степени, с тремя поперечными полосами было только две: у Дроздовского и у меня. Человек 12 – из крупных чинов отряда – имели карточки с двумя чертами, а остальные – с одной». Такие карточки были, по его словам, примерно у 90 % личного состава отряда (ГАРФ 2: 85).

Сведения Бологовского о карточках подтверждаются и другими источниками. Так, например, дроздовец С.И. Мамонтов вспоминал, что в сентябре 1918 г. участник похода Яссы – Дон капитан Н.-Ж.-Л.Ф. Мей выронил из бумажника картонку, разрисованную как погон:

«– Что это такое? – спросил я (Мамонтов. – А.Ч.).

– Это членский знак монархической организации. Лычки-попечерчины обозначают чин. Чем больше лычек, тем выше чин, и члены обязаны ему повиноваться.

– Существует еще эта организация?

– Не знаю. Это было в Румынии. С тех пор ничего не слышал о ней» (Мамонтов 1981: 85–86).

Как было показано выше, В.М. Кравченко упоминал о «бюро таинственного Московского центра», располагавшемся на Музелор, 24. Что это за «Московский центр»? В фонде Познякова сохранилось несколько экземпляров программы «Московского блока». В программе утверждалось, что «воссоздание России из состояния разложения и распада возможно лишь на основах национальных, религиозных и общественных основах, замененных в течение революции под влиянием руководящих народными массами социалистических партий интересами классов и партий и идеями интернационализма». Программа предполагала создание режима военной диктатуры, а затем переход к конституционной монархии, сочетающейся со вполне демократическими принципами (правда, все это было выражено в достаточно обтекаемых формулировках) (ЦГАВО 1: 20–20 об.).

В мае 1918 г. в Харькове распространялись машинописные копии программы «Московского блока», правда, озаглавленные немного иначе: «Блоковое соглашение, заключенное в Москве между следующими партиями, группами и учреждениями: Центральный комитет кадетской партии, Церковный собор, Торгово-промышленная группа, Комитет общественных деятелей и Союз земельных собственников». Газета «Возрождение», перепечатавшая соглашение об организации «черно-белого блока», отмечала возможную апокрифичность этого «документа» (Единый правый фронт 1918: 2). Позднее появилась информация, что «документ этот был выработан в Москве, в так наз[ываемом] "Правом центре", куда входят и представители кадет, однако санкции ЦК и партийной конференции он не получил, а кадетские представители скоро после этого были из Правого центра отозваны» (Кадеты и ориентация 1918: 1).

Согласно «официальной» истории организации, написанной Позняковым, она действительно поддерживала связи с монархическими организациями Москвы и Петрограда (ЦГАВО 1: 4). Возможно, среди них были какие-то структуры, позднее связанные с Правым центром. Правда, согласно свидетельству князя Г.Н. Трубецкого, общавшегося с Позняковым и его группой летом 1918 г. в Киеве, хотя программа Правого центра у них была (и они с ней в целом были согласны, сомнения вызывал только пункт об ответственности исполнительной власти перед палатами), непосредственного контакта с этим центром у монархистов Румынского фронта не имелось (Трубецкой 1981: 108). И тем более вряд ли такой контакт был в начале 1918 г., когда формировалась бригада Дроздовского. Таким образом, скорее всего, «Московский центр» – это просто вывеска, под которой действовала тайная организация в Яссах. Вполне возможно, таким названием организация хотела повысить свою значимость, пред-

ставляя себя отделением какой-то могущественной структуры с центром в Москве.

После того как бригада 26 февраля (11 марта) 1918 г. ушла на Дон, тайная организация разделилась. Большая часть ее членов отправилась в поход с Дроздовским, меньшинство осталось в Румынии. Первое заседание переформатированной Монархической организации Румынского фронта состоялось 1 марта 1918 г. в Яссах. На нем присутствовали пять представителей: Н.С. Позняков, В.В. Сахаров, Б.В. Потоцкий, Ю.Г. Петров и Г.А. Глазенап. Позняков ознакомил присутствовавших с письмом, адресованным германскому командованию, и рассказал о последовавшем устном ответе командующего германским экспедиционным корпусом в Галаце. После обмена мнениями было решено создать на доживающем последние дни Румфронте «стройную систему монархической организации», во главе которой встанет совет из пяти членов, присутствовавших на собрании. Председателем совета был избран Позняков, а секретарем – Петров (ЦГАВО 2: 1).

Переход на прогерманские позиции объяснялся тем, что союзники подали руку большевикам, а связь с единомышленными организациями Петрограда и Москвы стала технически невозможной: «В этих обстоятельствах Германия показала нам единственной реальной силой, которая могла бы поддержать нашу программу...» (ЦГАВО 1: 1).

До сведения немцев доводилось, что Монархическая организация Румынского фронта располагает:

- «1) хорошо разветвленной агентурой среди русских в Румынии;
- 2) приблизительно 70 % личного состава Первой отдельной добровольческой бригады,двигающейся в настоящее время в Россию (как видим, эти данные не очень сильно отличаются от сведений, приводимых Бологовским. – А. Ч.);
- 3) газетой для пропаганды среди русских, оставшихся в Румынии, под названием "Республиканец", которая издается в Яссах. Газета эта, созданная союзниками, со времени постановления совета отказаться от помощи союзников постепенно изменяет свое направление и на днях выйдет под названием "Родина", чтобы открыто проповедовать исповедуемые нами идеи;
- 4) организация имеет возможность войти в связь с монархическими организациями Москвы и Петрограда (последнее известие из Петрограда было получено в декабре 1917 г.)» (ЦГАВО 1: 4).

Немцев убеждали в том, что интересы «партии» сходятся с их интересами, т. к. как она задалась целью создать из оставшихся частей России правовое государство под скипетром Алексея Николаевича, причем «на Польшу, Украину и Литву партия смотрит как на самостоятельные единицы и считает совершенно необоснованными всякие

по отношению к ним враждебные действия». В случае если немецкое командование сочтет возможным оказать партии поддержку, предлагался следующий план: 1) извлечь из числа русских, находящихся в Румынии, нужный элемент и, воспользовавшись бригадой Дроздовского как ядром, начать новое формирование где-либо на оккупированной территории России; 2) из этого места формирования начать пропаганду в занятых большевиками областях и таким образом создать силу, которая, действуя в союзе с германскими войсками и при поддержке контрреволюционных организаций Москвы, Петрограда и других центров, восстановит монархический строй (ЦГАВО 1: 4–4 об.). Примечательно, что, будучи сторонниками «единой и неделимой России», о чем говорилось во внутренней документации организации (ЦГАВО 2: 8), яские монархисты при переговорах с немцами шли на тактические уступки и, по крайней мере, на словах, признавали независимость Польши, Украины и Литвы, и так де-факто оккупированных Германией.

Организация планировала заниматься пропагандой в России, на занятых немцами территориях и в лагерях для русских военнопленных (предполагалось использовать уже имевшуюся газету для военнопленных «Русский вестник», изменив ее направление). Кроме того, были планы по созданию реальной военной силы, налаживанию связей с представителями династических кругов, разведывательной деятельности против большевиков и стран Антанты (ЦГАВО 1: 6–7 об.). Поскольку пребывание организации в Яссах после распада фронта не имело смысла, предполагалось перебраться в более удобный по своему географическому положению город, например в Ригу, и там начать печатать свою агитационную продукцию (ЦГАВО 1: 8). Главным «активом» организации была бригада Дроздовского, услуги которой и предлагались немцам: «Если, как сказано, наши тенденции симпатичны германскому пр[авительству], то бригада, поскольку она существует, будет своим создателям верным орудием» (ЦГАВО 1: 9 об.).

Соглашение, очевидно, было достигнуто, и группа Познякова переехала на занятую немцами территорию, правда, не в Ригу, а в гетманский Киев. В Киеве Позняков вошел в сношения с представителями формировавшейся при поддержке немцев монархической Астраханской армии. В августе 1918 г. Позняков в качестве председателя и Петров в качестве секретаря политического отдела Астраханской казачьей армии подписали соглашение о сотрудничестве с Монархическим блоком Украины (ЦГАВО 4: 1). В дальнейшем работа группы Познякова была связана с информационным обеспечением формирования Астраханской армии (ЦГАВО 5: 1).

Несмотря на то, что ядро Монархической организации уже не существовавшего Румынского фронта перебралось в Киев, связи с Румынией и Бессарабией у них сохранились. Летом 1918 г. организация на основании информации одного из ее членов, побывавшего в Бессарабии, подготовила записку для герцога Г.Н. Лейхтенбергского о желательности привлечения гагаузов в формируемую монархическую армию. В записке сообщалось, что после аннексии Бессарабии Румынией гагаузы оказались в весьма тяжелых условиях. К румынам они питают нескрываемую ненависть, а «единственной их надеждой является возрождение России». Настроения массы гагаузов определенно монархические, из разговоров с низшими слоями – крестьянами, извозчиками и рабочими – ясно, что «всюду ждут царя». Также популярностью пользуется великий князь Николай Николаевич, «за ним все готовы идти на край света». Автор записки делал вывод, что общинная организация, консерватизм гагаузов и их ненависть к румынам делают вполне возможным привлечение представителей этого народа к делу формирования новой армии. Некоторые гагаузские деятели обещали, что в весьма короткий срок могут собрать для российской монархической армии до 3 000 чел. Автор записки, считая это число слишком большим, полагал, что при энергичной работе в две недели удастся собрать около 1 000 чел. (ЦГАВО 1: 14–14 об.). Видимо, данный план поддержки не получил, т. к. никаких шагов в этом направлении в дальнейшем не предпринималось.

Параллельно с этим продолжалась работа той части монархической организации, которая ушла вместе с Дроздовским. «Во время нашего похода на Дон я оставлял в каждом городе и почти в каждом селе агента-резидента из местных жителей. В селах это по большей части был священник, а в городах – представитель какой-нибудь интеллигентной профессии», – вспоминал Бологовский. В мае 1918 г. Дроздовский хотел привлечь в свою организацию В.В. Шульгина, для чего Бологовский был командирован в Киев. Но Шульгин отнесся отрицательно к существованию внутри армии тайной монархической организации и присоединиться к ней не пожелал (ГАРФ 2: 83–84). Также агенты монархической организации пытались распространять свои карточки в Корниловском и Марковском полках. Один из них, поручик Н.Ф. Сигида, в начале июня 1918 г. был арестован, обвинен в коммунистической агитации и едва избежал казни. Инцидент был урегулирован при содействии Дроздовского, но эта попытка монархической пропаганды сыграла заметную роль в развитии его конфликта с начальником штаба Добровольческой армии генералом И.П. Романовским (ГАРФ 2: 86).

Летом 1918 г. группа Познякова восстановила контакты с отрядом Дроздовского, потерянные после ухода последнего из Румынии на Дон. В первых письмах к Дроздовскому Позняков настаивал на необходимости переговоров с немцами и принятия Добровольческой армией монархической программы (ЦГАВО 3: 11).

В конце июля 1918 г. Позняков отправил к Дроздовскому с очередным письмом «совершенно верного человека» – подьесаула Родионова, которого Михаил Гордеевич знал еще по Яссам (ЦГАВО 3: 10 об.). Примечательно, что вся эта информация о сношениях Дроздовского с монархистами докладывалась Верховному руководителю Добровольческой армии М.В. Алексееву (ГАРФ 1: 80). Позняков в письме критиковал руководство Добровольческой армии и вновь настаивал на необходимости переговоров с немцами: «Дорогой Михаил Гордеевич! Вспомните, как рождалась Ваша бригада. Вспомните, сколько надежд возлагали на нее все мы и как блестяще выполнила она первую часть своей обширной задачи. Неужели теперь, когда столько уже сделано, из-за слепоты нескольких людей рухнет все то, что мы строили?» Чтобы избежать этого, он хотел стать посредником между Дроздовским и руководством Астраханской армии для решения вопроса о переходе дроздовцев в ее ряды (ЦГАВО 3: 11).

В ответном письме Дроздовский соглашался с тем, что необходимо вступить в переговоры с немцами, но скептически отзывался об Астраханской армии. Позиционируя себя как монархиста, он считал, что сейчас нельзя поднимать монархическое знамя, поскольку за ним никто пока что не пойдет. Таким образом, хотя Дроздовский и отзывался о руководстве Добровольческой армии критически, уходить к «астраханцам» не захотел. К лету 1918 г. он стал заметной политической фигурой, и Позняков, который ранее убеждал немцев в том, что его организация контролирует до 70 % личного состава отряда Дроздовского, мог лишь ему только советовать что-то, но никак не использовать его в качестве «верного орудия». Правда, несколько недель спустя, в начале сентября 1918 г., один из информаторов Познякова сообщал ему, что «отношение штаба Добровольческой армии к Дроздовскому способствует переговорам Михаила Гордеевича <...> по вопросу о переходе его отряда полностью в Астраханскую армию» (ЦГАВО 3: 13). Но и эти переговоры в итоге ни к чему не привели. Осенью 1918 г., потеряв немецкое финансирование, Астраханская армия была включена в состав Особой Южной армии в качестве Астраханского корпуса, а ее связь с киевскими монархистами была утрачена. Вскоре Дроздовский был ранен, а 1 (14) января 1919 г. он скончался.

По словам Бологовского, «организация жила, пока был жив Дроздовский, и умерла вместе с ним». Последний раз он видел карточки монархической организации уже в эмиграции в первой половине 1920-х гг. (ГАРФ 2: 85). В начале 1919 г. Бологовский со своими «разведчиками» примкнул к новочеркасскому монархическому кружку, на базе которого затем был создан т. н. Анонимный центр, заслуживающий отдельного рассмотрения. О деятельности киевской ветви организации поздней осенью и в начале зимы 1918 г. информации не сохранилось. По всей видимости, после взятия Киева войсками Директории УНР в декабре 1918 г. Позняков бежал в Одессу, причем в такой спешке, что был вынужден бросить все документы, которые сначала попали к петлюровцам, а затем оказались в советском архиве. Эвакуировались из Киева и другие члены организации. Так, например, полковник Б.В. Потоцкий, очевидно, вывезенный из Киева немцами, в марте 1919 г. стал начальником артиллерии в Западной Добровольческой армии (Волков 2002: 390). Таким образом, Монархическая организация Румынского фронта, уже давно к тому времени не существовавшего, прекратила свою деятельность на рубеже 1918–1919 гг., после падения гетманского Киева и смерти М.Г. Дроздовского.

ЛИТЕРАТУРА

1-я бригада 1918 – 1-я Отдельная русская бригада добровольцев // Республиканец. 1918. 31 января. № 26. С. 1.

Волков 2002 – Волков С.В. *Офицеры российской гвардии: опыт мартиролога*. М.: Русский путь, 2002. 568 с.

Встречи 1917 – Встречи и беседы // Республиканец. 1917. 19 декабря. № 5. С. 2.

Выступление монархистов 1918 – Выступление монархистов (От наш. корреспонд.) // Киевская мысль. 1918. 21 (8) марта. № 30. С. 3.

В.Я. 1918 – В.Я. [Янчевецкий В.Г.] Передовая от 15 декабря // Республиканец. 1918. 15 (2) декабря. № 28. С. 1.

ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 1.

ГАРФ 2 – ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 259.

ГАРФ 3 – ГАРФ. Ф. Р-5895. Оп. 1. Д. 10.

Добровольческая армия 1918 – Добровольческая армия // Республиканец. 1918. 5 января. № 3. С. 2.

Дроздовский и дроздовцы 2006 – Дроздовский и дроздовцы / Сост. и ред. Р.Г. Гагкуев, В.Ж. Цветков. М.: Посев, 2006. 692 с.

Единый правый фронт 1918 – Единый правый фронт // Возрождение. 1918. 30 (17) мая. № 58. С. 2.

Запись 1918 – Запись добровольцев // Республиканец. 1918. 31 января. № 26. С. 1.

- Кадеты и ориентация 1918 – Кадеты и ориентация // Возрождение. 1918. 30 (17) июля. № 104. С. 1.
- Кравченко 1973 – *Кравченко В.* Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Сборник. Мюнхен, 1973. Т. 1. 394 с.
- Мамонтов 1981 – *Мамонтов С.* Походы и кони. Париж: YMCA-PRESS, 1981. 476 с.
- Передовая 1917a – Передовая от 12 декабря // Республиканец. 1917a. 12 декабря. № 1. С. 1.
- Передовая 1917b – Передовая от 16 декабря // Республиканец. 1917b. 16 декабря. № 3. С. 1.
- Передовая 1918 – Передовая от 1 января // Республиканец. 1918. 1 января. № 1. С. 1.
- Просветов 2017 – *Просветов И.В.* Десять жизней Василия Яна. Белогвардеец, которого наградили Сталин. М.: Центрполиграф, 2017. 287 с.
- Трубецкой 1981 – *Трубецкой Г.Н.* Годы смут и надежд. 1917–1919 гг. Монреаль: Издательство «Русь», 1981. 263 с.
- ЦГАВО 1 – Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО Украины). Ф. 4401. Оп. 1. Д. 1.
- ЦГАВО 2 – ЦГАВО. Ф. 4401. Оп. 1. Д. 2.
- ЦГАВО 3 – ЦГАВО. Ф. 4401. Оп. 1. Д. 3.
- ЦГАВО 4 – ЦГАВО. Ф. 4401. Оп. 1. Д. 6.
- ЦГАВО 5 – ЦГАВО. Ф. 4401. Оп. 1. Д. 7.
- ЦГАМ – Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГА Москвы). Ф. 418. Оп. 326. Д. 1531.

REFERENCES

- Respublikanets*. (1918a) 1-ya Otdel'n. russkaya brigada dobrovol'tsev [1st separate brigade of Russian volunteers]. 31st January.
- Volkov, S.V. (2002) *Ofitsery rossiyskoy gvardii: opyt martirologa* [The officers of the Russian Guard. A Martyrology]. Moscow: Russkiy put'.
- Respublikanets*. (1917a) Vstrechi i besedy [Meetings and conversations]. 19th December.
- Kievskaya mysl'*. (1918) Vystuplenie monarchistov (Ot nash. korrespond.) [Declaration of monarchists (From our correspondent)]. 21st (8th) March.
- V.Ya. [Yanchevetskiy, V.G.] (1918) Peredovaya ot 15 dekabrya [Editorial, 15th December]. *Respublikanets*. 15th (2nd) December.
- The State Archive of the Russian Federation. Fund R-446. List 2. File 1.
- The State Archive of the Russian Federation. Fund R-5881. List 2. File 259.
- The State Archive of the Russian Federation. Fund R-5895. List 1. File 10.
- Respublikanets*. (1918b) Dobrovol'cheskaya armiya [Volunteer Army]. 5th January.
- Gagkuev, R.G. & Tsvetkov, V.Zh. (2006) *Drozдовskiy i drozdovtsy* [Drozдовskiy and his people]. Moscow: Posev.

Vozrozhdenie. (1918a) Edinyy pravyy front [United right front]. 30th (17th) May.
Respublikanets. (1918c) Zapis' dobrovol'tsev [Enrollment of volunteers]. 31st January.

Vozrozhdenie. (1918b) Kadety i orientatsiya [Kadets and orientation]. 30th (17th) July.

Kravchenko, V. (1973) *Drozdovtsy ot Yass do Gallipoli* [Drozdovsky's men from Iași to Gallipoli]. Vol. 1. Munich: V. Kravchenko.

Mamontov, S. (1981) *Pokhody i koni* [Campaigns and horses]. Paris: YMCA-PRESS.

Respublikanets. (1917b) Peredovaya ot 12 dekabrya [Editorial, 12th December]. 12th December.

Respublikanets. (1917c) Peredovaya ot 16 dekabrya [Editorial, 16th December]. 16th December.

Respublikanets. (1918d) Peredovaya ot 1 yanvarya [Editorial, 1st January]. 1st January.

Prosvetov, I.V. (2017) *Desyat' zhizney Vasiliya Yana. Belogvardeets, kotorogo nagradil Stalin* [Ten lives of Vasily Ian. The White guard awarded by Stalin]. Moscow: Tsentrpoligraf.

Trubetskoy, G.N. (1981) *Gody smut i nadezhd. 1917 – 1919 gg.* [Years of unrest and hope. 1917–1919]. Montreal: Rus.

The Central State Archive of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine. Fund 4401. List 1. File 1.

The Central State Archive of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine. Fund 4401. List 1. File 2.

The Central State Archive of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine. Fund 4401. List 1. File 3.

The Central State Archive of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine. Fund 4401. List 1. File 6.

The Central State Archive of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine. Fund 4401. List 1. File 7.

The Central State Archive of the City of Moscow. Fund 418. List 326. File 1531.

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Anton A. Chemakin – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

УДК 94(47).084.3

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/5

ОКОНЧАНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И КАРПАТОРУССКИЙ ВОПРОС: ВЗГЛЯД ИЗ СИБИРИ (ОСЕНЬ 1918 – ОСЕНЬ 1919 г.)*

Д.Н. Шевелев

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: shev-dn@yandex.ru

Авторское резюме

Статья посвящена рассмотрению и анализу особенностей восприятия и интерпретации событий в Восточной Европе, связанных с окончанием Первой мировой войны и решением карпаторусского вопроса на Парижской мирной конференции, прессой антибольшевистского движения. Автор ставит перед собой задачу на основе материалов газеты «Карпаторусское слово» – официального органа Центрального Карпаторусского совета, а также других проправительственных периодических изданий Востока России определить основные объяснительные модели и стратегии аргументации, использовавшиеся периодической печатью и игравшие значимую роль в самоидентификации и саморепрезентации, выстраивании единого дискурсивного пространства Центрального Карпаторусского совета и Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Окончание Первой мировой войны наряду с ликованием по поводу распада Австро-Венгерской империи и освобождением от «многовекового тевтоно-мадьярского ига» вызывало у лидеров сибирского сообщества карпаторусов (русинов) ощущение неопределенности, беспокойства и тревоги за будущее своего народа. В немалой степени этому способствовали рассредоточенность русинов по странам и континентам, отсутствие у них единого политического центра, ослабление роли России в связи с фактическим распадом империи и образованием на ее территории нескольких конкурирующих государственных образований и подписанием большевиками сепаратного мира с Центральными державами, а также возможные притязания как уже существующих (Румыния, Венгрия), так и вновь образованных (Польша, Чехословакия) государств Восточной Европы на территории Прикарпатской Руси. Первоначальные надежды на установление нового, справедли-

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

вого мирового порядка, основанного на принципе национального самоопределения, закрепление территории Карпатской Руси в составе возрожденного Российского государства сменяются сомнениями и разочарованием в союзниках. В такой ситуации Центральный Карпаторусский совет как руководящий общественно-политический центр русинов Урала и Сибири делает ставку на мобилизацию собственных сил и более тесный союз с Российским правительством адмирала А.В. Колчака.

Ключевые слова: Первая мировая война, Парижская мирная конференция, Карпатская Русь, русины, Сибирь, Российское правительство адмирала А.В. Колчака, Центральный Карпаторусский совет, политический нарратив.

THE END OF THE FIRST WORLD WAR AND THE CARPATHIAN ISSUE: A VIEW FROM SIBERIA (AUTUMN 1918 – AUTUMN 1919)*

D.N. Shevelev

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: shev-dn@yandex.ru

Abstract

The article focuses on the anti-Bolshevik media perception and interpretation of the events in Eastern Europe related to the end of the First World War and the resolution of the Carpathian issue at the Paris Peace Conference. Drawing on the newspaper *Karpatorusskoe slovo*, the official organ of the Central Carpathian Council, and other pro-government periodicals in eastern Russia, the author identifies the main explanatory models and argumentation strategies that were significant for self-identification, self-representation and formation of a single discursive space of the Central Carpathian Council and the Russian government of Admiral A.V. Kolchak. The end of the First World War, along with jubilation over the collapse of the Austro-Hungarian Empire and the liberation from the “centuries-old Teutonic-Magyar yoke”, caused the leaders of the Siberian community of Carpathians (Rusins) to feel uncertain, concerned and anxious about the future of their people. This feeling increased due to the dispersion of Rusins across countries and continents, their lack of a single political centre, and weaker influence of Russia after the Empire collapse that resulted in the formation of several competing states on its territory, conclusion of a separate peace treaty between the Bolsheviks and the Central Powers and possible claims of both existing

* The results were obtained under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation state task, Project Nr. 33.1687.2017 / 4.6.

(Romania, Hungary) and newly formed (Poland, Czechoslovakia) East European states to the territory of Carpathian Rus. Initial hopes for a new, fair world order based on the principle of national self-determination, the consolidation of the territory of Carpathian Rus as part of the revived Russian state give way to doubts and disenchantment with the allies. In this situation, the Central Carpathian Council as the leading socio-political centre of the Rusins in the Urals and Siberia relies on its own forces and a closer alliance with the Russian government by Admiral A.V. Kolchak.

Keywords: World War I, Paris Peace Conference, Carpathian Rus, Rusins, Siberia, Russian Government of Admiral A.V. Kolchak, Central Carpathian Council, political narrative.

«Опираясь как на тысячелетнее историческое самоопределение Прикарпатской Руси, так и на подлинную волю населения, во время нынешней войны не только выраженную в многочисленных резолюциях, но и запечатленную потоками крови лучших сынов, – говорилось в открытом письме президенту Чехословакии Т.Г. Масарику, – Центральный Карпаторусский совет заявляет, что мирное культурно-национальное развитие Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) возможно только в пределах Российского государства, с предоставлением населению областной автономии. В момент, когда Россия вследствие неслыханного напряжения сил и колоссальнейших жертв, принесенных на алтарь общей победы, ныне тяжело ранена, Центральный Карпаторусский совет просит Вас как председателя лиги угнетенных народов Средней Европы и советника по славянским делам на предстоящей мирной конференции поддержать вековые стремления населения Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) к воссоединению с родной великой Россией» (Карпаторусское слово 16).

К осени 1918 г. в восточных районах России – в Поволжье, на Урале, в Западной и Центральной Сибири – находилось несколько десятков тысяч карпатороссов (русинов) – уроженцев Прикарпатья, размещавшихся в колониях беженцев и лагерях военнопленных. В октябре – декабре происходит их самоорганизация:

1. В начале октября 1918 г. в Челябинске состоялся Съезд делегатов карпаторусских колоний Пермской губернии, Западной и Центральной Сибири, представителей Карпаторусского добровольческого отряда.

2. Была создана Карпаторусская центральная организация, целью которой провозглашалось «освобождение Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) из-под австро-мадьярского ига и воссоединение ее с Россией», «защита, как культурно-национальных, так и материальных интересов всех карпатороссов», и

сформирован Центральный Карпаторусский совет (ЦКС) с «самыми широкими полномочиями во всех направлениях его деятельности» под председательством А.В. Копыстьянского (Карпаторусское слово 20; Нам, Наумова 2014; Шевелев, Конев 2014).

3. Образован Карпаторусский национальный фонд; по почину добровольца карпаторусских войск крестьянина Николая Васильевича Гнедого начинается сбор пожертвований («лавиная-подать») (Карпаторусское слово 17).

4. В Омске формируется Карпаторусский добровольческий отряд. Между Отделением для России Чехословацкого национального совета и ЦКС 16 октября был заключен договор о сотрудничестве в организации карпаторусских добровольческих частей, подчинявшихся чехословацкому военному командованию (Чехословацкий корпус 2018: 464–465).

5. С декабря 1918 г. ЦКС издает газету «Карпаторусское слово». Вначале газета, редактором которой являлся И.А. Лабенский, выходила в Екатеринбурге, а затем, с апреля 1919 г., – в Омске.

Окончание Первой мировой войны привело лидеров сибирского сообщества карпаторуссов (русинов), с одной стороны, к радости и ликованием по поводу поражения Центральных держав, распада «лоскутной» Австро-Венгерской империи и освобождения от «многовекового тевтоно-мадьярского ига». «Братья! – отмечалось в обращении ЦКС "Всем уроженцам Прикарпатской Руси", – творится суд Божий. С треском рушатся стены австро-венгерской тюрьмы народов. Силы врага, беспощадно нас давившего и истреблявшего, ныне сломлены. Полнейший развал Австро-Венгрии неминуем, и неуклонно приближается час торжества угнетенных народов. Все славянские и романские народы – поляки и югославы, итальянцы и румыны с чехословаками во главе – с оружием в руках добиваются свободы и сомкнутыми рядами идут на бой с жестоким врагом» (Карпаторусское слово 6).

С другой стороны, оно вызвало постепенно нарастающее чувство неуверенности, беспокойства и тревоги за судьбу как русского населения Прикарпатья, так и русского народа в целом, а также за дальнейшие перспективы Российского государства, с которым они прочно связывали свои надежды на будущее. «Для всех народов, заселяющих Австро-Венгрию, – указывало "Карпаторусское слово", – настал праздник свободы. Но не празднует, не ликует многострадальная Прикарпатская Русь. Позорный Брестский мир бросил Галицкую, Буковинскую и Угорскую Русь обратно в объятия Австро-Венгрии» (Карпаторусское слово 11). Растерянность и пессимизм руководства сибирского сообщества русинов, но несколько

с другой точки зрения, разделяли лидеры антибольшевистских сил Востока России, что нашло отражение в прессе. «Мы стесняемся радоваться, – писала красноярская "Свободная Сибирь". – Не наша это победа. Мы занимаемся самобичеванием: почему не мы участники последнего победоносного наступления? Нас мучит совесть. Мы ушли с поля брани. На полпути к намеченной цели обманули расчеты союзников, даже больше – продали их. Постыдным Брестским миром продавая Россию, партия национального позора и унижения предала союзников. Этот великий грех Иуды, чужой грех, отравляет радостную весть о полной победе» (Свободная Сибирь 1918). Примерно в той же тональности звучали мнения других периодических изданий. «Поистине над потрясенной Европой восходит новый день, миллионы человеческих очей радостно открываются сейчас ему навстречу, – писали, например, в своей передовице уфимские "Отечественные ведомости". – Только нашим глазам, застланном кровавой пеленой, он светит тускло и сумрачно... Как народу поверженному, как нации, потрясенной до глубочайших своих основ, нам не дано тотчас почувствовать все благодатные последствия освобождения от германского кошмара. Наш внутренний распад зашел слишком далеко, и ближайшее будущее наше еще покрыто мглою» (Отечественные ведомости 1918).

Цель данной работы – на основе материалов газеты «Карпаторусское слово», официального органа Центрального Карпаторусского совета, а также других проправительственных периодических изданий Востока России выявить особенности их восприятия и интерпретации событий в Восточной Европе, связанных с окончанием Первой мировой войны и решением карпаторусского вопроса на Парижской мирной конференции. Исходя из поставленной цели, автор ставит перед собой две основные исследовательские задачи:

– реконструировать основные объяснительные модели и стратегии аргументации, использовавшиеся прессой того времени и игравшие значимую роль в самоидентификации и саморепрезентации сообщества русинов Урала и Сибири, выстраивании единого дискурсивного пространства Центрального Карпаторусского совета и Российского правительства адмирала А.В. Колчака;

– проследить эволюцию в интерпретации территориальных изменений в Прикарпатье в контексте окончания Первой мировой войны и обсуждения карпаторусского вопроса на Парижской мирной конференции.

Отметим, что различные аспекты истории национального движения русинов (карпатороссов) на завершающем этапе Первой мировой и во время гражданской войны в России, урегулирования карпаторус-

ской проблемы на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.) и территориального раздела Прикарпатья в послевоенный период рассматривались в работах И.И. Баринова, И.П. Стрелкова (Баринов, Стрелков 2012а; Баринов Стрелков 2012b), И.В. Нам, Н.И. Наумовой (Нам, Наумова 2018), А.И. Пушкаша (Пушкаш 2006; Пушкаш 2007), С.Г. Суляка (Суляк 2006), В.Г. Хандорина (Хандорин 2017), К.В. Шевченко (Шевченко 2006; Шевченко 2010) и других отечественных исследователей. Основной упор при этом делался преимущественно на событийную сторону вопроса. Однако не менее важной является реконструкция того ценностно-смыслового, образного и символического универсума, который являлся объединяющим идеологическом фундаментом не только для карпаторусского национального, но и для российского антибольшевистского движения.

Поясним, что для обозначения территории, населенной карпатороссами, в газете «Карпаторусское слово», а также в других антибольшевистских периодических изданиях Востока России использовался термин «Карпатская Русь». Карпатороссы рассматривались как «часть стомиллионного русского народа, живущая в пределах Австро-Венгрии». «Они заселяют горы Карпаты и прилегающие к ним равнины, и поэтому эти области, населенные карпатороссами, носят название *Прикарпатская Русь*» (Карпаторусское слово 12). Понятия «русин», «русины» в периодической печати того времени не использовались. В свою очередь пространство Карпатской Руси включало три составных элемента: Галицкая (Галичина, Галиция), Буковинская (Буковина) и Угорская (Закарпатская) Русь. «Прикарпатская Русь (Галицкая, Буковинская и Угорская Русь)», «уроженцы Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси)», «население Прикарпатской Руси, т.е. Галицкой, Буковинской и Угорской Руси» были устойчивыми, повторявшимися, часто встречавшимися в прессе словосочетаниями.

Угорской, или Закарпатской, Русью, поясняла газета «Карпаторусское слово», «называется часть Венгрии, простирающаяся от Черной Тисы до Лотарицы и немного дальше к северо-западу. Границей ее на юге являются река Тиса и Сатмарские горы, на западе – отроги Бескид, на севере Угорская Русь непосредственно примыкает к Галичине и Буковине» (Карпаторусское слово 19). Еще в средневековье «несорганизованные карпатские славяне вынуждены были войти в состав Венгерского королевства». Для обозначения русского (русинского) населения Угорской Руси использовалось понятие «угрорусы» («угророссы»). В административном отношении земли Угорской Руси были разделены на семь комитатов, причем только в двух из них (Мармарошском и Берегском) угрорусское население составляло более половины всех жителей.

Буковинская Русь (Буковина) «в самом начале своего исторического развития составляла нераздельную часть Галичины» (древнерусского Галицко-Волынского княжества). Впоследствии территория Буковины переходила под власть Золотой Орды, Венгерского королевства, Молдавского княжества, Османской империи и, наконец, «в 1775 г. вошла в состав Австрии и принадлежала этому государству вплоть до нынешних событий», образуя с 1850 г. отдельную автономную область «княжества Буковины». Четкой пространственно-географической локализации Буковинской Руси в прессе не содержалось. «В 1910 году в Буковине насчитывалось (по официальной австрийской статистике): русских 305 000 (40 % всего населения), румын 278 000 (35 %); остальные 25 % распределялись между поляками, евреями, немцами, мадьярами и другими национальностями» (Карпаторусское слово 2).

Сложнее всего дело обстояло с Галицкой Русью (Галичиной). «Как известно, – писал председатель ЦКС А.В. Копыстьянский, – название "Галиция" происходит от древнего русского города Галича, вокруг которого еще в 1138 г. объединились три русских княжества: Тербовльское, Звенигородское и Перемышльское. Когда в конце XII столетия на галицкий престол вступил Роман Мстиславич, он соединил Галич с Владимиром-Волынским и таким образом дал начало еще ныне употребляемому термину "Галиция и Володимерия" (Galicia et Lodomeria)» (Наш путь 1919). Однако, по мнению Копыстьянского, после 1772 г., когда эти земли в результате первого раздела Польши отошли к Габсбургской монархии, австрийские власти, вернувшись к названию «Королевство Галиция и Володимерия», «по политическим соображениям одновременно исказили его настоящий смысл». Они объединили территорию древнего русского Галича с Краковским и Сандомирским воеводствами, ранее составлявшими область Малопольши. «Таким образом, в одной провинции, носящей название "Королевства Галиции и Володимерии", очутились два народа: польский и русский, количество коих в 1910 г., по статистическим данным, выражалось в следующих цифрах: русских – 3 381 267 чел.; поляков без евреев – 3 635 145 чел.» (Наш путь 1919). Учитывая это обстоятельство, Галицкой Русью (русской Галичиной) могла считаться только Восточная Галиция. В периодической печати можно было найти и понятие «Лемковщина», под которой понималась западная окраина Восточной Галиции.

Сомнения и некоторый пессимизм, присутствовавшие в прессе при оценке как «карпаторусского», так и в целом «русского» вопроса в контексте предстоящей Парижской мирной конференции, были обусловлены несколькими факторами:

– рассредоточенностью русинов по разным странам и даже континентам, отсутствием у них единого политического центра, их относительно невысоким влиянием на принятие решений странами Согласия;

– ослаблением роли России в связи с фактическим распадом империи, организацией на ее территории нескольких конкурирующих государственных образований и подписанием большевиками сепаратного мира с Центральными державами;

– возможными притязаниями как уже существовавших (Румыния, Венгрия), так и вновь образованных (Польша, Чехословакия) государств Восточной Европы на территории Прикарпатской Руси.

Освещая и интерпретируя события, связанные с подготовкой и началом работы Парижской мирной конференции, выстраивая прогнозы на будущее, «Карпаторусское слово» как официальное издание Центрального Карпаторусского совета исходило из:

– идеи общерусского единства, воссоединения территории Прикарпатской Руси с «возрождающейся Россией» как единственно возможного справедливого решения карпаторусского вопроса;

– законности Российского правительства адмирала А.В. Колчака;

– восприятия большевизма и украинского «самостийничества» как явлений одного порядка – порожденных Германией и Австро-Венгрией «разрушителей русской культуры, теоретиков человеко-ненавистничества и русофобства»;

– надежды на Парижскую мирную конференцию, способную решить карпаторусскую проблему на основании провозглашенного президентом США Т.В. Вильсоном принципа самоопределения народов и в духе, отвечающем воле населения Прикарпатской Руси.

Анализ материалов периодической печати показал определенную эволюцию в их интерпретации территориальных изменений в Восточной Европе, рассматриваемых в контексте послевоенного урегулирования и обсуждения карпаторусского вопроса на Парижской мирной конференции.

Ноябрь 1918 – январь 1919 г. Начиная с того момента, когда информация о подписании Компьенского перемирия достигла Сибири, и вплоть до конца января 1919 г., на страницах периодических изданий представители различных групп и направлений антибольшевистского движения Востока России, в т. ч. и руководство Центрального Карпаторусского совета, активно обсуждали открывающиеся перспективы послевоенного развития, выстраивали прогнозы. «Перестройка возрожденной Европы, – отмечало "Карпаторусское слово", – вне всякого сомнения, происходит под знаменем национализма... Освобожденные от непрерывной напряженной борьбы с германской и мадьярской

железной опекой, объединенные в национальные государства, народы Средней Европы идут навстречу светлому будущему, творческой работе на поприще национальной культуры, которая в итоге должна привести к небывалому прогрессу человечества» (Карпаторусское слово 14). Серьезные ожидания связывались с предстоящей международной конференцией. «Близость открытия мирных переговоров, вопрос об участии в них представителя России, который не может не отстаивать воссоединения на основании принципа самоопределения народов карпаторусских земель с Россией, – вот вопросы, которые в одинаковой мере волнуют нас всех», – констатировало то же «Карпаторусское слово» (Карпаторусское слово 9).

Общественные силы Сибири внимательно прислушивались к лидерам мирового мнения, чутко пытаясь уловить их политический настрой и исходящие от них сигналы, адресованные мировому сообществу. Одним из ключевых источников такого рода посланий был президент США Т.В. Вильсон. Еще до того, как им были сформулированы и обнародованы его знаменитые 14 пунктов, в сибирской периодике широко распространялась речь президента перед Конгрессом. «Ныне, – говорилось в ней, – великие нации окончательно слились в общей цели утверждения такого мира, который удовлетворит стремление всего света в бескорыстной справедливости и который найдет свое выражение в согласиях, базирующихся на основах гораздо лучших и гораздо более прочных, нежели эгоистические конкурирующие интересы могущественных государств... Главная и единственная цель – это обеспечить и защитить слабых и предоставить справедливые права сильным» (Правительственный вестник 1918). Особенно воодушевляло обещание Т.В. Вильсона поддержать те «народы, которые только что вышли из-под ига бесконтрольного управления и которые, наконец, становятся свободными», но при этом «изберут пути мирного самообладания и мирного разрешения вопросов», избегая насилия по отношению к соседним странам.

В русле решения карпаторусского вопроса правильным признавался только один вариант: «Карпатские русские земли должны войти в состав русского государства. Только тогда русский народ сможет смело смотреть в глаза своему будущему, так как силы всего народа, раньше в значительной степени поглощенные национальной борьбой, получают возможность устремиться на плодотворную культурную и социально-экономическую работу» (Карпаторусское слово 14). Лидеры карпаторуссов (русинов) не сомневались именно в таком благоприятном для них решении союзных держав. «С освобождением славянских народов и трансильванских румын от австро-мадьярского ига, – утверждало "Карпаторусское слово", – эти народы присоединятся

к свободным родственным государствам. Не может быть сомнения, что та часть русского народа, которая заселяет Галичину, Буковину и Угорскую Русь, будет воссоединена с остальным русским народом, с Россией» (Карпаторусское слово 9).

Не сомневались они и в том, что как «возрожденная Россия», так и Карпатская Русь будут представлены на предстоящей международной конференции. Первые – в силу «колоссальнейших жертв, принесенных русским народом на алтарь общей победы» (Карпаторусское слово 15). Вторые – поскольку в «настоящую войну Прикарпатская Русь была главным театром военных операций», а ее население «пережило все ужасы войны в размерах, подобных которым не найти в истории всего мира» (Карпаторусское слово 21). Даже появившиеся в то время притязания Польши на Восточную Галичину (Галицию) и Румынии на Буковину, по мнению «Карпаторусского слова», из-за их очевидной исторической необоснованности будут решены державами Согласия исключительно в пользу карпатороссов и России. «Каковы бы не были перипетии разыгрывающейся на полях русского Прикарпатья последней трагедии пострадавшего народа, – утверждалось в одной из статей, – голос Карпатской Руси будет услышан союзными нациями, которые не допустят, чтобы на искони русской земле, освобожденной от австрийского ига, происходили события, попирающие права гуманности и справедливости, права части русского народа на самоопределение» (Карпаторусское слово 22).

Февраль – апрель 1919 г. На этом этапе появились первые сомнения в благоприятном для русинов решении вопроса о будущем территории Прикарпатья. С одной стороны, это было связано с отношением союзников к русскому вопросу. Поддержка странами Согласия правительств национальных окраин бывшей Российской империи ставила под вопрос заинтересованность союзников в воссоздании единой России. «Неопределенность политики союзников по отношению к России, – писало по этому поводу "Карпаторусское слово", – не дает возможности сказать, насколько западноевропейские страны заинтересованы в воссоздании русского государства. Правда, в числе первых условий перемирия союзники потребовали от германцев очищения всей территории России в пределах до 1914 года, но это требование является мерой по обезвреживанию врага Германии, и ничего не говорит о том, каково отношение западных стран к проблеме политического единства России. Уже один тот факт, что переговоры союзной комиссии с петлюровской Директорией привели к "благоприятным результатам", о чем недавно сообщалось в телеграммах, делает проблему об отношениях союзников к государственному единству России неясной и запутанной» (Карпаторусское слово 10).

Ни делегацию Российского правительства адмирала А.В. Колчака, ни Русское политическое совещание в Париже как объединенное представительство антибольшевистских государственных образований не допустили в качестве представителя России на Парижскую мирную конференцию. Вместо этого союзники выступили с инициативой созвать на Принцевых островах совещание представителей всех политических групп и государственных образований бывшей Российской империи и держав Согласия для того, чтобы решить дальнейшую судьбу страны (Ллойд Джордж 1957: 274–330; ЗДРП 2003: 95–97; Шмелев 2017: 32–48). Такое предложение расценивалось антибольшевистскими силами одновременно как унижительное (ввиду того, что Россия была лишена представительства на международной конференции) и оскорбительное, поскольку фактически уравнивало национально и государственно мыслящие (как они себя сами позиционировали) силы и «партию Ленина и Троцкого», которая, по утверждению газеты «Сибирская речь», «ввела в глубь России отравляющую энергию врага и в существе своем являлась отрядом действующего в тылу русского народа противника» (Сибирская речь 1919).

С другой стороны, обозначились первые признаки игнорирования руководством Антанты выдвигающихся карпаторусским национальным движением требований. Направленная в Восточную Галичину союзническая миссия предложила передать Львов полякам, что, с точки зрения ЦКС, означало ее полный провал. «На этот шаг, – уверяло "Карпаторусское слово", – карпаторусы не пошли и никогда не пойдут... Мы категорически заявляем, что захват города Львова противником и предстоящие еще другие территориальные захваты вопроса о принадлежности Восточной русской Галичины к Польше не решают» (Карпаторусское слово 4).

Май – ноябрь 1919 г. Разочарование в самой возможности справедливого решения карпаторусского вопроса на Парижской мирной конференции нарастало. В Сибири это происходило как под воздействием информации, поступавшей непосредственно из Парижа, так и под влиянием сведений из Восточной Европы, прежде всего из Галиции, ставшей к тому времени ареной противостояния Польши и Украинской Народной Республики. «Получены тревожные сведения, что на мирной конференции возник проект – разделить нашу Галичину, Буковину и Угорскую Русь между тремя государствами, – утверждала газета "Карпаторусское слово" в начале мая 1919 г. – Нашей родине угрожает новое тройное иго, которому в будущем не предвидится конца» (Карпаторусское слово 18). Еще большее волнение у руководства карпаторусского сообщества Урала и Сибири

вызвала информация о намерении Верховного совета Антанты передать Восточную Галичину под управление Польши. «Свершилось, – негодовало "Карпаторусское слово". – Мы подошли к моменту, когда одним росчерком пера "решена" судьба искони русского края – Прикарпатской Руси. Решение это уже приведено в исполнение: Галичина захвачена поляками, Буковина – румынами. Более того. Кое-кто покушается даже на области, бесспорно принадлежащие России, трактуя таким образом столь заслуженную в мировой войне русскую нацию как побежденную» (Карпаторусское слово 1).

Обманутые ожидания подрывали саму веру в светлое послевоенное будущее, о котором пресса восторженно писала еще несколько месяцев назад. «Время такое, – отмечалось в воззвании Карпаторусского комитета в Париже, адресованном ЦКС в Омске, – что не закон и правда царит в мире, но физическая сила. Мы это видим здесь, на чужбине, где когда-то благоговели, преклонялись и дрожали пред могуществом России, теперь Русь унижена и обижена, покинута всеми и оставлена на произвол судьбы» (Карпаторусское слово 5). В новом контексте лидеры карпаторусского национального движения стали переориентироваться исключительно на собственные силы. На страницах периодических изданий появились и первые упреки по отношению к странам Антанты. «Мы рассчитывали, – писало "Карпаторусское слово" летом 1919 г., – что союзники, в своих собственных интересах, помогут нам активно и скоро покончат с угрожающим всему миру ядом социального мракобесия. Но они считают, что пассивной помощи, оказываемой нам, для их целей достаточно... Мы предоставлены своим собственным силам» (Карпаторусское слово 3). Со временем этот критический настрой прессы усилился. «В течение нескольких месяцев мы устремляли наши взоры в сторону сильных мира сего, – отмечала та же газета в начале осени. – Мы верили глубоко, что наш голос будет выслушан в Париже. Мы ошиблись. Мы горько разочаровались. До наших ушей в Сибири уже доходит издали страшный гул оков, бесцеремонно налагаемых врагами на наш народ» (Карпаторусское слово 8).

Подведем итоги. Газета «Карпаторусское слово» как периодическое издание Центрального Карпаторусского совета и сообщества русинов Урала и Сибири в целом проделала вполне отчетливую и прослеживаемую эволюцию в интерпретации и оценках территориальных изменений в Восточной Европе, рассматриваемых в контексте послевоенного урегулирования и обсуждения карпаторусского вопроса на Парижской мирной конференции. Первоначальный восторг и завышенные ожидания «справедливого», с их точки зрения, территориального устройства исторически сложившейся Карпатской Руси

разбились о политическую реальность и прагматические интересы ведущих на тот момент мировых держав и сменились жестоким разочарованием в союзниках.

В этом новом контексте лидеры карпаторусского национального движения вынуждены были сменить приоритеты и ориентироваться в большей степени на собственные силы. «За многие века нашей изолированной областной исторической жизни никогда более судьба родной земли не зависела в такой степени от нас самих, как сейчас», – подчеркивала газета «Карпаторусское слово» в конце октября 1919 г. (Карпаторусское слово 13). Новый курс предполагал консолидацию всех карпаторуссов Прикарпатья и зарубежных диаспор, объединения с «украинофильской партией» в «единый общий фронт» «во имя блага общей родины» (Карпаторусское слово 7). Большие надежды возлагались на армию, основой которой виделись карпаторусские части в России и Италии. «Знайте и скажите всем, что в настоящее время все взоры должны быть устремлены на нашу молодую армию... Все, кто только может держать в руках ружье, – к оружию! Карпаторусы, к оружию!» – призывал Карпаторусский комитет в Париже (Карпаторусское слово 5).

В итоге, оценивая ситуацию в Восточной Европе и результаты Парижской мирной конференции, Центральный Карпаторусский совет сделал ставку на мобилизацию собственных сил и более тесный союз с Российским правительством адмирала А.В. Колчака (Шевелев, Конев 2015). При этом основой для сближения выступало единое ценностно-смысловое пространство, базировавшееся на определенных архетипических образах («тевтоно-мадьяр» как извечных врагов русского народа и всех славян; большевиков и самостийников как пособников «германизма») и мотивах (жертвы, принесенные Россией и русинами во имя победы союзнической коалиции в мировой войне), организованное и транслируемое в форме политических нарративов о «Великой войне» и «Великой России» (Шевелев 2014: 349–351; Шевелев, Конев 2014: 172–176).

«Наши родные, наши несчастные семьи ждут в разоренном крае нашей помощи. Откуда же может прийти эта помощь? Все соседние страны разорены войной, и им самим угрожает голод. Остается единственная надежда на Россию, на освобожденную *русскую* (выделено курсивом в источнике. – Д.Ш.) Россию... Но помощь эта может нам быть оказана не ранее, как Россия будет восстановлена... Следовательно, сражаясь против большевиков, мы этим приближаем развязку событий и момент освобождения своего края от разрухи, голода и порабощения» (Карпаторусское слово 13) – такими словами «Карпаторусского слова» можно подвести итог пути, который проделала

газета, а вместе с ней и все карпаторусское сообщество Урала и Сибири, в определении союзников и противников, своих и чужих.

ЛИТЕРАТУРА

Баринов, Стрелков 2012а – *Баринов И., Стрелков И.* Будущее Буковины в контексте русских, украинских и румынских предложений на Парижской мирной конференции 1919 г. // Русин. № 2 (28). С. 35–48.

Баринов Стрелков 2012б – *Баринов И., Стрелков И.* А.В. Копыстьянский и его деятельность в России в годы гражданской войны, 1918–1920 гг. // Русин. № 3 (29). С. 116–126.

ЗДРП 2003 – Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 г. – январь 1920 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 2. 202 с.

Карпаторусское слово 1 – Бейте тревогу! // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 11 авг.

Карпаторусское слово 2 – Буковинская Русь // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. № 2 (3).

Карпаторусское слово 3 – В армии – спасение родины // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 4 авг.

Карпаторусское слово 4 – Вести с родины // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 11 апр.

Карпаторусское слово 5 – Воззвание // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 4 авг.

Карпаторусское слово 6 – Всем уроженцам Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. № 1.

Карпаторусское слово 7 – Единственный путь // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 25 авг.

Карпаторусское слово 8 – За что и почему? // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 6 сент.

Карпаторусское слово 9 – Итоги // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. № 1 (2).

Карпаторусское слово 10 – К вопросу о русско-польских взаимоотношениях // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. № 5 (6).

Карпаторусское слово 11 – К русскому народу // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. № 1.

Карпаторусское слово 12 – Катехизис добровольца-карпаторуса // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. № 3 (4).

Карпаторусское слово 13 – На рассвете // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 23 окт.

Карпаторусское слово 14 – Новая Европа и возрожденная Россия // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. № 1.

Карпаторусское слово 15 – Объединение сил // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. № 2 (3).

Карпаторусское слово 16 – Открытое письмо Центрального Карпаторусского совета президенту Чешско-Словацкой республики профессору Масарику // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. № 1 (2).

Карпаторусское слово 17 – Приказ № 2 Центрального Карпаторусского совета по карпаторусским войскам // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. № 1 (2).

Карпаторусское слово 18 – Прикарпатская Русь в смертельной опасности // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 4 мая.

Карпаторусское слово 19 – Угорская Русь // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 11 апр.

Карпаторусское слово 20 – Устав Карпаторусской центральной организации // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. № 1.

Карпаторусское слово 21 – Участие Прикарпатской Руси в нынешней войне // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. № 2 (3).

Карпаторусское слово 22 – Что происходит в Восточной Галичине? // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. № 1.

Ллойд Джордж 1957 – *Ллойд Джордж Д.* Правда о мирных договорах: в 2 т. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. Т. 1. 656 с.

Нам, Наумова 2014 – *Нам И.В., Наумова Н.И.* Съезды карпаторуссов в Сибири в годы Гражданской войны. 1918–1919 // Русин. 2014. № 3 (37). С. 152–166. DOI: 10.17223/18572685/37/11

Нам, Наумова 2018 – *Нам И.В., Наумова Н.И.* Карпаторусская проблема на Парижской мирной конференции (1919 г.) // Русин. 2018. № 53. С. 172–192. DOI: 10.17223/18572685/53/10

Наш путь 1919 – *Копыстянский А.* Малопольша и Галиция // Наш путь. Омск. 1919. 29 (16) сент.

Отечественные ведомости 1918 – 13 октября (30 сентября). Накануне // Отечественные ведомости. Уфа. 1918. 13 окт. (30 сент.).

Правительственный вестник 1918 – Речь президента Вильсона о мире // Правительственный вестник. Омск. 1918. 20 нояб.

Пушкаш 2006 – *Пушкаш А.* Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. М.: Европа, 2006. 564 с.

Пушкаш 2007 – *Пушкаш А.И.* Международный и политико-правовой статус национальных меньшинств стран Средней Европы в решениях Парижской мирной конференции // Восточная Европа после Версаля. СПб.: Алетей, 2007. С. 78–89.

Свободная Сибирь 1918 – Чужой грех // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 24 (11) нояб.

Сибирская речь 1919 – Омск, 5 февраля 1919 г. // Сибирская речь. Омск. 1919. 5 февр.

Суляк 2006 – *Суляк С.Г.* Русины в период Первой мировой войны и Русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.

Хандорин 2017 – *Хандорин В.Г.* Национальная идея и адмирал Колчак. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 624 с.

Чехословацкий корпус 2018 – Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Т. 2: Чехословацкие легионы и

- гражданская война в России. 1918–1920 гг. М.: Кучково поле, 2018. 1024 с.
- Шевелев 2014 – *Шевелев Д.Н.* «Мы испытали горькое удовлетворение нашей общей победы»: тема и образы «Великой войны» в официальной и проправительственной периодической печати Белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) // *Былые годы.* 2014. № 33 (3). С. 348–353.
- Шевелев, Конев 2014 – *Шевелев Д.Н., Конев К.А.* Тема Великой войны во взаимоотношениях Российского правительства адмирала А.В. Колчака и Центрального Карпаторусского совета (1918–1919 гг.) // *Русин.* 2014. № 3 (37). С. 167–181. DOI: 10.17223/18572685/37/12
- Шевелев, Конев 2015 – *Шевелев Д.Н., Конев К.А.* «За Россию и за общее дело славянства»: официальная и проправительственная печать Белой Сибири о формировании на ее территории карпаторусских воинских частей // *Русин.* 2015. № 3 (41). С. 143–167. DOI: 10.17223/18572685/42/11
- Шевченко 2006 – *Шевченко К.В.* Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии. М.: Модест Колеров, 2006. 272 с.
- Шевченко 2010 – *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М.: Regnum, 2010. 414 с.
- Шмелев 2017 – *Шмелев А.В.* Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 266 с.

REFERENCES

- Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) Budushchee Bukoviny v kontekste russkikh, ukrainkikh i rumynskikh predlozheniy na Parizhskoy mirnoy konferentsii 1919 g. [The future of Bucovina in the context of Russian, Ukrainian, and Romanian proposals at the Paris Peace Conference of 1919]. *Rusin.* 2(28). pp. 35–48.
- Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) A.V. Kopystyanskiy i ego deyatel'nost' v Rossii v gody grazhdanskoj vojny, 1918–1920 gg. [A.V. Kopystyansky and his activities in Russia during the Civil War (1918–1920)]. *Rusin.* 3(29). pp. 116–126.
- Lukov, E.V. & Shevelov, D.N. (2003) *Zakonodatel'naya deyatel'nost' Rossiyskogo pravitel'stva admirala A.V. Kolchaka (noyabr' 1918 g. – yanvar' 1920 g.)* [Legislative activity of the Russian government of Admiral A.V. Kolchak (November 1918 – January 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
- Karpatorusskoe slovo.* (1919a) Beyte trevogu! [Sound the alarm!]. 11th August.
- Karpatorusskoe slovo.* (1919b) Bukovinskaya Rus' [Bukovinian Rus']. 2(3).
- Karpatorusskoe slovo.* (1919c) V armii – spasenie rodiny [In the army – the salvation of the Homeland]. 4th August.
- Karpatorusskoe slovo.* (1919d) Vesti s rodiny [News from Homeland]. 11th April.
- Karpatorusskoe slovo.* (1919e) Vozzvanie [Appeal]. 4th August.
- Karpatorusskoe slovo.* (1918a) Vsem urozhentsam Prikarpat'skoy Rusi (Galitskoy, Bukovinskoy i Ugorskoj Rusi) [To all natives of Ciscarpathian Rus (Galicia, Bukovina, Ugric Rus)]. 1.
- Karpatorusskoe slovo.* (1919f) Edinstvennyy put' [The only way]. 25th August.
- Karpatorusskoe slovo.* (1919g) Za chto i pochemu? [What for and why?]. 8th September.

- Karpatorusskoe slovo.* (1919h) Itogi [Results]. 1(2).
- Karpatorusskoe slovo.* (1919i) K voprosu o russko-pol'skikh vzaimootnosh-eniyakh [On the Russian-Polish relationship]. 5(6).
- Karpatorusskoe slovo.* (1918b) K russkomu narodu [To the Russian people]. 1.
- Karpatorusskoe slovo.* (1919j) Katekhizis dobrovol'tsa-karpatorusa [The catechism of the Carpatho-Russian volunteer]. 3(4).
- Karpatorusskoe slovo.* (1918c) Na rassvete [At dawn]. 1.
- Karpatorusskoe slovo.* (1918d) Novaya Evropa i vozrozhdannaya Rossiya [New Europe and Restored Russia]. 1.
- Karpatorusskoe slovo.* (1919k) Ob'edinenie sil [Unification of forces]. 2(3).
- Karpatorusskoe slovo.* (1919l) Otkrytoe pis'mo Tsentral'nogo Karpatorusskogo soвета prezidentu Cheshsko-Slovatskoy respubliki professoru Masariku [Open letter of the Central Carpathian Council to the President of the Czech-Slovak Republic, Professor Masaryk]. 1(2).
- Karpatorusskoe slovo.* (1919m) Prikaz Nr. 2 Tsentral'nogo Karpatorusskogo soвета po karpatorusskiim voyskam [Order Nr. 2 of the Carpathian Rus Central Council for the Carpathian troops]. 1(2).
- Karpatorusskoe slovo.* (1919n) Prikarpatskaya Rus' v smertel'noy opasnosti [Carpathian Rus in mortal danger]. 4th May.
- Karpatorusskoe slovo.* (1919o) Ugorskaya Rus' [Ugric Rus]. 11th April.
- Karpatorusskoe slovo.* (1918e) Ustav Karpatorusskoy tsentral'noy organizatsii [The Charter of the Central Carpatho-Russian Council]. 1.
- Karpatorusskoe slovo.* (1919p) Uchastie Prikarpatskoy Rusi v nyneshney voyne [The participation of the Ciscarpathian Rus in the current war]. 2(3).
- Karpatorusskoe slovo.* (1918f) Chto proiskhodit v vostochnoy Galichine? [What is happening in eastern Galicia?]. 1.
- Lloyd George, D. (1957) *Pravda o mirnykh dogovorakh* [The Truth about the Peace Treaties]. Vol.1. Translated from English by V.G. Trukhanovsky. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
- Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2014) Carpatho-Russian Conventions in Siberia during the Civil War (1918–1919). *Rusin.* 3(37). pp. 152–156 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/37/11
- Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2018) The Carpatho-Russian problem at the Paris Peace Conference in 1919. *Rusin.* 3(53). pp. 172–192 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/10
- Kopystyansky, A. (1919) Malopol'sha i Galitsiya [Little Poland and Galicia]. *Nash put'*. 29th (16th) September.
- Otechestvennye vedomosti.* (1918) Nakanune [On the eve]. 13th October (30th September).
- Pravitel'stvennyy vestnik.* (1918) Rech' prezidenta Vil'sona o mire [President Wilson's speech about peace terms]. 20th November.
- Pushkash, A. (2006) *Tsivilizatsiya ili varvarstvo: Zakarpat'e 1918–1945* [Civilization or barbarism: Transcarpathia, 1918–1945]. Moscow: Evropa.
- Pushkash, A.I. (2007) Mezhdunarodnyy i politiko-pravovoy status natsional'nykh men'shinstv stran Sredney Evropy v resheniyakh Parizhskoy mirnoy konferentsii [The international and political-legal status of national

minorities in Central European countries in the decisions of the Paris Peace Conference]. In: Kostyusko, I.I. (ed.) *Vostochnaya Evropa posle Versalya* [Eastern Europe after the Versailles]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 78–89.

Svobodnaya Sibir'. (1918) Chuzhoy grekh [Their Sin]. 24th (11th) November. *Sibirskaya rech'*. (1919) 5th February.

Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i Russkoy smuty [The Rusins during World War I and the Russian distemper]. *Rusin*. 1(3). pp. 46–65.

Khandorin, V.G. (2017) *Natsional'naya ideya i admiral Kolchak* [National idea and Admiral Kolchak]. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.

Abramyan, K.A. (2018) *Cheshsko-Slovatskiy (Chekhoslovatskiy) korpus. 1914–1920. Dokumenty i materialy* [Czech-Slovak (Czechoslovak) Corps. 1914–1920. Documents and materials]. Vol. 2. Moscow: Kuchkovo pole.

Shevelev, D.N. (2014) “We Felt the Bitter Satisfaction of Our Shared Victory”: the Theme and Images of the ‘Great War’ in the Official and Pro-government Periodical Press of the White Siberia (June 1918 – December 1919). *Bylye gody*. 3(3). pp. 348–353 (in Russian).

Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2014) The theme of the “Great War” in the interaction of Russian government of admiral A.V. Kolchak and the Central Carpatho-Russian Council (1918–1919). *Rusin*. 3(37). pp. 167–181 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/37/12

Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2015) “For Russia and for the Slavdom”: the official and pro-governmental press of the White Siberia on the formation of Carpatho-Russian military units on its territory. *Rusin*. 4(42). pp. 143–167 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/11

Shevchenko, K.V. (2006) *Rusiny i mezhoennaya Chekhoslovakiya. K istorii etnokul'turnoy inzhenerii* [Rusyns and inter-war Czechoslovakia. On the history of ethnocultural engineering]. Moscow: Modest Kolerov.

Shevchenko, K.V. (2010) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX v.* [Slavic Atlantis: Carpathian Rus and Rusins in the 19th – the first half of the 20th centuries]. Moscow: Regnum.

Shmelev, A.V. (2017) *Vneshnyaya politika pravitel'stva admirala Kolchaka (1918–1919 gg.)* [The foreign policy of Admiral Kolchak's government (1918–1919)]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.

Шевелев Дмитрий Николаевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Россия).

Dmitry N. Shevelev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shev-dn@yandex.ru

УДК 94(571.1/5)"1918-1919"
UDC
DOI: 10.17223/18572685/57/6

ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ РУСИНОВ В СИБИРИ И ВЛАСТЬ: КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ (1918–1919 гг.)*

И.В. Нам¹, Н.И. Наумова², В.И. Зиновьева³

^{1,2} Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: namirina@bk.ru

² E-mail: tomnin@yandex.ru

³ Томский государственный университет систем управления
и радиоэлектроники

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 40

E-mail: vpz@tsu.ru

Авторское резюме

В годы Первой мировой войны на территории Сибири в концентрационных лагерях были сосредоточены военнопленные, представлявшие разные государства и народы. Временное Сибирское правительство, Комуч и Российское правительство А.В. Колчака продолжили проведение политики «этнизации» плена и деления военнопленных на «дружественных» (славяне и др.) и «враждебных» (немцы, мадьяры и др.), проводившейся российскими властями с начала войны. Военнопленные славянского и романского происхождения сосредоточивались в особых национальных лагерях с правом поступления в национальные армии. Национальные организации, однако, не ограничивались формированием воинских частей, а брали на себя широкие консульские функции представительства интересов не только военнопленных, но и беженцев, и крестьян-переселенцев. Это влекло за собой возникновение конфликтов среди военнопленных в силу различий в их государственной и национально-политической идентификации. Шла борьба за право представлять интересы уроженцев Прикарпатской Руси между Центральным Карпаторусским советом (ЦКС), который ориентировался на Россию и поэтому поддерживался колчаковской администрацией, и омским отделением Галицко-Буковинского комитета помощи жертвам

* Статья написана в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы по-вышения конкурентоспособности ТГУ.

Исследование выполнено в рамках государственного задания подведомственных Минобрнауки образовательных организаций по проекту «Теоретико-методологические основы и междисциплинарные подходы в формировании этносоциального инклюзивного образовательного пространства вуза» (№ 28.8279.2017/8.9).

войны, который оказывал помощь пленным из Галичины и Буковины и занимался формированием украинских воинских частей. В итоге Галицко-Буковинский комитет был закрыт, а ЦКС предоставлено «исключительное право» производить регистрацию уроженцев Прикарпатской Руси. Они получили также возможность формировать воинские части в армии Колчака и представлять интересы карпаторусов на Парижской конференции. Результатом политики «этнизации» плена и разделения военнопленных на «враждебные» и «дружественные» стал раскол в рядах пленных. Это не укрепило единство антибольшевистского фронта, а, напротив, ослабило возможность достижения стратегической цели российских правительств – победы над большевизмом и воссоздание единой и неделимой России.

Ключевые слова: карпаторуссы, русины, буковинцы, украинцы, Прикарпатская Русь, Сибирь, Центральный Карпаторусский совет, Галицко-Буковинский комитет помощи жертвам войны.

ORGANISATIONS OF RUSINIAN PRISONERS OF WAR IN SIBERIA AND AUTHORITY: A CONFLICT OF INTERESTS (1918–1919)*

I.V. Nam¹, N.I. Naumova², V.I. Zinovieva³

^{1,2} Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: namirina@bk.ru

² E-mail: tomnin@yandex.ru

³ Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics

40 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

E-mail: vpz@tsu.ru

Abstract

During WWI, prisoners of war representing different states and nations were held in concentration camps in Siberia. The Provisional Siberian Government, Komuch (The Committee of Members of the Constituent Assembly) and the Russian Government of A.V. Kolchak applied the principle of “ethnicization” and were dividing the prisoners of war into “allied” (Slavs and others) and “hostile” (Germans, Magyars, etc.), following

*The research paper is part of a research project supported by the TSU Competitiveness Enhancement Program.

The research was carried out as part of the state assignment of educational organisations subordinate to the Ministry of Education and Science under the project “Theoretical and methodological foundations and interdisciplinary approaches in the formation of the ethnosocial inclusive educational space of a university” (Nr. 28.8279.2017 / 8.9).

the policy pursued by Russian authorities since the beginning of the war. The Slavic and Romanesque prisoners of war were held in special national camps with the right to enter national armies. However, national organisations not only formed military units, but also exercised the consular functions to represent prisoners of war, refugees and displaced peasants, which entailed conflicts among prisoners of war due to their different state and national-political identification. There was a struggle for the right to represent the interests of the natives of Subcarpathian Rus between the Central Carpathians Council (CCC), which aligned with Russia and therefore was supported by the Kolchak administration, and, on the other hand, the Omsk Branch of the Galician-Bukovinian Committee of Assisting War Victims, which assisted to the prisoners of war from Galicia and Bukovina and formed Ukrainian military units. As a result, the Galician-Bukovinian Committee was disbanded, while the CCC was granted the “exclusive right” to register the natives of Subcarpathian Rus. They could also form military units for the Kolchak army and represent the interests of Carpathians at the Paris Conference. Thus, the policy of “ethnization” and division of prisoners of war into “hostile” and “allied” resulted in a split among the prisoners of war and undermined the unity of Anti-Bolshevik front and decreased the chances to achieve the strategic goal of the Russian governments, which was the victory over Bolshevism and re-establishment of the one and undivided Russia.

Keywords: Carpathians, Rusins, Bukovina, Ukrainians, Subcarpathian Rus, Siberia, Central Carpathians Council, Galician-Bukovinian Committee for Assisting War Victims.

В годы гражданской войны в России на территории Сибири в концентрационных лагерях были сосредоточены сотни тысяч военнопленных, представлявших разные государства (Австро-Венгрия, Германия, Турция) и народы (славяне, немцы, турки). Всего по Сибири и Уралу было расквартировано около 150 тыс. чел. (Суржикова 2013: 80). В их числе были десятки тысяч галичан и буковинцев – военнослужащих Золочевского, Перемышльского, Самборского, Коломыйского, Черновецкого, Ярославского, Львовского, Чортковского, Тернопольского, Бережанского, Стрыйского и других полков ландвера австро-венгерской армии (Карабин 2018: 36–37). Представляя собой столь пестрый по этническому составу конгломерат людей, военнопленные не составляли даже самой «хрупкой целостности». Свое отношение к войне и свою роль в ней они оценивали по-разному. Обособляясь по этническому, языковому и конфессиональному признаку, пленные пытались тем самым спастись от кризиса идентичности, неизбежного в ситуации чужой культуры, в которой они оказались (Суржикова 2011: 118, 120).

Свою роль в «этнизацию» плена внесли российские власти, политика которых в отношении военнопленных разных национальностей

с самого начала войны была дифференцированной, определяясь геополитическими и военными целями и задачами. Пленные разделялись на «дружественных» (славян) и враждебных (немцы, турки, венгры), которые считались проводниками антироссийской политики своих правительств, и поэтому отношение к ним было настороженным. К пленным славянам, выходцам из Австро-Венгрии, отношение было доброжелательным с расчетом на их политические симпатии и лояльность. Для них создавались более благоприятные бытовые условия. Поощрялось формирование общественных организаций, которые вели в нужном для власти направлении пропагандистскую работу среди военнопленных славян – распространяли идеи общеславянского единства под эгидой России.

Так, министр внутренних дел Н.А. Маклаков в октябре 1914 г. утвердил «Устав Всероссийского попечительства о пленных славянах» с целью «покоренных мечем славян завоевать духовно», превратить их «в убежденных сторонников и проповедников общеславянского единства» (Еремин 2007а: 262). Для этого предполагалось вести «культурно-просветительские занятия с военнопленными в интересах русского государства», организовать их обучение русскому языку, нуждавшимся оказывать материальную помощь. Эти меры должны были, с точки зрения властей, создавать положительный образ России, чтобы она ассоциировалась в их сознании со второй этнической родиной, собирательницей всех славянских народов «под своим заботливым крылом» (Еремин 2007b: 20–21).

Летом 1915 г. по военным округам России «для точного и неуклонного исполнения» была разослана записка «По делу военнопленных славян», в которой выражались серьезные опасения, что при существующих неблагоприятных условиях содержания военнопленные славяне, «сдавшиеся по большей части в плен из любви к России, сознательно возвратятся на родину русофобами». Поэтому дело нужно организовать так, чтобы «сохранить не только существующие уже симпатии военнопленных славян к России, но и развить их среди сотен тысяч южных и западных славян, которые по тем или другим причинам относились до сих пор равнодушно или недружелюбно к России». «Было бы грешно не использовать возможности воспитать в желательном для России духе сотни тысяч людей. Если дело будет поставлено правильно, то эти сотни тысяч военнопленных славян возвратятся после окончания войны на родину... не сеятелями вражды к России, но проповедниками любви к России, распространителями русского языка, русской культуры и русского мировоззрения» (Суржикова 2011: 122). Воспитать пленных славян в желательном для России духе решили, оградив их «от враждебного и крайне оскор-

бительного отношения к ним немцев и венгров». С сентября 1915 г. славяне и иные «дружественные» пленные подлежали размещению в Московском, Казанском, Омском и Туркестанском военных округах, в то время как немцы, венгры, а затем и турки, включая увечных, выслались в «дальние округа Сибири» – Иркутский и Приамурский (Суржикова 2011: 122–123).

Еще одно направление политики российских властей по отношению к неприятельским солдатам и офицерам – «этнизация» плена, выражением которой было формирование в составе Русской императорской армии национальных частей, насчитывавших к концу 1917 г. десятки тысяч человек, включая пленных. С осени 1915 г. военный плен превратился в главный резерв их формирования, а «распропагандирование» пленных стало одним из приоритетных задач военного ведомства (Суржикова 2011: 120–121).

Использование панславянских идей в условиях мирового вооруженного конфликта было вполне логичным в целях упрочения про-российских настроений. Однако на практике осуществить деление массы австро-венгерских солдат на славян и неславян было очень трудно, потому что венгерские словаки и румыны могли называть себя и венграми, и русинами, а поляки и словенцы – австрийцами (Нахтигаль 2014: 148–149).

Одной из важнейших целей антибольшевистских правительств – Временного Сибирского правительства (ВСП), Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), Уфимской Директории и Российского правительства А.В. Колчака – являлась борьба за восстановление единства России, в контексте которой колчаковское правительство рассматривало и включение Галицкой, Угорской Руси и Буковины¹, где проживали румыны, немцы, русины², в состав России, завершив тем самым «собрание русских земель». Эти территории представляли также сферу геополитических интересов Румынии, Венгрии, Польши, Украинской Народной Республики (УНР), Западно-Украинской Республики (ЗУНР), что создавало для этих национальностей проблему выбора государственной принадлежности. Буковина являлась важным фактором на пути осуществления концепции «Великой Румынии» на основе расширения границ за счет сопредельных территорий под лозунгом борьбы за национальное объединение (Баринов, Стрелков 2012: 35–37). Одновременно обострилось украинско-румынское противостояние. В 1918 г. (3 ноября) в Черновцах прошло вече русинов-украинцев северной части части Буковины, на котором было принято решение о государственно-территориальном устройстве украинских земель края и провозглашена верховная власть ЗУНР во Львове над этой территорией. В ответ активизировались действия Ру-

мынии, которая оккупировала Буковину. После проведения Конгресса Буковины (28 ноября) румынское правительство 18 декабря издало «закон-декрет» о «воссоединении» Буковины с Румынией, который был утвержден королем 31 декабря (Виднянский 2012: 28–30).

В отношении пленных антибольшевистские правительства практиковали тот же этнодифференцирующий подход, проводившийся российским властями до революционных событий 1917 г. В этих целях военнопленные славянского и романского происхождения сосредоточивались в особых национальных лагерях с правом поступления в национальные воинские части. В соответствии с принятым 29 июля 1918 г. Постановлением Временного Сибирского правительства военнопленные мадьяры и немцы подлежали обязательной изоляции в особых лагерях, разворачивавшихся в городах. Прочие пленные, прежде всего славянского происхождения, размещались по деревням и станицам, что значительно облегчало их жизнь хотя бы потому, что прокормиться в сельской местности было гораздо проще. Помимо того, в конце сентября 1918 г. была запрещена отправка всех пленных славян на принудительные работы (Суржикова 2011: 138–139).

22 октября 1918 г. Верховный главнокомандующий генерал В.Г. Болдырев подписал приказ № 17, который предписывал сосредоточить пленных славянского и романского происхождения «в особых национальных лагерях, предоставив им возможность поступать добровольцами в свои национальные армии. Из военнопленных славянского и романского происхождения, которые не изъявляют желания поступать добровольцами, сформировать особые рабочие роты. Военнопленных немцев, мадьяр, турок и других национальностей вражеской ориентации» надлежало «сосредоточить в концентрационных лагерях» (Суржикова 2013: 80–81). Лагерь в Омске предназначался для чехословаков и карпаторусов, Новониколаевск – для поляков, Томск – для югославян, итальянцев и эльзасцев, Славгород – для украинцев, Иркутск – для чехословаков (Временное 2010: 175).

Однако национальные организации, имея право только на агитацию в лагерях, оказание «своим» военнопленным материальной помощи и формирование национальных воинских частей, брали на себя более широкие консульские функции представительства интересов своей национальности, включая в эту сферу не только военнопленных, но и беженцев, и крестьян-переселенцев (Суржикова 2013: 82). Все это с неизбежностью влекло за собой возникновение конфликтов среди пленных в силу различий в их политической и национально-государственной ориентации и национальной идентификации.

Шла борьба за право представлять интересы уроженцев Прикарпатской Руси в Сибири между Центральным Карпаторусским

советом (ЦКС), который ориентировался на Россию и поэтому подерживался колчаковской администрацией, и омским отделением Галицко-Буковинского комитета помощи жертвам войны (далее – Галицко-Буковинский комитет), который был создан летом 1917 г. в Киеве с целью оказания помощи пленным из Галичины и Буковины, включая формирование из их среды Галицко-Буковинского куреня (сечевых стрельцов)³. При комитете при поддержке Украинской Рады в Нью-Йорке было создано бюро, силами которого было образовано 13 филиалов комитета в Центральной России в Сибири (Хома 2014: 44), в т. ч. в Омске.

Центральный Карпаторусский совет был образован в октябре 1918 г. на съезде в Челябинске, чтобы представлять интересы населения Прикарпатской Руси – Буковины, Галичины, Угорской Руси. Важнейшими задачами в резолюциях съезда назывались борьба за освобождение от «австрийского ига» и воссоединение с русским государством этих территорий, «заселенных русским народом», защита «единой неделимой России». Одновременно подчеркивалось, что «создание отдельного украинского государства» станет «гибельным как для малороссов, так и великороссов», и что только «в пределах одного государства с предоставлением населению широкой областной автономии» будет «обеспечено правильное развитие всего русского народа, как великороссов, так и белоруссов, и малороссов» (Нам, Наумова 2014: 156–158).

Месяцем позже, в ноябре 1918 г., в Челябинске состоялся съезд представителей «румын, уроженцев Буковины и Баната», где было принято решение считать Буковину частью Румынии (ГАРФ 3: 25; А. К. 1919). Такие решения противоречили стратегическим задачам Российского правительства, вызывали противодействие и со стороны Карпаторусского совета, настаивавшего на своем «исключительном праве» представлять интересы уроженцев Прикарпатской Руси на территории, освобожденной от большевиков.

Информируя колчаковскую администрацию, ЦКС аргументировал свою позицию украинофильским составом Галицко-Буковинского комитета, в который входят преимущественно «те из военнопленных, которые... являются горячими сторонниками отделения Украины от России», а также тем, что он «предлагает помощь только тем уроженцам Прикарпатской Руси, которые разделяют их политическую программу, снабжает их удостоверениями, предьявители которых получают пособие от австро-венгерского правительства», хотя Австро-Венгрия прекратила свое существование. Особо подчеркивалось, что «освобожденные военнопленные ведут пропаганду отделения Украины от России среди населения Сибири» (ГАРФ 2: 4–4 об.).

Указывалось на связь Галицко-Буковинского комитета, «раскинувшего свои отделения по всей России», с украинскими национальными организациями – громадами, в т. ч. с Головной украинской радой в Омске, которая была создана на II Всесибирском съезде в августе 2018 г.⁴ Постановление съезда добиваться от Временного Сибирского правительства и Комуча «признания государственной самостоятельности Украины, провозглашенной IV Универсалом» в январе 1918 г. расценивалось как «стремление разделить Россию и русский народ». И, как на «главную причину» недоверия к Галицко-Буковинскому комитету, указывалось на то, что в съезде принимали участие военнопленные украинцы из Галичины, а один из них, Чернецкий, «был избран делегатом на конференцию национальностей» (ГАРФ 2: 4 об.). Обращалось внимание властей на то, что исполнительный комитет Украинской рады в Омске занимается выдачей регистрационных документов и, в частности, выдал удостоверения на право вести переговоры с российскими властями и представителями союзных органов по вопросам организации украинских воинских частей в Сибири. Это послужило поводом для установления слежки за деятельностью данной организации. Однако колчаковской контрразведке ничего предосудительного в деятельности Рады выявить не удалось (РГВА: 18–19).

Карпаторусский совет обратил внимание МИД колчаковского правительства на взаимоотношения военнопленных «галичан-украинцев» (сторонников самостийнического движения) и Алтайской губернской рады, которая ходатайствовала об их освобождении из концентрационного лагеря. Эта группа военнопленных осуществляла культурно-просветительную работу среди украинских беженцев из Харьковской, Херсонской и Екатеринославской губерний, которая, по мнению совета, вела «тайную агитацию в пользу украинской самостоятельности». Указано было на то обстоятельство, что министерство, исходя из того, «что украинский вопрос есть вопрос внутренней политики России», рекомендовало Министерству внутренних дел тщательное наблюдение за деятельностью конкретных лиц, которые являлись «ближайшими руководителями председателя» Рады (ГАРФ 1: 39, 39 об.).

На основании сведений, поступивших от «дружественных» организаций карпаторусов, что члены этой организации из числа военнопленных ведут среди малороссов-беженцев под видом культурно-просветительной деятельности «тайную агитацию в пользу украинской самостоятельности», начальнику Алтайского губернского управления госохраны было поручено установить наблюдение за деятельностью Алтайской губернской украинской рады (РГВА: 18–19).

В конечном итоге практически все структуры колчаковской администрации – МВД, МИД, Генеральный штаб, Департамент общих дел – высказались в поддержку Центрального Карпаторусского совета. Его деятельность характеризовалась как «вполне соответствующая делу объединения России», а его председатель д-р А.В. Копыстьянский, «энергично работающий в этом направлении», «заслуживает полного доверия».

30 мая 1919 г. департамент общих дел МВД отправил в редакцию газеты «Правительственный вестник» копии постановлений о прекращении деятельности Галицко-Буковинского комитета и признании недействительными удостоверений, выданных им. Центральному Карпаторусскому комитету предоставлялось «исключительное право выдавать удостоверения и производить регистрацию уроженцев Прикарпатской Руси» (ГАРФ 2: 20).

Карпаторусский совет прилагал множество усилий для того, чтобы оставить только за собой работу с военнопленными (агитация, оказание материальной помощи «своим» пленным, формирование добровольческих частей, выдача удостоверений), что влекло за собой конфликты между карпатороссами и украинцами внутри лагерей. Особенно крупный конфликт развернулся в лагере № 2 в Омске, где содержались австрийские подданные – поляки, сербы, хорваты, румыны, итальянцы, чехи, словаки и русины (РГВА: 10), и где комендантом был назначен представитель ЦКС поручик Коценко, «глубоко преданный идее объединения России и неприязненно относившийся к сепаратному дроблению России» (РГВА: 10 об.). Это решение означало «верховенство карпатороссов-русофилов над пленными других национальностей в лагере». Дошло до того, что Коценко потребовал от содержащихся в лагере пленных записываться в карпатороссы. Тем, кто не захотел это сделать, было отказано в отпуске на сельскохозяйственные работы. Это вызвало противодействие содержащихся в лагере пленных украинцев, которые потребовали освободить их от власти Карпаторусского совета, как говорилось в ходатайстве, «в интересах хороших отношений между русскими и украинцами». «Мы, украинцы, – говорилось в ходатайстве, – считаем карпаторусов изменниками и ренегатами украинского народа, они это прекрасно знают и потому делают все возможное, чтобы взять здесь над нами верх, чтобы здесь сводить с нами счеты свои партийные и мстить нам за свое политическое поражение на родине, чтобы здесь наше положение сделать невыносимым» (Суржикова 2013: 82–83; Суржикова 2014: 242).

Таким образом, проводившаяся в годы Первой мировой войны российскими властями, а следом и антибольшевистскими сибир-

скими правительствами политика «этнизации» плена и разделения военнопленных на «враждебные» и «дружественные» (последние рассматривались как союзники в борьбе с большевизмом) имела своим результатом поляризацию и раскол в их рядах. Русская «национальная политика» в отношении пленных добавляла много хлопот русскому командованию в тылу и не соответствовала законам войны. Отбор и вербовка добровольцев на национальной основе среди австрийских пленных в России приводили к поляризации пленных (Нахтигаль 2014: 148–149, 152) и серьезно ослабляли общую направленность достижения их стратегической цели – воссоздания единой и неделимой России. Противоречивость этой политики рельефно отразилась в ее несовместимости с центральным идеологическим постулатом «целокупной» России правительства А.В. Колчака, что нашло отражение, в частности, в безоговорочной поддержке одних (Центрального Карпаторусского совета) и в недоверии, вплоть до запрета их деятельности, к другим (Галицко-Буковинскому комитету и украинским национальным организациям в Сибири).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Буковина – историческое название территории, расположенной между средним течением Днестра и главным Карпатским хребтом в долинах верхнего течения Прута и Серета. Во время Первой мировой войны Буковину несколько раз занимали русские войска. На ее территории была создана Черновицкая губерния в составе Галицийского (Галицко-Буковинского) генерал-губернаторства. После распада Австро-Венгрии в 1918 г. данная территория вошла в состав Румынского королевства (Суляк 1919: 281–282). Население Буковины было полиэтничным. Согласно переписи 1910 г., на территории Буковины проживали 305 101 русинов, 273 254 румына. От этих самых больших национальных групп края, которые через свои политические представительства заявили о праве управления им, зависела его судьба (Виднянский 2012: 24).

2. Карпатские русины – крайняя юго-западная часть обширной восточнославянской этноязыковой общности, населяющая южные и северные склоны Карпат, которая получила историческое название «Карпатская Русь». Находясь в составе Австро-Венгерской империи до 1918 г., русины были разделены между австрийской частью империи Габсбургов (Галиция и Буковина) и ее венгерской частью (Угорская Русь). Национальная идентичность карпатских русинов (галицких, угорских, буковинских), сформировавшаяся в XIX в., основывалась на идее принадлежности карпаторусов к единому русскому

племени от Карпат до Тихого океана (Шевченко 2010: 71). Русскому движению противостояло культурно-политическое движение украинофилов, которые видели будущее Восточной Галиции в единстве всех украинских земель от Карпат до Дона и ориентировались на поддержку австрийских правящих кругов в борьбе против господства польского элемента в социально-экономической сфере. К концу XIX в. относится появление термина «украинец», первоначально имевшего политический характер и отождествлявшегося с принадлежностью к политическому лагерю противников идеи общерусского единства и русской государственности и поэтому отвергавшегося русским (русинским) населением края (Савченко 1996: 96–97).

3. Галицко-Буковинский комитет помощи жертвам войны был создан летом 1917 г. в Киеве. Он занимался организацией помощи пленным и беженцам из Галичины и Буковины. Кроме того, им был сформирован «Галицко-Буковинский курень сечевых стрельцов» – легионерская организация, состоявшая из галицких, буковинских и венгерских русинов, позднее переименованная в «Первый курень сечевых стрельцов». Пополнение происходило в основном из бывших офицеров и солдат Украинских сечевых стрельцов австро-венгерской армии, попавших в русский плен. Курень сыграл решающую роль в антигетманском восстании (Хома 2014; Карабин 2018: 37–38).

4. В условиях гражданской войны в Сибири среди украинского населения (преимущественно это были переселенцы-крестьяне) проявилась тенденция к созданию украинской культурно-национальной автономии в Сибири и на Дальнем Востоке. В местах расселения украинцев усилиями активистов сформировалась разветвленная сеть украинских организаций – «громад» (уездных, губернских, окружных, городских). Логическим развитием этого процесса стал созыв двух сибирских и четырех дальневосточных украинских съездов в 1917–1918 гг., на которых были созданы руководящие органы – Головная украинская рада Сибири в Омске и Дальневосточная краевая украинская рада, установившие связь с Центральной радой в Киеве. В условиях колчаковщины деятельность этих организаций была затруднена (Нам 2009: 157–162, 244–245, 433).

ЛИТЕРАТУРА

А. К. 2019 – А. К. Буковинская Русь и Румыния // Карпаторусское слово. № 2. Баринов, Стрелков 2012 – *Баринов И., Стрелков И.* Будущее Буковины в контексте русских, украинских и румынских предложений на Парижской конференции 1919 г. // Русин. 2012. № 2 (28). С. 35–48.

Виднянский 2012 – *Виднянский С.* Процессы национального самоопределения на Буковине в 1918 г., ее включение в состав Румынского королевства и румынизация автохтонного украинского населения края // Русин. 2012. № 2 (28). С. 23–34.

Временное 2010 – Временное Всероссийское правительство (23 октября – 18 ноября 1918 года). Сборник документ и материалов / Сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. 362 с.

ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ) Ф. 147. Оп. 10. Д. 43. Переписка с управляющими областями и губерниями о работе американского общества «Союз христианской молодежи», о съездах и совещаниях профсоюзов и кредитных товариществ, о производстве дознаний и следствий по делам отдельных групп и лиц, настроенных против правительства Колчака. 28 февраля – 15 октября 1919.

ГАРФ 2 – ГАРФ. Ф. 148. Оп. 5. Д. 78. Переписка Карпаторусского совета об организации добровольческих полков, о регистрации всех военнопленных, о действиях Украинского Центрального Галицкого комитета. 1919 г.

ГАРФ 3 – ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 357. Переписка с Центральным Карпаторусским советом в Омске, Военным министерством и российскими послами за границей о политическом положении карпаторусов – населения Галицкой, Буковинской и Угорской Руси. 5 октября – 25 июня 1919 г.

Еремин 2007а – *Еремин И.А.* Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2007. Т. 310, № 1. С. 259–263.

Еремин 2007б – *Еремин И.А.* Из истории формирования положительного имиджа России среди размещенных в Западной Сибири австро-венгерских военнопленных славянского происхождения в период Первой мировой войны. URL: http://ashpi.asu.ru/talks/th5_2007/th501/ermn.html (дата обращения: 15.06.2019).

Карабин 2018 – *Карабин А.Ю.* Деятельность добровольческих подразделений военнопленных на просторах Российской империи в 1914–1919 гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2018. № 3. С. 31–44.

РГВА – Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40218. Оп. 1. Д. 119. Доклад № 13 штаб-офицера для поручений при начальнике контрразведывательного отдела и военного контроля Управления второго генерал-квартирмейстера Штаба Верховного главнокомандования. 19 июля 1919 г.

Нам 2009 – *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.

Нам, Наумова 2014 – *Нам И.В., Наумова Н.И.* Съезды карпаторуссов в

Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.) // Русин. 2014. № 3 (37). С. 152–166. DOI: 10.17223/18572685/37/11

Нахтигаль 2014 – *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 147–156.

Савченко 2002 – *Савченко В.Н.* Национально-политические отношения в Восточной Галиции и Буковине. 1910–1911 гг. // *Вопросы истории*. 2002. № 5. С. 76–89.

Суляк 2019 – *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16

Суржикова 2011 – *Суржикова Н.В.* Этничность и вера в практиках Российского плена 1914–1919 годов. По материалам Уральского региона // *Россия XXI*. 2011. № 5. С. 116–139.

Суржикова 2013 – *Суржикова Н.В.* Военнопленные Первой мировой войны на занятых белыми территориях Урала и Сибири в 1918–1919 гг. // *Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек*. 2013. № 4 (46). С. 79–90.

Суржикова 2014 – *Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 440 с.

Хома 2014 – *Хома И.* Галицько-Буковинський комітет допомоги жертвам Першої світової війни: створення та основні засади діяльності // *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка*. 2014. № 3 (121). С. 43–45.

Шевченко 2010 – *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. М.: Regnum, 2010. 414 с.

REFERENCES

A.K. (2019) *Bukovinskaya Rus' i Rumyniya [Bukovinian Rus and Romania]. Karpatorusskoe slovo*. 2.

Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) The future of Bukovina in the context of Russian, Ukrainian, and Romanian proposals at the Paris Peace Conference of 1919. *Rusin*. 2(28). pp. 35–48 (in Russian).

Vidnyansky, S. (2012) The processes of national selfdetermination in Bukovina in 1918, its annexation into the structure of the Rumanian Kingdom and the Rumanization of the indigenous population of the land. *Rusin*. 2(28). pp. 23–34 (in Russian).

Shishkin, V.I. (ed.) (2010) *Vremennoe Vserossiyskoe pravitel'stvo (23 oktyabrya – 18 noyabrya 1918 goda). Sbornik dokumentov i materialov [Provisional All-Russian Government (October 23 – November 18, 1918). Collection of documents and materials]*. Novosibirsk: [s.n.].

The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 147. List 10. File 43.

The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 148. List 5. File 78.

The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 357.

Eremin, I.A. (2007a) Army prisoners of the First World War in the Western Siberia. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring geoesur-*

sov – *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering*. 310(1). pp. 259–263 (in Russian).

Eremin, I.A. (2007b) *Iz istorii formirovaniya polozhitel'nogo imidzha Rossii sredi razmeshchennykh v Zapadnoy Sibiri avstro-vengerskikh voennoplennykh slavyanskogo proiskhozhdeniya v period Pervoy mirovoy vojny* [From the history of the formation of a positive image of Russia among Austro-Hungarian prisoners of war of Slavic origin in Western Siberia during World War I]. [Online] Available from: http://ashpi.asu.ru/talks/th_s_2007/th_s01/ermn.html (Accessed: 15th June 2019).

Sibirskaya zhizn'. (1919) Iz gazet [From newspapers]. 23rd July.

Russkaya armiya. (1919) K svedeniyu urozhentsev Prikarpatzskoy Rusi (Galitskoy, Bukovinskoy i Ugorskoj Rusi) [Attention to the natives of Carpathian Rus (Galician, Bukovinian and Ugric Rus)]. 12th July.

Karabin, A.Yu. (2018) Activities of war prisoners voluntary units in all of the Russian Empire in 1914–1919. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Journal of the Belarusian State University. History*. 3. pp. 31–44 (in Russian).

The Russian State Military Archive (RGVA). Fund 40218. List 1. File 119.

Karpatorusskoe slovo. (1919) Rezolyutsii s'ezda [The Congress resolutions]. 1.

Nam, I.V. (2009) *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)*. [Ethnic minorities of Siberia and the Far East at a historic turning point (1917–1922).] Tomsk: Tomsk State University.

Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2014) Carpathoross Reunions in Siberia during the years of the Civil War (1918–1919). *Rusin*. 3(37). pp. 152–166 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/37/11

Nachtigal, R. (2014) Prisoners of War in Russia during World War I. *Quaestio Rossica*. 1. pp. 147–156. DOI: 10.15826/qr.2014.1.028

Savchenko, V.N. (2002) *Natsional'no-politicheskie otnosheniya v Vostochnoy Galitsii i Bukovine. 1910–1911 gg.* [National-political relations in Eastern Galicia and Bukovina. 1910–1911]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 76–89 (in Russian).

Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

Surzhikova, N.V. (2011) Ethnicity and Faith in the Practices of Russian Captivity in 1914–1919 (on materials of the Ural Region). *Rossiya XXI – Russia XXI*. 5. pp. 116–139 (in Russian).

Surzhikova, N.V. (2013) Prisoners of World War I in the territories of the Urals and Siberia occupied by the Whites in 1918–1919. *Vestnik Ural'skogo otdeleniya RAN. Nauka. Obshchestvo. Chelovek*. 4(46). pp. 79–90 (in Russian).

Surzhikova, N.V. (2014) *Voennyi plen v rossiyskoy provintsii (1914–1922 gg.)* [Military captivity in the Russian provinces (1914–1922)]. Moscow: ROSSPEN.

Talapin, A.N. (2013) Prisoners of World War I in Siberia during the Civil War and Repatriation. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 3. pp. 81–83 (in Russian).

Khoma, I. (2014) Galits'ko-Bukovinskiy komitet dopomogi zhertvam pershoi svitovoi viyni: stvorennaya ta osnovni zasadi diyal'nosti [Galician-Bukovinian Committee of Assisting War Victims: Formation and Basic Principles of Acti-

vity]. *Visnik Kiivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka*. 3(121). pp. 43–45.

Shevchenko, K.V. (2010) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX v.* [Slavic Atlantis: Carpathian Rus and Rusins in the 19th – the first half of the 20th centuries]. Moscow: Regnum.

Нам Ираида Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Iraida V. Nam – Tomsk State University (Russia).

E-mail: namirina@bk.ru

Наумова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Natalia I. Naumova – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tomnin@yandex.ru

Зиновьева Валентина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы гуманитарного факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Россия).

Valentina I. Zinovieva – Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

УДК 94.47

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/7

ПОМГЛАВКОРУМ ДМИТРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ЩЕРБАЧЕВ И ЛИКВИДАЦИЯ РУМЫНСКОГО ФРОНТА ЗИМОЙ – ВЕСНОЙ 1918 г.

М.В. Оськин

Институт законовeдения и управления Всероссийской
полицейской ассоциации
Россия, 300028, г. Тула, ул. Болдина, 98
E-mail: maxozv@yandex.ru

Авторское резюме

Выход России из Первой мировой войны после прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. предполагал упразднение русской действующей армии. Переход высшей военной власти в руки большевистской Ставки Верховного командования и объявление перемирия означали, что это упразднение будет происходить в короткие сроки. Каждый из пяти русских фронтов должен был озаботиться своей ликвидацией. Единственным фронтом, где ликвидация прошла сравнительно организовано и упорядоченно, стал Румынский фронт. Прочие фронты еще до окончания демобилизации вступали в разворачивавшуюся в России гражданскую войну. Румынский фронт – единственный, располагавшийся на территории союзного государства – Румынии. Присутствие иностранной армии смягчило последствия большевистского переворота для русских войск в Румынии. Кроме того, оккупация румынскими войсками Бессарабии позволила штабу Румынского фронта упорядочить демобилизацию войск. Ликвидация фронта, помимо демобилизации личного состава войск и конского состава подразделений, предполагала и вывоз военного имущества в Россию. На всех фронтах бóльшая часть военного имущества была либо разграблена или потеряна, либо досталась противостоящим сторонам гражданской войны. На Румынском фронте помглавкоруму Д.Г. Щербачеву и его сотрудникам удалось складировать большую часть имущества, передав его румынам на хранение. В конечном счете это имущество все равно досталось Румынии. Однако в случае поражения советской власти оно было бы возвращено новому политическому режиму, объявившему о своем правопреемстве от Российской империи.

Ключевые слова: Румынский фронт, демобилизация армии, генерал Щербачев, ликвидация фронта, фронтовые склады, военное имущество.

POMGLAVKORUM DMITRY GRIGORIEVICH SHCHERBACHEV AND LIQUIDATION OF THE ROMANIAN FRONT IN THE WINTER – SPRING OF 1918

M.V. Oskin

Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian
Police Association

98 Boldin Street, Tula, 300028, Russia

E-mail: maxozv@yandex.ru

Abstract

Russia's withdrawal from WWI after the Bolsheviks had come to power in October 1917 suggested the abolition of the Russian army. The transfer of the highest military power into the hands of the Bolshevik Headquarters of the High Command and the declaration of a ceasefire meant that this abolition would occur in a short time. While each of the five Russian fronts had to attend to its liquidation, the only one that managed to organise a relatively orderly procedure was the Romanian front. Other fronts entered the unfolding Civil War in Russia even before the end of demobilisation. As the Romanian front was located on the territory of the union state, Romania, the presence of a foreign army softened the consequences of the Bolshevik coup for the Russian troops in Romania. In addition, the Romanian occupation of Bessarabia allowed the Headquarters of the Romanian Front to streamline the demobilisation of troops. The liquidation of the front, together with the demobilisation of the service personnel and the complement of horses, involved the military property removal to Russia. On all fronts, most of the military property was either plundered or lost, or appropriated by the opposing Civil War sides. Pomglavkorum (Deputy Commander-in-Chief of the Romanian Front) D.G. Shcherbachev and his assistants managed to depot most of the property through transferring it to the Romanians for storage. Finally, this property went to Romania. However, if the Soviet regime had failed, it would have been returned to the new political regime succeeding the Russian Empire.

Keywords: Romanian front, army demobilisation, General Shcherbachev, liquidation of front, front depots, military property.

Установление советской власти в России по результатам переворота 25–26 октября 1917 г., помимо прочего, означало преждевременный выход страны из Первой мировой войны. Принятый II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов Декрет о мире предполагал проведение этого выхода в короткие

сроки, а значит, скорое упразднение Восточного фронта. Переход Ставки Верховного командования в руки большевиков потребовал от фронтовых командований (к ноябрю 1917 г. русская действующая армия имела пять фронтовых управлений) реализации Декрета о мире в жизнь.

Следовательно, в конце 1917 г. важнейшей задачей штабов фронтов стало установление взаимоотношений с немцами и их союзниками, которые велись согласно курсу Совета народных комиссаров (выход России из войны и демобилизация армии). Солдаты не желали воевать, настаивали на отправке на родину, а наиболее радикально настроенная часть военнослужащих выполняла приказы большевиков. Чем дальше, тем сильнее падали объемы снабжения Восточного фронта, а склады стали ареной противостояния различных политических сил. Удержать армию в окопах для военных действий не было возможности, следовало провести демобилизацию как можно скорее и эффективнее, особенно учитывая начинавшуюся в России гражданскую войну.

Из пяти русских фронтов лишь один – Румынский – находился в особенной ситуации: три четверти личного состава фронта располагались на территории союзника – Румынского королевства и воевали плечом к плечу с союзными войсками. Этот фактор, с одной стороны, ставил упразднение Румынского фронта в определенную зависимость от союзников, остававшихся дисциплинированной силой, а с другой – позволял избежать хаоса и разгрома в период демобилизации, которая на прочих фронтах объективно вылилась в развал военных структур. Реализация упразднения фронта возлагалась на помглавкорума (помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта – главкомом номинально считался румынский король Фердинанд I) генерала от инфантерии Дмитрия Григорьевича Щербачева, занявшего этот пост в апреле 1917 г. и вышедшего в отставку 25 марта 1918 г.

9 декабря, уже разгромив централизованные большевистские структуры в Бессарабии и учитывая, что румыны подписали с немцами Фокшанское перемирие, Д.Г. Щербачев также присоединился к заключенному акту. С этого момента начался процесс ликвидации Румынского фронта как составной части общего упразднения Восточного фронта Первой мировой войны. Данная ликвидация прежде всего включала в себя демобилизацию людей – войск и различных тыловых служб, решение проблемы конского состава русских войск и, наконец, сохранение военного имущества фронта и ближайшего тыла для Румынского фронта, располагавшегося в регионах Одесского военного округа и, в первую очередь, в Бессарабской губернии.

Деятельность штаба фронта затрудняла слабостью кадрового состава – к концу 1917 г. был смещен со своих должностей ряд высших командиров, включая всех командармов, а сам Д.Г. Щербачев лишился своих ближайших сподвижников. Еще в октябре генерал-квартирмейстер А.А. Незнамов уехал в отпуск и не вернулся. После разгрома большевистского руководства на станции Соколы в начале декабря подал в отставку пустивший дела на самотек начальник штаба Г.Н. Вирановский. Оставшись без помощников, помглавкорум пригласил на его место своего бывшего начальника штаба Н.Н. Головина, находившегося в Одессе, но тот отказался из-за болезни, и этот пост занял приехавший по вызову Щербачева из Киева командир 18-го армейского корпуса А.В. Геруа (ГАРФ 5: 25).

Благоприятное течение процесса демобилизации затруднялось тем, что и в Бессарабии, и на Украине были образованы собственные правительства (молдавский Сфатул Цэрий и украинская Центральная Рада соответственно). Притом Румынский фронт находился в тесном взаимодействии с Первым (8-я армия Румынского фронта стояла в Бессарабии, где были расположены важнейшие склады продовольствия и военного имущества фронта) и подчинялся Второй (что стало следствием политического лавирования, дабы выйти из прямого подчинения Совету народных комиссаров во главе с В.И. Лениным). Образование на Румынском фронте национальных частей – польских, украинских, мусульманских, молдавских – потребовало их обеспечения личным составом и материальным имуществом, что подрывало централизацию демобилизационных мероприятий.

Первым делом в ликвидации фронта стала организация процесса демобилизации личного состава войск. Изначально предполагалось, что она будет проводиться на русской территории, т. е. в Бессарабии, причем численность войсковых соединений должна была вернуться к составу на 1 августа 1914 г. Учитывая, что три русские армии (4-, 6- и 9-я) находились на территории Румынии, штаб фронта предписывал, что отход в Бессарабию «будет совершен пешим порядком, причем части войск, учреждения и заведения берут с собой все наличное имущество, которое может быть перевезено средствами войсковых обозов и транспортом. Остальное имущество вывозится по железным дорогам и путем кругооборотов транспортов» (ГАРФ 4: 12 об.). Таким образом, в декабре 1917 г., невзирая на начавшееся противостояние с советской властью (события в Соколах), помглавкорум еще рассчитывал на благоприятное развитие ситуации в деле ликвидации фронта.

Телеграмма Д.Г. Щербачева армиям фронта от 15 декабря 1917 г. сообщила, что демобилизация начинается. В тот момент еще не было

понятно, чем закончится вооруженная борьба в России – и прежде всего в столицах (определенный антибольшевистский расчет делался на итоги выборов в Учредительное собрание), но факт невозможности революционной России продолжать войну являлся неоспоримым. Исходя из данного постулата, штаб Румынского фронта рассчитывал провести максимально организованные демобилизационные мероприятия, возвращая солдат и офицеров на родину. В телеграмме помглавкорум указал, что ждет от вверенных ему войск «терпеливого ожидания своей очереди к отправке по железным дорогам, так как запасов в Румынии по пути следования войск походом нет, и люди принуждены были бы голодать, тогда как на фронт в места настоящего расположения частей им будет подаваться все необходимое». Особо оговаривалось, что «все оружие и материальная часть, освобождающиеся при демобилизации, не будут оставляться в Румынии, а тотчас же вслед за уволенными людьми будут отправляться из украинских корпусов на Украину, а из великорусских в Москву. Только оставаясь на местах, можно заключить мир» (РГВИА 1: 14 об.).

Тем не менее расчеты Щербачева и его сотрудников не оправдались. Во-первых, находившиеся в Бессарабии войска 8-й армии поддержали советскую власть в лице располагавшегося в Одессе Румчерода (Центральный исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа), включившись в гражданскую войну на юго-западе России. Во-вторых, 13 января Д.Г. Щербачев сложил с себя полномочия командующего Украинским фронтом и вернулся к командованию только на Румынском фронте, т. к. Украинская Народная Республика начала сепаратные переговоры о мире с немцами. Вплоть до окончания демобилизации украинские представители пытались оказывать давление на помглавкорума, а затем и на его преемника А.А. Пержхайло, которое, впрочем, ни к чему не привело. Главную причину необоснованности украинских претензий показывает записка «Демобилизация Румынского фронта»: «...необходимо особо подчеркнуть, что за время, пока фронт числился Украинским, несмотря на тяжелое положение войск и вызывавшийся этим ряд ходатайств об отпуске денег, не было получено от украинского правительства ни одного рубля или карбованца, ни даже одного указания» (ГАРФ 4: 43 об.).

Главным же обстоятельством, повлиявшим на ход и результаты ликвидации Румынского фронта, стала оккупация румынами Бессарабии: 7 января румынские войска перешли пограничную реку Прут и после месячных боев в ряде населенных пунктов заняли регион вплоть до Днестра. Причинами тому стали как объективные

обстоятельства – необходимость продовольственного и фуражного снабжения фронта и захват ресурсов региона для этой цели, так и субъективные – расчеты румынского правительства на послевоенное отторжение Бессарабии в свою пользу. Официально румыны утверждали, что целью вступления оккупационных войск в Бессарабию являются снабжение фронта, а также демобилизация русских войск. Таким образом, с января 1918 г. Румыния и Бессарабия фактически находились под контролем румынского правительства, от согласования действий с которым зависел ход ликвидации Румынского фронта.

В ситуации начавшейся в России гражданской войны и румынской интервенции в Бессарабии 24 января 1918 г. Д.Г. Щербачев отдал приказ по фронту № 1414 об образовании Комитета Румынского фронта по демобилизации под председательством начальника штаба 4-й армии Н.А. Монкевица. Помимо собственно русского состава, в комитет вошли и представители от румынской и французской армий. В первых числах февраля командармы, следуя распоряжению помглавкорума, установили срок для расформирования войсковых частей – до 3 недель, «после чего прекращается отпуск всякого довольствия». Расформирование подразделений предполагалось завершить не позже 15 февраля (РГВИА 1: 7).

Для проведения данных мероприятий в каждой армии создавалась демобилизационная комиссия. 28 февраля А.В. Геруа приказал «немедленно приступить к расформированию штабов армий, оставив лишь центральные ликвидационные комиссии, каковые и должны определить необходимое число чинов штаба, которое должно быть оставлено для полной ликвидации дел». Расформирование штабов следовало закончить к 5 марта (РГВИА 1: 95 об.).

Таким образом, к началу весны на Румынском фронте должны были остаться лишь демобилизационные структуры, решавшие задачи учета и складирования русского военного имущества. Военнослужащие к тому времени уже отправлялись на родину. Для работы на территории Бессарабии 18 февраля была сформирована тыловая демобилизационная комиссия в Кишиневе под председательством командира 24-го армейского корпуса В.П. Троянова, ранее командовавшего Чешско-Словацкой стрелковой бригадой (РГВИА 9: 26).

Отправка личного состава в Россию осуществлялась двумя основными способами: посредством формирования эшелонов с демобилизуемыми солдатами, отправлявшимися в глубь страны, и ухода из Румынии и Бессарабии национальных соединений собственными усилиями (польские корпуса – в Польшу, украинские – на Украину,

Мусульманский корпус – в Крым). Первый способ осуществлялся почти беспрепятственно, т. к. русские военнослужащие в Румынии и Бессарабии стали помехой для реализации интервенционистских целей румынского правительства. Второй способ оказался частично заблокированным двинувшимися на Украину австро-германскими войсками (прежде всего, для польских соединений). Вдобавок часть военнослужащих приняла активное участие в гражданской войне в Бессарабии (особенно из подразделений 8-й армии), выпадая тем самым из общего демобилизационного процесса.

Если отъезд рядового состава не вызывал особенных трудностей и к тому же активно поддерживался румынами, то с офицерским корпусом дело обстояло сложнее, ибо офицерам вполне могла грозить гибель от красных, захвативших весь юго-западный регион России, за исключением занятой румынами Бессарабии. Поэтому судьба офицерского состава фронта складывалась по-разному. Часть офицеров возвратилась домой вместе с солдатами в войсковых эшелонах, часть пыталась пробираться самостоятельно, часть находилась в национальных корпусах либо ушла с добровольцами М.Г. Дроздовского на Дон. Тем не менее в армейских структурах и по окончании демобилизации личного состава оставалось немало офицеров, не решавшихся выехать в Россию и не желавших принимать участие во внутреннем конфликте.

Сознавая опасность возвращения для офицеров в охваченную гражданской войной Россию, да еще через наводненное красными войсками Приднестровье, помглавкорум пытался оказывать им поддержку, опираясь на помощь румын и союзных миссий. В начале марта румыны разрешили офицерам, не имевшим пока возможности выехать в Россию, временно остаться на жительство в Румынии. Для этого предоставлялся город Галац. Штаб Румынского фронта возбудил ходатайство, чтобы русским можно было проживать еще и в Яссах, Ботошанах, Романе, Бакзу и Бырладе. В середине месяца командиры соединений и подразделений получили запрос штаба фронта о том, желают ли подчиненные им офицеры остаться на жительство в Румынии или Германии. Телеграмма Щербачева от 17 марта требовала «срочно донести: 1) какое число офицеров армии желает оставаться временно на жительство в Румынии и в каких городах; 2) список офицеров, желающих проехать в Германию для временного жительства и проезда в дальнейшем в Россию; 3) общим числом количество солдат, желающих проехать через Германию в Россию» (РГВИА 1: 90, 93, 99).

Офицеры, остававшиеся на фронте весной – летом 1918 г. и не

получавшие жалования, финансировались по приказу помглавкорума Д.Г. Щербачева из сумм полевого казначейства (РГВИА 18: 14). В своей телеграмме в войска от 14 марта Щербачев указывал: «...зная тяжелое положение офицеров, оставшихся на фронте, часть коих несколько месяцев не получала содержания, и в то же время осведомленный о поступающих в полевое казначейство остатках денежных сумм демобилизационных частей, считаю себя обязанным прийти на помощь оказавшимся в бедственном положении офицерам, врачам и чиновникам». Щербачев просил все соединения сообщить количество состоящих в них офицеров, и в каких суммах таковые нуждаются (РГВИА 6: 11). После этого задержавшиеся в Румынии офицеры стали получать жалование. Например, в начале апреля на содержание офицеров и чиновников в Яссах было выделено 35 тыс. руб. (РГВИА 10: 28). Перечисления денег оставшемуся в Румынии русскому офицерскому составу продолжались до середины лета.

Вместе с тем румынское правительство не желало, чтобы российские военнослужащие даже теоретически имели возможность вмешаться в процессы ползучей оккупации Бессарабии и помешать им. Поэтому приказ Д.Г. Щербачева от 23 марта 1918 г. о возможности офицерам «временно задержаться в Румынии» указал особые условия. Такими условиями стали: «...1) действительная необходимость временно задержаться по условиям данного момента в Румынии; 2) полный отказ от какого-либо участия в политической деятельности и жизни как самой Румынии, так и вне ее; 3) соблюдение всех тех существующих в русской армии законов и правил поддержания порядка и должных взаимоотношений, коими определялись достоинства и честь русского воина и доброе имя единой русской военной семьи» (РГВИА 10а: 13). Спустя три недели приказом от 16 апреля устанавливалось, что русские офицеры не могли носить оружие на румынской территории. И не только оружия – приказ за подписью уже щербачевского преемника А.А. Пержхайло уточнял, что «ношение военной формы, но без оружия, согласно распоряжению румынских властей, разрешено лишь лицам, принадлежащим к составу ликвидационных органов фронта. Всем прочим надлежит снять все наружные знаки военной формы или же одеться в гражданское платье». Не желавшие остаться в Румынии должны были выехать не позже 21 апреля (РГВИА 5: 19).

Даже последние действия Д.Г. Щербачева уже после сложения с себя полномочий в конце марта также касались «обеспечения участи наших офицеров и организации им помощи для возможного обеспечения от нужды». Для этого помглавкорум сумел получить разрешение румынского правительства на проживание русских офицеров «без

ограничения времени» в ряде городов Румынии и Бессарабии. Также Щербачеву удалось создать особое попечительство под покровительством румынской королевы и председательством русского посланника в Румынии С.А. Поклевского-Козелл, в распоряжение которого передавались оставшиеся из особого фонда, полученного генералом от союзников на формирование Добровольческого корпуса (бригада М.Г. Дроздовского), 2 млн леев. Чтобы облегчить жилищный вопрос, румыны предоставили русским офицерам общежития и столовые в Яссах и Галаце и госпиталь в Ботошанах. К 1 июля уже было выдано пособий на 500 тыс. леев (ГАРФ 4: 41–42).

Вторым важным мероприятием демобилизации стала ликвидация конского состава армий Румынского фронта. При начале демобилизации полковые знамена отправлялись в Яссы в распоряжение русского посланника в Румынии, «оружие и орудия сдавались в местные склады, открытые в тылу позиции», которые охранялись румынами, а войсковое имущество и лошади продавались (ГАРФ 1: 17 об.). Последнее обстоятельство особенно примечательно, т. к. это дело зависело от румынских претензий. Еще до революции румыны купили в России 50 тыс. ремонтных лошадей (большинство – для обозов) и ожидали их прибытия из степных губерний империи. В 1917 г. выполнить свои обязательства российское правительство не смогло, поэтому при демобилизации Румынского фронта румынское командование стало настаивать на бесплатной передаче румынской стороне этих 50 тыс. лошадей уже из числа конского состава Румынского фронта (РГВИА 2: 12).

В пользу реализации румынского требования говорил и тот фактор, что в конце 1917 г. обострился вопрос выживания конского состава русских войск из-за нехватки фуража: «...лошади дошли до крайнего истощения, грозил массовый падеж их» (ГАРФ 4: 27 об.), солдаты отказывались от ухода за лошадьми и бросали их. Поэтому так или иначе приходилось передавать лошадей румынам. Между тем главные цели демобилизации конского состава заключались в следующих тезисах: «...1) сохранить армии нужных ей хороших лошадей; 2) вернуть русскому населению остальных пригодных для работ лошадей». Соблюсти эти цели было невозможно по объективным причинам, т. к. как армия расходилась по домам, а довести уцелевших животных располагавшихся в Румынии русских войск до крестьянских бессарабских хозяйств было нельзя из-за отсутствия корма (РГВИА 9: 6 об., 87).

Телеграмма Д.Г. Щербачева от 22 декабря 1917 г. предписывала направлять лошадей в приемно-сдаточные пункты «для дальнейшего направления в глубь страны и соответственной передачи земствам»:

8-я армия – Могилев, 9-я – Бельцы, 4-я – Оргеев, 6-я – Тирасполь (ГАРФ 3: 3). Однако выполнить это распоряжение ввиду общей анархии на Восточном фронте не удалось. В итоге войсковые лошади доставались лишь тем земствам, в районе деятельности которых находились русские войска, – прежде всего, 8-й армии, располагавшейся на территории Бессарабской губернии. Средняя цена лошади, продаваемой земствам, составляла 110–120 руб. за голову. Помимо того, в распоряжение земств «поступали также лошади, брошенные частями войск при демобилизации, происходившей в обстановке полной анархии» (РГВИА 17: 6, 9).

Штабу фронта пришлось ограничиться Бессарабской губернией: лошади направлялись на сдаточно-ликвидационные пункты в Бельцы (8-я и 9-я армии), Кишинев (4-я армия), район Бессарабская – Болград (6-я армия) (РГВИА 7: 11 об.). Пример ликвидации конского состава дает отчет заведующего демобилизацией лошадей 6-й армии Л.Ф. Шкадышека. Генерал Шкадышек сообщал штабу фронта, что план ликвидации состоял в следующем: 1) передача всех лошадей в Россию через сдаточные пункты; 2) передача румынам всех лошадей, брошенных русскими войсками; 3) продажа и передача бессарабскому земству, населению Бессарабии и частным лицам (офицерам), пожелавшим приобрести лошадей. Препятствия к успешной реализации: неимение перевозочных средств, противодействие румын, большевистское движение в войсках. Шкадышек отмечал: «Видно, что было много лиц, которым желательно было произвести возможно больший беспорядок в каждом деле, а особенно где задет денежный интерес... Аукционов мирного времени не производилось, а лошади выводились на базар; объявлялось о них в местных газетах. Препятствия к аукционам ставил Сфатул Цэрий и забирал лошадей сам» (РГВИА 4: 154).

Совместную русско-румынскую комиссию для обсуждения вопроса о продаже румынскому правительству лошадей русской армии возглавил генерал для инспектирования конского состава армий Румынского фронта С.Э. Шишко. Румыны хотели купить 30 тыс. лошадей подешевле, почему сбивали на них цену, апеллируя к нехватке фуража в русских войсках, что им и удалось – твердые цены составили минимум: тяжелая артиллерийская – 500 леев, легкая артиллерийская – 450, кавалерийская – 400, обозная – 300 леев. Притом румыны получили право выбора лошадей в войсках для закупки (РГВИА 11: 6–7).

Убедившись в возможности получения конского состава за минимальную цену, 25 января 1918 г. отдел коневодства румынского Военного министерства запросил штаб Румынского фронта о намерении приобрести еще 20 тыс. лошадей, преимущественно кобыл, и

20 тыс. забракованных лошадей за наличные деньги. В конце февраля румыны перестали покупать лошадей, и вследствие нехватки фуража эти животные (40 тыс. голов) пошли в вольную продажу (РГВИА 11: 30, 50).

Правда, организация торгов оказалась нечестной игрой: румынские власти стали запрещать населению участвовать в аукционах, одновременно собирая с него деньги для покупки русских лошадей. Русские же пытались получить хоть какую-нибудь сумму от ликвидации конского состава. Например, командир 490-й ополченской Владимирской дружины 7 марта доносил в штаб 6-й армии, что «со стороны румынских властей уже неоднократно были попытки к реквизиции казенных дружинных лошадей, которыми они очень заинтересованы». Просьба – позволить продать, чтобы не отобрали бесплатно, причем продать не на официальном аукционе, контролировавшемся румынскими властями, а напрямую (РГВИА 1: 9). В итоге купленные на аукционах лошади переходили в руки румынской армии, и продать удалось лишь тех животных, где сделка проводилась сразу с частным покупателем.

Подводя итог процессу продажи лошадей, преобразованный из Комитета по демобилизации Совет по ликвидации Румынского фронта 28 мая вынес постановление о немедленном переходе к рыночным торгам. Совет считал: «Принимая во внимание, что аукционная продажа не разрешается румынами и ими же принимаются все меры к устранению покупателей, могущих дать большую цену, а также что практика бывших аукционных продаж показала невыгодность этих продаж для казны, Совет постановил разрешить продажу имущества не с аукциона, а вольной продажей» (ГАРФ 3: 290). Правда, к этому моменту большинство животных, оставшихся в руках русских, были негодны к строевой службе. И все равно передача лошадей румынским комиссиям продолжалась еще летом 1918 г. (РГВИА 17: 2).

Таким образом, в деле ликвидации конского состава русских армий Румынского фронта наиболее годные животные достались румынам по минимальным ценам. С одной стороны, русские потеряли определенную сумму, с другой – лошадей все равно было бы некуда девать: в большинстве соединений лошади были брошены в Молдавии и Бессарабии или отняты румынами, часть пала от бескормицы, т. к. румыны захватили фураж. Согласно отчетам, из 463 713 войсковых лошадей централизованно было ликвидировано только 50 тыс. голов (ГАРФ 4: 25–28) (для сравнения: к концу декабря только в 4-й армии оставалось около 90 тыс. лошадей (РГВИА 14: 4)). Тем не менее штабом Румынского фронта с этих аукционов было выручено около 1 млн леев (РГВИА 12: 2 об., 11–12), которые затем пошли на поддержание

довольствия остававшегося в Румынии личного состава, поскольку жалование из России перестало поступать.

Главной целью своей деятельности по окончании демобилизации войск ликвидационная комиссия и штаб Румынского фронта ставили сохранение русского военного имущества для будущей России в условиях румынского давления и назревавшей и вскоре начавшейся германской интервенции. Чтобы усилить деятельность в этом отношении, в прифронтовой зоне работало несколько демобилизационных комиссий – в Кишиневе, Бендерах, Бельцах, Оргееве, Скулянах, Сороках, Унгенах. Во имя повышения авторитета данных структур в решении русско-румынских противоречий в составе армейских демобилизационных комиссий могли состоять союзные представители (например, в 6-й армии – французский подполковник Грене).

В своей практике румыны опирались на инструкцию от 10 февраля 1918 г., подписанную военным министром. Она вводила строгий запрет румынским воинским частям, частным лицам и учреждениям покупать русское имущество, т. к. первоначально то имущество, что признавалось румынскими властями им ненужным, продавалось с аукционов (РГВИА 2: 84). Теперь же все уже купленное отдельными лицами или организациями должно было быть возвращено на склады. Инструкция соглашалась с тем, что «все русское имущество, которое находится на территории Румынии или Бессарабии, остается собственностью русского государства, без права вывоза с территории, на которой оно находится, до новых распоряжений... Имущество и снаряжение, которое берется от разоруженных русских войск, будут сохраняемы румынскими властями в складах». Однако следующий тезис делал данное признание бессмысленным – перевозка имущества в Россию будет осуществляться «только в том случае, когда восстановятся все наши склады в России, которые, по донесениям, были взяты русскими войсками» (РГВИА 19: 3).

Действительно, не считая противоречивой и неоднозначной позиции сторон из-за бессарабского вопроса и проблемы румынского золотого запаса, румыны задерживали русское военное имущество еще и как гарантию за оставшееся в России румынское имущество на складах Херсонской губернии (РГВИА 18: 142). В мае уже находившийся в отставке Д.Г. Щербачев писал председателю Совета министров Румынии А. Маргиломану, что румынское правительство не вправе свободно распоряжаться русским военным имуществом, но может лишь задерживать его «в виде гарантии за оставшееся в России имущество Румынии». Щербачев уточнил, что, согласно докладу главного начальника снабжений Румынского фронта А.С. Санникова,

румунское имущество «находится в сохранности в складах Херсонской губернии» (РГВИА 8: 41).

Однако как мог Санников отвечать за склады, оставшиеся на оспариваемой большевиками, петлюровцами и австро-германцами территории? Это имущество, поставленное румынам через Россию западными союзниками в 1917 г. и оплаченное румынской стороной, в конечном счете, действительно, в большей своей части до Румынии так и не дошло. Малороссийские регионы оказались в огне гражданской войны, почему складированное вооружение и прочие предметы снаряжения достались различным сторонам гражданской войны и интервенции.

Имущество этих складов активно использовалось в военных действиях, и потому к лету 1918 г. его просто не существовало. Очевидно, что при таком подходе оставшееся в Румынии русское имущество переходило в руки румын. Таким образом, румынская инструкция от 10 февраля, как считали русские, фактически передавала «русское имущество в почти полное распоряжение румын». В определенной степени это было справедливо, т. к. за оставшееся на российской территории имущество румыны заплатили, но не получили его. Однако общая стоимость и количество имущества румынского в России и русского от Румынского фронта в Румынии были несравнимы.

20 февраля, воспользовавшись первым натиском украинских представителей на штаб Румынского фронта, дабы не допустить передачи имущества Румынского фронта в руки Центральной Рады, румыны выпустили новую инструкцию. Основная мысль румынской инструкции от 20 февраля о порядке приема и хранения русского военного имущества в Румынии заключалась в том, что «русское командование не имеет права распоряжения над имуществом, принадлежащим его стране, по причине захвата большевиками складов и запасов румынского правительства, и потому до компенсации понесенных Румынией убытков подлежит пребыванию на территории Румынии, и без разрешения ее правительства никакие перемещения производимы быть не могут» (ГАРФ 3: 73).

Находясь под давлением румын, русские, прибегая к посредничеству союзников, старались юридически оформить фактический захват румынами военного имущества, в т. ч. военной техники. Например, по соглашениям от 14 и 23 февраля русские уступали румынам артиллерию трех дивизий и передавали орудия «на пополнение артиллерии 1-го армейского корпуса» (РГВИА 18: 145). Что касается боеприпасов, то в боях за Бендерскую крепость между румынами и красными в январе 1918 г. располагавшийся в ней тыловой артиллерийский запас Румынского фронта в значительной своей части

был уничтожен (РГВИА 14а: 18). По сведениям Комитета по демобилизации Румынского фронта на 8 марта 1918 г., через французскую миссию румынам было передано: 210 3-дм орудий образца 1902 г., 17 48-лин гаубиц, 10 45-лин английских гаубиц, 4 42-лин пушки, 2 6-дм пушки Канэ, 29 горных орудий, 140 зарядных ящиков и около 250 тыс. снарядов различного калибра (РГВИА 7: 51 об.).

Таким образом, противодействие румынской стороны и начавшаяся в России гражданская война вынудили оставить русское военное имущество Румынского фронта на территории Румынии и Бессарабии под доверенность союзников. В январе 1918 г. «за Днестром образовался большевистский фронт, прервавший всякую связь Румынского фронта с Россией». Поэтому «пришлось обратиться к изысканию мер для временного сохранения военного имущества в пределах Румынии и Бессарабии» (ГАРФ 4: 31).

В свою очередь русская сторона рассчитывала, что в будущем оставшееся в Румынии имущество будет передано России. Так, начальник штаба Румынского фронта А.В. Геруа доносил, что «ввиду сложившихся на территории России обстоятельств, лишаящих возможности вести планомерную демобилизацию и эвакуацию имущества, русское командование полагает, что военное имущество, принадлежащее русским войскам Румынского фронта, находящееся на территории Румынии, может остаться в Румынии до новых распоряжений» (РГВИА 16: 37), т. е. до окончания гражданской войны в России.

Разумеется, в штабе фронта рассчитывали на достаточно быстрое падение советского правительства В.И. Ленина. Так, постановление Комитета Румынского фронта по демобилизации от 12 марта предписывало передать русские склады в ведение и под охрану румын «до конца существования складов, т. е. до эвакуации их в Россию, что, по всей вероятности, произойдет не ранее как через несколько месяцев» (РГВИА 8: 8). Следовательно, штаб фронта рассчитывал на падение советской власти до конца 1918 г., почему и предпринимались громадные усилия по складированию и сохранению военного имущества и вооружения.

Как бы то ни было, получить военное снаряжение русским представителям так и не удалось. В течение 1918 г. от претендовавшего на имперскую преемственность главнокомандующего Вооруженными силами Юга России А.И. Деникина дважды в Румынию приезжали миссии с целью вывоза хотя бы части вооружения со складов бывшего Румынского фронта. Эта претензия опиралась на обещание союзников передать белым оружие и боеприпасы.

Столкнувшись с откровенным нежеланием румын пойти навстречу, белогвардейцы попытались действовать при посредничестве союзни-

ков, т. е. перейти от уговоров к дипломатическому давлению. 3 ноября 1918 г. Д.Г. Щербачев, оставшийся в Румынии, писал Деникину, что на Ясском совещании, где безуспешно шли переговоры о создании всероссийского правительства, было решено, помимо прочего, что «богатые запасы бывшего Румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно как и таковые Дона, можно отныне считать в полном нашем распоряжении. Для сего осталось сделать лишь небольшие дипломатические усилия, успех коих обеспечен, так как он опирается на все могущество союзников» (Головин 1937: 31).

Однако румыны, не желавшие восстановления единой России, чтобы не отдавать Бессарабию, это совещание проигнорировали. В результате любые заверения оказывались фикцией: отправленным в Румынию в разное время миссиям И.Г. Эрдели и М.А. Свечина, поднимавшим вопрос о передаче Добровольческой армии части военного снаряжения с русских складов, ничего получить не удалось. Румыны однозначно «отказались что-либо отдавать, считая все запасы своими, тогда как все находящиеся здесь склады были русскими» (Свечин 1964: 193).

Главной заботой штаба фронта стало сохранение российского вещевого имущества и военного снаряжения от расхищения его румынами. Дабы более успешно охранить русские интересы, ликвидационной комиссией была сделана попытка создать несколько больших общефронтовых складов, которые должны были появиться в Бельцах и на станциях Унгены, Соколы, Пырлица, Калараш, Бендеры, Рени. Склады имели разграничение по номенклатуре имущества: артиллерийские – Кишинев, Бельцы, Рени; интендантские – Кишинев, Бельцы, Рени, Болград; технические – Пырлица, Рени, Болград; санитарно-ветеринарные – Унгены, Рени; общий перегрузочный склад – Соколы. Однако «румыны отказывались давать разрешение на перевозку имущества по железным дорогам, русских же средств для своза его не было» (ГАРФ 4: 36).

Таким образом, эта попытка не удалась ввиду противодействия румын, не дававших перевозить русские грузы. Раздробленность на мелкие склады (более 200 единиц) позволяла румынам беспрепятственно присвоить часть русского имущества. Между русской администрацией складов и румынской охраной «возникали постоянные недоразумения», т. к. румыны вывозили имущество со складов, а в случаях уличения их списывали происходящее на отдельные недоразумения и инциденты (ГАРФ 4: 33).

Невозможность создания общефронтовых складов вынуждала русские военные власти ликвидировать те из них, что не могли остаться под русской охраной. Например, еще в январе 1918 г.

ввиду невозможности отправки части имущества в специальные склады управление Союза городов организовало склад в Рени, а в марте здесь был открыт центральный склад 6-й армии с разрешения румынского военного министра (РГВИА 1: 16, 27 об.). Склад в Рени возник «случайно, когда при стихийном беспорядочном движении солдатской массы с румынской территории бросалось солдатами в Рени на произвол судьбы оружие, снаряжение и прочее имущество всех видов и категорий» (РГВИА 2: 9). По собственному почину управление Союза городов стало его собирать и сортировать в складочные помещения: отдельно артиллерийское, инженерное, аптечное и прочее. Такой подход позволил провести опись собранного имущества.

В конце апреля Управление фронтовыми складами было переформировано в Управление по ликвидации, которое 28 апреля возглавил С.К. Добророльский. Примечательно, что в конечном счете дело дошло до продажи складов румынам на территории Бессарабии, а сам Добророльский выступил против, «так как этим признавалось бы косвенно согласие на отчуждение Бессарабии от России» (РГВИА 10: 50, 61 об.). Как видно, цели вступления румынских войск в Бессарабию не являлись секретом для русских военных.

В итоге было решено «передать все имущество на хранение румынскому правительству» (ГАРФ 4: 32–33 об.). Этот процесс затянулся до 1 июля 1918 г. Русские власти стремились ускорить составление описей складированного на румынской и бессарабской территории военного имущества, чтобы задокументировать передачу складов под охрану официальным порядком. Русские отметили, что, «несмотря на теоретическое признание румынским правительством неприкосновенности русского имущества, на деле румынские органы, заведующие приемкой имущества, пользуясь тем, что охрана наших складов находилась в их руках, нередко противодействовали нашим делегатам в производстве точного учета имущества, стараясь уменьшить количество его в свою пользу, а также допускали хищения его и даже незаконную продажу» (ГАРФ 4: 39 об.).

Пример – акт интендантства 2-го армейского корпуса от 20 марта 1918 г. (город Пашканы), в котором отмечалось, что, начиная уже с января, румыны расхищали русское имущество, особенно с момента, когда к складу была приставлена румынская охрана: «...румынские часовые не только не препятствовали хищению, а наоборот, способствовали, принимая в этом деятельное участие». Если русская администрация или военнослужащие пытались препятствовать, то румыны могли и избить русских, угрожая оружием. В процессе захвата особенно усердствовал комендант станции Пашканы Войтеско (РГВИА 13: 12–13).

Румыны стремились возместить за счет фронтowego имущества те убытки, которые они понесли от войны и из-за большевистского движения в России. Как отмечал «Отчет о демобилизации», «это явно выражалось в противодействии низших румынских органов власти выполнению нами демобилизационных предначертаний, и то же стремление, прикрытое приличной формой, сквозило в издаваемых румынами инструкциях по сбору, заведыванию и охране нашего имущества». В качестве инструментов борьбы с румынским влиянием русская сторона использовала протесты, контринструкции, компромиссы, апелляции к авторитету союзных миссий (ГАРФ 4: 36–37 об., 39 об.).

В целом русской стороне все-таки удалось провести инвентаризацию большей части военного имущества Румынского фронта. Т. е. большая часть русского имущества была передана румынам на хранение по описи и документации. По минимальным подсчетам, на добрую волю румын было оставлено около 200 русских складов стоимостью не менее 1 млрд руб. Что касается расходов, то отчет ликвидационной комиссии Управления интенданта армий Румынского фронта указал, что всего на дело ликвидации было израсходовано 1 233 295 руб. 23 коп. (РГВИА 15: 4).

По мере развития событий румынские власти расформировывали русские отряды, все еще остававшиеся в Румынии и занимавшиеся вопросами демобилизации. К началу марта на Румынском фронте осталось совсем немного русских рядовых военнослужащих – несколько сот солдат при ликвидационных комиссиях в 9-й армии; в 4-й армии – 12,2 тыс. солдат; в 6-й армии – Мусульманская дивизия и 1,5 тыс. солдат сибирских дивизий (ГАРФ 6: 467, 487). Соединения 8-й армии, как говорилось выше, развалились, и демобилизация там прошла хаотично, с участием части военнослужащих в явлениях гражданской войны на территории Бессарабии.

Потому русская сторона не имела возможности непосредственно охранять склады (личный состав разъезжался по домам) и стремилась провести инвентаризацию и опись оставляемого в Румынии имущества – такой подход позволял сохранить содержимое складов для России. Румынская телеграмма Д.Г. Щербачеву от 21 марта сообщила, что для сохранения русского имущества на территории Румынии создаются склады под надзором русских и румынских офицеров, но под вооруженной румынской охраной, «ибо никакие другие власти не могут быть признаны на территории Румынии». Румыны особо оговорили, что русские войска (к тому времени очень немногочисленные) будут снабжаться продовольствием «согласно списков людей, находящихся налицо» (РГВИА 18: 149).

В ситуации, когда германское командование подписало с румынским правительством договор, передававший Бессарабию румынам, штабу Румынского фронта оставалось только самоликвидироваться. Приказ Д.Г. Щербачева от 12 марта 1918 г. гласил, что 15 марта увольняются солдаты последних сроков призыва, а с 18 марта деятельность штаба прекращается и его расформирование должно пройти до 23 марта (РГВИА 3: 466). Сам помглавкорум сложил свои полномочия 25 марта. Дмитрий Григорьевич Щербачев передавал их главному начальнику комиссии по демобилизации и ликвидации Румынского фронта врид командующего 6-й армией А.А. Пержхайло (ГАРФ 2: 5) и до конца 1918 г. проживал в имении, предоставленном ему румынами.

Таким образом, прошедшая в первой половине 1918 г. ликвидация русской части Румынского фронта (четыре армии) носила достаточно организованный и эффективный характер. Особенностью процесса демобилизации стал румынский фактор, т. к. войска Румынского фронта располагались на территории румынской Молдовы и вскоре попавшей под румынскую оккупацию русской Бессарабии. Румынский фронт был единственным, где демобилизация проходила во взаимодействии с интервентами-союзниками по Первой мировой войне.

Если на прочих фронтах демобилизация прошла в большинстве случаев стихийно (особенно на Кавказском фронте) и во многом характеризовалась развалом войсковых структур, то на Румынском фронте удалось централизованно продать часть конского состава фронта, а также сосредоточить в складах большую часть военного имущества, принадлежавшего России, не допустив полной его гибели и расхищения. Предполагалось, что сохраненное имущество фронта по окончании гражданской войны будет возвращено новому российскому правительству, которое станет законным правопреемником старой власти.

Однако победа большевиков и непризнание советской власти европейскими государствами (равно как и непризнание Советом народных комиссаров оккупации Бессарабии) означали, что военное имущество бывшего Румынского фронта, сохранявшееся весь период русской гражданской войны (так, в 1918–1919 гг. румыны отказались передать вооружение представителям А.И. Деникина), в конечном счете достанется Королевству Румыния.

ЛИТЕРАТУРА

- Головин 1937 – Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Париж, 1937. Ч. V.
- Свечин 1964 – Свечин М.А. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964.

- ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 442.
- ГАРФ 2 – Ф. 5936. Оп. 1. Д. 4.
- ГАРФ 3 – Ф. 5936. Оп. 1. Д. 154.
- ГАРФ 4 – Ф. 5936. Оп. 1. Д. 238.
- ГАРФ 5 – Ф. 5936. Оп. 1. Д. 577.
- ГАРФ 6 – Ф. 5936. Оп. 1. Д. 9.
- РГВИА 1 – Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2126. Оп. 3. Д. 94.
- РГВИА 2 – Ф. 2126. Оп. 6. Д. 2.
- РГВИА 3 – Ф. 2086. Оп. 1. Д. 15.
- РГВИА 4 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 3.
- РГВИА 5 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 5.
- РГВИА 6 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 12.
- РГВИА 7 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 16.
- РГВИА 8 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 63.
- РГВИА 9 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 66.
- РГВИА 10 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 67.
- РГВИА 10а – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 68.
- РГВИА 11 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 77.
- РГВИА 12 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 78.
- РГВИА 13 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 118.
- РГВИА 14 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 138.
- РГВИА 14а – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 160.
- РГВИА 15 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 164.
- РГВИА 16 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 173.
- РГВИА 17 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 176.
- РГВИА 18 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 193.
- РГВИА 19 – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 194.

REFERENCES

Golovin, N.N. (1937) *Rossiyskaya kontrrevolyutsiya v 1917–1918 gg.* [The Russian counterrevolution in 1917–1918]. Paris: [s.n.].

Svechin, M.A. (1964) *Zapiski starogo generala o bylom* [Notes of the old General about the past]. Nice: [s.n.].

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5881. List 2. File 442.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 4.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 154.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 238.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 5936. List 1. File 577.

The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2126. List 3. File 94.

- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2126. List 6. File 2.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2086. List 1. File 15.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 3.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 5.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 12.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 16.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 63.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 66.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 67.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 68.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 77.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 78.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 118.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 138.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 160.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 164.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 173.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 176.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 193.
- The Russian State Military Historical Archives (RGVIA). Fund 2099. List 1. File 194.

Оськин Максим Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации (Россия).

Maxim V. Os'kin – Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian Police Association (Russia).

E-mail: maxozv@yandex.ru

УДК 94(477.87)"1920/1926":271.2-76

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/8

ДОКУМЕНТИ АРХІВУ СИНОДУ СЕРБСЬКОЇ ПРАВОСЛАВНОЇ ЦЕРКВИ ПРО МІСІОНЕРСЬКУ РОБОТУ ЄПІСКОПА ДОСИФЕЯ (ВАСИЧА) НА ПІДКАРПАТСЬКІЙ РУСІ

Ю.В. Данилець

Ужгородський національний університет
Україна, 88000, м. Ужгород, пл. Народна 3/24
E-mail: jurij.danilec@uzhnu.edu.ua

Авторське резюме

Вперше в українській та зарубіжній історіографії детально аналізуються документи архіву Синоду Сербської православної церкви (далі – СПЦ) про місіонерську діяльність єпископа Нішського Досифея (Васича) на Підкарпатській Русі на початку 1920-х рр. Єпископу було доручено упорядкувати церковне життя в краї. Цю місію він виконував з перервами від 1921 до 1926 р. У звітах до Священного синоду та листах до патріарха Димітрія (Павловича) архієрей описує складні процеси, які переживав православний рух серед закарпатців. У статті автор детально реконструює обставини початку місіонерської роботи в Чехословаччині, вказує на причини, які гальмували початок місії, називає основних противників православної церкви. Значна увага приділена статистичним відомостям, які наводяться у документах, та ролі окремих діячів у справі становлення єпархії. У єпископських звітах та листах згадуються імена архімандрита Олексія (Кабалюк), ієромонахів Амфілохія (Кемінь), Матфея (Вакаров), протоієреїв Касіяна Богатириця, Іоанна Ілечка, Михайла Мейгеша, церковного активіста Володимира Гомічкова та ін. Проведене дослідження дозволяє прийти до висновків, що фонди архіву Синоду СПЦ в Белграді містять ряд цінних документів, що відображають місіонерську роботу єпископа Досифея. Проаналізовані джерела свідчать про дипломатичне протистояння сербів та чехів щодо визнання сербської юрисдикції, непослідовність Синоду СПЦ з питання призначення постійного єпископа на Підкарпаття, внутрішні суперечки в середовищі православного духовенства. Автор зазначає, що єпископу Досифею належить значна роль в утвердженні православної церкви на Закарпатті. Завдяки його роботі було засновано кілька пра-

вославних монастирів, висвячено перших ієромонахів та священників, проведено перемовини з урядом у Празі щодо офіційного визнання Карпаторуської православної церкви та створення постійної Мукачівсько-Пряшівської єпархії.

Ключевые слова: документи, Досифей, звіти, листи, монастирі, патріарх, приходи, Синод, церква, чернецтво.

ДОКУМЕНТЫ АРХИВА СИНОДА СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ О МИССИОНЕРСКОЙ РАБОТЕ ЕПИСКОПА ДОСИФЕЯ (ВАСИЧА) НА ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ

Ю.В. Данилец

Ужгородский национальный университет
Украина, 88000, г. Ужгород, пл. Народная 3/24
E-mail: jurij.danilec@uzhnu.edu.ua

Авторское резюме

Впервые в украинской и зарубежной историографии подробно анализируются документы архива Синода СПЦ о миссионерской деятельности епископа Нишского Досифея (Васича) на Подкарпатской Руси в начале 1920-х гг. Епископу было поручено упорядочить церковную жизнь в крае. Эту миссию он выполнял с перерывами с 1921 по 1926 г. В отчетах к Священному синоду и письмах к патриарху Димитрию (Павловичу) архиерей описывает сложные процессы, которые переживало православное движение среди закарпатцев. В статье автор подробно реконструирует обстоятельства начала миссионерской работы в Чехословакии, указывает на причины, которые тормозили начало миссии, называет основных противников православной церкви. Значительное внимание уделено статистическим сведениям, приводимым в документах, и роли отдельных деятелей в деле утверждения епархии. В епископских отчетах и письмах упоминаются имена архимандрита Алексия (Кабалюк), иеромонахов Амфилохия (Кеминь), Матфея (Вакаров), протоиереев Кассиана Богатырца, Иоанна Илечко, Михаила Мейгеша, церковного активиста Владимира Гомичкова и др. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что фонды архива Синода СПЦ в Белграде содержат ряд ценных документов, отражающих миссионерскую работу епископа Досифея. Проанализированные источники свидетельствуют о дипломатическом противостоянии сербов и чехов в контексте признания сербской

юрисдикции, непоследовательности Синода СПЦ по решению вопроса о назначении постоянного епископа на Подкарпатье, внутренних спорах в среде православного духовенства. Автор отмечает, что епископу Досифею принадлежит значительная роль в утверждении православной церкви на Закарпатье. Благодаря его работе было основано несколько православных монастырей, рукоположены первые иеромонахи и священники, проведены переговоры с правительством в Праге по официальному признанию Карпаторусской православной церкви и созданию постоянной Мукачево-Пряшевской епархии.

Ключевые слова: документы, Досифей, монастыри, монашество, отчеты, патриарх, письма, приходы, Синод, церковь.

DOCUMENTS OF THE SERBIAN ORTHODOX CHURCH SYNOD ARCHIVE ON THE MISSIONARY ACTIVITIES OF BISHOP DOSIFEY (VASICH) IN SUBCARPATHIAN RUS

Yu.V. Danylets

Uzhhorod National University
3/24 Narodnaya Square, Uzhhorod, 88000, Ukraine
E-mail: jurij.danilec@uzhnu.edu.ua

Abstract

The paper is the first attempt of Ukrainian and foreign historiography to thoroughly analyze the documents of the Serbian Orthodox Church Synod Archive on the missionary activities of Bishop of Niš Dosifey (Vasich) in Subcarpathian Rus in the early 1920s. Having been commissioned to streamline the church life in the province, the bishop carried out this mission intermittently from 1921 to 1926. In his reports to the Holy Synod and letters to Patriarch Dimitry (Pavlovich), Bishop Dosifey describes the complex processes of the Orthodox movement among the Subcarpathians. The author thoroughly reconstructs the circumstances under which the bishop began his missionary work in Czechoslovakia, identifying the factors that impeded his mission and naming main opponents of the Orthodox Church. The author pays special attention to the figures and roles of individual actors in the formation of the diocese. The reports mention the names of Archimandrite Alexy (Kabalyuk), Hieromonk Amphilochius (Kemina), Matthew (Vakarov), Archpriest Kassian Bogatyrets, Ioann Ilechko, Mikhail Meygesh, church activist Vladimir Gomichkov and others. According to the research, the SOC Synod Archives in Belgrade contain a number of valuable documents reflecting the missionary work

of Bishop Dosifey. The analysed sources indicate a diplomatic confrontation between Serbs and Czechs related to the recognition of Serbian jurisdiction, inconsistency of the SOC Synod in the appointment of a permanent bishop in Subcarpathia, and internal disputes among the Orthodox clergy. The author argues that Bishop Dosifey made a considerable contribution to the establishment of the Orthodox Church in Subcarpathia. He founded several Orthodox monasteries, ordained first hieromonks and priests, and negotiated the official recognition of the Subcarpathian Orthodox Church and formation of a permanent Mukachevo- Prešov diocese with the government in Prague.

Keywords: documents, Dosifey, monasteries, monasticism, reports, patriarch, letters, parishes, Synod, church.

Документи архіву Синоду СПЦ в Белграді є мало вивченими дослідниками. Справа в тому, що архів лише кілька років тому почав набувати форми наукового, працівниками проводиться класифікація документів, упорядкування фондів, отримання нового приміщення. Документи зберігаються в двох приміщеннях: в соборі Святого Марка та в приміщенні патріархії.

В рамках пропонованої статті ми не можемо охопити всю джерельну базу щодо місіонерської діяльності делегата СПЦ єпископа Нішського Досифея (Васича), який виконував функції представника Сербської церкви на Підкарпатській Русі в 1921–1926 рр. Загалом нами опрацьовано більше сотні документів на цю тематику, однак ми обмежимося тільки звітами єпископа Досифея до патріарха, Синоду та собору щодо місіонерської роботи. Вказана проблематика залишалася поза увагою вчених, як українських, так і зарубіжних. Автор ставить собі за мету, спираючись на нововиявлені джерела, прослідкувати основні етапи місіонерської роботи єпископа Досифея на Підкарпатській Русі на початку 1920-х рр.

У перших числах серпня 1920 р. в с. Іза Хустського округу відбулися збори представників православних общин Закарпаття, які вирішили звернутися до СПЦ та чехословацького уряду з проханням упорядкувати церковне життя. Отримавши під час аудієнції у президента ЧСР Томаша Гарика Масарика офіційну згоду щодо сербської юрисдикції, лідери православного руху ввійшли в контакт з єпископом Досифеєм. Виконуючи місію Синоду СПЦ в Чехії та Моравії, владика 21 серпня 1920 р. з метою вивчення ситуації прибув на Підкарпатську Русь. Ця поїздка не мала статус офіційної, а була лише приватною ініціативою архієрея. Незважаючи на це, він відвідав близько 10 сіл, де служив літургію в зайнятих від греко-католиків храмах. Під час архієрейського синоду СПЦ, який засідав наприкінці серпня того ж року, Досифею доручили взятися за справи Підкарпаття, а в березні

1921 р. уряд у Празі дав офіційну згоду на його приїзд (Бурегга 2013). З боку окремих політиків та католицьких діячів робилися перешкоди щодо початку місії, у зв'язку з цим він прибув до Ужгорода лише 7 серпня 1921 р. (Marek, Lupčo 2013: 170)¹.

Загалом нами виявлено і опрацьовано 15 звітів, що хронологічно охоплюють період з 14 квітня 1921 р. по 6 липня 1925 р. Необхідно відмітити, що позначки на звітах вказують на більшу кількість документів такого виду. Наприклад, на звіті від 25 серпня 1921 р. зазначалося, що він за рахунком є 23. Припускаємо, що відсутні документи знаходяться в неопрацьованій частині архіву, або ж були втрачені в роки Другої світової війни.

Перші два звіти – від 14 квітня та 26 липня 1921 р. – показують складність перемовин з чехословацькими урядовцями щодо початку місіонерської роботи. Зокрема, у звіті від 14 квітня 1921 р. архієрей повідомляв до Сремських Карловцеь про проведення цілого ряду зустрічей в Празі з політиками різного рангу. Архієрей провів конструктивні розмови з міністром освіти Йозефом Шустом, головою канцелярії президента Пржемысл Шамалом, головою уряду та міністром внутрішніх справ Яном Черним, колишніми міністрами Карелом Крамаржем, Вацлавом Клофачем та Франтішком Станеком. Співрозмовники запевняли архієрея в тому, що немає абсолютних перепон щодо його поїздки на Підкарпатську Русь (АСАС 1: 1–2). У звіті Досифей висловлював припущення, що відстрочення його місії пов'язане з діяльністю губернатора Григорія Жатковича. Єпископ описував останнього як людину, що негативно налаштована до православних, «прихильника римо-католицької церкви» і т. д. Окремо у документі згадано приїзд до Праги делегації у складі 45 чол. із Підкарпатської Русі, яка просила пришвидшити приїзд архієрея, наголошуючи, що більше сотні парафій в краї залишаються без священників (АСАС 1: 3). 26 липня 1921 р. Досифей надіслав наступні деталі, котрі свідчать про складність ситуації з церковним питанням в ЧСР. Зокрема, він повідомив про особисту розмову з президентом Т.Г. Масариком. Під час дискусії чехословацький очільник наголосив на тому, що питання релігії належить до компетенції місцевого уряду на Підкарпатті. Позаяк Г. Жаткович категорично виступав проти місії СПЦ в краї, то поїздки сербського делегата мусили відкладати до відставки губернатора (АСАС 2: 1–2). У цьому випадку позиція президента є не зрозумілою, адже Жаткович подав у відставку ще 17 квітня 1921 р. Серед прихильників у справі поширення православ'я Досифей називав голову Руської народної ради в Пряшеві Антонія Бескида², ієромонаха Олексія (Кабалюка) та адвоката Володимира Гомічкова (АСАС 2: 3–4).

Ситуація дійсно змінилася після 1 серпня 1921 р., коли Г. Жаткович виїхав до США (АСАС 3: 1). Після нього повноваження перебрав віце-губернатор Петро Еренфельд. Вже через шість днів Досифей у супроводі протодиякона Кикевича та протоієрея Касіяна Богатирця приїхав до Ужгороду. О. Кассіан – один із найвидатніших громадсько-політичних та церковних діячів Буковини, клірик Буковинської митрополії (раніше митрополії Буковини і Далмації). Під час Першої світової війни був заарештований та засуджений до смерті, однак пізніше повністю амністований (Чучко, Суляк 2014; Чучко, Суляк 2015; Суляк, Данилець 2016). Прот. К. Богатирець допомагав єпископу Досифею в розробці єпархіального статуту.

Після зустрічі з віце-губернатором делегація поїхала до центру православ'я – с. Іза. У звіті єпископ пише про осіб, які вітали його в населеному пункті. Серед них був вище згадуваний о. Олексій (Кабалюк), ієромонахи Матфей (Вакаров), Амфілохій (Кемінь) і т.д. Владика описував святкову зустріч та величезну кількість вірників із навколишніх сіл: «Радість народу не можна описати, переді мною ставали на коліна і так просили благословіння» (АСАС 3: 2). 10–13 серпня 1921 р. відбувся архієрейський візит до сіл Нанково, Копашново, Теремля, Чумальово, Сокирниця, Данилово, Новобарово, Вільхівці, Буштино, Липча, Горінчово і т.д. У звіті знаходимо відомості про літургію у с. Великі Лучки. Вказаний населений пункт єпископ характеризує як другий центр православної церкви. У Великих Лучках на той час проживало більше 9 000 жителів, котрі мали тимчасовий православний храм та священника о. Іоанна Ілечка. Після богослужіння Досифей приєднав до православ'я греко-католицького священника Михайла Мейгеша та рукоположив у сан ієродиякона монаха Пантелеймона (Кундю) для Ізького Свято-Миколаївського монастиря (АСАС 3: 4). Пізніше, на свято Преображення Господнього, архієрей освятив храм в с. Іза та звів ієромонаха Олексія в сан ігумена. Під час літургії були також рукоположені в сан ієродияконів монахи Єфрем (Іваняс) та Євфимій (Прокоп). Наприкінці документу владика лише фрагментарно згадує про проведення зборів представників усіх православних парафій Закарпаття, не вказуючи на результати роботи собору (АСАС 3: 5).

Наступний звіт датовано 11 серпня 1922 р., у ньому йдеться про третій візит єпископа на Підкарпаття. Владика прибув до м. Хуст 1 серпня 1922 р., де на залізничному вокзалі на нього чекала делегація з с. Іза. Наступного дня він очолив святкове богослужіння на честь пророка Іллі. Досифей звертав увагу членів Синоду на значну кількість вірників, котрі прибули до храму. Їх кількість була настільки значною, що навіть половина присутніх не змогла вміститися в церковному дворіку та приміщенні церкви. Порівнюючи розміри церковної

території з кафедральним храмом у м. Ніш, єпископ наголошував, що вона є не набагато меншою (АСАС 4: 1). Після святкування в архієрея відбулася розмова з духовенством та членами Центрального православного комітету. У своєму звіті владика детально зупиняється на Окружному посланні митрополита Антонія (Храповицького) від 5 червня 1920 р. Єпископ Досифей звинувачував митрополита Антонія у втручанні у справи православної церкви на Закарпатті. Окремо Синод інформувалося про спроби обрання єпископом ігумена Олексія та ієромонаха Боголіпа (Церковника). Один із них у перспективі повинен був стати вікарієм Антонія на Підкарпатській Русі. Єпископ просив членів Синоду втрутитися в ситуацію, наголосивши, що керівника РПЦЗ було гостинно прийнято на сербську землю, а він веде проти СПЦ негативну роботу (АСАС 4: 2–17).

Важливі статистичні відомості містить звіт від 31 серпня 1922 р. У ньому описано чергову поїздку єпископа на Підкарпаття в період з 24 по 30 серпня 1922 р. (АСАС 5: 1–5). Під час візиту Досифей освятив храм в с. Терєбля та відправив літургію в с. Іза на свято Успіння Пресвятої Богородиці. Владика знову ж таки відзначав, що на святкуванні були присутні від 12 000 до 20 000 вірників. Щодо участі духовенства, то в документі згадано про 24 духовні особи (12 священиків, 9 ієромонахів та 3 ієродияконів), 10 з яких було рукоположено у період з 1921 р. (АСАС 5: 4). Таким чином, ми спостерігаємо значні зрушення в житті православної церкви під Карпатами.

4 квітня 1923 р. єпископ Досифей повідомив патріарха, що, незважаючи на обрання постійним членом Синоду СПЦ, йому і на далі доручили продовжувати місіонерську роботу на Підкарпатській Русі. Однак через фінансові проблеми та зайнятість на власній кафедрі він не міг здійснити візит до Чехословаччини, де, за словами владики, почався наступ греко-католиків на права православних. У зв'язку з цим, єпископ просив главу церкви призначити тимчасовим представником з правами вікарія Сергія (Корольова), колишнього владика Бельського. Останній проживав у Празі, окормляючи кілька парафій під юрисдикцією митрополита Євлогія (Георгієвського). Із листа зрозуміло, що Досифей і Сергій обговорили це питання та досягли згоди (АСАС 7: 1–3). Проблематика призначення Сергія адміністратором обговорювалася також під час візиту підкарпатської делегації на чолі з ієромонахом Матфеєм (Вакаровим) у березні 1923 р. Чернець від імені місцевого духовенства та вірників підтримував ідею надання російському архієрею права тимчасового управління приходами на Закарпатті, за умови, якщо той перейде до юрисдикції СПЦ (АСАС 6: 1–3). З інших документів відомо, що цей план не був реалізований через низку внутрішніх та зовнішніх проблем.

11 грудня 1923 р. єпископ Досифей просив патріарха дозволити відвідати Підкарпатську Русь. Головна мета поїздки полягала в освяченні обновленого храму Свято-Миколаївського монастиря, яке планувалося на 19 грудня того ж року (АСАС 8: 1–2). Візит не відбувся з невідомих нам причин. Владика пише 28 грудня 1923 р. чергового листа главі церкви, де обґрунтовує необхідність продовження місії. У документі наголошувалося на можливості задіяти дипломатичні канали в рамках роботи Малої Антанти, нарада якої планувалася на 9 січня 1924 р. в Белграді. Досифей пропонував обговорити під час зустрічі міністрів питання покращення становища православної церкви в ЧСР (АСАС 9: 1–3).

Листування 1924 р. хронологічно обмежене кінцем року, а саме листопадом-груднем. Владика інформував Синод про зростання кількості парафій на Підкарпатській Русі до 65 громад, створення двох чоловічих монастирів в с. Іза і Терєбля та намір заснувати перший жіночу обитель (АСАС 11: 1–2). Його плани були зреалізовані вже наступного року, коли в с. Липча Хустського округу було закладено основи чернечої громади³.

У документі міститься важлива інформація про збори 50 священників та обрання 2 жовтня 1924 р. Духовної консисторії на чолі з архімандритом Олексієм (Кабалюком) (АСАС 10: 1). Вибір названого керівного органу, який заміщав єпископа у його відсутності, сприяв координації православного руху. У одному із звітів до Синоду владика підводить підсумки проробленої ним підготовчої роботи. Її результати давали можливість створити окрему єпархію та обрати для неї єпископа (АСАС 11: 1–2).

Канонічним суперечкам присвячено лист до патріарха від 31 грудня 1924 р., в якому Досифей наголошує на негайному вирішенні питання щодо призначення постійного архієрея. У документі описано пожвавлення діяльності архієпископа Савватія (Врабеца) та протопресвітера Мілоша Червінки на Підкарпатській Русі (АСАС 12: 1–3). За словами Досифея, «вони відправили в край секретаря архієпископа Володимира Грузина, котрий поселився в с. Буштино та почав вести агітацію проти СПЦ». У листі описано приїзд до Белграду архімандрита Олексія (Кабалюка), який повідомив про спроби савватіївців перетягнути його до протилежного табору. Досифей запевняв патріарха Димітрія, що Кабалюк твердий у вірності до СПЦ, але просив першоєрарха підготувати окреме послання для підтримки підкарпатських православних (АСАС 12: 4). Протягом року єпископ Досифей так і не зміг відвідати Закарпаття.

Останні звіти єпископа Досифея датовані 23 червня та 6 липня 1925 р. Обидва документи стосуються питання необхідності призна-

чення на Підкарпатську Русь постійного архієрея. Владика повідомляє Синод СПЦ, що має на увазі одного єпископа-росіянина, котрий проживає в Сербії (АСАС 13: 2). Хоч Досифей і не називає імені кандидата, однак з інших джерел нам відомо, що мова йшла про Митрофана (Абрамова). Незважаючи на те, що Синод підтримав даного претендента, чехословацький уряд не погодився на призначення. Із звітів Досифея також довідуємося, що Духовна консисторія та окремі представники духовенства із Закарпаття регулярно направляли делегації та писали листи до Сербії з вимогою приїзду єпископа (АСАС 14:1). Їхні прохання залишалися без відповіді аж до 1927 р., коли Синод надіслав на Підкарпатську Русь чергового делегата – єпископа Новосадського Іринія (Чирича) (Данилець 2014). Постійна кафедра ж була утворена тільки в 1931 р. Першим єпископом Мукачівсько-Пряшівським став доктор Дамаскін (Грданічка) (Данилець 2015).

Отже, у фондах архіву Синоду СПЦ в Белграді зберігаються ряд цінних документів, що відображають місіонерську роботу єпископа Досифея (Васича) на Підкарпатській Русі. Опрацьовані звіти свідчать про дипломатичне протистояння сербів та чехів щодо визнання сербської юрисдикції, непослідовність Синоду СПЦ у питанні призначення постійного єпископа на Підкарпаття, внутрішні суперечки в середовищі православного духовенства і т. д. Безперечно, єпископу Досифею належить значна роль в утвердженні православної церкви на Закарпатті. Він сприяв заснуванню кількох монастирів, висвятив перших ієромонахів та священників, вів перемовини з урядом у Празі щодо офіційного визнання Карпаторуської православної церкви та створення Мукачівсько-Пряшівської єпархії. Разом з тим, обмежений доступ до архіву Синоду СПЦ утруднює повне опрацювання звітів та листів єпископа Досифея. Перед майбутніми дослідниками стоїть завдання заповнити ці «білі плями» в церковній історії краю.

ПРИМІТКИ

1. Детальніше про діяльність Досифея в 1921 р. див. статтю: Данилець 2017: 285–300.
2. Названий політик в 1923–1933 рр. був губернатором Підкарпатської Русі.
3. Про діяльність монастиря див. монографію: Данилець Ю. Сповідниця імені Христового. Життєвий шлях ігумені Параскеви (в схимі Ніни) (Прокоп) (30.04.1896–4.04.1967), настоятельки Липчанського та Мукачівського православних монастирів. Ужгород: ПП Мульти Арт, 2014. 294 с.

ЛІТЕРАТУРА

АСАС 1 – Архив Светог архијерејског синода (далі – АСАС). Мукачєво-Пряшев. Досифей (Васич), єпископ. Звіт до Священного Синоду від 14 квітня 1921 р. На 3 арк.

АСАС 2 – АСАС. Звіт до Священного Синоду від 26 липня 1921 р. На 4 арк.

АСАС 3 – АСАС. Звіт до Священного Синоду від 25 серпня 1921 р. На 5 арк.

АСАС 4 – АСАС. Звіт до Священного Синоду від 11 серпня 1922 р. На 17.

АСАС 5 – АСАС. Звіт до Священного Синоду від 31 серпня 1922 р. На 5 арк.

АСАС 6 – АСАС. Лист на ім'я сербського патріарха від 31 березня 1923 р. На 3 арк.

АСАС 7 – АСАС. Лист на ім'я сербського патріарха від 4 квітня 1923 р. На 3 арк.

АСАС 8 – АСАС. Лист на ім'я сербського патріарха від 11 грудня 1923 р. На 2 арк.

АСАС 9 – АСАС. Лист на ім'я сербського патріарха від 28 грудня 1923 р. На 3 арк.

АСАС 10 – АСАС. Звіт до Священного Синоду від 14 листопада 1924 р. На 1 арк.

АСАС 11 – АСАС. Звіт до Священного Синоду від 30 листопада 1924 р. На 2 арк.

АСАС 12 – АСАС. Лист на ім'я сербського патріарха від 31 грудня 1924 р. На 7 арк.

АСАС 13 – АСАС. Звіт до Священного Синоду від 23 червня 1925 р. На 3 арк.

АСАС 14 – АСАС. Звіт до Священного Синоду від 6 липня 1925 р. На 1 арк.

Бурега 2013 – *Бурега В.* Деятельность священномученика Досифея (Васича) на территории Закарпатской Украины в 1920-е гг. // Српска теологија у двадесетом веку: истраживачки проблеми и резултати. Београд, 2013. Кн. 14. С. 141–148.

Данилець 2014 – *Данилець Ю.* Миссионерская деятельность епископов Иринея (Чирича) и Серафима (Иоановича) на Подкарпатской Руси (1927–1930 гг.) (на материалах Закарпатья) // *Саборност VIII.* Пожаревац, 2014. С. 101–116.

Данилець 2015 – *Данилець Ю.* Місіонерська діяльність єпископа Дамаскина (Грданички) на Підкарпатській Русі // *Pravoslavny biblicky zbornik.* Горлице. 2015. № 1. С. 103–113.

Данилець 2017 – *Данилець Ю.* Подготовка и проведение Первого собора Карпаторусской православной церкви 1921 г. // *Теолошки погледи.* Верско-научни часопис. Београд. 2017. № 2. С. 285–300.

Суляк, Данилець 2016 – *Суляк С.Г., Данилець Ю.В.* О Кассиан Богатырец на Втором Венском процессе // *Библиотека журнала «Русин».* 2016. № 1 (4). С. 8–15. DOI: 10.17223/23451734/4/2

Чучко, Суляк 2014 – *Чучко М.К., Суляк С.Г.* Архипресвитер Кассиан Богатырец – исследователь церковной истории Буковинской Руси // *Русин.* 2014. № 1 (35). С. 143–164. DOI: 10.17223/18572685/35/11

Чучко, Суляк 2015 – *Чучко М.К., Суляк С.Г.* История Буковинской православной епархии архипресвитера Кассиана Богатырца // *Библиотека журнала*

«Русин». 2015. № 1 (1). С. 6–28. DOI: 10.17223/23451734/1/1

Marek, Lupčo 2013 – *Marek P., Lupčo M. Nástin dějin pravoslavné církve v 19. a 20. století: prolegomena k vývoji pravoslaví v českých zemích, na Slovensku a na Podkarpatské Rusi v letech 1860–1992*. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury (CDK), 2013. 591 s.

REFERENCES

The Archives of the Holy Synod of Bishops (ASAS). (1921a) *Mukachevo-Pryashév. Dosifey (Vasich), episkop. Zvit do Svyashchennogo Sinodu vid 14 kvitnya 1921 r.* [Mukachevo – Prešov. Dosifey (Vasich), bishop. Report to the Holy Synod on April 14, 1921].

The Archives of the Holy Synod of Bishops (ASAS). (1921b) *Zvit do Svyashchennogo Sinodu vid 26 lipnya 1921 r.* [Report to the Holy Synod on July 26, 1921].

The Archives of the Holy Synod of Bishops (ASAS). (1921c) *Zvit do Svyashchennogo Sinodu vid 25 serpnya 1921 r.* [Report to the Holy Synod on August 25, 1921].

The Archives of the Holy Synod of Bishops (ASAS). (1922a) *Zvit do Svyashchennogo Sinodu vid 11 serpnya 1922 r.* [Report to the Holy Synod on August 11, 1922].

The Archives of the Holy Synod of Bishops (ASAS). (1922b) *Zvit do Svyashchennogo Sinodu vid 31 serpnya 1922 r.* [Report to the Holy Synod on Aug. 31, 1922].

The Archives of the Holy Synod of Bishops (ASAS). (1923a) *List na im'ya serbs'kogo patriarkha vid 31 bereznaya 1923 r.* [Letter to the Serbian Patriarch of March 31, 1923].

The Archives of the Holy Synod of Bishops (ASAS). (1923b) *List na im'ya serbs'kogo patriarkha vid 4 kvitnya 1923 r.* [Letter to the Serbian Patriarch of April 4, 1923].

The Archives of the Holy Synod of Bishops (ASAS). (1923c) *List na im'ya serbs'kogo patriarkha vid 11 grudnya 1923 r.* [Letter to the Serbian Patriarch of December 11, 1923].

The Archives of the Holy Synod of Bishops (ASAS). (1923d) *List na im'ya serbs'kogo patriarkha vid 28 grudnya 1923 r.* [Letter to the Serbian Patriarch of December 28].

The Archives of the Holy Synod of Bishops (ASAS). (1924a) *Zvit do Svyashchennogo Sinodu vid 14 listopada 1924 r.* [Report to the Holy Synod on November 14, 1924].

The Archives of the Holy Synod of Bishops (ASAS). (1924b) *Zvit do Svyashchennogo Sinodu vid 30 listopada 1924 r.* [Report to the Holy Synod on November 30, 1924].

The Archives of the Holy Synod of Bishops (ASAS). (1924c) *List na im'ya serbs'kogo patriarkha vid 31 grudnya 1924 r.* [Letter to the Serbian Patriarch of December 31, 1924].

The Archives of the Holy Synod of Bishops (ASAS). (1925a) *Zvit do Svyashchennogo Sinodu vid 23 chervnaya 1925 r.* [Report to the Holy Synod on June 23, 1925].

The Archives of the Holy Synod of Bishops (ASAS). (1925b) *Zvit do Svyashchennogo Sinodu vid 6 lipnya 1925 r.* [Report to the Holy Synod on July 6, 1925].

Burega, V. (2013) *Deyatel'nost' svyashchennomuchenika Dosifeya (Vasicha) na territorii Zakarpatskoy Ukrainy v 1920-e gg.* [Activities of the Holy Martyr Dosifey (Vasich) in the Transcarpathian Ukraine in the 1920s]. In: Shiyakovich, B. (ed.) *Srpska teologija u dvadesetom veku: istrazhavachki problemi i rezultati*. Vol. 14. Belgrade: [s.n.]. pp. 141–148

Danilets, Yu. (2014) *Missionerskaya deyatel'nost' episkopov Irineya (Chiricha) i Serafima (Ioanovicha) na Podkarpatskoy Rusi (1927–1930 gg.)* (na materialakh Zakarpat'ya) [Missionary activities of Bishops Iriney (Chirich) and Seraphim (Ioanovich) in Subcarpathian Rus (1927–1930) (the case of Subcarpathia)]. *Sabornost VIII*. pp. 101–116.

Danilets, Yu. (2015) *Misioners'ka diyal'nist' episkopa Damaskina (Grdanichki) na Pidkarpats'kiy Rusi* [Missionary activity of Bishop of Damascus (Grdanychka) in Subcarpathian Rus]. *Pravoslavny biblicky zbornik*. I. pp. 103–113.

Danilets, Yu. (2017) *Podgotovka i provedenie Pervogo sobora Karpatorusskoy pravoslavnoy tserkvi 1921 g.* [On the First Cathedral of the Carpathian-Rus Orthodox Church in 1921]. *Teoloshki pogledi. Verskonauchni chasopis*. 2. pp. 285–300.

Sulyak, S.G. & Danilets, Yu.V. (2016) *Father Kassian Bogatyrets at the Second Vienna Trial*. *Biblioteka zhurnala "Rusin" – Rusin Journal Library*. 1(4). pp. 8–15 (in Russian). DOI: 10.17223/23451734/4/2

Chuchko, M.K. & Sulyak, S.G. (2014) *Archpriest Kassian Bohatyrets - researcher of church history in Bukovinian Rus*. *Rusin*. 1(35). pp. 143–164 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/35/11

Chuchko, M.K. & Sulyak, S.G. (2015) *The History of the Bukovinian Orthodox Diocese by Archpriest Kassian Bogatyrets*. *Biblioteka zhurnala "Rusin" – Rusin Journal Library*. 1(1). pp. 6–28 (in Russian). DOI: 10.17223/23451734/1/1

Marek, P. & Lupčo, M. (2013) *Nástin dějin pravoslavné církve v 19. a 20. století: prolegomena k vývoji pravoslaví v českých zemích, na Slovensku a na Podkarpatské Rusi v letech 1860-1992* [An Outline of the History of the Orthodox Church in the 19th and 20th Centuries: Prolegomena to the Development of Orthodoxy in the Czech Lands, Slovakia and Subcarpathian Rus in 1860–1992]. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury (CDK).

Данилец Юрий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета (Украина).

Данилец Юрій Васильович – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії України Ужгородського національного університету (Україна).

Yurij V. Danilets – Uzhhorod National University (Ukraine).

E-mail: jurij.danilec@uzhnu.edu.ua

УДК 94(477.85)"1919/1940"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/9

БУКОВИНСЬКА МИТРОПОЛІЯ У СКЛАДІ ПОМІСНОЇ РУМУНСЬКОЇ ПРАВОСЛАВНОЇ ЦЕРКВИ (МІЖВОЄННИЙ ПЕРІОД)

М.К. Чучко

Чернівецький національний університет ім. Ю. Федьковича
Україна, 58012, м. Чернівці, вул. Коцюбинського, 2
E-mail: mychailo_chuchko@rambler.ru

Авторське резюме

У дослідженні висвітлюється проблема адміністративно-територіального устрою і духовної юрисдикції православної церкви на Буковині в контексті історичних подій, пов'язаних зі зміною державної приналежності цього етноконтактного регіону, який знаходиться на стику східнослов'янського і східнороманського світів. Відзначено, що після включення Буковини до Румунського королівства Буковинська митрополія увійшла до складу автокефальної Румунської православної церкви та зазнала уніфікації в рамках Румунського патріархату. Незважаючи на негативні явища тотальної румунізації церковної сфери, у міжвоєнний період спостерігаються також певні позитивні зрушення в житті Буковинської митрополії: будівництво нових храмів, відкриття монастирів, підпорядкування митрополиту Буковинського православного релігійного фонду, розвиток духовної освіти. Суттєві корективи в церковне життя православного населення Буковини і Хотинського повіту Бессарабії внесла Друга світова війна, що було пов'язано з евакуацією духовенства з північної частини краю до Румунії в 1940 р.

Ключові слова: православна церква, Буковина, етноконтактний регіон, Буковинська митрополія, Румунська православна церква, міжвоєнний період.

БУКОВИНСКАЯ МИТРОПОЛИЯ В СОСТАВЕ ПОМЕСТНОЙ РУМЫНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД)

М.К. Чучко

Черновицкий национальный университет им. Ю. Федьковича
Украина, 58012, г. Черновцы, ул. Коцюбинского, 2
E-mail: mychailo_chuchko@rambler.ru

Авторское резюме

В исследовании освещается проблема административно-территориального устройства и духовной юрисдикции православной церкви на Буковине в контексте исторических событий, связанных с изменением государственной принадлежности этого этноконтактного региона, находящегося на стыке восточнославянского и восточнороманского миров. Отмечено, что после включения Буковины в состав Румынского королевства Буковинская митрополия вошла в состав автокефальной Румынской православной церкви и претерпела унификацию в рамках Румынского патриархата. Несмотря на негативные явления тотальной румынизации церковной сферы, в межвоенный период наблюдались и определенные положительные сдвиги в жизни Буковинской митрополии: строительство новых храмов, открытие монастырей, подчинение митрополиту Буковинского православного религиозного фонда, развитие духовного образования. Существенные коррективы в церковную жизнь православного населения Буковины и Хотинского уезда Бессарабии внесла Вторая мировая война, что было связано с эвакуацией духовенства из северной части края в Румынию в 1940 г.

Ключевые слова: православная церковь, Буковина, этноконтактный регион, Буковинская митрополия, Румынская православная церковь, межвоенный период.

METROPOLIS OF BUKOVINA OF THE ROMANIAN ORTHODOX CHURCH (INTERWAR PERIOD)

M.K. Chuchko

Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University,
2 Kotsiubynsky Street, Chernivtsi, 58012, Ukraine
E-mail: mychailo_chuchko@rambler.ru

Abstract

The article focuses on the administrative-territorial structure and spiritual jurisdiction of the Orthodox Church in Bukovina in the context of historical events related to the change of allegiance of this ethno contact region located at the junction of the Eastern Slavic and Eastern Romanian worlds. When Bukovina affiliates to the Romanian kingdom, the Bukovinian Metropolis becomes part of the autocephalous Romanian Orthodox Church and undergoes unification as part of the Romanian Patriarchate. Despite the negative affects of total Romanization of church, the interwar period sees certain positive changes in the life of the Bukovinian metropolis, among which is the construction of new churches, opening of monasteries, the subordination of the Bukovinian Orthodox religious foundation to the metropolitan, development of clergy education. The church life of the Orthodox population in Bukovina and Khotyn district of Bessarabia is greatly affected by WWII, which leads to the evacuation of the clergy from the northern part of the region to Romania in 1940.

Keywords: Orthodox Church, Bukovina, ethno-contact region, Metropolitan of Bukovina, Romanian Orthodox Church, interwar period.

Історіографія дослідження становища православної церкви на Буковині у міжвоєнний період представлена працями румунських, російських, молдавських, українських, австрійських, сербських, нідерландських вчених, які упродовж першої половини ХХ – початку ХХІ ст. торкалися окремих аспектів церковного життя православних буковинців (Nistor 1921; Hudal 1922; Mitropolitul 1925; Gheorghiu 1927; Şesan 1928; Reli 1937; Троицкий 1948; Ткачук 1956; Радека 1971; Răcurariu 1991; Nistor 1991; Гедеон (Губка) 1992; Ciachir 1993; Жуковський 1994; Dumitrache 2002; Яремчук 2003; Iaţencu 2003; Moraru 2004; Яремчук 2004; Valenciuc 2004; Рихло 2005; Clipa 2005; Petcu 2005; Можарівський 2006; Valenciuc 2006; Babiaş, Clipa 2007; Clipa 2007; Sîulescu 2007; Schipor 2008; Ракиш 2009; Боднарюк 2011; Шкаровский 2011; Brusanowski 2011; Vicovan, Adumitroaie 2011; Боднарюк, Чучко 2012; Чучко 2012; Чернівецький 2012; Гнидка 2013; Сениuşă 2013; Чучко 2014; Чучко, Суляк 2014; Сениuşă 2014; Valenciuc 2014; Богатырец 2015; Чучко 2015; Чучко, Суляк 2015; Drunen 2015; Колиненко 2016; Covalciuc 2017; Caruntu 2018). Разом з тим необхідно вказати на відсутність комплексних аналітичних досліджень з проблем церковної історії краю у зазначений період. Зокрема, актуальною залишається проблема вивчення історичних реалій церковно-релігійного життя місцевого православного румунського та русинського/українського у контексті зміни духовного підпорядкування та організаційної структури православної церкви на Буковині в умовах входження краю до Румунського королівства. Таким чином, мета нашого дослідження полягає у комплексному

висвітленні означеної проблеми у світі нововиявлених архівних матеріалів та новітніх історичних публікацій.

Після прилучення Буковини до Румунії король Фердинанд відновив в грудні 1918 р. митрополита Буковинського Володимира (Репту) в управлінських правах. У лютому 1919 р. була реорганізована консисторія Буковинської митрополії. 1 вересня здійснено архієрейську хіротонію архімандрита Іполіта (Воробкевича) на вікарного єпископа з титулом Радівецький. 22 листопада того ж року, на прохання далматинського єпископа Димитрія (Бранковича) про канонічний відпуст Далматинсько-Істрійської й Бокоцоторо-Дубровацьку до Сербської митрополії в Карловцах, митрополит Буковини після тривалих перемовин передав підлеглі чернівецькій архіпастирській кафедрі Сербські єпархії в Далмації, Істрії (Зара) й Которо під юрисдикцію митрополита Карловацького, і в 1920 р. всі вони були об'єднані з Сербською православною церквою (Hudal 1922: 82–83; Şesan 1928: 95–96; Anuarul 1937: 23; Радека 1971: 39; Iaţencu 2003: 165; Чучко 2014: 291–292; Колиненко 2016: 50–52). 1 січня 1920 р., коли в королівському палаці у Бухаресті проходила церемонія інвеститури обраного двома днями раніше митрополита-примаса всієї Румунії Мирона (Кристі), разом з ним отримали інвеституру від румунського короля митрополит Буковини Володимир (Репта) та єпископ Ардялю Іоанн (Папп) (Antonescu 2017: 53, 56). Православна церква Буковини, таким чином, прилучилася до автокефальної Румунської православної церкви, яка відповідно до Томосу Вселенського патріарха Василя II від 30 липня 1925 р. стала патріархатом. Варто відзначити, що в Румунському королівстві, на відміну від імперії Габсбургів, православна церква як конфесія переважної більшості румунів проголошувалася домінуючою в державі, що було закріплено, зокрема, в ст. 22 (Розділу II) Конституції 1923 р. (Şesan 1928: 95–96; Anuarul 1937: 23).

Водночас, у цей період було ліквідовано всі попередні здобутки українців в церковній сфері на Буковині. Окремі клірики-українці чинили опір посиленню румунізації в церковному житті, проводили антирумунську агітацію серед парафіян (Жуковський 1994: 154). Зокрема, 1 березня 1921 р. префектура Вижницького повіту ставила до відома Генеральну дирекцію культів в Чернівцях та генеральне управління Міністерства культів, що священники Іоанн Фрунзей з Черногузів та д-р Симеон Смерека з громади Мілієве були схильні до таємної пропаганди проти інтересів Румунської держави, підтримували ідею відновлення Української держави, якій належатиме і північ Буковини. Шеф повітової жандармерії 27 червня 1921 р. повідомляв, що священник з Черногузів Іоанн Фрунзей «є небезпечним елементом для Румунської держави», висловивши пропозицію

перевести його звідти служити в іншу місцевість. 26 липня 1921 р. комендант 10-го полку жандармів полковник Шкіпор інформував митрополиту консисторію в Чернівцях про такі проступки священика Іоанна Фрунзея: «З 31 червня 1919 р. до кінця жовтня 1919 р. не згадував за богослужінням його величність короля Фердинанда; в грудні 1920 р. виголосив в церкві проукраїнську патріотичну промову, що його жертва на бурсу у Вижниці служитиме українській молоді, яка є надією і майбутнім їхньої нації; у 1918–1919 рр. отримував від Володимира Климюка, екстрадованого в Галичину, українські газети з Галичини, провокував до організації в громаді двох партій з антирумунськими ідеями, займався політикою; знаний в громаді як українофіл та працює проти публічного порядку, з ненавистю і презирством ставиться до влади». Проте йому покровительствував місцевий благочинний, і отця І. Фрунзея лише у травні 1927 р. перевели на парафію в с. Борівці (ДАЧО 2: 14, 20, 21).

Під час Церковного конгресу, скликаного на прохання митрополита Володимира (Репти) декретом короля восени 1921 р., який тривав з 3 по 25 жовтня 1921 р., було формально затверджено передачу Буковинського православного релігійного фонду в адміністрування Буковинської архієпархії та обрано з-поміж членів конгресу комітет для управління церковним майном. Тоді ж офіційно змінено назву Буковинської архієпархії з «греко-східна» на «православно-румунська», що призвело на засіданні 18 жовтня до гострих дискусій між румунськими і українськими делегатами конгресу (Ткачук 1956: 742; Гнидка 2013: 261; Богатырець 2015: 202–203). Українські делегати священики д-р Ф. Григорій, д-р Є. Козак, П. Катеринюк, д-р С. Смерека, Т. Драчинський та О. Козак протестували проти зміни назви, яка тепер мала вказувати на виключні права румунів в управлінні архієпархією та релігійним фондом, заявляючи також про право українців на ці інституції (Ткачук 1956: 742–743; Жуковський 1994: 154–155).

За даними єпархіального щорічника, станом на 1923 р. в парафіях 12 протоієрейств Буковинської митрополії служили 356 кліриків (у їх числі 1 архімандрит, 6 архіпресвітерів, 33 протоієреї, 65 екзархів та 251 пресвітер) та налічувалося 372 культові споруди (Anuarul 1923: 59).

Владика Володимир (Репта) керував митрополією до 1 листопада 1924 р., після чого за станом здоров'я відійшов на покой (він помер 24 квітня 1926 р. в Чернівцях у 85-річному віці) (Cândea 1926: 3; Ciachir 1993: 109; Cenușă 2014: 183). 7 листопада 1924 р. за рішенням Великої виборчої колегії митрополитом Буковинським став Нектарій (у миру Николай Котлярчук) (1924–1935 рр.), уродженець с. Стульпикани, що на півдні Буковини, який до того був єпископом

Білгородським та Ізмаїльським (Mitropolitul 1935: 1; Păcurariu 1991: 442; Cenușă 2013: 165, 168).

Того ж року в православній церкві Румунського королівства було запроваджено новоюліанський календар (Стратулат 2012: 56–57), або, як його офіційно називали в Румунії, «виправлений юліанський календар». Циркуляр про набуття його чинності з 1/14 жовтня та відповідні пояснення щодо особливостей календарної реформи було оприлюднено у Буковинській архієпархії 10/23 липня за підписом вікарного єпископа Іполіта (Воробкевича) (Foaia 1925: 30). Однак, незважаючи на офіційні роз'яснення, реформа церковного календаря була неоднозначно сприйнята в українських парафіях північної частини краю. За спогадами жителя Борівців Ю. Горбашевського (Карбашевського), «Румунія прийняла новий календарний стиль ще з 1924 року, але Різдво святкується за старим стилем. Влада, яка зацікавлена в цьому більше як церква, ще не встигла змусити людей перейти на новий стиль. Священик Шорш не спішить приймати рішення в цьому питанні, а після його відходу отець Фрунзей теж залишив все як було. В Південній Буковині села переходять одне за одним на новий стиль. Є ознаки, що влада в Північній Буковині не піде на поступки і введе нового календаря» (Горбашевський 2003: 23). Але справа запровадження виправленого календаря йшла повільно і зустрічала опір з боку населення північної частини краю. Так, 10 січня 1926 р. парохіат громади Митків рапортував до консисторії в Чернівцях, що в дні 7, 8 і 9 січня багато селян, які не бажали прийняти новий календар, просили священика віддати ключі від церкви. В ці дні вони колядували з музикою і влаштовували танці та вимагали, щоби священик залишив служити в церкві в святкові дні за виправленим календарем, що спровокувало 10 січня великий скандал в храмі. За донесенням парохіату з Конятина від 8 січня 1926 р., в цьому селі на засіданні Парафіяльної ради прийняли одностайне рішення звернутися з петицією до консисторії, щоби служили в святкові дні за календарем не виправленим, погрожуючи в іншому випадку перейти в унію. Слова священика, що консисторія не може скасувати цього наказу Св. синоду, та інші його аргументи успіху не мали і викликали вороже ставлення громади до панотця. З с. Яблониця парафіяльний адміністратор о. С. Спетко рапортував 11 січня 1926 р. до Єпархіальної ради, що від запровадження виправленого календаря народ не ходить до церкви ні в неділі, ні в свята. Про відзначення свят за виправленим календарем не може йти мови. У 1924 р. за сприяння взводу граничерів вдалося зібрати в церкві на Різдво Господнє 8 душ і на Хрещення Господнє зійшлося, при допомозі лейтенанта граничерів, 15 душ, а у 1924 р. воєнна влада не займалася церковними справами, тому

ніхто не прийшов до церкви на Різдво Господнє. Всі працювали в лісі. На Водохреща прийшло до церкви 5 осіб. Інспектор-місіонер о. д-р І. Пуюл, який за розпорядженням митрополита на початку січня 1926 р. відвідав громади Путильського протоієрейства, доповідав в консисторію 16 січня, що в парафії Путила він побував на св. літургії та освяченні води місцевим парохом архіпресвітером О. Козаком. Православні християни тут не брали участі в богослужіннях у свята за виправленим календарем. На Хрещення Господнє були присутні в церкві, крім інтелігенції, максимум 10 віруючих. Інші святкували навечір'я Різдва Господнього. Священик Г. Васілович повідомив отцю інспектору, що в громаді Руський Кимпулунг всі парафіяни святкують за старим стилем. На свято Богоявлення Господнього були в церкві лише єпітроп і примар. А один парафіянин з цієї громади О. Плегуца навіть вдався до агітації місцевих жителів проти відзначення свят за виправленим календарем, називаючи його «румунські свята», чому стали свідками Дмитро Кабюк та його син Іван. Схожу роботу проти відзначення свят, за словами священника, вів також очільник місцевого осередку «Січі» Т. Онуфрейчук (ДАЧО З: 1, 3, 5, 11, 13.). В 1929 р. в північних повітах навіть дійшло до відкритих протестів проти нового календаря через зміну дати відзначення Пасхи¹. Найбільш активних учасників протестних акцій, які не допускали священників до відправи Великоднього богослужіння, було заарештовано (Ткачук 1956: 744–745).

Характерно, що схожа ситуація спостерігалася і в Бессарабії, територія якої раніше знаходилася в юрисдикції Російської православної церкви. Реформа календаря там також поклала початок конфлікту, у який було втягнуто не лише місцевий клір, а й широкі кола віруючого населення. «Союз православних християн Бессарабії» засудив бессарабського митрополита Гурія (Гросу) за беззастережне виконання ним розпорядження Синоду щодо запровадження виправленого календаря. Бессарабські священники вважали новий календар антиканонічним і підтримували протести мирян (Шорников 1998: 159–164; Шорников 2006: 100–105; Стратулат 2012: 57–58).

У наступні роки, незважаючи на заходи влади, більшість православної українського населення Буковини не прийняло календарної реформи, дотримуючись старого стилю (Ткачук 1956: 745). 21 січня 1930 р. парох в Дубівцях протопресвітер І. Кадишук інформував Єпархіальну раду, що на Водохреща він св. літургію служив при одному члені Парафіяльної ради та з мізерним числом людей (з молодшого покоління), з котрими потім йшли процесією на Прут освячувати воду (ДАЧО З: 28).

Зважаючи на місцеві реалії деякі священники йшли на поступ-

ки парафіянам, здійснюючи святкові відправи за старим стилем. 23 січня 1933 р. префектура Радівецького повіту доносила митрополиту Буковинському Нектарію, що священик з с. Конятин здійснював богослужіння в день св. Стефана та 14 січня 1933 р. за старим стилем (ДАЧО 3: 117). Згідно зведеної відомості щодо ситуації зі стилістами (прихильниками старого стилю) в 32 селах Черемоського протоієрейства, складеної 10 березня 1935 р. протопресвітером В. Волошенком з Берегомету над Сіретом для Єпархіальної ради, з 22 154 наявних в благочинні сімей 5 736 відзначали свята за виправленим календарем, а 16 418 – за старим (ДАЧО 3: 157–158). Окремі священики, як, наприклад, о. Г. Васілович з Руського Кімпулунгу, вбачаючи у спротиві календарній реформі політичні мотиви, пропонували карати зятих прихильників старого стилю громанськими роботами та оприлюднювати їхні імена в громаді на відповідній дошці (ДАЧО 3: 13). Варто відзначити, що й певна частина парафіян, які схилялися перед церковним авторитетом теж висловлювалися на підтримку духовної влади краю по запровадженню календарної реформи, закликаючи її вдаватися до покарань тих, хто чинить опір. Показовим в цьому плані є анонімний лист до архієпископа і митрополита Нектарія від 20 жовтня 1931 р. одного вірянина з Вижниці, «котрий порозумів добре справу календарну» і просив консисторію гостро реагувати на факти опору проти духовної влади та недопускати тих, хто до цього спричиняється, до св. тайн, а «як знайдеться де такий чоловік, що підбурює нарід, щоби був священиком записаний і переданий властям судовим до покарання» (ДАЧО 3: 71–72).

У сусідній Бессарабії румунська влада і православна церква теж продовжували активну боротьбу зі стилістами, особливо після хвилі масових виступів населення за збереження старого календаря в селах Бельцького повіту влітку 1935 р. У населених пунктах, де було багато стилістів, церковне керівництво посилило місіонерську роботу. На конференції духовенства північної частини Бессарабії, що відбулася 1936 р. в м. Сороки, хотинський єпископ Тит (Сімедря) заявляв, що «старостилізм пропагують агенти, які знаходяться на службі комунізму». А в Бельцях учасники пасторальної конференції дійшли висновку, що рух стилістів був викликаний агітацією російської інтелігенції та «бродячими ченцями», тому відрядили у проблемні села повіту 40 місіонерів (Стратулат 2012: 68).

1925 р., відповідно до Закону про організацію автокефальної Румунської православної церкви, митрополія Буковини стала однією із п'яти митрополій об'єднаної Румунії і складалася з Чернівецької архієпархії та Хотинського єпископства². Вищими керівними органами в Румунському патріархаті були Священний синод та Національний

церковний конгрес, Центральна церковна рада, Центральна духовна консисторія, Церковна єфорія (наглядова рада).

На єпархіальному рівні митрополит або єпископ керували своєю дієцезією за допомогою єпархіальних зборів, Єпархіальної ради, що поділялася на три секції, та Єпархіальної духовної консисторії. Головою ради і зборів був митрополит, заступником – вікарний єпископ Радівецький. Православний релігійний фонд Буковини з відання Міністерства сільського господарства (в якому він знаходився з 1919 р.) перейшов у повне розпорядження церкви.

Парафіяльний причт складався зі священника-пароха та священника-кооператора, а також церковного співака-даскала. Вони отримували в своє користування земельні ділянки та платню з Релігійного фонду. Священники також забезпечувалися парафіяльним житлом. Органами управління в парафіях були парафіяльні збори, парафіяльна рада та епітропство (опікунська рада).

20–50 парафій становили благочинний округ – протопресвітерство на чолі з окружним протоієреєм, якому допомагали вікарії. Допоміжними органами в протопресвітерстві були Збори благочиння та Рада епітропів (Anuarul 1937: 22; Ткачук 1956: 744; Можарівський 2006: 119, 126–127, 133; Боднарюк 2011: 193; Богатырець 2015: 205–234). У 1928 р., щоби привести кількість парафій в благочиннях у відповідність до визначеної в законі, у Чернівецькій архієпархії було скасовано Кіцманське та Путильське протопресвітерства і створено одне нове – Арборське. Відтоді архієєцезія складалася з 10 протопресвітерств, так що на кожен повіт припадало по 2 благочиння (Ткачук 1956: 742).

Станом на 1930 р. в парафіях 10 благочинь Чернівецькій архієпархії служило 360 кліриків – 11 архіпресвітерів, 35 протоієреїв, 73 екзархи та 241 ієрей. Кількість культових споруд в єпархії зросла до 414 (269 парафіяльних храмів, 27 експозитур, 88 філіяльних церков і 30 каплиць) (Anuarul 1930: 139).

З 1930 р. ведення метричних книг в Румунському королівстві було передано у відання цивільних органів, але, як зазначав о. І. Ткачук, населення Буковини по-давньому надавало перевагу здійсненню реєстрації актів цивільного стану у церкві, тим більше, що духовна влада, за словами о. К. Богатирця, й надалі зобов'язувала священників краю продовжувати вести метричні книги у парафіях (Ткачук 1956: 750; Богатырець 2015: 248).

При митрополиті Нектарії також було реформовано церковно-співоцьку школу в Чернівцях та посилено місіонерську роботу у зв'язку з поширенням в краї сектантства (Богатырець 2015: 253).

У той період, як свідчить уродженець чернівецького передмістя

Гореча проф. В. Требіч, завдяки дружнім відносинам митрополита Нектарія з проф. І. Ністором, лідером місцевого осередку Національно-ліберальної партії, яка в 20–30-х рр. ХХ ст. посідала провідні позиції на теренах Буковини і Румунії, лібералам вдалося опанувати навіть православним релігійним фондом, «бо хто володіє церковним фондом, володіє Буковиною». За спогадами В. Требіча, «священики, даскали, інженери лісу, лісничі – вся армія службовців адміністрації релігійного фонду і митрополії – волею, неволею – члени Національно-ліберальної партії. Тато мій, як службовець митрополії, теж є членом НЛП» (Trebici 1992: 57).

У листопаді 1935 р. митрополитом Буковинським і Хотинським, замість померлого 4 липня владики Нектарія, Велика виборча колегія обрала хотинського єпископа Вісаріона (у миру Віктора Пую) (1935–1940 рр.), уродженця м. Пашкань (повіт Сучава, нині в Ясьському повіті) (Anuarul 1937: 17; Ciachir 1993: 109; Valenciuc 2004: 41, 43; Tomescu 2005: 20; Богатырец 2015: 255–257). Інтронізація нового владики відбулася 10 листопада 1935 р. в кафедральній церкві м. Чернівці (Tomescu 2005: 20).

У першу чергу митрополит Вісаріон взявся за впорядкування справ Православного релігійного фонду, управління якого через втручання лібералів досі було неефективним. В 1936 р. за ініціативою владики король видав декрет-закон про управління справами фонду, відповідно до якого адміністрування цієї установи було віддано комітету дирекції, а всі рішення Єпархіальної ради, дирекції та єпархіальних зборів вважался правомочними лише після згоди митрополита.

Того ж року в митрополії вступило в дію розпорядження про вихід на пенсію старих священиків та було організовано велику прощу до відновленого чоловічого монастиря в Хрещатику. Продовжували влаштовувати також традиційні прощі до мощів св. вмч. Іоанна Нового в Сучаві. Богослужіння в храмах краю дозволялося здійснювати румунською та частково церковнослов'янською мовами в залежності, які це були парафії – румунські, українські чи змішані. В 1937 р. Єпархіальна рада відновила дію циркуляру консисторії 1907 р., виданого при митрополиті Володимирі (Репті), щодо заборони священикам-українофілам здійснювати відправи українською мовою, зокрема, за перекладами проф. І. Огієнка і наказувала використовувати в богослужінні лише церковнослов'янську мову. Порушників погрожували карати затримкою зарплатні (Жуковський 1994: 159; Богатырец 2015: 257–258, 260–261, 306, 265). Натомість, в сусідній Бессарабії Синод офіційно дозволив у парафіях зі слов'янським населенням відправляти богослужіння наполовину румунською і церковнослов'янською

мовами лише в травні 1938 р. і то тільки після застереження єпископів Аккермансько-Ізмаїльського Діонісія (Ерхана) та Хотинського Тита (Сімедрі) про відтік через заборону здійснювати богослужіння іншою мовою, окрім румунської, православного нерумунського населення в секти, зокрема, до баптистів, яким дозволялося проводити служіння рідною мовою віруючих (Шорников 2006: 107; Стратулат 2012: 71).

1937 р. до митрополії Буковини і Хотина було долучено відроджену Марамуреську православну єпархію (Valenciuc 2004: 52–53; Богатырец 2015: 281). О той порі Чернівецька архієпархія митрополії Буковини, Хотина та Марамуреша налічувала 10 благочинь, 310 парафій та 390 священників (255 з них були румунами за національністю, 135 – українцями). Загальне число православних віруючих архієпархії тоді становило 644 456 осіб. За етнічним складом населення 140 парафій були чисто українськими, 135 – румунськими і 35 змішаними. Число монастирів та скитів на Буковині зросло з 10 у 1934 р. до 12 в 1939 р. (Anuarul 1937: 179–180).

У цей період серед студентів-теологів Чернівецького університету, зокрема в середовищі членів студентського товариства «Православна академія» та серед окремих молодих румунських кліриків, набуває популярності легіонерський рух. Але встановлення королівської диктатури із запровадженням у лютому 1938 р. Каролем II нової Конституції Румунії поклало край легальному легіонерському руху (Trebici 1992: 57; Procesoale 2013: 44).

19 лютого 1938 р. вийшов королівський декрет-закон, який забороняв участь священників в політичних партіях і рухах, політичну пропаганду в культових спорудах та під час релігійних процесій. У телеграмі на ім'я митрополита Буковини від 19 лютого 1938 р. міністр культів і мистецтв Румунії Віктор Яманді вказував, що члени кліру і службовці відповідно до декрету-закону № 870/938 повинні вийти з політичних партій до 24 лютого та подати про це декларації єпархіальному керівництву до 3 березня (ДАЧО 1: 3). 21 лютого Буковинська митрополія видала циркуляр до духовенства щодо негайного виконання прописаної в законі вимоги (ДАЧО 1: 4–6).

Невдовзі до Єпархіальної ради в Чернівцях стали надходити колективні та індивідуальні декларації про вихід з партій та неучасть у політичному житті. Наприклад, священник Василій Товстюк з Добринівців надіслав до консисторії нотаріально завірену декларацію про вихід з Національно-християнської партії відповідно до розпорядження Єпархіальної ради № 1532/38 (ДАЧО 1: 13). 22 лютого 1938 р. настоятель монастиря в Сучаві синкел Іліє (Врабіє) надіслав до Єпархіальної ради декларацію від монахів цієї обителі. У ній, зокрема, повідомлялося, що на виконання закону-декрету архідиякон

Григорій (Сотницький) вийшов з Національно-ліберальної партії, а решту 9 ченців у партійних рядах ніколи не перебували (ДАЧО 1: 10). 28 лютого 1938 р. до Єпархіальної ради було направлено колективну декларацію священників Арборського благочиння про їхню неучасть у політичних партіях (ДАЧО 1: 30–31).

Порушення вимог декрету-закону № 870/938 передбачало покарання винних у вигляді арешту від 6 місяців до 1 року та штраф від 10 000 до 20 000 леїв (Petcu 2005: 278).

Варто відзначити, що хоча заборона на політичну діяльність кліриків та службовців, стосувалися всіх партій і політичних рухів в Румунії, але її вістря було спрямоване в першу чергу проти легіонерів, щоби поступово зменшити кількість їхніх прихильників в середовищі духовенства, у т. ч. в Буковинській митрополії³ (Petcu 2005: 278). Найбільш активні діячі легіонерського руху зазнали арештів та інтернування в таборах, частина з яких була організована при монастирях. Один з виправних таборів для легіонерів діяв у монастирі Мітоку Драгомірней (Trebici 1992: 57; Procesele 2013: 44).

24 травня 1938 р. у Чернівцях з черговим візитом побував румунський патріарх Мирон (Кристя), який 11 лютого був призначений прем'єр-міністром Румунії⁴. У місті над Прутом предстоятель Румунської православної церкви зупинився повертаючись з Польщі, яку він відвідав з офіційним візитом упродовж 19–23 травня. У закордонній поїздці, під час якої відбувалися офіційні зустрічі з керівництвом Польської Республіки та священноначалієм автокефальної Польської православної церкви, патріарха Мирона супроводжували митрополит Буковини Вісаріон (Пую), а також клірики Буковинської митрополії д-р І. Пуюл та д-р К. Богатирець. Після прибуття потягом у Чернівці патріарх відвідав кафедральну церкву, де провів богослужіння, митрополічу резиденцію, дирекцію Релігійного фонду. Після обіду в резиденції митрополита Буковини предстоятель побував у префектурі та примарії, а також на богословському факультеті Чернівецького університету (почесним доктором якого він був обраний 22 лютого 1920 р.) і в семінарії. Після вечери в резиденції патріарх Мирон о 9.00 покинув митрополічий палац і відбув залізницею з Чернівців до Бухареста (Vizita 1938: 148; Calendarul 1939: 147).

На пропозицію перестарілого вікарного єпископа Радівецького Іполіта в 1938 р. королівським розпорядженням в митрополії було запроваджено посаду другого вікарного єпископа з титулом Сучавського. Новим вікарним владикою обрали архімандрита Євгенія (Лаю). Його єпископську хіротонію було здійснено в липні 1939 р. у кафедральному соборі Чернівців (Можарівський 2006: 127; Valenciuc 2014: 55).

11 травня 1940 р. через конфлікт із провідними діячами колишньої Національно-ліберальної партії⁵ та Каролем II стосовно управління Православним релігійним фондом Буковини патріарх Румунії Никодим (Мунтяну) з подачі короля відправив митрополита Буковинського, Хотинського і Марамуреського Віссаріона у відставку. Після цього відправлений на покій колишній буковинський владика 10 червня 1940 р. оселився у Свято-Введенському скиті в повіті Нямц (Foaia 1940: 99; Schitul 1995: 191; Valenciuc 2004: 79–80; Tomescu 2005: 44; Боднарюк 2011: 194, 198). З 14 травня 1940 р. обов'язки місцєблюстителя Чернівецької митрополичої кафедри певний час виконував романський єпископ Лукіан (в миру Лазар Трітяну) (Valenciuc 2006: 353; Valenciuc 2014: 69; Богатырец 2015: 291). А 13 червня 1940 р. Велика виборча колегія обрала новим архієпископом Чернівецьким і митрополитом Буковини колишнього хотинського єпископа Тита (у миру Теодора Сімедрю) (1940–1945 рр.), уродженця с. Найпу (повіт Влашка) (Foaia 1941: 202; Ткачук 1956: 752; Ciachir 1993: 109; Valenciuc 2004: 80; Боднарюк 2011: 194, 198; Valenciuc 2014: 69). 20 червня 1940 р. вийшов декрет короля Кароля II про його затвердження на Буковинській митрополичій кафедрі (Foaia 1941: 203). Проте його настолювання на архієрейській кафедрі в Чернівцях, що було призначене на 1 липня 1940 р., не відбулося, оскільки 28 червня північну частину Буковини, Хотинський повіт Бессарабії та Герцаївщину (територія останньої належала до Дорохойського повіту Старого Королівства) зайняли радянські війська⁶ (Ciachir 1993: 128). За день до того, 27 червня, король Кароль II видав декрет-закон про реорганізацію Буковинського релігійного фонду. Відповідно до цього законодавчого акту, опублікованого 29 червня, Релігійний фонд Буковини переходив під королівський патронат. Керівництво і адміністрація цієї установи переходили від Єпархіальної ради до Ефорії, яка складалася тільки з чотирьох осіб (королівського резидента цинуту Сучава як голови та трьох членів – представників митрополії). Управління і затвердження бюджету фонду належало тільки членам Ефорії, адміністратору та заступнику адміністратора, що нагадувало австрійські часи (Valenciuc 2004: 80; Clipa 2005: 71).

У цій складній політичній обстановці, що склалася після висунення з боку керівництва СРСР територіальних претензій Румунії, єпархіальна адміністрація митрополії Буковини, яка ще 22 червня виїхала до Сучави, жодним чином не подбала про евакуацію матеріальних цінностей, музею, облачень та єпархіального архіву, хоча план евакуаційних заходів був заздалегідь розроблений ще у вересні 1939 р., через загрозу можливого німецького або радянського воєнного вторгнення, про що згодом, 29 липня 1940 р., інформував

митрополита Тита на першому пленарному засіданні Єпархіальної ради Буковинської митрополії в Сучаві референт адміністративної секції д-р архіпресвітер І. Пую (Valenciuc 2006: 351, 352–353). Перед вступом радянськи військ в Північну Буковину на південь краю евакуювалися також теологічний факультет⁷ та 112 священників (за іншими даними – 106), переважно румунів за національністю. 132 клірики не встигли виїхати. 109 з них виїхали згодом внаслідок роботи німецько-радянської репатріаційної комісії. Зокрема, в рамках переселенської кампанії виїхали тоді до Німеччини архіпресвітер К. Богатирець з Кіцманя, іконом О. Тотоескул з Топорівців. Звідти вони через репатріаційну комісію дісталися Румунії, а в серпні 1941 р. повернулися на парафії до північної частини Буковини. Настоятель парафії в Малятинцях І. Диба упродовж 1940–1941 рр. знаходився в Румунії і так само повернувся до північної частини Буковини в 1931 р., отримавши парафію в с. Багна. Натомість священник Д. Грималюк з Дубівців, виїхавши з дозволу радянської влади разом з іншими священниками до Німеччини, перебував у німецьких таборах для переміщених осіб в м. Шинберг, Бреслау та Ратібор аж до 1944 р., повернувшись до рідного краю лише перед приходом радянської армії. Так само настоятель парафії у Горішніх Лукавцях М. Катеринюк, виїхавши до Німеччини, з 1940 до 1941 р. перебував у таборі в Польщі, потім упродовж 1944–1945 рр. працював в Австрії і лише в липні 1945 р. повернувся до Чернівецької області, де отримав парафію в приміському селі Ленківці (Поточний архів 1: 6; Поточний архів 2: 57; Поточний архів 3: 14; Поточний архів 4: 98; Поточний архів 5; Чучко, Суляк 2014: 45–46; Covalciuc 2017: 15–16). Завдяки клопотанням Буковинської митрополії в Сучаві та ардяльського митрополита Ніколає (Белана), випускника богословського факультету в Чернівцях, Міністерство освіти, мистецтв та культур та Св. синод Румунської православної церкви знайшли для 105 священників-втікачів з Північної Буковини місця для служби в інших єпархіях, переважно в західній частині країни. Зокрема, 15 кліриків-буковинців було направлено на парафії в архієпископство Крайова, 17 – до архієпископства Сібіу, 21 – в Клузьке єпископство, 8 – до єпископства в Арадї, 2 – в єпископство Карансебеш та 31 до Тимишорської єпархії (Moragu 2004: 45–46; Covalciuc 2017: 15–16).

До кінця 1940 р. в Чернівецькій області залишилося 23 священники (за іншими даними 22), три з них невдовзі були репресовані (Moragu 2004: 45–46; Covalciuc 2017: 16). На зайнятій Радянським Союзом території опинилися 186 парафій. На теренах, що залишилися за Румунією, – 138 парафій (Valenciuc 2014: 71).

Таким чином, після включення Буковини до складу Румунського

королівства Буковинська митрополія в 1919 р. увійшла до автокефальної Румунської православної церкви і зазнала в 1925 р. уніфікації. Та попри негативні явища тотальної румунізації церковної сфери, у міжвоєнний період спостерігаються також певні позитивні зрушення в житті Буковинської митрополії, як то будівництво нових храмів, відкриття монастирів, підпорядкування митрополиту Буковинського православного релігійного фонду, розвиток духовної освіти.

Друга світова війна внесла суттєві корективи в церковне життя православного населення Буковини і Хотинщини. У червні 1940 р., перед вступом підрозділів Червоної армії до північної частини Буковини, Хотинщини та Герцаївщини, на територію Румунії з Чернівців було евакуйовано Буковинську митрополічу консисторію та теологічний факультет університету. Тоді ж північну частину краю покинула більша частина буковинського православного кліру. На території Буковини, яка відійшла до Радянського Союзу, на кінець 1940 р. залишилися лише понад два десятки священиків.

ПРИМІТКИ

1. В регіоні історичної Молдови т. з. старостильники відділилися від Румунської православної церкви. З 1930 р. перші общини старостильників з'явилися в південній частині Сучавського повіту. Упродовж 1931–1932 рр. вони побудували 4 церкви, які у результаті переслідувань старостильників державною владою і офіційною церквою були передані Румунській православній церкві.

2. Хотинщина, яку в 1812 р. було приєднано від Туреччини до Російської імперії, увійшла з 1813 р. до складу Кишинівської і Хотинської єпархії Російської православної церкви. У 1918 р. включена до складу Румунської православної церкви. 1923 р. було утворено Хотинське єпископство з кафедрою у Бельцях як суфрагія у складі Буковинської митрополії (Pocitan 1936: 19; Răcurariu 1991: 442–443).

3. Пізніше, під час збройного заколоту Залізної гвардії проти урядування генерала І. Антонеску, що мав місце в Румунії 21–23 січня 1941 р., в південній частині Буковини його підтримали лише 3 священики Буковинської митрополії. Зокрема, в Радівецькому повіті за участь у заколоті бувс відданий під суд священик Д. Преда (Вруја 2007: 202).

4. Як митрополит-примас всієї Румунії Мирон (Кристя) відвідував Буковину і Чернівці в 1920 та 1924 рр. У сані патріарха Румунської православної церкви він побував у Чернівцях в серпні 1926 р. (під час поховання померлого на покої митрополита Володимира (Репту), в липні 1935 р. (під час похорон митрополита Нектарія) та в серпні

1936 р. (під час святкування 50-річчя міністра праці, охорони здоров'я та соціального захисту проф. І. Ністора).

5. За свідченням тодішнього єпархіального секретаря Буковинської митрополії проф. К. Томеску, у справі усунення митрополита Вісаріона з Чернівецької кафедри, ініціатора цієї справи колишнього очільника буковинських лібералів, міністра культів і мистецтв д-ра І. Ністора підтримало зібрання Асоціації буковинських священиків на чолі з о. д-ром І. Васке, яке направило про своє рішення телеграми королю Каролю II та прем'єру Тетереску (Tomescu 2005: 45–46).

6. У циркулярі № 31/940 від 8 липня 1940 р. вказувалося, що митрополит Тит (Сімедря) перебрав управління архієпархією Чернівецькою і митрополією Буковини і наказувалося згадувати його за богослужінням. 13 березня 1941 р. у Бухаресті відбулося інвеститура владики Тита на буковинського митрополита королем Мигаєм І. 25 березня на свято Благовіщення, після вручення грамоти патріарха Нікодима (Мунтяну), в монастирі Іоанн Новий в Сучаві відбулося урочисте настолювання архієпископа Чернівецького і митрополита Буковини Тита, на якому були присутні субсекретар Міністерства культів д-р І. Санду, директор Св. синоду о. Г. Вінтілеску та митрополит Молдови Іріней (Foaiа 1941: 228, 209–210, 212–213).

7. Відповідно до рішення Ради міністрів Румунії від 18 вересня 1940 р., теологічний факультет поновив свою роботу в Сучаві у приміщенні ліцею «Штефан Великий». На факультеті навчалося 388 студентів. Його деканом в 1940–1941 рр. був д-р Н. Котос (Covalcіus 2017: 15).

ЛІТЕРАТУРА

Богатырец 2015 – *Богатырец К.* История Буковинской епархии // *Rusin Jurnal Librari*. Библиотека журнала «Русин». 2015. № 1. С. 29–343.

Боднарюк, 2011 – *Боднарюк Б.* Розвиток православної церкви на Буковині у міжвоєнний період // *Culturi și Religii in Bucovina istorică. Retrospectivă și perspective ale dezvoltării=Cультури та релігії в історичній Буковині. Перспектива та перспективи розвитку=Cultures and Religions in the Historical Bucovina. Retrospection and Perspectives of Development / Ed.: Vasile Grăjdian, Serhii Nakman, Olga Lukacs. Cluj-Napoca, 2011. P. 193–200.*

Боднарюк, Чучко 2012 – *Боднарюк Б., Чучко М.* Духовно-религиозное образование и воспитание в северных волостях земли Молдавской и в провинции Буковина (XVIII – первая половина XX в.) // *Русин*. 2012. № 2 (28). С. 95–107.

Гедеон (Губка) 1992 – *Гедеон (Губка), иеромонах.* Православие на Буковине в период с 1873 по 1945 г. Сергиев Посад, 1992.

Горбашевський 2003 – *Горбашевський Ю.* Битва за Буковину. Чернівці: Чернівецька обласна друкарня, 2003.

Гнидка 2013 – *Гнидка М.М.* Православний релігійний фонд Буковини на тлі релігійно-політичних трансформацій міжвоєнного періоду // *Вісник Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв.* К.: Міленіум, 2013. № 4. С. 258–263.

ДАЧО 1 – Державний архів Чернівецької області (далі ДАЧО). Ф. 320. Оп. 1. Спр. 13. Циркуляри митрополії Буковини у відповідності з декретом уряду про заборону участі церковних служителів в політичних партіях. Декларації і списки церковнослужителів, що не беруть участі в політичних партіях. 21 лютого – 10 серпня 1938 р.

ДАЧО 2 – ДАЧО. Ф. 320. Оп. 1. Спр. 114. Матеріали по розслідуванню діяльності священика громади Борівці Фрунзея Іоанна, підозрюваного у веденні української націоналістичної агітації, звинувачуваного у вимаганні грошей у парафіян за відправлення релігійних обрядів і інших службових зловживаннях. 1914–1940 рр.

ДАЧО 3 – ДАЧО. Ф. 320. Оп. 1. Спр. 3354. Доповідні записки, протоколи і листування про спротив населення Буковини примусу до проведення церковних свят за новим стилем. 1926–1935 рр.

Жуковський 1994 – *Жуковський А.* Історія Буковини. Чернівці: Час, 1994. Ч. 2.

Колиненко 2016 – *Колиненко Ю.В.* Сербская православная церковь в 1878–1920 гг.: национальная идеология и политическая практика: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016.

Можарівський 2006 – *Можарівський В.* Православна церква на Буковині. Доба митрополій (сер. XIX – 1 пол. XX ст.). Чернівці: б/в, 2006.

Поточний архів 1 – Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ. Архівна справа № А-кл-1-30 колишнього клірика Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ митр. прот. Кассіяна Дмитровича Богатирця. 1868–1958.

Поточний архів 2 – Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ. Архівна справа № А-кл-26-1-171 колишнього клірика Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ прот. Іоанна Миколайовича Диби. 1891–1961.

Поточний архів 3 – Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ. Архівна справа № А-кл -20-137 колишнього клірика Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ прот. Дмитрія Васильовича Грималюка. 1892.

Поточний архів 4 – Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ. Архівна справа № А-кл-31-6-210 колишнього клірика Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ митр. прот. Михаїла Тимофійовича Катеринюка. 1893.

Поточний архів 5 – Поточний архів Чернівецько-Буковинської єпархії УПЦ. Церква Св. пророка Іллі в с. Топорівці Новоселицького благочиння.

Радека 1971 – *Радека М.* Далматинска епархија од уједињенья СПЦ // Срби и православље у Далмацији и Дубровнику. Загреб: Савез удруженья православног свештенства Сх Хрватске, 1971.

Ракић 2009 – *Ракић Р.* Православни богословски факултет у Черновцима. Београд: Хришћанско мисао, 2009.

Рихло 2005 – *Рихло П.* Міжетнічні та міжкультурні відносини у Буковині 1918–1940 рр. // Буковина 1918–1940 рр.: зовнішні впливи та внутрішній розвиток. Чернівці: Зелена Буковина, 2005. С. 119–140.

Стратулат 2012 – *Стратулат Н.В.* Церковная политика Румынии и положение православной церкви в Бессарабии 1918–1940 гг. // *Труды Перервинской православной духовной семинарии.* 2012. № 5 (2). С. 56–76.

Ткачук 1956 – *Ткачук І.* Церковно-релігійне життя // Буковина: її минуле і сучасне / Під ред. Д. Квіткоського, Т. Бриндзана і А. Жуковського. Париж; Філядельфія; Дітройт: Зелена Буковина, 1956. С. 724–756.

Троицкий 1948 – *Троицкий С.* О церковной автокефалии // Журнал Московской патриархии. 1948. № 7 (июль). С. 33–54.

Чернівецький 2012 – Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича (Резиденція православних митрополитів Буковини і Далмації) / Текст М. Чучко. Чернівці: Наші книги, [2012].

Чучко 2012 – *Чучко М.* Православна обитель над Прутом: минуле і сьогодення чоловічого монастиря Різдва Пресвятої Богородиці «Гореча» в Чернівцях. Чернівці, 2012.

Чучко 2014 – *Чучко М.* Між австрійським патріотизмом і національними прагненнями: становище та державно-політичні орієнтири буковинського православного кліру в 1914–1919 рр. // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології: збірник наукових праць / Чернівецький національний університет імені Юрія Федьковича, кафедра етнології, античної та середньовічної історії. Чернівці, 2014. Т. 2 (38). С. 291–292.

Чучко 2015 – *Чучко М.* У горнілі випробувань: Православна церква на Буковині в 1914–1919 рр. Чернівці, 2015.

Чучко, Суляк 2014 – *Чучко М.К., Суляк С.Г.* Архипресвітер Кассіан Богатырец – дослідник церковної історії Буковинської Русі // Русин. 2014. № 1 (35). С. 143–164.

Чучко, Суляк 2015 – *Чучко М., Суляк С.* Історія Буковинської православної єпархії архипресвітера Кассіана Богатырця // Rusin Jurnal Librari. Библиотека журнала «Русин». 2015. № 1. С. 7–28.

Шкаровский 2011 – *Шкаровский М.В.* Православная церковь Румынии в 1918–1950-х годах // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4. С. 173–222.

Шорников 1998 – *Шорников П.М.* Политика румынских властей и кризис православной церкви в Бессарабии. 1918–1940 годы // Отечественная история. 1998. № 5. С. 158–167.

Шорников 2006 – *Шорников П.М.* Кризис православной церкви Бессарабии (1918–1940) // Труды Современного гуманитарного института. Кишинев, 2006. Вып. 3. С. 92–107.

Яремчук 2003 – *Яремчук С.* Життєвий шлях православного священика Кассіяна Богатырця // Питання історії України: зб. наук. статей. Чернівці: Золоті литаври, 2003. Т. 6. С. 275–280.

Яремчук 2004 – *Яремчук С.* Православна церква на Буковині у радянську добу (державно-церковні взаємини). Чернівці, 2004.

Antonescu 2017 – *Antonescu M.V. Miron Cristea* «Patriarhul României întrege». București, 2017.

Anuarul 1923 – Anuarul Arhidiecesei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1923. Cernăuți: Editura Consistoriului arhiepiscopesc orthodox al Bucovinei, 1923.

Anuarul 1930 – Anuarul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1930.

Cernăuți: Editura Consiliului eparhial orthodox al Bucovinei, 1930.

Anuarul 1937 – Anuarul Mitropoliei Bucovinei pe anul 1937. Cernăuți: Editura Consiliului eparhial ortodox al Bucovinei, 1937.

Babiaș, Clipa 2007 – *Babiaș S., Clipa S.-T.* Die Geschichten der Kirchen in der Bukowina / Geschichte der orthodoxen und katolische Kirchen in der Bukowina // Die Gechichte der Christlichen Kirchen Aufarbeiten / Herussgeben Prt. Diter Brandes. Cluj-Napoca; Leipzig: Accont-Eva, 2007. S. 222–231.

Brusanowski 2011 – *Brusanowski P.* Rumänisch-orthodoxe Kirchenordnungen (1786–2008): Siebenbürgen-Bukowina-Rumänien. Köln; Weimar; Wien, 2011.

Bruja 2007 – *Bruja R. F.* Rebeliunea legionară în Bucovina // Suceava. Anuarul complexul muzeal Bucovinei. XXXI–XXXII–XXXIII. 2004–2005–2006. Suceava, 2007. P. 191–205.

Calendarul 1939 – Calendarul creștin / Mitropolia Bucovinei. Cernăuți: Tipografia Mitropolitul Silvestru, 1939. P. 147.

Cândea 1926 – *Cândea R.* †Mitropolitul Vladimir // Foaia Diecezană. Caransebeș. 1926. № 18–19. 2–9 Maiu. P. 3–4.

Căruntu 2018 – *Căruntu M.A.* Unirea Bucovinei cu România (1918): aspecte geopolitice și militare. Suceava: Editura Karl A. Romstorfer, 2018.

Cenușă 2013 – *Cenușă C.* Mitropolitul Nectarie Cotlarciuc (1924–1935) // Teologie și viață. 2013. № 5–8. P. 165–173.

Cenușă 2014 – *Cenușă C.* Mitropolitul Vladimir Repta (1841–1926) // Teologie și viață. 2014. № 5–8. P. 172–183.

Ciachir 1993 – *Ciachir N.* Din istoria Bucovinei: 1775–1944. București: Editura Didactică și Pedagogică, R.A., 1993.

Clipa 2007 – *Clipa S.-T.* Considérations sur l'évolution de l'église orthodoxe en Bucovine // Codrul Cosminului. 2007. № 13. P. 131–140.

Clipa 2005 – *Clipa S.-T.* Fondul bisericesc al Bucovinei și lichidarea lui: 1948–1949. Suceava: Editura Universității din Suceava, 2005.

Covalciuc 2017 – *Covalciuc D.* Sfârșitul Mitropoliei Ortodoxe Române de la Cernăuți // Țara Fagilor. Cernăuți; Târgu-Mureș, 2017. Vol. XXVI. P. 13–22.

Drunen 2015 – *Drunen H.F.*, van «A sanguine bunch»; regional identification in Habsburg Bukovina, 1774–1919. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2015.

Dumitrache 2002 – *Dumitrache V.* Mănăstirile și schiturile României pas cu pas. Vol. 2: Mitropolia Moldovei și Bucovinei. București: Nemara, 2002.

Foaia 1925 – Foaia Ordonanțelor Consistoriului arhiepiscopos în afacerile Archiepiscopiei ortodoxe a Bucovinei. Anul 1924. Cernăuți: Tipografia Mitropolitul Silvestru, 1925.

Foaia 1940 – Foaia Oficială Mitropoliei Bucovinei. Cernăuți, 1940. Anul LXXII. № 6 (1 Iun.).

Foaia 1941 – Foaia Oficială Mitropoliei Bucovinei. Cernăuți, 1941. Anul LXXIII. № 18 (15 Dec.).

Gheorghiu 1927 – *Gheorghiu V.* Mitropolitul Vladimir de Repta // Calendarul Poporului pe anul ordinar 1927. Cernăuți, 1927. P. 46–51.

Hudal 1922 – *Hudal A.* Die serbisch-orthodoxe Nationalkirche. Graz undet Leipzig: Verlag von Ulr. Mosers Buchhandlung, 1922.

Iațencu 2003 – *Iațencu R.* Unirea Bucovinei cu regatul Român. Integrarea

politico-administrativă (II) // Analele Bucovinei. 2003. Anul X, № 1. P. 155–192.

Mitropolitul 1925 – Mitropolitul Bucovinei // Cultura poporului. Cluj. 1925. 25 Oktombrie. P. 1.

Mitropolitul 1935 – Mitropolitul Dr. Nectarie Cotlarciuc al Bucovinei // Foia Diecezană. Caransebeș. 1935. № 37. 7 Iulie. P. 1.

Moraru 2004 – *Moraru P.* Bucovina sub regimul Antonescu (1941–1944). Chișinău, 2004. Vol. II.

Nistor 1921 – *Nistor I.* Istoria Fondului bisericesc din Bucovina. Cernăuți: Institutul de Arte Grafice și Editura «Glasul Bucovinei», 1921.

Nistor 1991 – *Nistor I.* Istoria Bucovinei. București: Humanitas, 1991.

Păcurariu 1991 – *Păcurariu M.* Istoria Bisericii Ortodoxe Române. București: Editura Institutului biblic și de misiune al Bisericii Ortodoxe Române, 1991. Vol. 3.

Petcu 2005 – *Petcu A.N.* Despre situația juridică a preoților legionari în perioada 1938–1943 // Analele Universității Dunărea de Jos Galați. 2005. Seria 19. Istorie. T. IV. P. 277–301.

Pocitan 1936 – *Pocitan V.* Istoria Mitropoliei Proilaviei (Brailei) și a vechii Episcopii a Hotinului. București, 1936.

Procesele 2013 – Procesele lui Corneliu Z. Codreanu 1938. București: Mica Valahie, 2013. Vol. II.

Reli 1937 – *Reli S.* Călăuza monumentelor religioase istorice din Eparhia Bucovinei. Cernăuți: Tipografia Mitropolitul Silvestru, 1937.

Schipor 2008. – *Schipor V.I.* Elitele bisericilor tradiționale din Bucovina, 1940–1989 // Analele Bucovinei. 2008. Anul XV, № 2. P. 513–564.

Schitul 1995 – Schitul Vovidenia: Reper de istorie și tradiție pe plaiurile Neamțului / Texte Aioaniței, Timotei (Archidiacon). Iași: Ed. Trinitas, 1995.

Sîulescu 2007 – *Sîulescu F. C.* Integrarea Bucovinei în cadrul României întregite (1918–1940). Aspecte legislative // Buridava. 2007. № V. P. 142–154.

Șesan 1928 – *Șesan V.* Zece ani de la unirea Bucovinei cu Patria-Mamă pe terenul bisericesc // Zece ani de la unire / de Ion I. Nistor. Cernăuț, 1928. P. 79–115.

Tomescu 2005 – *Tomescu C.N.* Prietenul meu Visarion Puiu. Suceava: Tipografia ROF, 2005.

Trebici 1992 – *Trebici V.* Însemnări din memorie (1916–1999). URL: https://www.researchgate.net/publication/302904152_Vladimir_Trebici_Insemnari_din_memorie_Notes_from_Memory_1992 (останній перегляд: 15.07.2019).

Valenciuc 2004 – *Valenciuc D.* Visarion Puiu, Mitropolit al Bucovinei (1935–1944), un martir al demnității ortodoxe // Analele Bucovinei. 2004. Anul XI, № 1. P. 41–82.

Valenciuc 2006 – *Valenciuc D.* Mitropolitul Visarion Puiu și pregătirile pentru evacuarea bunurilor culturale ale bisericii bucovinene (1939–1940) // Analele Bucovinei. 2006. Anul XIII, № 1. P. 351–363.

Valenciuc 2014 – *Valenciuc D.* Arhiereul Eugeniu Laiu Suceveanul (1894–1967). Suceava: Cygnus, 2014.

Vicovan, Adumitroaie 2011 – *Vicovan I., Adumitroaie C.* Aspecte ale învățământului teologie superior din Bucovina româniască // Culturi și Religii în

Bucovina istorică. Retrospectivă și perspective ale dezvoltării=Культури та релігії в історичній Буковині. Ретроспектива та перспективи розвитку=Cultures and Religions in the Historical Bucovina. Retrospection and Perspectives of Development / ed.: Vasile Grăjdian, Serhii Hakman, Olga Lukacs. Cluj-Napoca, 2011. P. 169–191.

Vizita 1938 – *Vizita I.P.S. Patriarch la Mitropolia Bucovinei // Credința Revistă bilunară a Consiliului Eparhial din Cernăuți. Cernăuți, 1938. An. IX. № 10. 1 Iunie. P. 148.*

REFERENCES

Bogatyrets, K. (2015) History of the Bukovinian Diocese. *Biblioteka zhurnalna "Rusin" – Rusin Journal Library*. 1. pp. 29–343 (in Russian).

Bodnaryuk, B. (2011) Rozvitok pravoslavnoi tserkvi na Bukovini u mizhvoenniy period. In: Grăjdian, V., Hakman, S. & Lukacs, O. (eds) *Culturi și Religii in Bucovina istorică. Retrospectivă și perspective ale dezvoltării* [Cultures and Religions in the Historical Bucovina. Retrospection and Perspectives of Development]. Cluj-Napoca: Presa Universitara Clujeana. pp. 193–200.

Bodnaryuk, B. & Chuchko, M. (2012) Spiritual and religious education and upbringing in the northern counties of the Moldavia and the province of Bukovina (in the 18th – early 20th century). *Rusin*. 2(28). pp. 95–107 (in Russian).

Gedeon (Gubka, V.I.). (1992) *Pravoslavie na Bukovine v period s 1873 po 1945 gg.* [Orthodoxy in Bukovina in 1873 – 1945]. Sergiev Posad: [s.n.].

Gorbashevsky, Yu. (2003) *Bitva za Bukovinu* [Orthodoxy in Bukovina in the period from 1873 to 1945]. Chernivtsi: Chernivets'ka oblasna drukarnya.

Hnydka, M.M. (2013) Pravoslavniy religiyinyy fond Bukovini na tli religiyno-politichnikh transformatsiy mizhvoennogo periodu [Orthodox religious fund of Bukovina against the background of religious-political transformations of the interwar period]. *Visnik Natsional'noi akademii kerivnikh kadriv kul'turi i mistetstv*. 4. pp. 258–263.

The State Archive of Chernivtsi Region (DACHO). (1938) *Tsirkulyari mitropolii Bukovini u vidpovidnosti z dekretom uryadu pro zaboronu uchasti tserkovnikh sluzhriteliv v politichnikh partiyakh. Deklaratsii i spiski tserkovnosluzhriteliv, shcho ne berut' uchasti v politichnikh partiyakh. 21 lyutogo – 10 serpnya 1938 r.* [Circulars of the Metropolitanate of Bukovina in accordance with the decree of the government prohibiting the participation of church ministers in political parties. Declarations and lists of clerics who do not take part in political parties. February 21 – August 10, 1938]. Fund 320. List 1. File 13.

The State Archive of Chernivtsi Region (DACHO). (1914–1940) *Materiali po rozsliduvannyu diyal'nosti svyashchenika gromadi Borivtsi Frunzeyia Ioanna, pidozryuvanogo u vedenni ukraïns'koï natsionalistichnoi agitatsii, zvinuvachuvanogo u vimaganni groshey u parafiiyan za vidpravlennya religiynykh obryadiv i inshikh sluzhbovikh zlovzhivannyakh. 1914–1940 rr.* Fund 320. List 1. File 114. (In Ukrainian).

The State Archive of Chernivtsi Region (DACHO). (1926–1935) *Dopovidni*

zapiski, protokoli i listuvannya pro sprotiv naseleण्या Bukovini primusu do provedennya tserkovnikh svyat za novim stilem. 1926–1935 rr. [Reports, protocols and correspondence concerning the resistance of the population of Bukovina to compulsion to hold church holidays in a new style. 1926–1935]. Fund 320. List 1. File 3354.

Zhukovsky, A. (1994) *Istoriya Bukovini* [History of Bukovina]. Chernivtsi: Chas.

Kolinenko, Yu. V. (2016) *Serbskaya pravoslavnyaya tserkov' v 1878–1920 gg.: natsional'naya ideologiya i politicheskaya praktika* [Serbian Orthodox Church in 1878–1920: National ideology and political practice]. History Cand. Diss. Moscow.

Mozharivsky, V. (2006) *Pravoslavna tserkva na Bukovini. Doba Mitropoliy (ser. XIX – 1 pol. XX st.)* [Orthodox Church in Bukovina. The Metropolitan's Day (mid 19th – first half of the 20th century)]. Chernivtsi: [s.n.].

The Current Archive of the UOC-Chernivtsi-Bukovina Diocese. *Arkhivna sprava № A-kl-1-30 kolishn'ogo klirika Chernivets'ko-Bukovins'koї eparkhii UPTs mitr. prot. Kassiyana Dmitrovicha Bogatirtsya. 1868–1958* [Archive Act Nr. A-kl-1-30 of the former cleric of the Chernivtsi-Bukovina Eparchy of the UOC-MP, Cassian Dmitrievich Bogatyrets, 1868–1958].

The Current Archive of the UOC-Chernivtsi-Bukovina Diocese. *Arkhivna sprava № A-kl-26-1-171 kolishn'ogo klirika Chernivets'ko-Bukovins'koї eparkhii UPTs prot. Ioanna Mikolayovicha Dibi. 1891–1961* [Archive act Nr. A-kl-26-1-171 of the former cleric of the Chernivtsi-Bukovina Eparchy of the UOC, Archpriest Ioann M. Dyba. 1891–1961].

The Current Archive of the UOC-Chernivtsi-Bukovina Diocese. *Arkhivna sprava № A-kl -20-137 kolishn'ogo klirika Chernivets'ko-Bukovins'koї eparkhii UPTs prot. Dmitriya Vasil'ovicha Grimalyuka. 1892* [Archive act No. A-kl -20-137 of the former cleric of the Chernivtsi-Bukovina Eparchy of the UOC, Archpriest Dmitry Vasilyevich Grimalyuk. 1892].

The Current Archive of the UOC-Chernivtsi-Bukovina Diocese. *Arkhivna sprava № A-kl-31-6-210 kolishn'ogo klirika Chernivets'ko-Bukovins'koї eparkhii UPTs mitr. prot. Mikhaїla Timofiyovicha Katerinyuka. 1893* [Archive act Nr. A-kl-31-6-210 of the former cleric of the Chernivtsi-Bukovina Diocese of the UOC-MP, Archpriest Mikhail T. Katerinyuk. 1893].

The Current Archive of the UOC-Chernivtsi-Bukovina Diocese. *Tserkva Sv. proroka Illi v s. Toporivtsi Novoselits'kogo blagochinnya* [Church of St. Prophet Elias in Toporivtsi, Novoselitsky decanat].

Radeka, M. (1971) Dalmatinska eparkhija od ujedin'en'ya SPTs [Dalmatian eparchy of unity of SPC]. In: Ratko, J. et al. *Srbi i pravoslavlj'e u Dalmatsiji i Dubrovniku*. Zagreb: Savez udružen'a pravoslavnog sveshtenstva Skh Khrvatske.

Rakih, R. (2009) *Pravoslavni bogoslovski fakul'tet u Chernovtsima* [Orthodox Theological Faculty in Chernivtsi]. Belgrade: Khrishhanso misao.

Rikhlo, P. (2005) Mizhetnichni ta mizhkul'turni vidnosini u Bukovini 1918–1940 rr. [Interethnic and intercultural relations in Bukovina in 1918–1940]. In: Osachuk, S. D. (ed.) *Bukovina 1918–1940 rr.: zovnishni vplivi ta vnutrishniy rozvitok*. Chernivtsi: Zelena Bukovina. pp. 119–140.

Stratulat, N. V. (2012) Tserkovnaya politika Rumynii i polozhenie pravoslavnoy

tserkvi v Bessarabii 1918–1940 gg. [Romanian church policy and the position of the Orthodox Church in Bessarabia in 1918–1940]. *Trudy Perervinskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii*. 5(2). pp. 56–76.

Tkachuk, I. (1956) Tserkovno-religiynе zhittya [Church and religious life]. In: Kvitkosky, D., Brindzan, T. & Zhukovsky, A. (eds) *Bukovina: ii minule i suchasne*. Paris; Philadelphia, Detroit: Zelena Bukovina. pp. 724–756.

Troitsky, S. (1948) O tserkovnoy avtokefalii [On church autocephaly]. *Zhurnal Moskovskoy patriarkhii*. 7. pp. 33–54.

Chuchko, M. (2012) *Chernivets'kiy natsional'niy universitet imeni Yuriya Fed'kovicha (Rezidentsiya pravoslavnikh mitropolitiv Bukovini i Dalmatsii)* [Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Residence of the Orthodox Metropolitans of Bukovina and Dalmatia)]. Chernivtsi: Nashi knigi.

Chuchko, M. (2012) *Pravoslavna obitel' nad Prutom: minule i s'ogodennya cholovichogo monastirya Rizdva Presvyatoї Bogoroditsi "Gorecha" v Chernivtsyakh* [Orthodox monastery over the Prut: the past and present of the "Gorecha" monastery of the Nativity of the Blessed Virgin in Chernivtsi]. Chernivtsi: [s.n.].

Chuchko, M. (2014) Mizh avstriys'kim patriotizmom i natsional'nimi pragnennyami: stanovishche ta derzhavno-politichni orientiri bukovins'kogo pravoslavnogo kliru v 1914–1919 rr. [Between Austrian patriotism and national aspirations: the situation and state-political orientations of the Bukovinian Orthodox clergy in 1914–1919]. In: *Pitannya starodavn'oi ta seredn'ovichnoi istorii, arkhologii y etnologii*. Vol. 2(38). Chernivtsi: Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University. pp. 291–292.

Chuchko, M. (2015) *U gornili viprobuvan': Pravoslavna tserkva na Bukovini v 1914–1919 rr.* [In the crucible of trials: Orthodox Church in Bukovina in 1914–1919]. Chernivtsi: Druk Art.

Chuchko, M.K. & Sulyak, S.G. (2014) Archpriest Kassian Bohatyrets - researcher of church history in Bukovinian Rus. *Rusin*.1(35). pp. 143–164 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/35/11

Chuchko, M. & Sulyak, S. (2015) The History of the Bukovinian Orthodox Diocese by Archpriest Kassian Bogatyrets. *Biblioteka zhurnala "Rusin" – Rusin Journal Library*. 1. pp. 7–28 (in Russian).

Shkarovsky, M.V. (2011) Pravoslavnaya Tserkov' Rumynii v 1918–1950-kh godakh [Romanian Orthodox Church in 1918–1950]. *Vestnik tserkovnoy istorii*. 3–4. pp. 173–222.

Shornikov, P.M. (1998) Politika rumynskikh vlastey i krizis pravoslavnoy tserkvi v Bessarabii. 1918–1940 gody [The policy of the Romanian authorities and the crisis of the Orthodox Church in Bessarabia. 1918–1940]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 158–167.

Shornikov, P.M. (2006) Krizis pravoslavnoy tserkvi Bessarabii (1918–1940) [The crisis of the Orthodox Church of Bessarabia (1918–1940)]. *Trudy Sovremennogo gumanitarnogo instituta*. 3. pp. 92–107.

Yaremchuk, S. (2003) Zhitteviy shlyakh pravoslavnogo svyashchenika Kassiyana Bogatirtsyia [The life of the Orthodox priest Kassian Bohatyrets]. *Pitannya istorii Ukraїni*. 6. pp. 275–280.

Yaremchuk, S. (2004) *Pravoslavna tserkva na Bukovini u radyans'ku dobu*

- (*derzhavno-tserkovni vzaemini*) [The Orthodox Church in Bukovina during the Soviet era (state-church relations)]. Chernivtsi: [s.n.].
- Antonescu, M.V. (2017) *Miron Cristea "Patriarhul României întregite"*. Bucharest: [s.n.].
- Bukovina. (1923) *Anuarul Arhidiecesei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1923*. Chernivtsi: Editura Consistoriului arhiepiscopesc orthodox al Bucovinei.
- Bukovina. (1930) *Anuarul Arhidiecezei ortodoxe a Bucovinei pe anul 1930*. Chernivtsi: Editura Consiliului eparhial orthodox al Bucovinei.
- Bukovina. (1937) *Anuarul Mitropoliei Bucovinei pe anul 1937*. Chernivtsi: Editura Consiliului eparhial orthodox al Bucovinei.
- Babiaș, S. & Clipa, S.-T. (2007) Die Geschichten der Kirchen in der Bukowina / Geschichte der orthodoxen und katolische Kirchen in der Bukowina. In: Brandes, D. (ed.) *Die Gechichte der Christlichen Kirchen Aufarbeiten*. Cluj-Napoca; Leipzig: Accont-Eva. pp. 222–231.
- Brusanowski, P. (2011) *Rumänisch-orthodoxe Kirchenordnungen (1786–2008): Sie-benbürgen-Bukowina-Rumänien*. Cologne; Weimar; Vienna: Böhlau Verlag Köln.
- Bruja, R. (2007) F. Rebeliunea legionară în Bucovina. *Suceava. Anuarul complexul muzeal Bucovinei. XXXI–XXXII–XXXIII. 2004–2005–2006*. pp. 191–205.
- Metropolis of Bukovina. (1939) *Calendarul creștin*. Chernivtsi: Tipografia Mitropolitul Silvestru. pp. 147.
- Câdea, R. (1926) Mitropolitul Vladimir. *Foaia Diecezană. Caransebeș*. 18–19. pp. 3–4.
- Căruntu, M.A. (2018) *Unirea Bucovinei cu România (1918): aspecte geopolitice și militare* [Union of Bucovina with Romania (1918): geopolitical and military aspects]. Suceava: Editura Karl A. Romstorfer.
- Cenușă, C. (2013) Mitropolitul Nectarie Cotlarciuc (1924–1935) [Metropolitan Nectarie Cotlarciuc (1924–1935)]. *Teologie și viață*. 5–8. pp. 165–173.
- Cenușă, C. (2014) Mitropolitul Vladimir Repta (1841–1926) [Metropolitan Vladimir Repta (1841–1926)]. *Teologie și viață*. 5–8. pp. 172–183.
- Ciachir, N. (1993) *Din istoria Bucovinei: 1775–1944* [From the history of Bucovina: 1775–1944]. Bucharest: Editura Didactică și Pedagogică, R.A.
- Clipa, S.-T. (2007) Considérations sur l'évolution de l'église orthodoxe en Bucovine [On the evolution of the Orthodox Church in Bucovina]. *Codrul Cosminului*. 13. pp. 131–140.
- Clipa, S.-T. (2005) *Fondul bisericesc al Bucovinei și lichidarea lui: 1948–1949* [Church Fund of Bucovina and its liquidation: 1948–1949]. Suceava: Editura Universității din Suceava.
- Covalciuc, D. (2017) Sfârșitul Mitropoliei Ortodoxe Române de la Cernăuți [The end of the Romanian Orthodox Metropolis in Chernivtsi]. *Țara Fagilor*. 26. pp. 13–22.
- Drunen, H.F. van (2015) "A sanguine bunch"; regional identification in Habsburg Bukovina, 1774–1919. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus.
- Dumitrache, V. (2002) *Mănăstirile și schiturile României pas cu pas*. Vol. 2. Bucharest: Nemara.
- Bukovina. (1925) *Ordinance sheet of the Archdiocese Consistory in the affairs*

of the Orthodox Archdiocese of Bukovina. 1924. Chernivtsi: Typography Metropolitan Silvestru.

Bukovina. (1940) *Foaia Oficială Mitropoliei Bucovinei*. 6. Chernivtsi: [s.n.].

Bukovina. (1941) *Foaia Oficială Mitropoliei Bucovinei*. 18. Chernivtsi: [s.n.].

Gheorghiu, V. (1927) Mitropolitul Vladimir de Repta [Metropolitan Vladimir of Repta]. In: *Calendarul Poporului pe anul ordinar*. Chernivtsi: [s.n.]. pp. 46–51.

Hudal, A. (1922) *Die serbisch-orthodoxe Nationalkirche*. Graz; Leipzig: Verlag von Ulr. Mosers Buchhandlung.

Iațencu, R. (2003) Unirea Bucovinei cu regatul Român. Integrarea politico-administrativă (II). *Analele Bucovinei*. 1(10). pp. 155–192.

Cultura poporului. (1925) Mitropolitul Bucovinei. 25th October. pp. 1.

Anon. (1935) Mitropolitul Dr. Nectarie Cotlarciuc al Bucovinei. *Foaia Diecezană. Caransebeș*. 37(7). pp. 1.

Moraru, P. (2004) *Bucovina sub regimul Antonescu (1941–1944)*. Vol. 2. Chișinău: [s.n.].

Nistor, I. (1921) *Istoria Fondului bisericesc din Bucovina*. Chernovtsi: Institutul de Arte Grafice și Editura “Glasul Bucovinei”.

Nistor, I. (1991) *Istoria Bucovinei*. Bucharest: Humanitas.

Păcurariu, M. (1991) *Istoria Bisericii Ortodoxe Române*. Vol. 3. Bucharest: Editura Institutului biblic și de misiune al Bisericii Ortodoxe Române.

Petcu, A.N. (2005) Despre situația juridică a preoților legionari în perioada 1938–1943. *Analele Universității Dunărea de Jos Galați. Seria 19. Istorie*. 4. pp. 277–301.

Pocitan, V. (1936) *Istoria Mitropoliei Proilaviei (Braila) și a vechii Episcopii a Hotinului*. Bucharest: [s.n.].

Radu-Dan, Vl. (ed.) (2013) *Procesele lui Corneliu Z. Codreanu 1938*. Vol. 2. Bucharest: Mica Valahie.

Reli, S. (1937) *Călușa monumentelor religioase istorice din Eparhia Bucovinei*. Chernivtsi: Tipografia Mitropolitul Silvestru.

Schipor, V.I. (2008) Elitele bisericilor tradiționale din Bucovina, 1940–1989. *Analele Bucovinei*. 15(2). pp. 513–564.

Aioanița, T. (1995) *Schitul Vovidenia: Reper de istorie și tradiție pe plaiurile Neamțului*. Iași: Trinitas.

Șiulescu, F.C. (2007) Integrarea Bucovinei în cadrul României întregite (1918–1940). Aspecte legislative. *Buridava*. 5. pp. 142–154.

Șesan, V. (1928) Zece ani de la unirea Bucovinei cu Patria-Mamă pe terenul bisericesc. In: Nistor, I. (ed.) *Zece ani de la unire*. Chernivtsi: [s.n.]. pp. 79–115.

Tomescu, C.N. (2005) *Prietenul meu Visarion Puiu*. Suceava: Tipografia ROF.

Trebici, V. (n.d.) *Însemnări din memorie (1916–1999)*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/302904152_Vladimir_Trebici_Insemnari_din_memorie_Notes_from_Memory_1992 (Accessed: 15st July 2019).

Valenciuc, D. (2004) Visarion Puiu, Mitropolit al Bucovinei (1935–1944), un martir al demnității ortodoxe. *Analele Bucovinei*. 11(1). pp. 41–82.

Valenciuc, D. (2006) Mitropolitul Visarion Puiu și pregătirile pentru evacuarea bunurilor culturale ale bisericii bucovinene (1939–1940). *Analele Bucovinei*. 13(1). pp. 351–363.

Valenciuc, D. (2014) *Arhiereul Eugeniu Laiu Suceveanul (1894–1967)*. Suceava: Cygnus.

Vicovan, I. & Adumitroaie, C. (2011) Aspecte ale învățământul teologie superior din Bucovina românieasca. In: Grăjdian, V., Hakman, S. & Lukacs, O. (eds) *Culturi și Religii în Bucovina istorică. Retrospectivă și perspective ale dezvoltării* [Cultures and Religions in the Historical Bucovina. Retrospection and Perspectives of Development]. Cluj-Napoca: [s.n.], pp. 169–191.

Anon. (1938) Vizita, I.P.S. Patriarch la Mitropolia Bucovinei. *Credința Revistă bilunară a Consiliului Eparhial din Cernăuți*. 9(10). pp. 148.

Чучко Михаил Константинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и музееведения факультета истории, политологии и международных отношений Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича (Украина).

Чучко Михайло Костянтинович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історії стародавнього світу, середніх віків та музеєзнавства факультету історії, політології та міжнародних відносин Чернівецького національного університету ім. Ю. Федьковича (Україна).

Mykhailo K. Chuchko – Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University (Ukraine).

E-mail: mychailo_chuchko@rambler.ru

УДК 51.306(477).92(498)"1920"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/10

ДІЯЛЬНІСТЬ ВІЙСЬКОВОГО ВІДДІЛУ НАДЗВИЧАЙНОЇ ДИПЛОМАТИЧНОЇ МІСІЇ УНР У РУМУНІЇ, 1920 Р. (ЗА МАТЕРІАЛАМИ САУ)

І.В. Срібняк¹, Я.В. Попенко²

¹ Київський університет ім. Б. Грінченка
Україна, м. Київ, 04212, вул. Тимошенка, 13-Б

E-mail: i.sribniak@kubg.edu.ua

² Мелітопольський державний педагогічний університет
ім. Б. Хмельницького

Україна, Запорізька обл., 72312, м. Мелітополь, вул. Гетьманська, 2

E-mail: ropenkoaroslav80@gmail.com

Авторське резюме

Стаття присвячена висвітленню діяльності військового відділу (секції) Надзвичайної дипломатичної місії (НДМ) Української Народної Республіки (УНР) у Румунії, який був створений у лютому 1920 р. шляхом реорганізації відрядженої сюди раніше Військової місії УНР. З моменту створення відділ виконував значний обсяг завдань, займаючись прийомом та тимчасовим розміщенням колишніх полонених українців, які могли бути використані для поповнення армії УНР. У разі потреби військовий відділ місії надавав фінансову допомогу українським військовим розвідникам-резидентам, які збирали інформацію розвідувального змісту, а також розповсюджували через своїх агентів антирадянські агітаційні матеріали. На початку грудня 1920 р. військовий відділ активно долучився до відновлення зв'язку з начальником 1-ої Повстанської групи армії УНР полковником А. Гулим-Гуленком, який у цей час здійснював керівництво діяльністю антирадянського підпілля на південному заході України. Успішна діяльність військового відділу значною мірою стала можливою завдяки його шефу – генералу С. Дельвігу. Останній виявив себе й блискучим організатором, зумівши об'єднати нечисленний гурт відданих ідеї національно-державного визволення України старшин армії УНР. Після вступу Червоної армії на територію Румунії був у 1944 р. заарештований СМЕРШем, вірогідно помер у в'язниці

Ключові слова: військовий відділ, дипломатична місія, агент, армія УНР, Бессарабія, Румунія.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОГО ОТДЕЛА ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИИ УНР В РУМЫНИИ, 1920 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ САУ)

И.В. Срибняк¹, Я.В. Попенко²

¹ Киевский университет им. Б. Гринченко
Украина, г. Киев, 04212, ул. Тимошенко, 13-Б
E-mail: i.sribniak@kubg.edu.ua

² Мелитопольский государственный педагогический
университет им. Б. Хмельницкого
Украина, Запорожская обл., 72312, г. Мелитополь, ул. Гетманская, 20
E-mail: popenkoaroslav80@gmail.com

Авторское резюме

Статья посвящена анализу деятельности военного отдела (секции) Чрезвычайной дипломатической миссии Украинской Народной Республики (УНР) в Румынии, который был создан в феврале 1920 г. путем реорганизации командированной сюда ранее Военной миссии УНР. С момента создания сотрудники отдела выполняли значительный объем работы, занимаясь приемом и временным размещением бывших пленных украинцев, которые могли быть использованы для дальнейшего пополнения армии УНР. В случае необходимости военный отдел миссии оказывал финансовую помощь украинским военным разведчикам-резидентам, которые собирали информацию военно-политического содержания, а также распространяли через свою сеть агентов антисоветские агитационные материалы. В начале декабря 1920 г. военный отдел активно включился в процесс восстановления связи с начальником 1-й Повстанческой группы армии УНР полковником А. Гулым-Гуленко, который в то время руководил деятельностью антисоветского подполья на юго-западе Украины. Успешная деятельность военного отдела в значительной степени стала возможной благодаря генералу С. Дельвигу, который проявил себя как блестящий организатор, фактически сумев объединить немногочисленные группы преданных идее национально-государственного освобождения Украины офицеров армии УНР. После вступления Красной армии на территорию Румынии был в 1944 г. арестован СМЕРШем, вероятно умер в тюрьме.

Ключевые слова: военный отдел, дипломатическая миссия, агент, армия УНР, Бессарабия, Румыния.

ACTIVITIES OF THE MILITARY DEPARTMENT OF THE UKRAINIAN PEOPLE'S REPUBLIC EXTRAORDINARY DIPLOMATIC MISSION IN ROMANIA, 1920 (BASED ON CAW)

I.V. Sribnyak¹, Ya.V. Popenko²

¹ Borys Grinchenko Kyiv University
13-B Tymoshenko Street, Kyiv, 04212, Ukraine
E-mail: i.sribniak@kubg.edu.ua

² Bogdan Khmelnytsky Melitopol State Pedagogical University
12 Getmanska Street, Melitopol, Zaporozhye region, 72312, Ukraine
E-mail: popenkoaroslav80@gmail.com

Abstract

The article focuses on the activities of the military department (section) of the Extraordinary Diplomatic Mission of the Ukrainian People's Republic (UPR) in Romania. The department was formed in February 1920 after reorganising the UPR Military Mission. Since its formation, the department carried out a significant amount of work on receiving and temporary accommodation of former Ukrainian prisoners of war who could be recruited to the UPR army. If necessary, the military unit of the Mission provided financial assistance to Ukrainian military reconnaissance residents, who collected intelligence information and relaid anti-Soviet propaganda through their agent network. In early December 1920, the military department actively participated in the reactivation of connections with Colonel A. Gulyj-Gulenko, Head of the 1st Insurgent Group of the UPR army, who at that time led the anti-Soviet underground in the south-west of Ukraine. The success of the military department was possible mainly due to General S. Delvig, who proved himself as a brilliant organiser, having united scanty groups of the UPR army officers who were devoted to the idea of national-state liberation of Ukraine.

Keywords: military department, diplomatic mission, agent, UPR army, Bessarabia, Romania.

Діяльність військового відділу (секції) Надзвичайної дипломатичної місії (НДМ) УНР у Румунії ще не була об'єктом окремого дослідження ані в українській, ані в зарубіжній історіографії. Інформація про нього обмежується лише поодинокими згадками про створення згадуваного

відділу (Власенко, Сапсай 2015: 60–61), а також викладом окремих фактів про відвідування його співробітниками таборів інтернованих вояків-українців у Румунії (Срібняк 2017: 127). Цінний фактаж з історії українсько-румунських міждержавних взаємин (і зокрема їх військово-політичної складової) присутній у публікації українського історика М. Ковальчука, проте він стосується лише 1919 р. (Ковальчук 2010: 115–127).

Цілісна та об'єктивна реконструкція специфіки діяльності військового відділу місії можлива лише за умови належного документального підґрунтя, і в цьому відношенні значну джерельну вартість становлять документи, опубліковані українським дослідником В. Власенком (Власенко 2007: 176–217). Дана стаття була підготовлена на основі опрацювання документів, які зберігаються в Центральному військовому архіві Польщі. Серед них значну джерельну вартість являє листування голови військового відділу НДМ УНР у Румунії генерал-поручника С. Дельвіга¹ із закордонним відділом Головного управління Генерального штабу (ГУГШ) армії УНР (WBH SAW 2).

Попри вкрай невдалі дії румунської армії та зовнішньополітичні «метання» офіційного Бухаресту під час Першої світової війни (приєднання до Антанти та воєнні дії на її боці, підписання сепаратної мирної угоди з Німеччиною та її денонсація, після цього – чергове військово-політичне зближення з Францією та Великобританією) Румунія зуміла не зіпсувати стосунки з останніми та ще й отримала значні «дивіденди». За мовчазної згоди Антанти Румунія приєднала до свого складу Бессарабію, а також ще деякі порубіжні території, з чим – в силу своєї внутрішньополітичної слабкості – була змушена погодитись УНР. До початку процесу свого зближення з Польщею (зима-весна 1920 р.) остання була настільки зацікавлена у військово-політичному зближенні з Румунією, що навіть «вибачила» Бухаресту конфіскацію величезної кількості військової амуніції та зброї Південної групи військ УНР (остання під тиском РСЧА була змушена у квітні 1919 р. відступити на територію підконтрольної Румунії Бессарабії).

При цьому слід відзначити, що протягом другої половини 1919–1920 р. Румунія спорадично повертала (але у значно меншій кількості) набуте в такий спосіб озброєння, вдаючись до передання УНР невеликих партій набоїв та військової амуніції. Значною мірою це було обумовлено зацікавленістю офіційного Бухаресту в існуванні незалежної України в якості захисного бар'єру від радянської Росії. Свідченням прихильності румунської сторони до УНР стало, зокрема, й відрядження до Румунії Військової місії у липні 1919 р. Її найголовнішим завданням власне й було сприяння в організації переправлення зброї, військового спорядження та ліків, що було особливо цінним для

УНР в умовах фактичної блокади, запровадженої Антантою.

Військовий відділ (секція) Надзвичайної дипломатичної місії УНР у Румунії був створений на виконання постанови уряду УНР від 3 лютого 1920 р. шляхом реорганізації Військової місії УНР (прибула до Бухаресту на початку червня 1919 р.) (WBH SAW 3). До складу новоствореного військового відділу як постійні співробітники увійшли колишні співробітники Військової місії – генерал-поручник Сергій Дельвіг (голова), сотник Яків Чайківський та хорунжий Василь Трепке (секретарі). У якості приряджених до роботи у військовому відділі були притягнені полковник Демид Антончук, сотники Олександр Долинюк та Денис Майер-Михальський. З березня 1920 р. в аналогічному статусі при відділі перебував отаман Микола Шаповал, який прибув до Румунії за дорученням уряду УНР (WBH SAW 4). Крім того, у різний час до виконання окремих робіт у військовому відділі використовувались хорунжий Олександр Трепке та сотник Микола Даньків (Власенко, Сапсай 2015: 60–61). В окремих випадках до виконання різних спеціальних завдань військово-дипломатичного характеру залучався і член НДМ УНР у Румунії контр-адмірал М. Остроградський.

У розпорядженні за підписом С. Петлюри завдання відділу були окреслені досить невиразно – він мав надавати «допомогу місії (НДМ УНР у Румунії. – *І.С., Я.П.*) в розв'язанню і в технічному переведенні в життя всіх військових питань, які можуть стати перед місією» (WBH SAW 1). Між тим обсяг завдань, які мали виконувати співробітники військового відділу НДМ УНР, був доволі значним. До них належало, зокрема, сприяння зміцненню бойової вартості військ УНР, збільшення їх особового складу та організація матеріально-технічного постачання дієвої армії. Час від часу за дорученням ГУГШ співробітники готували аналітично-довідкові матеріали про стан військової готовності та бойовий вишкіл румунської армії. Також співробітники військового відділу дбали про прийом та тимчасове розміщення колишніх полонених вояків-українців, які повертались додому з різних європейських країн. Пріоритетними завданнями для співробітників військового відділу завжди залишався збір військово-політичної інформації про ситуацію на підрадянській Україні для підготовки розвідчих зведень та забезпечення дипломатичного прикриття таємних структур Партизансько-повстанського штабу при головній команді військ УНР (після його створення у грудні 1920 р.).

З огляду на виняткову важливість виконуваних військовим відділом функцій уряд УНР подбав про відповідне фінансове забезпечення його діяльності. Лише впродовж лютого-липня 1920 р. на потреби співробітників відділу було витрачено 215 088,19 лей румунських

(л. р.). Всі вони отримували відповідне грошове забезпечення, яке цілком покривало видатки на утримання та оренду помешкання для проживання, добові, відрядження, яке становило загалом на всіх членів відділу від майже 27 тис. до 37 тис. л. р. щомісячно. Частина коштів витрачалася на оренду помешкання для канцелярії військового відділу, придбання та експлуатації автомобіля, оплати праці кур'єрів, придбання одягу та взуття для репатріантів, для закупівлі матеріалу для військових прапорів (WBH SAW 5). Генерал С. Дельвіг щомісячно отримував 2000 л. р. для представницьких витрат. Ще 61 275 л. р. планувалось витратити впродовж трьох наступних місяців (серпень-жовтень 1920 р.) (WBH SAW 6).

Завдяки таким відносно значним грошовим надходженням військового відділу мав можливість ефективно виконувати покладені на нього завдання і, зокрема, надавати гуманітарну допомогу тим воякам-українцям, які все ще продовжували повертатись з австро-угорського та італійського полону. Ця категорія вояцтва представляла для уряду УНР особливий інтерес, бо в умовах окупації переважної більшості українських земель більшовиками та білогвардійцями тільки в їх середовищі можна було знайти добровольців для поповнення дієвої армії УНР.

З числа малих груп українських вояків, що прямували до Румунії з території Королівства сербів, хорватів та словенців, своєю чисельністю і згуртованістю вирізнявся «відділ Маркова» (близько 500 вояків), яким опікувався голова місії Українського Червоного Хреста у цій країні Д. Дорошенко. Останній лише впродовж листопада 1919 р. витратив значну частину коштів очолюваної ним місії для забезпечення всім необхідним вояків цього відділу (і зокрема – харчуванням), і попри вперту протидію місцевої влади та військового представника Добровольчої армії в Белграді, все ж таки домогся дозволу на його переїзд до Румунії (Дорошенко 1969: 506, 512–514).

Задуваний відділ на початку грудня 1919 р. був розміщений у румунському таборі Брашов, після чого опіка над ним перейшла до НДМ УНР у Румунії. Заходами керівника військової секції місії С. Дельвіга воякам цього відділу було забезпечено прийнятний побут та харчування, для чого їх самопризначеному старшому Володимирі Маркову були передані потрібні для цього кошти. Також заходами місії було закуплено партію шкіри, яка мала бути використана для пошиття взуття потребуючим на це воякам. Проте вже невдовзі виявилось, що В. Марків був цілком невідповідною людиною, бо отримавши гроші – останній повівся як негідник і авантюрист.

Взагалі, як йшлося у повідомленні С. Дельвіга (№ 602 від 23 травня 1920 р.) закордонному відділу Головного управління Генерального

штабу (ГУГШ) армії УНР, для визнання В. Маркова четарем УГА бракувало достатніх підстав. Не маючи на те відповідного уповноваження, останній почав видавати себе за представника НДМ УНР у Румунії, вчинивши при цьому низку недостойних вчинків, що свідчили про його вкрай низькі морально-ділові якості. Більше того, окремі його дії мали відверто злочинний характер. У згадуваному вище повідомленні йшлося, зокрема, про те, що В. Марков частково витратив на власні потреби кошти, які були видані йому місією для вояків очолюваного ним відділу; самовільно розпродав частину шкіри, закуплену для пошиття взуття потребуючим цього воякам; використав сфальшовану посвідку аби взяти у борг у приватної особи гроші нібито для потреб місії; самовільно підвищив за сфальшованим ним же документом трьох підстаршин в ранги старшин «іменем місії»; взяв та не повернув особисті речі (годинник і цивільний одяг) їх власнику, з якими він виїхав до осередку уряду УНР (WBH CAW 1).

Маючи на руках підроблене посвідчення особи за підписом голови НДМ УНР у Румунії К. Мацієвича, В. Марків був прийнятий головним отаманом УНР С. Петлюрою, після чого у якості «представника місії» звертався до різних державних інституцій, намагаючись отримати кошти нібито для потреб НДМ УНР у Румунії. Виходячи з цього генерал С. Дельвіг вважав за доцільне взяти В. Маркова під арешт та провести слідство щодо всіх його злочинних дій (WBH CAW 1). На жаль, архівні документи не містять інформації про подальші дії В. Маркова, також бракує даних й про те, чи був він арештований та відданий під слідство та суд. Але, навіть, попри такі його вчинки можна припустити, що принаймні частина вояків з очолюваного ним відділу була влита до складу армії УНР. На користь такого твердження свідчить один з рапортів (№ 704) С. Дельвіга військовому міністру уряду УНР, в якому присутня інформація про відправку 19 червня 1920 р. куреня кількістю 300 вояків до Могильова – для поповнення частин дієвої армії (WBH CAW 1).

Ще одним джерелом поповнення Дієвої армії були колишні полонені, які поверталися з Туреччини, Болгарії та Сербії, а також ті, які донедавна перебували у складі денікінської армії. Дехто з них навесні-влітку 1920 р. намагався отримати від НДМ УНР у Румунії відповідні документи для повернення в Україну. Частина колишніх денікінців (зокрема з числа старших офіцерів та генералів) вважала за можливе вступити на українську військову службу. Але при цьому дуже важливим було визначення їх мотивації – чи то бажання долучитись до боротьби з більшовизмом, ментальна приналежність до українства, чи то прагнення цинічно використати своє перебування в лавах армії УНР задля досягнення власних цілей.

Справедливо побоюючись напливу до армії випадкових осіб контр-адмірал М. Остроградський у своєму листі на ім'я військового міністра уряду УНР (№ 1475 від 29 травня 1920 р.), зокрема, відзначав, що «деякі з цих панів може і бажані для посади, а деяких <...> просто неприємно і бачити». Тому М. Остроградський вважав за доцільне надавати їм проїзні документи лише за умови попереднього надходження на це згоди військового міністра УНР (WBH SAW 1). Водночас офіцери молодших рангів зі складу денікінської армії пропускалися до Могильова здебільшого безперешкодно, дехто з них прямував з Болгарії до України, вже маючи відповідні документи, видані тамтешнім польським посольством.

Ще одним завданням, яке було поставлене урядом УНР перед українськими військовими дипломатами у Румунії навесні 1920 р., – отримання дозволу офіційного Бухаресту на переїзд румунською територією інтернованої ще влітку 1919 р. «Української бригади» з Німецького Яблонного (Чехословаччина). З цією метою адмірал М. Остроградський вів переговори з послом Франції у Румунії, а також зустрічався з головою Французької військової місії генералом Петеном (WBH SAW 7). У цій справі з військовими аташе польського і чехословацького посольств зустрічався і генерал С. Дельвіг, якому вдалось переконати обох дипломатів звернутись з відповідними запитам до урядів їх країн. Ним також був надісланий лист до начальника бригади в Німецькому Яблонному, в якому містилась пропозиція відрядити до складу війська УНР лише тих вояків, які добровільно на це би погодились (WBH SAW 8).

Однією з найголовніших перепон в організації перевезення була цілкова відсутність потрібного рухомого складу (потягів та вагонів), про що було повідомлено румунською військовою владою на початку червня 1920 р. Попри це українська дипломатія продовжувала шукати можливості для перевезення бригади шляхом продовження переговорів з чехословацьким військовим аташе в Румунії, який висловлював готовність переконати Прагу в доцільності відправлення такого ешелону за маршрутом Кошиці – Чоп – Батіу – Керешмезо – Вороненка – Коломия – Непоколоуць – Чернівці – Новоселиці.

Маршрут слідування ешелону передбачав проїзд через Буковину, яка контролювалась польськими військами, відтак для його проїзду був потрібен і дозвіл від польського військового відомства. Ця обставина ускладнювала процес передислокації бригади, але за умови опломбування вагонів на «буковинській ділянці» можна було сподіватись, що Варшава все ж таки піде на зустріч проханню української та чеської сторін, гарантувавши екстериторіальність вагонів (WBH SAW 9). Зрештою, реалізувати цей план так і не вдалось – як через

відсутність потрібних коштів для транспортування згадуваної бригади, так і в зв'язку з небажанням більшості вояків-галичан приєднатись до армії УНР після підписання урядами Польщі та України Варшавської угоди. Внаслідок цього всі ці переговори завершилися нічим, і бригада і надалі залишилась у Німецькому Яблонному.

На початку червня 1920 р. румунський уряд остаточно визначився у своєму ставленні до УНР – у відповідь на відповідні звернення НДМ УНР в Румунії до нього – голова Ради міністрів генерал Александру Авереску ухвалив рішення про можливість проїзду українських репатріантів, а також повернення зброї та військової амуніції (що належали раніше Запорізькому корпусу армії УНР), заборонивши водночас «формування озброєних одиниць» на теренах Румунії. Таке формулювання значно ускладнювало виконання таємної «Інструкції для військових формувань в Румунії і Польщі» (затвердженої головним отаманом військ УНР С. Петлюрою ще 25 лютого 1920 р.) (Українська революція (документи) 1919–1921 1984: 103, 106), залишаючи армії УНР лише один канал для формування нових частин та з'єднань – Польщу.

Проте, як вже зазначалось, дозвіл румунського уряду на проїзд територією країни тих вояків-українців, які повертались з балканських країн, мінімізував негативні наслідки згаданого рішення. Справа в тім, що частина колишніх полонених (з числа тих, хто виявляв бажання приєднатись до армії УНР) накопичувалась у збірних пунктах для інтернованих аби за деякий час вирушити для поповнення дієвої армії. На підтвердження цього варто навести вже цитований «доклад» С. Дельвіга (№ 761 від 25 червня 1920 р.), в якому повідомлялось про виїзд куреня у складі 15 старшин та 300 козаків з місця тимчасового їх перебування (табір Фокей, поблизу Крайови) до Могильова. У подальшому цей табір продовжував використовуватись для потреб вояків-українців (WBH CAW 1).

Одним з найголовніших напрямів діяльності військового відділу місії була організація переправлення з Румунії до України зброї для дієвої армії УНР. Румунська сторона йшла назустріч українцям, передаючи у дотримання своїх попередніх обіцянок обмежену кількість стрілецької зброї та набоїв до неї (після відступу в 1919 р. до Бессарабії та роззброєння там Запорізького корпусу, Південно-східної та Південної груп армії УНР румуни отримали значну кількість стрілецької зброї, гармат, набоїв та різної військової амуніції) (Ковальчук 2010: 120). Як зазначалось у звітах С. Дельвіга військовому міністру уряду УНР (№ 704 від 19 червня і № 761 від 25 червня 1920 р.), відправка однієї з партій зброї (5 млн штук набоїв російського зразку) була доручена сотнику Я. Чайковському, після чого останній виїхав

до Соколе (поблизу Ясс), де і мав їх отримати на військовому складі румунської армії. Вже за п'ять днів вони мали бути переправлені до Могильова та передані до дієвої армії (WBH CAW 1).

Також у згадуваних докладах йшлося і про наступну заплановану С. Дельвігом поставку рушниць та гарматних набоїв (12 тис. гвинтівок та 2 тис. артилерійських набоїв), щоправда у цьому випадку він не міг чітко визначити термін потрапляння до армії цієї партії зброї, бо її ще тільки належало прийняти та відвантажити, а також організувати транспорт для їх перевезення до кордону. До загальної кількості зброї та військового майна (крім вже згаданого), яке мало бути повернуто румунською владою, також входили ще 120 кулеметів та запасні частини до них, 40 польових трьохдюймових гармат російського зразку та 30 тис. снарядів до них, 800 шабель та значна кількість кінської амуніції (WBH CAW 1).

Не втрачаючи надій на повернення цього військового майна, С. Дельвіг також вважав за можливе і доцільне купувати зброю і приватним шляхом, що мало бути не тільки «корисним з боку економії», але й дозволяло би полегшити та прискорити відправлення «офіційних транспортів». Проте для цього була потрібна готівка. І якщо для перевезення першого транспорту кошти були взяті з сум, призначених для утримання місії, то вже для наступної партії був потрібним істотний грошовий транш від уряду УНР. В ситуації практично повної відсутності коштів у державній скарбниці С. Дельвіг пропонував уряду здійснити продаж 2–5 вагонів цукру-сирця у бессарабському прикордонні, та передати виручені від цього кошти місії. Порада генерала була почута – принаймні саме такий висновок можна зробити з телеграми голови Військової місії УНР у Варшаві генерала В. Зелінського про готовність уряду УНР надіслати до Румунії 20 вагонів цукру для їх продажу. Відтак можна припустити, що військовий відділ НДМ УНР отримав потрібні кошти, завдяки чому «румунський канал» постачання зброї для армії УНР діяв до листопада 1920 р. досить ефективно (Мазепа 2003: 299).

Слід відзначити, що інколи до справ закупівлі зброї та військового спорядження в Румунії уповноважувались українські закупочні комісії, які не були зобов'язані узгоджувати власні дії з генералом С. Дельвігом. Проте навіть в такому випадку без співробітників військового відділу справа не обходилась. Інколи – за вказівками ГУГШ – останнім доручалось здійснювати негласний догляд за членами цих комісій. Тому коли 29 жовтня 1920 р. з Кам'янця-Подільського до Хотина прибули чотири представники кам'янецького «Союз-Банка» (Пабенський, Мачушенко, Нурисман і Мількрат), всі вони опинились під таємним спостереженням співробітників військового відділу місії (WBH CAW 1).

Як вже зазначалося вище, надзвичайно важливим напрямом діяльності військового відділу НДМ УНР була організація таємного збору інформації військово-політичного характеру в радянській Україні та сприяння роботі українських військових агентів, які відряджались до Румунії для організації розвідницько-агентурних мереж, діючи при цьому в порозумінні з румунською військовою розвідкою. У цьому зв'язку особливий інтерес викликає один з рапортів С. Дельвіга військовому міністру уряду УНР (№ 1060 від 10 вересня 1920 р.), в якому він «для систематичного здобуття інформаційних відомостей» клопотався про надання військовому відділу місії потрібних для цього фінансових засобів.

Також у рапорті присутня інформація про двох українських військових розвідників-резидентів – поручника Пляцка (Буженка), який ще в 1919 р. був відряджений штабом головного отамана до штабу 8-ї дивізії румунської армії у Чернівцях (без повідомлення про це С. Дельвіга). Основним його завданням був пошук та відрядження агентів до районів, що були зайняті більшовиками з метою проведення розвідницької роботи. Після залишення урядом УНР Кам'янця-Подільського останній звернувся до місії з проханням про субсидювання коштів, потрібних для виконання отриманих ним завдань. Завдяки наданому головою НДМ УНР К. Мацієвичем кредиту український резидент отримав можливість ще принаймні на три місяці подовжити свій термі перебування у Чернівцях (WBH SAW 1).

У травні 1920 р. штабом 2-ї дивізії армії УНР до м. Бендери був відряджений сотник П. Ємельянов, за висловом С. Дельвіга, «з дорученнями навіть вище границь звичайної розвідки». Цей «агент-резидент» працював відкрито, будучи при цьому в тісному зв'язку з місцевими румунськими інституціями, але водночас він не узгоджував свою діяльність з головою військового відділу, що, на думку С. Дельвіга, було неприпустимим. Він кваліфікував спосіб роботи П. Ємельянова як «кустарний», бо його результатами користувалась румунська військова розвідка, натомість штаб 2-ї дивізії впродовж двох місяців не отримував від свого агента жодної інформації (WBH SAW 1).

Але разом з тим С. Дельвіг оцінював працю П. Ємельянова як «надзвичайно корисну», тому коли той звернувся до місії з проханням про виділення йому субсидії для продовження роботи, начальник військового відділу вважав доцільним піти йому на зустріч. На таке рішення С. Дельвіга вплинуло й те, що П. Ємельянов зумів налагодити тісні ділові взаємини як з румунською владою, так і з представниками французької та польської військових розвідок у цій країні. Щоправда, С. Дельвіг не диспонував потрібними для цього коштами, і в цій ситуації на допомогу П. Ємельянову прийшла польська спец-

служба, вбачаючи в його праці «велику користь». Надані польською розвідкою кошти були використані для тиражування антирадянських відозв у одній з румунських друкарень, після чого вони таємно переправлялись через Дністер та розповсюджувались серед місцевого населення (WBH SAW 1).

Невдовзі свій внесок (5000 леїв, щоправда – у якості позики) у грошове забезпечення роботи «бюро» П. Ємельянова зробила і НДМ УНР у Румунії. Таке рішення було обумовлено тим, що його керівник відповідав не тільки за тиражування, але й за транспортування листівок. Крім того, здійснював добір агентів для виконання розвідувальних завдань. З огляду на це С. Дельвіг просив у військового міністра «кредитів на організацію військової розвідки» – у тій мірі, наскільки би на це дозволяли фонди міністерства. Також він пропонував обов'язково повідомляти йому в подальшому про всіх резидентів, які би прибували до Румунії за дорученнями закордонного відділу ГУГШ, а також підпорядковувати їх шефу військового відділу НДМ УНР (WBH SAW 1).

Для надання діяльності військової розвідки рис системності також був розроблений «Проект організації розвідувально-інформаційного апарату на роминській території» (можна припустити, що його автором став сотник П. Ємельянов. – *І.С., Я.П.*). В ньому були сформульовані основні завдання українських резидентур в Бессарабії та Румунії та підпорядкованих їм мереж на півдні України. Так, зокрема, вони полягали у здійсненні «розвідки військового і політичного характеру на території України», забезпеченні «зв'язку з повстанцями та іншими організаціями (кооперативами, профес[іональними] союзами робітників <...> інтелігенцією)». Велика увага приділялась проведенню пропаганди шляхом інформування «населення про діяльність і цілі на майбутнє нашого уряду (особливо аграрне питання і справа "українсько-польської згоди", або інших майбутніх та існуючих політичних або військових союзів, згод і договорів)»; «національно-державній агітації»; «пропаганді з метою розкладу і дезорганізації Червоної армії, дискредитування (дискредитації. – *І.С., Я.П.*) совітської (радянської. – *І.С., Я.П.*) влади»; «контрагітації проти пропаганди совітської» (WBH SAW 1).

У роз'ясненнях до «Проекту...» були вказані чинники, які сприяли проведенню агентурно-пропагандистської роботи: «Вся ця справа може гарно провадитись через спочування (співчуття. – *І.С., Я.П.*) до неї і симпатичне відношення роминського уряду, і через те, що в Кишиневі і Бендерах маються типографії російського шрифту» (останнє дозволяло тиражувати значний обсяг антибільшовицьких прокламацій). Все це створювало підстави для переходу у сприятливий час до

«організації повстань по підготовляемому плану», для чого слід було провести «озброєння деяких груп населення» (останнє було малореалістичним через величезні складнощі транспортування зброї через кордон та відсутність коштів для її придбання в Бессарабії).

Слід відзначити, що з рапорту № 9 (вересень 1920 р., без зазначення точної дати. – *І.С., Я.П.*) сотника П. Ємельянова випливало, що 20–25 агентів очолюваного ним бюро, виконували також і контррозвідувальні функції. Зокрема, у згадуваному рапорті йшлося про те, що з метою «догляду за більшовиками, преїзджаючими з-за Дністра і одержання інформацій» у порозумінні з румунською військовою владою, його агенти були розміщені на радянсько-румунському кордоні – на ділянці Дністра від с. Красна Гірка (*Crasnaia Gorca*) до містечка Слободзея (*Slobozia*). Ця ділянка була поділена на окремі сектори, в кожному з яких постійно перебувало «по два чоловіки для пильнування за тим боком і безупинного зв'язку» з антибільшовицькими організаціями в Україні. Крім того, у потягах, що слідували за маршрутами Кишинів – Бендери і Бендери – Рені, постійно знаходилися агенти П. Ємельянова, які в такий спосіб намагались відстежувати пересування більшовицьких кур'єрів у межах Бессарабії (WBH SAW 11).

Завдяки існуванню цієї агентурної мережі до Тираспольського, Ананьївського та Одеського повітів завозилась та розповсюджувалась велика кількість антибільшовицьких відозв. Сотник П. Ємельянов також організував підготовку агітаторів «для праці в запіллі», які відряджались до Бізурли, Знаменки, Кременчука та Одеси. Ним був скомплектований «отряд терористів», завданням якого мали стати таємні вбивства «найвідніших большевиків комуністів» в Тирасполі. За дорученням П. Ємельянова частина вояків зі складу очолюваного ним у 1919 р. партизанського загону вступила на службу до РСЧА, аби за першим сигналом виступити зі зброєю в руках проти радянської влади, ліквідуючи керівників місцевих більшовицьких осередків.

На думку П. Ємельянова, переконливим сигналом взятися за зброю та виступити проти більшовиків для селян мала стати поява на Тираспольщині чисельного загону (200–500 вояків), з відповідним озброєнням кожного з них гвинтівкою та достатнім запасом набоїв (100 шт.), гранатами, кількома кулеметами та підіривними шашками. Спільними зусиллями повсталих селян та вояків згадуваного відділу можна було би захопити Тирасполь, Бізурлу та Роздільну. Водночас, практично реалізувати задуманий план можна було би лише за умови надходження достатніх коштів та засобів (WBH SAW 11).

З метою надання підтримки місцевим повстанським організаціям у різних регіонах Південного Поділля та Одещини військовий відділ

НДМ УНР здійснював рекрутацію старшин-організаторів з подальшим їх відрядженням у розпорядження командирів діючих партизанських загонів, які визнавали підпорядкування уряду УНР. Інколи для виконання таких завдань зголошувались цілком невідповідні особи, до числа яких належав зокрема сотник Мішак, який у вересні 1920 р. був відряджений до України. Отримавши для виконання своїх завдань певну суму коштів (кілька сотень лей і 100 тис. гривень) та відповідні документи, сотник затримався на кілька днів у Кишиневі. Назвавшись тут «українським консулом на Бессарабщині», він вдався до пиятики і на підпитку влаштував кілька скандалів у місцевих рестораціях. Витративши всі наявні у нього кошти, він намагався обміняти частину гривень. Зрештою, після чергового дебошу його було заарештовано місцевою поліцією, а потім відправлено з міста у напрямку Могильова, де він мав перейти румунсько-радянський кордон (WBH CAW 10).

Випадки залучення випадкових людей у якості агентів та старшин-організаторів були непоодинокими. Про це свідчить рапорт (№ 1251 від 19 жовтня 1920 р.) С. Дельвіга, який відзначив цілковиту невідповідність прибулих за дорученням уряду УНР до Румунії кількох осіб «по справах повстання». Всі вони, на думку начальника військового відділу, були «абсолютно невідповідаючими важности справи: алкоголіки, брехуни, крутили (тут: крутії. – *І.С., Я.П.*), які дискредитували державу (йдеться про УНР. – *І.С., Я.П.*) в Роминії й напевно корисними для повстання не будуть». На користь такого висновку С. Дельвіга свідчило й те, що ці особи «з грошовими рахунками дуже необережні, не бажаючи знати різниці між державними грошима і своїми» (WBH CAW 1).

Попри такі ситуації, справа підготовки повстання проти більшовиків тривала і надалі, а її загальний провід здійснював полковник А. Гулий-Гуленко. У вересні-жовтні 1920 р. за його дорученням в Бессарабії була розгорнута агентурно-зв'язкова мережа, чим зокрема займались гарматний референт Південної повстанської групи полковник Михайло Руссян, полковник Дідушенко (в Кишиневі), підполковник Луговий (в Хотині), сотник Сергій Соллогуб (останній займав посаду завідувача бюро зв'язку в Румунії), сотник Фріш (молодший зв'язковий старшина згадуваного бюро), поручник Мельник та ін. У Бендерах до збирання інформації розвідувального характеру був залучений сотник Остроградський, але його поява в місті в однострої старшини армії УНР зробила неможливим подальше його використання у агентурній роботі.

Найбільшою проблемою, з якою зіштовхнулись згадувані українські резиденти в Бессарабії, стала відсутність в їх розпорядженні

досвідчених агентів, що змушувало залучати для організації зв'язку невідповідних осіб. Ця обставина у подальшому призвела до викриття агентів-зв'язківців більшовицькою ЧК та численних арештів серед уенерівського підпілля у порубіжних з Бессарабією повітах УСРР.

26 жовтня 1920 р. за дорученням С. Петлюри А. Гулий-Гуленко відбув до Могильова з метою організації розташованих там частин армії УНР для прориву більшовицького фронту та бойової діяльності у запіллі РСЧА. На виконання його вказівок в околицях Бендер та Резіни тривало накопичення повстанців, які мали бути використані для підриву радянського тилу. Як доповідав начальнику Генерального штабу армії УНР С. Дельвіг, станом на 22 листопада 1920 р. їх нараховувалось вже 170 осіб. Для організації харчування стараннями начальника військового відділу було отримано 10 тис. л. р. (в якості кредиту від голови НДМ УНР у Румунії К. Мацієвича) (WBH CAW 2).

Найбільшою проблемою для розгортання підпільних уенерівських структур на території Бессарабії у цей час стала тривала відсутність полковника А. Гулого-Гуленка, який більше місяця не виходив на зв'язок. У зв'язку з цим військовий відділ НДМ УНР був змушений на початку грудня 1920 р. виконувати дещо невластиві йому завдання із відновлення з ним контактів. Можливо що це було зумовлено ліквідацією більшовиками створеної резидентами А. Гулого-Гуленка в Бессарабії мережі агентів-зв'язківців. У цій ситуації С. Дельвіг звернувся з листом (№ 1450 від 8 грудня 1920 р.) до закордонного відділу ГУГШ, в якому зажадав керівних вказівок у справі відновлення зв'язкової служби та визначення джерел фінансування для цього. В ньому С. Дельвіг також повідомляв про здійснені ним кроки і, зокрема, про зміну всієї системи зв'язку (керівний центр – повстанці), розформування всіх старих зв'язкових пунктів, відкликання з румунсько-радянського кордону всіх агентів та їх зосередження у збірному пункті у Бельцах (у цей час тут тимчасово перебували інтерновані вояки 2-ї бригади 1-ї кулеметної дивізії армії УНР під командуванням полковника Г. Порохівського) (WBH CAW 1).

Відповіддю на це звернення С. Дельвіга став лист 1-го генерал-квартирмейстера Генерального штабу (без дати і зазначення прізвища), в якому містилась констатація неможливості проведення зараз «широких операцій, вимагаючих широкого фінансування», з огляду на що невідомий автор листа запропонував кількісно обмежити «зв'язковий апарат з повстанцями Південної групи». Разом з тим С. Дельвігу доручалось відрядити на південь України двох зв'язківців (з числа абсолютно надійних та відданих справі УНР осіб) «з наказом за всяку ціну» виявити місцеперебування полковника А. Гулого-Гуленка, відновивши таким чином зв'язок між начальником Південної пов-

станської групи та військовим відділом НДМ УНР. Утримання нового апарату служби зв'язку (у т. ч. й відрядження двох зв'язківців) мало відбутись з коштів авансу (100 тис. леїв), який був раніше виділений НДМ УНР для придбання набоїв. Надалі «вся справа зв'язку з повстанцями» мала спрямовуватись особисто С. Дельвігом (WBH CAW 1).

Справою відновлення зв'язку з А. Гулим-Гуленком опікувався гарматний референт Південної повстанської групи полковник М. Руссіян, який запропонував призначити начальником зв'язкової служби з повстанцями прифронтового комісара 1-ї Запорізької стрілецької дивізії армії УНР Василя Савенка. М. Руссіян також склав кошторис, згідно якого на утримання новосформованого зв'язкового апарату (начальник зв'язку, два його помічники та 6 вістових козаків) мало бути витрачено 23 800 л.р. Ці видатки були санкціоновані головним отаманом С. Петлюрою, який залишив на бланку кошторису резолюцію такого змісту: «В разі потреби генерал Дельвіг з сум, маючихся в його розпорядженні, може робити витрати на цю справу» (WBH CAW 1).

Цей дозвіл, а також отримані від Місії УНР кошти дозволили С. Дельвігу оперативно створити нову мережу пунктів, призначених для прийому-відправки агентів-зв'язківців та розвідників. Про це зокрема йшлося у його доповіді (№ 1459 від 8 грудня 1920 р.), яка була адресована начальнику Генерального штабу і військовому міністру уряду УНР. У цьому документі міститься інформація про функціонування згадуваних пунктів у Резіні (начальник – поручник Мельник), у Бендерах (сотник П. Ємельянов), які використовувались для відрядження інформаторів та зв'язківців (WBH CAW 1).

Одночасно співробітники військового відділу НДМ УНР надавали допомогу воякам-українцям та біженцям, які після нелегального перетину кордону тимчасово осідали у Бендерах і Рибниці. Ще одним місцем зосередження вояків та цивільних біженців стали на початку грудня 1920 р. Чернівці. Їх організацію взяв на себе зв'язковий старшина військового відділу НДМ УНР сотник Луговий, якому «вдалося розрідити трохи дуже великий натовп біженців надсилкою до Галичини, Чехії, Австрії». Вояки відряджались до тимчасової військової станиці у Бельцах. Їх побут був тут забезпечений стараннями Чернівецького жіночого комітету, члени якого передавали на потреби вояцтва зібрані ними кошти та одяг. Слід відзначити, що допомога благодійних організацій в цій ситуації була фактично єдиним засобом для забезпечення побуту біженців, бо фінансові можливості НДМ УНР були вкрай обмежені, відтак місія не могла взяти на себе утримання значної їх кількості (WBH CAW 1).

Попри всі складнощі обстоювання інтересів УНР її дипломатичною службою на зовнішньополітичній арені, що було пов'язано з

цілим комплексом причин зовнішньополітичного характеру, діяльність військового відділу НДМ УНР у Румунії впродовж 1920 р. була позначена значними здобутками. З огляду на те, що у цей час УНР вела безкомпромісну боротьбу з «білою» і «червоною» Росією, дієва армія потребувала поповнення запасів зброї та військової амуніції. Ледь не єдиним каналом для цього була королівська Румунія, яка неодноразово передавала Україні значні партії стрілецької зброї та набоїв до них.

Шляхом максимального напруження власних сил співробітникам військового відділу вдалось забезпечити перевезення партій зброї румунською територією та їх переправлення через кордон. Крім того, вони виконували широке коло завдань, реалізація яких сприяла посиленню боєздатності армії УНР. Це здійснення опіки над інтернованими вояками-українцями і водночас залучення добровольців з їх середовища на українську військову службу, проведення розвідки для збору докладної інформації про військово-політичну ситуацію в радянській Україні, а також здійснення дипломатичного прикриття агентурної антибільшовицької діяльності уенерівських осередків на території Румунії та Бессарабії.

Цим відділ значною мірою завдячував своєму керівникові генералу С. Дельвігу, який поєднував ґрунтовну військову освіту (випускник Михайлівської артилерійської академії), особисту мужність та відвагу, інтелігентність і виразний національний сантимент. Він виявляв себе у беззастережній відданості прапора УНР. Разом з тим С. Дельвіг мав дипломатичний хист, що зокрема виявився у його участі у переговорах з представниками генерала П. Врангеля щодо створення єдиного антибільшовицького фронту (середина жовтня 1920 р.). Генерал виявив себе і блискучим організатором, зумівши об'єднати навколо себе нечисленний гурт відданих ідеї національно-державного визволення України старшин армії УНР.

Створення та діяльність військового відділу НДМ УНР у Румунії стало переконливим свідченням того, що попри всі розбіжності у двосторонніх румунсько-українських міждержавних відносинах їх осердям була антибільшовицька зорієнтованість їх зовнішньої політики. Спільність вищого державного інтересу двох країн, що полягав у послідовному протистоянні радянській Росії, обумовлювала кооперацію їх зусиль в антибільшовицькій військово-агентурній діяльності протягом 1920–1921 рр. Усвідомлення потенційної загрози Москви, яка тільки номінально погодилась з приєднанням Румунією Бессарабії, об'єктивно підштовхувало Бухарест до розігрування «української карти». Це, зокрема, виявлялось в утримуванні румунською владою таборів інтернованих вояків армії УНР, а також у залученні окремих

українських старшин на румунську військову службу). Щоправда, загальна політична стабілізація ситуації в Європі у другій половині 1920-х рр. деякою мірою «приспала» пильність владних кіл Румунії у питанні можливої ревізії Москвою державно-політичної приналежності Бессарабії. Вдавшись до безоглядної румунізації національних меншин в межах королівства, румунський уряд втратив їх підтримку, а в 1939 р. – на виконання ультиматуму Сталіна – був змушений передати бессарабські земля до складу радянської України.

ПРИМІТКИ

1. Сергій Миколайович Дельвіг (1866–1944) – український і російський військовий діяч, генерал-лейтенант Російської імператорської армії, генерал-полковник армії УНР, військовий історик, артилерист. Після проходження навчання в 2-му Московському кадетському корпусі послідовно закінчив також Михайлівське артилерійське училище, Офіцерську артилерійську школу та Михайлівську артилерійську академію. Військову службу розпочав у 2-й резервній артилерійській бригаді, з 1899 р. – командир пішої батареї Офіцерської артилерійської школи. Учасник Російсько-японської війни, під час якої був нагороджений Золотою Георгіївською зброєю. З 1909 р. – генерал-майор, командир 24-ї артилерійської бригади. Під час Першої світової війни – інспектор артилерії 9-го армійського корпусу. В січні 1915 р. був підвищений до ранги генерал-поручника. Комендант здобутої російськими військами австрійської фортеці в Перемишлі, з жовтня 1915 р. – командир 40-го армійського корпусу. З квітня 1916 р. – інспектор артилерії Південно-Західного фронту, здійснював керівництво артилерією під час Брусиловського прориву. Навесні 1917 р. вийшов у відставку.

З листопада 1917 р. – начальник інспекторату артилерії Українсько-го генерального військового штабу, на початку 1918 р. – начальник артилерії Гайдамацького коша Слобідської України. За доби правління гетьмана П. Скоропадського посідав відповідальні посади в армії Української держави, з 1919 р. – інспектор артилерії військ УНР. У червні 1919 р. очолював делегацію УНР на переговорах з Польщею під час Чортківського наступу УГА, підписав договір про перемир'я зі встановленням демаркаційної лінії (16 червня 1919 р.), який так і не був реалізований через протидію диктатора ЗОУНР Є. Петрушевича. З липня 1919 р. – голова Військової місії УНР у Румунії, а після її ліквідації – керівник військового відділу (секції) Надзвичайної дипломатичної місії УНР у Румунії. За дорученням уряду УНР у жовтні 1920 р. провадив переговори з представниками генерала П. Врангеля про

визнання останнім самостійності УНР. З лютого 1921 р. – член Вищої військової ради армії УНР. Після ліквідації дипмісії брав активну участь в житті української політичної еміграції в Румунії. Працював інженером на кількох румунських підприємствах. У 1944 р. евакуювався до Каїру (Єгипет), де того ж року помер.

ЛІТЕРАТУРА

Власенко 2007 – *Власенко В.М.* До діяльності Надзвичайної дипломатичної місії УНР у Румунії (1919–1923 рр.) // Україна дипломатична. 2007. Вип. 8. С. 176–217.

Власенко, Сапсай 2015 – *Власенко В.М., Сапсай О.В.* Склад і структура надзвичайної дипломатичної місії УНР в Румунії // Збірник матеріалів III Всеукраїнської науково-практичної конференції «Суспільно-політичні процеси на українських землях: історія, проблеми, перспективи». Суми, 2015. Ч. 1. С. 60–61.

Дорошенко 1969 – *Дорошенко Д.* Мої спомини про недавнє-минуле (1914–1920). Мюнхен, 1969. 630 с.

Ковальчук 2010 – *Ковальчук М.* Відносини Румунії з урядом Української Народної Республіки в 1919 р. // Український історичний журнал. 2010. Вип. 4. С. 115–127.

Мазепа 2003 – *Мазепа І.* Україна в огні й бурі революції 1917–1921. Київ: Темпора, 2003. 607 с.

Срібняк 2017 – *Срібняк І.* Українці в Бессарабії та Румунії, 1921–1923 рр. (таборове та позатаборове повсякдення інтернованого вояцтва армії УНР) // Русин. 2017. № 3 (49). С. 122–136. DOI: 10.17223/18572685/49/8

Українська революція (документи) 1919–1921 1984 – Українська революція (документи) 1919–1921. Нью-Йорк: Українська вільна академія наук у США, 1984. 478 с.

WBH CAW 1 – *Wojskowe Biuro Historyczne. Centralne Archiwum Wojskowe* (далее WBH CAW). Zespół Akt “Sprzymierzona Armia Ukraińska” (далее – SAU). Sygnatura I. 380. 3. 115.

WBH CAW 2 – SAU. Sygn. I. 380. 3. 116.

WBH CAW 3 – SAU. Sygn. I. 380. 3. 115. Наказ Надзвичайній дипломатичній місії в Румунії. № 42 від 10 лютого 1920 р.

WBH CAW 4 – SAU. Sygn. I. 380. 3. 115. Накази Надзвичайній дипломатичній місії в Румунії № 47 від 17 лютого. № 50 від 28 лютого. № 53 від 20 березня 1920 р.

WBH CAW 5 – SAU. Sygn. I. 380. 3. 115. «Короткий звіт сум, витраченим Надзвичайною дипломатичною місією Української Народної Республіки у Румунії на утримання військової секції», підписаний головою НДМ УНР у Румунії К. Мацієвичем.

WBH CAW 6 – SAU. Sygn. I. 380. 3. 115. Кошторис утримання місії на три

місяці вперед, по дійсним виплатам, які зараз робляться», станом на літо 1920 р., підписаний головою НДМ УНР у Румунії К. Мацієвичем.

WBH CAW 7 – SAU. Sygn. I. 380. 3. 115. Лист М. Остроградського до головного отамана С. Петлюри. № 1468 від 28 травня 1920 р.

WBH CAW 8 – SAU. Sygn. I. 380. 3. 115. Доклад С. Дельвіга військовому міністру уряду УНР. № 704 від 19 червня 1920 р.

WBH CAW 9 – SAU. Sygn. I. 380. 3. 115. Доклад С. Дельвіга військовому міністру уряду УНР, № 761 від 25 червня 1920 р.

WBH CAW 10 – SAU. Sygn. I. 380. 3. 115. Рапорт старшини для доручень військового відділу НДМ УНР сотника Я. Чайківського.

WBH CAW 11 – SAU. Sygn. I. 380. 3. 115. Рапорт № 9 сотника П. Ємельянова (вересень 1920 р.).

REFERENCES

Vlasenko, V. (2007) Do diyal'nosti Nadzvichaynoї diplomatichnoї misii UNR u Rumunii (1919–1923 rr.) [To the activities of the UPR's Extraordinary Diplomatic Missions in Romania (1919–1923)]. *Ukraina diplomaticzna*. 8. pp. 176–217.

Vlasenko, V. (2008) Dokumenti i materialy nadzvichaynoї diplomatichnoї misii UNR u Rumunii (1919–1923 rr.) [Documents and materials of the UPR's Extraordinary Diplomatic Mission in Romania (1919–1923)]. *Pam'yatki: arkeografichnyi shchorichnik*. 8. pp. 129–160.

Vlasenko, V.M. & Sapsai, O.V. (2015) Sklad i struktura nadzvichaynoї diplomatichnoї misii UNR v Rumunii [Composition and structure of the UPR's Extraordinary Diplomatic Mission in Romania]. In: Vasiliev, K.K. et al. (eds) *Suspil'no-politichni protsesi na ukrains'kikh zemlyakh: istoriya, problemi, perspektivi*. Vol. 1. Sumy: Sumy State University. pp. 60–61.

Doroshenko, D. (1969) *Moї spomini pro nedavne-minule (1914–1920)* [My memories of the recent – past (1914–1920)]. Munich: Ukrains'ke Vidavnistvo.

Kovalchuk, M. (2010) Vidnosini Rumunii z uryadom Ukrains'koї Narodnoї Respubliki v 1919 r. [Relations between Romania and the Government of the Ukrainian People's Republic in 1919]. *Ukrainskyi istorychnyi zhurnal*. 4. pp. 115–127.

Mazepa, I. (2003) *Ukraina v ogni y buri revolyutsii 1917–1921* [Ukraine in the fire and storm of the Revolution of 1917–1921]. Kyiv: Tempora.

Sribnyak, I. (2017) Ukrainians in Bessarabia and Romania in 1921–23 (Everyday Life of the UPA Interned Soldiers Inside and Outside the Camp). *Rusin*. 3(49). pp. 122–136 (in Ukrainian). DOI: 10.17223/18572685/49/8.

Gunchak, T. (1984) *Ukrains'ka revolyutsiya (dokumenti) 1919–1921* [Ukrainian Revolution (documents) 1919–1921]. New York: Ukrains'ka vil'na akademiya nauk u SSHA.

The Military Historical Office. Central Military Archives (CAW). *Zespól Akt "Sprzymierzona Armia Ukraińska"*. Sygn. I. 380. 3. 115.

The Military Historical Office. Central Military Archives (CAW). *Zespół Akt "Sprzymierzona Armia Ukraińska"*. Sygn. I. 380. 3. 116.

The Military Historical Office. Central Military Archives (CAW). Nakaz Nadzvychainii dyplomatychnii misii v Rumunii [Order of the Extraordinary Diplomatic Mission in Romania. Nr. 42, dated February 10, 1920]. *Zespół Akt "Sprzymierzona Armia Ukraińska"*. Sygn. I. 380. 3. 115.

The Military Historical Office. Central Military Archives (CAW). Nakazi Nadzvichayniy diplomatichniy misii v Rumunii Nr. 47 vid 17 lyutogo. Nr. 50 vid 28 lyutogo. Nr. 53 vid 20 bereznya 1920 r. [Orders of the Extraordinary Diplomatic Mission in Romania Nr. 47 (February 17), Nr. 50 (February 28), Nr. 53 (March 20), 1920]. *Zespół Akt "Sprzymierzona Armia Ukraińska"*. Sygn. I. 380. 3. 115.

The Military Historical Office. Central Military Archives (CAW). Korotkyi zvit sum, vytrachenym Nadzvychainoiu Dyplomatychnoiu Misiieiu Ukrainskoi Narodnoi Respubliki v Rumunii na utrymannia viiskovoi sektsii, pidpysanyi holovoioiu NDM UNR u Rumunii K. Matsiievychem ["A brief summary of the amounts spent by the Extraordinary Diplomatic Missions of the Ukrainian People's Republic in Romania on the maintenance of the military section", signed by the chairman of the UPR of the UPR in Romania K.Matsievich]. *Zespół Akt "Sprzymierzona Armia Ukraińska"*. Sygn. I. 380. 3. 115.

The Military Historical Office. Central Military Archives (CAW). "Koshtorys utrymannia Misii na try misiatsi vpered, po diisnym vyplatam, yaki zaraz robliatsia", stanom na lito 1920 r., pidpysanyi holovoioiu NDM UNR u Rumunii K. Matsiievychem ["Estimates of the Mission's maintenance for three months ahead, on actual payments that are being made now", as of the summer of 1920, signed by the chairman of the UPR of the UPR in Romania K.Matsievich]. *Zespół Akt "Sprzymierzona Armia Ukraińska"*. Sygn. I. 380. 3. 115.

The Military Historical Office. Central Military Archives (CAW). Lyst M. Ostrohradskoho do Holovnoho Otamana S. Petliury. Nr. 1468 vid 28 travnia 1920 r. [Letter by M. Ostrogradsky to Chief Otaman S. Petliura. Nr. 1468 (dated May 28, 1920)]. *Zespół Akt "Sprzymierzona Armia Ukraińska"*. Sygn. I. 380. 3. 115.

The Military Historical Office. Central Military Archives (CAW). Doklad S. Delviha viiskovomu ministru uriadu UNR. Nr. 704 vid 19 chervnia 1920 r. [Report of S. Delvig to the Minister of War of the UNR Government. Nr. 704 (dated June 19, 1920)]. *Zespół Akt "Sprzymierzona Armia Ukraińska"*. Sygn. I. 380. 3. 115.

The Military Historical Office. Central Military Archives (CAW). Doklad S. Delviha viiskovomu ministru uriadu UNR, Nr. 761 vid 25 chervnia 1920 r. [Report of S. Delvig to the Minister of War of the UNR Government, Nr. 761 (dated June 25, 1920)]. *Zespół Akt "Sprzymierzona Armia Ukraińska"*. Sygn. I.380.3.115.

The Military Historical Office. Central Military Archives (CAW). Raport starshyny dlia doruchen viiskovoho viddilu NDM UNR sotnyka Ya. Chaikivskoho [Report of the officer for the orders of the military unit of the Extraordinary Diplomatic Missions of the UPR of the captain Y. Tchaikovskyy]. *Zespół Akt*

“Sprzymierzona Armia Ukraińska”. Sygn. I. 380. 3. 115.

The Military Historical Office. Central Military Archives (CAW). Raport Nr. 9 sotnyka P. Yemel'yanova (veresen' 1920 r.). *Zespół Akt “Sprzymierzona Armia Ukraińska”*. Sygn. I. 380. 3. 115.

Срибняк Игорь Владимирович – доктор философии Украинского вольного университета (Мюнхен, Германия), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной истории Киевского университета им. Б. Гринченко, ведущий научный сотрудник отдела теории и методологии всемирной истории Института всемирной истории НАН Украины (Украина).

Срібняк Ігор Володимирович – доктор філософії Українського вільного університету (Мюнхен, Німеччина), доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри всесвітньої історії історико-філософського факультету Київського університету ім. Б. Грінченка, провідний науковий співробітник відділу теорії та методології всесвітньої історії державної установи «Інститут всесвітньої історії НАН України» (Україна).

Ihor V. Sribnyak – Borys Grinchenko Kyiv University (Ukraine).

E-mail: i.sribniak@kubg.edu.ua

Попенко Ярослав Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры права Мелитопольского государственного педагогического университета им. Б. Хмельницкого (Украина).

Попенко Ярослав Володимирович – кандидат історичних наук, доцент кафедри права Мелітопольського державного педагогічного університету ім. Б. Хмельницького (Україна).

Yaroslav V. Popenko – Bogdan Khmelnytsky Melitopol State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: popenkoaroslav80@gmail.com

УДК 94:327(477+478)"1917/1924"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/11

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ МОЛДАВСКОЙ АВТОНОМНОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

О. А. Мельничук¹, Ю. А. Зинько², В. А. Тучинский³

Винницкий государственный педагогический университет
им. М. Коцюбинского

Украина, 21100, г. Винница, ул. К. Острожского, 32

¹E-mail: istpravo@gmail.com

²E-mail: zinko56@ukr.net

³E-mail: tuchinsky_v@ukr.net

Авторское резюме

На основании анализа источников и литературы освещены основные внешнеполитические предпосылки образования Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики. Акцентировано внимание на сложных советско-румынских отношениях относительно территориальной принадлежности Бессарабии. Раскрыты попытки обоих государств сначала дипломатическими, а после и военными путями решить эти вопросы с участием Антанты. Утверждается, что после проигрыша на дипломатическом фронте советское руководство видело выход из создавшейся ситуации в образовании на левом берегу Днестра автономного объединения, через которое можно было бы влиять на обстановку в Бессарабии. Конечной целью образования автономной республики было присоединение Бессарабии к СССР.

Ключевые слова: Антанта, Бессарабия, МАССР, Румыния, СССР.

FOREIGN POLICY FACTORS IN THE FORMATION OF THE MOLDAVIAN AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC

O.A. Melnychuk¹, Y.A. Zinko², V.A. Tuchynskiy³

Vinnytsia Mykhailo Kotsiubynskiy State Pedagogical University
32 Ostrozkoho Street, Vinnytsia, 21100, Ukraine

¹E-mail: istpravo@gmail.com

²E-mail: zinko56@ukr.net

³E-mail: tuchinsky_v@ukr.net

Abstract

The article highlights the main foreign policy factors in the formation of the Moldavian Autonomous Soviet Socialist Republic. The authors focus on the complex Soviet-Romanian relations regarding the territorial affiliation of Bessarabia and reveals the attempts of both states to resolve these issues through negotiation and later military means with the participation of the Entente. It is argued that after the failure of diplomacy, the Soviet government considered the formation of the autonomous union on the left bank of the Dniester, which could be used to exercise influence on the situation in Bessarabia. The ultimate goal of this formation was the accession of Bessarabia to the USSR.

Keywords: Entente, Bessarabia, MASSR, Romania, USSR.

В многовековой истории украинско-молдавских и украинско-румынских отношений особое место занимает Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика (МАССР), которая существовала в составе УССР с 1924 по 1940 г. Главной внешнеполитической предпосылкой ее образования были чрезвычайно сложные отношения между Советской Россией (впоследствии – СССР) и Румынией, в основе которых была проблема территориальной принадлежности Бессарабии. Лишь после того, как все попытки вернуть территорию между Днестром и Прутом военным и дипломатическим путем закончились неудачно, партийно-государственное руководство Советского Союза решило изменить тактику борьбы и вернуть Бессарабию в свой состав путем образования на левобережье Днестра МАССР.

Узловые вопросы внешнеполитических отношений в период образования МАССР уже привлекали внимание историков. Особенно ценной для изучения проблемы является монография С.М. Назарии (Назария 2018), в которой автор представил мнения историков разных

стран по бессарабскому вопросу, высказанные на рубеже XX–XXI вв., а также статьи, посвященные отдельным аспектам изучаемой темы (Назария 2013; Назария 2014а; Назария 2014b). Бессарабский вопрос в контексте международных отношений представлен в монографии И.Э. Левита (Левит 2012). Некоторые аспекты международных отношений исследовали советские (Брысякин, Сытник 1969; Виноградов 1969; Левензон 1974), украинские (Коцур 2013; Майоров 2016; Попенко 2017; Попенко 2018), российские (Мельтюхов 2010; Суляк 2018; Суляк 2019), молдавские ученые, а также историки Приднестровской Молдавской Республики (Бомешко 1996; ИПМР 2001; ГП 2007; Бабилунга 2010). Отдельные вопросы внешнеполитических отношений указанного периода стали предметом диссертационного исследования (Бабюх 2012). В 1996 г. в Москве коллективом авторов был опубликован сборник документов «Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии» (Виноградов и др. 1996).

Авторы статьи ставят цель осветить некоторые аспекты внешнеполитической деятельности ведущих европейских государств, которые привели в конечном итоге к созданию МАССР. На наш взгляд, именно международные отношения в контексте территориальной принадлежности Бессарабии повлияли на место и форму автономного государственного образования молдавского народа Украины.

После победы в России Февральской революции 1917 г. в Бессарабии резко активизировалось национальное движение. С одной стороны, значительное влияние на развитие ситуации в крае имели события в соседней Украине, где в начале марта возникла Центральная Рада. С другой стороны, на политические процессы, происходившие в Бессарабии, активно влияла Румыния. Ставя целью создать независимое молдавское государство, политические силы национального толка создали в Кишиневе 20 октября 1917 г. Военно-молдавский съезд, который 21 октября провозгласил автономию Бессарабии в составе РСФСР, а также создал временный представительный орган края – Сфатул Цэрий (Краевой совет). Наибольшее количество депутатов в совете получила Молдавская национальная партия (Мельтюхов 2010: 23; Назария 2018: 46–48).

После революции, которая состоялась в Петрограде в октябре 1917 г., европейские государства активизировали свое влияние на территории бывшей Российской империи. В конце ноября 1917 г. в Париже на секретном заседании Верховного совета Антанты было принято официальное решение об организации военной интервенции в большевистскую Россию (Репида 1983: 24–25). Во исполнение такого решения 10 декабря 1917 г. премьер-министр Франции Ж. Клемансо и военный министр Великобритании Д. Милнер подписали договор о

разделе сфер влияния. В соответствии с договоренностью, к английской зоне оккупации отошли Кавказ, Армения и Грузия, к французской – Украина, Бессарабия и Крым. В секретном донесении французской военной миссии в Яссах, где в то время находилось высшее политическое и военное руководство Румынии, подчеркивалось, что в борьбе с большевистской властью Франция и ее союзники по Антанте будут активно использовать войска атамана Каледина, Центральную Раду и Сфатул Цэрий (Бессарабский вопрос 1993: 11).

В декабре 1917 г. руководство Антанты планировало создать бессарабское государство во главе с командующим Румынским фронтом российским генералом Щербачевым, однако он отказался возглавить такое политическое образование, и только после этого Бессарабия вошла в зону политических интересов Румынии (Брысякин, Сытник 1969: 37–38).

А тем временем Совнарком во главе с В. Лениным неоднократно поднимал вопрос о признании Сфатул Цэрий советской властью и тайно готовил введение своих войск в Бессарабию. Оказавшись перед реальной угрозой, высший представительный орган края рассматривал вопрос о приглашении войск Румынии на территорию Бессарабии. 20 декабря 1917 г. на закрытом заседании Сфатул Цэрий было принято решение обратиться за помощью к румынской армии. Председатель Совета генеральных директоров Бессарабии П. Ерхан и директор иностранных дел И. Пеливан 23 декабря обратились в Яссы с просьбой о немедленной военной помощи (НБП 1964: 18–19). После этого румынское руководство начало подготовку к вводу войск на территорию Бессарабии.

Стоит заметить, что румынские войска переходили р. Прут еще до официального приглашения. Они мотивировали такие действия необходимостью борьбы с большевистской угрозой. Так, в середине декабря 1917 г. румынские войска захватили город Леово и несколько приграничных сел, арестовали и увезли в Румынию большевиков – членов Леовского совета и жестоко расправились с сочувствовавшими России. Народный комиссар иностранных дел Советской России в ноте протеста от 16 декабря требовал от румынского руководства прекратить нападения и провокации на границе, а также освободить арестованных (Борьба за власть 1957: 256; Левит 2012: 19–24, 36–41).

Однако ситуация на границе только обострялась, ведь и Россия, и Румыния не желали уступать в вопросе территориальной принадлежности Бессарабии. В таких условиях 31 декабря 1917 г. председатель Совнаркома РСФСР В. Ленин направил румынскому правительству ноту, в которой, в частности, отмечалось: «Совет народных комиссаров требует от румынского правительства освобождения арестованных,

наказания тех, кто оказывал аресты и беззакония, а также гарантий, что подобные действия не повторятся. Отсутствие ответа на наше требование в течение 24 часов будет рассматриваться нами как полный разрыв, и мы будем осуществлять военные меры, вплоть до самых решительных» (ДВП 1959: 197–198).

На следующий день решением правительства РСФСР был арестован весь состав румынского посольства во главе с его руководителем Диаманти и румынской военной миссии в Петрограде, что стало грубым нарушением международных правовых норм. В ответ на это 1 января 1918 г. члены дипломатического корпуса, аккредитованного в Петрограде, посетили Ленина и выразили решительный протест по поводу ареста румынских дипломатов.

В условиях резкого обострения межгосударственных отношений правительство Румынии, после консультации с руководством Антанты, 4 января 1918 г. приняло решение о введении войск на территорию Бессарабии. Румынская армия 7 января переправилась через Прут и в течение нескольких дней взяла под свой контроль территорию между Днестром и Прутом. Сняв свои войска с австро-германского фронта, Румыния заручилась письменным согласием немецкого командования о том, что войска Четвертного союза не начнут активных боевых действий. Таким образом, Антанта и Четвертной союз пришли к соглашению о совместном выступлении против Советской России.

По поручению румынского политического руководства верховный командующий румынской армией генерал Презан выступил с обращением, опубликованном на молдавском, румынском и русском языках, в котором заявил, что его войска вступили в Бессарабию по приглашению ее законного правительства. Там, в частности, указывалось: «Объявляю для всех, что румынское войско не желает ничего другого, как только установления порядка и спокойствия, которые оно несет, и дает возможность укрепить вашу автономию и вашу свободу. Румынское войско не обидит ни одного жителя, какой бы национальности и вероисповедания он ни был. Немедленно после установления порядка и спокойствия воины-румыны вернутся домой» (НБП 1964: 38–40). Официальное заявление по этому поводу сделал и Сфатул Цэрий, одоблив особую декларацию, которая была опубликована в газете «Свободная Бессарабия». В ней, в частности, отмечалось: «Румынские войска имеют своей целью только охрану железных дорог и хлебных запасов для фронта, все слухи о том, что они пришли для завоевания нашей страны и установления здесь своей власти, неправдивые и распространяются врагами нашей республики» (НБП 1964: 70).

Такие заявления поддержало и руководство Антанты. Представитель Франции от этой военно-политической организации Сент-Олер в официальной декларации заявил: «Введение румынских войск является исключительно военной операцией, имеет целью нормальное функционирование тыла российско-румынского фронта» (Сенкевич, Ройтман 1963: 92). Однако, выступая в парламенте в 1920 г., министр иностранных дел Румынии Т. Ионеску откровенно признал, что все упомянутые декларации и заявления были обманом: «Мы пришли в Бессарабию не для того, чтобы обеспечить снабжение фронта, а для того, чтобы там остаться» (Бомешко 1996: 14; Назария 2018: 83–85).

Еще более категорично и откровенно по поводу военной операции румынских войск в Бессарабии высказался на заседании правительства Румынии в марте 1942 г. диктатор И. Антонеску. Давая оценку подавлению Хотинского восстания в январе 1919 г., он отметил: «В 1919 году мы чуть не потеряли Бессарабию по вине генерала Давидоглу, который уничтожил 7 деревень и убил большое количество людей. Известно, что по этой причине мирная конференция в Париже занялась пересмотром бессарабского вопроса, чтобы не дать нам Бессарабию, потому что мы варвары» (ИПМР 2001: 94).

Однако вернемся к советско-румынским отношениям в начале 1918 г. Советское руководство 13 января разорвало дипломатические отношения с Румынией. В постановлении Совета народных комиссаров РСФСР по этому поводу, в частности, указывалось: «Все дипломатические отношения с Румынией прекращаются. Золотой фонд Румынии, хранящийся в Москве, объявляется неприкосновенным для румынской олигархии» (ДВП 1959: 216; Левит 2012: 170–171).

Однако руководство РСФСР не ограничивалось только дипломатическими мерами. Другим важным направлением влияния на ситуацию в Бессарабии должно было стать использование военной силы. В конце февраля 1918 г. Красная армия в результате успешного наступления на юге Украины форсировала Днестр южнее Тирасполя и перенесла боевые действия на территорию Бессарабии. В результате нескольких незначительных столкновений румынское руководство после консультации с Антантой согласилось начать мирные переговоры. Сначала они были успешными, и уже 5 марта 1918 г. в Яссах, а 9 марта в Одессе воевавшие стороны подписали «Российско-румынское соглашение об освобождении Румынией Бессарабии» (Назария 2018: 43). В документе, в частности, указывалось, что Румыния обязуется вывести войска из Бессарабии в течение двух месяцев. В соглашении затрагивались вопросы, связанные с возвращением Бессарабии в состав России, а именно демилитаризация края, обмен пленными, а также создание международной комиссии

для урегулирования спорных проблем (ДВП 1958: 49). Этот договор был значительным дипломатическим успехом России не только потому, что возвращал Бессарабию в ее состав. Он был вторым после Брест-Литовского мирного договора документом, в котором Советская Россия была признана суверенным государством.

Однако со стороны Румынии это было лишь прикрытием для дальнейшей интеграции Бессарабии в свой состав. С этой целью руководство Румынии, поддерживаемое Антантой, одновременно вело переговоры о сепаратном мире с Германией и Австро-Венгрией. Уже 5 марта 1918 г., в тот же день, когда румынские дипломаты подписали договор с Россией, Румыния заключила в Буфте (Румыния) прелиминарный мирный договор с Центральными государствами, который предусматривал обязательства румынской стороны пропустить австро-германские войска через Бессарабию на юг Украины для борьбы с советской властью, а также признание странами Четвертного союза де-факто аннексии Бессарабии Румынией (Виноградов 1969: 163). Воспользовавшись изменением военно-политической ситуации и отступлением Красной армии, румынское правительство отказалось выполнять заключенные с Советской Россией соглашения. Нота протеста народного комиссара иностранных дел России Г. Чичерина о непризнании присоединения Бессарабии к Румынии не была принята во внимание. Таким образом, Бессарабия оказалась лишь разменной монетой в игре великих государств.

1 июля 1918 г. декретом короля на территории края было продлено осадное положение, позже распущены губернское земство, городские и уездные органы самоуправления, милиция была заменена румынской полицией (Суляк 2018: 123). Ответом на инкорпорацию Бессарабии стали Хотинское (январь–февраль 1919 г.), Бендерское (май 1919 г.) и Татарбунарское (сентябрь 1924 г.) восстания, которые были жестоко подавлены румынскими оккупантами (Суляк 2018: 115).

В апреле 1919 г. руководство РСФСР сделало еще одну попытку вернуть Бессарабию. В этот раз решили действовать по другому сценарию. К Днестру были стянуты значительные военные силы, в состав которых входила и стрелковая дивизия, сформированная преимущественно из бессарабских беженцев и политических эмигрантов, сочувствовавших Советской России. В Одессе было образовано Временное рабоче-крестьянское правительство Бессарабии во главе с И. Криворуковым. Правительства РСФСР и УССР 1 мая 1919 г. направили румынскому руководству радиogramму с ультимативным требованием немедленной эвакуации румынских войск из Бессарабии. Не получив ответа от румынской стороны, Временное правительство Бессарабии 9 мая

1919 г. издало манифест, в котором называло Бессарабию Советской Социалистической Республикой, Сфатул Цэрий объявлялся поверженным, а все его решения признавались незаконными (Борьба за власть 1967: 104).

Подготовив необходимые резервы, в середине мая 1919 г. Красная армия форсировала Днестр южнее Тирасполя и начала боевые действия в Бессарабии, туда же переехало и временное правительство края. Однако в конце мая военно-политическая обстановка на юге Украины резко осложнилась. Армия Деникина начала наступление на Москву, а в тылу советского Южного фронта активно действовали атаманы Н. Махно и М. Григорьев. Наступление на Кишинев было прекращено, а войска Красной армии отступили за Днестр. Временное правительство Бессарабии эвакуировалось в Одессу. В начале сентября 1919 г. оно было распущено (Бабилунга, Бомешко 2006: 49–50). Так закончилась еще одна попытка возвращения Бессарабии в состав РСФСР.

Окончательно вопрос о территориальной принадлежности Бессарабии был решен на Парижской мирной конференции 1919 г. В речи, произнесенной 1 февраля 1919 г., министр иностранных дел Румынии К. Братиану назвал Бессарабию и Буковину территориями, которые Румыния исторически считает своими. Он обосновал это тем, что сохранение края за Румынией нужно рассматривать как борьбу против экспансии большевизма в Европе (Международная поддержка 1970: 112–113). В связи с речью К. Братиану украинское советское правительство 7 февраля 1919 г. направило председателю Парижской мирной конференции Ж. Клемансо ноту протеста, однако она была оставлена без внимания. В начале мая 1920 г., накануне советско-польско-украинской войны, главы правительств Франции, Англии и Италии приняли решение о признании Бессарабии и Северной Буковины территорией Румынии.

Уже после завершения Парижской мирной конференции, 28 октября 1920 г., представители Англии, Франции, Италии, Японии и Румынии подписали договор, касавшийся объединения Бессарабии с Румынией, именуемый Парижским, или Бессарабским, протоколом, по которому территория между Днестром и Прутом окончательно передавалась в состав Румынии. Правительство США так и не подписало этот протокол, считая его противоречащим международному праву. Италия ратифицировала этот договор только в 1927 г., Япония его так и не признала, без чего он не мог вступить в силу (Назария 2018: 183–184; Суляк 2019: 284).

С завершением гражданской войны в России начался новый этап дипломатической деятельности относительно статуса Бессарабии и

Северной Буковины. Весной 1921 г. Советская Россия вновь предложила румынскому руководству начать мирные переговоры по урегулированию территориальных споров в двусторонних отношениях. Они продолжались с 22 сентября по 25 октября 1921 г. в Варшаве, однако закончились без результата. Руководитель делегации РСФСР, заместитель народного комиссара иностранных дел Л. Карахан настаивал на рассмотрении территориальной принадлежности Бессарабии, председатель румынской делегации Г. Фалалити требовал рассмотрения вопроса о возврате золотовалютных средств Румынии, которые были арестованы в России. Свое участие в конференции по сокращению вооружений, которая состоялась в Москве в декабре 1922 г., румынское правительство пыталось оговорить признанием Советской Россией территориальной принадлежности Бессарабии к Румынии. Однако правительство РСФСР вновь заявило, что не признает аннексии части своей территории. Как свидетельствуют официальные документы, в течение шести лет, с 1918 по 1924 г., четырнадцать раз советское правительство официально заявляло об этом (ДВП 1959: 145–148, 203–206).

После образования СССР и формирования его союзных и автономных субъектов переговорный процесс с Румынией о дальнейшей судьбе Бессарабии значительно активизировался. Он происходил при чрезвычайно напряженной и взрывоопасной ситуации на Днестре, где довольно частыми были артиллерийские обстрелы, которые осуществляли вооруженные силы обоих государств. В августе 1923 г. в Тирасполе была созвана очередная советско-румынская конференция для урегулирования ситуации на границе. Ее работа продолжалась до конца декабря 1923 г., при этом враждующие стороны не желали идти ни на один компромисс. Делегация СССР требовала немедленно передать территорию Бессарабии Советскому Союзу, Румыния выдвигала требования о подписании соглашения о признании границы СССР и Румынии по р. Днестр.

Вопрос территориальной принадлежности Бессарабии был главным в работе Венской советско-румынской конференции, проходившей с 27 марта по 2 апреля 1924 г. Делегация СССР предложила Румынии провести в Бессарабии плебисцит и на его основе решить спорный вопрос, однако румынская делегация решительно отвергла это предложение.

Дипломатическое поражение делегации СССР на переговорах в Вене побудило советское руководство ускорить процесс создания на левобережье Днестра Молдавской Республики и таким образом влиять на ситуацию в Бессарабии. Однако среди высшего партийно-государственного руководства СССР и УССР обострилась борьба

между сторонниками и противниками создания государственности молдавского народа. Обсуждался также вопрос, какой должна быть республика – союзной или автономной. Один из противников образования республики, нарком иностранных дел Г. Чичерин в докладной записке председателю Совнаркома СССР отмечал: «Создание МАССР в данный момент преждевременно, так как может вызвать захватнические устремления румынских шовинистов. Выявление такого количества молдаван, то есть румын, на украинской территории, усилит позиции румын в спорах по вопросу Бессарабии» (ЦГАОО 2: 76).

Аргументы опытного дипломата не были напрасными. Выступая в парламенте по поводу образования Молдавской Автономной Республики, премьер-министр Румынии К. Братиану заявил, что созданием МАССР руководители СССР сделали возможными территориальные претензии Румынии, на которые она до сих пор и не рассчитывала. Глава правительства Румынии заявил: «Я не хочу останавливаться сейчас на тех намерениях и просчетах, при которых такая республика была создана. Я хочу рассмотреть этот вопрос с более общей точки зрения. Мы не должны волноваться, а, наоборот, можем только радоваться, что соседнее государство признало то, что в наших территориальных претензиях мы не пошли так далеко, как нужно было пойти» (ИПМР 2001: 121). Еще откровеннее об этом писала на своих страницах румынская газета «Лупта», которая была близкой к политическому руководству Румынии: «Военные круги получили информацию, что одновременно с провозглашением Молдавской Республики не исключается возможность того, что румынские села Заднепровья, недовольные большевистским режимом, готовы заявить, что они хотят быть в составе Румынии» (ИПМР 2001: 130).

Тем не менее с подключением к образованию автономии видных советских военачальников М. Фрунзе и Г. Котовского реализация проекта перешла в практическую плоскость. Созданная инициативная группа во главе с Г. Котовским, куда вошли также румынско-бессарабские эмигранты, 4 февраля 1924 г. направила в ЦК РКП(б) соответствующее обращение, в котором обосновывалась необходимость образования молдавской государственности. Главными мотивами при этом были привлечение симпатий бессарабского населения и создание повода для объединения Приднестровья и Заднепровья. Об этом откровенно было изложено в специальной записке: «Молдавская Республика может сыграть ту же роль политико-пропагандистского фактора, что и Карельская по отношению к Финляндии. Она станет большим предлогом для претензий на воссоединение к ней Заднепровья» (ЦГАОО 1: 53). Однако идея инициативной группы некоторое время не находила поддержки в партийном руководстве Украины,

и только благодаря личному обращению М. Фрунзе к И. Сталину вопрос был решен положительно (ГП 2007: 22–27). Исходя из того, что большинство молдаван Приднестровья были жителями Одесской губернии, ЦК КП(б)У поручил внедрение идеи в жизнь местному губернскому комитету партии, который в августе 1924 г. на закрытом заседании создал соответствующую комиссию (ГАОО: 46).

Окончательное решение об образовании МАССР было принято на Третьей сессии ВУЦИК восьмого созыва только 12 октября 1924 г. Конечной целью создания автономной республики было присоединение Бессарабии к СССР. Эта идея была главной в политической деятельности руководства республики. Возвращение Бессарабии силой оружия, которое практиковалось ранее, стало невозможным, а потому образование республики рассматривалось советским руководством как средство воздействия на политическую ситуацию на правом берегу Днестра. Такие цели четко прослеживаются в декларации ревкома, которая была опубликована сразу после провозглашения автономной республики: «Во время завершения работы по государственному оформлению нашей республики мы помним, как стонут под гнетом румынских бояр наши братья, рабочие и крестьяне Бессарабии. Пусть для них в их борьбе за освобождение МАССР станет путеводителем: не вооруженным вмешательством извне, а революционным натиском изнутри трудящиеся Бессарабии получат свободу. И в этом они получают братскую поддержку трудящихся автономной республики и возможность полного объединения со своими братьями с левой стороны Днестра» (Бессарабский вопрос 1993: 73).

Однако в начале 1930-х гг. произошли значительные внешнеполитические изменения, которые привели к установлению дипломатических отношений между СССР и Румынией, а решение бессарабского вопроса в отношениях двух стран было отложено на перспективу.

Подводя итог изложенному, стоит заметить, что именно внешнеполитические факторы были определяющими и привели к образованию на левобережье Днестра Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики в составе УССР. В перспективе дальнейших научных исследований указанной проблемы уместным представляется изучение взаимоотношений Советского Союза и Румынии в конце 1930-х гг., которые завершились присоединением к СССР Бессарабии и Северной Буковины летом 1940 г.

ЛИТЕРАТУРА

Бабилунга 2010 – *Бабилунга Н.* Распад СССР и кризис молдавской государственности // Русин. 2010. № 4 (22). С. 112–135.

Бабилунга, Бомешко 2006 – *Бабилунга Н.В., Бомешко Б.Г.* Бессарабская ССР: к истории несостоявшегося проекта // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 2006. № 10. С. 39–52.

Бабюх 2012 – *Бабюх Ю.А.* Молдавська АРСР в складі УРСР: формування території та національний склад населення (1924–1940 рр.): дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2012. 217 с.

Бессарабский вопрос 1993 – Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики. Сборник официальных документов. Тирасполь: РИО ПГУ, 1993. 329 с.

Бомешко 1996 – *Бомешко Б.Г.* Образование Молдавской АССР. Тирасполь: Днестр, 1996. 89 с.

Борьба за власть 1957 – Борьба за власть Советов в Молдавии (март 1917 – март 1918 гг.). Сборник документов и материалов. Кишинев: Гос. изд-во Молдавии, 1957. 363 с.

Борьба трудящихся 1967 – Борьба трудящихся Молдавии против интервентов и внутренней контрреволюции в 1917–1920 гг. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1967. 684 с.

Брысякин, Сытник 1969 – *Брысякин С., Сытник М.* Торжество исторической справедливости. 1918 и 1940 годы в судьбах молдавского народа. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1969. 224 с.

Виноградов 1969 – *Виноградов В.Н.* Румыния в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1969. 370 с.

Виноградов и др. 1996 – *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М.: Индрик, 1996. 380 с.

ГАОО – Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. 150. Оп. 1. Д. 893.

ГП 2007 – Государственность Приднестровья: история и современность / Авт. кол.: Н.В. Бабилунга, Б.Г. Бомешко, П.М. Шорников. Тирасполь: Полиграфист, 2007. 344 с.

ИПМР 2001 – История Приднестровской Молдавской Республики: в 2 т. / Сост. В.Я. Гросул, Н.В. Бабилунга, Б.Г. Бомешко. Тирасполь: РИО ПГУ, 2001. Т. 2-1. 377 с.

ДВП 1959 – Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 1. 772 с.

ДВП 1958 – Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 2. 803 с.

Коцур 2013 – *Коцур В.В.* Етнополітичний конфлікт у Придністров'ї у контексті україно-молдовських міждержавних відносин. Київ: ІПіЕНД імені І. Ф. Кураса, 2013. 272 с.

Левензон 1974 – *Левензон Ф.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974.

Левит 2012 – *Левит И.Э.* Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.). Тирасполь: Литера, 2012. 240 с.

Майоров 2016 – *Майоров М.* Формування кордону України з Румунією і Молдовою // Народження країни. Від краю до держави. Назва, символіка, територія і кордони України / упорядник К. Галушко. Харків, 2016. С. 181–193.

Международная поддержка 1970 – Международная поддержка борьбы трудящихся Бессарабии за воссоединение с Советской Родиной (1918–1940 гг.). Кишинев, 1970.

Мельтюхов 2010 – *Мельтюхов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940. М.: Вече, 2010. 464 с.

Назария 2018 – *Назария С.М.* Бессарабский вопрос в эпоху мировых войн и его интерпретация в историографии: от возникновения до Парижских мирных договоров (1917–1947). Кишинев, 2018. 399 с.

Назария 2013 – *Назария С.М.* Сфатул Цэрий, «объединение» с Румынией и отношение к нему молдаван и нацменьшинств Бессарабии (1917–1918 гг.) // Русин. 2013. № 3 (33). С. 138–154. DOI: 10.17223/18572685/33/10

Назария 2014a – *Назария С.М.* Появление бессарабского вопроса на последнем этапе Первой мировой войны и интерпретация этих событий в исторической и мемуарной литературе // Русин. 2014. № 4 (38). С. 61–77. DOI: 10.17223/18572685/38/5

Назария 2014b – *Назария С.М.* Борьба за власть в Бессарабии в конце 1917 года и призывание в край румынских интервентов // Вестник Костромского государственного университета. 2014. № 1. С. 57–60.

НБП 1964 – Начало большого пути. Сборник документов и материалов к 40-летию образования Молдавской ССР и создания Компартии Молдавии. Кишинев: Партийное издательство ЦК КП Молдавии, 1964. 152 с.

Попенко 2017 – *Попенко Я.В.* Реалізація ідеї створення «Великої Румунії» у зовнішньополітичній діяльності Бухаресту впродовж першої чверті ХХ ст. // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету імені Михайла Коцюбинського. 2017. Вип. 25. С. 275–280.

Попенко 2018 – *Попенко Я.В.* Румунська дипломатія в боротьбі за Бессарабію на Паризькій мирній конференції (січень–серпень 1919 р.) // Русин. 2018. № 53. С. 152–171. DOI: 10.17223/18572685/53/9

Репида 1983 – *Репида А.* Образование Молдавской АССР. Кишинев: Карта молдовеняскэ, 1983. 236 с.

Сенкевич, Ройтман 1963 – *Сенкевич В.М., Ройтман Н.Д.* Преступная роль американских и англо-французских империалистов в организации анти-советской интервенции в Бессарабии // Ученые записки Кишиневского государственного университета. Кишинев, 1963. Т. XII. С. 90–98.

Суляк 2018 – *Суляк С.Г.* Хотинское восстание: причины и следствия // Русин. 2018. № 53. С. 115–151. DOI: 10.17223/18572685/53/8

Суляк 2019 – *Суляк С.Г.* К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 273–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16

ЦГАОО 1 – Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 63. Спр. 17.

ЦГАОО 2 – ЦГАОО України. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2116.

REFERENCES

Babilunga, N. (2010) Rspad SSSR i krizis moldavskoy gosudarstvennosti [The collapse of the USSR and the crisis of the Moldavian statehood]. *Rusin*. 4(22). pp. 112–135.

Babilunga, N.V. & Bomeshko, B.G. (2006) Bessarabskaya SSR: k istorii nesostoyavshegosya proekta [The Bessarabian SSR: on the history of a failed project]. *Ezhegodnyy istoricheskiy al'manakh Pridnestrov'ya*. 10. pp. 39–52.

Babyukh, Yu.A. (2012) *Moldavs'ka ARSR v skladi URSS: formuvannya teritorii ta natsional'niy sklad naseleння (1924–1940 rr.)* [The Moldavian ARSR in the USSR: the formation of territory and national composition (1924–1940)]. History Cand. Diss.

Yakovlev, V.N. (ed.) (1993) *Bessarabskiy vopros i obrazovanie Pridnestrovskoy Moldavskoy Respubliki* [The Bessarabian question and the formation of the Pridnestrovian Moldavian Republic]. Tiraspol: RIO PGKU.

Bomeshko, B.G. (1996) *Obrazovanie Moldavskoy ASSR* [The Formation of the Moldavian Autonomous Soviet Socialist Republic]. Tiraspol: Dnestr.

Bereznyakov, N.V. (ed.) (1957) *Bor'ba za vlast' Sovetov v Moldavii (mart 1917 – mart 1918 gg.)* [The struggle for the Soviet power in Moldova (March 1917 – March 1918)]. Chişinău: Gos. izd-vo Moldavii.

Bereznyakov, N.V. (ed.) (1967) *Bor'ba trudyashchikhsya Moldavii protiv interventov i vnutrenney kontrevolyutsii v 1917–1920 gg.* [The Moldavian working people's struggle against the invaders and the internal counterrevolution in 1917–1920.]. Chişinău: Kartya moldovenyaske.

Brysakin, S. & Sytnik, M. (1969) *Torzhestvo istoricheskoy spravedlivosti. 1918 i 1940 gody v sud'bakh moldavskogo naroda* [The triumph of historical justice. 1918 and 1940 in the fate of the Moldavian people]. Chişinău: Kartya moldovenyaske.

Vinogradov, V.N. (1969) *Rumyniya v gody Pervoy mirovoy voyny* [Romania during the First World War]. Moscow: Nauka.

Vinogradov, V.N., Ereshchenko, M.D., Semenova, L.E. & Pokivaylova, T.A. (1996) *Bessarabiya na perekrestke evropeyskoy diplomatii: Dokumenty i materialy* [Bessarabia at the crossroads of European diplomacy: Documents and materials]. Moscow: Indrik.

The State Archive of Odessa Region. Fund 150. List 1. File 893.

Babilunga, N.V., Bomeshko, B.G. & Shornikov, P.M. (2007) *Gosudarstvennost' Pridnestrov'ya: istoriya i sovremennost'* [Statehood of Transnistria: history and modernity]. Tiraspol: Poligrafist.

Grosul, V.Ya., Babilunga, N.V. & Bomeshko, B.G. (2001) *Istoriya Pridnestrovskoy Moldavskoy Respubliki: v 2 t.* [History of the Pridnestrovian Moldavian Republic. In 2 vols]. Vol. 2. Tiraspol: RIO PGU.

Dinerstein, I. (ed.) (1959) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of the USSR foreign policy]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat.

Dinerstein, I. (ed.) (1958) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of

the USSR foreign policy]. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat.

Kotsur, V.V. (2013) *Etnopolitichnyi konflikt u Pridnistrov'ї u konteksti ukraїno-moldovs'kikh mizhderzhavnikh vidnosin* [Ethnopolitical Conflict in Transnistria in the Context of Ukrainian-Moldovan Interstate Relations]. Kyiv: I.F. Kuras Institute of Political and Ethnic Studies.

Levenzon, F. (1974) *Moldavskaya sovetskaya gosudarstvennost' i Bessarabskiy vopros* [Moldavian Soviet Statehood and the Bessarabian Question]. Chişinău: [s.n.].

Levit, I.E. (2012) *Bessarabskiy vopros v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy (1919–1920 gg.)* [The Bessarabian Question in the Context of International Relations (1919–1920)]. Tiraspol: Litera.

Majorov, M. (2016) Formuvannya kordonu Ukraїni z Rumuniei yu i Moldovoyu [Formation of the border of Ukraine with Romania and Moldova]. In: Galushko, K. (ed.) *Narodzhennya kraїni. Vid krayu do derzhavi. Nazva, simvolika, teritoriya i kordoni Ukraїni*. Kharkiv: “Knizhnyy Klub Klub Semeynogo Dosuga”. pp.181–193.

Kopansky, Ya.M. (ed.) (1970) *Mezhdunarodnaya podderzhka bor'by trudyashchikhsvya Bessarabii za vossoedinenie s Sovetskoy Rodinoy (1918–1940 gg.)* [International support of the struggle of workers in Bessarabia for reunification with the Soviet Homeland (1918–1940)]. Chişinău: [s.n.].

Meltyukhov, M.I. (2010) *Bessarabskiy vopros mezhdru mirovymi voynami 1917–1940* [The Bessarabian question between the world wars of 1917–1940]. Moscow: Veche.

Nazaria, S.M. (2018) *Bessarabskiy vopros v epokhu mirovykh voyn i ego interpretatsiya v istoriografii: ot vozniknoveniya do Parizhskikh mirnykh dogovorov (1917–1947)* [The Bessarabian question in the era of world wars and its interpretation in historiography: from the origin to the Paris Peace Treaties (1917–1947)]. Chişinău: [s.n.].

Nazaria, S.M. (2013) Sfatul Tarii, unification with Romania and attitude towards it on part of Moldovans and Bessarabian Minorities (1917–1918). *Rusin*. 3(33). pp. 138–154 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/33/10

Nazaria, S.M. (2014a) The appearance of the Bessarabian question at the last stage of WWI and the interpretation of these events in history and memoirs. *Rusin*. 4(38). pp. 61–77 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/38/5

Nazaria, S.M. (2014b) Bor'ba za vlast' v Bessarabii v kontse 1917 goda i prizvanie v kray rumynskikh interventov [The struggle for power in Bessarabia at the end of 1917 and the vocation of Romanian interventionists in the region]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1. pp. 57–60.

Mokhov, N. (ed.) (1964) *Nachalo bol'shogo puti. Sbornik dokumentov i materialov k 40-letiyu obrazovaniya Moldavskoy SSR i sozdaniya Kompartii Moldavii* [The beginning of a long journey. A collection of documents and materials on the 40th anniversary of the formation of the Moldavian SSR and the creation of the Communist Party of Moldova]. Chişinău: TsK KP Moldavii.

Popenko, Ya.V. (2017) Realization of the “Greater Romania” Idea in the Foreign Policy Activities of Bucharest in the First Quarter of the XX century. *Naukovi zapiski Vinnits'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu imeni Mikhayla Kotsyubins'kogo. Istoriya*. 25. pp. 275–280 (in Ukrainian).

Popenko, Ya.V. (2018) Romanian diplomacy in the struggle for Bessarabia at the Paris Peace Conference (January – August 1919). *Rusin.* 53. pp. 152–171 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/9

Repida, A. (1983) *Obrazovanie Moldavskoy ASSR* [The formation of the Moldavian Autonomous Soviet Socialist Republic]. Chişinău: Kartya moldovenyaske.

Senkevich, V.M. & Roytman, N.D. (1963) Prestupnaya rol' amerikanskikh i anglo-frantsuzskikh imperialistov v organizatsii antisovetskoy interventsii v Bessarabii [The criminal role of the American and Anglo-French imperialists in the organization of anti-Soviet intervention in Bessarabia]. *Uchenye zapiski Kishinevskogo gosudarstvennogo universiteta.* 12. pp. 90–98.

Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus terminology. *Rusin.* 55. pp. 273–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

Sulyak, S.G. (2018) The Khotin uprising: causes and consequences. *Rusin.* 53. pp. 115–151 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/8

The Central State Archive of Public Associations of Ukraine. Fund 1. List 63. File 17.

The Central State Archive of Public Associations of Ukraine. Fund 29. List 1. File 2116.

Мельничук Олег Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всемирной истории Винницкого государственного педагогического университета им. М. Коцюбинского (Украина).

Oleh A. Melnychuk – Vinnytsia Mykhailo Kotsiubynskiy State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: istpravo@gmail.com

Зинько Юрий Анатольевич – кандидат исторических наук, профессор, декан факультета истории, этнологии и права Винницкого государственного педагогического университета им. М. Коцюбинского (Украина).

Yuriy A. Zinko – Vinnytsia Mykhailo Kotsiubynskiy State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: zinko56@ukr.net

Тучинский Виталий Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Винницкого государственного педагогического университета им. М. Коцюбинского (Украина).

Vitaliy A. Tuchynskiy – Vinnytsia Mykhailo Kotsiubynskiy State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: tuchinsky_v@ukr.net

УДК 94(37+439+477)"1918/1939"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/12

«СВОБОДНОЕ СЛОВО. ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ КАРПАТО-РУССКИЙ ЖУРНАЛ» КАК ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА*

С.Г. Суляк

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 1

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

«Свободное слово. Ежемесячный карпато-русский журнал», выпускавшийся карпаторусскими эмигрантами в США, является важным источником по истории Галицкой, Угорской и Буковинской Руси. С момента выпуска первого номера в 1959 г. до начала 1989 г. его главным редактором был М.И. Туряница, уроженец Подкарпатской Руси. В журнале публиковались материалы известных русских деятелей Карпатской Руси: М. Туряницы, братьев А. и Г. Геровских, И. Тёроха, Д. Вергуна, И. Шлепецкого и др. Эти люди сохранили свою принадлежность к единому русскому народу, поэтому называть их русофилами, москвофилами, на наш взгляд, некорректно. В годы Первой мировой войны австро-венгерские власти устроили геноцид и создали первые в Европе концлагеря именно для русского населения Галиции и Буковины. Отказывать этим людям в праве называться русскими выглядит примерно так же, как называть немцев германофилами, англичан – англофилами, испанцев – испанофилами и т.д. До революции в России официальной была теория триединого русского народа, которую разделяло большинство великороссов, малороссов, белорусов и русинов (русинов официально причисляли к малороссам). Только в 1917 г. в Австро-Венгрии новый император Карл I официально изменил названия *рутены*, *рутенский язык* на *украинцы* и *украинский язык* (Ukrainer, Ukrainisch). В России малороссов официально стали называть украинцами после Февральской революции 1917 г. Однако еще продолжительное время местное население называло себя *русскими*, *малороссами*, *русинами*, причем даже на территории Украинской ССР. К примеру, в специальном дополнении к инструкции по проведению переписи населения СССР в 1926 г., выпу-

* Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

щенном для Украины, говорилось, что для «правильной» записи национальности лиц, которые будут называть себя русскими, необходимо спрашивать, «до каких “русских” они себя причисляют (росіян, українців або білорусів)». Мнения о единстве русского народа после революции продолжали придерживаться и многие известные ученые. К примеру, известный чешский археолог, этнограф, славист Л. Нидерле писал: «Белая Русь, Украина и Великая Русь, даже если каждая из них приобретает политическую самостоятельность, останутся ветвями одного народа». Введение в научный оборот воспоминаний деятелей русского движения Карпатской Руси поможет нам глубже понять процессы, происходившие в регионе в переломные годы, в т.ч. и в межвоенный период. В то время земли русинов были присоединены к различным государствам. Большая часть территории Угорской Руси (Подкарпатская Русь и Восточная Словакия) вошла в состав Чехословакии. Из всех регионов, населенных русинами, только Подкарпатская Русь получила государственность, пусть и эфемерную, став автономией в составе Чехословацкой Республики.

Ключевые слова: Карпатская Русь, Угорская Русь, Подкарпатская Русь, Свободное слово Карпатской Руси, Чехословакия, Венгрия, русины, русские, русское движение.

JOURNAL “FREE WORD: CARPATHO-RUSSIAN MONTHLY” AS AN IMPORTANT SOURCE ON THE HISTORY OF SUBCARPATHIAN RUS IN THE INTER-WAR PERIOD*

S.G. Sulyak

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

The journal “Free Word: Carpatho-Russian Monthly” published by Carpathian emigrants in the United States is an important source on the history of Galician, Ugric and Bukovinian Rus. From the first issue 1959 to the early 1989, its Editor-in-Chief was M.I. Turianitsa, a native of Subcarpathian Rus. The journal published materials of famous Russian figures of Carpathian Rus: M. Turyanitsa, brothers A. and G. Gerovsky, I. Tyorokh, D. Vergun, I. Shlepetsky, and others. These people hold true to the idea of the pan-Russian nation, so it is incorrect to identify them as Russophiles or Muscophiles.

* The study is supported by the Tomsk State University Competitiveness Enhancement Program.

During WWI, the Austro-Hungarian authorities committed genocide and opened first concentration camps in Europe for the Russian population of Galicia and Bukovina. Denying them their right to identify themselves as Russians is equal to calling Germans Germanophiles, English – Anglophiles, Spaniards – Hispanophiles, etc. The theory of triune Russian nation was official in Russia before the Revolution. The idea was shared by most of the Great Russians, Little Russians, Belarusians and Rusins (who were officially identified as Little Russians). Only in 1917 in Austria-Hungary did the new emperor Charles I officially change the names “Ruthenian”, the “Ruthenian language” to Ukrainians and the Ukrainian language (Ukrainer, Ukrainisch). In Russia, the Little Russians were officially called Ukrainians after the February Revolution of 1917. However, for a long time, the local population called themselves Russians, Little Russians, Rusins, even on the territory of the Ukrainian SSR. For example, the special supplement to the instructions for conducting a census in the USSR in 1926, issued for Ukraine, prescribed that to “correctly” record the nationality of people who would call themselves Russians, it was necessary to ask “to which” Russians “they thought they belonged (Russian, Ukrainian, or Belarus)”. Many famous scholars held to the idea of the unity of the Russian people after the Revolution. For instance, a well-known Czech archeologist, ethnographer, Slavist L. Niederle wrote, “White Russia, Ukraine and Great Russia will remain branches of one people, even if each of them gains political independence.” The memoirs of the figures of the Russian movement of the Carpathian Rus can promote a better understanding of the processes that took place in the region during the turning years, including those of the interwar period, when the Rusinian lands were annexed to various states. Most of Ugric Rus (Subcarpathian Rus and Eastern Slovakia) became part of Czechoslovakia. Of all the Rusinian regions, only Subcarpathian Rus gained statehood, albeit ephemeral, through becoming autonomy within the Czechoslovak Republic.

Keywords: Carpathian Rus, Ugric Rus, Subcarpathian Rus, Free Word: Carpatho-Russian Monthly, Czechoslovakia, Hungary, Rusins, Russians, Russian movement.

После окончания Первой мировой войны земли Карпатской Руси¹, находившиеся ранее в составе Австро-Венгрии и России, оказались разделенными между рядом государств, в т. ч. и вновь образованных. Буковина, Марамарош (Марамуреш) и Бессарабия стали частью Румынского королевства. Основная территория Угорской Руси (за исключением части Марамароша, Бачки и Срема) оказалась в составе Чехословацкой Республики, причем Подкарпатская Русь (сегодня это в основном Закарпатская область Украины) получила статус автономии. Ранее входившие в состав Венгерского королевства районы Бачки и Срема вошли в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия). Землями Польши стали как бывшее австро-венгерское Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским и княжествами Освенцима и Затора

(Западная и Восточная Галиция), так и бывшие российские Холмщина с Подляшьем (Суляк 2019: 272–316).

В контексте изучения истории русинов межвоенный период важен тем, что именно тогда началась их активная этническая трансформация, усилились языковые и этнокультурные ассимиляционные процессы со стороны доминирующих этносов. В то же время в регионах компактного проживания русинов продолжали действовать многочисленные русские и украинские партии и организации, выходила печатная продукция. К сожалению, роль русского движения Карпатской Руси в межвоенный период и его влияние на местное население недостаточно освещены в современных работах, посвященных данному периоду. Выпал из историографии такой ценный источник, как воспоминания деятелей русского движения Буковины, Галичины, Угорской Руси. Как и прежде, некоторые проблемные вопросы истории Карпатской Руси продолжают табуироваться, что не способствует полному и объективному освещению событий.

В свое время И.Я. Франко в ответ на критику украинофильской галицкой газетой «Правда» деятелей русского движения Галичины, которых она обозвала «мусором», «рenegатами», «запроданцами», написал: «Кое-кто из наших "рenegатов", из этого нашего "мусора" (например, Наумович, Дидыцкий и другие) сделали для развития галицко-русского (в оригинале – *руського*. – С.С.) общества и простого народа в десять раз больше, чем сотни и тысячи самых лучших неренегатских ортодоксов, вместе взятых...». И далее: «Когда я слышу, что к таким людям прилагают слово "запроданцы", мне всякий раз вспоминаются былые ведьмы и колдуны, которых всяческие ортодоксы сжигали на кострах за то, что они "продались черту", хотя эти несчастные "запроданцы" жили обычно в самой великой нищете и никакой выгоды от этого запроданства не имели» (Франко 1980: 360–361).

Целью данной работы является введение в научный оборот воспоминаний видных деятелей русского движения Подкарпатской Руси М.И. Туряицы² и А.Ю. Геровского³ о политическом положении автономии в межвоенный период, опубликованных в журнале «Свободное слово», а также отрывков из книги одного из беженцев в СССР. Автономная Подкарпатская Русь в составе Чехословакии была в то время единственным государственным образованием русинов. Попытки создания русинами после Первой мировой войны других государственных образований (ЗУНР, лемковские (Команчская и Русская Народная Республика Лемков) и Гуцульская республики, Галицкая ССР) оказались неудачными, учитывая соотношение материальных и людских ресурсов русинов и противостоявших им стран (Суляк 2015: 109–116).

11 мая 1958 г. в Нью-Йорке группа старых и новых карпаторусских эмигрантов приняла решение издавать свой журнал. На собрании была собрана небольшая сумма для издания (230 долларов, всего же было обещано внести 750 долларов) (Как возник наш журнал 1959: 5). В следующем году стало выходить «Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал» (с 1961 г. – «Свободное слово Карпатской Руси», с 1981 г. – «Свободное слово», с 1982 г. – «Свободное слово Руси») под редакцией Михаила Туряницы (редактировал издание до начала 1989 г.) по цене 50 центов за номер. Такое название решила дать инициативная группа вместо ранее объявленного – «Вечерний звон» (К подписчикам 1959: 5). Целью журнала, кроме провозглашенной борьбы с коммунизмом (что, в принципе, объяснялось как международной, так и внутренней обстановкой в США: в разгаре была холодная война, в стране только что закончился период маккартизма) и за идеалы христианства, было желание «отстаивать право называться своим древним русским именем»: «Наше национальное единство более древнего происхождения, чем основание Киевской Руси. Если бы это было не так, то не могла бы organizоваться и существовать великая Киевская держава, в которую, согласно некоторым историкам, входила и Карпатская Русь (Галичина и Закарпатье). Мы видим, что, несмотря на большевицкую попытку убить единство русского народа, им это не удалось». Журнал был провозглашен как независимое политическое издание, которое будет выходить не на народном говоре, а на общенародном (литературном языке): «У всякого народа есть много диалектов, но литературный язык только один. Наши карпаторусские писатели всегда, за малым исключением, писали на русском языке». «Движущей силой в нашей трудной работе, ибо издание русского журнала в эмиграции – это трудная работа, есть любовь к родному слову, родной земле, народу» (От редакции 1959: 1–5).

В № 3–4 за 1959 г. была еще раз кратко изложена платформа журнала: «Мы против коммунистической диктатуры и против всяких тоталитарных режимов – за свободную систему правления – демократию. Но главная наша цель – это освобождение карпаторусского народа, который не по своей вине стонет под гнетом безбожного и жестокого коммунизма» (Г.С. 3: 31–32).

В первом номере журнала опубликована история появления карпаторусской эмиграции в США. На постоянное место жительства в Америку русины стали массово перебираться после Первой мировой войны. Ранее они приезжали сюда «за куском хлеба», и многие возвращались домой через два-три года. Большинству эмигрантов удалось неплохо устроиться в стране. В США возникло немало русин-

ских организаций: Униатское соединение, Православное общество взаимопомощи, Собрание, Общество русских братств, Народное братство и др. Были построены сотни храмов, открыты семинарии, множество приходских школ и т. д. (Г.С. 1: 6). В продолжение данной темы уже через номер отмечалось, что «быстрый темп американизации все больше и больше людей отвлекает от культурной и духовной жизни русского народа, все меньше и меньше людей интересуются нашими карпаторусскими делами и политикой. Больше всего карпатских русских уходят в американскую жизнь через смешанные браки. Особенно чувствительно это отражается на наших организациях и братствах» (Г.С. 4: 3).

Отмечалось, что существует несколько газет и журналов, печатавшихся для «наших людей карпаторусского происхождения в США». Среди них «Вестник соединения», «Просвета», «Русский вестник», «Церковный вестник», «Католический свет», «Вестник», «Братство», «Восток», «А.С.У.», «Guardian», «Небесная царица» и некоторые местные издания. Но они служат «своим церквам и собственным организациям. Исключение представляет журнал "Русин", который издается в весьма ограниченном количестве». Поэтому и возникла необходимость в издании, «которое бы на первое место поставило наше национальное дело» (Г.С. 2: 26–27).

С первого номера журнала начинается публикация статьи М. Туряницы «Авантюра галицких самостийников на Закарпатской Руси». Автор обещал: «Я попытаюсь изобразить "Карпатскую Украину", ее организаторов и вдохновителей с нашей русской, народной, нормально-человеческой точки зрения, с точки зрения здравого смысла; причем, во избежание упрека в односторонности и пристрастности, буду пользоваться источниками самостийников исключительно» (Туряница 1: 21). В начале статьи было отмечено, что «идеологом украинского национализма современного типа» является «великоросс Дмитрий Донцов». «Современный украинский писатель самостийнического образа мыслей» Ю. Шерех в своей книге «Думки проти течії» (1947) считал «большевизм и гитлеризм родными братьями учения Донцова» (С. 27) (Туряница 1: 21). В межвоенный период чехословацкое правительство оказывало «невероятно большую всестороннюю материальную и моральную поддержку галицким самостийникам». Автор статьи приводит свидетельство «видного галицко-самостийнического националиста-идеолога» В. Мартинца из его книги «Українське підпілля: від УВО до ОУН» (1949. С. 144–145): «Украинская эмиграция радовалась всесторонней моральной и материальной поддержке чешского правительства, неблагосклонно настроенного к Польше (из-за Тешина), и поэтому имелось здесь то, о чем украинское население на родных

землях, несмотря на всякие международные гарантии, и мечтать не могло: украинский университет, высший педагогический институт, хозяйственная академия, гимназия, издательства, журналы, общества, организации и еще масса студенчества также имела неограниченный доступ во все высшие чешские школы, пользоваться индивидуальными стипендиями, вполне хватавших на содержание и оплату обучения; и, наконец, чешское правительство давало индивидуальные дотации одиночным выдающимся эмигрантам, не говоря о финансировании всех украинских школ и учреждений» (Туряница 1: 24).

Подводя итог вышесказанному, автор статьи замечает, что «самостийники имели в Чехословакии три учебных заведения, в то же время мы, русские, край которых составляет автономную часть государства (имеется в виду Подкарпатская Русь в составе Чехословакии. – С.С.), не имели ни одного». Также не было ни одного карпаторусского ученого, получавшего дотации от чехословацкого государства. «Наши ученые не только дотаций не получали, им даже мешали работать, их преследовали». Приводится пример профессора Г. Геровского, «единственного ученого карпаторусского языковеда»: когда летом 1936 г. его пригласили читать лекции по церковнославянскому языку на учительских курсах в Сваляве, полиция запретила ему покидать Мукачево. Геровский был лишен «даже подданства на своей земле». «Наши студенты, которых вряд ли было больше 200–300, целых двадцать лет боролись за стипендии и общежитие. В то время много тысяч галицких самостийников получало стипендии, из которых они могли ежемесячно уделять крупную сумму на поддержку подпольной революционной работы в Галичине». По сообщению еженедельника «Тризуб» (1931. № 4), издававшегося в Праге, в Пражском университете на протяжении 10 лет «было записано 7 700 студентов и студенток». Это данные по одному вузу до 1931 г. Также «галицкие самостийники организовали и обучали революционные кадры, имели склады оружия» (Туряница 1: 24–25).

Важную роль в украинизации края сыграло чехословацкое правительство. Оно «старалось, чтобы все культурно-просветительское и школьное дело на Закарпатской Руси было в руках самостийников. Русский литературный язык был изгнан из всех школ. Конечно, были многие школы, даже большинство школ, которые не подчинились приказу Министерства школ и народного просвещения и целых двадцать лет учили на традиционном русском литературном языке, за что Прага все время существования Чехословакии преследовала их.... Самостийники у нас выступали под именем "русских", не украинцев... убеждали, что мы только "руськи", а не русские, и что "русский", "русский" и "русский" не одно и то же самое. "Украинцами" они себя и

нас стали называть в конце 30-х годов, перед развалом Чехословакии» (Туряница 2: 28).

Чешское правительство не допустило в школы Подкарпатской Руси ни одного учебника или учебного пособия, написанного на русском литературном языке. «Но народ не сдавался. Росло постепенно число образованных русских людей, которые шаг за шагом отбивали у самоистийников наши школы. Если в двадцатые годы из четырех наших гимназий три воспитывали детей в антирусском духе, в презрении и ненависти к нашей идеологии, традиции, вере, литературному языку, то уже в 1937 году все гимназии были в русских руках. Только в Береговской кое-как пытались отбиваться галицкие авантюристы».

Учебников на русском языке не хватало, преподаватели использовали либо чешские книги, либо учебники русской эмигрантской гимназии в Праге. Большинство учителей было вынуждено обходиться без учебников, диктуя уроки ученикам. В 1937 г. удалось добиться утверждения Министерством школ и народного просвещения в качестве учебника «Грамматики русского языка» Е. Сабова, после чего были написаны и утверждены учебники для начальных школ.

Перед этим министерство провело опрос: «Каждый селянин получил два билета. На одном было написано "малоруський язык (украинский язык)", на другом – "великорусский язык (русский язык)". Несмотря на жульничество со словами "малоруський" и "великорусский", ибо малорусский народный язык – это не украинский язык, а русский язык (литературный) – не великорусский, наши самоистийники потерпели полное поражение, ибо 86 процентов селян (в других материалах – 76 % – С.С.), подчиняясь тысячелетнему чувству единства всего русского народа, голосовали за "великорусский язык"» (Туряница 3: 13–15).

В политической жизни края доминировали партии, поддерживавшие «русское течение». В законодательном собрании карпаторусский народ был представлен шестью депутатами и двумя сенаторами. Только один депутат от филиала чешской Социал-демократической партии принадлежал к украинскому движению. «Все остальные – русские» (Туряница 3: 14).

В 1938 г. обострился вопрос об автономии Подкарпатской Руси. Согласно Сен-Жерменскому мирному договору, региону должны были предоставить самую широкую автономию со своим законодательным органом и автономным правительством. Однако все 20 лет чехословацкое правительство эти права так и не предоставляло. Самой многочисленной русской партией в то время был Автономный земледельческий союз (АЗС), который после смерти И. Куртыка возглавил А. Бродий. Аграрная партия, будучи филиалом чешской Аграрной партии, была многочисленнее АЗС, поддерживала русское

движение, но не проявляла активности в пользу автономных прав. Самой молодой и в то же время активной была Русская национально-автономная партия (РНАП) во главе с С. Фенциком. Были и другие малочисленные партии. Партию народных социалистов на Закарпатской Руси возглавлял учитель городской школы М. Василенко, «большой русский патриот». Он умер от туберкулеза осенью 1944 г. Именно Василенко, когда министром школ и народного просвещения стал народный социалист Крейчи, добился утверждения учебников на русском языке (Туряница 4: 4–6).

Говоря про Коммунистическую партию Закарпатья, автор упоминает, что она «вела строго интернациональную линию и борьбе за автономные права нашего народа не сочувствовала и даже мешала» (Туряница 4: 6).

Значительную роль в борьбе за права автономии сыграла делегация карпатороссов, живших в США, прибывшая летом 1938 г. на Закарпатскую Русь. Главную роль в ней играл А. Геровский. При посредничестве делегации удалось объединить две самых крупных русских партии – Автономный земледельческий союз и Аграрную партию – в Русский блок. Обе партии имели по два депутата и по одному сенатору, т. е. шесть представителей в парламенте из восьми. В Русский блок не вошли представители РНАП С. Фенцик и украинец Ю. Ревай. В сентябре члены Русского блока подписали декларацию (заявление), под которой поставили свои подписи и Фенцик с Реваем, где, в частности, говорилось, что «наш народ никогда не отказывался от своего права на самоопределение», и выдвигалось требование это право предоставить (Туряница 4: 6, 8).

В начале октября 1938 г. было создано первое автономное правительство, в которое вошли А. Бродий (председатель Совета министров и министр народного просвещения), Е. Бачинский, И. Пьештяк, С. Фенцик и Ю. Ревай. «Ради успокоения украинского меньшинства был принят в правительство и А. Волошин. Таким образом, первое русское правительство Карпатской Руси состояло из шести членов: четырех русских и двух украинцев».

Временно исполнявший обязанности президента премьер-министр и министр обороны Чехословакии Я. Сыровый отстранил и арестовал А. Бродия (он руководил правительством с 11 по 26 октября) «по желанию немецкого правительства» и назначил на его место Волошина (Туряница 4: 7).

После создания автономного правительства народ надеялся, что будут исправлены ошибки, допущенные в экономических, культурно-национальных и религиозных вопросах. Ожидалось, что крестьянам передадут земли бывших венгерских и немецких графов и баронов.

Земельная реформа, проведенная чешской властью, привела к тому, что большинство этих земель были переданы чешским колонистам или чешским банкам. В религиозном плане надеялись, что местное правительство перестанет поддерживать униатскую церковь. Количество прихожан в ней значительно уменьшилось, несмотря на то, что, «вопреки переходу всего села до последнего человека в православную веру, здание церкви, приходской дом, церковные земли, так же, как и все имущество, оставалось за унией» (Туряница 5: 19–20).

Однако «второе автономное правительство было поручено составить уже не русскому человеку, но ставленнику Берлина и галицких сепаратистов А. Волошину». Оно «начало лихорадочную деятельность... в первую очередь, приказало украинизировать вывески в магазинах, они все были еврейскими». Автор проводит аналогию с событиями двадцатилетней давности на Украине во времена правления С. Петлюры, описанными его соратником В. Винниченко в воспоминаниях «Возрождение нации». Распоряжениями «влади» распускались русские политические партии, закрывались культурно-просветительские, студенческие, молодежные и другие русские организации. Вместо христианского приветствия «Слава Иисусу Христу» заставляли говорить: «Слава Украине» (Туряница 5: 20–21).

Статья «Школы Карпатской Руси под чешским ярмом» А. Геровского дополняет сведения о школьном образовании в Подкарпатской Руси в чехословацкий период. Положение школ было «крайне печально»: «Под чехами школа была средством денационализации, средством для того, чтобы оторвать нашу молодежь от своего русского народа, расколоть ее на несколько враждебных друг другу частей. наших детей в школах чехизировали, словакизировали и украинизировали». Автор отмечал, что «до 1937 года в школах преподавали на всевозможных языках и "язычиях", только не на русском литературном. Учили по-чешски, по-словацки, по-"украински" и на всевозможных жаргонах, на которых в Карпатской Руси никто не говорил. Последствием этого было то, что почти никто из получивших образование при чехах не умел правильно ни говорить, ни писать по-русски».

Высших учебных заведений в Подкарпатской Руси в то время не было, хотя их было бы не трудно организовать при наличии в Чехословакии большого количества профессуры, эмигрировавшей из России после революции. Местной молодежи приходилось обучаться в чешских и словацких университетах, а также в Болгарии, Франции, Англии, Америке. А ведь по положению Сен-Жерменского договора чехословацкое правительство должно было предоставить автономии и все вопросы, касавшиеся языка и школы, должны были находиться

в компетенции автономного сойма и карпаторусского правительства (Геровский 1: 2).

Школьный отдел (школьный реферат) при карпаторусском губернаторе возглавляли чехи. Первым начальником был И. Пешек. Согласно чехословацким законам, он не имел соответствующей квалификации для занятия данной должности, т. к. окончил только учительскую семинарию и не имел университетского диплома. Однако он был лично знаком с президентом Масариком, и «для него закон не был писан». Его помощником был назначен «самостийный галичанин пан Панькевич, тоже присланный из Праги». Впоследствии «школьный реферат» возглавляли другие чехи. «При всех этих чехах бессменным помощником был пан Панькевич, "украинец", но не с Украины, а галичанин» (Геровский 1: 3).

Борьба против русского литературного языка в школах началась при Пешеке. Вскоре после присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии пражское правительство составило «Генеральный статут для организации и администрации Карпатской Руси» (№ 26.536 Министерского совета). В главе 3-й статута определяются название края и язык. Относительно последнего там сказано, что «народный язык будет языком преподавания в школах, а также и вообще официальным языком». Однако, как отмечал А. Геровский, «термин "язык народа" очень растяжим. В Карпатской Руси не было одного общего "народного языка". Будучи страной очень гористой и притом с очень давних времен населенной множеством русских племен, в Карпатской Руси, небольшой территории, имеется, по крайней мере, двенадцать основных наречий, из которых некоторые сильно различаются друг от друга, хотя далеко не так сильно, как различаются друг от друга немецкие наречия в Швейцарии» (Геровский 1: 3).

Учебников по русскому языку почти не было. В годы венгерского правления русскую грамматику для школ составил униатский священник Августин Волошин. Его грамматика была «конгломератом из разных карпаторусских наречий и церковнославянского языка». В то время он считал себя русским и на страницах издаваемого им еженедельника «Наука» старался «очень осторожно, по мере возможности, при тогдашних обстоятельствах поддерживать русский дух в народе». Во время чехословацкого правления «он превратился после нескольких поездок в Рим в украинского самостийника». Волошин примкнул к чешской римско-католической клерикальной партии, как член этой партии попал в парламент. Тогда же он «переделал свою русскую грамматику на самостийный лад, но не посмел назвать ее "украинской", а только "русской"». Он также создал свою отдельную организацию «Руська рада».

Кроме грамматики Волошина, имелась русская грамматика о. Евмения Сабова, «тоже униатского священника, более образованного, чем о. Волошин... его грамматика была несравненно лучше». Ее новое издание вполне годилась для преподавания в школах. Однако школьный отдел стоял за грамматику Волошина. А. Геровский приводит пример, как осуществлялось давление на учителей. В школе с. Иза, известного по Первому и Второму Марамарош-Сигетским процессам, преподавание велось на русском языке. Учителем там был некто Кирик, «русский галичанин, прекрасный учитель, вполне владевший русским литературным языком». Русский литературный язык преподавался в школе в течение года, затем «чешское начальство приказало учителю учить детей по грамматике патера Волошина». Несмотря на протесты сельской общины и отказ учителя подчиниться данному решению, последнего заставили это сделать, пригрозив увольнением и высылкой в Польшу.

Только в 1937 г. чешское правительство согласилось устроить плебисцит среди родителей школьников. Несмотря на давление со стороны местных властей, 76 % голосовавших высказались за русский литературный язык, «невзирая на все запугивания и угрозы». Русский литературный язык победил, «но два года спустя Карпатскую Русь захватили мадьяры, и вновь началось гонение на русский язык, но уже не с целью украинизации, а с целью отрезать наш народ от востока и создать совершенно новый язык, который не был бы ни русским, ни "украинским". Через пять лет Карпатская Русь досталась Сталину, который приказал всем карпатороссам впредь быть "украинцами"» (Геровский 1: 4–5).

Положение с языком преподавания в Подкарпатской Руси отличалось от ситуации в части бывшей Угорской Руси, оказавшейся в составе Словакии. Там этими вопросами занималось словацкое правительство. Словаки, как писал Геровский, «просто старались ословачить русское население, не брезгуя средствами. Там не было украинизации». Словацкая политика совпадала с чешской: «Ни словаки, ни чехи не желали иметь у себя русские школы» (Геровский 1: 5).

В статьях «Карпатская Украина», «Господство мадьяр» и «Советское освобождение» рассказывается о том, что происходило в Закарпатье с 1939 по 1945 г. Эти статьи в виде писем были получены в 1950 г. А. Геровским из Аргентины от очевидца тех событий М. Прокопа (Михаил Прокоп – литературный псевдоним М. Туряницы по девичьей фамилии его матери) (ССКР 1978: 2).

В материале «Карпатская Украина» автор писал, что для того «чтобы укрепить свою позицию и держать народ под террором, галицкие самостийники организовали у нас "Карпатскую сечь", которая

состояла почти исключительно из одних галичан, бежавших к нам» (Прокоп 1: 3).

Все русские организации (общество Духновича, «Русский скаут», «Русский сокол», студенческие организации и т. д.) были закрыты. Недалеко от Рахова был построен концлагерь. Его устроили чехи, но отправляли туда людей самостийники, из которых состояла и охрана лагеря (Прокоп 1: 3–4). По Мюнхенскому соглашению Закарпатскую Русь разделили на две части. Нижняя, равнинная часть вместе с Ужгородом, Мукачевом и Севлюшом отошла к Венгрии, а северная осталась в составе Чехословакии. В этой части Рим назначил епископом «ярого самостийника Дионизия Нярадия» (Прокоп 1: 4).

12 февраля 1939 г. состоялись выборы в сойм. К ним был допущен только один кандидатский список УНО (Украинское национальное объединение), за которое, как пишет автор, «проголосовало 92 процента, совершенно как при Сталине». При урнах стояло по два самостийника, и нужно было на их глазах опускать бюллетень. Голосовавших против постигла кара. Далее автор описывает попытку организовать альтернативный список кандидатов: «Учителя Свалявского округа во главе с Михаилом Василенко пытались выставить русский кандидатский список. В Нижних Верецких они устроили громадное собрание. Все село возмущалось действиями галичан. Собрали сотни подписей, но кандидатский список не был допущен, а организаторы и многие из участников этого собрания попали в концентрационный лагерь. Учителя Василенко спас его друг, д-р Пейше, директор Мукачевской больницы. Он поместил Василенко в больницу...» (Прокоп 1: 4).

М. Прокоп отметил, что, «когда 15 марта мадьярская армия двинулась в пределы Карпатской Руси, испуганные галицкие самостийники послали против мадьярской армии гимназистов и семинаристов, почти безоружных. Мальчики, завидя настоящих солдат, вооруженных до зубов, побежали, а по ним стреляли вооруженные револьверами галицкие политические комиссары». Сама же Подкарпатская Русь «была переименована на Карпатскую Украину на заседании сойма 15 марта 1939 года, а того же самого дня мадьярская армия начала оккупацию нашего края. Вечером в тот же день Волошин и его "влада" (правительство) уже убежали в Румынию» (Прокоп 1: 4).

Автор приводит интересные сведения из воспоминаний «самостийников», опубликованных в канадской газете «Гомін України» (№ 8-14 за 1948 г.), филадельфийской газете «Америка» (24 марта 1950 г.), «Ди Ентерпрайз» (12 января 1950), из книги С. Росохи «Сойм Карпатської України» (Вінніпег, 1949) и др. Он отмечает, что события тех лет уже стали фальсифицироваться. Росоха называет «Карпатскую

сечь» «украинской республиканской армией» и сообщает «своим наивным читателям», что «карпатоукраинская армия была первой в Европе, которая в то время решила бороться за независимость своей родины. В результате украинский народ был первой нацией, которая подняла оружие против немецко-мадьярского империализма, который начал порабощение Европы» (Прокоп 1: 3-4). На что Прокоп иронизирует: «Странное дело, "Карпатоукраинская республиканская армия" первой выступила против немцев, а Гитлер в наказание за это кормил поил у себя до конца войны Волошина и его "владу", и всех самостийников, бежавших после мадьярской оккупации Карпатской Руси. Сам пан-лжец Росоха, страдающий манией величия, "воевавший против Гитлера", жил припеваючи в Праге, оккупированной немцами, и издавал в течение войны самостийный журнал "Пробоем"» (Прокоп 1: 4-5).

Кстати, «орган украинской националистической мысли» «Пробоем» поместил в своем номере от 20 августа 1939 г. на с. 79 акт, в котором правительство Волошина согласовывало все политические действия с руководством украинских националистов (Украинским национальным движением) во главе с преемником Е. Коновальца полковником Мельником (Прокоп 1: 5).

В «Господстве мадьяр» М. Туряница написал, что после оккупации края венгры создали следственные комиссии в Ужгороде, Мукачеве и Хусте. Все государственные служащие, в т. ч. и учителя, должны были предстать перед комиссией: «Всякий получал от следственной комиссии на руки бумагу, в которой указывались все его грехи перед мадьярской нацией. Почти всех русских служащих обвиняли то ли в "великорусском чувстве", то ли в "украинском шовинизме". Если трудно было придумать обвинение, то адресата объявляли коммунистом или противником мадьяр» (Прокоп 2: 5).

В начале венгерского правления в школах велось преподавание на «довольно приличном» русском языке, «в дальнейшем все более его удаляли от русского книжного языка. Изданная некоторое время спустя грамматика была написана на смеси народных говоров с галицко-польскими терминами». А осенью 1939 г. министерский советник и шеф школьного отдела Марина созвал в Сваляве собрание учителей, на котором предложил грамматику Волошина. Некоторые учителя, в т. ч. и Туряница, выступали против этого. Тогда «Марина, как настоящий извозчик, кричал на них: "Вы коммунисты, бунтари, вороги короны святого Стефана и прочее". Это было началом конфликта автора с чиновником. В 1940 г. Туряница поместил в «Русской правде» критику на одну из статей из школьного учебника, указав, что сама статья, как и весь учебник, написана неграмотно

с точки зрения как литературного русского языка, так и народных говоров. Из-за доносов одного из учителей, Поповича, Туряница покинул Вышние Верецки. Марина перевел его в Бороняву при Хусте. Директором школы был «старый мадьярон Иван Лемак». Принял он нового учителя холодно. Однажды директор вызвал его к себе домой, где находился венгерский офицер, который за плохое знание венгерского языка дал ему 15 пощечин и выгнал из дома. Директор в это время просто стоял у двери. Учитель подал жалобу в суд на директора и офицера. Дело не стали разбирать. В знак протеста Туряница «бросил учительскую работу». Его впоследствии три раза арестовывали, многократно вызывали в полицию на допросы, устраивали обыски дома. Во время ареста ему не предъявляли обвинений и не вызывали на допросы. Автор далее вспоминает: «Всю нашу семью преследовали, всех избивали, включая и отца, семидесятилетнего старика. Сестру Марию били на жандармской станции и заставляли ходить вокруг стола, а потом отправили в концлагерь» (Прокоп 2: 5–6).

Многих государственных служащих, в т. ч. учителей, переводили из Подкарпатья в «материнские земли». На каникулах учителя проходили т. н. преобразовательные курсы, где «им доказывали превосходство мадьярской культуры перед всеми остальными. Во время каникул учителей определяли в мадьярские семьи. Из городских, сельских и школьных библиотек были изъяты русские книги, которые были сожжены или увезены на бумажные фабрики. Таким образом, венгры уничтожили сотни тысяч книг русских классиков». В Ужгороде венгерские власти демонтировали памятник А. Добрянскому, в Мукачево – бюст А. Митрака (Прокоп 2: 6).

В Ужгороде было создано «наукое» общество, которому власти приказали «создать новый литературный язык, отличный от русского литературного... Участвовали в этом обществе большей частью бывшие самостийники» (Прокоп 2: 6–7).

Упоминал автор и о борьбе властей с инакомыслящими, православием, о восстановлении старых мадьяризированных названий сел и о бегстве местных жителей в Россию (СССР) после присоединения Галичины: «Сначала бежали в одиночку, потом группами. Сельская, городская молодежь, ученики начальной школы и гимназии, семинаристы и студенты, учителя, преподаватели и чиновники. Бежали семьями. Бежали поэты: Федор Иванчо, Андрей Патрус, Василий Добош, захватив с собой изданные и в рукописях сочинения. Одни бежали в знак протеста, другие – от преследований, третьи – чтобы скорее вернуться с русской армией и прогнать мадьяр из родного края» (Прокоп 2: 7–8).

В статье «Развал Чехословакии и оккупация Закарпатской Руси венграми» редакция сообщала: «Начало и конец этой статьи затеряны. Мы помещаем ее потому, что для истории Карпатской Руси сведения, данные в ней, имеют большое значение». Хотя автор статьи не указан, им был А. Геровский. Он напоминает, что к Венгрии в марте 1939 г. отошла только восточная половина Карпатской Руси (в журнале иногда термин «Карпатская Русь» сужали, применяя его только к Подкарпатской Руси), которой «управляли чехи из Праги», а западная, Пряшевщина, так и осталась в составе Словакии. Автор пишет о письме, полученном в марте 1939 г. из Пряшева от д-ра И. Пьещака, адвоката, депутата чехословацкого парламента. Он просил от своего имени «приехать как можно скорее» и «действовать так, дабы весь народ был вместе, в пределах одного и того же государства». Пьещак был членом карпаторусской Партии земледельцев-автономистов, которую возглавлял Бродий. Он был сторонником присоединения к Венгрии, думая, что в этом будет спасение народа «от чешского режима». Пьещак был против. Но начальные действия режима Тисо заставили его изменить решение. Впоследствии Пьещака избили «агенты монсиньера Тисо» и выгнали из Пряшева.

Также было получено письмо от Бродия, который тоже настаивал на скорейшем приезде Геровского. Автор поехал через Белград, встречался там с сербскими церковными и гражданскими властями (в то время он был югославским подданным), получив согласие на поездку. Он прибыл в Будапешт 13 мая, встречался с Бродием, который ознакомил его с ситуацией. В венгерский парламент было кооптировано 10 русских (карпатороссов) во главе с Бродием, они создали в парламенте «Карпаторусский клуб».

Вначале была обещана автономия, но после второго месяца освобождения все оставалось так же, как и при чехах, которых заменили мадьяры. Край, именовавшийся вначале венграми «русским», стал называться «Kárpátalja» (Подкарпатье, как и при чехах). Народ официально перестали называть «orosz», хотя в просторечии этот термин остался. Местное население стали именовать «рутенами», как в Австро-Венгрии. Мадьярские «освободители» продолжали в отношении Подкарпатской Руси чехословацкую политику. Разница была в том, что чехи «копировали более точно австрийскую политику, насаждая в Карпатской Руси насильственными методами "украинский" сепаратизм, а венгры денационализировали нас» (Геровский 2: 22). Был назначен губернатор с диктаторскими полномочиями, «не говоривший ни слова по-русски». Как и чехи, мадьяры наводнили край своими чиновниками и жандармами, говорившими только по-венгерски (Геровский 2: 23).

Бродий рассказал, что, когда он приехал в Рахов и посетил местную униатскую церковь, в ней священник вел проповедь на венгерском языке. Местные прихожане, гуцулы, пожаловались Бродию, что священник говорит только по-венгерски и они его не понимают. Он пытался поговорить об этом с губернатором бароном Переньи, однако тот ответил, что недовольство народа – «последствие противомадьярской агитации, и что народ необходимо перевоспитать» (Геровский 2: 23–24).

Как считал автор, в венгерском руководстве было два течения: антирусское, «старющееся проводить прежнюю мадьярскую политику», и сторонники предоставления краю автономии. Первые преобладали. Вторую линию пытался проводить д-р Тибор Патаки, протестант-кальвинист, который «в президиуме Министерского совета ведал карпаторусскими делами». Он признавал население Подкарпатья русским, его право пользоваться русским литературным языком, «сочувствовал православию» (Геровский 2: 23–24). Патаки добился, чтобы на железнодорожных станциях в крае были надписи и на русском языке. Это было не везде выполнено. Часто надписи были исковерканы так же, как и названия населенных пунктов при въездах в селения. Во многих случаях местные названия были переведены на венгерский язык, а затем переведенные названия писались на русском, иногда села просто переименовывались (к примеру, село Синяк было названо Кекешфюред) (Геровский 2: 24).

В статье «Чехословацкий “либерализм”» А. Геровский показывает «либерализм» режима Масарика, который во время Пражской весны старались восхвалять многие чехословацкие политики. Геровский напоминает, что до осени 1914 г. Масарик, руководитель чешской Партии реалистов, был лояльным Австрии политиком, депутатом австрийского парламента: «Австрийское правительство Масарику вполне доверяло и финансировало его работу». После наступления русской армии, будучи в то время в Швейцарии, он посчитал, что Австрия войну проиграла, и «превратился сразу в чешского, противоавстрийского патриота». К нему присоединился «его ученик и доверенный Бенеш, тоже приехавший в Швейцарию как доверенное лицо австрийского правительства». Автор посоветовал «всем русским писателям и журналистам» прочитать хотя бы указанные им две статьи (одна была напечатана в органе советского МИДа – журнале «Международная жизнь» в № 1 за 1927 г., другая – в Праге 19 июля 1932 г. в чешской газете «Народны листы», которую выпускал К. Крамарж, первый премьер-министр Чехословацкой Республики, представлявший Чехословакию на Парижской конференции), изданные во времена правления Масарика (Геровский 3: 2).

В статье в газете «Народны листы» писалось: «В Карпатской Руси объявлена украинизация. Когда-то Австрия и Германия пользовались украинизацией против России. Теперь украинизацию, также против России, осуществляет наше правительство. Мы, опирающиеся в своих надеждах всегда на русский народ, мы, освобожденные благородством и жертвенностью русского народа, – мы теперь благодарим русский народ угнетением русского духа Подкарпатской Руси и украинизацией Подкарпатской Руси. Сен-Жерменский договор обеспечивает Подкарпатской Руси самую широкую автономию, и в особенности он обеспечивает права русскому языку... А что происходит теперь? В школах ввели малорусское наречие, русскую литературу вытесняют, русских не принимают на державную службу, при народной переписи искусственно уменьшают число русских, украинской "Просвите" выдаются миллионные пособия. Земли и леса, отнятые государством для земельной реформы, переданы иностранному товариществу "Латорица", которое теперь эту землю, купленную за бесценно, продает народу, умирающему от голода из-за недостатка земли. Таково положение Карпатской Руси» (Геровский 3: 3).

В статье из журнала «Международная жизнь» политика Чехословакии сравнивалась с Австро-Венгерской: «Чехословакия – достойный наследник монархии Габсбургов. Это архидемократическое государство является прекрасным образчиком и носителем идей Габсбургов». Далее: «Международные договоры и чехословацкая Конституция дают Прикарпатской Руси право на полную административную автономию. Это право осталось до сих пор только на бумаге. Край не только не получил автономию, но все должности заняты пришлыми чехами. Карпаторусов хотят заставить забыть свой родной язык, хотят приобщить их к культурным интересам Чехословакии. Делается это крайне неуклюже и грубо, и результат получается как раз обратный. Последние выборы дали большинство (75 000) голосов Коммунистической партии. Это был протест и против чехизации, против аграрной реформы, в результате которой земли остались у помещиков чешской национальности и новых поселенцев чехов, и, наконец, против всей административной и политической системы, являющихся надругательством над теми международными актами, которыми была определена судьба Карпатской Руси в составе Чехословацкой Республики. Из всех обещаний и гарантий Антанты выполнено только одно. Вместо автономного сойма и всех прочих прекрасных учреждений Подкарпатская Русь получила губернатора и чиновников-чехов. Но собственной администрации и сойма нет и в помине» (Геровский 3: 3).

Третьим документом, который приводит в статье А. Геровский, тоже свидетельствующим «о тяжелой судьбе русского народа в "либеральной" Чехословакии Масарика», был переведенный на русский язык меморандум, переданный 13 сентября 1938 г. депутатами чехословацкого парламента Петром Жидовским и д-ром Иваном Пьещаком специальному представителю английского правительства в Праге лорду У. Ренсиму. Неофициальная миссия во главе с лордом Ренсимоном (3 августа – 16 сентября 1938 г.) была направлена английским правительством во время Первого Судетского кризиса для посредничества во время переговоров между правительством Чехословакии и Судетско-немецкой партией К. Генлейна, сотрудничавшей с нацистской Германией.

В меморандуме, в частности, говорилось, что, несмотря на образованную в 1920 г. комиссию в составе словацких и русских (карпаторусских) представителей по разграничению карпаторусской и словацкой территорий в Восточной Словакии, работа по передаче в состав Карпатской Руси приблизительно половины Восточной Словакии, населенной русинами, так и не была завершена. Сама комиссия заседала всего один раз. В результате за 19 лет так и не было проведено разграничение Карпатской Руси, и западной границей ее была «временная» демаркационная линия. Вне пределов Подкарпатской Руси оказалось более 250 тыс. оставшихся в Словакии русских, не имевших «даже тех прав, которыми пользуются другие меньшинства в Словакии».

«Нигде в Восточной Словакии, даже в тех районах, в которых русские составляют подавляющее большинство населения, русский язык не употребляется в административных учреждениях или в судебном ведомстве. В чисто русских районах в правительственных учреждениях имеются провокационные плакаты "Говорите только по-словацки". Бывали случаи, что власти не только запрещали русский язык в школах, в которых даже во время мадьярского режима употреблялся русский язык, но они даже доходили до того, что запрещали преподавать закон Божий по-русски. Поступая так, власти ссылались на известный закон Аппоньи от 1906 года (имеется в виду принятый в Венгрии в 1907 г. по инициативе министра просвещения А. Аппоньи Школьный закон, запрещавший употребление языков национальных меньшинств в учебных заведениях. – С.С.), которым во время мадьярского режима был нанесен жестокий удар всем национальным меньшинствам в Венгрии. Этим законом мадьярский язык был объявлен языком обучения во всех школах, получающих какую-либо помощь от правительства. Ссылаясь на этот закон, чехословацкое правительство ввело в русских общинах Восточной Словакии обучение

на словацком языке на том основании, что закон Аппоньи не был аннулирован никаким чешским законом и поэтому остается в силе, и что поэтому все обучение в школах должно вестись на государственном языке, то есть на словацком (Инструкции Педагогического департамента в Братиславе № 27.519 и 62.799 от 1921 года). В 1930 году в Восточной Словакии было, по крайней мере, 223 000 русских "русского вероисповедания", то есть греко-католиков, соединенных и не соединенных с Римом. Но, согласно официальной переписи, их было 92 000. Целые русские общины были записаны словацкими, вопреки протестам населения» (Геровский 3: 4).

В меморандуме было упомянуто о засилье чехословацких чиновников и тяжелом экономическом положении края. Авторы как «единственные представители русского народа Восточной Словакии в чешском парламенте» просили лорда Ренсимена помочь решить вопрос о включении населенной русскими территории Словакии, согласно Сен-Жерменскому договору, в состав Подкарпатской Руси, и «чтобы самая широкая автономия была предоставлена всей русской территории в пределах Чехословацкой Республики, как было предусмотрено в этом договоре» (Геровский 3: 5).

Интересные факты приводятся в статье А. Геровского «Как Карпатская Русь была присоединена к Чехословакии». В годы Первой мировой войны появилась надежда на освобождения населения Угорской, Буковинской и Галицкой Руси от «иноплеменного владычества». Карпаторусские эмигранты в Америке «надеялись, что победит Россия и присоединит к себе всю подъяремную австро-венгерскую Русь». После Февральской и Октябрьской революций, с началом гражданской войны в России эта надежда пропала. Карпаторусские эмигранты решили помочь «старому краю».

26 июля 1918 г., в разгар гражданской войны в России, в г. Максиспорте в Пенсильвании прошел карпаторусский митинг, который единогласно принял следующие резолюции: «1. Русские, живущие на южном склоне Карпат, должны получить полную независимость. Если это окажется невозможным, 2. они должны быть соединены со своими единоплеменниками в Галичине и Буковине. Если и это будет невозможно, 3. они должны получить автономию».

Делегация во главе с питсбургским адвокатом Григорием Жатковичем, который в дальнейшем стал полномочным представителем Русского народного совета в Америке, передала протокол этого собрания 21 октября 1918 г. лично президенту США Вудро Вильсону. Президент сказал, что «первые два требования практически не осуществимы», т. к. их не поддержат союзники.

Данная акция карпаторуссов находилась «в руках униатского духо-

венства, возглавлявшего в то время большинство карпаторусских приходов. Это обстоятельство объясняет многое из того, что происходило тогда как в Америке, так и на Карпатской Руси. Политика Жатковича руководилась главным образом указаниями из Рима (имеется в виду католической церкви. – С.С.)» (Геровский 4: 2).

23 октября американские карпатороссы были приняты в члены «Среднеевропейской унии», которая 26 октября в Филадельфии провозгласила, в частности, что «все народы имеют неотъемлемое право устанавливать и определять свое собственное правительство на таких принципах и в такой форме, которую они считают лучшей в интересах своего благополучия, своей консолидации и достижения своих целей». Ее подписали Т.Г. Масарик – как председатель Унии и от имени чехословацкого народа, Г.И. Жаткович – от имени угророссов, а также десять представителей других народов.

В день подписания декларации Жаткович вместе с пятью представителями Русской народной рады начал переговоры с Масариком. Позже, в 1921 г., в своем «Экспозэ» (*Exposé Dr. G.I. Žatkoviča, býšeho gubernatora Podkarpatskoj Rusi, o Podkarpatskoj Rusi. Vydajet: Rusin Information Bureau Greek. Cath. Union Building, Homestead. Pa. USA, 1921. 43 p.*) он писал, что на вопрос о положении карпатороссов в случае присоединения к Чехословакии Масарик ответил: «Если бы русские (у Жатковича везде *Rusiny*. – С.С.) решили присоединиться к Чехословакии, они были бы совершенно автономным штатом». Ответ на вопрос о границах был следующим: «Границы будут определены таким образом, что русские будут ими вполне довольны». В ходе переговоров, как писал Жаткович, были определены предварительные условия присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии: «федерация с чехословаками и совершенно автономный штат с границами, удовлетворяющими русские требования». Это соглашение было опубликовано во всех карпаторусских газетах Америки. На его основании Русская народная рада (у Жатковича *Amerikánska Národná Rada Rusinov*) 12 ноября 1918 г. приняла в Скрантоне (Пенсильвания) резолюцию, «чтобы русские в Венгрии присоединились к Чехословацкой Республике в качестве федеративного штата с самыми широкими особыми правами и с условием, чтобы все первоначально угрорусские комитаты, т. е. Спиш, Шариш, Земплин, Абауй, Гёмёр, Боршод, Унг, Угоча, Берег и Мароморш, принадлежали к нашему краю» (Геровский 4: 2).

По решению Масарика и Жатковича среди карпаторусских эмигрантов был проведен плебисцит («он был подготовлен, как следует, согласно указаниям "свыше", т. е. Рима»). Большинство высказалось за присоединение к Чехословакии. Жаткович дал согласие Масарику на оккупацию Подкарпатской Руси, которая к 11 января 1919 г.

была занята чехословацкими войсками вплоть до реки Уж. Протокол скрантоновского собрания и результаты плебисцита были переданы комиссии, состоявшей из Г.И. Жатковича и И.Г. Гардоша, секретаря Русской народной рады, отправившейся в Париж для передачи их мирной конференции. Они прибыли в Париж 13 февраля. В то время там уже находился доктор Антон Бескид, председатель Русской народной рады в Пряшеве, с представителями Чехословакии докторами Карлом Крамаржем и Эдуардом Бенешем. Им были переданы документы американской делегации русинов и протоколы заседания Пряшевской народной рады от 7 января 1919 г. (Геровский 4: 2).

На основании всех этих документов был составлен меморандум, требовавший объединения Подкарпатской Руси с Чехословакией на федеративных началах в качестве автономного края, впоследствии ставший известным как «Меморандум номер 6». Он был на французском языке. В нем в составе Карпатской Руси (*Russie Carpathique*; авторы меморандума неоправданно перенесли значение исторического термина *Карпатская Русь* на часть Угорской Руси) упоминались комитаты Спиш, Шариш, Земплин, Унг, Берег, Угоча и Мараморш, а также указывалось, что число прихожан униатских русских (русинских) приходо́в, согласно последней мадьярской статистике от 1910 г., составляло 567 867 чел.

Жаткович с Гардошем отправились в Прагу, где они 10 марта были приняты президентом Масариком, которому передали вышеуказанные документы. Затем в Братиславе они совещались с одним из словацких вождей доктором Шробарем. В Пряшеве встречались с членами Пряшевской народной рады (у Жатковича *Prjaševskej Ruskej Narodnoj Rady v Prjaševi*), которые одобрили все ранее принятые решения. 15 марта они прибыли в Ужгород. В то время в Угорской Руси действовало несколько народных рад. Наиболее крупными были Пряшевская, Ужгородская и Хустская. Пряшевская рада стояла за соединение с Чехословакией, Ужгородская – за сохранение в составе Венгрии как автономной части, Хустская стремилась объединить Карпатскую Русь с русским Востоком, с Украиной. Как пишет А. Геровский, «Украина для них была однозначущей с Россией. О каком-либо украинском сепаратизме у них не было и помину. Они о нем никогда ничего не слыхали».

8 мая три рады объединились в единую Центральную русскую раду (у Жатковича *Centrálna Russka Národná Rada*). Она одобрила решение американских карпатороссов присоединить Угорскую Русь к Чехословакии на федеративных началах. 15 мая 1919 г. она предложила Масарику назначить Жатковича «министром-организатором» автономного края (у Жатковича *Russkoho Štata*).

Центральная рада согласилась с требованиями американских карпатороссов, которые они предъявили в Париже представителям чехословацкой делегации. В частности, «в Чешско-словацкой-русской Республике русская территория образует независимый штат (у Жатковича *Rusiny budú zostavlati nezávisimý štát v Československoj-Ruskoj republike* – С.С.); границы Угрорусского штата (у Жатковича *Uhro-Ruskoj štata*. – С.С.) будут определены официальными делегатами угрорусского штата и Чехословацкой Республики; Угрорусский штат будет независим во всех своих внутренних делах; принципы и соглашения, касающиеся взаимоотношений Русского штата и Чехословацкой Республики, будут включены в формальный договор между полномочными представителями Русского штата и Чехословацкой Республики (у Жатковича *Ruskoj štata i Československoj republike* – С.С.)». Автономная территория «будет управляться угрорусским министром, который будет назначен президентом Чехословацкой Республики. Остальные чиновники будут назначаться упомянутым министром» (Геровский 4: 2–3).

Протокол с указанными требованиями был передан 23 мая 1918 г. президенту Масарику делегацией из 112 членов и служащих Центральной русской народной рады. Жаткович остался вести дальнейшие переговоры с Масариком. В июле стало известно, что мирная конференция приняла решение об автономии и сама установит границы между Чехословакией и Подкарпатской Русью.

Как пишет Геровский, «прочитав текст договора об автономии Карпатской Руси, Жаткович обратил внимание на то, что в нем было сказано, между прочим, что "местные вопросы" ("локал") будут считаться автономными. И он высказал опасение, что слово "локал" может впоследствии быть истолковано как обозначающее только вопросы общинные. Но Масарик успокоил его, указав на то, что в первом параграфе сказано, что Карпатской Руси будет предоставлена самая широкая автономия, и что поэтому слово "локал" может быть истолковано только как относящееся ко всем внутренним вопросам Карпатской Руси. И Жаткович ему поверил» (Геровский 4: 4).

После этого Жаткович отправился в Париж, куда он прибыл 24 июля 1919 г. Здесь Бенеш сказал ему, что «решение мирной конференции относительно границ между Чехословакией и Карпатской Русью было для него самого полной неожиданностью, и что он только впоследствии узнал, что великие державы решили сократить, насколько возможно, карпаторусскую территорию». Бенеш также сообщил, что граница будет по реке Уж и словаки не согласятся отдать большую часть Восточной Словакии. Поэтому было решено добиваться, чтобы мирная конференция признала границу между Карпатской Русью и

Чехословакией временной, а впоследствии карпаторусы и словаки установили бы окончательную границу (Геровский 4: 4–5).

29 июля 1919 г. Жаткович встретился с президентом Масариком и министром внутренних дел Швеглой, который занимался карпаторусским вопросом. Масарик сообщил Жатковичу, что Чехословакия не может заключить договор с Карпатской Русью, т. к. у нее нет «своих конституционных представителей», но пообещал решить данный вопрос. После встречи Жаткович составил от своего имени обращение к Центральной русской народной раде в Ужгороде. Впоследствии оно стало известным под названием «Прокламация от 12 августа 1919 года». В нем, в частности, сообщалось, что чехословацкое правительство назначило его председателем Автономной русской директории, а также было представлено содержание соглашения, к которому они пришли. Власть членов директории будет распространяться на ту часть, в которой нет органов Чехословацкой Республики. После окончательного решения мирной конференции, касающегося автономии, президент Чехословацкой Республики назначит первого губернатора автономного края, и будет определена граница со Словакией. К автономии отойдут из Спишского комитата Любовельский округ, северная часть комитатов Шариш и Земплин, северная и восточная часть Ужского комитата, полностью комитаты Берег, Угоча и Марамарош. Остальные спорные территории останутся «ничьими до народной переписи». Перепись проведут комиссии, состоящие из чехословаков и русских (русинов). Автономия будет независима в вопросах, касающихся языка, школ, религии и всех внутренних дел. Она будет иметь свой собственный парламент (сойм) в Ужгороде, а ее делегаты будут представлены в чехословацком парламенте (Геровский 4: 5–6).

Затем Жаткович уехал в США, где его обращение напечатали все карпаторусские газеты. 15 и 16 сентября в Хомстеде (Пенсильвания) прошел съезд (конгресс) карпатороссов, на котором были представлены все их организации. Был одобрен доклад Жатковича, который по возвращении в Европу, 17 октября 1919 г., был принят президентом Масариком. Он передал ему копии протокола съезда, своего доклада на нем и несколько экземпляров карпаторусских газет, в которых была напечатана его прокламация.

В отсутствие Жатковича его замещал в Праге Пуза, от которого он узнал, что члены директории не были назначены, а также то, что чешское правительство поставило во главе администрации Карпатской Руси чеха доктора Я. Брейха. Он запретил публикацию прокламации Жатковича, текст которой был одобрен Масариком, и конфисковал газеты, напечатавшие ее (Геровский 4: 6).

Без согласования с Жатковичем чехословацкое правительство приняло «Генеральный устав по организации и администрации в Подкарпатской Руси». 19 февраля 1920 г. Жаткович подал в отставку как председатель Карпаторусской директории. 2 марта его примеру последовали остальные члены директории. 18 марта Жаткович был назначен губернатором Карпатской Руси. Однако вся власть в крае, согласно указу правительства Чехословацкой Республики от 26 апреля 1920 г., была предоставлена вице-губернатору чеху. Без него ни одна бумага, подписанная губернатором, не имела силы. Согласно этому указу, губернатор мог сноситься даже с начальником губернского правления только через вице-губернатора. Это постановление было включено в правительственный указ от 26 апреля 1920 г., которым был отменен незадолго до этого объявленный «Генеральный статут».

Членами директории, предложенными Жатковичем, были «униатский священник из Ужгорода Августин Волошин, мадьярский майор Евгений Пуза из Хуста, Юлиан Бращайко из Хуста и д-р Володимир Туркияк из Шариша. Д-р Туркияк был впоследствии заменен по настоянию Жатковича д-ром Емильяном Торонским, человеком совершенно неизвестным, который никогда ничем себя не проявил и совершенно не интересовался карпаторусскими делами, но был на хорошем счету в кругах «папистов»». Вице-губернатором был чех Петр Эренфелд, во времена Австро-Венгрии занимавший должность начальника одного из округов в Чехии (Геровский 4: 6–7).

Не решился вопрос с разграничением границ со Словакией. 27 декабря 1920 г. в Праге состоялась встреча с министром Бенешем и Швеглой, в которой участвовали с карпаторусской стороны тогдашний председатель директории Жаткович и ее члены Бращайко, Торонский и Пуза. На встрече было решено создать три комиссии: территориальную, конституционную и административную. Территориальная комиссия была создана сразу же в Праге. Со словацкой стороны в ней участвовал доктор Грушовский, который заявил, что «словацкий парламентский комитет решил не уступить добровольно русским ничего, кроме территории между рекой Уж и рекой Цирокой, то есть только узенькую полосу на правом берегу реки Уж, шириной в среднем не больше пяти километров. Затем это заявление было утверждено актом Министерства иностранных дел за номером 2780, и территориальная комиссия была распущена». Другие комиссии так и не были созданы (Геровский 4: 7).

Во время переговоров с президентом и правительством Чехословакии Жаткович настаивал на проведении выборов в сойм 12 декабря 1919 г., предлагал проект Конституции Подкарпатской Руси. Все

эти проекты и переговоры не привели ни к чему. 29 декабря 1920 г. Жаткович опять приехал в Прагу и оставался там до 4 января 1921 г. Он был принят президентом, вел переговоры с премьер-министром. Когда он понял, что «его просто водят за нос», то уехал в Америку и больше в Чехословакию не возвращался. В США он опубликовал «Экспозэ», из которого А. Геровский взял вышеприведенную информацию.

Главной причиной неудачи Жатковича Геровский считал его незнание Карпатской Руси, в которой он никогда не бывал. Его отцом был униатский священник, проживавший в Америке, мадьярон и по убеждению римо-католик, как и сам Жаткович. В семье у них говорили только по-венгерски. В его директории были лица неизвестные, к примеру Пуза, которого он назначил своим заместителем в Праге. Известными в Карпатской Руси лицами из его директории были только трое: адвокат Бращайко, о. Волошин, униатский священник, и Туркияк. Жаткович не пригласил в директорию ни доктора Бескида, председателя Пряшевской русской народной рады, ни доктора Каминского, председателя Ужгородской русской народной рады, ни других известных карпатороссов, «боровшихся в мадьярское время за русское дело в Карпатской Руси». Сам Жаткович интересовался карпаторусским вопросом «исключительно с точки зрения религиозной, как католик, а не с точки зрения национальной» (Геровский 4: 7–8).

В ряде опубликованных в журнале материалов говорится о тяжелой судьбе молодежи Подкарпатской Руси в годы венгерской оккупации. М. Туряница в статье «Трагедия молодежи Закарпатской Руси» писал, что после того как весной 1939 г. Подкарпатская Русь опять «очутилась под мадьярскою пятою», венгры назвали край *Karpat Oroszorszaq* (Карпатская Русь), а народ – *orosz* (русский) или *magyar orosz* (угрорус). Для преподавания в школах были утверждены учебники, «написанные на довольно приличном литературном русском языке». Но через несколько месяцев правительство Хорти «начало самую наглую и бескомпромиссную мадьяризацию». «Русский литературный язык опять, как и во время чехов, был изгнан из русских школ» (Туряница 6: 10). Разрушались памятники русским культурным деятелям (Пушкину, Добрянскому, Митраку), сжигались или увозились на бумажные фабрики книги из библиотек, мадьяризировалась школа (Туряница 6: 11).

«Русская молодежь протестовала, бунтовала». «Брожение» усилилось, когда Галичина («русские земли Польши») после разгрома Польши Германией в сентябре 1939 г. отошла к СССР. Как писал М. Туряница, «все были уверены, что польским разделом дело не кончится, что в скором времени Россия освободит и наш народ от векового мадьярского ига. Слова "Советский Союз" у нас никто не употреблял,

для нас СССР был Россией» (Туряница 6: 11). Народ стал смелее себя вести, те, кому угрожал арест, убегали в Россию / СССР. Бежала не только молодежь, «бежали те, кого призывали в мадьярскую армию, бежали из мадьярской армии... бежали поэты и писатели (В. Добош, Иванчо, Патрус и др.), захватив с собою сочинения в рукописях, бежали учителя, чиновники, бежали семьями и в одиночку» (Туряница 6: 11). «Бежали для того, чтобы вместе с "российской армией" вернуться и прогнать из нашей земли мадьярских панов. Ученики начальных школ и не окончившие школу гимназисты бежали, чтобы в России, о которой они столько хорошего наслушались от старших, продолжать учение, выйти в люди». Как пелось в то время,

Ой пошов он у Россию
Сталину служити,
Ще бы (е)му ся повернути –
Будапешт розбити (Туряница 6: 12).

Бежало около 30 000 чел. О их судьбе ничего не было известно, письма от них не приходили, мадьярской пропаганде люди не верили: были среди населения те, кто работал в национал-социалистической Германии и возвращался оттуда с заработанными средствами. Народ не верил, что в России было хуже. Да и до Первой мировой войны люди бежали в Россию, и никто их в тюрьмы и лагеря не сажал (Туряница 6: 13).

Перешедших границу поселяли в лагеря, отделяли жен от мужей, детей от родителей, не давали питания по 3–4 дня, многократно допрашивали по 3–4 часа. Всех обвиняли в шпионаже. Потом судили. Приговаривали к срокам 3–5 и более лет лагерей. Везли в теплушках по 75 чел. на север. Кормили плохо. Давали хлеб и селедку, воду – раз в неделю. От соленой рыбы, без воды многие умирали в пути (Туряница 7: 2–3).

Если бы не война с Гитлером, мало кто выжил бы в лагерях. Во время войны по договоренности с чехословацким правительством было принято решение о создании на территории СССР чехословацкой армии. Закарпатцев «как бывших подданных Чехословакии отпускали из лагерей в чехословацкую армию. Способных для войны отправляли в Бузулук, где организовались первые соединения, а слабых посылали на поправку в Алма-Ату».

Не подошедшие по состоянию здоровья оставались в лагерях. В конце 1944 г. некоторые из бывших заключенных явились из армии на побывку домой и рассказали о том, что с ними случилось после перехода советской границы. После войны большинство «свободовцев» (так назывались солдаты чехословацкой армии – по имени

генерала Свободы) не остались на Закарпатье, которое отошло к СССР, а переселились в Чехословакию. После установления в ней в 1948 г. коммунистического режима некоторые уехали дальше, в Западную Германию, США, Аргентину, Австралию, Чили и другие страны (Турияница 7: 3–4).

Начиная с № 9–10 от 1959 г. редакция стала печатать отрывки из готовившейся к печати книги воспоминаний «одного из тех несчастных молодых людей, которые тысячами бежали в СССР» (Турияница 7: 2). «В Россию» (Воспоминания карпаторосса) под псевдонимом М.И. Мукачевский были опубликованы в № 11–12 от 1959 г., 1–2 (13–14), 3–4 (15–16), 5–6 (17–18), 7–8 (19–20), 9–10 (21–22) от 1960 г.

После того как к СССР отошли в 1939 г. Галичина, а в 1940 г. – Северная Буковина и Бессарабия, Подкарпатская Русь стала граничить с СССР. Автор в 16-летнем возрасте в группе из 4 чел. 15 августа 1940 г. перешел границу в районе горы Пикуй около с. Ждениево. Его спутниками были бывший солдат чехословацкой армии, учитель мукачевской гимназии и чиновник. Автор считал Россию «матерью», полагал, что шел «к своим, к России», «которую он любил всем пылом своего юношеского сердца», мечтал учиться в Московском университете. При переходе границы их задержали советские пограничники (Мукачевский 1: 13–17).

Их привели в деревню Гусная, которая «поразила своей бедностью и запущенностью». Здесь их еще раз обыскали, провели первый допрос и «отвели в пустой хлев, грязный и запущенный» (Мукачевский 1: 18–19). Через несколько дней им и еще около 30 крестьянам, среди которых были взрослые мужчины и несколько семей с женщинами и детьми, приказали приготовиться к этапу (Мукачевский 2: 4).

Людей пешком доставили в «провинциальную тюрьму» городка Сколе. Мест там не было, их оставили во дворе и сутки не кормили. В разное время суток заключенных по нескольку раз вызывали на допросы. Как позже понял автор, их считали «фашистскими шпионами» (Мукачевский 3: 4). Затем их перевели в пересыльный лагерь на окраине города (Мукачевский 3: 5).

Здесь были новые допросы «опытными чекистами» (Мукачевский 4: 24). Позднее автор узнал, что он получил приговор «три года заключения в исправительном трудовом лагере за незаконный переход границы» (Мукачевский 4: 25). После трех с половиной месяцев, проведенных в лагере в Сколе, всех четверых отправили по этапу дальше – сначала в тюрьму г. Стрый, где в одиночную камеру «набили по 15 человек» (Мукачевский 4: 28). В канцелярии тюрьмы автору объявили приговор: «три года исправительно-трудовых лагерей за незаконный переход границы» (ст. 82 Уголовного кодекса СССР). Та-

кой же приговор получили и его товарищи. Беглецы, которые имели оружие, все равно какое – револьверы, охотничьи ружья, получили по пять лет. Те, кто показывал членские карточки Коммунистической партии или просто говорили, что они коммунисты, получили по восемь лет (Мукачевский 5: 25). Затем их перевели в большую камеру, рассчитанную на 25 чел., где было 190 «иностранцев»: карпатороссов, чехов, венгров, поляков, словаков (Мукачевский 5: 26). 15 января 1941 г. заключенных погрузили в теплушки (по 75 чел. на вагон) и отправили по этапу в г. Старобельск на Украине. Каждому выдали на день по 300 г хлеба и селедку, «воды давали трагически мало» (Мукачевский 5: 28). Через «пять страшных дней» они прибыли в Старобельск. По прибытии из их вагона «вынесли двенадцать умерших и несколько “доходяг”». Оставшимся «предстояла сортировка и последний путь – этап в назначенный для каждого лагерь» (Мукачевский 5: 29). Их четверка побывала в Харьковской тюрьме, где впервые столкнулась с уголовниками (Мукачевский 6: 30–31).

В советские времена наработки эмигрантских историков оказались не востребованными по идеологическим причинам. Сегодня этот фактор, наряду с недостаточным знанием истории Карпатской Руси, тоже играет свою роль. К примеру, о М.И. Турянице нет упоминаний в украинских (вероятно, «неправильный» украинец), русинских («неправильный» русин), российских (какой он «русский», т. е. «великоросс») энциклопедиях.

Однако в свое время эти люди, перефразируя И. Франко, немало сделали для простого народа, боролись за сохранение этничности местного населения, противодействовали ассимиляторской политике Чехословакии, Польши, Венгрии, Румынии. Их воспоминания помогают лучше понять и объективно оценить политическую, экономическую, социальную, этническую ситуацию в Карпатской Руси. Конечно, не надо забывать, что, хотя все воспоминания и являются важным историческим источником, они не беспристрастны и субъективны, в них иногда преувеличена роль автора в тех или иных событиях.

Говоря об объективности в истории, известный французский философ П. Рикёр писал: «Объективность должна браться здесь в строго эпистемологическом смысле: объективно то, что разработано, приведено в порядок и методически осмыслено мышлением, то, что, в конечном счете, оно делает понятным. Это истинно для физических и биологических наук, это истинно также и для истории» (Рикёр 2002: 35).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. На наш взгляд, в понятие «Карпатская Русь» следует включить, помимо т. н. Зарубежной Руси (Галицкой, Буковинской, Угорской), находившейся в составе Австро-Венгрии, и часть территории Галицкой Руси, населенной русинами, входившей в состав Российской империи. Это север Бессарабии, Холмщина и Подляшье (Суляк 2019: 288).

2. Туряница Михаил Ильич (4.10.1912–5.12.2001) родился в крестьянской семье в г. Свалява (комитат Берег, Австро-Венгрия), принадлежавшем тогда Австро-Венгрии. С 1934 г. работал учителем сначала в сельских школах Подкарпатской Руси, затем в Праге. После прихода к власти в Чехословакии коммунистов в 1948 г. эмигрировал в Южную Америку (Парагвай, Аргентина), затем в США. С января 1959 г. до начала 1989 г. был главным редактором русского журнала «Свободное слово. Ежемесячный карпато-русский журнал» (позднее «Свободное слово Карпатской Руси», «Свободное слово», «Свободное слово Руси») и его постоянным автором. Журнал имел подписчиков в 38 странах мира, от Австралии до Бразилии, его отдельные экземпляры попадали и в страны соцлагеря. В США М. Туряница стал одним из самых активных деятелей Карпаторусского общества. В 2000 г. в России был издан сборник «Украина – это Русь» под редакцией М. Туряницы (тираж 5 тыс. экз.). Похоронен на кладбище православного русского монастыря в Джорданвиле, на севере штата Нью-Йорк. Отпевание совершал первоиерарх РПЦЗ мирополит Лавр (Герасимов; Гаттас 2018: 3).

3. Геровский Алексей Юлианович (31.08.1883–17.04.1972) родился во Львове в семье Ю.М. Геровского, адвоката, директора Ставропигийского института во Львове, депутата австрийского парламента, и дочери одного из лидеров русского движения Угорской Руси Адольфа Ивановича Добрянского-Сачурова Алексеи.

Учился в гимназиях в Инсбруке и Черновцах (герцогство Буковина, ныне Черновицкая область Украины). Окончил Черновицкий университет, где изучал право. В 1903 г. вместе с братом Георгием приехал в Угорскую Русь, чтобы посетить центр православного движения в с. Иза. Был арестован венгерскими властями.

В 1910–1913 гг. издавал в Черновцах газету «Русская правда». По собственной инициативе явился на Марамарош-Сигетский процесс (1913–1914). Был арестован в Черновцах за прорусскую агитацию. Также были задержаны все его близкие родственники. В 1914 г. вместе с братом Георгием он бежал в Россию. С началом Первой мировой войны и вступлением русских войск в Галицию и Буковину вернулся в Черновцы в качестве «старшего чиновника по особым поручениям»

при русском губернаторе. В 1915–1917 гг. был советником министра иностранных дел России по проблемам Австро-Венгрии и Балкан. В марте 1918 г. выехал из Петрограда и присоединился к Добровольческой армии. В Екатеринодаре издавал газету «Единая Русь». После эвакуации в Константинополь переехал в Подкарпатскую Русь, вошедшую в состав Чехословакии. В 1927 г. был выслан из Чехословакии, эмигрировал в США, возглавил Карпаторусский союз (1935–1938). По его инициативе в 1936 г. в Нью-Йорке было создано пресс-агентство КАРУС, задачей которого стало информирование русинов США о положении на Подкарпатской Руси. В период чехословацкого кризиса 1938 г. во главе делегации американских русинских организаций приехал в Чехословакию, пытался объединить русинов в борьбе за автономию. Был выслан властями за пределы Чехословакии. В сентябре 1938 г. вел переговоры в Будапеште о вхождении Подкарпатской Руси в состав Венгрии. Во время Второй мировой войны выступал за включение Закарпатья в состав СССР, обращался с письмом к И.В. Сталину. В последние годы жизни выступал на страницах журнала «Свободное слово Карпатской Руси» с резкой критикой политики украинизации, проводившейся властями Советской Украины в Закарпатье, а также с критикой Ватикана и греко-католической церкви (Геровский 5: 2–3; Поп 2006: 151–152).

ЛИТЕРАТУРА

Гаттас 2018 – *Гаттас Н.* Ваше сиятельство Михаил Ильич // Потаенное. 2018. № 1 (83). С. 3–4.

Герасимов – *Герасимов В.* Скромный рыцарь русского зарубежья Михаил Туряница. URL: <http://ronsslav.com/valeriy-gerasimov-skromnyy-rytsar-russkogo-zarubezhya-mihail-turyanitsa> (дата обращения: 10.07.2019).

Геровский 1 – *Геровский А.Ю.* Школы Карпатской Руси под чешским ярмом // Свободное слово Карпатской Руси. 1965. № 1–2 (73–74). Январь–февраль. С. 2–5.

Геровский 2 – *Геровский А.Ю.* Развал Чехословакии и оккупация Закарпатской Руси венграми // Свободное слово Карпатской Руси. 1979. № 7–8 (247–248). Июль–август. С. 22–24.

Геровский 3 – *Геровский А.Ю.* Чехословацкий «либерализм» // Свободное слово Карпатской Руси. 1968. № 9–10 (117–118). Сентябрь–октябрь. С. 2–5.

Геровский 4 – *Геровский А.Ю.* Как Карпатская Русь была присоединена к Чехословакии // Свободное слово Карпатской Руси. 1965. № 7–8 (79–80). Июль–август. С. 1–8.

Геровский 5 – *Геровский А.Ю.* Краткая автобиография (вместо некролога) // Свободное слово Карпатской Руси. 1972. № 5–6 (161–162). Май–июнь. С. 2–3.

- Г.С. 1 – Г.С. Карпатороссы в Америке // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 1–2. Январь–февраль. С. 6–7.
- Г.С. 2 – Г.С. Слово к подписчикам и друзьям нашего журнала // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 1–2. Январь–февраль. С. 26–27.
- Г.С. 3 – Г.С. Еще раз о нашей программе // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 3–4. Март–апрель. С. 31–32.
- Г.С. 4 – Г.С. Карпатороссы в Америке // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 5–6. Май–июнь. С. 3.
- Как возник наш журнал 1959 – Как возник наш журнал // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 1–2. Январь–февраль. С. 5–6.
- К подписчикам – К подписчикам «Вечернего звона» // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 1–2. Январь–февраль. С. 5.
- От редакции 1959 – От редакции // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 1–2. Январь–февраль. С. 1–5.
- Мукачевский 1 – *Мукачевский М.И.* «В Россию» (Воспоминания карпаторосса) // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 11–12. Ноябрь–декабрь. С. 13–19.
- Мукачевский 2 – *Мукачевский М.И.* «В Россию» (Воспоминания карпаторосса) // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1960. № 1–2 (13–14). Январь–февраль. С. 2–5.
- Мукачевский 3 – *Мукачевский М.И.* «В Россию» (Воспоминания карпаторосса) // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1960. № 3–4 (15–16). Март–апрель. С. 3–10.
- Мукачевский 4 – *Мукачевский М.И.* «В Россию» (Воспоминания карпаторосса) // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1960. № 5–6 (17–18). Май–июнь. С. 24–29.
- Мукачевский 5 – *Мукачевский М.И.* «В Россию» (Воспоминания карпаторосса) // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1960. № 7–8 (19–20). Июль–август. С. 25–29.
- Мукачевский 6 – *Мукачевский М.И.* «В Россию» (Воспоминания карпаторосса) // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1960. № 9–10 (21–22). Сентябрь–октябрь. С. 27–31.
- Поп 2006 – *Поп И.* Геровский А.Ю. // Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С. 151–152.
- Прокоп 1 – *Прокоп М.* «Карпатская Украина» // Свободное слово Карпатской Руси. № 3–4 (231–232). Март–апрель. 1978. С. 2–5.
- Прокоп 2 – *Прокоп М.* Господство мадьяр // Свободное слово Карпатской Руси. 1978. № 3–4 (231–232). Март–апрель. С. 5–8.
- Рикёр 2002 – *Рикёр П.* История и истина / Пер. с фр. И.С. Вдовиной, А.И. Мачульской. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.
- ССКР 1978 – Свободное слово Карпатской Руси. Март–апрель 1978. № 3–4 (231–232). С. 2.
- Суляк 2015 – *Суляк С.Г.* Русинская идентичность (на примере участия галичан в гражданской войне) // Русин. 2015. № 42. С. 107–125. DOI: 10.17223/18572685/42/9

Суляк 2019 – Суляк С.Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16

Туряница 1 – Туряница М. Авантюра галицких самостийников на Закарпатской Руси // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 1–2. Январь–февраль. С. 20–26.

Туряница 2 – Туряница М. Авантюра галицких самостийников на Закарпатской Руси // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 3–4. Март–апрель. С. 27–29

Туряница 3 – Туряница М. Авантюра галицких самостийников на Закарпатской Руси // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 5–6. Май–июнь. С. 13–15.

Туряница 4 – Туряница М. Авантюра галицких самостийников на Закарпатской Руси // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 7–8. Июль–август. С. 4–8.

Туряница 5 – Туряница М. Авантюра галицких самостийников на Закарпатской Руси // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 11–12. Ноябрь–декабрь. С. 19–21.

Туряница 6 – Туряница М. Трагедия молодежи Закарпатской Руси // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 7–8. Июль–август. С. 10–13.

Туряница 7 – Туряница М. Трагедия молодежи Закарпатской Руси // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 9–10. Сентябрь–октябрь. С. 2–4.

Франко 1980 – Франко І.Я. Формальний і реальний націоналізм (Кілька уваг про ІХ і Х випуск «Правди») / Зібрання творів у 50 томах. Київ: Наукова думка, 1980. Т. 27. С. 355–363.

REFERENCES

Gattas, N. (2018) *Vashe siyatel'stvo Mikhail Il'ich* [Your Excellency Mikhail Ilyich]. *Potaennoe*. 1(83). pp. 3–4.

Gerasimov, V. (2019) *Skromnyy rytsar' russkogo zarubezh'ya Mikhail Turyanitsa* [Mikhail Turyanitsa – the humble knight of the Russian diaspora]. [Online] Available from: <http://ronsslav.com/valeriy-gerasimov-skromnyy-rytsar-russkogo-zarubezhya-mihail-turyanitsa> (Accessed: 10th July 2019).

Gerovsky, A.Yu. (1965) *Shkoly Karpatskoy Rusi pod cheshskim yarmom* [Schools of Carpathian Rus under the Czech yoke]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 1–2 (73–74). pp. 2–5.

Gerovsky, A.Yu. (1979) *Razval Chekhoslovakii i okkupatsiya Zakarpatskoy Rusi vengrami* [The collapse of Czechoslovakia and the occupation of Subcarpathian Rus by the Hungarians]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 7–8 (247–248). pp. 22–24.

Gerovsky, A.Yu. (1968) *Chekhoslovatskiy "liberalizm"* [Czechoslovak "liberalism"]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 9–10 (117–118). pp. 2–5.

Gerovsky, A.Yu. (1965) *Kak Karpatskaya Rus' byla prisoedinena k Chekhoslovakii* [How Carpathian Rus was annexed to Czechoslovakia]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 7–8 (79–80). pp. 1–8.

Gerovsky, A.Yu. (1972) *Kratkaya avtobiografiya (vmesto nekrologa)* [Brief autobiography (instead of an obituary)]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 5–6 (161–162). pp. 2–3.

G.S. (1959a) *Karpatorossy v Amerike* [Carpathians in America]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 1–2. pp. 6–7.

G.S. (1959b) *Slovo k podpischikam i druz'yam nashego zhurnala* [A word to subscribers and friends of our journals]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 1–2. pp. 26–27.

G.S. (1959c) *Eshche raz o nashey programme* [Once again about our program]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 3–4. pp. 31–32.

G.S. (1959d) *Karpatorossy v Amerike* [Carpathians in America]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 5–6. pp. 3.

Anon. (1959a) *Kak voznik nash zhurnal* [How our journal was established]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 1–2. pp. 5–6.

Anon. (1959b) *K podpischikam "Vechernego zvona"* [To the subscribers of "Vecherniy zvon"]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 1–2. pp. 5.

Anon. (1959c) *Ot redaktsii* [Editorial]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 1–2. pp. 1–5.

Mukachevsky, M.I. (1959) *"V Rossiyu" (Vospominaniya karpatorossa)* ["To Russia" (Memoirs of the Carpathians)]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 11–12. pp. 13–19.

Mukachevsky, M.I. (1960a) *"V Rossiyu" (Vospominaniya karpatorossa)* ["To Russia" (Memoirs of the Carpathians)]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 1–2 (13–14). pp. 2–5.

Mukachevsky, M.I. (1960b) *"V Rossiyu" (Vospominaniya karpatorossa)* ["To Russia" (Memoirs of the Carpathians)]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 3–4 (15–16). pp. 3–10.

Mukachevsky, M.I. (1960c) *"V Rossiyu" (Vospominaniya karpatorossa)* ["To Russia" (Memoirs of the Carpathians)]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 5–6 (17–18). pp. 24–29.

Mukachevsky, M.I. (1960d) *"V Rossiyu" (Vospominaniya karpatorossa)* ["To Russia" (Memoirs of the Carpathians)]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 7–8 (19–20). pp. 25–29.

Mukachevsky, M.I. (1960e) *"V Rossiyu" (Vospominaniya karpatorossa)* ["To Russia" (Memoirs of the Carpathians)]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 9–10 (21–22). pp. 27–31.

Pop, I. & Gerovsky, A.Yu. (2006) *Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi* [Encyclopedia of Subcarpathian Rus]. Uzhhorod: V. Padyak. pp. 151–152.

Prokop, M. (1978a) *"Karpatskaya Ukraina"*. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 3–4 (231–232). pp. 2–5.

Prokop, M. (1978b) *Gospodstvo mad'yar* [Dominance of the Magyars]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 3–4 (231–232). pp. 5–8.

Ricoeur, P. (2002) *Istoriya i istina* [History and Truth]. Translated from French by I.S. Vdovina, A.I. Machulskaya. St. Petersburg: Aleteyya.

Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi. 3–4 (231–232). pp. 2.

Sulyak, S.G. (2015) *The Rusin identity (a case study of Galicians' par-*

tipication in the Civil War). *Rusin*. 42. pp. 107–125 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/9

Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

Turyanitsa, M. (1959a) Avantюра galitskikh samostiynikov na Zakarpatskoy Rusi [Adventure of Galician separatists in Transcarpathian Russia]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 1–2. pp. 20–26.

Turyanitsa, M. (1959b) Avantюра galitskikh samostiynikov na Zakarpatskoy Rusi [Adventure of Galician separatists in Transcarpathian Russia]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 3–4. pp. 27–29

Turyanitsa, M. (1959c) Avantюра galitskikh samostiynikov na Zakarpatskoy Rusi [Adventure of Galician separatists in Transcarpathian Russia]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 5–6. pp. 13–15.

Turyanitsa, M. (1959d) Avantюра galitskikh samostiynikov na Zakarpatskoy Rusi [Adventure of Galician separatists in Transcarpathian Russia]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 7–8. pp. 4–8.

Turyanitsa, M. (1959e) Avantюра galitskikh samostiynikov na Zakarpatskoy Rusi [Adventure of Galician separatists in Transcarpathian Russia]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 11–12. pp. 19–21.

Turyanitsa, M. (1959f) Tragediya molodezhi Zakarpatskoy Rusi [The tragedy of youth of Transcarpathian Rus]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 7–8. pp. 10–13.

Turyanitsa, M. (1959g) Tragediya molodezhi Zakarpatskoy Rusi [The tragedy of youth of Transcarpathian Rus]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 9–10. pp. 2–4.

Franko, I.Ya. (1980) *Zibrannya tvoriv u 50 tomakh* [Collected Works in 50 vols]. Vol. 27. Kyiv: Naukova dumka. pp. 355–363.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, аналитик Центра содействия публикационной активности и по работе с ведущими учеными Томского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94(437)"1918/38"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/13

ОЦЕНКА ПОЛОЖЕНИЯ КАРПАТСКИХ РУСИНОВ НА ОСНОВЕ ДИСКУССИЙ ДЕПУТАТОВ ПАРЛАМЕНТА ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПЕРИОД 1918–1938 гг.

П. Кокайсл

Чешский университет естественных наук,

Чехия, 165 21, г. Прага, ул. Камыцка, 129

E-mail: pkokaisl@seznam.cz

Авторское резюме

На основе стенографических протоколов дебатов в палате депутатов Чехословацкой Республики в период 1918–1938 гг. рассматриваются взаимоотношения между представителями ЧР и русинского населения, решение русинского вопроса и отношение русинских политиков к чехословацкому правительству, а также способы решения русинского вопроса. Проанализировано несколько этапов решения русинских вопросов в Палате депутатов. Основными темами выступлений депутатов были автономистские усилия русинских представителей правительства, неутешительная экономическая ситуация в Подкарпатской Руси, ситуация в сфере образования, в т. ч. споры об использовании языка, разногласия, связанные с признанием русинов на территории современной Словакии и с оспариванием их образования местными органами власти (попытка включить русинов в состав словацкой нации).

Ключевые слова: русины, парламент Чехословакии, межвоенный период, Чехословакия, русинские депутаты.

ASSESSMENT OF THE SITUATION OF CARPATHIAN RUSINS BASED ON THE DISCUSSIONS OF THE CZECHOSLOVAK REPUBLICAN PARLIAMENT DEPUTIES IN 1918–1938

P. Kokaisl

Czech University of Life Sciences
129 Kamýčká, Prague, 165 21, Czech Republic
E-mail: pkokaisl@seznam.cz

Abstract

Drawing on the verbatim transcripts of debates in the Chamber of Deputies of the Czechoslovak Republic in 1918–1938, the author discusses the relationship between representatives of the Czechoslovak Republic and the Rusins. Many parliamentarians from Carpathian Rus expressed considerably contradictory views on autonomous arrangements and its necessity from the first years of the Czechoslovak parliament activities until 1938. The main positive achievements of the Czechoslovak Republic government in Carpathian Rus included a certain economic uplift of a very backward region along with the elimination of illiteracy among population. However, among the negative trends in the policy of the Czechoslovak Republic in the interwar period was strong nationalism and anti-Catholic policy, which, to some extent, affected Carpathian Rus. To sum it up, the twenty-year operation of the Czechoslovak government in Carpathian Rus can hardly be considered an example of political skill, as it failed to at least partially meet the needs and requirements of all ethnic groups. Nevertheless, the interwar period is generally assessed positively by contemporary Rusinian organizations as well as by Czech historiography.

Keywords: Rusins, Czechoslovak parliament, interwar period, Czechoslovakia, Rusinian deputies.

Политическая организация русинов

В политическом аспекте русины представляли собой довольно неоднородные группы, которые зачастую не находили консенсуса в решении административных, политических или экономических проблем, связанных с Подкарпатской Русью и ее населением. Депутаты, представлявшие население Подкарпатской Руси, не могли договориться даже о едином способе использования языка: в за-

висимости от принадлежности к той или иной политической партии они предпочитали русский, украинский (малорусское наречие) или язык, основанный на местных диалектах (язычие). Их разобщенность прослеживалась и в вопросах административного устройства Подкарпатской Руси.

Первыми представителями Чехословацкой Республики, в руках которых была сосредоточена практически вся власть, были в основном чехи. Чешские политики понимали, что присоединение других славянских наций, а именно словаков и русинов, – это хороший способ создать внушительный противовес многочисленным неславянским народам – немцам и венграм. Поскольку на тот момент в Чехословацкой Республике немцев было больше, чем самих словаков, правительство создало концепцию «чехословацкой нации» (Bakke 1999: 179). Таким образом, во время обеих переписей населения в годы Первой Чехословацкой Республики чехи и словаки стали единым народом. По этой причине у чехословацких чиновников не было особого понимания ни словацкой автономии, ни русинских требований об автономии Подкарпатской Руси. Недооценка этих вопросов стала одной из причин развала Чехословакии в 1938–1939 гг.

Несмотря на то, что межвоенный период, а также годы существования Первой Чехословацкой Республики в современной чешской историографии называют едва ли не золотым веком, реальная ситуация была гораздо хуже: эти периоды сопровождались чрезвычайной политической нестабильностью, которую можно было наблюдать в частых сменах правительств: за двадцать лет в Чехословакии сменилось десять премьер-министров и девятнадцать правительств.

Интересно, что хотя министры чехословацкого правительства и называли русинов славянским государствообразующим элементом (в отличие от немецкого и венгерского меньшинства), тем не менее в своих стремлениях получить автономию русинский народ был поддержан именно немецкими парламентариями.

Положение русинов после образования Чехословацкой Республики в 1918 г.

Для начала необходимо дать определение некоторым терминам и понятиям, которые встречаются в статье.

Первое – это *Подкарпатская Русь*. Данный термин в чехословацкой Конституции 1920 г. обозначал территорию, присоединенную к Чехословацкой Республике в соответствии с Сен-Жерменским соглашением. Причиной споров внутри Чехословакии позднее стала демаркация границы со Словакией. Подкарпатская Русь была частью

исторической области, известной как Карпатская Русь (в настоящее время на территории Польши, Словакии, Украины, Венгрии и Румынии). Территория Карпатской Руси не была четко обозначена географически – ее определяли Карпаты, а затем славянское население с собственной культурой.

Второй термин относится к этнонимам *русинский* и *русский*. Этноним *русин* используется в Сен-Жерменском договоре 1919 г., который вошел в конституционное поле Чехословацкой Республики. Не все политики использовали этот термин, некоторые этноним *русин* отвергали. Таким образом, термин *русский* может относиться как к русинам, так и к русским, а также к украинцам Подкарпатской Руси (Rychlík, Rychlíková 2016: 7). Зачастую это была скорее политическая ориентация, поэтому термины *русский* или *русофил* также использовались для обозначения политических связей с Москвой. Например, в ходе переписи населения Чехословакии в 1921 г. не было возможности выбрать русинскую национальность, только русскую (которая включала великорусскую, украинскую и карпаторусскую). Из-за этого возникали недоразумения, например, при выборе учебников. На вопрос, по каким учебникам обучать детей, люди обычно отвечали, что, конечно, по русским. Некоторые чиновники сознательно ничего не объясняли и вводили русские, т. е. московские, пособия, которые были непонятны для русинского населения.

Вновь образованная Чехословацкая Республика фактически функционировала как унитарное государство. Часть Чехословакии (сегодняшняя Чешская Республика) являлась частью Австрии в годы существования Австро-Венгерской империи и была разделена на три исторические области (Чехия, Моравия и Силезия). Словакия принадлежала венгерской части, а с 1919 г. в состав Чехословакии вошла и Подкарпатская Русь.

О присоединении к Чехословакии земель, населенных русинами, первоначально не помышляли ни сами русины, ни чешские политики. Но стремительное изменение международной обстановки заставило как чешских, так и русинских политиков внести серьезные коррективы в свои первоначальные замыслы (Шевченко 2006: 95). Идея объединения Подкарпатской Руси с Чехословакией, безусловно, не могла сыскать всеобщую поддержку со стороны всех русинских лидеров, поэтому рассматривались связи с Венгрией, Украиной, Россией, а также создание независимого государства.

Карпатские русины во многих вопросах занимали в Чехословацкой Республике особую позицию. Их первоначальное положение еще до создания Чехословакии напоминало положение словаков. Именно иностранные представители словаков и русинов решили включить

территорию и население в состав формировавшейся Чехословацкой Республики. До начала Первой мировой войны в США было примерно столько же русинов, сколько и на родине. Парадоксально, что русинское национальное движение сформировалось не на родной земле, а в совершенно иных культурных и политических условиях Соединенных Штатов. Разногласия между «американским» и «местным» русинским крылом позднее проявились из-за назначения гражданина США Грегора Жатковича на пост регента Подкарпатской Руси. Часть русинов (в основном левые избиратели) начали предпринимать действия против его назначения, и после того как Жаткович вступил в должность регента, была организована всеобщая забастовка.

Плохое положение русинского населения было связано с отсутствием осознания ими собственной национальности, вызванным тем, что в данном регионе до 1918 г. проводилась сильная политика мадьяризации, в результате которой многие представители русинской интеллигенции, включая греко-католических священников, были заключены в тюрьму.

Присоединение Подкарпатской Руси с самого начала было обусловлено созданием автономии – это также было закреплено в международных соглашениях. Согласно парламентскому ответу на послание президента Чехословацкой Республики от 27 марта 1919 г., признавалось требование об автономии территории Подкарпатской Руси, которая «должна была создать желанную общую границу нашей страны с Румынией» (Стенограмма 27 марта 1919 г.).

Однако некоторые русинские депутаты расценили демаркацию границы с Румынией как неверную. Во-первых, румынская армия оккупировала Карпатскую Русь в конце Первой мировой войны, а часть земель осталась после установления границы в Румынии. Депутат Куртяк заявил: «После переворота румынская армия оккупировала большую часть Подкарпатской Руси, румынские власти брали налоги под военной диктатурой, обложили налогом население, забрали скот, позволили армии свободно грабить и в итоге под конец ничего не вернули. Румыния оккупировала русский город Сигот-Мармарошский и его русское окружение, а граница с Румынией была установлена таким образом, что большая часть земель российских муниципалитетов и чехословацких граждан остались в руках румын» (Стенограмма 3 февраля 1930 г.).

Несмотря на провозглашение прав всех национальных меньшинств Чехословакии, существовало однозначное условие о ведущей роли чешской нации. Вот пример парламентского ответа на послание президента Масарика в марте 1919 г.: «...все на ведущей позиции чехословацкой нации и ее языка. Это была, безусловно, чешская

нация, которая в прошлом построила чешское государство на той же территории; это была чешская нация, которая сохранила идею обновления этого государства...» (Стенограмма 27 марта 1919 г.).

В первый год существования Чехословацкой Республики эту ведущую роль чешской нации депутаты и другие политики пытались доказать многими тенденциозными и лженаучными заявлениями, касавшимися славянского населения, проживавшего на территории Чехословакии.

Например, министр иностранных дел (будущий второй президент Чехословакии) д-р Бенеш совершенно четко высказывался в плане требований плебисцита об организации отношений между нацменьшинствами и Чехословацкой Республикой: «Что касается венгров, утверждающих, что словацкий, русинский и другие невенгерские народы просят плебисцита, мы должны сказать, что нет ни одного словака, ни одного русина, который бы потребовал плебисцита, если только он не был подкуплен» (Стенограмма 19 февраля 1920 г.).

Можно наблюдать, как чехословацкие правительства относились к национальным меньшинствам. Так, немецкие парламентарии часто выражали сочувствие и поддержку русинам, когда тем не удалось «пробивать» требования автономии. Примером является законопроект, ограничивавший влияние народных судей. Немецкий депутат д-р Коберг сказал: «Будучи человеком, а также членом Немецкой национальной партии, которая, как известно, провозгласила на своем знамени право на самоопределение, в котором нам и подкарпатским русинам до сих пор отказывали, я принимаю участие в практическом решении этого вопроса. Этот законопроект наглядно демонстрирует, как здесь относятся ко всем национальным племенам, не принадлежащим к правящей нации. У них есть врожденная ошибка, что они не чехи. Правительственный проект является небольшим, но ярким примером методов, с помощью которых можно заставить меньшинства в этом государстве замолчать» (Стенограмма 4 марта 1926 г.).

Администрация Подкарпатской Руси

Несмотря на то что Карпатская Русь созвала собственное правительство в 1920 г., а чехословацкое правительство назначило Григория Жатковича первым губернатором, говорить об автономии было невозможно. Скорее, это было просто назначение чиновника, непосредственно подчинявшегося правительству в Праге. Кроме того, де-факто управление осуществлялось заместителем губернатора, который всегда был чехом.

Назначение Г. Жатковича подвергалось критике, в первую очередь, левыми депутатами. Венгерский депутат-коммунист Гати в своей парламентской речи описывает неопытность Жатковича при его первых переговорах с будущим президентом Чехословакии Т.Г. Масариком в 1918 г. Он легко поверил в обещанную широкую автономию, которая так и не сформировалась. Согласно резолюции в Скрантоне от 12 ноября 1918 г., «русинь в Подкарпатской Руси присоединятся к Демократической Республике Чехословакия с самым широким государственным самоуправлением на федеральной основе при условии, что все изначально русинские округа в Подкарпатской Руси принадлежат их стране: Шариш, Земплин, Абауй, Гемер, Боршод, Ужгород, Угоча, Берег и Марамарош» (Стенограмма 5 октября 1925 г.). Президент Масарик отправил протокол через капитана Писецкого в Русский национальный совет в Ужгороде в качестве принятого условия.

По словам депутатов-коммунистов, главная проблема первого губернатора Жатковича состояла в том, что он не был представителем русинского населения: «Мы, будучи представителями более ста тысяч избирателей, а значит, безоговорочное большинство местного населения и рабочих, сегодня торжественно заявляем, что <...> ни Жаткович, ни так называемый совет никогда не получали мандата от народа» (Стенограмма 5 октября 1925 г.).

Даже после принятия Конституции Чехословацкой Республики 29 февраля 1920 г. требование автономии Подкарпатской Руси не было удовлетворено. Первый губернатор Подкарпатской Руси подал в отставку, и даже в последующих парламентских дебатах результаты его работы были признаны неуспешными.

Вероятно, самой большой проблемой Жатковича было неверное понимание политики чехословацкого правительства, которое имело националистический характер, поскольку отдавало предпочтение, в первую очередь, славянским народам, хоть и в убывающей последовательности: чехи, словаки, русинь. Немцы же и венгры были объявлены бывшими угнетателями, и, следовательно, правительство во многом препятствовало их национальному развитию. Для Жатковича главной целью было получение автономии Подкарпатской Руси на основе территориального принципа. Поэтому он хотел договориться об этом также и с венгерскими чиновниками в Подкарпатской Руси. Однако в глазах многих чехословацких политиков он стал предателем, потому что «любить венгров» уже само по себе являлось предательством.

На это указывало обращение депутатов-коммунистов к премьер-министру о неустойчивой ситуации в Подкарпатской Руси: «Жаткович сказал после своего назначения, что он очень любит венгров, и что

свое неодобрение деятельности венгерских партий он выказывает лишь в угоду чешским политикам. Под лозунгом "Завоевать автономию Подкарпатской Руси!" он призвал ирредентистские венгерские партии к совместной работе» (Стенограмма 4 апреля 1921 г.).

В последующие годы автономия так и не сформировалась. Напротив, меры, принятые для объединения местного самоуправления (1920 г.), а также последующая реформа политического управления (1927 г.) и создание четырех земель, продолжавшееся до 1938 г., никак не повлияли на реализацию автономной организации подкарпатской территории (Mosný 2001).

Реформа политического управления 1927 г., предусматривавшая разделение Чехословацкой Республики на четыре земли (Чешская, Моравско-Силезская, Словацкая и Подкарпатская), была решительно отвергнута в основном немецкими и венгерскими парламентариями.

Немецкие депутаты высказали свое мнение о законопроекте о провинциальном самоуправлении следующим образом: «Сторонники централизма... делали вид, что делят государство на провинциальные администрации, и тем самым бросали приманку для чешских автономистов. В то же время им удалось так сильно сосредоточить бразды правления в Праге, что местное самоуправление оказалось фиктивным самоуправлением и означало полную победу централизма» (Стенограмма 28 июня 1927 г.).

Действительно, на первый взгляд, казалось, что создание отдельного подразделения – Подкарпатской земли – удовлетворит автономные устремления русинов. Но реальная ситуация была совершенно иной: разделение на четыре части лишь усилило влияние центрального правительства и позволило свободно вмешиваться в управление любого политического субъекта. Русинский депутат Куртяк, который в своих выступлениях часто критиковал назначение чешских чиновников, а также использование чешского языка в Подкарпатской Руси, в этом контексте резко раскритиковал и нежелание правительства создать автономный парламент Подкарпатской Руси: «Автономные территориальные вопросы регулируются должностными лицами без контроля национальных автономных властей. Они не понимают наших обстоятельств, нашего духа и желания людей. Они часто противостоят культурным и экономическим интересам нашего народа. Местные русины не были приняты на должности государственных и автономных чиновников. Практически все делается на чешском языке, от чего растет общее недовольство народа, которое усугубляется печальным экономическим состоянием страны и ужасной безработицей.

Представленная реформа администрации противоречит об-

щим принципам автономии Подкарпатской Руси, установленным и закрепленным мирным договором и конституционным уставом Чехословацкой Республики. Она рассматривается без участия и без согласия учредительных представителей Подкарпатской Руси, хотя чехословацкое правительство обязано придерживаться основных положений мирного договора и Конституции Чехословацкой Республики. Население Подкарпатской Руси призывает чехословацкое правительство реализовать автономные права, а именно – созвать подкарпатский парламент» (Стенограмма 28 июня 1927 г.).

Следующий пример указывает на очень разные мнения депутатов от Подкарпатской Руси. Несмотря на то что созыв автономного парламента не был в приоритете, депутаты подчеркивали экономический рост в регионе и признавали вклад Подкарпатской Руси, которая во всех отношениях была самой отсталой частью Чехословакии. Депутат Щерецкий заявлял: «Подавляющее большинство населения Подкарпатя полностью удовлетворено правительством и администрацией Подкарпатской Руси. Население Подкарпатя, особенно крестьяне, никогда не проявляло враждебности к правительству Чехословацкой Республики. И пусть правительство Чехословацкой Республики не сделало для Подкарпатской Руси пока большего, чем построило сотни домов, открыло для нас, крестьян, десятки и десятки школ и семь гражданских школ, тем не менее никто не имеет морального права потребовать большего, а кто требует, тот враг чехословацкого правительства и самой республики. Правительство Чехословацкой Республики уделяло серьезное внимание Подкарпатской Руси с первого дня ее деятельности, и в течение 10 лет, конечно, оно не могло восстановить то, что враги русского народа, уничтожили за тысячу лет.

Впервые правительство предоставило нам возможность культурного развития, поэтому сегодня, спустя короткое время, у нас есть наши инженеры, наши врачи, наши ученые, и это хороший знак. За рубежом хорошо известно, что правительство Чехословацкой Республики сделало все, что могло сделать для Подкарпатской Руси. Наши требования минимальны. Мы не просим ничего невозможного. Правительство Чехословацкой Республики сделало все, что в его силах, но мы, особенно крестьяне, просим, чтобы в то же время <...> оказывалась и культурная помощь. Без культуры, без науки экономическая помощь напрасна» (Стенограмма 20 декабря 1929 г.).

Проблема Подкарпатской Руси заключалась в неясной делимитации ее границы со Словакией. Поэтому возникали и острые споры между словаками и русинами, которые требовали, чтобы территория их будущей автономной области простиралась в Пряшевскую область. Однако словацкие депутаты считали эту область чисто словацкой.

Депутат А. Глинка сказал: «Мы здесь свидетельствуем о том, что ни полякам, ни братьям чехам не дадим ни кусочка земли, потому что это словацкая земля, а она принадлежит нам, словакам. Как можно разорвать целостность нашей страны лишь потому, что в горах живет кучка бедных русинов, не говоря уже о сомнениях, являются ли они русинами в принципе? Это означало бы подвергнуть Словакию новому шоку. Но русины этого хотят» (Стенограмма 21 июня 1922 г.).

Напротив, словацкие депутаты потребовали перенести словацкую границу на восток, что было подвергнуто критике русинами, в первую очередь А. Гагатко: «Проблема определения границы не сдвинулась с места. Вместо того чтобы корректировать границу на основании добровольного соглашения между словацкой нацией и населением Подкарпатья, правительство пытается переместить эти временные границы, определенные еще в период оккупации, на восток. Временные границы, которые вели вдоль реки Уж, сегодня игнорируются, и чисто русские деревни, лежащие на левом берегу, такие как Доманинце, Перечин, Каменице, Березне и т. д., должны быть административно связаны с великой жупой Кошице, независимо от решения чехословацкой государственной комиссии 1919 г. о том, что национальные границы должны проходить намного дальше на запад, и что районы Снина, Мезилаборце и другие, расположенные далеко к западу от них, несомненно, являются чисто русскими, и что они должны быть присоединены к автономной Подкарпатской Руси.

Что было достигнуто? Они добились того, что сегодня наше русское население, которое добровольно присоединилось к Чехословацкой Республике, разделено против нашей воли на две отдельные группы: те, которые имеют право на автономию и находятся в так называемой автономной Подкарпатской Руси, и те, у которых нет права на автономию, то есть у русинов Словакии, что противоречит Сен-Жерменскому договору» (Стенограмма 1 июля 1927 г.).

Таким образом, разделение русинов на две группы, упомянутое Гагатко, усилилось в последующие годы. В настоящий момент между этими группами существуют огромные различия.

Взаимосвязь словацких и подкарпатских русинов не была фиктивной. Например, взаимодействие в сфере церковного управления существовало более ста лет – интересно, что ни один из представителей русинов этот аргумент не упомянул. Греко-католическая церковь на территории современной Словакии была тесно связана с Подкарпатской Русью: первое епископство в Пряшеве, основанное в 1815 г., было создано путем отделения из Мукачаевской епархии. Тем не менее район Среднего и Южного Земплина (нынешняя Восточная Словакия) оставался под управлением епископа Мукачевского

(де-факто до 1939 г., но этот вопрос был решен путем учреждения экзархата Кошице в 1997 г.) (Škoviera 1999: 137–148).

Как упоминает А. Плишкова (Plišková 2015), в отличие от жителей Подкарпатской Руси, русины Словакии не имели статуса государствообразующей нации. Их считали только национальным меньшинством, которое в соответствии с Конституцией имело право использовать родной язык в образовании и общественной жизни.

Национальные и языковые споры

Политическая деятельность русинов с момента их присоединения к Чехословакии была в значительной степени ослаблена фрагментацией их политического представительства. 9 октября 1919 г. фракция русофилов во главе с Антонием Бескидом и Андреем Гагатко создала Центральный русский национальный совет (Цубов 2009: 234), разделившийся на две части. Сразу же состоялось выступление против политики тогдашнего правительства, которое фракция упрекнула в поддержке украинского движения. В частности, они подвергли критике деятельность Г. Жатковича. Вторая часть Центрального русского национального совета (под сильным влиянием А. Волошина и Ю. Брашайко) была явно ориентирована на Украину (Konečný 2008).

Чехословацкий депутат Хуснай, русин из Подкарпатья, в своем выступлении в парламенте доказывал украинское происхождение русинов: «Правота русинов является истиной и для украинской группы, которая опирается на живой народный язык и защиту этнографического целого, что признается ученым миром, как признана и Санкт-Петербургской академией наук, и Чешской академией наук в Праге. Все должны признать, что наша нация является частью украинской нации, которая живет в Галиции, Буковине и Большой Украине» (Стенограмма 26 ноября 1931 г.).

Чехословацкий министр Клофач в 1925 г. потребовал для русинов поддержку русского образования, которое должно было защитить их от украинского влияния: «Братья! Мы не должны вводить украинский язык в русинские школы. Мы должны учить русский язык в этих школах просто потому, что Львов близок, а Москва далеко, и наши русины никогда не доберутся до Москвы» (Стенограмма 26 ноября 1931 г.).

Приверженность взглядам каждой из сторон в споре была, прежде всего, выражением политических взглядов и связей с различными иностранными союзниками. Поддержка украинского языка объяснялась интересом ослабить Россию путем создания «Великой Украины», но, с другой стороны, украинские усилия были истолкованы как попытка русских большевиков создать мост для господства в Чехослова-

кии. Депутат Куртяк заявил: «Украинский вопрос – это политический вопрос, это проблема сепаратизма, который стремится отделить от России ее юго-западную часть, хочет связать ее с русскими частями Польши и Подкарпатской Руси, чтобы создать "Великую Украину". Эта идея родилась и выросла в Австрии и Германии и была частью немецкой политики "Drang nach Osten".

В коммунистической России украинский вопрос стал средством большевизации Запада. Они создали Советскую Украину, чтобы привести российскую часть Галиции, Буковины и Чехословакии к советской идее. Этот украинский сепаратизм служит усилиям по созданию украинского языка, украинской грамматики, украинской культуры. В этом отношении украинский вопрос в Чехословакии является ирредентистским, поскольку его конечной целью является отделение Подкарпатской Руси от Чехословацкой Республики. В Подкарпатской Руси действуют три политические партии: социал-демократы, коммунисты и Христианско-народная партия <...> которые выступают за украинский порядок. Под влиянием этих партий с 1920 года администрация образования поддерживает украинизацию русского языка, поддерживает галицких эмигрантов, которые у нас получили государственную службу. Недавно эти украинские кружки перешли на полноценный украинский язык по примеру Харькова, переняли украинскую грамматику и орфографию и объявили борьбу тем, кто отстаивает многовековые русские традиции карпатурского народа, кто придерживаются правил русской грамматики» (Стенограмма 3 февраля 1930 г.).

Вскоре чехословацкое правительство поддержало это мнение и решило не поддерживать ни тех, кто был на стороне Украины, ни тех, кто был на стороне России, – эту проблему должны были решить сами русины как независимая нация. Данная политика была раскритикована депутатами как русского (великорусского), так и украинского направлений, которые не признавали русинскую нацию. Депутат д-р Гагатко отмечал: «Уже осенью 1919 года чехословацкое правительство изменило свою точку зрения. Хотя ранее правительство не отрицало национальную принадлежность карпатурского населения, оно вновь придерживается мнения о том, что население Подкарпатской Руси – не русского происхождения и является полумиллионным независимым, недавно изобретенным "русинским" народом. Отсюда следует, что "русинский" родной язык должен стать главным языком в школах и занять официальное положение в регионе. Таким образом, правительство взяло на себя принятие решений по таким вопросам, которые по мирному договору и конституционным законам республики находятся в компетенции местного автономного совета и тем

самым впервые нарушило автономные права Подкарпатской Руси» (Стенограмма 19 ноября 1924 г.).

В итоге политическая ориентация русинов стала очень важным элементом их идентичности (предпочтения в использовании национального языка, религиозные (католицизм против православия) и этнические предпочтения (русины как отдельная нация, как часть украинской нации, как славяне во главе с Россией)).

Образование и религия

Развитие образования в Подкарпатской Руси было осложнено языковой неопределенностью. Хотя до 1918 г. в этой области была сильная мадьяризация, венгерские парламентарии не признавали нарастающую чехизацию в Чехословакии.

Депутат Куртяк сетовал: «Печально, что в русских общинах Подкарпатской Руси есть 50 чешских школ. Какова цель этих чешских школ? Подделывайте наши интересы в своих бюджетах, не признавайте, что существуем мы, добровольно вступившие в состав Чехословакии на том основании, что мы получим автономные права, которые дал нам мир. Еще больше угнетайте нас – мы знаем, что мы в вашем братстве получили не братство, а лишь великого врага» (Стенограмма 24 ноября 1926 г.).

Утверждения о том, что конечной целью чехословацкого правительства была полная чехизация населения Подкарпатской Руси, появились не только у депутатов-русофилов или украинцев, но и в литературе советского периода (Rychlík, Rychlíková 2016). Однако на самом деле это было невозможно – чешские школы с большей вероятностью поддержали бы воспитание новых кадров для государственной администрации из-за нехватки местных квалифицированных учителей.

С другой стороны, в своей оценке развития образования депутат А. Волошин подчеркивал увеличение общего количества школ и общий рост грамотности населения: «Если, например, мы сравниваем нынешнее образование Подкарпатской Руси с тем, каким оно было до переворота, то должны признать, что положительная сторона определенно преобладает.

До войны они изучали русский язык только в греко-католических церковных школах. Однако, особенно с 1907 года, в результате действия закона XXVII, названного "lex Arponyi", число русских церковных школ быстро сокращалось, и в так называемых русских школах использование венгерского языка все более распространялось. В конце четвертого года обучения каждый школьник невенгерского проис-

хождения обязан был уметь выражать свое мнение на венгерском языке так, чтобы быть способным отвечать на вопросы инспектора. Все государственные начальные школы, все непрерывные школы, все гражданские и средние школы в Подкарпатской Руси были только венгерскими. Русский язык в вузах Ужгорода, Пряшева, Мукачева и Сигота был только факультативным предметом.

На 1 января 1926 года у нас была 501 русская начальная школа, 15 русских гражданских школ, 4 русских реальных гимназии, 3 русских педагогических института, 1 русско-венгерская коммерческая академия и 2 коммерческие школы. При этом нерусские меньшинства Подкарпатской Руси имеют свои собственные школы, так как в начале этого года были зарегистрированы 122 венгерские, 40 чешских, 14 немецких, 8 румынских и 10 еврейских национальных школ. Гражданские школы в городах имеют венгерские отделения, а также в гимназии в Берегове» (Стенограмма 4 марта 1926 г.).

Политика чехословацких правительств часто опиралась на антицерковную идеологическую основу, которая часто выражалась, в частности, на чешских землях, в виде насильственного антикатолицизма. Эта идея также основывалась на антикатолической концепции значения чешской истории первого президента Т.Г. Масарика. Антирелигиозное движение проявилось и в других государствах-преемниках после Первой мировой войны, но нигде оно не достигло такой интенсивности, как в Чехословакии (Трап 2007: 91–99).

Целью чехословацкого правительства были создание церкви национальной и ограничение влияния католической. Православная церковь, которая была поддержана правительством, подходила для этой политики. Некоторые чешские депутаты отметили, что греко-католические лидеры сочувствуют монархии и Венгрии, и упомянули предполагаемую ненависть народа к греко-католикам. Депутат д-р Патејдл заявил: «Ватиканская дипломатия не понимает, что епископ Папп, этот монархист, должен был быть смещен уже давно... Следствием этого является понятная ненависть людей к униатским духовникам» (Стенограмма 21 ноября 1921 г.).

Однако антикатолическая политика, которая привела к упразднению церковных школ, не нашла положительного отклика у большинства подкарпатских русинов. Именно это раскритиковали парламентарии, признавая, тем не менее, общий вклад Чехословацкой Республики в развитие региона: «Могут также отметить, что в сфере образования многое сделано, но все еще существуют серьезные недостатки, особенно в том, что касается церковных школ, число которых сократилось с 346 до 90 в результате партийной политики. Я не буду здесь говорить об ошибках церковной политики, которая

также вызвала большую неудовлетворенность демагогов республикой» (Стенограмма 4 марта 1926 г.).

Депутат А. Волошин указывает на совершенно иную ситуацию в Подкарпатской Руси по отношению к католицизму: «Сразу после присоединения Подкарпатской Руси к Чехословацкой Республике началась агитация против греко-католической церкви, и эта культурная борьба является основной причиной неудовлетворенности и дезориентации широких слоев населения Подкарпатской Руси. Создатели этой борьбы не приняли во внимание тот факт, что католицизм глубоко укоренился в нас, но они действовали так, как будто католицизм был только принудительной формой религии в нашей стране, и это было совершенно неверное мнение» (Стенограмма 29 марта 1926 г.).

Ситуация в сфере образования в Подкарпатской Руси оставалась довольно хаотичной в течение достаточно долгого времени после провозглашения Чехословацкой Республики. В 1932 г. министр образования Чехословакии признал, что министерство не знает внутренних правил, в соответствии с которыми ведется преподавание в школах. Министр образования и национального просвещения д-р Дерер отмечал: «В Словакии и Подкарпатской Руси до переворота не существовало центрального школьного управления и не было полного перечня правил, касающихся школьной администрации. После переворота были известны только те правила, которые были переведены на словацкий, русский или немецкий языки во время бывшего венгерского правления. Поскольку такие переводы делались только в исключительных случаях, во всех государственных ведомствах были случаи, когда многие внутренние правила были недостаточно доступны и известны нашим властям. Чтобы устранить эту ситуацию при утверждении школьных учебников, я издал указ, регулирующий процедуру апробации на территории всей Чехословацкой Республики» (Стенограмма 26 июля 1933 г.).

Действительно, хаотическая ситуация с использованием языка в образовании не была решена вообще.

Еще в 1937 г. депутат Клима упоминал в своей речи: «Языковой хаос проникает в Подкарпатье. Создаются чешские школы, в домашние школы вводятся русские учебники, непонятные для местного населения, а культурное развитие Подкарпатъа затруднено» (Стенограмма 17 июня 1937 г.).

Важной проблемой русинского образования была нечеткая граница расселения этноса. Русины, которые жили в Восточной Словакии, подвергались значительной словакизации, в ходе которой официальные лица страны ссылались на венгерские законы времен Австро-Венгерской империи и на их основе запрещали преподавание

на русинском языке. На это указал член парламента д-р Пещак: «Во многих русских муниципалитетах языком обучения является словацкий. В течение 19 лет люди призывали ввести русский язык обучения в их школах. Просто абсурдно, что русский народ в этой республике, к которой он добровольно присоединился, подвергся дальнейшей денационализации. После мировой войны и переворота мы начали преподавать русский язык во всех школах. Департамент образования в Братиславе просто принял это своим указом от 27 января 1921 года и распорядился, чтобы дети, помимо своего языка, изучали чехословацкий язык три часа в неделю. Но это распоряжение действовало всего несколько дней, потому что тот же департамент заявил: “В школах, в которых, согласно Закону XXVII от 1907 года, русский язык не считался языком обучения, он уже не может быть введен в качестве такового в настоящее время”» (Стенограмма 30 ноября 1937 г.).

В плохой ситуации в сфере русинского образования нельзя обвинять только Чехословакию. О проблемах с образованием в русинских районах упоминалось, например, еще в журнале 1908 г., в котором указано на огромное количество неграмотных людей. В то же время в нем говорилось, что в данной ситуации виноваты не только правящие нации, но и в значительной степени сами нацменьшинства.

Заключение

Регион Подкарпатской Руси вошел в состав Чехословацкой Республики на основе соглашения между чехословацкими политиками и представителями американских русинов. Приобретение этой территории имело стратегическое значение для чехословацкого государства, поскольку оно создало границу с дружественной Румынией. Однако это была экономически очень отсталая область, которую нужно было развивать на всех уровнях.

Русинам была обещана обширная автономия, которая фактически не была реализована, о чем было объявлено в самом конце существования Первой Чехословацкой Республики. Противоречивые взгляды парламентариев Подкарпатской Руси на необходимость создания автономных механизмов были содержанием многих парламентских речей с самого начала функционирования чехословацкого парламента до 1938 г. Даже первый губернатор Подкарпатской Руси американский гражданин Григорий Жаткович, который был главным носителем идеи присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии, выделял получение автономии как одну из главных целей. Тем не менее он очень скоро ушел в отставку, поскольку его работа была оценена депутатами чехословацкого парламента как плохая только

потому, что он не поддерживал политику главенства славянских народов. Жаткович воспринимал автономию Подкарпатской Руси в основном географически – как автономию не только для русинов, но и для всего населения Подкарпатской Руси. Поэтому он пытался договориться с венгерскими чиновниками, но это его дискредитировало в глазах многих чехословацких политиков.

Среди плюсов работы правительства Чехословацкой Республики – экономический подъем Подкарпатской Руси, этого очень отсталого региона, и ликвидация неграмотности значительной части ее населения.

Однако политика Чехословацкой Республики в межвоенный период содержала ряд элементов, которые нельзя считать позитивными. Основной проблемой был национализм. Согласно многим правительственным заявлениям, славянский элемент должен был поддерживаться посредством объединения чешской и словацкой наций. Таким образом, чехословацкая нация явно стала самой сильной и выступала в оппозиции к немцам и венграм. Среди «предпочтительных славянских элементов» были и русины. Однако братство славянских народов на самом деле не работало – у Чехословацкой Республики были серьезные внешнеполитические споры с соседней Польшей, и словацкие чиновники определенно не хотели уступать территориальным требованиям русинских чиновников. Русины же подвергли критике словацкие действия, направленные на то, чтобы получить часть территории Подкарпатской Руси под управление словацкой администрации.

Другим важным элементом Чехословацкой Республики была ее сильная антикатолическая политика, которая в некоторой степени проводилась и в Подкарпатской Руси. Греко-католические церкви и местное духовенство исторически были основными носителями специфической культуры русинов и давали возможность получать образование. Поэтому борьба чехословацкого правительства с церковными школами столкнулась с довольно серьезным сопротивлением.

Чехословакия активно участвовала в сфере развития образования в Подкарпатской Руси, но эта деятельность снова была негативно воспринята буквально всеми группами населения. Чешские школы имели большую поддержку, чем школы с русинским образованием, а традиционные церковные школы были упразднены. Венгерское меньшинство чувствовало себя еще более ущемленным с точки зрения поддержки образования. Депутаты Подкарпатской Руси, которые рассматривали введение автономного устройства как наиболее важный пункт своей политики, видели некоторую аналогию при введении чешского языка в Подкарпатской Руси с принудительным

введением венгерского языка до и во время Первой мировой войны. И, наоборот, депутаты, которые не рассматривали автономию как приоритет, воспринимали рост грамотности как явно положительный.

В целом двадцатилетняя деятельность чехословацкого правительства в Подкарпатской Руси не может рассматриваться как пример политического мастерства и способности хотя бы частично удовлетворить нужды и требования всех этнических групп. Более того, оно не сделало этого и в межвоенный период ни в Чехии, ни в Словакии. Тем не менее тот период в основном оценивается положительно как современными русинскими организациями, так и чешской историографией.

ЛИТЕРАТУРА

Стенограмма 27 марта 1919 г. – Парламент Чехословакии 1918–1920 (40-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_stenprot040 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 19 февраля 1920 г. – Парламент Чехословакии 1918–1920 (121-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_stenprot121 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 4 апреля 1921 г. – Парламент Чехословакии 1920–1925 (3-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_stenprot1921-3 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 21 ноября 1921 г. – Парламент Чехословакии 1920–1925 (95-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_stenprot1921-95 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 21 июня 1922 г. – Парламент Чехословакии 1920–1925 (150-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_stenprot1922-150 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 19 ноября 1924 г. – Парламент Чехословакии 1920–1925 (301-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1924-301 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 5 октября 1925 г. – Парламент Чехословакии 1920–1925 (370-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1925-370 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 4 марта 1926 г. – Парламент Чехословакии 1925–1929 (12-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1926-12 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 29 марта 1926 г. – Парламент Чехословакии 1925–1929 (интерпелляция). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1926-int (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 24 ноября 1926 г. – Парламент Чехословакии 1925–1929 (52-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1926-52 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 28 июня 1927 г. – Парламент Чехословакии 1925–1929 (91-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1927-91 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 1 июля 1927 г. – Парламент Чехословакии 1920–1925 (93-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1927-93 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 20 декабря 1929 г. – Парламент Чехословакии 1929–1935 (6-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1929-6 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 3 февраля 1930 г. – Парламент Чехословакии 1929–1935 (13-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1930-13 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 26 ноября 1931 г. – Парламент Чехословакии 1929–1935 (148-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1931-148 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 26 июля 1933 г. – Парламент Чехословакии 1929–1935 (интерпелляция). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1933int (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 17 июня 1937 г. – Парламент Чехословакии 1935–1938 (106-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1937-106 (дата обращения: 08.01.2019).

Стенограмма 30 ноября 1937 г. – Парламент Чехословакии 1935–1938 (117-й созыв). Парламентская библиотека. URL: http://bit.ly/psp-cz_1937-117 (дата обращения: 08.01.2019).

Шевченко 2006 – *Шевченко К.В.* Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии. М.: Модест Колеров, 2006.

Цубов 2009 – *Цубов Л.* На шляху до державности // Наукові записки. 2009. № 43. С. 231–242.

Bakke 1999 – *Bakke E.* Doomed to failure? The Czechoslovak nation project and the Slovak autonomist reaction; 1918–38. Oslo: University of Oslo, 1999.

Konečný 2008 – *Konečný S.* Rusíni v prelomoch dvoch tisícročí. In: Plišková, Anna (ed.) *Rusínska kultúra a školstvo po roku 1989.* Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, 2008.

Mosný 2001 – *Mosný P.* Podkarpatská Rus. Nerealizovaná autonómia. Bratislava: Slovak Academic Press, 2001.

Plišková 2015 – *Plišková A.* Jazyk karpatských Rusínov v područí mocenských ideológií [The Language of Carpatho-Rusyns in the thrall of power ideologies] // *Jazyk v politických, ideologických a interkultúrnych vzťahoch* / Jana Wachtarczyková (ed.). Bratislava: Veda, 2015. S. 71–107.

Rychlík, Rychlíková 2016 – *Rychlík J., Rychlíková M.* Podkarpatská Rus' v dějinách Československa 1918–1946. Praha: Vyšehrad, 2016.

Škoviera 1999 – *Škoviera A. et al.* Nad slovenským prekladom božskej liturgie byzantsko-slovanského obradu // *Slavica slovaca*, 1999. № 34. С. 137–148.

Trapl 2007 – *Trapl M. "Kulturní boj" v nástupnických státech Rakousko-Uherska po roce 1918 s hlavním zřetelem k českým zemím // Národ – církev – štát / T. Ivantušynová (ed.). Bratislava, 2007. C. 91–99.*

REFERENCES

Czechoslovakia (1919a) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, March 27, 1919*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_stenprot040 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1919b) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, February 19, 1920*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_stenprot121 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1921a) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, April 4, 1921*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_stenprot1921-3 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1921b) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, November 21, 1921*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_stenprot1921-95 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1922) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, June 21, 1922*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_stenprot1922-150 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1924) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, November 19, 1924*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1924-301 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1925) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, October 5, 1925*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1925-370 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1926a) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, March 4, 1926*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1926-12 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1926b) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, March 29, 1926*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1926-int (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1926c) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, November 11, 1926*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1926-52 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1927a) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, June 28, 1927*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1927-91 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1927b) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, July 1, 1927*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1927-93 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1929) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, December 20, 1929*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1929-6 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1930) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, February 3, 1930*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1930-13 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1931) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, November 26, 1931*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1931-148 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1933) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, July 26, 1933*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1933int (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1937a) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, June 17, 1937*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1937-106 (Accessed: 8th January 2019).

Czechoslovakia (1937b) *Stenographic Protocols of Czechoslovak Parliament, November 11, 1937*. [Online] Available from: http://bit.ly/psp-cz_1937-117 (Accessed: 8th January 2019).

Shevchenko, K.V. (2006) *Rusiny i mezhvoennaya Tchekhoslovariya*. [Rusins and inter-war Czechoslovakia] Moscow: Modest Kolerov.

Tsubov, L. (2009) Na shlyakhu do derzhavnosti [On the way to the statehood]. *Naukovi zapiski*. 43. pp. 231–242.

Bakke, E. (1999) *Doomed to failure? The Czechoslovak nation project and the Slovak autonomist reaction; 1918–38*. Oslo: University of Oslo.

Konečný, S. (2008) Rusíni v prelomoch dvoch tisícročí. In: Plišková, A. (ed.) *Rusínska kultúra a školstvo po roku 1989*. Prešov: Prešovská univerzita.

Mosný, P. (2001) *Podkarpatská Rus. Nerealizovaná autonómia*. Bratislava: Slovak Academic Press.

Plišková, A. (2015) Jazyk karpatských Rusínov v područí mocenských ideológií. In: Wachtarczyková, J. (ed.) *Jazyk v politických, ideologických a interkultúrnych vzťahoch*. Bratislava: Veda. pp. 71–107.

Rychlík, J. & Rychlíková, M. (2016) *Podkarpatská Rus v dějinách Československa 1918–1946*. [Subcarpathian Rus in the History of Czechoslovakia, 1918–1946]. Prague: Vyšehrad.

Škoviera, A. et al. (1999) Nad slovenským prekladom božskej liturgie byzantsko-slovanského obradu [On the Slovak Translation of the Divine Liturgy of the Byzantine-Slavonic Rite]. *Slavica slovacca*. 34. pp. 137–148.

Trapl, M. (2007) “Kulturní boj” v nástupnických státech Rakousko-Uherska po roce 1918. [“Cultural struggle” in the successor states of Austria-Hungary after 1918]. In: Ivantyšynová, T. (ed.) *Národ – cirkev – štát* [Nation – Church – State]. Bratislava: SDK SVE a CEP v spolupráci s Historickým ústavom SAV.

Кокэйсл Петр – доктор культурной и социальной антропологии, доцент кафедры психологии и исследований культур Чешского университета естественных наук в Праге (Чехия), почетный профессор Ошского гуманитарно-педагогического института (Кыргызстан).

Petr Kokaisl – Czech University of Life Sciences Prague (Czech Republic).

E-mail: pkokaisl@seznam.cz

УДК 94(100)“1938/1939”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/14

КАРПАТОУКРАЇНСЬКИЙ АСПЕКТ ЗОВНІШНЬОЇ ПОЛІТИКИ ЄВРОПЕЙСЬКИХ КРАЇН У ПЕРІОД ЧЕХОСЛОВАЦЬКОЇ КРИЗИ (1938–1939 рр.)

В.В. Трофимович¹, Л.В. Трофимович²

¹ Національний університет «Острозька академія»

Україна, 35800, Рівненська обл., м. Острог, вул. Семінарська, 2

E-mail: v.trofymovych@rambler.ru

² Національна академія сухопутних військ ім. гетьмана П. Сагайдачного

Україна, 79012, м. Львів, вул. Героїв Майдану, 32

E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

Авторське резюме

Діяльність українських політичних сил Підкарпатської Русі (Карпатської України, Закарпатської України) сприяла активізації української проблеми в Чехословаччині та загостренню її міжнародного звучання. Проте актуалізація карпатоукраїнського сюжету зовнішньої політики європейських країн здійснювалася в умовах цілковитого домінування в регіоні Третього райху, що влаштував навколо подальшої долі чехословацької держави складну дипломатичну гру, до якої втягнув Угорщину, Польщу, Румунію й інші держави. Як і Берлін, Будапешт, Варшава та Бухарест претендували на частину чехословацьких теренів, у т. ч. і на Карпатську Україну. Крім того, Угорщина та Польща доклали значних зусиль, аби задовільнити свої територіальні апетити і ліквідувати автономну Карпатську Україну, короткотривале існування якої не лише співпало з чехословацькою кризою, а й значною мірою було породженням останньої.

Карпатська Україна відіграла роль розмінної монети в дипломатичному торзі Німеччини та СРСР. Використовуючи занепокоєність Москви планами створення «Великої України», Берлін дозволив Будапешту окупувати край, засвідчивши тим самим свою нібито байдужість до карпатоукраїнської проблеми та створюючи сприятливий ґрунт для німецько-радянського зближення.

Ключові слова: Карпатська Україна, Чехословаччина, Німеччина, Угорщина, Польща, Румунія, Радянський Союз, зовнішня політика, територіальні претензії, чехословацька криза.

КАРПАТОУКРАИНСКИЙ АСПЕКТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН В ПЕРИОД ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КРИЗИСА (1938–1939 гг.)

В.В. Трофимович¹, Л.В. Трофимович²

¹ Национальный университет «Острожская академия»
Украина, 35800, Ровненская обл., г. Острог, ул. Семинарская, 2
E-mail: v.trofymovych@rambler.ru

² Национальная академия сухопутных войск им. гетмана
П. Сагайдачного
Украина, 79012, г. Львов, ул. Героев Майдана, 32
E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

Авторское резюме

Деятельность украинских политических сил Подкарпатской Руси (Карпатской Украины, Закарпатской Украины) способствовала активизации украинской проблемы в Чехословакии и обострению ее международного звучания. Однако актуализация карпатоукраинского вопроса внешней политики европейских стран осуществлялась в условиях полнейшего доминирования в регионе Третьего рейха, устроившего вокруг дальнейшей судьбы чехословацкого государства сложную дипломатическую игру, в которую втянул Венгрию, Польшу, Румынию и другие страны. Как и Берлин, Будапешт, Варшава и Бухарест претендовали на часть чехословацкой территории, в т. ч. и на Карпатскую Украину. Кроме того, Венгрия и Польша приложили значительные усилия, чтобы удовлетворить свои территориальные аппетиты и ликвидировать автономную Карпатскую Украину, краткое существование которой не только совпало с чехословацким кризисом, но и в значительной мере было порождено последним. Карпатская Украина сыграла роль разменной монеты в дипломатическом торге Германии и СССР. Используя обеспокоенность Москвы планами создания «Великой Украины», Берлин дал согласие Будапешту на оккупацию края, засвидетельствовав тем самым свое якобы равнодушие к карпатоукраинской проблеме и создавая благоприятную почву для германо-советского сближения.

Ключевые слова: Карпатская Украина, Чехословакия, Германия, Венгрия, Польша, Румыния, Советский Союз, внешняя политика, территориальные претензии, чехословацкий кризис.

CARPATHO-UKRAINIAN ASPECTS OF EUROPEAN FOREIGN POLICY DURING THE CZECHOSLOVAKIAN CRISIS (1938–1939)

V.V. Trofymovych¹, L.V. Trofymovych²

¹ The National University of Ostroh Academy

2 Seminarska Street, Ostroh, Rivne region, 35800, Ukraine

E-mail: v.trofymovych@rambler.ru

² Hetman Petro Sahaidachnyi National Army Academy

32 Heroiv Maidanu, Lviv, 79012, Ukraine

E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

Abstract

The activities of the Ukrainian political forces of Subcarpathian Rus (Carpatho-Ukrainian state, Transcarpathian Ukraine) gave a boost to the Ukrainian problem in Czechoslovakia and uplifted it to the international level. However, in the context of the Third Reich complete domination in the region, Nazi Germany played a deep diplomatic game around the further fate of Czechoslovakia, which involved Hungary, Poland, Romania, and other states. Like Berlin, Budapest, Warsaw and Bucharest wanted to claim their sovereignty over part of Czechoslovakia, including Carpathian Ukraine. Moreover, Hungary and Poland made significant efforts to satisfy their territorial appetites and eliminate the autonomous Carpathian Ukraine, whose brief existence not only coincided with the Czechoslovak crisis, but was also largely a product of the latter. Applying a delay tactic, manipulating around the Carpatho-Ukrainian question and, at the same time, holding in confidence its own plans for the region, the Nazi elite tried to find out the real intentions of the countries concerned, to alienate Czechoslovakia from them and, by blackmail and encouragement, to strengthen its influence on the policy of these countries. Carpathian Ukraine was used as a bargaining chip by Germany and the USSR. Playing on Moscow's concerns about the plans to create a "Great Ukraine", Berlin allowed Budapest to occupy the land, thereby demonstrating its indifference to the Carpatho-Ukrainian problem and creating a favorable ground for the German-Soviet rapprochement.

Keywords: Carpathian Ukraine, Czechoslovakia, Third Reich, Nazi Germany, Hungary, Poland, Romania, Soviet Union, foreign policy, territorial claims, Czechoslovak crisis.

Після падіння комуністичних режимів у країнах Центрально-Східної Європи та розпаду СРСР українські та зарубіжні дослідники провели значну роботу з метою неупередженого вивчення міжнародної політичної кризи, що переросла у Другу світову війну, в т. ч. й

досліджуваної нами проблеми. Серед них варто виділити, насамперед, О. Богіва і В. Задорожного (Богів, Задорожний 1999), М. Вегеша (Вегеш 2004), П. Гай-Нижника (Гай-Нижник 2011), І. Гранчака (Гранчак 1995), Я. Гришина (Гришин 1999), Д. Домбровського (Домбровський 2012), В. Мар'їну (Мар'їна 2003), С. Морозова (Морозов 2004; Морозов 2005; Морозов 2006), А. Пушкаша (Пушкаш 2006), М. Швагуляка (Швагуляк 1990; Швагуляк 2000).

Спираючись на різноманітні джерела та спеціальну літературу, автори здійснили спробу проаналізувати карпатоукраїнський аспект у зовнішній політиці європейських країн у період чехословацької кризи.

Після аншлюсу Австрії наступною жертвою нацистської експансії мала стати Чехословаччина, послаблення міжнародного становища якої суттєво вплинуло на зростання й консолідацію античехословацького автономістського та сепаратистського руху як серед судетських німців, так і у Словаччині й Підкарпатській Русі (Історія 2001: 425). Крім Німеччини, свої територіальні претензії до неї висунули Угорщина та Польща. Перша прагнула збудувати «велику батьківщину Карпат і Дунаю», куди б повернулися терени, відрізані від неї Тріанонським мирним договором 1920 р. Вона здійснювала наростаючий тиск на офіційну Прагу, наполягаючи на відокремленні території, заселеної угорцями, та наданні словакам і закарпатським українцям права на «самовизначення». Між рядками цих дипломатичних формулювань виразно проступала кінцева мета офіційного Будапешта: приєднання усїєї Словаччини й Закарпаття. Аби підкріпити свої зазіхання, він розпочав на території Закарпатської України широку підривну діяльність (Швагуляк 2000: 300).

У досліджуваний період істотно активізувала свої зусилля на чехословацькому напрямку і Друга Річ Посполита (Historia 1995: 559–564; Морозов 2004: 391–424). Зокрема, глава її зовнішньополітичного відомства Ю. Бек побоювався, що при посиленні німецьких впливів у регіоні Закарпатська Україна буде використана як антипольський плацдарм. Паралельно з цим на Вежбовій (назва вулиці в польській столиці, де розмішувалося Міністерство закордонних справ) будувалися плани відриву від ЧСР Тешинської Сілезії, котру Рада послів Антанти в липні 1920 р., як вважали в Варшаві, несправедливо включила до складу цієї держави. Здійснювана західними країнами політика «умиротворення агресора», їхній шантаж президента Е. Бенеша проблемою судетських німців навіювали польським зверхникам думку, що вищенаведені розрахунки правильні (Морозов 2005: 115).

Своєю чергою, гітлерівська верхівка всіляко намагалася використати античехословацький комплекс господарів Бельведеру.

Прибувши 14 січня 1938 р. до Берліну із візитом, Ю. Бек погодився з планами усунення ЧСР, а 16 лютого був поінформований про те, що після аншлюсу Австрії настане її черга. У цьому ж місяці у Варшаві побували регент Угорщини М. Хорті, що стало польсько-угорською античехословацькою демонстрацією, а також один із нацистських лідерів Г. Герінг, якого тут попросили узгоджувати подальші кроки в здійсненні задуманих планів. Отже, з лютого 1938 р., як зауважив М. Мельтюхов, йшлося про створення єдиного німецько-польсько-угорського античехословацького фронту (Мельтюхов 2001: 152–153).

21 вересня польський посол у Празі К. Папес за дорученням свого уряду вручив міністру закордонних справ Чехословаччини К. Крофті ноту з вимогою невідкладного застосування до районів, заселених поляками, рішень, прийнятих Празьким Градом стосовно німецької меншини. Офіційна Варшава розірвала також польсько-чехословацький договір 1925 р., що регулював становище її меншини в цій країні (Historia 1995: 567; Морозов 2006: 124).

У вівторок, 27 вересня, з Вежбової до Праги надійшла чергова нота з вимогою підписати двосторонню угоду, яка б зафіксувала передачу Польщі т. зв. Заользької Сілезії і проведення плебісциту на теренах, заселених «значною мірою польською меншиною» (Terlecki 1985: 138). Цей ультиматум був прийнятий 1 жовтня.

Як відомо, внаслідок змови чотирьох держав у Мюнхені 29–30 вересня 1938 р. Чехословаччина (так стала називатися країна після того, як Словаччина, а також Підкарпатська Русь отримали автономію), по суті, виявилася розділеною на три частини, кожна з яких намагалася здійснювати внутрішню і зовнішню політику на свій розсуд, не враховуючи наявність єдиної держави (Марьина 2003: 6).

10 жовтня після наради у Берліні до всіх німецьких посольств були направлені рекомендації МЗС, в яких зазначалось: «У карпато-українському питанні ми виявляємо стриманість. Ми не підтримуємо спільного польсько-угорського кордону, хоча зовні не будемо виглошувати антиугорських чи антипольських гасел... Ми не розвиваємо в цьому питанні на даний час особливої активності. Загальне гасло звучить “самовизначення”» (Documents 1956: 52).

15 жовтня заступник наркома закордонних справ СРСР В. Потьомкін заявив угорському послу в Москві М. Юнгерту-Арноті: Берлін проти приєднання Закарпаття до Угорщини, оскільки хоче створити в краї нацистський центр в інтересах своїх східних планів, у т. ч. стосовно Польщі, налаштувавши проти неї галицьких українців і полегшивши тим самим здійснення своїх претензій щодо неї (Пушкаш 2006: 176).

Як відомо, рішенням Віденського арбітражу від 2 листопада 1938 р. Угорщині передавалися Ужгород, Мукачево, Берегове з до-

тичними до них районами та Південна Словаччина. Оскільки його рішення не повністю задовольнили угорських політиків, то вони намагалися переконати західні країни в тому, що карпатоукраїнська проблема є загальноєвропейською і лише приєднавши край, Угорщина зможе оберігати континент від проникнення сюди більшовицьких ідей. Віддзеркалюючи їхню позицію, член парламенту Й. Іллеш заявив наступне: «Русинська земля є ключем Сходу, воротами Сходу... через які проходили не лише войовничі східні народи, а й східні ідеї... Протягом усієї історії Угорщина охороняла західноєвропейську культуру від впливу із Сходу. Тепер тим більше це необхідно, коли звідти виходить загроза ідеї більшовизму. Тому русинське питання є загальноєвропейським питанням» (Пушкаш 2006: 211).

Про маніпулювання канцлером Німеччини карпатоукраїнською проблемою свідчить його позиція під час перемовин з королем Румунії 24–26 листопада в Берліні, письмово зафіксована Й. Ріббентропом у доповненні до їх протоколу. Звідси ми дізнаємося, що А. Гітлер навмисне залишив відкритим перед Каролом II питання майбутнього ставлення нацистів до неї. Попри те, що напередодні німці застерegli Будапешт від окупації решти Закарпаття, «все ж фюрер, – занотував тут міністр, – дотримується думки, на яку я дуже зважаю, що ми не повинні брати на себе перед румунами ризикованого зобов'язання проти окупації цієї території Угорщиною. Основна ідея нашої політики щодо Угорщини і Румунії тепер повинна полягати в тому, аби у цьому регіоні зіткнути обидві ці країни і влаштувати справи на користь Німеччини залежно від того, як розгорнуться події» (Documents 1956: 339–340).

Як зазначив М. Коваль, не підтримавши прагнення угорців окупувати всю Карпатську Україну, Берлін, разом із тим, не погоджувався на постійний патронат Німеччини над краєм, якого добивався його прем'єр-міністр А. Волошин. «Питання зависло у повітрі, нервуючи Кремль, котрий волів, щоб Угорщина зробила свою справу, і з політичної карти Європи зчезла українська автономія» (Коваль 2003: 35).

Як зауважив М. Швагуляк, нацистська позиція щодо Карпатської України стала об'єктом пильної уваги західних урядів, які побачили в ній контури ймовірної гітлерівської експансії в напрямку УРСР. Не виключено, що Берлін доклав значних зусиль, аби підштовхнути їх до подібних висновків (Швагуляк 2000: 304).

Своєю чергою, західні діячі інформували радянських дипломатів про «українські плани» Берліна. Так, радник уряду Великобританії Г. Вільсон заявив повпреду СРСР І. Майському під час зустрічі 29 листопада наступне: «Гітлер обрав зараз як найближчий етап лінію удару на схід, у бік України... він розраховує викликати в Україні вели-

кий сепаратистський рух і розіграти цю карту приблизно в такому ж дусі, як було розіграно чехословацьку карту. Знову буде пущене у хід гасло “самовизначення”. У такому плані Гітлер розраховує отримати Україну без великої війни» (СССР в боротьбі 1971: 99).

Дещо пізніше, 6 грудня, лідер ліберальної партії екс-прем'єр-міністр Великобританії Д. Ллойд Джордж під час бесіди у парламенті з І. Майським заявив, що задум А. Гітлера полягає в тому, аби повернути Німеччині «коридор» і Сілезію, відірвати від Польщі її українську частину, об'єднати останню з Прикарпатською Україною і з обидвох створити васальну українську державу (Документи 1977: 661–662; Год кризиса 1990: 130).

14 грудня тимчасово повірений у справах СРСР у Німеччині Г. Астахов повідомляв наркомун закордонних справ М. Литвинову, що, згідно висловлювань американських політиків і преси, українська проблема є вельми актуальною в Берліні. Її розв'язання там бачать у створенні «єдиної» України, включаючи радянську. «Моїх співрозмовників явно дивує, – писав він, – чому наша преса не реагує на цю кампанію, що знайшла своє відображення і в німецьких газетах. Ми б могли з набагато більшою підставою довести право СРСР на Карпатську Україну, ніж ця остання – на нашу» (Год кризиса 1990: 144).

Як свідчить лист посла Франції у Німеччині Р. Кулондра, надісланий у Париж міністру закордонних справ Ж. Бонне 15 грудня, протягом десяти останніх днів націонал-соціалістичний актив говорив про створення «Великої України», яка б стала житницею Райху. В оточенні А. Гітлера, продовжував дипломат, обдумують таку операцію, що повторила би у більш широких масштабах операцію в Судетах: проведення у Польщі, Румунії і СРСР пропаганди за надання незалежності Україні, у зручний момент дипломатична підтримка й акція з боку місцевих добровольчих загонів. А центром руху стане Закарпатська Україна. Стосовно ж Чехословаччини, то створена як оплот для стримування німецького просування, вона послужить в якості тарана «для пролому воріт на Схід» (Год кризиса 1990: 148).

Згідно рапорту фінського посланника у Варшаві Ківікоскі в Гельсінкі від 22 листопада 1938 р., який мав тісні контакти з польськими дипломатами, від них він одержав таку інформацію: тут вважають, що Третій райх у своїх власних інтересах хоче зберегти Закарпатську Україну як автономне утворення. І далі: «В польських колах впевнені, що найближчою ціллю Німеччини в її зовнішній політиці є відторгнення від СРСР України і створення з неї самостійної держави. Для цього базою повинна стати Закарпатська Україна. Цей план Польщі не подобається, оскільки, якщо він буде здійснений, стане актуальним питання польських українців, які незадоволені своїм становищем

і опозиційно налаштовані до польського уряду» (Рассекреченные документы 2009: 461).

Приблизно тоді ж Ю. Бек заявив американському журналісту, що зовнішня політика Польщі буде чинити опір прагненням Німеччини в українському питанні і «перешкоджати організації самостійної української держави» (Рассекреченные документы 2009: 498). З цією метою, мовляв, МЗС добивається поділу Закарпатської України і встановлення спільного польсько-угорського кордону.

Безперечно, Варшава і Москва хворобливо реагували на розвиток національно-визвольного руху на Закарпатті та поширення його за терени краю. Відомо, що вони висловили протести пражському федеральному уряду з цього приводу, а також стосовно публікацій у чеській пресі статей про Україну (Стерчо 1964: 95). Саме у жовтні-листопаді 1938 р. помітним стає зближення їх позицій, активізація дипломатичних контактів, поліпшення відносин, на що, зокрема, звернув увагу німецький посол у СРСР В. Шуленбург. «Карпатська Україна під німецьким впливом являє собою головну загрозу для Радянського Союзу як кристалізаційний пункт для українського визвольного руху, – повідомляв він у Берлін. – В цій справі Радянський Союз має спільні інтереси з Польщею» (Documents 1953: 108; Polska w polityce 1989: 37).

В іншому випадку цей дипломат помітив наступне: офіційна Москва, з одного боку, досить болісно відреагувала на концентрацію польських військових частин 23 вересня на кордоні з Чехословаччиною, погрожуючи розривом пакту про ненапад на випадок входження їх на територію останньої, а, з іншого, спокійно сприйняла їхню концентрацію на кордоні з Закарпатською Україною (Polska w polityce 1989: 37).

Щодо реакції СРСР на вищезгадані висловлювання німецьких і західних політиків, то там, згідно публікацій радянської преси, ще в листопаді не виключали такого розвитку подій, однак у подальшому починає домінувати інша позиція. Свідченням цього, наприклад, була розмова М. Литвинова з тимчасовим повіреним у справах Франції в СРСР Ж. Пайяром 19 грудня, якого перший намагався переконати, що у Кремлі чутки про «українську акцію» німців вважають просто несерйозними (Год кризиса 1990: 155).

Завдяки донесенням своїх дипломатів, радянське керівництво зорієнтувалося, що українська проблема більше обговорюється в Лондоні і Парижі, ніж у Берліні. «У будь-якому випадку, я особисто не сумніваюсь, – писав А. Суриц М. Литвинову 27 грудня з Парижа, – що Бонне і його однодумці глибоко б зітхнули з полегшенням, коли б німці справді полізли на Україну» (Год кризиса 1990: 161).

У Москві не виключали також, що мали справу з пропагандистською диверсією з метою приспати та заспокоїти Англію і Францію і під цим прикриттям приготувати «новий сюрприз» для них (Год кризиса 1990: 155). «Не думаю, щоби сам Гітлер і його оточення дійсно вважали українське питання проблемою актуальної політики», – зазначав М. Литвинов у листі до радянського посла у Парижі Я. Сурица від 31 грудня 1938 р. (Год кризиса 1990: 164; СССР в борьбе 1971: 143). Водночас нарком відкидав можливість серйозної німецько-польської угоди, оскільки, на його думку, Варшаві нічим заплатити за відмову Берліна від зазіхань на Данциг, «коридор», Сілезію та Литву. Буде також важко для Німеччини, додав він, цілком ліквідувати українську акцію, якщо вона навіть розпочата з метою залякування Польщі, бо ця акція не може бути зосереджена на одній УРСР (Год кризиса 1990: 165).

Як уже зазначалося, радянське керівництво також було стривожене подіями у Закарпатті, ідеями «Великої України», використанням Берліном «української карти». «Хуст (нова столиця Карпатської України після Віденського арбітражу. – *В.Т., Л.Т.*) є сьогодні центром інтриг, шпигунства і контршпигунства, в яких Німеччина грає керівну роль, – зазначалось у газеті "Правда"... – Інтерес імперіалістичних хижаків до Закарпатської України пояснюється не стільки її економічними багатствами, скільки тим місцем, яке їй відводиться в планах майбутніх загарбань німецького фашизму» (Правда 1939).

Розуміючи, очевидно, нереальність якогось наступу із краю на УРСР, Москву, як і Варшаву, водночас лякала перспектива виникнення навіть невеличкої української держави, яка б могла стати взірцем для всіх українців і центром сепаратистської пропаганди, спрямованої на республіку (Коваль 2003: 36).

Певне заспокоєння внесло одержане агентурним шляхом повідомлення про те, що під час берлінської зустрічі Й. Ріббентропа і Ю. Бека 6 січня 1939 р. німецький міністр заявив про відсутність в його країні жодних планів стосовно «Великої України» (Год кризиса 1990: 176). У підготовленому для нього документі «Директиви для бесіди Ріббентропа з Беком», зокрема, зазначалося: «Побоювання Польщі, нібито Німеччина намірена перетворити Прикарпатську Русь у зародок великоукраїнської держави, немає під собою ґрунту. Німеччина вже дала відповідні вказівки для того, щоб не викликати подібного враження. Прикарпатська Русь збереже свою самостійність у рамках Чехословаччини і не буде відігравати жодної ролі в міжнародній політиці» (Год кризиса 1990: 164).

І все-таки кремлівські очільники вирішили оперативно відреагувати і на роздмухування «галасливої пропагандистської кампанії»,

насамперед Лондоном і Парижем, і на певну зміну позиції Берліна в українському питанні. Для цього обрали найвищу трибуну – XVIII з'їзд ВКП(б), що відкрився 10 березня 1939 р., і в доповіді на якому Й. Сталін приділив українській справі значну увагу. «Характерний є той шум, який зчинила англо-французька й північноамериканська преса з приводу Радянської України, – зазначив він. – Діячі цієї преси до хрипоти галасують про те, що німці йдуть на Радянську Україну, що вони вже тепер мають у руках так звану Карпатську Україну, яка налічує близько 700 тисяч населення, що німці щонайпізніше весною цього року приєднають Радянську Україну, яка має понад 30 мільйонів населення, до так званої Карпатської України. Схоже на те, що цей підозрілий шум мав за мету підняти лють Радянського Союзу проти Німеччини, отруїти атмосферу і спровокувати конфлікт з Німеччиною без видимих на те підстав... звичайно, цілком можливо, що в Німеччині є божевільні, які мріють приєднати слона, тобто Радянську Україну, до куськи, тобто до так званої Карпатської України. Але якщо відкинути геть божевільних і звернутися до нормальних людей, то хіба не ясно, що смішно і безглуздо говорити про приєднання Радянської України до так званої Карпатської України?» (XVIII съезд 1939: 14; Известия 1939).

Генсек ЦК ВКП(б) звернув увагу на те, що Німеччина дуже розчарувала Великобританію і Францію, оскільки, мовляв, замість того, аби рушити на Радянський Союз, вона повернула на Захід і вимагає колоній. Він також заявив, що СРСР хоче мирно співпрацювати з усіма країнами, маючи на увазі й Німеччину (XVIII съезд 1939: 14; Огласенню подлежит 2004: 9–10). «Це найбагатозначніша заява. Вона несе ознаки чіткого попередження англійському та французькому урядам, що Радам остогидла нереалістична опозиція агресорам, – зафіксував 11 березня 1939 р. у своєму щоденнику американський дипломат Д. Девіс, який три попередні роки був послом у Москві. – Це вочевидь найбагатозначніший сигнал небезпеки з усіх, які мені доводилося чути» (Davies 1941: 437).

Своєю чергою, у Берліні помітили «жест доброї волі Сталіна», зрозуміли, що проблема Карпатської України є основною перешкодою на шляху до порозуміння двох країн і одночасно його ціною, а тому вирішили відступитися від Закарпаття на користь Угорщини, якій готували роль свого союзника в європейській війні. Показовою в цьому відношенні є інформація, одержана радянською розвідкою агентурним шляхом від спеціального референта з українського питання в канцелярії Й. Ріббентропа П. Клейста. Як впливає з його слів, він з 6 по 11 березня за дорученням міністра закордонних справ готував для канцлера матеріали про «українську проблему». «У своїх доповідних записках і доповідях фюреру я випробував усі засоби

для порятунку Карпатської України, – розповідав він. – Я вказав на важливість значення Карпатської України в зв'язку з німецькими планами на Сході. Я звертав увагу на можливість сильного обурення українців проти Німеччини на випадок, якщо ми віддамо Карпатську Україну Угорщині. Нарешті, я вказав на те, що ми не можемо раптово порвати з українцями після того, як підтримували їх сподіваннями на утворення Карпатської України з німецькою допомогою та підтримкою. На фюрера ці аргументи не справили враження. Як мені повідомив міністр закордонних справ, А. Гітлер на все це відповів: “Це трагічно, проте неминуче... Якщо б я зв'язався з українцями та їх політичними планами, то у Відні не було би прийняте третейське рішення, яке зробило Карпатську Україну нежиттєздатною» (Год кризиса 1990: 273; Военная разведка 2008: 64–65).

На думку П. Полянського, історична драма карпатоукраїнської держави та її наслідки для всього загальноукраїнського руху полягали в тому, що інтервенція гітлерівців на Схід об'єктивно була на руку цьому краю. Переорієнтація Берліна на завдання першого удару по Заходу позбавляла її шансів на життя, оскільки на початковому етапі передбачалися спільні дії (проти Польщі) Німеччини та СРСР. Така переорієнтація сталася приблизно на межі 1938–1939 рр., і відтоді для нацистського керівництва мова могла іти про завоювання уже всієї України, незважаючи на те, який статус тоді мали її землі (Полянський 2009: 116).

У ніч на 15 березня 1939 р. гітлерівські війська зайняли Чехію, а угорські, отримавши згоду А. Гітлера, протягом чотирьох наступних днів окупували Карпатську Україну, сойм якої напередодні проголосив її незалежність. «Одночасно Закарпатська Русь також проголосила... незалежність і звернулася до Берліна про захист, – повідомив 16 березня у Париж Р. Кулондр. – Однак гітлерівські керівники залишаються глухими до закликів цієї країни, що зв'язала з ними усі свої сподівання; на деякий час їй відводиться роль “українського П'ємонта”. Закарпатську Україну окупувають угорські війська» (Год кризиса 1990: 286).

Своєю чергою, тимчасово повірений у справах СРСР у Берліні Г. Астахов записав тоді ж у своєму щоденнику наступне: «Німеччина офіційно відмовилася від негативного ставлення до встановлення польсько-угорського кордону і дала згоду на зайняття угорцями Прикарпатської Русі» (Документи 1992: 185).

На думку тогочасного запеклого опонента Й. Сталіна Л. Троцького, фюрер такою поведінкою немов би давав зрозуміти кремлівському господарю: якби він планував «похід на Україну», то залишив би Карпатську Україну для Райху (Троцкий 1939: 6). Німецьку тактику

в карпатоукраїнському питанні розгадала і галицька газета «Національна політика», зазначивши, що це «може бути цілком добре також презентом Гітлера Сталінові, мовляв, дивися, я цілком не маю ніяких українських замірів» (Національна політика 1939). Зрештою, під час розмови Г. Астахова із заступником завідувача відділом преси МЗС Німеччини Б. Штуммом 9 травня 1939 р. останній, переконуючи співрозмовника, що політика його уряду стосовно Радянського Союзу змінилася на краще, зауважив: «Ліквідація Карпатської України, хоча і зроблена не безпосередньо заради СРСР, але була б неможлива, якби у Німеччини був намір здійснювати експансію в бік України» (Год кризиса 1990: 441).

Як свідчать документи радянської розвідки, 17 березня 1939 р. представник німецького бюро зв'язку у Варшаві Е. Єнш бесідував з фракцією Українського національно-демократичного об'єднання в парламенті. Українські депутати дорікали йому за те, що «Гітлер, якому вони сліпо довіряли, зрадив їх (українців. – *В.Т., Л.Т.*), і що Німеччина кинула їх на пожирання угорським і польським шакалам» (Военная разведка 2008: 65). Водночас вони закликали його вплинути через німецьке посольство на Берлін, аби він продемонстрував наступні конкретні жести на підтримку української справи:

1. Німеччина повинна змусити Угорщину надати Карпатській Україні широку автономію.

2. Будапешт повинен погодитися на такий уряд в краї, на чолі якого б «стояли надійні елементи на зразок Волошина і Ревая».

3. Угорщина має визнати повноважними останні вибори в сойм Карпатської України.

4. «Січовики», які воюють проти Угорщини, повинні одержати амністію і можливість перебратися до німецького протекторату над Богемією і Моравією. «Там вони могли б бути зараховані в спеціальну військову організацію і використані в якості українських офіцерів майбутньої української армії» (Военная разведка 2008: 65).

Наступного дня Е. Єнш доповів про українські пропозиції німецьким послу і військовому аташе у Варшаві, проте вони відмовилися довести до відома про них Берлін.

Прагнення гітлерівців не дратувати Москву контактами з українцями та зайвий раз продемонструвати свою незацікавленість «українською справою» помітив у квітні 1939 р. і польський консул у Берліні (ААНа 1939: 69). А 30 травня статс-секретар МЗС Німеччини Е. Вайцзеккер переконував Г. Астахова: «Поляки, пакт з якими німецький уряд анулював, ... намагалися створити враження, нібито Німеччина має якісь аспірації на Україні. У Бека прикро слабка пам'ять. Але німецький уряд дав вичерпну відповідь на ці спроби, ліквідувавши Карпатську

Україну» (На роковом порогі 1939: 109; Год кризиса 1990: 520).

Одержавши з Берліна негативну відповідь на прохання захистити від угорської агресії, обраний президентом Карпатської України А. Волошин, який до того був прихильником орієнтації на Третій райх, звернувся у відчаї до Бухареста з проханням приєднати край до Румунії. «Перебігши в Мараморош-Сигет, Волошин ще в Хусті проголосив приєднання Русинської області до Румунії, – повідомляв 16 березня угорський посланник у Бухаресті Л. Бардоші своєму міністру закордонних справ І. Чакі. – Сьогодні у другій половині дня Рада міністрів розглядала цю пропозицію Волошина» (Тернистий шлях 2007: 251).

Однак румунське керівництво відмовило А. Волошину, оскільки тоді теж мало «свої інтереси на русинській території» і вивчало пропозиції польської сторони, яка «посилено схилилася румунський уряд окупувати ці території, що можна було би здійснити з допомогою військ, стягнутих до кордону» (Тернистий шлях 2007: 250–251), а також побоювалося негативної реакції Німеччини. Більше того, як повідомляв польський консул у Хусті П. Курницький до Варшави 20 березня, Бухарест пообіцяв передати угорській стороні січовиків та українських діячів, які перейшли до Румунії. Він рекомендував своєму МЗС створити спільну польсько-угорську комісію з метою виявлення «виборчих фальсифікацій і фінансових зловживань Волошина» (AANb 1939: 2).

На позицію Бухареста в карпатоукраїнському питанні проливає світло і запис бесіди військово-морського аташе СРСР у Туреччині з військовим аташе Румунії у Стамбулі 15 березня 1939 р. Під час розмови останній наголосив: «Румунію цікавить питання про те, як вирішиться доля Прикарпатської України. Якщо вона відійде до Угорщини, то тим самим з'явиться угорсько-польський кордон, що влаштовує Італію, але не влаштовує, ймовірно, Німеччину. У цьому випадку румуни поставлять, можливо, питання про свої претензії на райони з румунським населенням. Якщо ж Прикарпатська Україна відійде до Німеччини, то виникне пряма загроза для польської України» (Документи 1992: 192). Як впливає з цього запису, румунський представник заявив, що СРСР, Друга Річ Посполита та Балканська Антанта повинні утворити блок, аби перешкодити експансії Німеччини на схід, бо якщо вона захопить край, то наступним об'єктом може бути «польська Україна», а далі – спроба просунутись або в напрямку УРСР, або захопити Румунію (Документи 1992: 192). Зазначимо, що і після окупації Угорщиною Карпатської України Бухарест сподівався дипломатичним шляхом із допомогою Варшави повернути хоча би чотири села, населені румунами, залізничну лінію Лонка–Ясіня та терени, розміщені на схід від цієї залізниці (Пушкаш 2006: 280).

Що стосується офіційної реакції СРСР на агресію Німеччини й Угорщини проти його чехословацького союзника, то вона обмежилася, по суті, нотою наркома закордонних справ М. Литвинова, надісланою 18 березня послу В. Шуленбургу. У шостому з восьми її пунктів вказувалося: «Дії німецького уряду послужили сигналом до грубого вторгнення угорських військ у Карпатську Русь і до порушення елементарних прав її населення» (Нота 1939; Документи 1978: 607; Документи 1979: 428).

Після розчленування Чехословаччини радянська дипломатія була обережною у висловлюваннях щодо подальшої долі Карпатської України, аби не зіпсувати відносини з Німеччиною. Враховуючи міжнародну ситуацію, радянсько-німецькі домовленості, кремлівське керівництво не виявляло тоді активності в карпатоукраїнському питанні, переносючи підготовку підґрунтя для приєднання Закарпаття до СРСР на майбутнє.

Отже, подавши сигнал до розчленування та ліквідації Чехословацької Республіки, Мюнхенська конференція водночас загострила проблему Карпатської України.

Застосовуючи тактику вичікування, сплітаючи мереживо інтриг навколо карпатоукраїнського питання і водночас залишаючи за лаштунками власні плани стосовно краю, нацистська верхівка намагалася остаточно з'ясувати справжні задуми зацікавлених країн, налаштувати їх проти Чехословаччини і, поєднуючи методи шантажу та заохочення, зміцнити свій вплив на політику цих країн.

Вона прагнула ціною поневоленого краю проторувати шлях до німецько-радянського порозуміння, а заодно налаштувати Москву проти Варшави, ізолювати Польську Республіку, послабити Румунію, остаточно перетягти на свій бік Угорщину.

ЛІТЕРАТУРА

Богів, Задорожний 1999 – *Богів О., Задорожний В.* Карпатська Україна (Підкарпатська Русь) у міжнародних відносинах (травень 1938 – березень 1939). Ужгород: Патент, 1999. 91 с.

Вегеш 2004 – *Вегеш М.* Августин Волошин і Карпатська Україна. Львів: ЗУКЦ, 2004. 414 с.

Военная разведка 2008 – *Военная разведка информирует.* Документи разведуправления Красной армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. / Сост. М. Гаврилов. М.: МФД, 2008. 786 с.

XVIII съезд 1939 – XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): стенографический отчет. М.: ОГИЗ, 1939. 742 с.

Гай-Ныжнык 2011 – *Гай-Ныжнык П.* Карпатская Украина в 1939 году как одна из «разменных монет» Мюнхенского договора // Западная Белорус-

сия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. СПб.: Алетейя, 2011. 424 с.

Год кризиса 1990 – Год кризиса, 1938–1939: документы и материалы: в 2 т. Т. 1 (29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г.) / Под ред. Л.Ф. Ильичева. М.: Политиздат, 1990. 555 с.

Гришин 1999 – *Гришин Я.* Путь к катастрофе. Польско-чехословацкие отношения 1932–1938 гг. Казань: Заря, 1999. 184 с.

Документы 1977 – Документы внешней политики СССР. Т. XXI / Ред. кол.: Г.К. Деев, И.Н. Жуковский и др. М.: Госполитиздат, 1977. 792 с.

Документы 1978 – Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 3: июнь 1934 – март 1939 гг. / Под ред. П.Н. Поспелова, В. Краля. М.: Наука, 1978. 320 с.

Документы 1979 – Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1938 / Под ред. В.Ф. Мальцева, Д. Спачил. М.: Политиздат, 1979. 471 с.

Документы 1992 – Документы внешней политики СССР. 1939. Т. XXII: в 2 кн. Кн. 1: Январь – август / Под ред. В.Г. Комплектова. М.: Международные отношения, 1992. 712 с.

Домбровскийкий 2012 – *Домбровскийкий Д.* Польша і Закарпаття: 1938–1939. Київ: Темпора, 2012. 392 с.

Известия 1939 – Известия. 1939. 11 марта.

Історія 2001 – Історія Центрально-Східної Європи / За ред. Л. Зашкільняка. Львів : Львівський національний університет ім. І.Франка, 2001. 660 с.

Коваль 2003 – *Коваль В.* Шлях до війни: Партнерство двох диктаторів (1939–1941) // Політична історія України ХХ ст.: у 6 т. Т. 4: Україна у Другій світовій війні, 1939–1945. К.: Генеза, 2003. С. 15–62.

Марьина 2003 – *Марьина В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М.: Новый хронограф, 2003. 304 с.

Мельтюхов 2001 – *Мельтюхов М.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние. 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001. 464 с.

Морозов 2004 – *Морозов С.* Польско-чехословацкие отношения 1938–1939. Что скрывалось за политикой равноудаленности Ю. Бека. М.: Изд-во МГУ, 2004. 528 с.

Морозов 2005 – *Морозов С.* Как пилсудчики «заложили» чехов // Международная жизнь. 2005. № 11. С. 114–127.

Морозов 2006 – *Морозов С.* В «мюнхенские дни» пилсудчики насторожили всю Европу и даже Третий рейх // Международная жизнь. 2006. № 6. С. 123–141.

На роковом пороге 1939 – На роковом пороге (из архивных материалов 1939 года) // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 87–112.

Національна політика 1939 – Національна політика. 1939. 26 березня.

Нота 1939 – Нота народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова послу Германии в СССР Ф. Шуленбургу. 18 марта 1939 г. // Известия. 1939. 20 марта.

Оглашению подлежит 2004 – Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941 гг.: документы и материалы / Сост. Ю.Г. Фельштинский. М.:

Терра – книжный клуб, 2004. 400 с.

Полянський 2009 – *Полянський П.* Українське питання напередодні Другої світової війни: дипломатичний аспект // Пам'ять століть. 2009. № 5–6. С. 105–125.

Правда 1939 – Правда. 1939. 5 марта.

Пушкаш 2006 – *Пушкаш А.* Цивилізація или варварство: Закарпаття 1918–1945. М.: Европа, 2006. 564 с.

Рассекреченные документы 2009 – Рассекреченные документы Второй мировой войны // «Завтра может быть уже поздно...». Вестник МГИМО–Университета. М., 2009. С. 405–598. Спецвыпуск.

СССР в борьбе 1971 – СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 гг.): документы и материалы / Редкол. А.А. Громыко и др. М.: Политиздат, 1971. 671 с.

Стерчо 1964 – *Стерчо П.* Українська справа у міжнародній політиці 1938–1939 // Сучасність. 1964. № 4. С. 89–101.

Тернистий шлях 2007 – Тернистий шлях до України: зб. документів і архівних матеріалів «Закарпаття в європейській політиці 1918–1919, 1938–1939, 1944–1946 рр.» / Упоряд. О.Д. Довганич та О.М. Корсун. Ужгород: Закарпаття, 2007. 749 с.

Троцкий 1939 – *Троцкий Л.* «Об украинском вопросе» // Бюллетень оппозиции большевиков-ленинцев. Париж, 1939. Вып. 78–79. С. 3–8.

Швагуляк 1990 – *Швагуляк М.* «Українська карта». Українське питання у міжнародній політиці напередодні та на початку Другої світової війни // Дзвін. 1990. № 7. С. 83–95.

Швагуляк 2000 – *Швагуляк М.* Українське питання в міжнародних політичних кризах передодня Другої світової війни (1938–1939) // Вісник Львівського університету. Серія історична. Львів, 2000. Вип. 35–36. С. 296–320.

AANa 1939 – Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Zespół 322. Ministerstwo Spraw Zagranicznych. Departament Polityczno-Ekonomiczny. Wydział Wschodni. 1918–1939. Sygnatura akt 5324 – Działalność Ukraińców w związku z likwidacją Rusi Zakarpackiej. Raporty, korespondencja. 1939 r., 21 k.

AANb 1939 – Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Zespół 474. Ambasada Rzeczypospolitej w Berlinie. 1920–1939. Sygnatura akt 3935 – Korespondencja ambasadora J. Lipskiego z Centralą MSZ i z konsulami RP na terytorium Rzeszy Niemieckiej. 1937–1939 rr., 300 k.

Davies 1941 – *Davies J.* Mission to Moscow. N.Y.: Simon and Schuster, 1941. 659 p.

Documents 1953 – Documents of German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D (1937–1945). Vol. V. June, 1937 to March, 1938. Germany's Relations with Poland; the Balkans; Latin America; Small Powers. London: His Majesty's Stationery Office, 1953. LXXXIII, 958 p., Appendices.

Documents 1956 – Documents of German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D (1937–1945). Vol. VI. The Last Months of Peace. March – August 1939. London: Her Majesty's Stationery Office, 1956. XCIII, 1149 p.

Historia 1995 – Historia dyplomacji polskiej. T. IV. (1918–1939) / Kier. Gerard Labuda. Warszawa: PWN, 1995. 719 s.

Polska w polityce 1989 – Polska w polityce międzynarodowej (1939–1945): zbiór dokumentów / Wybrał, przedmową i przypisami opatrzył Włodzimierz T. Kowalski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989. 670 s.

Terlecki 1985 – *Terlecki O.* Pułkownik Beck. Kraków: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1985. 373 s.

REFERENCES

Bogiv, O. & Zadorozhnyi, V. (1999) *Karpats'ka Ukraina (Pidkarpats'ka Rus') u mizhnarodnikh vidnosinakh (traven' 1938 – berezen' 1939)* [Carpathian Ukraine (Subcarpathian Rus) in the international relations (May of 1938 – March of 1939)]. Uzhhorod: Patent.

Vegeš, M. (2004) *Avgustin Voloshin i Karpats'ka Ukraina* [Augustyn Voloshyn and Carpathian Ukraine]. Lviv: ZUKTs.

Gavrilov, M. (2008) *Voennaya razvedka informiruet. Dokumenty razvedupravleniya Krasnoy armii. Yanvar' 1939 – iyun' 1941 gg.* [Military intelligence informs. Documents of the Intelligence Department of the Red Army. January 1939 – June 1941]. Moscow: MFD.

The All-Union Communist Party (Bolsheviks). (1939) *XVIII syezd Vsesoyuznoi kommunisticheskoi partii (b): stenograficheskyi otchet* [The 18th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks): verbatim report]. Moscow: OGLZ.

Gay-Nyzhnyk, P. (2011) *Karpatskaya Ukraina v 1939 godu kak odna iz "razmennykh monet" Myunkhenskogo dogovora* [Carpathian Ukraine in 1939 as one of the "exchange coins" of the Munich Treaty]. In: Petrovskaya, O.V. & Borisenok, E.Yu. (eds) *Zapadnaya Belorussiya i Zapadnaya Ukraina v 1939–1941 gg.: lyudi, sobytiya, dokumenty* [Western Belarus and Western Ukraine in 1939–1941: people, events, documents]. St. Petersburg: Aleteyya.

Ilichev, L.F. (ed.) (1990) *God krizisa, 1938–1939: Dokumenty i materialy: v 2 t.* (1990) [The Year of Crisis, 1938–1939. Documents and materials in two vols]. Vol. 1. Moscow: Politizdat.

Grishin, Ya. (1999) *Put' k katastrofe. Pol'sko-chechoslovatskie otnosheniya 1932–1938 gg.* [The way to catastrophe. Polish-Czechoslovak relations in 1932–1938]. Kazan: Zarya.

Deev, G.K., Zhukovsky, I.N. et al. (1977) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of the USSR foreign policy]. Vol. 21. Moscow: Gospolitizdat.

Pospelov, P.N. & Kral, V. (eds) (1978) *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chechoslovatskikh otnosheniy* [Documents and materials on the history of Soviet-Czechoslovak relations]. Vol. 3. Moscow: Nauka.

Maltsev, V.F. & Spachil, D. (eds) (1979) *Dokumenty po istorii myunkhenskogo sgovora. 1937–1938* [Documents on the history of the Munich collusion. 1937–1938]. Moscow: Politizdat.

Komplektov, V.G. (ed.) (1992) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of the USSR foreign policy]. Vol. 22. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Dombrovsky, D. (2012) *Pol'shcha i Zakarpattya: 1938–1939* [Poland and Transcarpathia: 1938–1939]. Kyiv: Tempora.

Izvestiya (1939) 11th March.

Zashkilnyak, L. (2001) *Istoriya Tsentral'no-Skhidnoi Evropi* [History of Central and Eastern Europe]. Lviv: Ivan Franko Lviv National University.

Koval, V. (2003) Shlyakh do viyni: Partnerstvo dvokh diktatoriv (1939–1941) [The Way to War: The Partnership of Two Dictators. 1939–1941]. In: Kuras, I.F. (ed.) *Politychna istoriya Ukraini XX st.: u 6 t.* [Political History of Ukraine of the Twentieth Century. In 6 vols]. Vol. 4. Kyiv: Geneza.

Maryina, V. (2003) *Zakarpatskaya Ukraina (Podkarpatskaya Rus') v politike Benesha i Stalina. 1939–1945 gg.* [Transcarpathian Ukraine (Subcarpathian Rus) in Stalin's and Benes's politics. 1939–1945]. Moscow: Novyy khronograf.

Meltyukhov, M. (2001) *Sovetsko-polskie voyny. Voенно-politicheskoe protivostoyanie. 1918–1939 gg.* [Soviet-Polish wars. Military-political confrontation. 1918–1939]. Moscow: Veche.

Morozov S. (2004) *Pol'sko-chekhoslovatskie otnosheniya 1938–1939. Chto skryvalos' za politikoy ravnoudalennosti Yu. Beka.* [Polish-Czechoslovak relations 1938–1939. What was behind J. Beck's policy of equidistance]. Moscow: Moscow State University.

Morozov, S. (2005) Kak pilsudchiki “zalozhyli” chekhov [How followers of Pilsudski “ratted” the Czechs]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. 11. pp. 114–127.

Morozov, S. (2006) V “myunkhenskie dni” pilsudchiki nastorozhili vsyu Evropu i dazhe Tretiy reykh [In the “Munich days” the followers of Pilsudski alerted the entire Europe and even the Third Reich]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. 6. pp. 123–141.

Besymensky, L.A. (ed.). (1989) Na rokovom poroge (iz arkhivnykh materialov 1939 goda) [On the fatal threshold (from archival materials of 1939)]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 87–112.

Natsional'na politika (1939) 26th March.

People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR. (1939) Nota narodnogo komissara inostrannykh del SSSR M.M. Litvinova poslu Germanii v SSSR F. Shulenburgu. 18 marta 1939 g. [Note by People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR M.M. Litvinov to German Ambassador to the USSR F. Schulenburg]. *Izvestiya*. 20th March.

Fel'shtinsky, Yu.G. (2004) *Oglasheniya podlezhit: SSSR – Germaniya. 1939–1941 gg.: dokumenty i materialy* [To be announced: the USSR – Germany. 1939–1941. Documents and materials]. Moscow: Terra – knizhnyy klub.

Polyansky, P. (2009) Ukraїns'ke pitannya naperedodni Drugoi svitovoi viyni: diplomatichnyi aspekt [The Ukrainian Question on the Eve of the Second World War: The Diplomatic Aspect]. *Pam'yat' stolit'*. 5–6. pp. 105–125.

Pravda (1939) 5th March.

Pushkash, A. (2006) *Tsivilizatsiya ili varvarstvo: Zakarpat'e 1918–1945* [Civilization or Barbarism: Transcarpathia 1918–1945]. Moscow: Evropa.

Chechevishnikov, A.L. (ed.) (2009) “Zavtra mozhet byt' uzhe pozdno...” *Vestnik MGIMO–Universiteta* [“Tomorrow maybe too late”. Journal of Moscow State University of International Relations (MGIMO)]. pp. 405–598.

Gromyko, A.A. et al. (eds) (1971) *SSSR v bor'be za mir nakanune Vtoroy mirovoy*

voyny (*sentyabr' 1938 – avgust 1939 gg.*): *dokumenty i materialy* [The USSR in the fight for peace of the eve of the World War (September of 1938 – August of 1939): Documents and Materials]. Moscow: Politizdat.

Stercho, P. (1964) Ukraïns'ka sprava u mizhnarodniy polititsi 1938–1939 [The Ukrainian case in international politics 1938–1939]. *Suchasnist'*. 4. pp. 89–101.

Dovganich, O.D. & Korsun, O.M. (eds) (2007) *Ternistiy shlyakh do Ukraïni: zb. dokumentiv i arkhivnikh materialiv "Zakarpattya v evropeys'kiy polititsi 1918–1919, 1938–1939, 1944–1946 rr."* [A difficult way to Ukraine: The collection of archival documents and materials "The Transcarpathia in European policy in 1918–1919, 1938–1939, 1944–1946]. Uzhhorod: Zakarpattya.

Trotsky, L.D. (1939) Ob ukrainskom voprose [On the Ukrainian Question]. *Byulleten' oppozitsii bol'shevikov-lenintsev*. 78–79. pp. 3–8.

Shvagulyak, M. (1990) "Ukraïns'ka karta". Ukraïns'ke pitannya u mizhnarodniy polititsi naperedodni ta na pochatku Drugoi svitovoi viyni [The Ukrainian card. The Ukrainian question in the international politics on the eve and in the beginning of the Second World War]. *Dzvin*. 7. pp. 83–95.

Shvagulyak, M. (2000) Ukraïns'ke pitannya v mizhnarodnikh politichnikh krizakh peredodnya Drugoi svitovoi viyni (1938–1939) [The Ukrainian Question in International Political Crisis's of the eve of Second World War (1938–1939)]. *Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriya istorichna*. 35–36. pp. 296–320.

The Archive of New Records in Warsaw (AAN). (1939a) *Działalność Ukraińców w związku z likwidacją Rusi Zakarpackiej. Raporty, korespondencja* [Activities of Ukrainians in connection with the liquidation of Transcarpathian Rus. Reports, correspondence]. Ministry of Foreign Affairs. Political-Economy Department. Eastern Office 1918–1939. Act 5324.

The Archive of New Records in Warsaw (AAN) (1939b) *Korespondencja ambasadora J. Lipskiego z Centralą MSZ i z konsulami RP na terytorium Rzeczy Niemieckiej. 1937–1939 rr.* [Correspondence of Ambassador J. Lipski with the Headquarters of the Ministry of Foreign Affairs and consulates of the Republic of Poland on the territory of the German Reich. 1937–1939]. Polish Embassy in Berlin. 1920–1939. Act 3935.

Davies, J. (1941) *Mission to Moscow*. New York: Simon and Schuster.

Her Majesty's Stationery Office (1953) *Documents of German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D (1937–1945)*. Vol. 5. London: His Majesty's Stationery Office.

Her Majesty's Stationery Office (1953) *Documents of German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D (1937–1945)*. Vol. 6. London: Her Majesty's Stationery Office.

Labuda, G. et al. (eds) *Historia dyplomacji polskiej* [History of Polish diplomacy]. Vol. 4. Warsaw: PWN.

Kowalski, W.T. (ed.) (1989) *Polska w polityce międzynarodowej (1939–1945)* [Poland in international politics (1939–1945)]. Warsaw: Państwowy Instytut Wydawniczy.

Terlecki, O. (1985) *Pułkownik Beck* [Colonel Beck]. Krakow: Krajowa Agencja Wydawnicza.

Трофимович Владимир Васильевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Национального университета «Острожская академия» (Украина).

Трофимович Володимир Васильович – доктор історичних наук, завідувач кафедри історії Національного університету «Острозька академія» (Україна).

Volodymyr V. Trofymovych – The National University of Ostroh Academy (Ukraine).

E-mail: v.trofymovych@rambler.ru

Трофимович Лилия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Национальной академии сухопутных войск им. гетмана П. Сагайдачного (Украина).

Трофимович Лілія Володимирівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри гуманітарних наук Національної академії сухопутних військ ім. гетьмана П. Сагайдачного (Україна).

Liliya V. Trofymovych – Hetman Petro Sahaidachnyi National Army Academy (Ukraine).

E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

УДК 94(477.81/82)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/15

КАРПАТСЬКА УКРАЇНА У ПЛАНАХ ГІТЛЕРІВСЬКОЇ НІМЕЧЧИНИ

А.І. Кудряченко

Інститут всесвітньої історії НАН України
Україна, 01030, м. Київ вул. Леонтовича, 5
E-mail: kudani@ukr.net

Авторське резюме

У статті здійснено аналіз становища на українських землях наприкінці 1930-х рр., коли зросло міжнародне значення українського питання, а центр західноукраїнського національного життя перемістився до Закарпаття, яке за певних застережень потрапило в центр європейської політики. З'ясовано, що свої інтереси щодо використання українського питання мали не лише держави, на теренах яких мешкали українці, але й інші, зокрема Німеччина, де до влади прийшла нацистська партія на чолі з А. Гітлером. Використовуючи широке коло архівних джерел і літератури, автор доводить, що гітлерівський режим, переслідуючи свої далекосяжні загарбницькі плани, вміло використовував українське питання як важливий чинник у відносинах з державами Заходу, СРСР, Чехословаччиною, Угорщиною, Польщею та ін. На кожній стадії швидкоплинних змін Гітлер вдало розігрував певні комбінації. Фактично потураючи захопленню Карпатської України Угорщиною, Берлін досягав трьох важливих для нього тактичних цілей: міцніше прив'язував Будапешт до антикомуністичного пакту; забезпечував нейтралітет Польщі на короткий час; заспокоював СРСР, певною мірою створюючи передумови для подальшого німецько-радянського зближення. При цьому Гітлер досягав своїх тактичних цілей та прагнув до реалізації стратегічної мети, наближаючи час розв'язання Другої світової війни.

Ключові слова: Карпатська Україна, українське питання, «Велика Україна», право націй на самовизначення, Мюнхенська угода.

КАРПАТСКАЯ УКРАИНА В ПЛАНАХ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

А.И. Кудряченко

Институт всемирной истории НАН Украины
Украина, 01030, г. Киев ул. Леонтовича, 5
E-mail: kudani@ukr.net

Авторское резюме

В статье проведен анализ ситуации, когда в конце 1930-х гг. возросло международное значение украинского вопроса, а центр западноукраинской национальной жизни переместился в Закарпатье, которое при определенных обстоятельствах попадало в центр европейской политики. Оказывается, что свои интересы в украинском вопросе под прикрытием его «решения» имели не только государства, на территории которых проживали украинцы, но и другие страны, в частности Германия, где к власти пришла нацистская партия во главе с А. Гитлером. На основе широкого круга архивных источников и литературы автор убедительно доказывает, что гитлеровский режим, преследуя свои далеко идущие захватнические планы, умело использовал украинский вопрос как важный фактор во взаимоотношениях с западными странами, СССР, Чехословакией, Венгрией, Польшей и др. Причем на каждом из исторических отрезков быстро происходивших изменений Гитлер удачно разыгрывал разные комбинации с руководством заинтересованных участников тех событий. Практически всегда он достигал своих тактических целей и последовательно реализовывал свою стратегическую задачу, приближая тем самым время развязывания Второй мировой войны.

Ключевые слова: Карпатская Украина, украинский вопрос, «Великая Украина», право наций на самоопределение, Мюнхенский договор.

CARPATHO-UKRAINE IN THE PLANS OF HITLERITE GERMANY

A.I. Kudriachenko

Institute of World History of the National Academy of Sciences
of Ukraine
5 Leontovych Street, Kyiv, 01030, Ukraine
E-mail: kudani@ukr.net

Abstract

The article analyses the situation in the Ukrainian lands in the late 1930s, characterised by the international significance of the Ukrainian question, after the centre of Western Ukrainian national life had moved to Transcarpathia, which became the centre of European politics. It has been found out that the states where Ukrainians lived, as well as other countries, in particular Germany, where the Nazi party led by A. Hitler had come to power, disguised their interests in the Ukrainian question as attempts to solve it. Drawing on a wide range of archival sources and literature, the author argues that the Nazi regime, pursuing its far-reaching aggression plans, skilfully used the Ukrainian question as an important factor in relations with the Western states, the USSR, Poland, Czechoslovakia, Hungary, and others. Hitler successfully played certain combinations at each stage of rapid change. Indulging the capture of Carpatho-Ukraine by Hungary, Berlin achieved three important tactical goals: Budapest was closely tied to the anti-Communist pact, the neutrality of Poland was guaranteed, though for a short time, and the prerequisites for further German-Soviet rapprochement were created. Hitler achieved his tactical goals and sought to realize the strategic goal, thereby precipitating the outbreak of WWII.

Keywords: Carpatho-Ukraine, Ukrainian question, Nazi German planes, WWII, Munich agreement.

Сучасна концептуалізація української історії, слухні прагнення дослідників поліваріативно інтерпретувати історичні процеси вітчизняних терен суттєвою мірою позначились на вивченні історичної долі сучасного Закарпатського краю. Надто важливо, що у контексті відзначення ювілейних дат (70-річчя та 80-річчя Карпатської України – у 2019 р.) до цієї проблематики зверталася ціла низка істориків, юристів, міжнародників. Складні перепитії історичної долі нинішнього Закарпатського краю детермінували неоднозначність історіографії та суперечливість оцінок його розвитку загалом та Карпатської України.

Чимало дослідників різних країн і періодів зверталися до вивчення історії цього краю, досліджували не лише історичні витоки, але й державотворчі процеси, що відбувалися, зосереджували увагу на особливостях політичного і національно-культурного розвитку в 20–30-х рр. ХХ ст. та проголошенні автономії Карпатської України у 1938 р., з'ясовували роль видатних діячів у цих подіях (Віднянський 2009: 184–207; Кудряченко 2011: 299–314).

Аналіз свідчить, що вітчизняна історіографія Карпатської України є багатоманітною і доволі строкатою. До неї варто віднести успадковані праці радянських істориків з притаманними їм вадами одностороннього та ідеологічно мотивованого підходу, вибірковістю до залученого

аналізу перебігу подій та тотальною критикою міфічного українського націоналізму (Марценюк 2001: 65–68). Другим пластом праць стала діаспорна історична література, для якої здебільшого притаманний відчутний брак архівних документів та значна глорифікація «вигідних» аспектів досліджуваних тем.

Найбільш численною є вітчизняна історіографія Карпатської України, що напрацьована за сучасної доби. Фахівці слушно поділяють її на два етапи. Перший етап – 1989–2008 рр., коли історія Карпатської України «писалася-відтворювалася у ключі такої собі героїчної думи...» (Федак 2014). Водночас то були роки активного накопичення емпіричної бази, перегляду усталених положень радянських підходів, перевидання діаспорних праць, мемуарної літератури, нових збірників (Документи 1992; Оглашению подлежит 2004; Тернистий шлях 2007; Рассекреченные документы 2009). Протягом цього періоду також відбулась низка наукових форумів, а також тривала підготовка кількох дисертаційних праць, зокрема, М. Вегешем були захищені кандидатська та докторська дисертації (Вегеш 1994; Вегеш 1998), вийшли ґрунтовні праці з історії цього регіону вказаного періоду (Історія 2001; Коваль 2003). Фактично це був час інституціалізації досліджень Карпато-Української держави.

Другий етап – 2009 р. і до сьогодні – характеризувався, з одного боку, подальшим продовженням досліджень визначених у першому етапі напрямів; а з іншого, визначальними стали відзначення вказаних ювілейних дат Карпатської України на високому державному рівні. Цьому сприяли Указ Президента України від 12.03.2008 р. (Указ 2008) і Закон «Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у ХХ столітті» від 9 квітня 2015 р. (Закон 2015).

Академічні наукові установи провели низку заходів задля активізації наукових досліджень про національно-визвольний рух, підготовку та публікацію наукових праць, монографій; відбулись міжнародні наукові форуми, вітчизняні історики інтенсифікували співпрацю із зарубіжними колегами. Законодавчо відбулося визнання органами української центральної та місцевої влади, зокрема і президента Августина Волошина, і вояків Карпатської України борцями за незалежність України у ХХ ст.

Слід підкреслити, що проблематика Карпатоукраїнської держави стала рідним полем наукових досліджень для цілої плеяди закарпатських істориків (М. Болдижар, М. Вегеш, В. Гиря, Р. Офіцинський, М. Рекіта, Ю. Славик, С. Федак, В. Фенич, П. Фенич, В. Худанич та ін.), а також Науково-дослідного інституту карпатознавства, Закарпатського регіонального центру соціально-економічних та гуманітарних досліджень НАН України.

З-поміж історіографічних праць, що виходять на системний аналіз, слід виокремити роботу В. Ухача (Ухач 2016), а з окремих аспектів теми, варто згадати про дослідження І. Мищак (Мищак 2008: 410–421), Т. Марценюк (Марценюк 2001: 65–68), П. Забродського (Забродський 2012: 146–154), Н. Василюк (Василюк). Широка бібліографія, що включає, окремі видання, статті, автореферати дисертацій та електронні книги, розміщена на веб-сайті Українського інституту національної пам'яті (Карпатська Україна). Проте і вона невичерпна.

Водночас є підстави констатувати, що за всі роки незалежності, незважаючи на очевидний дослідницький прорив в українській історичній науці, вести мову про ґрунтовний історіографічний дискурс всього комплексу наукових проблем Закарпатського краю не доводиться. Відтак пропонується стаття спроможна суттєво доповнити наявні дослідження, подати більш точну картину ставлення нацистської Німеччини до Карпатської України і відведеного їй місця у загарбницьких планах, зокрема на документах Політичного архіву Міністерства закордонних справ ФРН.

Українське питання, що не було вирішеним на початку ХХ ст. під час національно-визвольних змагань, напередодні Другої світової війни виявилось вельми актуальним. Як відомо, у період між двома світовими війнами українські землі перебували у складі кількох держав, які цілеспрямовано дискримінували українство, протидіяли зростанню його національної самосвідомості. Показово, що наприкінці 1930-х рр. центр західноукраїнського національного життя в силу історичних подій перемістився до Закарпаття. Українське питання цього краю за певних застережень поставало в центр європейської політики. Свої інтереси щодо його використання під прикриттям «вирішення» мали не лише держави, на теренах яких мешкали українці, але й інші країни, зокрема Німеччина, де до влади прийшла нацистська партія на чолі з А. Гітлером.

Гітлерівський режим, переслідуючи свої далекосяжні загарбницькі плани, вміло використовував українське питання як важливий фактор у відносинах з СРСР, Польщею, Чехословаччиною, Угорщиною та ін. Причому на кожному із історичних відрізків швидкоплинних змін Гітлер вдало розігрував різні комбінації з керівництвом зацікавлених учасників подій. Матеріали, які зберігаються у фондах Політичного архіву МЗС ФРН, містять чимало документальних свідчень того, як готувалася німецька нацистська машина до реалізації своїх загарбниць-

ких намірів стосовно українських земель, а також використання так би мовити «української карти» (даним терміном користувалися для позначення українських земель і політичних розрахунків стосовно українського питання, яке існувало в тогочасних міжнародних умовах).

З захопленням Німеччиною Судетської області на самому початку жовтня 1938 р. уряд Праги спробував врятувати єдність республіки шляхом введення словацької та української автономії, а потім створення федерації в складі Чехії, Словаччини і Підкарпатської Русі. Згідно рішення автономного уряду від 3 грудня 1938 р., остання стала називатись Карпатською Україною, отримала право здійснювати власну внутрішню і зовнішню політику. Автономність Карпатської України 22 листопада того ж року була підтверджена парламентом Чехословацької Республіки. Тим самим почала реалізовуватися можливість будувати свою українську державу.

Набута автономія Карпатської України надто непокоїла сусідні Угорщину, Польщу та інші держави. Німецький уряд, дотримуючись тактики вичікування, приховуючи і маскуючи свою політику, намагався отримати найбільші вигоди. Він фактично спекулював на питанні про подальшу долю Карпатської України, ставлячи дилему: або проголошення самостійної Закарпатської України під протекторатом Німеччини (тоді б Угорщина нічого не отримала), або її приєднання до Угорщини. Цим самим А. Гітлер прагнув вплинути на політику Польщі й Угорщини, добиваючись від них нових поступок.

Водночас Карпатська Україна, її лідер А. Волошин мали серйозні наміри стосовно підтримки з боку Німеччини, прагнули навіть певними поступками однозначно схилити на свій бік зростаючий міжнародний вплив Берліна. Показово, що в цей час небезпідставно зростають надії на підтримку Німеччини. Так, активізуються дипломатичні відносини, готується відкриття німецького консульства, започатковує діяльність «Німецько-українське культурне товариство».

На відміну від періоду Першої світової війни, коли німецька воєнно-політична бюрократія не мала заздалегідь розроблених планів стосовно України, напередодні Другої світової війни гітлерівська Німеччина досить серйозно готувалася до використання потенціалу України. Це стосувалося, насамперед, потужного промислового і сільськогосподарського потенціалу, вигідних геополітичних можливостей, пов'язаних з українським питанням, а також у контексті вирішення власних тактичних і стратегічних загарбницьких планів.

А. Гітлер і його оточення вельми вдало скористалися ситуацією, коли до українського питання напередодні Другої світової війни була прикута увага провідних держав світу, коли у політичному дискурсі лунали твердження про «Велику Україну». Проте дипломатична гра

Берліна зрозумілою стала далеко не з самого початку. Більшість політиків європейських держав вірили в те, що після розчленування Чехословаччини подальшим кроком німецької експансії стане захоплення радянської України.

Водночас із наближенням світового воєнного вихру українці, здавалося, мало що могли втратити внаслідок можливих змін, до яких він з певною вірогідністю міг призвести. Понісши величезні втрати від сталінщини в підрадянській Україні, а в західних землях – від дедалі більшого гноблення Польщею, Румунією та Угорщиною, українці мали сподіватися, що будь-які хай навіть детерміновані війною, зміни повинні покращити умови їхнього буття. Проте ті, хто так розмірковував, трагічно помилялися. Саме роз'єднаність українських земель робили Україну досить вразливою для зовнішньої агресії. В той час, коли емігрантські, західні українські політичні сили мали надію на певний реванш у боротьбі за свою незалежність, неупереджений аналіз свідчив, що Україна загалом не могла самостійно вирішувати своє національне питання, що доля українського народу була в руках правителів інших держав (Кудряченко та ін. 2006: 254).

Громадсько-політичні рухи в тогочасному Закарпатті мали значне національне забарвлення і відрізнялися своєю зовнішньополітичною орієнтацією. Так, русофіли (здебільшого «Общество Духновича»), вважали русинів частиною єдиного російського народу. Представники «мадяронів» намагалися довести, що карпатороси – це окрема національність, і прагнули приєднати край до Угорщини. Народовці, або українофіли, на чолі з Августином Волошиним пропагували ідею єдності закарпатських українців з усім українським народом. Саме вони вели боротьбу з русофілами і «мадяронами», вимагаючи автономії Закарпаття.

Для гітлерівської Німеччини, яка не приховувала своїх гегемоністських намірів і доволі зухвало декларувала їх, появилася спокуса використати українське питання як вагомий геополітичний чинник у своїй дипломатичній грі з іншими країнами Європи та СРСР. Дві останні держави не приховували своїх намірів і відкрито декларували їх. Особливо це стосувалося Німеччини. Скажімо, газета нацистської партії «Фьолькішер беобахтер», де головним редактором був А. Розенберг, який вважався в партійних нацистських колах великим знавцем Сходу, в липні 1928 р. безапеляційно стверджувала: «Невеликий рішучий удар, підтриманий великими державами, забезпечить за короткий час відрив України від Москви» (Норден 1959: 97).

Відомо, що А. Гітлер, прийшовши до влади, пріоритетним напрямом зовнішньополітичної діяльності проголосив боротьбу з російським більшовизмом. Ним неодноразово підкреслювалося, що кінцевим

наслідком боротьби з СРСР передбачалося його розчленування та створення тисячолітнього рейху, перетворення українських та інших слов'янських терен у німецькі колонії.

Слід особливо наголосити, що ідеологічний апарат, спеціалізовані інституції фашистської Німеччини та розвідка звертали не раз свої погляди на Галичину та на інші українські території, що перебували під владою Польщі та інших держав. Матеріали нинішнього Політичного архіву зовнішньополітичного відомства ФРН містять чимало документальних свідчень того, як готувалася німецька нацистська машина до реалізації своїх хижацьких намірів стосовно українських земель, а також використання так би мовити «української карти». В архівних фондах містяться матеріали переписки дипломатів, урядовців, а також карта (виготовлена від руки) будівництва залізниці від Братислави до Ужгорода й далі на територію Східної України (РАААД 1: 1–2).

Важливо звернути увагу на те, що, прагнучи взяти воєнний реванш, гітлерівська Німеччина виношувала великі сподівання щодо використання потенціалу України у контексті вирішення власних тактичних і стратегічних загарбницьких планів. Про такі підходи у владних верствах Берліна, зокрема, свідчить нарада керівних діячів нацистської партії у другій половині березня 1933 р., на якій обговорювалося питання про політику стосовно України. Саме тоді було прийнято рішення розгорнути антирадянську пропаганду, залучивши до цієї справи представників українських політичних емігрантських кіл (Сардачук, Швагуляк 1984: 31).

Про використання актуального на той час українського питання у своїй зовнішньополітичній діяльності Німеччини свідчать висловлювання, зроблені А. Гітлером у виступі 1 квітня 1933 р., присвяченому пуску на воду лінкора «Тірпіц». Вдаючи вболівання за долю народів, що входили до складу СРСР, він наголошував, що не може спокійно спостерігати за поневоленням більшовиками великого російського і шляхетного українського народів та народів Кавказу. Тому ми вирішили, зазначав фюрер, переглянути Раппальські домовленості і докласти всіх зусиль, щоб знищити комунізм та надати допомогу визвольним змаганням українців. «Тільки падіння більшовизму та постання нової сильної української держави може завести рівновагу міжнародних сил у Європі та спокій у цілому світі» (Житарюк 1997: 50).

Тогочасна Німеччина, оголосивши боротьбу за життєвий простір, не приховувала своїх претензій на українські землі. Про такі наміри німецькі провідники неодноразово заявляли й на міжнародних форумах. Зокрема, в червні 1933 р. на міжнародній фінансово-економічній конференції в Лондоні керівник німецької делегації А. Гугенберг у озвученій ним декларації обґрунтовував та прямо вимагав від захід-

них держав передачі німцям України з метою «більш раціонального використання цієї родючої території» (Правда 1933).

Звертаючи свої погляди до Радянського Союзу, у А. Гітлера раз від разу зростали апетити та зазіхання на все більші території СРСР. Так, на з'їзді нацистської партії у м. Нюрнберзі в 1936 р. він прямо зазначав, що із завоюванням Німеччиною України, Уралу і Кавказу «кожна німецька господиня відчула б, настільки її життя стане легшим» (Україна і зарубіжний світ 1970: 264). Таким чином, керівництво німецького рейху вже з самого початку владарювання скеровувало свою військово-економічну доктрину на схід, проти СРСР, активним чином «підігруючи українське питання».

Звичайно, що відверті загарбницькі висловлювання нацистських лідерів, так само як і спроби окремих німецьких відомств залучити на свій бік українські емігрантські організації, не проходили мимо уваги радянських відповідних спецслужб та настанов Кремля. Радянський Союз був занепокоєний відвертими зазіханнями німців на українські, зокрема радянські терени. Про це свідчать, зокрема, матеріали Політичного архіву МЗС Німеччини, особливо ті, що надходили із німецьких консульств, які функціонували в Україні. Так, генеральний консул Німеччини у Харкові, тогочасній столиці Радянської України, у своєму піврічному політичному звіті датованому 10 липня 1934 р. доповідав у Берлін, що найбільше занепокоєння радянського режиму виходить від «страху перед відокремленням України, що походить із закордону, особливо з Німеччини».

У цитованому донесенні підкреслювалося наступне: «В політичних колах стверджують, що з приходом до влади націонал-соціалістів нібито знову активізувалися кола української еміграції, які бачать у Гітлері визволителя України, тож план відокремлення України нині більше, ніж будь-коли, можна назвати наріжним каменем міжнародної політики». Наголошується у політичному звіті і те, що за висловлюваннями політиків країни перебування «німецький фашизм ні на мить не полишав наміру почати імперіалістичну інтервенцію походом на Схід... У момент, коли уряд Радянської України переїздить до Києва, у Берліні певна політична група разом з білими емігрантами готує план нападу на Радянську Україну й Радянський Союз у цілому» (РПААД 2: 1–3).

У іншому донесенні німецького генерального консула від 19 березня 1935 р. наводилися офіційні роз'яснення щодо відкриття у Києві Комісаріату внутрішніх справ, головним завданням якого було виявляти пильність у захисті держави та протистояти шпигунам і зрадникам, які «прагнуть відірвати Україну від великого Радянського Союзу», а також наводилися твердження офіційних очільників про те,

що «німецькі фашисти мріють знищити Радянську Україну, що вони підтримують націоналістичні емігрантські сили» (РАААД 3: 4–5). І тут називалися різні прізвиська українських емігрантських провідників.

Аналіз свідчить, що стосовно останньої позиції то навіть твердження окремих видань часто бажане видавали за дійсне. Це стосується, наприклад, того твердження, що П. Скоропадський підтримував Гітлера та надавав фінансову підтримку нацистській газеті «Фьолькішер беобахтер». Однак у матеріалах того ж Політичного архіву МЗС Німеччини є не лише особисті звернення до Гітлера щодо фінансової підтримки колишнього гетьмана української держави за його заслуги перед Німеччиною, але й власноручні розписки про те, що він отримував для потреб своєї сім'ї по 1000 німецьких марок вже за панування нацистського режиму (РАААД 4: 5).

Також слід додати, що у тогочасних радянських провідників у Москві панував підхід звинувачувати опозиційних до Й. Сталіна лідерів у співпраці із іноземними урядами, зокрема, з нацистським. На судових процесах 1936–1938 рр. це стосувалося Л. Троцького, Г. Зінов'єва, Л. П'ятакова та М. Бухарина. У звинувачувальному вироці Л. Троцькому інкримінували те, що він був «агентом фашизму», а іншим те, що стали «огидними фашистськими найманцями», які ставили за мету «розчленування СРСР та відірвання від нього України, Білорусії...». Радянська влада при цьому спиралася не лише на зізнання окремих підсудних, що були отримані сумнівними засобами, але, як зазначає відомий дослідник В. Косик, вона не гемблювала (не гребувала. – А.К.) плітками (Косик 1993: 50).

Як зазначалося, у досліджуваній передвоєнний період розроблялися різні концепції німецької політики щодо України, у т. ч. і напрями, в яких вона розглядалася як самостійна держава. Проте в усіх німецьких геополітичних, теоретичних розробках українська держава повинна була утворитись та існувати виключно в політичному полі Німеччини. Причому, важливим фактором в її утворенні мали стати вимоги Німеччини щодо прав національностей на самовизначення та український політичний рух.

Ідеї, що їх пропагували німецькі політики, зокрема, в частині, де йшлося про можливу державність України, імпонували політичним поборникам цього курсу. Безумовно, українці небезпідставно, але зі значним перебільшенням, покладали сподівання на Німеччину. Про зацікавленість українським питанням німецькими партійними та військовими діячами свідчили дані, що почали з'являтися в засобах масової інформації. Розголос про стан «української справи» організовувався саме з Берліна з ініціативи А. Розенберга. Головна її мета полягала в тому, щоб прозондувати настрої урядів західних і східних

європейських країн стосовно цього та суміжних питань міжнародних відносин.

Так, готуючись до Мюнхенської конференції і під час її проведення у вересні 1938 р., А. Гітлер, окрім претензій самої Німеччини, також представив на розгляд пакет територіальних претензій і зазіхання до Чехословаччини з боку Угорщини, Польщі, Румунії на території, де проживало також українське населення (Гранчак, Гапоненко 1995: 264–273).

Як відомо, Мюнхенська угода 1938 р. уможливила передачу частини чехословацької території Німеччині, а це викликало кризу в цій країні. Користуючись поступливістю пражського уряду, Карпатська Україна (стала так називатися з 3 грудня 1938 р.) отримує широку автономію, перебуваючи у федерації з Чехією та Словаччиною. Головою уряду Карпатської України став Августин Волошин (Стерчо 1994: 264). Автономність Карпатської України 22 листопада того ж року була підтверджена парламентом Чехословацької Республіки. Тим самим почала реалізовуватися можливість будувати українську державу.

З захопленням Німеччиною Судетської області зміни відбулися не лише в середині постраждалої країни. Вже 4 жовтня Будапешт запропонував Берліну приєднати до Угорщини Словаччину і Закарпаття. Набута автономія Карпатської України надто непокоїла сусідні Угорщину, Польщу та інші держави. Зокрема, Польща відчутно боялася впливу на українське населення своєї країни. Адже українці тут й до цього були відчутно налаштовані до самостійності. Посол Польщі в Берліні 22 жовтня 1938 р. повідомив міністра закордонних справ Німеччини Й. Ріббентропа про те, що за баченням Польщі Карпатська Україна має відійти до Угорщини (ADAP: 80). Тим самим Варшава прагнула встановлення спільного кордону з близькою до неї Угорщиною. Берлін на той час не йшов на задоволення прагнень Варшави та Будапешта. Тому в цій ситуації Угорщина через непоступливість Німеччини вважала себе обділеною під час цієї кризи, бо не отримала ні Словаччини, ні Закарпатської України.

Значний виграш мала Німеччина, на яку орієнтувалася як Карпатська Україна, так і більшість країн регіону. Берлін не допустив створення спільного польсько-угорського кордону, що відповідало військово-стратегічним планам рейху. Німецький уряд, дотримуючись тактики вичікування, приховуючи і маскуючи свою політику, намагався отримати найбільші вигоди. Він фактично спекулював на питанні про подальшу долю Карпатської України, ставлячи дилему: або проголошення самостійної Закарпатської України під протекторатом Німеччини (тоді б Угорщина нічого не отримала), або її приєднання до Угорщини. Цим самим Гітлер прагнув вплинути на політику Польщі

й Угорщини, добиваючись від них нових поступок. Щодо Угорщини, то він хотів повернути її до антикомінтернівського пакту в обмін на територіальні поступки за рахунок Карпатської України (Богів, Задорожний 1999).

Водночас Карпатська Україна, її лідер А. Волошин мали серйозні наміри стосовно підтримки з боку Німеччини, прагнули навіть певними поступками однозначно схилити на свій бік зростаючий міжнародний вплив Берліна. Показово, що в цей час небезпідставно зростають надії на підтримку Німеччини, посилюються з нею економічні зв'язки. 7 грудня 1938 р. була підписана німецько-карпатськоукраїнська угода. Згідно з цією угодою уряд А. Волошина зобов'язувався поставляти до Німеччини деревину, молочні продукти, шкіру, хутра, вовну та вина. Водночас підписується й угода з німецьким «Товариством з експлуатації корисних копалин», відповідно до якої уряд Карпатської України, по суті, передавав Німеччині права на розвідування й експлуатацію надр Закарпаття. Європа і світ вбачали серйозність намірів Німеччини створити «Велику Україну» (Кудряченко та ін. 2006: 249).

Виходячи з цього, спеціальна делегація Карпатської України 24 жовтня 1938 р. в Берліні передала німецькому канцлеру відповідний меморандум. У ньому стверджувалося, що Карпатська Україна – це лише складова частина всіх українських земель, і її населення усвідомлює обов'язки, які воно має «стосовно всієї української нації». Автономна Карпатська Україна, йшлося у документі, щоб не стати жертвою агресії, «перебуває під чеською охороною, чекаючи об'єднання з Україною». Меморандум пропонував перетворити Карпатську Україну в незалежну державу під покровительством чотирьох великих держав, що підписали Мюнхенські угоди. Проте дана пропозиція не знайшла підтримки, як також і заходи українських громад у європейських державах та за океаном (РАААД 5: 134, 215, 216).

Підкреслимо, що в дійсності А. Гітлер ніколи не прагнув сприяти утворенню української незалежної держави, бо це не входило до його планів. Досить влучну характеристику цьому тактичному ходу дав співробітник американського посольства у Варшаві Д. Біддл. Він писав: «...розігрування карти "Великої України" – це свідомо інспірований Берліном тактичний маневр, спрямований на: 1) здійснення відволікаючих акцій для прикриття інших проміжних ходів; 2) одночасне розгортання пропагандистських дій як акції по "введенню м'яча у гру" і підживлення інтересу до накресленого Берліном українського проекту <...> Нацисти розраховують скористатися «правом на самовизначення» як прикриттям своїх прагнень проникнути на Схід» (Камінський, Трошинський 1993: 149).

У цей час Берлін здійснював активну маніпуляцію своїх дійсних намірів та прагнув завести в оману міжнародну спільноту, проводив зондування позицій Польщі і СРСР щодо подальших експансіоністських планів рейху. З цього приводу німецька дослідниця І. Фляйшхауер писала, що А. Гітлер, виношуючи честолюбну програму реваншу, розглядав Україну як важливу житницю. «Застосовуючи принцип права народів на самовизначення, він збирався використати Закарпатську Україну спочатку як пропагандистський, а пізніше як силовий важіль для того, щоб ідеологічно ослабити, дезорганізувати і, нарешті, захопити радянську Україну з її тридцятимільйонним населенням» (Фляйшхауер 1991: 82).

Показово, що в час проголошення автономії Карпатської України, коли мали б втілюватися плани стосовно створення «Великої України», західна дипломатія займалася здогадками про найближчі плани Гітлера і часто бажане видавала за дійсне.

Проте дипломатична гра Берліна зрозумілою стала далеко не з самого початку. Більшість політиків європейських держав вірили в те, що після розчленування Чехословаччини подальшим кроком німецької експансії стане захоплення радянської України. Така впевненість особливо зміцніла після візиту Й. Ріббентропа в Париж і публікації 6 грудня 1938 р. французько-німецької декларації про добросусідські відносини між двома країнами.

Про це свідчать архівні документи, зокрема оцінки французького посла у Берліні Р. Кульондра. 15 грудня 1938 р. посол Франції у Німеччині повідомляв своєму міністру закордонних справ наступне: «Щодо України, то, здається, шляхи і засоби ще не розроблені, але мета вже визначена – створити Велику Україну, яка стала б житницею Німеччини. Для цього треба зламати Румунію, переконати Польщу, відняти частину території СРСР. У військових колах вже йдеться про похід. В оточенні Гітлера подекують про таку операцію, яка б у ширших масштабах повторювала операцію в Судетах: проведення в Польщі, Румунії, СРСР пропаганди за надання незалежності Україні, у відповідний момент дипломатична підтримка та акції з боку місцевих добровольчих загонів. І центром руху стане Карпатська Україна» (Weltgeschichte in der Gegenwart 1953: 359).

Іншими словами, оскільки Німеччина прагне завоювання України, то автономія Карпатської України західними політиками розцінювалася як німецька ідея, перший етап на шляху завоювання радянської України. Окрім цього, відзначу, що Берлін у здійсненні своїх намірів вдало використовував питання перспектив Карпатської України. Не розкриваючи своїх планів стосовно цього краю, німці нібито подавали Польщі певні надії на задоволення її вимог щодо встановлення

спільного польсько-угорського кордону. Водночас вони постійно тримали поляків у напрузі, вимагаючи поступок у питаннях Данцига (Гданська) і Польського коридору та погрожуючи можливостями перетворити Карпатську Україну на вогнище національно-визвольного руху проти Польщі.

Т.зв. турботою про вирішення українського питання були пронизані розмови А. Гітлера 5 січня 1939 р. з міністром закордонних справ Польщі Ю. Беком, а через кілька тижнів і міністра закордонних справ Німеччини Й. Ріббентропа, під час розгляду питання про Данциг і коридор між Німеччиною та Пруссією. Одночасне акцентування на українській проблематиці підтверджувало, яке значення воно посідало в тогочасній політиці. Польський міністр не приховував, що його держава теж претендує на Радянську Україну і на вихід до Чорного моря (Україна у Другій світовій 1997: 117).

Варто з'ясувати чому А. Гітлер – «поборник права на національне самовизначення» і прихильник буцімто створення «Великої України» – допустив ліквідацію державності Карпатської України. З проголошенням автономії Карпатської України «українська карта» у руках А. Гітлера стає справжнім козирем, який він майстерно використовує як засіб тиску і шантажу не лише у стосунках з противниками, а й з потенційними союзниками.

Так, документи політичного архіву МЗС ФРН наочно підтверджують, що Берлін вивчає питання щодо можливостей створення «Великої України». Проте у Німеччині цьому питанню приділялося більше уваги на показ, ніж робилося в даному напрямі. Про «українську карту» здебільшого говорили на Заході, буцімто спрямовуючи бажаний підхід нацистського керівництва. Вкажемо, що за останні чотри місяці 1938 р. у британській пресі та часописах з'явилося близько 900 публікацій про Україну, необхідність об'єднання її земель, а у французьких газетах понад 300. Крім того, західна преса подавала так матеріали, що нібито «українські плани Німеччини є вирішеною справою» (Дробот 2004: 353).

З огляду на завдання дипломатії Німеччини та геополітичний розклад сил, саме на рубежі 1939 р. з'явилися ознаки зміни тактичних підходів та появи нових стратегічних настанов. За дещо пізнішим визнанням А. Гітлера, він вирішив на початку року з'ясувати можливість убезпечити Німеччину від «війни на два фронти» шляхом зближення з СРСР. І цьому прислужилася показна відмова від ідеї створення «Великої України» і формування зацікавленості до найближчих реалій територіального облаштування Європи з боку Кремля.

Ставши на такий шлях, для досягнення мети А. Гітлер постав у ролі арбітра, який вирішував долю українських земель, що належали

Чехословаччині. Саме тоді 2 листопада 1938 р. за рішенням німецько-італійського арбітражу, що проходив у Відні, Карпатська Україна змушена була віддати Угорщині майже 200 км² своєї території із населенням у 180 тис. осіб і найбільші міста – столицю Ужгород і Мукачево. В силу цього столицю Карпатської України було перенесено у м. Хуст.

Зазначимо, що Німеччина мала свої плани, віддаючи на відкуп Угорщині спочатку лише частину земель Карпатської України. Такий жест Гітлера був для Угорщини своєрідним авансом. Крім того, Німеччина прагнула і спонукала тогочасний Будапешт до тіснішої співпраці з Берліном. Водночас, зберігши Карпатську Україну, гітлерівське керівництво мало ще значні засоби тиску не лише на Будапешт, який не отримав того, чого прагнув, а й на Варшаву та Москву, за рахунок цих підвладних українських територій ще могла бути, принаймні гіпотетично, створена «Велика Україна».

Відхід від ідеї створення «Великої України» і взагалі від східної орієнтації на рубежі 1938–1939 рр. демонструвалися Німеччиною вельми красномовно. Підтвердженням цьому був виступ А. Гітлера 30 січня 1939 р. у рейхстазі. В ньому, дотримуючись нової зовнішньополітичної лінії, маскуючи власні цілі в Європі, перед депутатами рейхстагу А. Гітлер заявив, що Німеччина потребує «життєвого простору» на африканському континенті.

Нацистська Німеччина на початку 1939 р. усвідомлювала необхідність залучити на свій бік Радянський Союз, або принаймні нейтралізувати його. У Берліні розуміли, що СРСР має власні інтереси у Західній Україні і не стоятиме осторонь, коли цей вигідний стратегічний район підпорядковуватиме Німеччина. Розглядаючи війну з Польщею як проміжний етап на шляху до агресії проти Франції та Великої Британії, німецьке керівництво в Берліні, очевидно, вирішило, що настає час для пошуку альянсу з Москвою, який також бачився А. Гітлеру тимчасовим «союзом для війни».

Слід зауважити, що, реалізуючи нові засади, офіційний Берлін робив на цьому шляху й інші відповідні кроки: спочатку в німецькій пресі припинено публікацію антирадянських статей та матеріалів про українське питання. Ці кроки не залишилися непоміченими керівництвом Кремля. Так, виступаючи 10 березня на XVIII з'їзді ВКП(б), Й. Сталін наголосив, що невщухаюча галаслива кампанія на Заході навколо «українського питання» має за мету «розлютити Радянський Союз, отруїти атмосферу і спровокувати конфлікт з Німеччиною без видимих на те підстав». І далі він застерігав: «Звичайно, цілком можливо, що в Німеччині є божевільні, які мріють приєднати слона, тобто Радянську Україну, до комахи, тобто до так званої Карпатської України. І якщо дійсно є такі навіжені, можна не сумніватися, що в

нашій країні знайдеться необхідна кількість гамівних сорочок для таких божевільних» (Сталин 1945: 13–14).

Водночас вся тональність виступу, розставлені акценти яскраво засвідчують реальність можливого зближення з німецькою стороною. В Берліні це все зрозуміли правильно і не стримували загарбницьких прагнень Угорщини.

Після таких сигналів з Кремля події у регіоні розвивалися досить стрімко, а державотворчі заходи Карпатської України, як з'ясувалося, були приречені. Протягом 14 березня 1939 р. Словачина, а за нею й Карпатська Україна проголосили свою незалежність. Наступного дня, 15 березня, сейм прийняв конституційний закон про незалежність Карпатської України. Віднині вона ставала республікою на чолі з президентом, якого обирає сейм. Августин Волошин відразу за рішенням сейму став президентом Карпатської України. Державним гімном визначалася пісня «Ще не вмерла Україна». Військовому формуванню – Карпатській Січі – відводилася роль організації національної оборони. Конституційний закон набув чинності відразу ж з його прийняттям.

З огляду на те, що 14 березня 1939 р. угорські війська перейшли кордон, А. Волошин звернувся телеграмою до Німеччини про допомогу. В ній вказувалося, що Карпатська Україна проголосила свою незалежність, оскільки угорські війська перейшли кордон, змушені просити захисту та підтримки в німецького рейху (РАААД 6: 127). Про критичність ситуації може свідчити і той факт, що це була не єдина телеграма. В Політичному архіві МЗС ФРН й нині їх зберігається кілька від визначного українського провідника та його уряду. У одній із телеграм на ім'я німецького канцлера А. Гітлера А. Волошин навіть просив фюрера взяти Карпатську Україну під німецький протекторат. (Скоріш за все, саме прони́мецьку орієнтацію та ці звернення Августина Волошина не пробачили радянські керманічі. У травні 1945 р. радянська військова розвідка заарештувала його у Празі і вивезла до Москви, де після тривалих допитів у Лефортівській тюрмі у Волошина зупинилося серце (Кудряченко 2011: 310).)

Як свідчать документи політичного архіву МЗС Німеччини, особисте звернення А. Волошина та за його дорученням інших членів уряду Карпатської України не справили на німецького фюрера бажаного впливу. Показово, що, як зазначає у листі від 16 березня 1939 р. до свого уряду французький посол в Німеччині Р. Кульондр, на звернення уряду з Хуста «гітлерівські керівники залишаються глухими до закликів Підкарпатської Русі, яка покладає на них усю свою надію, і якій свого часу відводилась роль “Українського П'ємонті”... Здається, що рейх втратив інтерес до цієї держави й полишив її Угорщині».

Ліквідувавши остаточно на початку березня Чехословаччину, окупувавши Богемію і Моравію, А. Гітлер дав дозвіл Угорщині на повну окупацію Карпатської України. Оцінюючи ситуацію, що склалася стосовно Карпатської Української держави, фюрер патетично заявив: «Це трагічно, але неминуче». Аналіз відомих документів та спогадів учасників подій свідчить, що Гітлер дотримувався поглядів «нежиттєздатності» Карпатської України, яка спиралася не на власну міць, а на нетривкий баланс політичних сил у Європі.

Слід наголосити, що з падінням Карпатської України й захопленням її міцнішою державою – Угорщиною – Берлін досягав трьох важливих для себе тактичних цілей: по-перше, міцніше прив'язував до антикомуністичного пакту Будапешт; по-друге, хоч на короткий час забезпечував нейтралітет Польщі; по-третє, певною мірою заспокоював СРСР, створюючи передумови для подальшого німецько-радянського зближення. Підписаний 23 серпня 1939 р. пакт про ненапад між Берліном і Москвою і таємний протокол до нього вказував на можливе переоблаштування відповідних терен та засвідчував розмежування «сфер інтересів» й тим самим відмову рейху від претензій щодо України (Wuermeling 1939: 192–198). Але це вже тема іншого дослідження.

Таким чином, незважаючи на короткочасність існування, Карпатська Україна стала символом у боротьбі за українську незалежність та українську державність. Водночас це було свідченням того, що не тільки Німеччина, яка раніше демонструвала схильність підтримати самовизначення закарпатських українців, а й інші західні держави не спромоглися бути послідовними у справі підтримки національно-держаних устремлінь українців західних земель. Більше того, саме гітлерівська Німеччина зуміла так вигідно для себе використати весь перебіг подій навколо «українського питання» та Карпатської України напередодні Другої світової війни.

ЛІТЕРАТУРА

Богів, Задорожний 1999 – Богів О., Задорожний В. Карпатська Україна (Підкарпатська Русь) у міжнародних відносинах (травень 1938 – березень 1939). Ужгород, 1999. 80 с.

Василина – Василина Н.Д. Про Карпатську Україну в міжнародних відносинах напередодні Другої світової війни: сучасна українська історіографія. URL: <http://www.kyumu.edu.ua/vmv/v/03/vasylyna.htm> (останній перегляд: 11.07.2019).

Віднянський 2009 – Віднянський С. Закарпаття – Підкарпатська Русь: від здобуття автономії до проголошення незалежної держави (до 70-річчя Карпатської України) // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика: зб. статей. Київ, 2009. Вип. 15, ч. 1. С. 184–207.

Вегеш 1994 – *Вегеш М.М.* Карпатська Україна в 1938–1939 рр.: соціально-економічні і політичні аспекти: автореф. дис. ... канд іст. наук. Ужгород: Ужгородський держ. ун-т, 1994. 20 с.

Вегеш 1998 – *Вегеш М.М.* Закарпаття в контексті центральноєвропейської кризи напередодні Другої світової війни: автореф. дис. на здоб. наук. ступ. док. іст. наук. Національна академія наук України, Інститут історії України. Київ, 1998. 30 с.

Гранчак, Гапоненко 1995 – *Гранчак І., Гапоненко І.* Закарпаття в міжнародних відносинах напередодні та в період Мюнхена. Нарис історії Закарпаття. Ужгород, 1995. Т. 2: 1918–1945. С. 264–273.

Документи 1992 – *Документи внешней политики СССР. 1939. Т. XXII: в 2 кн. Кн. 1: Январь – август / Под ред. В.Г. Комплектова. М.: Междунар. отношения, 1992. 712 с.*

Дробот 2004 – *Дробот І.* Україна в геополітичних планах західноєвропейських держав напередодні Другої світової війни // *Україна дипломатична 2004.* Київ, 2005. Вип. 5. С. 347–362.

Житарюк 1997 – *Житарюк М.* Четвертована, але жива: Закордонна преса про політичні процеси в Україні напередодні Другої світової війни. Львів, 1997. 124 с.

Забродський 2012 – *Забродський М.П.* Вітчизняна та зарубіжна історіографія про етнічну ідентичність русинів карпатського регіону у XIX – на початку XX ст. // *Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету ім. Івана Огієнка. Історичні науки. Кам'янець-Подільський, 2012. Т. 22. С. 146–154.*

Закон 2015 – Закон України «Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у XX столітті» від 9 квітня 2015 р. URL: <http://zakon3.rada.org.ua/laws/show/314-19> (останній перегляд: 11.07.2019).

Історія 2001 – *Історія Центрально-Східної Європи / За ред. Л. Зашкільняка.* Львів: Львівський національний університет ім. І. Франка, 2001. 660 с.

Камінський, Трощинський 1993 – *Камінський Є., Трощинський В.* Українське питання в англо-американських архівних документах (1938–1951 рр.) // *Всесвіт.* Київ, 1993. № 11/12. С. 147–151.

Карпатська Україна – Карпатська Україна. Бібліографія. Сайт Українського інституту національної пам'яті. URL: <http://www.memory.gov.ua/publication/bibliografija-1> (останній перегляд: 11.07.2019).

Коваль 2003 – *Коваль В.* Шлях до війни: Партнерство двох диктаторів (1939–1941) // *Політична історія України XX ст.: у 6 т. Т. 4: Україна у Другій світовій війні, 1939–1945.* Київ: Генеза, 2003. С. 15–62.

Косик 1993 – *Косик В.* Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Париж; Нью-Йорк; Львів, 1993. 684 с.

Кудряченко та ін. 2006 – *Кудряченко А.І., Калінічева Г.І., Костиця А.А.* Політична історія України XX століття. Київ, 2006. 696 с.

Кудряченко 2011 – *Кудряченко А.* Карпатська Україна в геополітичній грі держав континенту // *Україна в Європі: контекст міжнародних відносин.* Київ, 2011. С. 299–314.

Марценюк 2001 – *Марценюк Р.* Історіографія відродження українства на Закарпатті в 1918–1939 роках // Етнічна історія народів Європи. Київ, 2001. Вип. 11. С. 65–68.

Мищак 2008 – *Мищак І.* Закарпаття напередодні Другої світової війни у працях сучасних українських істориків // Історіографічні дослідження в Україні: зб. наук. пр. Київ, 2008. Вип. 19. С. 410–421.

Норден 1959 – *Норден А.* Фальсификаторы. К истории германо-советских отношений. М., 1959. 274 с.

Оглашению подлежит 2004 – Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941 г.: документы и материалы / Сост. Ю.Г. Фельштинский. М.: Terra – книжный клуб, 2004. 400 с.

Правда 1933 – Правда. М., 1933. 17 июня.

Рассекреченные документы 2009 – Рассекреченные документы Второй мировой войны // «Завтра может быть уже поздно...». Вестник МГИМО-университета. М., 2009. С. 405–598. Спецвыпуск.

Сардачук, Швагуляк 1984 – *Сардачук П.Д., Швагуляк М.М.* Насувалась воєнна гроза. Ужгород, 1984. 208 с.

Сталин 1945 – *Сталин И.* Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б). Москва, 1945. С. 13–14 (извлечение из доклада к вопросу о Карпатской Украине). URL: <https://1939.in.ua/chronicle/vytjah-iz-dopovidij-stalina-na-xviii-zjzdi-vkp-b-pro-karpatsku-ukrajinu> (останній перегляд: 11.07.2019).

Стерчо 1994 – *Стерчо П.* Карпато-Українська держава: До історії визвольної боротьби карпатських українців у 1919–1939 роках. Львів, 1994. 288 с.

Тернистый шлях 2007 – Тернистый шлях до України: зб. документів і архівних матеріалів «Закарпаття в європейській політиці 1918–1919, 1938–1939, 1944–1946 рр.» / Упоряд. О.Д. Довганич та О.М. Корсун. Ужгород: Закарпаття, 2007. 749 с.

Указ 2008 – Указ Президента України «Про відзначення 70-річчя подій, пов'язаних із проголошенням Карпатської України» від 12.03.2008 р. № 213/2008 // Урядовий кур'єр. 2008. № 56. С. 4.

Україна і зарубіжний світ 1970 – Україна і зарубіжний світ. К., 1970. 511 с.

Україна у Другій світовій 1997 – Україна у Другій світовій війні у документах: зб. нім. арх. матеріалів: у 4 т. Київ, 1997. Т. 1. 382 с.

Ухач 2016 – Ухач В. Карпатоукраїнська держава в сучасній вітчизняній історіографії // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія: Історичні науки. Острог, 2016. Вип. 25. С. 195–200.

Федак 2014 – *Федак С.* Героїка, трагедія і уроки Карпатської України. 2014. URL: <http://7dniv.info/publications/40562-gerojika-tragediya-i-uroki-karpatskoji-ukrajini.html> (останній перегляд: 14.07.2019).

Фляйшхауер 1991 – *Фляйшхауер И.* Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939. М., 1991. 481 с.

ADAP – Akten zur deutschen auswertigen Politik. T. IV. Doc. 80.

PAAAD 1 – Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Deutschlands (weiter – PAAAD). Berlin. Bestand R-351. S. 1–2.

PAAAD 2 – PAAAD. Bestand R-69. S. 1–3. Duetsches Generalkonsulat Charkow.

Politischer Halbsjahresbericht 1934.

PAAAD 3 – PAAAD. Bestand R-351 Pol. IY. Tgb. 57 (Politische Bericht). S. 4–5.

PAAAD 4 – PAAAD. Bestand R-351. Pol. IY. S. 5.

PAAAD 5 – PAAAD. Bestand R-357. Pol. IY. S. 134, 215, 216.

PAAAD 6 – PAAAD. Bestand R-351. Pol. III (Politische Beziehungen). Pol. IY. S. 127.

Weltgeschichte in der Gegenwart 1953 – Weltgeschichte in der Gegenwart in Dokumenten. München, 1953. Vol. III. 379 s.

Wuermeling 1939 – *Wuermeling H.L.* August 39. 11. Tage zwischen Frieden und Krieg. 21 August – 1 September 1939. Ullstein. 1989. 2 Auflage. S. 192–198.

REFERENCES

Bohiv, O. & Zadorozhnyy, V. (1999) *Karpats'ka Ukraïna (Pidkarpats'ka Rus') u mizhnarodnikh vidnosinakh (traven' 1938 – berezen' 1939)* [Carpathian Ukraine (Subcarpathian Rus) in international relations (May 1938 – March 1939)]. Uzhhorod: Patent.

Vasylyna, N.D. (n.d.) *Pro Karpats'ku Ukraïnu v mizhnarodnikh vidnosinakh naperedodni Drugoi svitovoi viyni: suchasna ukraïns'ka istoriografiya* [About Carpathian Ukraine in international relations on the eve of WWI: modern Ukrainian historiography]. [Online] Available from: <http://www.kymu.edu.ua/vmv/v/03/vasylyna.htm> (Accessed: 11st July 2019).

Vidnyansky, S. (2009) *Zakarpattya – Pidkarpats'ka Rus': vid zdobuttya avtonomii do progoloshennya nezalezhnoi derzhavi (do 70-richchya Karpats'koi Ukraïni)* [Transcarpathia – Subcarpathian Rus: From Autonomy to the Proclamation of an Independent State (to the 70th Anniversary of the Carpathian Ukraine)]. In: Danilenko, V.M. (ed.) *Ukraïna XX st.: kul'tura, ideologiya, politika* [Ukraine of the 20th century: Culture, ideology, politics]. Kyiv: [s.n.]. pp. 184–207.

Vehesh, M.M. (1994) *Karpats'ka Ukraïna v 1938–1939 rr.: sotsial'no-ekonomichni i politichni aspekti* [Carpathian Ukraine in 1938–1939: socio-economic and political aspects]. Abstract of History Cand. Diss. Uzhhorod.

Vehesh, M.M. (1998) *Zakarpattya v konteksti tsentral'noevropeys'koi krizi naperedodni Drugoi svitovoi viyni* [Transcarpathia in the context of the Central European crisis on the eve of the Second World War]. Abstract of History Dr. Diss. Kyiv: NAS of Ukraine.

Hranchak, I. & Haponenko, I. (1995) *Zakarpattya v mizhnarodnikh vidnosinakh naperedodni ta v period Myunkhena. Naris istorii Zakarpattya* [Transcarpathia in international relations on the eve and in the Munich Pact. An essay on the history of Transcarpathia]. Vol. 2. Uzhhorod: [s.n.]. pp. 264–273.

Komplektov, V.G. (ed.) (1992) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of the USSR foreign policy]. Vol. 22. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Drobot, I. (2005) *Ukraïna v geopolitichnikh planakh zakhidnoevropeys'kikh derzhav na peredodni Drugoi svitovoi viyni* [Ukraine in the geopolitical plans of West European countries on the eve of the Second World War]. *Ukraïna diplomatichna*. 5. pp. 347–362.

Zhytaryuk, M. (1997) *Chetvertovana, ale zhiva: Zakordonna presa pro politichni protsesi v Ukraïni naperedodni Drugoi svitovoi viyni* [Divided into four, but alive: Foreign Press about political processes in Ukraine on the eve of the Second World War]. Lviv: Za vil'nu Ukraïnu.

Zabrodskyy, M.P. (2012) *Vitchiznyana ta zarubizhna istoriografiya pro etnichnu identichnist' rusiniv karpats'kogo regionu u XIX – na pochatku XX st.* [Ukrainian and foreign historiography about the ethnic identity of the Rusins of the Carpathian region in the 19th and early 20th centuries]. *Naukovi pratsi Kam'yanets'-Podil's'kogo natsional'nogo universitetu im. Ivana Ogiienka. Istorichni nauki.* 22. pp. 146–154.

Ukraine. (2015) *Zakon Ukraïni "Pro pravoviy status ta vshanuvannya pam'яти bortsiv za nezalezhnist' Ukraïni u XX stolitti" vid 9 kvitnya 2015 r.* [Law of Ukraine "On the Legal Status and Honoring the Memory of the Fighters for Ukraine's Independence in the 20th Century"]. [Online] Available from: <http://zakon3.rada.org.ua/laws/show/314-19> (Accessed: 11st July 2019).

Zashkilnyak, L. (ed.) (2001) *Istoriya Tsentral'no-Skhidnoi Evropi* [History of Central and Eastern Europe]. Lviv: Lviv National University.

Kaminsky, Ye. & Troshchynsky, V. (1993) *Ukraïns'ke pitannya v anglo-amerikans'kikh arkhivnikh dokumentakh (1938–1951 rr.)* [The Ukrainian Question in the Anglo-American Archival Documents (1938–1951)]. *Vsesvit.* 11/12. pp. 147–151.

Ukrainian Institute of National Memory. (n.d.) *Karpats'ka Ukraïna. Bibliografiya* [Carpathian Ukraine. A Bibliography]. [Online] Available from: <http://www.memory.gov.ua/publication/bibliografiya-1> (Accessed: 11st July 2019).

Koval, V. (2003) *Shlyakh do viyni: Partnerstvo dvokh diktatoriv (1939–1941)* [The Way to War: The Partnership of Two Dictators. 1939–1941]. In: Kuras, I.F. (ed.) *Politychna istoriya Ukrayiny XX st.* [Political History of Ukraine of the Twentieth Century]. Vol. 4. Kyiv: Geneza.

Kosyk, V. (1993) *Ukraïna i Nimechchina u Drugiy svitoviy viyni* [Ukraine and Germany in the Second World War]. Paris. New York, Lviv: Naukove tovaristvo imeni T. Shevchenka.

Kudryachenko, A.I., Kalinicheva, H.I. & Kostyrya, A.A. (2006) *Politychna istoriya Ukraïni XX stolittya* [The political history of Ukraine in the 20th century]. Kyiv: MAUP.

Kudryachenko, A. (2011) *Karpats'ka Ukraïna v geopolitichniy gri derzhav kontinentu* [Carpathian Ukraine in the geopolitical game of continental states]. In: Kudryachenko, A.I. (ed.) *Ukraïna v Evropi: kontekst mizhnarodnikh vidnosin* [Ukraine in Europe: the context of international business]. Kyiv: Feniks. pp. 299–314.

Martsenyuk, R. (2001) *Istoriografiya vidrozhennya ukraïnstva na Zakarpatti v 1918–1939 rokakh* [Historiography of the Renaissance of Ukrainian Studies in Transcarpathia in 1918–1939]. *Etnichna istoriya narodiv Evropi.* 11. pp. 65–68.

Myshchak, I. (2008) *Zakarpattya naperedodni Drugoi svitovoi viyni u pratsyakh suchasnikh ukraïns'kikh istorikiv* [Transcarpathia on the eve of the Se-

cond World War in the writings of modern Ukrainian historians]. *Istoriografichni doslidzhennya v Ukraïni*. 19. pp. 410–421.

Norden, A. (1959) *Fal'sifikatory. K istorii germano-sovetskikh otnosheniy* [Counterfeiters. To the history of German-Soviet relations]. Translated from German. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.

Fel'shtinsky, Yu.G. (ed.) (2004) *Oglasheniya podlezhit: SSSR – Germaniya. 1939-1941 gg.: dokumenty i materialy* [To be announced: the USSR – Germany. 1939–1941: Documents and materials]. Moscow: Terra – knizhnyy klub.

Pravda (1933) 17th June.

Chechevishnikov, A.L. (ed.) (2009) “Zavtra mozhet byt' uzhe pozdno...”. *Vestnik MGIMO–Universiteta* [“Tomorrow maybe too late”. Journal of Moscow State University of International Relations (MGIMO)]. pp. 405–598.

Sardachuk, P.D. & Shvahulyak, M.M. (1984) *Nasuvalas' voenna groza* [There was a military storm]. Uzhhorod: Karpati.

Stalin, I. (1945) *Otchetnyy doklad na XVIII s'ezde partii o rabote TsK VKP(b)* [Report at the 18th Party Congress on the work of the Central Committee of the CPSU (b)]. Moscow: [s.n.]. pp. 13–14. [Online] Available from: <https://1939.in.ua/chronicle/vytjah-iz-dopovidi-j-stalina-na-xviii-zjizdi-vkp-b-pro-karpatsku-ukrajinu/> (Accessed: 11th July 2019).

Stercho, P. (1994) *Karpato-Ukraïns'ka derzhava: Do istorii vizvol'noi borot'bi karpats'kikh ukraïntsiu u 1919–1939 rokakh* [Carpatho-Ukrainian State: On the history of the liberation struggle of Carpathian Ukrainians in 1919–1939]. Lviv: Za vil'nu Ukraïnu.

Dovganich, O.D. & Korsun, O.M. (eds) (2007) *Ternistiy shlyakh do Ukraïni: zb. dokumentiv i arkhivnikh materialiv “Zakarpattya v evropeys'kiy polititsi 1918–1919, 1938–1939, 1944–1946 rr.”* [A difficult way to Ukraine: The collection of archival documents and materials “The Transcarpathia in European policy in 1918–1919, 1938–1939, 1944–1946”]. Uzhhorod: Zakarpattya.

Ukraine (2008) Ukaz Prezidenta Ukrayiny “Pro vidznachennya 70-richchya podiy, pov'yazanykh iz proholoshennyam Karpats'koyi Ukrayiny” vid 12.03.2008 r. Nr. 213/2008 [Decree of the President of Ukraine “On the 70th Anniversary of the Rise of the Carpathian Ukraine”, dated March 12, 2008, No. 213/2008]. *Uryadoviy kur'er*. 56. pp. 4.

Anon. (1970) *Ukraïna i zarubizhniy svit* [Ukraine and the foreign world]. [s.l.; s.n.].

Kosik, V. (1997) *Ukraïna u Drugiy svitoviy viyni u dokumentakh* [Ukraine in the Second World War in the documents]. Vol.1. Lviv: NAC of Ukraine.

Ukhach, V. (2016) Karpato-Ukraïns'ka derzhava v suchasniy vitchiznyaniy istoriografii [Carpatho-Ukrainian state in modern national historiography]. *Naukovi zapiski Natsional'nogo universitetu “Ostroz'ka akademiya”*. Seriya: Istorichni nauki. 25. pp. 195–200.

Fedak, S. (2014) *Geroïka, tragediya i uroki Karpats'koï Ukraïni* [Heroics, tragedy and lessons of Carpathian Ukraine]. [Online] Available from: <http://7dniv.info/publications/40562-gerojika-tragediya-i-uroki-karpatskoji-ukrajini.html> (Accessed: 11st July 2019).

Fleischhauer, I. (1991) *Pakt: Gitler, Stalin i initsiativa germanskoj diplomatii*

1938–1939 [Pact: Hitler, Stalin and the initiative of German diplomacy. 1938–1939]. Moscow: Progress.

The Archive of the Foreign Office. (n.d.) *Akten zur deutschen auswärtigen Politik*. Pol. IV. Dos. 80.

Political Archive of the German Foreign Office (PAAAD). Berlin. Fund R-351. pp. 1–2.

Political Archive of the German Foreign Office (PAAAD). *Deutsches Generalkonsulat Charkow. Politischer Halbjahresbericht 1934*. Bestand R-69. pp. 1–3.

Political Archive of the German Foreign Office (PAAAD). Fund R-351. Pol. IV. Tgb. 57. pp. 4–5.

Political Archive of the German Foreign Office (PAAAD). Fund R-351. Pol. IV. pp. 5.

Political Archive of the German Foreign Office (PAAAD). Fund R-357. Pol. IV. pp. 134, 215, 216.

Political Archive of the German Foreign Office (PAAAD). Fund R-351. Pol. III. Pol. IV. pp. 127.

The German Foreign Office. (1953) *Weltgeschichte in der Gegenwart in Dokumenten*. Vol. 3. Munich: [s.n.].

Wuermeling, H.L. (1989) *August 39. 11. Tage zwischen Frieden und Krieg. 21 August – 1 September 1939*. Ullstein: Ullstein Verlag. pp. 192–198.

Кудряченко Андрей Иванович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Украины, директор Института всемирной истории НАН Украины (Украина).

Кудряченко Андрій Іванович – доктор історичних наук, професор, член-корреспондент Національної академії наук України, директор Інститута всесвітньої історії НАН України (Україна).

Andriy I. Kudriachenko – Institute of World History of the National Academy of Sciences of Ukraine (Ukraine).

E-mail: kudani@ukr.net

УДК 94 (437) (328)"1940/1944"
UDC
DOI: 10.17223/18572685/57/16

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ МЕЖВОЕННОЙ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ В ОЦЕНКАХ ЧЛЕНОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЧЕХОСЛОВАКИИ В ЛОНДОНЕ (1940–1944 гг.)

О.Г. Казак

Минский городской педагогический колледж
Беларусь, 220114, г. Минск, ул. Макаёнка, 29
E-mail: olegkazak90@tut.by

Авторское резюме

В статье анализируются взгляды членов правительства Чехословакии в эмиграции на устройство национально-культурной жизни в Подкарпатской Руси. Особое внимание уделено деятельности канцелярии по делам Подкарпатской Руси при Министерстве внутренних дел, противоборству русофилов и украинофилов в среде представителей политической эмиграции из Подкарпатской Руси в Великобритании. Основу источниковой базы работы составляют документы Национального архива Чешской Республики (г. Прага). В работе делается вывод о том, что чехословацкое правительство в Лондоне заняло двойственную позицию относительно национально-культурной природы жителей Подкарпатской Руси. С одной стороны, декларировалась свобода выбора населением региона собственной идентичности. С другой стороны, многие члены правительства скрыто или явно симпатизировали силам, считавшим население края украинцами. Деятели, которые считали русинское население Подкарпатской Руси органичной частью единого русского народа, фактически оказались в изоляции. Особый интерес представляет реферат подполковника А. Баровского, который на протяжении 10 лет (до событий марта 1939 г.) проходил службу в Подкарпатской Руси. Автор данного документа предложил оригинальное видение общественно-политического и национально-культурного ландшафта региона. По мнению А. Баровского, многие политики (как украинофильского, так и русофильского лагеря), претендовавшие на роль лидеров общественного мнения, являлись популистами и не думали о насущных проблемах местного населения края.

Ключевые слова: Подкарпатская Русь, национально-культурная жизнь, русины, чехословацкое правительство в эмиграции, канцелярия по делам Подкарпатской Руси.

NATIONAL AND CULTURAL LIFE OF THE INTERWAR SUBCARPATHIAN RUS IN THE ASSESSMENTS OF MEMBERS OF THE CZECHOSLOVAK GOVERNMENT IN LONDON (1940–1944)

O.G. Kazak

Minsk City Pedagogical College
29 Makajonka Street, Minsk, 220114, Belarus
E-mail: olegkazak90@tut.by

Abstract

The article analyses the views of the Czechoslovakia government in exile on the national and cultural life in Subcarpathian Rus. Particular attention is paid to the activities of the Office for Subcarpathian Rus at the Ministry of Internal Affairs and confrontation between the Russophiles and Ukrainophiles among its employees. The source base of the research is formed by the documents of the National Archives of the Czech Republic (Prague). The author concludes that the Czechoslovak government in London held a dual position regarding the national and cultural life of the residents of Subcarpathian Rus. On the one hand, the population of the region was declared free in their choice of identity. On the other hand, many government members secretly or openly sympathised with the forces that considered the population of the region Ukrainians. Those who considered the Rusinian population of Subcarpathian Rus to be an integral part of the united Russian nation were actually isolated. Of particular interest is the abstract by Lieutenant-Colonel A. Barovski, who for 10 years (before March 1939) had served in Subcarpathian Rus. The author of this document proposed an original vision of the socio-political and national-cultural landscape of the region. According to A. Barovsky, many politicians (both of the Ukrainophile and Russophile camps), who claimed to be the leaders of public opinion, were populists and did not think about the current problems of the local population of the region.

Keywords: Subcarpathian Rus, national cultural life, Rusins, Czechoslovak government in exile, Office for the Affairs of Subcarpathian Rus.

Общественно-политическая и культурная жизнь Подкарпатской Руси в межвоенный период, когда регион входил в состав Чехословакии, характеризовалась острым противоборством между интеллектуальными направлениями, представители которых по-разному определяли национальную природу русинского населения края.

В научной литературе выделяют следующие направления: русофилы, украинофилы, русинофилы. Русофилы трактовали русинов как самую западную ветвь единого русского народа от Карпат до Тихого океана, указывали на огромный духовный потенциал русской цивилизации, к достижениям которой, по их мнению, должны были приобщиться русины. Украинофилы считали местное население частью украинского народа с «неразбуженным» самосознанием. Постепенно выкристаллизовывалось русинофильское течение, представители которого считали русинов отдельным славянским народом, а не частью русских или украинцев.

Некоторые русинисты отмечают несовершенство данных дефиниций. Так, согласно определению М.Ю. Дронова, «сам термин *русофильство* применительно к русинам, как правило, понимается совершенно иначе, чем в случае, когда речь заходит, например, о симпатизирующих русским и их культуре немцах, французах или даже западных и южных славянах. Последние, хотя и акцентировали свое положительное отношение к русскому народу, все же не отождествляли себя с ним. Напротив, именно такое отождествление имело место быть у русофильски ориентированных русинов» (Дронов 2010: 77). Использование в статье терминов «русофилы», «украинофилы», «русинофилы» диктуется сложившимися в современной науке традициями (работы П.Р. Магочия, К.В. Шевченко и др.).

Прага предоставляла относительную свободу различным национально-культурным направлениям, однако большую поддержку (особенно в 1920-е гг.) оказывала представителям украинофильского лагеря. Известный русинист К.В. Шевченко выделяет несколько причин, обусловивших данную ситуацию. Во-первых, украинофилы были предпочтительнее для чехословацких властей в качестве противовеса венгерскому ирредентизму (дело в том, что многие русофилы ориентировались на Венгрию). Во-вторых, украинофилы были идеологически близки левым силам, имевшим большое влияние в межвоенной Чехословакии (Шевченко 2003: 11).

Немаловажным являлся и внешнеполитический фактор. Благодаря своему вмешательству в национально-культурный ландшафт Подкарпатской Руси, Прага готовила почву для эвентуальной дестабилизации ситуации в соседней Польше, отношения с которой у Чехословакии оставались напряженными. Для Польши украинская проблема являлась одним из наиболее болезненных факторов внутренней политики. Показательно, что чехословацкое Министерство иностранных дел во главе с Э. Бенешем заняло наиболее благоприятную позицию по отношению к деятелям украинофильского лагеря и в ходе межведомственного обмена мнениями в 1920-е гг. защищало их от обвинений

в нелояльности со стороны представителей Министерства внутренних дел. Сотрудники МВД постоянно получали донесения о том, что активисты украинского движения называли чешских чиновников, работавших в Подкарпатской Руси, «чужеземцами», видели регион «частью Великой Украины» (Jarnecki, Kołakowski 2017: 83–84). Радикальные украинофилы во главе с премьер-министром автономного правительства А. Волошиным в немалой степени поспособствовали окончательному краху чехословацкой государственности в марте 1939 г.

Чехословацкое правительство в эмиграции (неофициальное название Национального комитета освобождения Чехословакии, с 1940 г. действовавшего в Великобритании) рассчитывало на восстановление своей страны в домюнхенских границах. После присоединения Подкарпатской Руси к Венгрии (ноябрь 1938 г., март 1939 г.) новые власти активно пропагандировали идею о том, что Прага намеренно развязала в регионе «языковую борьбу» между сторонниками русской, украинской и локальной русинской национальными ориентаций, спровоцировав раскол автохтонного славянского населения (Казак 2015: 323–324). Чехословацким элитам, действовавшим в эмиграции, нужно было подготовить адекватный ответ на данные обвинения и выработать стратегию своих дальнейших действий в русинском вопросе.

Позиция чехословацких политических элит в этом вопросе отличалась некоторой двойственностью. Члены правительства в эмиграции неоднократно заявляли, что в возрожденном чехословацком государстве народ Подкарпатской Руси должен самостоятельно, без давления Праги, выработать четкое представление о собственной национально-культурной природе. Наличие различных национально-языковых направлений в регионе трактовалось как признак демократичности чехословацкого государства. Так, министр внутренних дел Ю. Славик на заседании Государственного Совета 22 декабря 1943 г. заявил: «Правительство не может занимать односторонней позиций в языковых и других вопросах, в которых между представителями Подкарпатской Руси в эмиграции нет единства. Эти вопросы должны быть решены демократическим путем и только дома» (Němeček 2012: 558). Я. Нечас на заседании Государственного Совета 15 марта 1944 г. напоминал, что «в эпоху самостоятельности республики вопрос о родном языке населения Подкарпатской Руси решался таким образом, что там, согласно заветам Я.А. Коменского, существовали школы на 11 языках» (среди них назывались украинский, русский и «местный» языки) (NACR 1).

Наиболее отчетливо анализируемый подход чехословацких элит

проявился в ходе межведомственного обмена мнениями по вопросу наименования жителей Подкарпатской Руси, принимавших участие в деятельности сформированного в СССР чехословацкого батальона (позже – корпуса). 28 января 1943 г. сотрудники МИД ответили на соответствующий запрос Министерства обороны следующим образом: «В Чехословакии этот вопрос никогда не был решен, наблюдалась тенденция к переплетению национальных и языковых проблем. Мы должны не вмешиваться, предоставить отдельным направлениям (русскому, украинскому и местному русинскому) максимально возможную свободу. В языковом законе № 22 от 1920 г. указано, что языковой вопрос в Подкарпатской Руси должен быть решен в соответствии с Конституцией, т. е. сеймом. Пока этого не произойдет, вопрос будет решаться с учетом местных обстоятельств в регионе. МИД считает, что если этот вопрос не был решен ранее, то нынешняя ситуация еще менее пригодна для его решения. Есть угроза подорвать дух чехословацкой армии. Следует продолжать использовать наименование население в географическом смысле, которое никак не будет указывать на будущее решение национального и языкового вопросов. Лучше использовать наименования "чехословацкие граждане Подкарпатской Руси" или "жители Подкарпатской Руси"» (НАСР 2).

Более обстоятельный ответ на запрос Министерства обороны был подготовлен сотрудниками МВД. На их взгляд, в качестве оптимального этнонима в отношении жителей Подкарпатской Руси мог выступить термин «русин». Отмечалось, что в Сен-Жерменском мирном договоре содержалась формулировка «русинский народ к югу от Карпат», профессор конституционного права Университета им. Я.А. Коменского в Братиславе З. Пешка считал целесообразным использовать термин «подкарпатские русины» в официальных документах. В материале МВД утверждалось, что употребление этнонимов «русский» и «украинец» в реалиях Подкарпатской Руси имело сильный политический подтекст: термин «подкарпатские украинцы» использовала Народная Рада в Хусте, которая в 1919 г. выступала за включение края в состав Украины, а термин «подкарпатские русские» – делегаты конгресса в Нью-Йорке в июле 1917 г., принявшего меморандум об «объединении всех русских и присоединении Подкарпатской Руси к России». Авторы документа делали следующий вывод: «Передайте начальнику миссии, что для армии в СССР будет лучше использовать термин «подкарпатские русины» для наименования всех жителей Подкарпатской Руси. А вопрос официального наименования решит само население Подкарпатской Руси после окончания войны» (НАСР 2).

29 января 1943 г. на заседании Государственного Совета его председатель Я. Шрамек заявил, что для наименования военнослужащих из

Подкарпатской Руси в СССР МВД из множества других было выбрано определение «подкарпатские русины». Министр Я. Лихнер возразил: «Это венгерская теория» (Нёмеček 2012: 85). Действительно, в 1938–1944 гг. официальными венгерскими идеологами, учеными и публицистами утверждалось, что русины являются отдельным народом (а не русскими или украинцами), тесно связанным с венграми и лояльным венгерскому государству (Казак 2017: 63–71). Впрочем, Я. Шрамек прервал министра: «Это не может быть предметом дебатов» (Нёмеček 2012: 85).

Многие члены правительства Чехословакии в эмиграции, декларируя приверженность идеям свободного выбора населением Подкарпатской Руси своей национально-культурной идентичности, в той или иной степени симпатизировали украинофилам. Об этом отчетливо свидетельствует позиция правительства в отношении русофила П. Цибере, который в 1941–1942 гг. возглавлял канцелярию по делам Подкарпатской Руси при МВД (ранее данный деятель был руководителем Аграрного союза молодежи Подкарпатской Руси, генеральным секретарем Центрального карпаторусского национального совета) (Офіцинський 1997: 129–130). На протяжении непродолжительного периода руководства канцелярией П. Цибере постоянно подвергался резкой критике за свое нежелание идти на компромисс с представителями иных национально-культурных направлений (Нёмеček 2012: 192–193). 27 ноября 1942 г. правительство приняло решение ликвидировать канцелярию по делам Подкарпатской Руси и возложить свойственные ей ранее задачи на отдел пропаганды МИД (Нёмеček 2012: 758).

20 июля 1943 г. П. Цибере, который на тот момент оставался членом Государственного Совета, направил в адрес правительства специальный меморандум. Документ содержал стандартные еще для межвоенного периода обвинения Праги в излишнем централизме, нежелании предоставить Подкарпатской Руси обещанную автономию, недостаточном внимании к проблемам местного населения (П. Цибере для его обозначения использовал этнонимы «карпатороссы», «карпаторусский народ»). Содержание меморандума соответствовало последовательной прорусской позиции автора: «Мы не против культуры западных славян, но придерживаемся национального и культурного единства с великим русским народом... Карпатороссы были и остаются ветвью русского народа и никогда не представляли и не представляют возможности своего национального возрождения без естественного развития русской культуры, русского языка и самой тесной связи с русской нацией». П. Цибере справедливо указывал, что в межвоенный период власти Чехословакии благосклонно относились к

переселенцам из соседней Галиции, которые работали в учебных заведениях Подкарпатской Руси и активно пропагандировали украинскую модель национальной идентичности. В меморандуме отмечалось, что правительство в Лондоне не отказалось от прежней политики Праги, фактически сняло с актуальной повестки дня вопрос о Подкарпатской Руси, в своей публицистике использовало для наименования региона и его населения термины «Карпатская Украина», «украинский», что не соответствовало историческим реалиям (НАСР 3).

В течение второй половины 1943–1944 г. меморандум П. Цибере регулярно обсуждался на заседаниях Государственного Совета. В частности, утверждалось, что русофильский деятель не желал конструктивно сотрудничать с представителями иных национально-культурных направлений Подкарпатской Руси, а также с членами правительства. Негативно оценивались его попытки актуализировать вопрос о пересмотре административных границ Чехословакии (включение в состав Подкарпатской Руси территорий Восточной Словакии, где значительную часть населения составляли русины). Кроме того, на одном из заседаний была озвучено предположение, что Цибере после восстановления чехословацкой власти в Подкарпатской Руси хотел занять пост губернатора (Нёмецек 2012: 440–441).

В 1943–1944 гг. П. Цибере не принимал активного участия в жизни чехословацкой эмиграции. На ведущие позиции в среде эмигрантов из Подкарпатской Руси в Лондоне вышел украинофил И. Петрушак. В 1930-е гг. он являлся секретарем краевого комитета коммунистических «красных профсоюзов» в Подкарпатской Руси, редактором газет «Рабочая молодежь» и «Голос жизни». После событий марта 1939 г. И. Петрушак по заданию Коммунистической партии Чехословакии эмигрировал в Великобританию. После нападения Германии на СССР последовало сближение на антифашистской основе всех течений чехословацкой эмиграции, вследствие чего Петрушак был делегирован руководством КПЧ как один из ее представителей в Государственный Совет (Поп 2001: 301).

Выступление И. Петрушака на заседании Госсовета 15 марта 1944 г. представляло собой заочную полемику с П. Цибере. Украинофильский деятель, заявлявший о своей полной лояльности Праге, критиковал своего оппонента за «устаревшие» идеи «неделимого русского народа», «терминологию партии Куртяка» (И. Куртяк – лидер провенгерской партии «Подкарпатский хлеборобский союз» и ее приемника – партии «Автономный земледельческий союз» – в 1920–1933 гг.). И. Петрушак справедливо утверждал, что политические партии «украинской линии» (прежде всего коммунисты) показывали хорошие результаты на выборах в Подкарпатской Руси (НАСР 4).

Действительно, коммунисты в Подкарпатской Руси выступали наиболее последовательными сторонниками украинской национально-культурной ориентации. В «Воззвании Центрального комитета КПЧ к трудящимся Закарпатской Украины» от 14 января 1932 г. декларировалась приверженность коммунистов региона проукраинским идеям: «Он (чешский империализм. – *О.К.*) запрещает нам объявлять себя частью великого сорокамиллионного народа, который живет на Галиции, на Волыни, в Бессарабии и который в бывшей России освободил себя от ярма царей, капиталистов и помещиков» (РГАСПИ 1: 2). Такая позиция коммунистов региона была во многом predeterminedena многочисленными инструкциями Коминтрена. Так, в инструкции Политического секретариата Коминтерна от 13 августа 1927 г. отмечалось: «Центральному комитету КПЧ рекомендуется принять к сведению заявление краевой организации Закарпатской Украины о том, что как в отношении языка, школы, так и национальности закарпатские товарищи объявляют себя украинцами. В соответствии с этим товарищам из КПЧ рекомендуется избегать в печати, в парламенте, на собраниях старую терминологию "русины", "Закарпатская Русь»» (РГАСПИ 2: 56). Впрочем, популярность коммунистической идеологии в Подкарпатской Руси объяснялась скорее сложным материальным положением местного населения, нежели его осознанным принятием украинской модели идентичности.

Для доказательства украинской национальной природы населения Подкарпатской Руси И. Петрущак ссылался на данные Чешской академии наук (1919 г.) (НАСР 4). Действительно, в ответ на запрос региональных властей экспертная комиссия подготовила письмо, подписанное министром просвещения Г. Габерманом. Авторы документа не считали нужным вести работу над созданием нового русинского языка и рекомендовали использовать в образовательном процессе «малорусский язык, который используют ближайшие соседи и единоплеменники (жители Галиции. – *О.К.*)». И. Петрущак, однако, в своем выступлении не упомянул следующий факт: эксперты подчеркивали необходимость изучения в средней школе русского языка, «чтобы жители Карпатской Руси не были лишены чувства, что они и как украинцы принадлежат к великому русскому народу» (Черничко, Фединець 2014: 86–87). Еще более сомнительным видится утверждение И. Петрущака о том, что абсолютное большинство населения Подкарпатской Руси выступало против использования учебников на русском языке (НАСР 4). В действительности же в 1937 г. был проведен своеобразный плебисцит среди родителей учеников школ края относительно грамматики, которая должна была преподаваться в учебных заведениях. Родители могли выбрать между грамматикой

И. Панькевича, основанной на украинском литературном языке, и грамматикой Е. Сабова, близкой к русскому языку (Jarnecki, Kołakowski 2017: 88). Результаты плебисцита (более 73 % родителей отдали свой голос за грамматику Е. Сабова) свидетельствуют о том, что абсолютное большинство населения Подкарпатской Руси в конце 1930-х гг. не приняло украинскую национально-языковую идентичность. И это несмотря на то, что украинские работники просвещения при самой активной поддержке центральных властей успели занять прочные позиции в школьной системе края.

Все представители чехословацкой политической элиты, выступавшие на заседании Государственного Совета 1 июня 1944 г., поддержали И. Петрущака в его заочном споре с П. Цибере. Было выражено принципиальное несогласие с трактовкой Цибере русинов как ветви единого русского народа. Особое раздражение участников заседания вызвало то, что политик позиционировал себя в качестве единственного выразителя интересов населения Подкарпатской Руси. Так, В. Носек отмечал: «П. Цибере всегда подчеркивал, что он единственный представитель Подкарпатской Руси, добивался, чтобы под него был создан специальный орган управления, который представлял бы Подкарпатскую Русь в эмиграции и был бы автономным. Но единственным представителем Чехословацкой Республики является президент, а Государственный Совет – это лишь консультативный орган. Просто невозможно, чтобы П. Цибере выступал как единственный представитель всего подкарпатского народа» (НАСР 5).

Проукраинские симпатии представителей чехословацкой политической эмиграции прослеживаются и в частной переписке. Например, член Государственного Совета Г. Рипка в письме известному общественному деятелю С. Нейману (11 октября 1944 г.) выражал свою уверенность в украинской природе населения Подкарпатской Руси и демонстрировал умеренно негативное отношение к русофильским настроениям, свойственным значительной части жителей края: «Народ сам решит языковые и богословско-церковные вопросы, в них не будут вмешиваться чехи, словаки и центральная власть. Не может быть ни малейшего сомнения, что большинство народа Подкарпатья по своей природе – украинцы. Поэтому более чем правдоподобно, что после освобождения регион будет именоваться Подкарпатской Украиной (данное название используется уже сегодня). Украинский фундамент народа и преимущественно украинский характер общественной жизни бесспорны. никоим образом не должен вырасти барьер перед русским языком, особенно перед наследием великих русских культурных деятелей. Но будет положен конец всем русификаторским тенденциям, которые в прошлом вызывали много споров,

выгоду из которых имели враги славянского народа Подкарпатья» (НАСР 6).

Представители чехословацкой элиты в Лондоне старались лучше разобраться в политическом ландшафте межвоенной Подкарпатской Руси. Об этом свидетельствует ряд документов, отложившихся в фондах пражских архивов. Особый интерес представляет реферат подполковника А. Баровского, который на протяжении 10 лет (до событий марта 1939 г.) проходил службу в Подкарпатской Руси. Данный документ был направлен в МВД представителями Министерства национальной обороны. В реферате подробно характеризуются взаимоотношения представителей местной общественно-политической элиты, которые являлись сторонниками различных национально-языковых направлений. А. Баровский считал, что многими политиками двигали личные интересы и амбиции, а отнюдь не забота о населении региона. Так, автор документа уличал влиятельного политика А. Бродия в «симуляции русинства, а затем русофильства» и в целенаправленной деятельности на средства и в интересах Будапешта. Лидер украинофильского лагеря А. Волошин характеризовался как «неплохой человек со слабой волей». По мнению А. Баровского, А. Волошин «поддался влиянию галицких эмигрантов», которыми «кишела ужгородская семинария» и которые «видели в Подкарпатской Руси ядро Великой Украины и привили эту фантастичную идею А. Волошину». Еще один крупный украинофильский политик Ю. Ревай виделся А. Баровскому популистом и демагогом: «Ю. Ревай – бывший учитель, коммунист, затем социал-демократ. Мог прийти на воскресное общественное собрание в заштопанных штанах, а вечером надеть щегольской костюм, наодеколониться и проводить время в обществе венгров... Его жена носила дорогие меха, люди говорили, что они стоили 30 000 крон. Его дети и секретарь жили в роскоши, в то время как вся земля ждала поставок кукурузы. Однажды на одном приеме я сидел рядом с ним и не слышал из его уст никакой речи, кроме венгерской. Его жена и дети также говорили только по-венгерски» (НАСР 7). А. Баровский считал, что участие многих политиков края в общественной и национально-культурной жизни было обусловлено конъюнктурными соображениями и желанием добиться успехов в политической борьбе, а отнюдь не глубинными идейными убеждениями.

Таким образом, чехословацкое правительство в Лондоне заняло двойственную позицию относительно национально-культурной природы жителей Подкарпатской Руси. С одной стороны, декларировалась свобода выбора населением собственной идентичности, с другой – многие члены правительства скрыто или явно симпатизиро-

вали силам, считавшим население края украинцами. Во многом это было связано с двойственной позицией чехословацкой политической эмиграции, в которой сочетались желание возродить Чехословакию в домюнгенских границах и понимание факта заинтересованности СССР в присоединении Подкарпатской Руси. По мнению В.В. Марьиной, «естественно было предположить, что, отойдя к СССР, эта область будет присоединена к Украинской ССР». Не желая портить отношения с потенциальным мощным соседом в лице СССР, представители чехословацких эмигрантских кругов принимали видение украинского вопроса, господствовавшее в Советском Союзе (Марьиная 2003: 28–29). П. Цибере как главный сторонник общерусской природы жителей Подкарпатской Руси фактически оказался в политической изоляции. Чехословакии не удалось сохранить регион в своем составе.

После освобождения Подкарпатской Руси частями Красной армии в октябре 1944 г. последовал непродолжительный период существования просоветского квазигосударственного образования «Закарпатская Украина». По договору между СССР и Чехословакией от 29 июня 1945 г. регион вошел в состав Украинской ССР. Население Подкарпатской Руси в директивном порядке было объявлено украинцами, начался очередной драматичный этап в судьбе региона.

ЛИТЕРАТУРА

Дронов 2010 – Дронов М.Ю. К вопросу о месте русофильства в национально-культурной жизни русинов Словакии в XX столетии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1 (7). С. 77–88.

Казак 2015 – Казак О.Г. Национально-культурная жизнь Подкарпатской Руси в составе Чехословакии в освещении местной публицистики венгерского периода (1939–1945 гг.) // *Российские и славянские исследования*. 2015. Вып. 10. С. 323–324.

Казак 2017 – Казак О.Г. Этнокультурное развитие восточнославянского населения Подкарпатской Руси в условиях венгерской оккупации (1939–1944 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2017. 182 с.

Марьиная 2003 – Марьиная В.В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М.: Новый хронограф, 2003. 304 с.

Офіцинський 1997 – *Офіцинський Р.* Політичний розвиток Закарпаття у складі Угорщини (1939–1944). Київ: Інститут історії України НАН України, 1997. 244 с.

Поп 2001 – Поп И.И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Издательство В. Падяка, 2001. 431 с.

РГАСПИ 1 – Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 103. Д. 112. Л. 56–57. Инструкция По-

литсекретариата Коминтерна, направленная ЦК КПЧ и Краевому комитету Коммунистической партии Закарпатской Украины. 13 августа 1927 г.

РГАСПИ 2 – РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 543. Л. 2–4. Воззвание ЦК КПЧ к трудящимся Закарпатской Украины. 14 января 1932 г.

Черничко, Фединець 2014 – *Черничко С., Фединець Ч.* Резолюція Празької академії наук про народну мову Підкарпатської Русі (Закарпаття) і мовні полеміки (1919–1939 рр.) // *Філологічний вісник Уманського державного педагогічного університету імені Павла Тичини*. 2014. Вип. 5. С. 82–93.

Шевченко 2003 – *Шевченко К.В.* Русинский вопрос в межвоенной Чехословакии // *Славяноведение*. 2003. № 3. С. 3–17.

Jarnecki, Kołakowski 2017 – *Jarnecki M., Kołakowski P.* «Ukraiński Piemont». Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939. Warszawa: Oficyna Wydawnicza RYTM, 2017. 383 s.

NAČR 1 – Národní archiv České Republiky (далее – NAČR). F. MV-L. Sign. 2-2-10. Kart. 88. Zápis 14. plenární schůze čtbrtém zasedání Státní rady, konané dne 15. března 1944.

NAČR 2 – NAČR. F. MV-L. Sign. 2-10-9. Kart. 114. Dopis Ministerstva zahraničních věcí Ministerstvu národní obrany. Téma: «Podkarpatorusové, oficielní pojmenování». 28 ledna 1943.

NAČR 3 – NAČR. F. MV-L. Sign. 2-51-4. Kart. 218. Memorandum predložené československé vládě v Londýně členem Státní rady P.P. Cibere. 20 července 1943.

NAČR 4 – NAČR. F. MV-L. Sign. 2-51-4. Kart. 218. Projev pana I. Petruščáka v 14. plenárné schůzi čtvrtém zasedání Státní rady, konané dne 15 března 1944.

NAČR 5 – NAČR. F. MV-L. Sign. 2-51-4. Kart. 218. Zápis 22. schůze politického výboru ve čtbrtém zasedání Státní rady, konané dne 1 června 1944.

NAČR 6 – NAČR. F. MV-L. Sign. 2-10-13. Kart. 114. Opis vlastnoručního dopisu min. Ripky p. Neumannu.

NAČR 7 – NAČR. F. MV-L. Sign. 2-10-3. Kart. 114. Dopis Ministerstva národní obrany Ministerstvu vnitra. Téma: «Barovszký Ant. pplk. Poznatky o Podkarpatské Rusi». 30 březen 1942.

Němeček 2012 – *Němeček J.* Zápisy ze schůzí československé vlády v Londýně. Praha: Historický ústav Akademie věd ČR; Masarykův ústav a Archiv Akademie věd ČR, 2012. T. III / 1. 490 s.

REFERENCES

Dronov, M.Yu. (2010) About the place of Russophilia in the national and cultural existence of Rusins in Slovakia in the 20th century. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1(7). pp. 77–88 (in Russian).

Kazak, O.G. (2015) Natsional'no-kul'turnaya zhizn' Podkarpatskoy Rusi v sostave Chekhoslovakii v osveshchenii mestnoy publitsistiki vengerskogo perioda (1939–1945 gg.) [The national and cultural life of Subcarpathian Rus in Czechoslovakia in the light of local journalism of the

Hungarian period (1939–1945)]. *Rossiyskie i slavyanskije issledovaniya*. 10. pp. 323–324.

Kazak, O.G. (2017) *Etnokul'turnoe razvitie vostochnoslavyanskogo naseleniya Podkarpatskoy Rusi v usloviyakh vengerskoy okkupatsii (1939–1944 gg.)* [Ethno-cultural development of the Eastern Slavic population of Subcarpathian Rus under the conditions of the Hungarian occupation (1939–1944)]. History Cand. Diss. Minsk.

Maryina, V.V. (2003). *Zakarpatskaya Ukraina (Podkarpatskaya Rus') v politike Benesa i Stalina. 1939–1945 gg.* [Transcarpathian Ukraine (Subcarpathian Rus) in the politics of Benes and Stalin]. Moscow: Novyy khronograf.

Ofitsinsky, R. (1997). *Politichniy rozvitok Zakarpattya u skladi Ugorshchini (1939–1944)* [Political development of Subcarpathia in Hungary (1939–1944)]. Kyiv: Institute of Ukrainian History of the National Academy of Sciences of Ukraine.

Pop, I.I. (2001). *Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi* [Encyclopedia of Subcarpathian Rus]. Uzhhorod: V. Padjak.

The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 495. List 103. File 112.

The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 495. List 71. File 543.

Chernichko, S. & Fedinets, Ch. (2014). *Rezolyutsiya Praz'koï akademii nauk pro narodnu movu Pidkarpats'koï Rusi (Zakarpattya) i movni polemiki (1919–1939 rr.)* [Resolution of the Prague Academy of Sciences on the national language of Subcarpathian Rus (Zakarpattia) and language polemics (1919–1939)]. *Filologichniy visnik Umans'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu imeni Pavla Tichini*. 5. pp. 82–93.

Shevchenko, K.V. (2003) The Rusin question in the interwar Czechoslovakia. *Slavyanovedenie*. 3. pp. 3–17 (in Russian).

Jarnecki, M. & Kotakowski, P. (2017) *“Ukraiński Piemont”. Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939*. Warsaw: Oficyna Wydawnicza RYTM.

Národní archiv České Republiky (NAČR). Fund MV-L. Sign. 2-2-10. File 88.

Národní archiv České Republiky (NAČR). Fund MV-L. Sign. 2-10-9. File 114.

Národní archiv České Republiky (NAČR). Fund MV-L. Sign. 2-51-4. File 218.

Národní archiv České Republiky (NAČR). Fund MV-L. Sign. 2-10-13. File 114

Národní archiv České Republiky (NAČR). Fund MV-L. Sign. 2-10-3. File 114.

Němeček, J. (2012) *Zápisy ze schůzí československé vlády v Londýně*. Vol. 3. Prague: Historický ústav Akademie věd ČR; Masarykův ústav a Archiv Akademie věd ČR.

Казак Олег Геннадьевич – кандидат исторических наук, преподаватель цикловой комиссии дисциплин общеобразовательного компонента Минского городского педагогического колледжа (Беларусь).

Oleg G. Kazak – Minsk City Pedagogical College (Belarus).

E-mail: olegkazak90@tut.by

УДК 327(477+497.1)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/17

СТВОРЕННЯ ТА ДІЯЛЬНІСТЬ ГРОМАДСЬКИХ ОРГАНІЗАЦІЇ РУСИНІВ-УКРАЇНЦІВ В КОРОЛІВСТВІ СЕРБІВ, ХОРВАТІВ І СЛОВЕНЦІВ У МІЖВОЄННИЙ ПЕРІОД

Г.В. Саган

Київський університет ім. Б. Грінченка
Україна, 04212, м. Київ, вул. Тимошенка, 13-Б
E-mail: galinasagan@gmail.com

Авторське резюме

В статті розкривається процес створення та аналізуються напрями діяльності громадських організацій русинів-українців в Королівстві сербів, хорватів і словенців у міжвоєнний період. Зокрема, мова йде про Русинське народне товариство «Просвіта» (Новий Сад), «Домагой» (Загреб), Українську студентську громаду (Загреб), Українську громаду в Белграді та ін. Показуються складності, з якими зіткнулася русинсько-українська громада у процесі організації свого громадського життя. Найпоширенішою проблемою був дефіцит освічених людей, особливо в сільській місцевості. Серед переселенців інтелігенція траплялася рідко, а ті, які емігрували на Балкани, селилися в містах, де зазвичай працювали в органах місцевої адміністрації. Попри всі складності, результатом громадської діяльності русинів-українців в Югославському королівстві стало те, що їх почали сприймати як окремий народ, який прагне відновити свою державність, зберегти свою мову, духовність тощо. Тоді ж в урядовців королівства почала формуватися позиція до т. зв. «українського питання», про яке вони раніше або не чули, або не розуміли його суті. Разом з тим культурна робота, яку організували громадські організації русинів-українців, допомагала їм покращити своє матеріальне становище, що завжди залишалося актуальним для переселенців.

Ключові слова: русини, українці, громадські організації, «Просвіта», Королівство Югославія.

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РУСИНОВ-УКРАИНЦЕВ В КОРОЛЕВСТВЕ СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Г.В. Саган

Киевский университет им. Б. Гринченко
Украина, 04212, г. Киев, ул. Тимошенко, 13-Б
E-mail: galinasagan@gmail.com

Авторское резюме

В статье раскрывается процесс создания и анализируются направления деятельности общественных организаций русинов-украинцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев в межвоенный период. В частности, речь идет о Русинском народном обществе «Просвита» (Новый Сад), «Домагой» (Загреб), Украинском студенческом обществе (Загреб), Украинском обществе в Белграде и др. Раскрываются сложности, с которыми столкнулось русинско-украинское общество в процессе организации своей общественной жизни. Распространенной проблемой был дефицит образованных людей, особенно в сельской местности. Среди переселенцев интеллигенция встречалась редко, а те, кто эмигрировал на Балканы, селились в городах, где обычно работали в органах местной администрации. Несмотря на все сложности, результатом общественной деятельности русинов-украинцев в Королевстве Югославия стало то, что их начали воспринимать как отдельный народ, стремящийся восстановить свою государственность, сохранить язык, духовность и т. п. Тогда же у чиновников Королевства начала формироваться позиция по отношению к т. н. украинскому вопросу, о котором они раньше или не слышали, или не понимали его сути. Вместе с тем культурная работа, которую организовывали общественные организации русинов-украинцев, помогала им улучшить свое материальное положение, что всегда оставалось актуальным для переселенцев.

Ключевые слова: русины, украинцы, общественные организации, «Просвита», Королевство Югославия.

FORMATION AND ACTIVITIES OF RUSIN-UKRAINIAN SOCIETIES IN THE KINGDOM OF SERBS, CROATS AND SLOVENES IN THE INTERWAR PERIOD

G.V. Sagan

Boris Grinchenko Kyiv University
13-B Tymoshenko Street, Kyiv, 04212, Ukraine
E-mail: galinasagan@gmail.com

Abstract

The article describes the formation and activities of Rusin-Ukrainian public organisations in the Kingdom of the Serbs, Croats and Slovenes in the interwar period, with a focus on the Rusin People's Society "Prosvita" (Novy Sad), "Domagoy" (Zagreb), the Ukrainian Student Community (Zagreb), the Ukrainian Community in Belgrade, etc. The author identifies the difficulties faced by the Rusin-Ukrainian organisations in their social life. The most common problem was the shortage of educated people, especially in rural areas. There were not so many members of the intelligentsia among immigrants: those educated people who emigrated to the Balkans settled in cities, where they usually worked in the local administration. Despite all the difficulties, the Rusin-Ukrainian social activities in the Yugoslav Kingdom lead to their image of a separate nation, seeking to restore their statehood, preserve their language and faith. The officials of the Kingdom began to form their stance on the so-called "Ukrainian question", they had not heard of or misunderstood before. The cultural work organized by the Rusin-Ukrainian organisations improved their financial situation, which always remained relevant for migrants.

Keywords: Rusins, Ukrainians, societies, community, Prosvita, Kingdom of Yugoslavia.

Русини та українці на землях Королівства сербів, хорватів і словенців (Королівства СХС) у міжвоєнний період мали вже чималий досвід облаштування свого побуту, господарства, релігійного життя, шкільництва тощо. З часу свого переселення у регіон (середина XVIII ст.) українсько-русинська громада встигла укріпити свої економічні позиції, побудувати церкви і школи. А от що стосується створення громадських організацій, то у міжвоєнний період якраз спостерігається сплеск заснування і розгортання їхньої роботи.

В українській та зарубіжній історичній науці відсутнє комплексне

дослідження, яке би всесторонньо презентувало діяльність громадських організації русинів-українців в Королівстві сербів, хорватів і словенців у міжвоєнний період. Разом з тим, є низка праць, які вивчали окремі питання нашої проблеми. У цьому плані особливий інтерес становлять монографії О.В. Павлюченка (Павлюченко 1987; Павлюченко 1992), котрі висвітлюють суспільні зв'язки українського та югослов'янських народів протягом другої половини XIX та початку XX ст. І хоча хронологічно та тематично ці праці лише частково стосуються нашого дослідження, вони переконливо засвідчують інтерес до громадської активності українців-русинів на Балканах.

На увагу заслуговують також праці таких українських науковців: В. Козлітіна (Козлітін 1996), В. Трощинського (Трощинський 1999), О. Малиновської (Малиновська 1995) та ін. В. Козлітін у монографії «Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.)» показав російську й українську еміграції в Югославії як особливу цілісну спільноту людей одного етнічного кореня. У силу спільної історичної долі вони опинилися поза межами своєї батьківщини і, незважаючи на відмінності в традиціях, культурі, соціальному походженні та освіті, зберегли внутрішню солідарність інтересів та намірів, вважає В. Козлітін.

Вперше почали оцінювати емігрантів як окремішні національні потоки українські діаспорні дослідники М. Марунчак (Марунчак 1969), М. Мушинка (Мушинка 2005), С. Наріжний (Наріжний 1999), О. Румянцев (Румянцев 2008). Вони зробили вагомий внесок у вивчення культурного та громадського життя українців на Балканах. Публікації активних діячів української діаспори доповнюють історіографію громадського життя української спільноти на теренах Королівства Югославія. С. Бурда (Бурда 1999), Є. Кулеба (Кулеба 2000), Б. Ліський (Ліський 2002а; Ліський 2002b), Є. Мацях (Мацях 1941), Р. Мизь (Мизь 2001; Мизь 2003; Мизь 2005) інформують про громадське та культурне життя української громади в регіоні в часописах, збірках, виданих громадськими організаціями діаспори. Публікації цих авторів нерідко містять суб'єктивні оцінки тих чи інших подій, не підкріплених фактами.

Вже на початку XX ст. українсько-русинська спільнота на Балканах робила перші кроки зі створення громадських об'єднань. Так, 1909 р. в Прняворі, а 1912 р. у Камениці було відкрито «Руську читальню товариства “Просвіта”». Того ж 1912 р. в Прняворі почали діяти ощадна і позичкова каси (Марунчак 1969: 46). Книжки для читалень, газети, журнали надходили з Галичини, зв'язки з якою не припинялися.

З утворенням Королівства сербів, хорватів і словенців правове становище українсько-русинського населення фактично не змінилося. Як і в часи австрійського панування, національні меншини більшими правами не стали користуватися. Щоправда, югославські

освітні закони дозволяли створювати початкові школи, де навчання проводилося рідною мовою (клас мав налічувати не менше 30 учнів) з обов'язковим вивченням сербсько-хорватської. Такі школи були відкриті в найбільших осередках українців і русинів – Керестурі, Коцурі, Вербасі, Дюрдьове. Також тут почали розвивати свою діяльність філії львівської «Просвіти», активними учасниками якої були насамперед представники політичної еміграції, що опинилися в Югославії після війни (Малиновська 1995: 20). У рамках товариств «Просвіта» працювали бібліотеки, драматичні гуртки, створювалися хори, які вивчали народні, церковні та класичні твори. Наприкінці 20-х рр. при цих товариствах почали функціонувати спортивні секції, які пізніше стали називатися «Соколи» (Малиновська 1995: 20).

Велику роль у становленні громадського життя українських переселенців відіграла столиця Хорватії Загреб. Писемні пам'ятки свідчать, що українці, які проживали в Загребі вже з першої половини XIX ст., були членами «Іллірійського товариства», захоплювалися ідеєю слов'янофільства, писали пісні, читали лекції та брали активну участь у культурному житті Загреба та Хорватії.

Перша українсько-русинська організація в Загребі була заснована студентами. Хоча спочатку такі спроби були зроблені в Сербії, куди на початку 20-х рр. XX ст. прибула більша частина українських студентів з тих, котрі хотіли навчатися на Балканах. На той час українці частіше контактували з сербами і менше з хорватами, словенцями та іншими народами Югославії. Проте таке розташування української студіюючої молоді у регіоні швидко змінилося. Українські студенти не знайшли підтримки у сербській спільноті в т. зв. «українському питанні». Значна частина тодішньої сербської еліти не розділяла думки, що Україна має стати незалежною державою. Голова Сербської Королівської академії наук Йован Жуйович говорив: «Ми, серби, вважаємо, що невинувдане прагнення деяких малоросів, щоб з України створити державу зовсім автономну, без будь-яких зв'язків з Росією. ...це було б проти інтересу найбільшої слов'янської держави Росії, і нашої сербсько-хорватсько-словенської держави, і всього слов'янства» (Мацях: 1941: 3).

Така позиція громадських кіл Сербії призвела до переселення українських студентів з Белграда до Загреба і Любляни. Ця група характеризувалася високою національною свідомістю. 12 жовтня 1920 р. при хорватському академічному католицькому товаристві «Домагой» за домовленістю з греко-католицьким біскупом Янком Шимраком постала організація, яка на той час складалася з шести студентів Загребського університету (Крайцар 1927: 114). 1922 р. товариство модернізувалося в Українську студентську громаду, єдину на той час українську організацію, якій було дозволено пра-

цювати в Хорватії. Після кількох місяців очікування, влітку 1923 р., громада отримала урядовий дозвіл на діяльність. До того, 1919 р., в Новому Саді а згодом у Руському Керестурі було засновано першу українську організацію – Русинське народне товариство «Просвіта» (РНТП) (Бурда 2002: 174).

29 червня 1922 р. у столиці Хорватії Загребі також була заснована «Просвіта». На першому спільному засіданні його члени прийняли поміркований у національному питанні статут. Передбачалося об'єднати всіх українців і русинів на базі культурно-просвітньої роботи і в такий спосіб спробувати задовольнити «духовні і моральні потреби українців-емігрантів з Великої України і Галичини, як також національне усвідомлення місцевих русинів-українців» (Український прапор 1922). Статут було затверджено у Белграді лише 7 лютого 1925 р. До складу керівництва загребської «Просвіти» увійшли В. Войтанівський (голова правління), І. Будз і Я. Колій (заступники голови), Й. Філяс (секретар) і А. Жук (скарбник) (Козлітін 1996: 56–57).

Події в Загребі спричинили негативну реакцію керівництва РНТП у Руському Керестурі. Заступник голови РНТП о. Ю. Біндас написав листа до голови загребської «Просвіти» В. Войтанівського, в якому зазначив своє обурення, вказуючи на те, що два товариства будуть між собою конкурувати. Войтанівський у листі-відповіді переконав Біндаса у протилежному. Зокрема, зазначив, що товариства ніяк не можуть конкурувати одне з одним з простої причини. В. Войтанівський мав на увазі те, що РНТП переважно дбало про переселенців, які не володіли українською літературною мовою та орієнтувалися на збереження місцевих культурних традицій, які принесли з собою їхні предки з рідної землі. КПТ «Просвіта» в Хорватії поклала на себе значно ширші завдання. Вона мала загальноукраїнську орієнтацію і прагнула поширювати українську культуру та національну свідомість серед усіх українців Югославії. Тому, на думку В. Войтанівського, товариства могли лише доповнювати одне одного. А якщо між ними протягом певного часу буде злагода, то справа може дійти до об'єднання у спільний Просвітний союз, вважав Войтанівський (Латяк 2002: 52–53). Після з'ясування відносин напруга між організаціями припинилася.

Тривалий час не могла організувати громадське життя українська спільнота сербської столиці. З прибуттям сюди після Першої світової війни великої кількості російських емігрантів склалися такі умови, що «годі було думати про які-небудь вияви українського життя». Тому Белград українці певний час просто оминали. Проте з кожним місяцем українців у центрі Сербії все більшало. Це сприяло тому, що югославська спільнота з великим інтересом сприймала усі події в житті

українців та в Україні й намагалася в них розібратися. Ще більшого ажіотажу додали трагічні обставини, пов'язані із загибеллю С. Петлюри. Не обійшлося без реакції російської еміграції, яка власне розпочала диспут на сторінках югославської преси. Після вбивства Петлюри 25 травня 1926 р. одна із центральних газет Югославії «Политика» інформувала про цю трагедію. 27 травня «Политика» надрукувала українофобську статтю російського емігранта А. Ксюніна «Кривавий Петлюра». У ній писалося, що С. Петлюра розпочав свою діяльність у Києві з того, що друкував усі книги і часописи українською мовою, яку нібито вигадав професор М. Грушевський. «Але настав великий конфуз. Не змогли знайти жодного письменника, який би вмів писати тією мовою, жодного читача, який би ту мову розумів». Закінчувалася стаття цинічним висновком: «Запізніла куля потрапила нарешті в С. Петлюру, як помста за жидівські погроми» (Вбивство С. Петлюри в югославській пресі 1926: 24–25). Брехлива стаття викликала гостру полеміку в югославській пресі.

Першою відгукнулася монархічна газета «Балкан», в якій написали, що Петлюра був демократом і поступовцем, і без іронії запитали у А. Ксюніна, чому він як поступовець-демократ з такою ненавистю писав про С. Петлюру. 30 травня сербська газета «Политика» надрукувала спростування статті Ксюніна, яку надіслало Українське товариство «Просвіта» з Белграда. Російський емігрант не мав жодних підтверджуючих слів і відмовився від коментарів та інтерв'ю. Згодом «Политика» вмістила ще кілька відгуків про смерть С. Петлюри. Вже згадувана газета «Балкан» опублікувала промову О. Лотоцького на поминальному засіданні в Празі. Низка інформаційних статей вийшла в інших періодичних виданнях Югославії: «Време» і «Правда» в Сербії, «Обзор» у Хорватії, «Новості словенські» і «Словенські народ» у Словенії та ін. (Вбивство С. Петлюри в югославській пресі 1926: 26).

1926 р. в Белграді громадське життя українсько-русинської діаспори набирало помітно організованіших форм. 29 січня 1926 р. просвітяни із Загреба відкрили свою філію у Белграді. До складу її правління увійшли І. Будз (голова), В. Шухевич і П. Павлович-Шура (заступники), В. Вільківський (бібліотекар), М. Тумін (скарбник), І. Радченко (референт музично-драматичного відділу) і В. Андрієвський (секретар) (Козлітін 1996: 55). Такого російські емігранти не очікували, а відтак не знали, що робити з появою «мазепинської організації» (Анський 1937: 30). Влітку 1927 р. белградські просвітяни організували публічний виступ своїх аматорських колективів, який отримав визнання глядачів міста. Сербська публіка проявила великий інтерес до української пісні, танцю та українського вбрання (Хроніка 1927: 42–43).

Упродовж 1927–1928 рр. у середовищі белградської «Просвіти»

склалася ситуація, коли керівництво організації почало «ледве не затуляти рота тим, хто боронив національну справу, а натомість дивилися крізь пальці на те, що за кулісами товариства ведеться акція федералістів із захоплення «Просвіти», яко єдиної української організації в свої руки» (Відкриття Української громади в Білгороді 1927: 26). Хоча свої наміри русофіли белградської «Просвіти» не змогли здійснити, все ж від участі у діяльності «Просвіти» самоусунулася група українських патріотів. Вони приступили до організації Української громади в Белграді (УГ Белграда). На зборах 23 вересня 1928 р. було прийнято статут товариства та обрано управління, до якого увійшли Г. Шевчик (голова), М. Тумир (заступник), В. Андрієвський (секретар) та ін. Деякий час громада чекала своєї легалізації у відповідних державних відомствах Югославії. 10 листопада 1928 р., після офіційного дозволу на діяльність, відбулося урочисте відкриття Української громади. На святі були присутні державні чиновники Югославського королівства: Заніпович (секретар міністра внутрішніх справ), Рихтерич (інспектор Міністерства внутрішніх справ), Голія (шеф Кабінету міністрів соціальної політики) та ін. Також прийшли представники від загребської та новосадської «Просвіт» (Відкриття Української громади в Білгороді 1927: 26–27).

Заснування Української громади Белграда дало поштовх представникам російської еміграції до відкритої ворожої агітації проти громади та інших організацій українців (Анський 1937: 30). Частина українців не витримали морального тиску російських емігрантів і відійшла від співпраці з УГ, але інші продовжували працювати з громадою. З роками позиції російських емігрантів в югославському суспільстві мінялися, їх вплив на урядові кола Югославії поступово зменшувався.

У лідерах російської діаспори розчаровувалися пересічні росіяни-емігранти, які не бачили відданої праці на благо простих переселенців, котрі мали багато проблем у чужій країні. Цією ситуацією не могли не скористатися активісти української діаспори. Українські організації відчували себе вільнішими – відверта ворожість до них змінилася на прийнятні умови діяльності. Почали видаватися різного роду інформаційні матеріали, які розповідали, насамперед югославській спільноті, про суть «української справи». Велику роль у цьому відіграла брошура А. Чигирини «Украинській вопрось», яку видала і поширювала УГ Белграда (Анський 1937: 30).

Активізація громадського життя українців у Белграді пожвавила інтерес місцевих ЗМІ до українства. Це стало помітним уже в другій половині 20-х рр. XX ст. До цього сербська громадськість, яка раніше мало що знала про Україну, український народ, його прагнення, тепер отримала нагоду про все прочитати у своїх газетах. Періодичні видання

друкували різноманітні матеріали – від інформаційних до сенсаційних, скажімо, про «арешт заможного українського націоналіста і мецената» інженера Т. Боржинського з Відня. У центральній газеті «Политика» з'явилася низка матеріалів про «підготовку англійської операції з відокремлення України від Росії». Ці публікації демонстрували інтерес на Балканах та й у світі загалом до «українського питання». Подібні статті «розхвилювали мертве море балканської еміграції», і, що важливо, «з'являлося все більше земляків, які почали свідомо відокремлювати себе від загальноросійської еміграції і називатися українцями» (Лист з Югославії 1927: 10–11).

Разом з тим серед впливових кіл сербської громадськості ще мала силу слава великої Росії, що примушувала їх з підозрою ставитися до державницьких устремлінь українців. «Для нас краще, хай існує Росія більшовицька, але велика, ніж окремі держави на території бувшої Росії», – говорили деякі серби (Лист з Югославії 1927: 12). Проте югославські чиновники дуже скептично оцінювали співпрацю з Росією. Міністр закордонних справ Марінкович на запитання журналістів, коли буде встановлено торговельні відносини з більшовиками, рішуче відповів: «У нашій торгівлі навіть царська Росія грала невелику роль. Чим можуть торгувати з нами большевики? Хіба, що пропагандою, комуністичною літературою?» (Лист з Югославії 1927: 12). Зрозуміло, що такі матеріали вселяли надію та мобілізували діяльність українського громадського життя, змінювали ставлення самої Югославії до «українського питання».

Проте повністю позбавитися «опіки» російської еміграції українській діаспорі тоді не вдалося. Наприкінці 20-х рр. XX ст. свою українофобську діяльність поживавив «Національний союз нового покоління», який створив «Малоруско-українську секцію» для переманювання до себе активної української молоді. Оскільки російські товариства відзначалися ще й значними фінансовими статками, то їхні наміри певний час мали успіх. Та коли із секції виключили за «сепаратизм» найактивнішого її члена, виникла обґрунтована підозра щодо справжніх намірів діяльності організації. Після скандалу багато молодих українців залишили організацію (Анський 1937: 31).

Наприкінці 1928 р. у Сербії склалася ситуація, коли виникла потреба в координації діяльності вже кількох українських організацій, які працювали в Белграді, Петровграді, Суботиці, Смедереві і Нові Саді. Тоді й було створено Союз українських організацій в Югославії, який взявся за налагодження співпраці між громадами та просвітніми товариствами, що працювали у вищезгаданих регіонах (Відкриття Української громади в Білгороді 1927: 26–27). Через важкий фінансовий стан усі українські товариства шукали способів заробити кошти і покращити

своє матеріальне становище. Найефективнішим способом була організація виступів перед мешканцями тих міст, де ці товариства працювали.

Концерти, вистави та ін. демонстрували українсько-русинські громади Белграда, Петровграда, Суботиці, Смедерево, «Просвіта» з Нового Саду і Белграда. Заодно ці заходи популяризували українську культуру як серед української спільноти, так і серед інших народів Югославії. Успіх першої вистави «Панна Штукарка» О. Володарського, підготовленої УГ Белграда, продемонстрував це твердження (Хроніка 1938: 17). Згодом громадівці для белградської публіки поставили вистави «Кум Мірошник», «Мартин Боруля», організували концерти української народної творчості (Хроніка 1937 (47): 27). Часто громада з концертними програмами виїжджала в регіони, як правило, туди, де проживали українці і русини, й там влаштовували виступи. Аматори УГ Белграда 19 січня 1929 р. дали великий концерт у Шиді (Срем), де знайшли свій осідок переселенці з Галичини (Хроніка 1929 (6): 31–32). З 30-х рр. XX ст. громада щороку взялася проводити Шевченківські вечори, де звучали вірші поета, хоровий спів, читалися пізнавальні реферати про життя і творчість митця. На святкування запрошували гостей з інших міст, переважно з тих, що стали найбільшими центрами скупчення українців і русинів (Хроніка 1937 (2): 24).

Загалом Українська громада у сербській столиці постійно працювала над удосконаленням своєї культурно-просвітницької діяльності. Коли у перші роки після створення вони влаштовували вечори, на яких читали вірші, реферати, співали пісні, то з літа 1930 р. було вирішено надати тим вечорам більш просвітницького змісту. З того часу організували тематичні вечори, присвячені представникам української культури чи історії. Як виявилось, підготувати такий вечір було не легко, відчувався значний інформаційний голод. 1 липня 1930 р. відбувся перший подібний вечір, який присвятили творчості Л. Глібова (Хроніка 1930 (29–30): 43–44). Новий формат заходу дуже сподобався членам і гостям громади. З того часу щомісяця проводилися тематичні вечори (Хроніка 1930 (31–32): 47–48).

1934 р. УГ Белграда вирішила змінити своє приміщення у центрі міста на більш простору будівлю на околиці. Це було вигідно з кількох позицій. По-перше, на околиці збирали менші податки на нерухомість, а фінансові питання завжди залишалися актуальними. По-друге, старе приміщення з часом стало тісним, оскільки з кожним днем збільшувалася кількість бажаючих взяти участь у громадському та культурному житті діаспори (З життя української громади 1935: 31).

Белградська «Просвіта» свою першу публічну виставу поставила для мешканців гостей і міста 2 березня 1929 р. Оскільки це була сербська п'єса «Невільник», вона викликала жвавий інтерес місцевої публіки, і

на прохання глядачів через кілька днів виставу повторили. На прем'єри були присутні навіть члени югославського уряду, працівники міністерств, дипломатичних служб (Хроніка 1929 (16–17): 41).

Популяризувати українське театральне мистецтво активно взялася й смедеревська Українська громада. Тут з весни 1929 р. розпочалися періодичні публічні покази вистав. Як і попередні товариства, смедеревські аматори такою діяльністю, попри все, прагнули покращити своє матеріальне становище. Приміщення, у якому проходили виступи, вміщувало 400 глядачів, але бажаючих подивитися завжди було більше. Це засвідчувало про моральний та матеріальний успіх громади (Хроніка 1929 (16–17): 41).

Окрім Української громади, у Смедерево працювала й інша громадська організація українців-русинів. Виникла вона наприкінці 1925 р. завдяки старанням Пилипа Чорного, колишнього курсового старшини Київської інструкторської школи старшин за часів Центральної Ради і гетьманства. Згодом організацію перетворили на Український аматорський гурток. Тривалий час активісти гуртка не могли добитися офіційного визнання через перешкоди, які чинила російська еміграція. Чиновники під впливом російських активістів навіть погрожували П. Чорному виселенням зі Смедерево, а згодом і з Югославії. Наполеглива праця Чорного та його соратників Коробко і Жежеленко сприяла тому, що 1931 р. громада отримала реєстрацію (Хроніка 1931 (29–30): 44).

Тоді ж Міністерство внутрішніх справ затвердило статут організації, назва якої була визначена як Українська громада «Кобзар». Членами організації на момент її створення було 56 осіб (більшість із них українці з Кубані). 12 липня 1931 р. відбулися установчі збори, на яких сформували керівництво громади: головою обрали Дворецького, секретарем – Чорного, а скарбником – Медведіва-Козюру. Ще до офіційного визнання члени «Кобзаря» встигли підготувати і показати мешканцям Смедерево кілька вистав: «Невольник», «Хмара», «Різдвяна ніч», «Наталка Полтавка», «Кум Мірошник» та ін. Усі декорації були виготовлені Жежеленко. Громада відкрила хату-читальню і планувала створити театральну секцію й хор (Хроніка 1929 (16–17): 41).

Нелегко доводилося працювати Українській громаді і у Великому Бечкереку через скупчення великої громади російської еміграції, яка всіляко намагалася перешкоджати організації громадського життя українців. Товариство українців Великого Бечкереку очолив М. Мельничук. Ним було добре організовано культурно-просвітню роботу серед українців (З життя української громади 1935: 30).

Особливістю цього осередку українсько-русинської діаспори було те, що там знаходилися кубанські козаки, для яких національність не мала визначального характеру. Серед них були українці, росіяни

й інші народи колишньої Російської імперії. Але попри це громаді вдавалося вести своє українське діаспорне життя – організовувати свята, просвітницькі вечори, на яких знайомили населення з визначними подіями та особистостями української культури та історії. Перші вечори висвітлювали теми: «Крути», «22 січня і його значення», «Чому називаємо Т. Шевченка генієм України» (З життя української громади 1935: 31). При громаді створили Кубанський хор, концерти якого мали успіх у публіки, його запрошували на місцеві фестивалі, конкурси (Хроніка 1931 (25): 31–32).

Театральні успіхи українців відігравали велике значення у житті емігрантів. До аматорів долучалася все більша кількість учасників. Окрім уже згаданих товариств, на початку 30-х рр. ХХ ст. була створена «Українська драматична група», яка теж взялася за постановку вистав. Однак між товариствами незабаром спалахнув конфлікт, який мав фінансовий підтекст, хоча трактувалося це як мистецька конкуренція. Організації почали наввипередки готувати і ставити одні й ті ж вистави, що заплутало глядачів, а відтак інтерес до українського театрального мистецтва почав згасати (Українська театральна справа в Білгороді 1930: 19–20). Тим самим було завдано шкоди як популяризації української культури, так і матеріальному становищу громадських організацій українців.

Критичне становище змусило активістів товариств сісти за стіл переговорів, щоб спільно розв'язати проблему. 28 вересня 1930 р. ініціативна група скликала нараду прихильників українського театрального мистецтва. На запрошення відгукнулася велика кількість людей. На засіданні вибрали спеціальний комітет, який мав підготувати статут нової організації, визначити програму її діяльності, спрямовану на розвиток театральної справи у Белграді. 19 жовтня 1930 р. відбулися перші організаційні збори «Українського художньо-драматичного товариства», на які зійшлося понад 70 осіб. При товаристві обрали управу і ревізійну комісію. До складу управи увійшли Баскевич (голова), Праведників (заступник голови), Зіверт (секретар), Андрієвський (скарбник), Манглер (режисер), Загребельний (диригент), Миколаєнко (адміністратор) та ін. До ревізійної комісії увійшли Яковенко, Карабан та Щербак. З огляду на матеріальні та моральні заслуги перед українською театральною справою почесним головою одногосно обрали заможного українського підприємця І. Будза (Українська театральна справа в Білгороді 1930: 19–20).

Діяльність новоствореного Українського художньо-драматичного товариства невдовзі викликала невдоволення українців. 19 вересня 1931 р., даючи виставу «Запорожець за Дунаєм», товариство до концерту включило російські романси, чим обурило українську спільноту,

«не тому, що ми вороже відносимося до російської пісні... ми шануємо мистецтво кожного народу, але вважаємо, що у даному випадку не місце забавним романсам у подібних концертних програмах» (Хроніка 1931 (37): 28–29).

Таке застереження було не випадковим. Українська спільнота вже помітила проросійські настрої у діяльності художньо-драматичного товариства. Весною товариство розмістилося у приміщенні російського будинку офіцерів, що викликало ще більше невдоволення української громади. Частина членів товариства перестала з ними співпрацювати, хоча товариство і далі ставило вистави. Критики зазначали, що тоді вже їхні вистави втратили «національний характер», і серед глядачів домінувала публіка з числа російських емігрантів (Хроніка 1932: 26).

На початку 30-х рр. XX ст. до хорватської столиці почали прибувати українські студенти, які переїжджали з Праги в результаті подорожчання там навчання. Становище українського студентства в Югославії, особливо в перші роки еміграції, оцінювалося як надзвичайно тяжке. Посередництво між державою й емігрантами в Югославії опинилося в руках російських чиновників. Національні студентські групи (українські, грузинські, білоруські тощо) були віддані «цілком на ласку й неласку москалів» (Наріжний 1942: 99) – від останніх залежав і розподіл студентських стипендій, і облаштування побуту. Маючи в розпорядженні такі важелі, російські емігранти не допускали заснування національних українських організацій, відбирали в українських студентів стипендії, домагалися видалення небажаних їм елементів за межі держави. До того ж і сам розмір студентських стипендій у Югославії не був достатній, аби забезпечити прожитковий мінімум (Наріжний 1942: 99).

Окрім опору з боку російської еміграції, українські студенти опинилися під тиском греко-католицької церкви, клірикам якої не сподобалося те, що студенти гуртували усіх українців, незважаючи на їх релігійну приналежність, і претендували на керівну роль в українській громаді Югославії (Ліський 2002b: 40). На жаль, цей конфлікт з церквою завдавав великої шкоди справі консолідації українців в еміграції. Не зважаючи на труднощі, опір і перешкоди, прогресивне українське студентство продовжувало організовувати громадське життя в еміграції (Мацях 2002: 51).

Прибуття студентів до Хорватії збіглося з кризою в організації національного життя українців у регіоні. У Прњяворі, Баня-Луці, Липениці залишилися старі читальні, що з бігом часу і під впливом місцевих парохів перетворилися на клуби чи церковні братства, повільно втрачали свій початковий національно-громадський характер. Притік національно свідомої молоді сприяв докорінним змінам. У літні

місяці студенти найчастіше з економічних причин відправлялися до українських сіл, де організовували культурно-просвітницьку роботу. За таких умов відкривалися філії та читальні Українського товариства «Просвіта», яких згодом стало понад 20, а сама організація нараховувала близько 5 тис. членів. Якщо врахувати, що загалом тут проживало близько 15 тис. українців (Мацяк 2002: 53), то авторитет «Просвіти» був помітно високим.

Серед студентів, які прибули з Праги, були пластуни. На новому місці вони вирішили організувати гурток «Перелітних» та приєднатися до Союзу українських пластунів-емігрантів (СУПЕ) (Наріжний 1942: 282–285). На початку липня 1932 р. у Загребі проходив джемборі (пластовий здвиг), на якому були присутні делегати майже від усіх європейських держав, що входили до Міжнародного бюро скаутів (МБС). Українці як бездержавна нація не мали права бути членами союзу, тому у джемборі брали участь у складі чеської пластуницької організації. Українські студенти на параді учасників йшли зі своїм жовто-блакитним стягом і встановили два шатра з вивіскою «Ukraine». Виставка, організована українцями, привернула увагу багатьох гостей джемборі. Під час змагань українських пластунів матеріально і морально підтримували місцеві українські емігранти (Українські пластуни 1932a: 30–31). Югославська преса позитивно відзначила участь українських студентів у джемборі, і, незважаючи на те, що українці не були членами МБС, їх назвали учасниками пластового здвигу (Українські пластуни 1932b: 11–12). Таке ставлення хорватської спільноти до української діаспори черговий раз засвідчило добрі відносини між народами.

1938 р. у Загребському університеті Антон Івахнюк заснував два українські студентські товариства – «Пробоем» (пізніше «Дніпро») і «Лихвар». У звіті греко-католицького Прняворського деканату від 8 травня 1939 р. сказано, що «Пробоем» виник у результаті розколу, який стався між загребськими студентами. Новостворене товариство почало працювати на католицьких основах – «настали для нас сприятливі обставини, бо студенти з товариства "Пробоем" почали співпрацювати з церквою» (Ліський 2002b: 44). Інша частина студентів, яка не підтримала ініціативи Івахнюка, гуртувала навколо себе усіх українців, без огляду на їх релігійну належність.

Друге товариство, засноване А. Івахнюком, «Лихвар», мало економічну зорієнтованість. Метою його діяльності була фінансова допомога у вигляді позик для членів товариства. 6 березня 1938 р. затвердили статут «Лихваря», і товариство 1 квітня розпочало свою діяльність (Ліський 2002a: 64). Члени обох товариств у своїй діяльності дотримувалися тих принципів, що українські студенти за кордоном перш за все повинні отримати освіту і кваліфікацію спеціаліста. Другим

обов'язком мала бути пропаганда серед іноземців і української громади української національної ідеї. Для цього, як стверджував їхній лідер А. Івахнюк, потрібно «на чужині бути "ходячою енциклопедією" і на будь-яке питання треба вміти дати вичерпну відповідь. Від іноземців рекомендували не відгороджуватися "китайською стіною" а розвивати дружні стосунки. Кожен українець мав бути свідомим того, що за кордоном він є представником своєї нації» (Лиський 2002а: 64).

Наприкінці 1932 – на початку 1933 р. спостерігався новий етап в організації громадського життя українців Югославії. За ініціативи Української громади Белграда 8 жовтня 1933 р. у столиці Югославського королівства зібралися представники українських громад з провінції, щоб відновити діяльність Союзу українських організацій (СУО). На зборах було обрано правління під головуванням адвоката Г. Шевчика. Його заступником став В. Андрієвський, а секретарем – М. Тумір. СУО об'єднав політично активну частину української діаспори, проголосивши своєю метою «здобуття волі українському народові» (Хроніка 1933: 17). Через внутрішній конфлікт, який визник у союзі, у грудні 1933 р. В. Андрієвський вийшов зі складу правління. За таких умов зріс авторитет аполітичної загребської «Просвіти», яка стала домінувати ще й чисельно завдяки приєднанню Української студентської громади (800 осіб) (Наріжний 1942: 285).

Упродовж 1934 р. філії загребської «Просвіти» з'явилися в хорватських містечках Качечиці, Стара Дубрава, Прнявор й Штрбуя. Основну увагу члени правління звертали на давню економічну («заробітчанську») еміграцію, переважно з галицьких селян, серед яких вербували нових членів. Йшлося виключно про економічно-господарську та культурно-просвітницьку діяльність, тобто організацію святкових вечорів (Шевченківські свята, 22 січня – День соборності, День пам'яті першого президента УНР М. Грушевського та ін.), театральні вистави, поширення української періодики, художньої літератури, підручників. Загалом у Королівстві СХС на кінець 30-х рр. працювало 5 філій «Просвіти», 13 представництв, які охоплювали 24 населених пункти (Козлітин 1996: 59).

У середині 30-х рр. розгорнулася боротьба між українськими організаціями щодо доцільності поєднання в їх діяльності політичних настрій з культурно-просвітницькими. Після обрання нового правління союзу 12 травня 1935 р., ця проблема була знята. До складу нового правління увійшли П. Чорний (голова), В. Андрієвський (заступник), Й. Прокопюк (секретар), Б. Козиренко (скарбник), а також члени М. Мельничук, В. Мартос і Б. Жилєня. До складу Наглядової ради були обрані К. Цвитанович, С. Третєвич і В. Сердюк (Хроніка 1935: 36–37).

Після таких змін ситуація в українських організаціях Королівства Югославія стала відносно спокійною, а їхня діяльність ефективнішою. Нове правління СУО проводило лінію раціонального поєднання культурно-просвітницької діяльності з пропагандою ідей збереження етнічної самобутності українців в Югославії і майбутнього національного визволення України.

Як наслідок подальших творчих зусиль представників української діаспори 1936 р. виходить «Руско-український альманах бачванско-сримских писательох», видавцем якого було «Руске народне друштво у Руским Керестуре». В альманасі почали друкувати молодих письменників М. Винайя, Я. Фейса, М. Ковача, С. Саламона, О. Латкович, Й. Костельника, о. М. Буїла, Є. Ковач (Марунчак 1969: 47–48).

Автори і видавці альманаху так пояснювали у вступі ціль і потребу такого альманаху: «Русько-український альманах – то є перша спроба, яка охопить белетристику югославських русинів. Переклади прози бачвансько-сремського діалекту літературною українською мовою засвідчать нашу любов до літературної української мови і заодно викличуть зацікавлення наших русинів до літературної мови, а наших братів українців у Галичині і в Україні зацікавлять нашими звичаями. Особливо ми намагаємося цим виданням зблизити широкі кола югославських русинів з українцями Галичини і України» (Марунчак 1969: 48).

Національні мотиви відтоді все частіше проявлялися в літературній творчості бачванських русинів-українців. Для обміркування своїх культурно-освітніх та народних справ бачванські русини вперше з'їхалися ще у липні 1919 р. на нараду в Нові Сад. Сюди з ініціативи о. Ю. Біндаса – пароха з Дюрдово прибуло близько 150 делегатів, які заснували «Руске народне просвітне друштво» (РНПД) (Лятак 2000: 50). Метою товариства було «пізнавати народний характер українців, розвивати й поширювати українську народну просвіту і в культурних справах заступати всюди інтереси південних українців». Попри те, що товариство було створене на території Воєводини, його діяльність планувалося розгорнути і на просторах Боснії і Хорватії. Згодом після з'їзду товариство почало видавати часопис «Руски новини» та щорічник «Руски календар». Коли 1935 р. в Руському Керестурі заснували друкарню, згадані видання перенесли з Нові Саду до Керестура, який і став центром культурного життя всіх бачванських русинів-українців.

З 1933 р. виходив ще один орган української діаспори в Югославії – «Рідне слово». До квітня 1941 р. це було єдине видання українською мовою. Першим і єдиним редактором, який одночасно був засновником цієї газети, а також і виконавцем усіх інших робіт (від підготовки статей до їх редагування та оформлення журналу), був о. М. Фірак – спо-

чатку душпастир у Пішкоревцях, а згодом парох у Руському Керестурі. Друкували газету неподалік від Пішкоревців, у Дякові. Листопадове число з 1934 р. почали видавати вже в Осієку, де газету друкували до 2-го номера 1936 р. Потім кілька номерів вийшло у Дервенті, а останньою редакцією, яка випускала «Рідне слово», з кінця 1936 р. стала друкарня «Просвіти» у Руському Керестурі.

За законами старої Югославії відповідальними редакторами «Рідного слова» були люди, які фактично з цією газетою не мали нічого спільного, але постійно мешкали у місцевості, де вона друкувалася.

У Дякові відповідальним редактором був о. Ф. Дідович, римо-католицький парох і декан у Дякові. Коли ж друкувалися в Осієку, відповідальним редактором був сам о. Фірак. Під час видання у Дервенті газету підписував о. Жигмонд Слиж, український душпастир цього містечка.

У Руському Керестурі відповідальним редактором знову став о. М. Фірак. Спочатку «Рідне слово» виходило один раз на місяць, від 9-го номера 1935 р. – два рази на місяць, а з 2-го номера 1940 р. – три рази. Назву газети, а також і назви поодиноких рубрик графічно оформляв о. М. Буїла. Перші три букви назви газети своєю стилізацією утворювали гербовий знак святого Володимира Великого – тризуб. У перших номерах газети були такі рубрики: «З рідного краю», «Що чувати у світі?», «Що нового в Югославії?», «З наших осель», «Новинки». Пізніше з'являються рубрики: «Господарство», «З нашої держави», «Наші дописи». З часом рубрики міняли свої назви, але їх спрямування залишалось незмінним.

Вступну статтю до першого номера «Рідного слова» написав крижевський владика Д. Няраді, де, зокрема, зазначалося: «Нехай буде Господу Ісусу Христу найбільша честь і слава, що допоміг і поблагословив видання газети "Рідне слово" для греко-католицьких українців у Югославії» (Мизь 2003: 12). Видавець-редактор у першому номері звернувся до читачів із словами: «Випускаючи у світ "Рідне слово" – перший часопис для українського народу в Югославії, підписаний має тверду надію, що наші люди в Боснії, Славонії і по других краях Югославії його щиро привітають, бо відчують потребу часопису, котрий рідною українською мовою до кожного заговорить, принесе вісті з рідного краю, злучить нас розсіяних до одної громади і занесе до наших домів світло просвіти і знання. "Рідне слово" це часопис український і християнсько-католицький. Буде воно будити в наших людях народну свідомість, буде вчити любити рідну мову і все що наше українське...» (Мизь 2003: 12). Окрім «Рідного слова», у Пішкоревцях видавали «Ілюстровані календарі рідного слова для українського народу в Югославії», перші видання якого з'явилося 1934–1935 рр.

Отже, громадське життя русинів-українців у Югославії з початку ХХ ст. і до Другої світової війни оформилося і функціонувало з усіма національними ознаками. Попри тиск інших діаспорних згуртувань, насамперед російських, українці зуміли виокремитися з маси переселенців із земель Російської та Австрійської імперій і позиціювати себе як окремий народ. Їм вдалося створити низку громадських товариств – як нових, так і філій тих, що вже працювали в Україні (наприклад «Просвіта»). Ці організації стали осередками культурного життя українців в Югославії, що дозволило їм зберегти свої звичаї, традиції, мистецтво й активно знайомити з ними югославську спільноту. Діалог, який налагодився між українцями і югослов'янськими народами завдяки спілкуванню в культурній сфері, формував позитивний імідж української діаспори в Югославії.

Популяризація української культури, громадська діяльність на югослов'янських землях мала і політичні наслідки. В Югославії лише після розгортання активної суспільної діяльності русинів-українців почали сприймати їх як окремий народ, який прагне відновити свою державність, зберегти свою мову, духовність тощо. Тоді ж в урядовців Королівства Югославія почала формуватися позиція до т. зв. «українського питання», про яке вони раніше або не чули, або не розуміли його суті. Разом з тим громадська активність русинів-українців допомагала їм покращити своє матеріальне становище, що завжди залишалося актуальним для переселенців.

ЛІТЕРАТУРА

Анський 1937 – *Анський В.* З українського життя в Югославії // Гуртуймося. Прага, 1937. Рік видання 2–3 (XX–XXI). С. 30.

Бурда 1999 – *Бурда С.* З життя русинів і українців Загреба // Нова думка: Часопис Союзу русинів і українців Республіки Хорватія. Вуковар, 1999. Рік XIX. № 107. С. 29–30.

Бурда 2002 – *Бурда С.* Історія і актуальні проблеми українців та русинів Хорватії // Українці Хорватії. Матеріали і документи. Книга перша. Загреб, 2002. С. 174.

Вбивство С. Петлюри в югославській пресі 1926 – Вбивство С. Петлюри в Югославській пресі 1926. Тризуб. Прага, 15 серпня, 1926. Число 40. С. 24–25.

Відкриття Української громади в Білгороді 1927 – Відкриття Української громади в Білгороді 1927. Тризуб. Прага, 23 грудня 1927. Число 156. С. 26–27.

З життя української громади 1935 – Гуртуймося. Прага, 1935. Рік видання I (XIII). С. 30–31.

Козлитин 1996 – *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.). Харьков: РА, 1996. 476 с.

Крайцар 1927 – *Крайцар І.* Українська еміграція у Югославії // Руски календар. Руски Крстур, 1927. С. 114.

Кулеба 2000 – *Кулеба Є.* 30 років культурного життя українців у Кулі (II) // Українське слово: Часопис українців у Югославії з питань культури, літератури та суспільного життя. Новий Сад, 2000. № 7. С. 49–56.

Латяк 2002 – *Латяк Ю.* Інформування українською мовою на просторах колишньої Югославії (1922–1992) Короткий огляд // *Misli z Dunava. Vukovar*, 2002. № 5. С. 50–54.

Латяк 2000 – *Латяк Ю.* Інформування українською мовою на просторах колишньої Югославії (1922–1992) // Глас Союзу. Новий Сад, 2000. № 3. С. 50.

Лист з Югославії 1927 – Лист з Югославії 1927. Тризуб. Прага, 7 серпня 1927. Число 32 (90). С. 10–11.

Ліський 2002а – *Ліський Б.* Антон Івахнюк – великий українсько-хорватський патріот // Українці Хорватії. Книга перша. Загреб, 2002. С. 62–74.

Ліський 2002б – *Ліський Б.* З діяльності українських студентів у Хорватії (1920–1945) // Українці Хорватії. Книга перша. Загреб, 2002. С. 38–51.

Малиновська 1995 – *Малиновська О.* Українська діаспора в південно-слов'янських землях: короткий історичний нарис // Українська діаспора. Київ; Чикаго, 1995. Число 8. С. 12–24.

Марунчак 1969 – *Марунчак М.* Українці в Румунії, Чехо-Словаччині, Польщі, Югославії. Вінніпег, 1969. 64 с.

Мацях 1941 – *Мацях Є.* Хорватія вчора і сьогодні // Український вісник. Берлін. 3 серпня 1941. Ч. 21 (65). С. 3.

Мизь 2001 – *Мизь Р.* «Новій думці», власне, 33 роки // Нова думка: Часопис Союзу русинів і українців Республіки Хорватія. Вуковар, 2001. № (1) 2. С. 11.

Мацях 2002 – *Мацях Є.* Українці в Хорватії // Українці Хорватії. Книга перша. Загреб, 2002. С. 51–61.

Мизь 2003 – *Мизь Р.* До 70-ліття виходу в світ першого числа «Рідного слова» // Наша газета. Загреб, 2003. 7 вересня. № 14. С. 12.

Мизь 2005 – *Мизь Р.* Біля колиски двох союзів і одної Регіональної Ради // Голос Союзу: Союз русинів і українців Сербії і Чорногорії. Нови Сад, 2005. № 8. С. 4–5.

Мушинка 2005 – *Мушинка М.* Нас поєднав Володимир Гнатюк // Голос Союзу: Союз русинів і українців Сербії і Чорногорії. Новий Сад, 2005. № 8. С. 12–15.

Наріжний 1942 – *Наріжний С.* Українська еміграція. Прага, 1942. Частина друга. 370 с.

Наріжний 1999 – *Наріжний С.* Українська еміграція. Культурна праця української еміграції 1919-1939. К.: Вид-во імені Олени Теліги, 1999. 370 с.

Павлюченко 1987 – *Павлюченко О.В.* Россия и Сербия 1888–1903 (дипломатические отношения, общественные связи). Киев: Наукова думка, 1987. 130 с.

Павлюченко 1992 – *Павлюченко О.В.* Україна в російсько-югослов'янських суспільних зв'язках (друга половина XIX – початок XX ст.). Київ: Наукова думка, 1992. 205 с.

Румянцев 2008 – *Румянцев О.* Галичина – Боснія – Воєводина: українські переселенці з Галичини на території югославських народів в 1890–1999 роках. Київ: ФАДА; ЛТД, 2008. 256 с.

Трощинський 1999 – *Трощинський В.П., Шевченко А.А.* Українці в світі. Київ: Видавничий дім «Альтернатива», 1999. Т. 15. 350 с.

Українська театральна справа в Білгороді 1930 – Українська театральна справа в Білгороді 1930. Тризуб. Прага, 16 листопада 1930. Число 40 (251). С. 19–20.

Український прапор 1922 – Український прапор. 5 серпня 1922.

Українські пластуни 1932а – Українські пластуни на югославському Джемборі в Загребі 1932. Тризуб. Прага, 28 серпня 1932. Число 33–31 (340–41). С. 30–31.

Українські пластуни 1932b – Українські пластуни на югославському Джемборі в Загребі 1932. Тризуб. Прага, 30 жовтня 1932. Число 42 (350). С. 11–12.

Хроніка 1927 – Хроніка 1927 // Тризуб. Прага, 26 червня 1927. Число 26–27. С. 42–43.

Хроніка 1929 (6) – Хроніка 1929 (6) // Тризуб. Прага, 3 лютого 1929. Число 6 (162). С. 31–32.

Хроніка 1929 (16–17) – Хроніка 1929 (16–17) // Тризуб. Прага, 14 квітня 1929. Число 16–17. С. 41.

Хроніка 1930 (29–30) – Хроніка 1930 (29–30) // Тризуб. Прага, 3 серпня 1930. Число 29–30 (237–238). С. 43–44.

Хроніка 1930 (31–32) – Хроніка 1930 (31–32) // Тризуб. Прага, 31 серпня 1930. Число 31–32 (239–408). С. 47–48.

Хроніка 1931 (25) – Хроніка 1931 (25) // Тризуб. Прага, 28 червня 1931. Число 25 (283). С. 31–32.

Хроніка 1931 (29–30) – Хроніка 1931 (29–30) // Тризуб. Прага, 2 серпня 1931. Число 29–30 (287–288). С. 44.

Хроніка 1931 (37) – Хроніка 1931 (37) // Тризуб. Прага, 4 жовтня 1931. Число 37 (295). С. 28–29.

Хроніка 1932 – Хроніка 1932 // Тризуб. Прага, 13 березня 1932. Число 11 (319). С. 26.

Хроніка 1933 – Хроніка 1933 // Гуртуймося. 1933. Жовтень. С. 17.

Хроніка 1935 – Хроніка 1935 // Гуртуймося. 1935. № 14–15 (квітень–вересень). С. 36, 37.

Хроніка 1937 (2) – Хроніка 1937 (2) // Гуртуймося. Прага, 1937. Рік видання 2 (XXIII). С. 24.

Хроніка 1937 (47) – Хроніка 1937 (47) // Тризуб. Прага, 5 грудня 1937. Число 47 (597). С. 27.

Хроніка 1938 – Хроніка 1938 // Гуртуймося. Прага, 1938. Рік видання 3 (XXVI). С. 17.

REFERENCES

Ansky, V. (1937) Z ukrains'kogo zhittya v Yugoslavii [On Ukrainian Life in Yugoslavia]. *Gurtuymosya*. 2–3. pp. 30.

- Burda, S. (1999) Z zhittya rusiniv i ukraïntsiiv Zagreba. *Nova dumka*. 107. pp. 29–30.
- Burda, S. (2002) Istoriya i aktual'ni problemi ukraïntsiiv ta rusiniv Khorvatii [History and issues of Ukrainians and Rusins in Croatia]. In: *Ukraïntsi Khorvatii. Materiali i dokumenti*. Book 1. Zagreb: [s.n.]. pp. 174.
- Trizub* (1936) Vbivstvo S. Petlyuri v Yugoslavs'kiy presi [The assassination of S. Petliura in the Yugoslav press]. 15th August. pp. 24–25.
- Trizub* (1927) Vidkrittya Ukraïns'koï gromadi v Bilgorodi [Opening of the Ukrainian Community in Belgorod]. 23rd December. pp. 26–27.
- Anon. (1935) Z zhittya ukraïns'koï gromadi [From the life of the Ukrainian community]. *Gurtuymosya*. 1(13). pp. 30–31.
- Kozlitin, V.D. (1996) *Russkaya i ukrainskaya emigratsiya v Yugoslavii (1919–1945 gg.)* [Russian and Ukrainian emigration in Yugoslavia (1919–1945)]. Kharkiv: RA.
- Krajczar, I. (1927) Ukraïns'ka emigratsiya u Yugoslavii [Ukrainian emigration in Yugoslavia]. In: *Rusky kalendar*. Rusky Krstur: [s.n.]. pp. 114.
- Kuleba, E. (2000) 30 rokov kul'turnogo zhittya ukraïntsiiv u Kuli (II) [30 years of Ukrainian cultural life in Kula]. *Ukraïns'ke slovo*. 7. pp. 49–56.
- Latyak, Yu. (2002) Informuvannya ukraïns'koyu movoyu na prostorakh kolishn'oï Yugoslavii (1922–1992) Korotkiy oglyad. *Misli z Dunava*. 5. pp. 50–54.
- Latyak, Yu. (2000) Informuvannya ukraïns'koyu movoyu na prostorakh kolishn'oï Yugoslavii (1922–1992). *Glas Soyuzu*. 3. pp. 50.
- Trizub* (1927) List z Yugoslavii [Letter from Yugoslavia]. 7th August. pp. 10–11.
- Lisky, B. (2002a) Anton Ivakhnyuk – velikiy ukraïns'ko-khorvats'kiy patriot [Anton Ivakhnyuk is a great Ukrainian-Croat patriot]. In: *Ukraïntsi Khorvatii. Materiali i dokumenti*. Book 1. Zagreb: [s.n.]. pp. 62–74.
- Lisky, B. (2002b) Z diyal'nosti ukraïns'kikh studentiv u Khorvatii (1920–1945) [From the activities of Ukrainian students in Croatia (1920–1945)]. In: *Ukraïntsi Khorvatii. Materiali i dokumenti*. Book 1. Zagreb: [s.n.]. pp. 38–51.
- Malinovska, O. (1995) Ukraïns'ka diaspora v pivdenenoslov'yans'kikh zemlyakh: korotkiy istorichniy naris [Ukrainian Diaspora in the South Slavic lands: a brief historical essay]. *Ukraïns'ka diaspora*. 8. pp. 12–24.
- Marunchak, M. (1969) *Ukraïntsi v Rumunii, Chekho-Slovachchini, Pol'shchi, Yugoslavii* [Ukrainians in Romania, Czechoslovakia, Poland, Yugoslavia]. Winnipeg: New Pathway Publishers Ltd.
- Matsyakh, E. (1941) Khorvatiya vchora i s'ogodni [Croatia yesterday and today]. *Ukraïns'kiy visnik*. 3rd August. pp. 3.
- Miz, R. (2001) “Noviy dumtsi”, vlasne, 33 roki. *Nova dumka*. 1(2). pp. 11.
- Matsyakh, E. (2002) Ukraïntsi v Khorvatii [Ukrainians in Croatia]. In: *Ukraïntsi Khorvatii. Materiali i dokumenti*. Book 1. Zagreb: [s.n.]. pp. 51–61.
- Miz, R. (2003) Do 70-littya vikhodu v svit pershogo chisla “Ridnogo slova”. *Nasha gazeta*. 7th September. pp. 12.
- Miz, R. (2005) Bilya koliski dvokh soyuziv i odnoi Regional'noi Radi [At the cradle of two unions and one Regional Council]. *Golos Soyuzu: Soyuz rusiniv i ukraïntsiiv Serbii i Chornogorii*. 8. pp. 4–5.
- Mushinka, M. (2005) Nas poednav Volodimir Gnatyuk. *Golos Soyuzu: Soyuz rusiniv i ukraïntsiiv Serbii i Chornogorii*. 8. pp. 12–15.

Narizhniy, S. (1942) *Ukrains'ka emigratsiya* [Ukrainian emigration]. Pargue: [s.n.].

Narizhniy, S. (1999) *Ukrains'ka emigratsiya. Kul'turna pratsya ukrains'koï emigratsii 1919–1939* [Ukrainian emigration. Cultural work of Ukrainian emigration in 1919 – 1939]. Kyiv: Vid-vo imeni Oleni Teligi.

Pavlyuchenko, O.V. (1987) *Rossiya i Serbiya 1888–1903 (diplomaticheskie ot-nosheniya, obshchestvennye svyazi)* [Russia and Serbia 1888-1903 (diplomatic and public relations)]. Kyiv: Naukova dumka.

Pavlyuchenko, O.V. (1992) *Ukraina v rosys'ko-yugoslav'yans'kikh suspil'nikh zv'yazkakh (druga polovina XIX – pochatok XX st.)*. Kyiv: Naukova dumka.

Rumyantsev, O. (2008) *Galichina – Bosniya – Voevodina: ukrains'ki pereselentsi z Galichini na teritorii yugoslavs'kikh narodiv v 1890–1999 rokakh* [Galicia – Bosnia – Vojvodina: Ukrainian migrants from Galicia to the territories of the Yugoslav people in 1890–1999]. Kyiv: FADA; LTD.

Troshchinsky, V.P. & Shevchenko, A.A. (1999) *Ukrainci v sviti* [Ukrainians in the world]. Vol. 15. Kyiv: Al'ternativa.

Trizub (1930) *Ukrains'ka teatral'na sprava v Bilgorodi* [Ukrainian theatrical business in Belgorod]. 16th November. pp. 19–20.

Ukrains'kiy prapor. (1922) 5th August.

Trizub (1932a) *Ukrains'ki plastuni na yugoslavs'komu Dzhembori v Zagrebi* [The Plast National Scout Organization of Ukraine in Yugoslav Jamboree in Zagreb]. 28th August. pp. 30–31.

Trizub (1932b) *Ukrains'ki plastuni na yugoslavs'komu Dzhembori v Zagrebi* [The Plast National Scout Organization of Ukraine in Yugoslav Jamboree in Zagreb]. 30th October. pp. 11–12.

Trizub (1927) *Khronika*. 26th June. pp. 42–43.

Trizub (1929a) *Khronika*. 3rd February. pp. 31–32.

Trizub (1929b) *Khronika*. 14th April. pp. 41.

Trizub (1930a) *Khronika*. 3rd August. pp. 43–44.

Trizub (1930b) *Khronika*. 31st August. pp. 47–48.

Trizub (1931a) *Khronika*. 28th June. pp. 31–32.

Trizub (1931b) *Khronika*. 2nd August. pp. 44.

Trizub (1931c) *Khronika*. 4th October. pp. 28–29.

Trizub (1932) *Khronika*. 13th March. pp. 26.

Anon (1933) *Khronika. Gurtuymosya*. October. pp. 17.

Anon (1935) *Khronika. Gurtuymosya*. 14–15. pp. 36–37.

Anon (1937) *Khronika. Gurtuymosya*. 2(23). pp. 24.

Trizub (1937) *Khronika*. 5th December. pp. 27.

Anon (1938) *Khronika. Gurtuymosya*. 3(26). pp. 17.

Саган Галина Васильевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной истории Киевского университета им. Б. Гринченко (Украина).

Саган Галина Васильівна – доктор історичних наук, доцент, професор кафедри всевітньої історії Київського університету ім. Б. Грінченка (Україна).

Galyna V. Sagan – Borys Grinchenko Kyiv University (Ukraine).

E-mail: galinasagan@gmail.com

УДК 304.444

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/18

ЧИННИКИ ФОРМУВАННЯ КУЛЬТУРНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ РУСИНІВ УГОРСЬКОЇ РУСІ У ХІХ ст.

С.В. Сторожук¹, И.М. Гоян², О.В. Федик³

¹ Національний університет біоресурсів і природокористування
України

Україна, 03041, м. Київ, вул. Героїв Оборони, 15

E-mail: sveta0101@ukr.net

² Прикарпатський національний університет ім. В. Стефаника

Україна, 76000, м. Івано-Франківський, вул. Шевченка, 57

E-mail: ivigoian@gmail.com

³ Прикарпатський національний університет ім. В. Стефаника

Україна, 76000, м. Івано-Франківський, вул. Шевченка, 57

E-mail: oksfedyk@ukr.net

Авторське резюме

У статті висвітлюються колізії формування культурної ідентичності русинів Угорської Русі в ХІХ ст. та розкривається роль примордіальних зв'язків у цьому процесі. З цією метою розглядаються особливості та цивілізаційні орієнтири культуротворчої діяльності греко-католицького духовенства першої половини ХІХ ст. та висвітлюються причини її знецінення широкими народними масами. В ході дослідження показано, що примордіальні зв'язки, основою яких є мова і релігія, можуть набувати нездоланий характер і перетворюватися в «даність», вкорінену в людській підсвідомості тільки у відносно закритих типах суспільств, тоді як за умови вільного розвитку спільноти вони зазвичай мають раціональний і сконструйований характер. На цьому тлі підкреслюється, що формування етнічної приналежності русинів Угорської Русі відбувалося під впливом тих же факторів, що й інших європейських народів. Перманентна дискримінація за приналежність до східної релігійної традиції форсувала необхідність культурного самовизначення не тільки серед освіченої духовенства, а й простого люду, яке, завдяки сформованій протягом століття самотній релігійно-обрядовій та художній традиції, усвідомило себе частиною більш широкого, в порівнянні з сім'єю, сільською і/або релігійною громадою, культурного співтовариства, що має право на розвиток власної самотньої культури. Провідне

ж значення в процесі усвідомлення культурної ідентичності русинів Угорської Русі у XIX ст. зіграла глибока прихильність до східно-релігійної традиції, а тому саме її на основі сформувався самобутній етнографічний простір.

Ключові слова: мова, культурна ідентичність, східна релігійна традиція, примордіальний зв'язок, культурні маркери, іконопис, мадяризація.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУСИНОВ УГОРСКОЙ РУСИ В XIX в.

С.В. Сторожук¹, И.М. Гоян², О.В. Федик³

¹ Национальный университет биоресурсов и природопользования Украины

Украина, 03041, г. Киев, ул. Героев Оборона, 15

E-mail: sveta0101@ukr.net

² Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника

Украина, 76000, г. Ивано-Франковск, ул. Шевченко, 57

E-mail: ivigoian@gmail.com

³ Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника

Украина, 76000, г. Ивано-Франковск, ул. Шевченко, 57

E-mail: oksfedyk@ukr.net

Авторское резюме

В статье освещаются коллизии формирования культурной идентичности русинов Угорской Руси в XIX в., а также раскрывается роль примордиальных связей в этом процессе. С этой целью рассматриваются особенности и цивилизационные ориентиры культуротворческой деятельности греко-католического духовенства первой половины XIX в., освещаются причины ее обесценивания широкими народными массами. В ходе исследования показано, что примордиальные связи, основой которых являются язык и религия, могут приобретать непреодолимый характер и превращаться в «данность», укорененную в человеческом подсознании только в относительно закрытых типах обществ, в то время как при свободном развитии сообщества они обычно носят рациональный и сконструированный характер. На этом фоне подчеркивается, что формирование этнической принадлежности русинов Угорской Руси происходило под влиянием тех же факторов, что и у других европейских народов. Перманентная дискриминация из-за принадлежности к восточной религиозной традиции форсировала необходимость культурного самоопределения

среди не только образованного духовенства, но и простонародья, которое, благодаря сложившимся в течение века религиозно-обрядовым и художественным устоям, осознало себя частью более широкого, по сравнению с семьей, сельской и / или религиозной общиной, культурного сообщества, которое имеет право на развитие собственной самобытной культуры. Ведущее же значение в процессе осознания культурной идентичности русинов Угорской Руси в XIX в. сыграла их глубокая привязанность к восточной религиозной традиции, на основе которой сформировалось самобытное этнографическое пространство.

Ключевые слова: язык, культурная идентичность, восточная религиозная традиция, примордиальные связи, культурные маркеры, иконопись, мадьяризация.

FACTORS OF CULTURAL IDENTITY FORMATION IN THE RUSINS OF UGRIC RUS IN THE 19TH CENTURY

S. Storozhuk¹, I. Hoian², O. Fedyk³

¹ National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine
15 Heroiv Oborony Street, Kyiv, 0301, Ukraine
E-mail: sveta0101@ukr.net

² Vasyl Stefanyk Pre-Carpathian National University
57 Shevchenko Street, Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine
E-mail: ivigoian@gmail.com

³ Vasyl Stefanyk Pre-Carpathian National University
57 Shevchenko Street, Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine
E-mail: oksfedyk@ukr.net

Abstract

The article highlights the conflicts of the cultural identity formation in the Rusins of Ugric Rus in the 19th century, with the focus on the role of primordial relationships. The author examines the peculiarities and civilizational guidelines of the Greek-Catholic clergy culture-creating activities in the first half of the 19th century and the reasons for its depreciation by the broad masses. It has been shown that primordial relationships, based on language and religion, may become irrefutable and turn into facts, rooted in the human subconsciousness only in relatively closed societies, while in the free communities, they usually have rational and engineered character. The authors emphasise that the formation of the ethnic identity in the Rusins of Ugric Rus was influenced by the same factors as in other European nations. Permanent discrimination on the basis of belonging to the Eastern Christian religious tradition

necessitated cultural self-determination not only among educated clergy, but populace and plain country folk, who, due to the century-long original religious rituals and artistic traditions, became conscious of themselves as part of a cultural community that was wider than family, village and/or religious community. That cultural community has the right to develop its own authentic original culture. The leading value in understanding the cultural identity of the Rusins of Ugric Rus in the 19th century was their deep attachment to the Eastern religious tradition, which formed a distinctive ethnographic space.

Keywords: language, cultural identity, Eastern-Christian religious tradition, primordial relationships, cultural markers, iconography, magyarization.

Проблема культурної ідентичності русинів Закарпаття в умовах глобалізаційних змін та передусім глокалізації набуває важливого теоретичного та практичного значення. Послаблення Вестфальської системи національних держав (Сміт 2006: 221) та зростання ролі культурної ідентичності в процесі формування альтернативних щодо національної спільноти соціальних груп, як свідчить чинний український досвід, може зумовити зміну політичних кордонів різних держав, тим самим визначаючи характер міжнародної взаємодії та співпраці. Особливо актуальним це питання є щодо населення Закарпаття – процес формування національної ідентичності в цьому регіоні, як доводить Павло Чучка, тривав протягом усього ХХ ст. і набув свого завершеного вигляду тільки у 1991 р., коли на Всеукраїнському референдумі «(92,5 % від усього місцевого населення) без якогось тиску на нього проголосували за незалежну Україну» (Чучка 2013: 261). Цей історичний факт, особливо цікавий з огляду на те, що, за даними Всеукраїнського перепису населення 2001 р. (ВПН 2001), в області проживало понад 100 національностей і народностей. Звісно, переважну більшість, а саме близько 81 % від усього населення, складають українці, 12,1 відсотка становлять угорці, 2,6 – румуни, 2,5 – росіяни (ВПН 2001).

На наш погляд, наведені статистичні дані є вагомим емпіричним свідченням того, що українська національна ідентичність населення Закарпаття може поєднуватися і поєднується із неукраїнською (угорською, румунською, російською тощо) етнічною, або ж етнографічною (лемки, бойки, гуцули) ідентичністю. Така досить однозначна політична орієнтація та відповідно національна визначеність населення Закарпаття, на думку П. Чучка, великою мірою стала можливою завдяки тому, що «сусідні державницькі утворення угорців, поляків, румунів та словаків уже давно пройшли процес національної консолідації і владнали майже всі свої національно-культурні проблеми на етнічних

стиках в Українських Карпатах» (Чучка 2013: 212). Дані висновки не викликають сумнівів і, на перший погляд, можуть видатися цілком правомірними. Поміж тим, не варто забувати, що в умовах глокалізації національна ідентичність все частіше поступається локальним формам культурної ідентичності, котрі в часи зміни політичної та культурної кон'юнктури світу можуть претендувати на політичне самовизначення.

Водночас із загальноцивілізаційними процесами зміну національної ідентичності русинів Закарпаття може зумовити реакція сусідніх держав на внутрішню політику України. В даному контексті доцільно пригадати ті суспільні коливання, які зумовив закон України «Про освіту», прийнятий 5 вересня 2017 р. Він, як цілком справедливо зауважує Наталія Кривда, «не викликав широкого резонансу в українському соціумі, проте став одним із наріжних каменів міжнародної політики й передусім у стосунках з Угорщиною» (Кривда 2017: 110). Зокрема, дослідниця акцентує увагу на тому, що офіційні кола цієї країни висловили ноту протесту Україні, проте ігнорує той факт, що в подальшому вони можуть сприяти суспільній мобілізації не тільки угорських меншин на боротьбу за власні права, а й закарпатських русинів – вони від 1991 р. роблять спроби легітимізувати власну історично сформовану русинську ідентичність та активізувати процес політичного самовизначення.

Національне самовизначення русинів Закарпаття наразі повністю спростовується і контролюється чинною українською владою. Вона вважає, що окремі зрушення у цьому напрямку є маніпуляцією регіональних еліт в боротьбі за політичне панування та ресурси. Наскільки правомірною є така оцінка ситуації в краї, покаже історія, однак навіть за цієї умови не варто ігнорувати можливість активізації процесу самовизначення русинів Закарпаття. Наше засторога зумовлена передусім тривалою економічною кризою в Україні, котра призводить до падіння рівня довіри населення до української влади, що, без сумніву, підриває основи національної єдності. В таких умовах особливої підтримки набуває місцева еліта, яка, у прагненні за політичне панування, зазвичай апелює до локальних цінностей – спільно пережитої історії та культурної спадщини. Останні, на думку американського вченого Бернарда Яка, є одними із засадничих чинників формування колективної, в т. ч. й національної, єдності (Як 2017: 55), невіддільним елементом котрої є демаркація з іншими, тобто тими, хто має відмінну від нашої культуру чи цінності.

Звісно, вищевказані зауваження можуть видаватися передчасними, чи навіть необґрунтованими. Поміж тим якщо екстраполювати їх в конкретно-історичний вимір, то варто визнати, що модерна ідентич-

ність русинів Закарпаття, на відміну від більшості українського населення, формувалася у соціокультурних, економічних та політичних умовах Австро-Угорської (а не Російської) імперії, що, без сумніву, сприяло розвитку психологічного та матеріального зв'язку русинів з австро-угорським імперським центром та його культурою, водночас супроводжуючись свідомістю власної культурної відрубності. Очевидно, що така ситуація дає можливість говорити про самобутній та самостійний (чи навіть відокремлений) характер формування ідентичності русинів, що у подальшому можуть використати політичні еліти для забезпечення як власних, так і колективних інтересів.

Звісно, підкреслюючи культурну самобутність та відокремленість історичного становлення культурного потенціалу русинів Закарпаття, ми не намагаємося спростувати цілком аргументовані висновки Олекси Мишанича про те, що окремі представники закарпатської інтелігенції XIX ст. розрізняли «Великую Россию» і «Малую Россию», водночас усвідомлюючи свою єдність з галичанами. Обґрунтовуючи цю думку, дослідник згадує О. Духновича, О. Павловича, А. Кралицького, Є. Фенцика та ін. громадських та культурних діячів цього часу, котрі неодноразово заявляли про те, що русини належать до того ж самого племені, що й галичани та буковинці. Особливо ж показовими з цього приводу видаються слова О. Духновича: «Свои то за горами – не чужи: Русь єдина, мысль одна у всіх в души» (Мишанич 2013: 14). Вони, на наш погляд, засвідчують не стільки незламну віру у єдність з народом «малоросійським» (або говорячи сучасною мовою «українським»), як з усією російською культурною традицією. Така позиція, на наш погляд, цілком закономірна, адже діяльність згаданих культурних діячів припала на період посилення політики мадяризації. Досить невтішною в таких умовах була доля греко-католицької церкви, котра в цей час підпорядковувалася остригомському архієпископові. А це, як доводить Атанасій Пекар, відкривало шлях для виховання змадяризованого кліру та, відповідно, насадження мадярської ментальності (Пекар 1967: 97). Єдино можливим шляхом уникнення асиміляції та збереження власної, передусім релігійної самобутності в очах тогочасної інтелігенції була орієнтація на Росію як культурний і, що важливіше, релігійний центр східнохристиянської релігійної традиції, у якої, як справедливо зауважував свого часу М. Драгоманов, тогочасна інтелігенція західноукраїнська інтелігенція шукала заступництва і підтримки (Драгоманов 1896: 109–110).

Обґрунтувати зв'язок з російською релігійною та культурною традицією та, відповідно, вберегти власну культурну самобутність у XIX ст., так само, як сьогодні, можна було передусім демонстрацією єдиного комунікативного простору. Адже, саме спільність мови, як

цілком слушно доводить сучасний німецький вчений Клаус Гансен, є тим культурним фундаментом, який забезпечує усне спілкування, надаючи речам імена, присвоюючи їм сенс та включаючи їх у зрозумілий для членів спільноти контекст, тим самим формуючи підвалини для сприйняття розрізненого повсякденного життя крізь призму єдності (Hansen 1995: 62). Таким чином, продовжує свою думку дослідник, у кожному мовному співтоваристві виробляється своє власне сприйняття реальності, що, без сумніву, сприяє згуртованості та виступає механізмом включення і виключення. Зауважимо, що не менш важливе значення для формування культурної ідентичності, на думку К. Гансена, відіграє історія, що представлена у вигляді традицій, історичних свят та пам'ятних днів. Очевидно, що останні транслюється єдністю мови, яка поступово змінюється у ході історії.

Висновки К. Гансена мають високий аналітичний потенціал і дають можливість зрозуміти причини надзвичайно пильної уваги західно-української інтелігенції XIX ст. до проблем мови. Поміж тим, вони потребують більш ґрунтовного аналітичного осмислення в конкретно-історичному вимірі. Адже, попри усі спроби О. Духновича та його сподвижників показати в той час русинське наріччя невіддільною частиною російськомовного комунікативного простору не відповідало дійсності, а тому й не отримало широкого суспільного резонансу. В дійсності русини навіть у своїй літературній та публіцистичній діяльності зазвичай користувалися місцевим наріччям (сумішшю місцевої говірки та церковнослов'янської мови) або ж угорською мовою. А це дає підстави припускати, що мова у процесі формування колективної ідентичності русинів Закарпаття стала тим культурним маркером, який утримав культурну відрубність русинів від впливу великих імперських центрів (Австро-Угорської та Російської імперії), і тим самим забезпечив збереження унікального та самобутнього культурного простору. Вочевидь, саме це й стало причиною того, що теоретики українського націотворення, розглядаючи історичні колізії входження Закарпаття у культурний осяг України, зазвичай уникають питання націотворчого значення мови, акцентуючи увагу виключно на консолідуючій ролі релігії.

Зосередження уваги дослідників на впливі релігійного чинника у ході розвитку колективної ідентичності русинів Закарпаття є цілком раціональним з огляду хоча б на те, що саме релігія, а у нашому випадку східнохристиянська релігійна традиція, мала найпомітніший вплив на формування мовно-культурної самобутності русинів Закарпаття у XIX ст. В даному контексті можна згадати не тільки вплив церковнослов'янської мови на формування місцевого русинського наріччя, а й особливості обрядової практики, яку, спираючись на те-

оретичні засновки Пола Коннертона (Коннертон 2013: 134), можна розглядати або ж засіб самопрезентації русинів як окремої соціальної групи, або ж спосіб збереження колективної пам'яті спільноти.

Поряд із заувагами П. Коннертона, досить високий пояснювальний потенціал мають висновки Кліфорда Гірца щодо значення релігії в процесі формування колективної ідентичності. Зокрема, вчений зосереджує увагу на тому, що релігія є первинним сховищем універсальних смислів, за допомогою яких кожна людина інтерпретує свій життєвий досвід й організовує свою поведінку. Ці смисли акумулюються у символах, які поєднуючись закладають основи для формування самотутніх культурних моделей, які в подальшому перетворюються на своєрідні культурні маркери, які визначають індивідуальну і колективну ідентичність (Гірец 2001: 108). При цьому дослідник підкреслює, що вказані культурні маркери існують у вигляді історично сформованої та успадкованої сукупності уявлень про місце та роль людини в світі (Гірец 2001: 104). Ці уявлення втілюються у цілому ряді символічних образів та культурних актів, які визначають особливості та загальний порядок існування особистості та спільноти. Фактично, у даному випадку мова йде про те, що саме релігія закладає фундамент для формування світоглядно-ментальної та, відповідно, культурної своєрідності групи.

Підкреслюючи важливе значення почуття ментально-культурної єдності (примордіальних зв'язків) у процесі формування індивідуальної та колективної ідентичності, К. Гірец водночас акцентує увагу на тому, що ця єдність має невимовний і примусовий характер, тобто виступає «даністю», що закорінена в людській підсвідомості (Geertz 1977: 108–110). А це, відповідно, означає, що ще «до того, як індивід стає членом спільноти чи нації, він (або вона) вже має почуття спільного походження, культурної або фізичної схожості або просто близькості до своїх» (Geertz 1977: 14). Причому потреба належати до певної чітко визначеної етнічної групи, на думку дослідника, передається генетично. Вона сформувалася на ранніх стадіях людської еволюції, тобто в той час, коли необхідність належати до певної, в першу чергу, родинної групи була необхідною умовою виживання.

Звісно, далеко не з усіма висновками авторитетного дослідника можна погодитися. Так, приміром, дискусійним є положенням про те, що потреба належати до певної чітко визначеної етнічної групи передається генетично. Сумнівним видається також примусовий, наперед визначений характер мови та релігії, що цілком і повністю засвідчує політика мадяризації угорських русинів. Як відомо, знання угорської мови та приналежність до католицизму у XVIII–XIX ст. відкривали широкі професійні та особисті можливості, що й стало причиною ма-

дяризації значної частини карпатських русинів. Водночас, залишалися і ті, для кого збереження власної культурної ідентичності залишалося незмінною особистою цінністю. Так, приміром, лідер національного пробудження на західноукраїнських землях О. Духнович у період шкільного навчання потерпав від шовінізму вчителя та учнів за свою прив'язаність до церковнослов'янської мови, місцевого руського говору та східнохристиянської релігійної традиції. Бажаючи уникнути глузувань, він узявся за вивчення угорської мови. Звісно, її опанування відкривало для О. Духновича чималі перспективи професійного розвитку, незмінним наслідком якого мав стати духовний розрив з культурою предків – мовою, релігією, традицією (Аристов 1916: 49).

Приклад з життя О. Духновича, на наш погляд, надзвичайно повно розкриває силу і характер примордіальних зав'язків, які за умови вільного розвитку спільноти можуть видаватися «даністю», що закорінена в людській підсвідомості. Поміж тим, у дійсності вони мають раціональний і сконструйований характер. Історичні відомості свідчать, що О. Духнович цілком свідомо і, що цікаво, у момент глибокої кризи індивідуальної ідентичності обрав власну культурну приналежність, а згодом за тим же зразком намагався відродити колективну ідентичність русинів. Зокрема, розуміючи непересічне значення мови в процесі формування колективної ідентичності, вчений присвятив чимало наукових та публіцистичних праць питанню літературної мови угорського Прикарпаття. Показово, що частина згаданих праць була написана місцевим руським наріччям (спорідненим із церковнослов'янською), а частина – російською мовою. На думку О. Духновича, а згодом і його сподвижників, використання останньої у науковій та публіцистичній діяльності мало засадниче значення для сповільнення мадяризації не тільки тогочасної західноукраїнської інтелігенції, а й широких народних мас. Поміж тим, як було вже зазначено, останнім більш звичною та рідною залишалася суміш місцевого руського наріччя та церковнослов'янської – саме вона здавна використовувалася у церковній обрядовій практиці та діловодстві місцевих православних та уніатів, а також публіцистиці.

Добре усвідомлюючи, що збереження традиційних культурних маркерів, а відтак й ідентичності угорських русинів можливе насамперед на тлі мови та історії, легітимність яких ґрунтувалася на цілому спектрі релігійно-культурних актів (обрядових дій), О. Духнович присвятив чималу увагу розвитку освіти та збереженню від католицького впливу східнохристиянської обрядової практики та відповідного їй віровчення. Основні положення останнього вчений намагався викласти у «Літургічному катехізисі» (Будапешт, 1851 р.). Наскільки вдалою була ця спроба, наразі сказати надзвичайно складно, адже,

як відомо, ця робота О. Духновича була дещо спотворена цензурою (Аристов 1916: 51). Втім, на наш погляд, видається надзвичайно важливим сам факт написання подібної роботи: вона, як свідчить відома полеміка О. Духновича з римським нунцієм у Відні, була спрямована відродити та популяризувати сказання святих отців і вчення Східної церкви (Аристов 1916: 51) на теренах Закарпаття.

Звісно, наразі немає підстав говорити про те, що відродження православної культури потребували широкі народні маси, навпаки діяльність О. Духновича, так само як й І. Раковського чи інших тогочасних народних просвітників, була спрямована на відродження колективної пам'яті тогочасного релігійного кліру. Значна його більшість отримала непогану освіту у заснованих за правління Марії Терези та Йосипа II навчальних закладах. Окрім того, уніатські священники були прирівняні у правах з католицьким кліром (Субтельний 1991: 197). Це зумовило їхнє поступове перетворення в окрему від селянства соціальну верству, котра, як справедливо зауважує І. Лисяк-Рудницький, була зачарована «аристократичними звичаями угорського суспільства» (Лисяк-Рудницький 1994а: 460). З огляду на це, продовжує свою думку дослідник, освічений греко-католицький клір, у прагненні утвердити свою власну ідентичність, намагався протиставити угорській мові та культурі рівну їм за престижем, російську. Тим часом як місцеве руське наріччя (так само як і обмежена у той час у літературному вжитку українська), розглядалося як мова «слуг», яка не придатна до літературного вжитку (Лисяк-Рудницький 1994а: 460).

Цікавість до російської мови та культури серед греко-католицького духовенства помітно зросла після переможної ходи російської армії під час придушення революційних заворушень в Угорщині 1848–1849 рр. Попри те, що російські війська прибули для придушення революційних заворушень, у їх рядах було багато демократично орієнтованих офіцерів та солдат. Вони, як свідчили сучасники тогочасних подій, з великою симпатією ставилися до народних героїв, а «їх патріотизм підносили до небес...» (ІМіС УРСР 1969: 24). Так, приміром, очевидець тих подій закарпатський письменник І. А. Сільвай неодноразово згадував, що між солдатами з Росії, України і населенням Закарпаття швидко встановились дружні відносини. «Всі вони (закарпатці. – С.С., І.Г., О.Ф.) твердили одне, що вони вільно розмовляють з москалями і без затруднень розуміють їх мову... Виходило, що вони однієї з нами мови і віри» (ІМіС УРСР 1969: 24).

Ймовірно саме лояльність російського війська до місцевого населення у єдності з величчю його переможної ходи територію Угорської Русі стала головною підвалиною для пожвавлення москвофільства, яке у другій половині ХІХ ст., найвиразніше було представлено

І. Раковським, А. Добрянським, О. Митраком та ін. Симпатизували російській культурі, як вже було вказано, й багато провінційних греко-католицьких священників, які в цей час творили окрему від селянства привілейовану дідачну верству, ідентичність котрої визначалася східнохристиянським обрядом. Псевдоаристократизм місцевого духовенства, який, як доводить О. Субтельний, проявився у плазуванні перед російською та/або угорською культурою, поєднувався із зневагою до мови і культури «свинопасів» (місцевого селянства) (Субтельний 1991: 198).

Цікаво, що захоплення російською мовою та культурою, як доводить Іван Лисяк-Рудницький, зовсім не означало, що русофіли були близько знайомі з російським світом. Навпаки, це захоплення було породжене своєрідною територіальною ізоляцією і відсутністю знань про соціокультурні та політичні умови життя в Росії. Окрім того, місцева інтелігенція, захоплюючись усім російським, частіше за все не була знайома з російською літературою та погано володіла російською мовою. Найчастіше русини у своїй публіцистичній діяльності вживали неприродну суміш російської, церковнослов'янської та місцевої говірки з великим вкрапленням угорських та німецьких слів (Лисяк-Рудницький 1994а: 460). Показовими у даному контексті видаються спомини про Угорську Русь М. Драгоманова, який, характеризуючи тогочасних руських патріотів Закарпаття, акцентував увагу на тому, що вони «живуть думкою і серцем або серед стародавніх князів та бояр, або серед далеких архиєреїв і генералів московських, а живого руського народу, з єго горем під боком своїм не бачать, а коли іноді заговорять до него, то все про мертве і такою мовою, котрою вже ніхто не говорить» (Драгоманов 1896: 109–110). Власне, саме цей псевдоаристократичний характер діяльності русинських русофілів, на думку М. Драгоманова, став головною причиною їхньої ідейної слабкості. Орієнтуючись на імперські центри, духовенство істотно послабило свої зв'язки з простонароддям, для якого освіта, і тим паче будь-яка релігійна пропаганда, нічого не означала. «На прості обставини життя вистачало простої етики, для догматичних тонкостей не було зрозуміння» (Жолтовський 1978: 280). Звісно, вказана обставина давала можливість багатьом дослідникам говорити про «недорозвинену» національну свідомість русинів Закарпаття у ХІХ ст. (Лисяк-Рудницький 1994а: 456), поміж тим, на наш погляд, більш правомірно вести мову про не сформованість етнічної свідомості угорських русинів у ХІХ ст.

Попри те, що наші висновки, на перший погляд, видаються дещо категоричними, вони повністю узгоджуються класичною сьгодні дефініцією етносу Е. Сміта, який визначає етнос як «населення, що

має власну назву, міфи про спільне походження, спільну історичну пам'ять, один або кілька елементів спільної культури, прив'язаність до батьківщини та усвідомлення своєї єдності (а sense of solidarity) хоча б серед деяких осіб» (Сміт, Гатчінсон 2000: 215). Інакше кажучи, за Е. Смітом етнос передбачає наявність власного імені, міфу про спільне походження (common ancestry); спільну історичну пам'ять та спільну культуру та символічний зв'язок з батьківщиною та усвідомленням своєї єдності (Сміт, Гатчінсон 2000: 215). Показово, що усвідомлення єдності, або етнічна свідомість, на думку Е. Сміта, це та ознака, яка виникає разом із появою інтуїтивного відчуття близькості та спорідненості на основі сукупності вищезгаданих прикмет і забезпечує буття етнічної спільноти.

З огляду на зроблені зауваження, цілком доречним видається висвітлення тих прикмет, які могли закласти основи для етнічної єдності в угорських русинів у ХІХ ст. Звісно, першою і надзвичайно важливою ознакою буття етносу, як цілком аргументовано доводив Е. Сміт є його назва, адже усвідомлення «Ми», так само як і усвідомлення «Я» передбачає ім'я – «Ми – русини», «Ми – українці», «Ми – бойки» тощо. На перший погляд, відповідь на це питання є очевидною, адже, як свідчать твори багатьох тогочасних духовних лідерів, в цей час населення називавало себе русинами. В цьому контексті надзвичайно показовим є вірш О. Духновича «Я русин був, єсьм і буду», який є прямим свідченням наявності імені у місцевого населення угорського Прикарпаття у ХІХ ст. Показово, що русини – це не тільки самоназва, а й зовнішня категоризація, адже саме ця назва офіційно використовувалася австрійською владою щодо населення Галичини, Північної Буковини і Підкарпатської Русі (Закарпаття).

Попри резонансність усіх вказаних зауважень, варто зробити одне істотне уточнення – назва «русини» була поширена серед освіченого населення, яке, завдячуючи східнохристиянській обрядовій практиці та суміші церковнослов'янської мови з місцевим наріччям, не тільки усвідомлювало свою культурну самобутність, а й прагнуло залучити цю культуру до загального простору привілейованої імперської культури. Поміж тим, саме прагнення стати частиною більш широкого культурного простору, зумовлювало світоглядний, ціннісний та соціальний розрив місцевої інтелігенції з широкими народними масами. Останні, з огляду на спосіб життя, мислення та говірки, відчували свою соціальну і культурну відрубність від культури освічених верств населення. Чужими місцевому простонароддю були не тільки духовні запити імперської культури, а й ті ідеї, які розвивало тогочасне греко-католицьке духовенство. Звісно, свідомість такої відокремленості стала закономірним підсумком глибокого соціального розриву, який став

закономірним результатом цілого ряду реформ, які були проведені Марією Терезою та Йосипом II, частково ж низьким освітнім, частково надзвичайно низьким рівнем життя місцевого простонароддя.

Очевидно, що, перебуваючи на межі виживання, місцеве просто-народдя у своєму соціальному та громадському житті користувалося простими істинами, легітимність яких забезпечувалася строком давності. Все, що витримало ходу і тиск історії, – прийнятне, вірне і не потребує жодних змін. Так, приміром, Герман Інац Бідерман акцентує увагу на глибокій пошані верховинців до священнослужителів, які можуть вміло уникати дражливих питань пов'язаних із місцевими забобонами. У протилежному випадку вони швидко втрачають довіру прихожан; «і не раз траплялося, що навіть просте вилучення з церкви якогось незграбного зображення, яке однак перебувало там з давніх-давен, здіймало обурення віруючих й накликало на цього духовного пастиря серйозні неприємності. А все тому, що верховинець, так само, як і інші українці, цінить церковну ікону тим вище, чим більше вона потемніє від пилу століть, і любить такі графічні зображення» (Бідерман). Цей приклад, на наш погляд, надзвичайно красномовно підтверджує світоглядний консерватизм та водночас соціальну замкнутість життя широких народних мас.

Мабуть саме закритий спосіб життя призвів до того, що просто-народдя та теренах Угорської Русі довгий час не творило якоїсь однорідної ідентичності. Так, приміром, австрійський етнограф та історик XIX ст. Г.-І. Бідерман доводив, що відповідно до культурно-ментальних характеристик місцеве простонароддя поділяється на верховинців, долинян або блахів. Окрему культурно-ментальну групу формували деетнізовані частини протоукраїнського люду, які сукупно проживали у різних частинах Угорщини (Бідерман). Попри обґрунтованість поглядів вченого, виокремлені ним типи мають лише опосередкований стосунок до етнізмів і самоназв місцевого населення та, відповідно, не дають можливість говорити про усвідомлення культурної одноманітності чи усвідомлення культурної відрубності місцевого простонароддя.

Більш плідними для окреслення проблеми усвідомлення культурної ідентичності русинів Угорської Русі у XIX ст. видаються результати дослідження Павла Федаки, який, спираючись на працю Федора Потушняка, здійснив ґрунтовний і повний аналіз існуючих тут самоназв. Зокрема, дослідник акцентує увагу на тому, що наразі класичний у сучасній етнографії поділ закарпатського населення на лемків, бойків і гуцулів, дещо відрізняється від самоподілу, який частіше за все здійснюється на основі відмінностей у мові, одязі, предметів матеріальної культури. Так, за твердженням дослідника, на заході Угорської Русі

проживали крайняки і спишаки, які були «поділені на сотаків, цатаків, сеперяків, бо по-особливому вимовляють поодинокі букви (ц, с, п)» (Федака). Трохи східніше він них проживають лемаки, далі долиняни (долішняни). На захід від Мукачева мешкають дички. Неоднорідними, як доводить П. Федака, були й верховинці. Вони поділяються на верховинських лемаків і бляхів, або лишаків (Там само).

Не вдаючись у деталі самоподілу простонароддя Угорської Русі у ХІХ ст., все ж не можна оминати увагою того, що цей самоподіл відбувається на основі відмінностей мови, одягу, традицій, домашнього устрою, способу життя тощо, які, як доводив свого часу І. Лисяк-Рудницький, були головними чинниками етнічної диференціації український і російських селян (Лисяк-Рудницький 1994b: 474), а тому могли стати вагомим гальмівним чинником утвердження єдиного гомогенного культурного простору на теренах Угорської Русі.

Очевидно, що розкритий вище самоподіл угорських русинів може бути вагомим свідченням відсутності культурної гомогенності місцевого простонароддя, що, звісно, мало сприяє усвідомлення етнічної єдності. Так, приміром відчуття відрубності між верховинцями і долинянами могло утримуватися завдяки істотним ментально-культурним відмінностям, серед яких передусім варто згадати значно нижчу релігійність та забобонність долинян стосовно верховинців, відмінності і способі побудови та оздоблення житла: у верховинців довгий час домінували бідні на оздоблення курні хати у відносно закритому для зовнішніх впливів життя простонароддя. Не останню роль могли відігравати й особливості господарювання: на противагу злиденному життю верховинців, основою господарювання яких було скотарство, долиняни перебували у дещо кращому економічному становищі – м'який клімат та родючі землі сприяли розвитку сільського господарства, а більш заможний спосіб життя зумовив відкритість до зовнішніх культурних впливів, в тому числі й угорської культури (Бідерман).

Немає сумніву, що відмінності у мові, побуті, домашньому устрої та фольклорі могли істотно гальмувати розвиток гомогенного культурного простору русинів в Угорській Русі. Очевидно, що внутрішня культурна строкатість місцевого населення не могла сформувати передумов для усвідомлення русинами себе частиною українського етносу, який в цей час ще перебував в ембріональному стані. Поміж тим, немає сумніву, що перші зародки такого усвідомлення чітко проявилися саме в цей час і були зумовлені, з одного боку, поглибленням політики мадяризації, а з іншого – глибоким консерватизмом місцевого населення. Будучи надзвичайно прив'язаним до власних традицій, і насамперед до призвичаєної до народного світобачення

та звичаїв східнохристиянської обрядової практики, воно чинило чималий спротив усім тим змінам, передусім релігійним, які намагалася запровадити держава. Істотні відмінності в громадській та родинній обрядовості, які привертали увагу етнографів, у часи руйнування історично сформований традицій та цінностей, нівелювалися, натомість виразніше усвідомлювалася спорідненість за релігійною ознакою. «Руська віра» стала тим фундаментом, на якому формувалася етнічна ідентичність, самототожність русинів Угорської Русі у XIX ст.

Звісно, з огляду на різний рівень релігійності, пануючі забобони і навіть конфесійний поділ наші висновки можуть видатися сумнівними і піддаватися різкій критиці. Поміж тим, вона може мати сенс тільки у випадку, коли, говорячи про релігійність, ми ігноруємо релігійне мистецтво. Попри усі існуючі культурні та побутові відмінності, професійне релігійне мистецтво і передусім іконопис, починаючи, як мінімум, з кінця XVIII ст., має чітко виокремлений регіональні особливості. Останні, як доводить М. Приймич, великою мірою були зумовлені опосередкованим впливом переосмисленої на народний лад візантійської іконописної традиції, котра, починаючи від кінця XVIII ст., починає набувати регіональної своєрідності завдяки пильній увазі церковних ієрархів до художніх форм церковного мистецтва (Приймич 2017: 111). Намагаючись задовольнити естетичні запити споживачів, майстри з великих іконописних осередків (Перемишльський (Польща), Сучава (Румунія)) дослухалися цих вимог, тим самим закладаючи тло для формування єдиної іконописної традиції. Натомість роботи риботицького осередку, майстри котрого здавна забезпечували іконами населення Мукачівської єпархії, духовенство визнало не просто «недосконалим», а «непристойним» і такими, що подають поганий приклад людям (Приймич 2017: 64).

Як бачимо, починаючи з кінця XVIII ст. церковна влада починає активно працювати над формування та утвердженням загальної іконописної традиції. Остання, дещо розмивалася поширенням народних ікон, писаних народними самоуками. Попри те, що вони істотно різнилися рівнем майстерності народних іконописців-самоуків, все ж, як свідчать збережені до нашого часу зразки, вони повністю відповідали загальним тенденціям розвитку та художнім формам закарпатського іконопису. В цьому контексті показовим прикладом можуть стати ілюстрації із монографічного дослідження М. Приймича «Церковне професійне малярство Закарпаття» (Приймич 2017: 112–126), або ж колекція домашніх ікон Закарпаття, представлена у приватному музеї «Замок-музей Радомисль» (Богомолець 2013: 50–51).

З огляду на сказане, маємо достатньо підстав говорити про те, що саме релігійна культура – церковнослов'янська мова, східнохри-

стіянська обрядова практика у період появи зовнішньої загрози (ворога) – отримали найбільший потенціал для формування почуття колективної єдності русинів Угорської Русі у ХІХ ст. Наше зауваження цілком підтверджується історичними фактами, адже загальновідомо, що у другій половині ХІХ ст. набуває небувалої сили політика мадяризації під егідою єпископа Мукачівської греко-католицької єпархії Стефана Панковича. Його чітка та послідовна діяльність, як доводить Р. Майор, була спрямована на «на культивування у дітей та молоді, незалежно від їх національної приналежності, почуття належності до "мадярської батьківщини і мадярської нації" та відданості Угорській державі» (Майор 2013: 326). Попри небувалі до цього часу зусилля залучити русинів у культурний простір угорської культури, саме в цей час починається відродження православ'я на теренах Угорської Русі та масовий навернення до нього русинів.

Загалом немає підстав сумніватися в тому, що формування етнічної приналежності русинів Угорської Русі відбувалося під впливом тих самих чинників, що і в інших європейських народів. Перманентна дискримінація за приналежність до східнохристиянської релігійної традиції зумовила необхідність культурного самовизначення не тільки серед освіченого духовенства, а й простонароддя, котре завдяки сформованій протягом століття самобутній релігійно-обрядовій та художній традиції усвідомило себе частиною ширшої у порівнянні з родиною, сільською та/чи релігійною громадою культурної спільноти, яка має право на розвиток власної самобутньої культури. Провідне ж значення у цьому процесі відіграло усвідомлення культурної ідентичності русинів Угорської Русі у ХІХ ст. та глибока прив'язаність русинів до східнохристиянської релігійної традиції, на основі якої сформувалася самобутній етнографічний простір.

ЛІТЕРАТУРА

Аристов 1916 – *Аристов Ф.Ф.* Карпато-русские писатели: в 3 т. Т. 1: Исследование по неизданным источникам: Издания Галицко-русского общества в Петрограде. М.: Тип. Т-ва Рябушинских, 1916. XVI. 304 с.

Бідерман – *Бідерман Г.* Закарпатські українці: територія їхнього проживання, їхні промисли та їхня історія // Спадщина предків: культурно-історичний портал. URL: <http://spadok.org.ua/zakarpattya/zakarpatski-ukra-ntsi-terytoriya-chnogo-prozhyvannya-chni-promysly-ta-chnya-istoriya> (останній перегляд: 31.07.2019).

Богомолець 2013 – *Богомолець О.* Замок-музей Радомисль на шляху Королів. Via Regia. Київ: [б. в.], 2013. 128 с.

ВПН 2001 – Всеукраїнський перепис населення 2001 року. Закарпатська область // Державний комітет статистики України. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/regions/reg_zakar (останній перегляд: 31.07.2019).

- Гірц 2001 – *Гірц К.* Інтерпретація культур: Вибрані есе. Київ: Дух і Літера, 2001. 542 с.
- Драгоманов 1896 – Михайло Петрович Драгоманов (1841–1895). Єго юбилей, смерть, автобіографія, список творів / Зладив і видав М. Павлик коштом українців. Львів: з друк. В. Манецкого, під управою В. Годака, 1896. 480 с.
- Жолтовський 1978 – *Жолтовський П.* Український живопис XVII–XVIII ст. Київ: Наукова думка, 1978. 327 с.
- ІМіС УРСР 1969 – Історія міст і сіл Української РСР: в 26 т. Закарпатська область / Ред. кол. тому: В.І. Белоусов (гол. редкол.), Ю.І. Балега, Л.К. Балла та ін. Київ: Голов. ред. УРЕ АН УРСР, 1969. 810 с.
- Коннертон 2013 – *Коннертон П.* Як суспільства памятають. Київ: Ніка-Центр, 2013. 183 с.
- Кривда 2017 – *Кривда Н.* Українська ідентичність як світоглядний конструкт // Науковий вісник НУБіП України. Серія: Гуманітарні студії. 2017. № 0 (274). С. 109–124.
- Лисяк-Рудницький 1994а – *Лисяк-Рудницький І.* Карпатська Україна: народ у пошуках своєї ідентичності // Історичні есе: у 2 т. Київ: Основи, 1994. Т. 1. С. 451–470.
- Лисяк-Рудницький 1994б – *Лисяк-Рудницький І.* Український національний рух напередодні Першої світової війни // Лисяк-Рудницький І. Історичні есе: у 2 т. Київ: Основи, 1994. Т. 1. С. 471–485.
- Майор 2013 – *Майор Р.* Політика мадяризації та її вплив на розвиток українського національного руху в Закарпатті в середині XIX – на початку XX ст. // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Історичні науки. 2013. Т. 23. С. 324–343.
- Мишанич 2013 – *Мишанич О.* Політичне русинство: історія і сучасність // Українці-русини: етнологістичні та етнокультурні процеси в історичному розвитку / Голов. ред. Г. Скрипник. НАН України, МАУ, ІМФЕ ім. М.Т. Рильського. Київ, 2013. С. 9–62.
- Пекар 1967 – *Пекар А.* Нариси історії церкви Закарпаття. Т. 1: Єрархічне оформлення. Рим, 1967. 241 с.
- Приймич 2017 – *Приймич М.* Церковне професійне малярство Закарпаття другої половини XVIII – першої пол. XX ст.: народна традиція, візантійська канонічність та впливи західноєвропейського мистецтва. Ужгород: Карпати, 2017. 508 с., іл.
- Сміт 2006 – *Сміт Е.* Нації та націоналізм у глобальну епоху. Київ: Ніка-Центр, 2006. 320 с.
- Сміт, Гатчінсон 2000 – *Сміт Е., Гатчінсон Дж.* Що таке етнічність // Націоналізм: антологія / Упоряд. О. Проценко, В. Лісовий; літ. ред. Л. Білик. Київ: Смолоскип, 2000. С. 213–119.
- Субтельний 1991 – *Субтельний О.* Україна: історія / Пер. з англ. Ю. І. Шевчука. Київ: Либідь, 1991. 512 с.: іл.
- Федака – *Федака П.* Самоназви закарпатців // Спадщина предків: культурно-історичний портал. URL: <http://spadok.org.ua/zakarpattya/samonazvy-zakarpattsiv> (останній перегляд: 31.07.2019).
- Чучка 2013 – *Чучка П.* Національна свідомість закарпатських українців у

XX столітті: етнолінгвістичний і культурно-історичний аспекти // Українці-русини: етнолінгвістичні та етнокультурні процеси в історичному розвитку / Голов. ред. Г. Скрипник. НАН України, МАУ, ІМФЕ ім. М. Т. Рильського. Київ, 2013. С. 212–266.

Як 2017 – Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 520 с.

Geertz 1977 – Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1977. 480 p.

Hansen 1995 – Hansen K.P. Kultur und Kulturwissenschaft (1. Aufl.). Tübingen/Basel: UTB GmbH; Auflage, 1995. 304 s.

REFERENCES

Aristov, F.F. (1916) *Karpato-russkie pisateli: v 3 t.* [Carpatho-Russian writers. In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Tip. T-va Ryabushinskikh.

Biderman, H. (2014) *Zakarpats'ki ukraïntsi: teritoriya ikhn'ogo prozhivannya, ikhni promisli ta ikhnya istoriya* [Transcarpathian Ukrainians: the area of their habitation, their crafts and their history]. [Online] Available from: <http://spadok.org.ua/zakarpattya/zakarpatski-ukra-ntsi-terytoriya-chnogo-prozhyvannya-chni-promysly-ta-chnya-istoriya> (Accessed: 31st July 2019).

Bogomolets, O.V. (2013) *Zamok-muzej Radomisl' na shlyakhu Koroliv. Via Regia* [Castle Museum Radomysl on the way of the Kings. Via Regia]. Kyiv: [s.n.].

The State Committee of Statistics, Ukraine (2001) *Vseukraïns'kiy perepis naselennya 2001 roku. Zakarpats'ka oblast'* [All-Ukrainian Population Census 2001. Zakarpatyie Region]. [Online] Available from: http://2001.ukrcensus.gov.ua/regions/reg_zakar (Accessed: 31st July 2019).

Girts, K. (2001) *Interpretatsiya kul'tur: Vibrani ese* [Interpretation of Cultures: Selected Essays]. Kyiv: Dukh i Litera.

Pavlik, M. (1896) *Mikhaïlo Petrovich Dragomanov (1841–1895). Ego yubiley, smert', avtobiografiya, spis tvoriv* [Mikhailo Petrovich Dragomanov (1841–1895). His anniversary, death, autobiography, list of works]. Lviv: V. Manetsky.

Zholtovsky, P. (1978) *Ukraïns'kiy zhivopis XVII–XVIII st.* [Ukrainian painting of the 16th–18th centuries]. Kyiv: Naukova dumka.

Belousov, V.I. (ed.) (1969) *Istoriya mist i sil Ukraïns'koi RSR: v 26 t.* [History of cities and villages of the Ukrainian SSR. In 26 vols]. Kyiv: AS URSR.

Konnerton, P. (2013) *Yak suspil'stva pamyatayut'* [How societies are remembered]. Kyiv: Nika-Tsentr.

Krivda, N. (2017) *Ukraïns'ka identichnist' yak svitoglyadnyy konstrukt* [Ukrainian identity as a worldview construction]. *Naukoviy visnik NUBiP Ukraïni. Seriya: Gumanitarni studii.* 274. pp. 109–124.

Lisyak-Rudnitsky, I. (1994) *Istorychni ese* [Historical essays]. Vol. 1. Kyiv: Osnovi.

Maior, R. (2013). *Politika madyarizatsii ta ii vpliv na rozvitok ukraïns'kogo natsional'nogo rukhu v Zakarpatti v seredini XIX – na pochatku XX st.* [Magyarization policy and its influence on the development of the Ukrainian national movement in Transcarpathia in the middle of the nineteenth and early twentieth

centuries.]. *Naukovi pratsi Kamianets-Podilskoho natsionalnoho universytetu imeni Ivana Ohiiienka. Istorychni nauky*. 23. pp. 324–343.

Myshanych, O. (2013) Politichne rusinstvo: istoriya i suchasnist' [Political Rusinism: History and Modernity] In: Skripnik, G. (ed.) *Ukraïntsi-rusini: etnolingvistichni ta etnokul'turni protsesi v istorichnomu rozvitku* [Rusinian-Ukrainians: ethno-linguistic and ethno-cultural processes in historical development]. Kyiv: NAS of Ukraine.

Peкар, А. (1967) *Narisi istorii tserkvi Zakarpattya* [Essays on the history of the Transcarpathian church]. Vol. 1. Rome: [s.n.].

Prymych, M. (2017) *Tserkovne profesiyne malyarstvo Zakarpattya drugoi polovini XVIII – pershoi pol. XX st.: narodna traditsiya, vizantiys'ka kanonichnist' ta vplivi zakhidnoevropesh mistetstva* [Church professional painting of Transcarpathia in the second half of the 18th – the first half of the 20th century: folk tradition, Byzantine canonicity and influences of Western European art]. Uzhhorod: Karpati.

Smith, A. (2006) *Natsii ta natsionalizm u global'nu epokhu* [Nation and nationalism in the global epoch]. Translated from English. Kyiv: Nika-Tsentr.

Smith, A. & Hutchinson, J. (2000) Shcho take etnichnist? [What is ethnicity?]. In: Protsenko, O. & Lisovy, V. (eds) *Natsionalizm* [Nationalism]. Kyiv: Smoloskyp.

Subtelny, O. (1991) *Ukraïna: istoriya* [Ukraine: History]. Translated from English by Yu. I. Shevchuk. Kyiv: Libid'.

Fedaka, P. (n.d.) *Samonazvi zakarpattsiv* [Transcarpathian self-titles]. [Online] Available from: <http://spadok.org.ua/zakarpattya/samonazvy-zakarpattsiv> (Accessed: 31st July 2019).

Chuchka, P. (2013) Natsional'na svidomist' zakarpats'kikh Ukraïntsi v XX stolitti: etnolingvistichni i kul'turno-istorichni aspekti [National consciousness of Transcarpathian Ukrainians in the twentieth century: ethnolinguistic and cultural-historical aspects]. In: Skripnik, G. (ed.) *Ukraïntsi-rusini: etnolingvistichni ta etnokul'turni protsesi v istorichnomu rozvitku* [Rusinian-Ukrainians: ethno-linguistic and ethno-cultural processes in historical development]. Kyiv: NAS of Ukraine.

Yak, B. (2017) *Natsionalizm i moralnaya psikhologiya soobshchestva* [Nationalism and moral psychology of the community]. Moscow: The Gaydar Institute.

Geertz, C. (1977) *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books.

Hansen, K.P. (1995) *Kultur und Kulturwissenschaft*. Tübingen/Basel: UTB GmbH.

Сторожук Светлана Владимировна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Национального университета биоресурсов и природопользования Украины (Украина).

Сторожук Світлана Володимирівна – доктор філософських наук, професор кафедри філософії Національного університету біоресурсів і природокористування України (Україна).

Svetlana V. Storozhuk – National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine (Ukraine).

E-mail: sveta0101@ukr.net

Гоян Игорь Николаевич – доктор философских наук, профессор, декан философского факультета Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Гоян Ігор Миколайович – доктор філософських наук, професор кафедри філософії, соціології та релігієзнавства Прикарпатського національного університету ім. В. Стефаника (Україна).

Ihor M. Hoian – Vasyl Stefanyk Pre-Carpathian National University (Ukraine).

E-mail: ivigoian@gmail.com

Федик Оксана Васильевна – кандидат психологических наук, доцент, заместитель декана философского факультета Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Федик Оксана Василівна – кандидат психологічних наук, доцент кафедри загальної та клінічної психології Прикарпатського національного університету ім. В. Стефаника (Україна).

Oksana V. Fedyk – Vasyl Stefanyk Pre-Carpathian National University (Ukraine).

E-mail: oksfedyk@ukr.net

УДК 94(470)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/19

ПРЕБЫВАНИЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И БЕЖЕНЦЕВ В ПОВОЛЖЬЕ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)*

Б.К. Дулатов

Остравский университет

Чешская Республика, 701 03, г. Острава, ул. Дворжакова, 7

E-mail: berikdulatov2014@gmail.com

Авторское резюме

Автор на основе архивных материалов освещает некоторые эпизоды пребывания подданных Австро-Венгерской империи на территории Поволжья в России в 1916–1917 гг. В тот период в Царицынской и Саратовской губерниях находилось определенное количество лиц иностранного происхождения, которые подразделялись на военнопленных и беженцев. Научный интерес вызывают их социальное и экономическое положение, вопросы их финансирования, а также особенности использования труда военнопленных на сельскохозяйственных работах, взаимоотношения с работодателем, процесс распределения военнопленных в уездах местными властями, а также на государственном уровне. Рассмотрены размер заработной платы военнопленных, задействованных в крестьянских хозяйствах, залога, вносимого работодателем, условия содержания, обеспечение едой и одеждой. В условиях военного времени и тяжелой экономической ситуации российские власти призывали к «рациональному» использованию военнопленных, что подразумевало под собой задействование их на производстве или в хозяйстве в качестве «черновой» рабочей силы. Однако, несмотря на эти требования, были зарегистрированы случаи, когда иностранные граждане пытались найти работу, исходя из своих знаний, умений и

* Статья была подготовлена в рамках проекта SGS07/FF/2018–2019.

профессиональных навыков, полученных на родине в довоенный период. Зачастую эти люди не оставались безучастными к происходившим в России политическим изменениям. В результате Февральской и Октябрьской революций наблюдались попытки самоорганизации военнопленных и беженцев, установления контактов с представителями сначала Временного, а потом большевистского правительств. Представители различных национальностей организовывали комитеты, кружки и общества с целью возвращения на родину, преодоления финансового кризиса, оказания помощи нуждающимся согражданам и т. д. С другой стороны, представители российской администрации, несмотря на политическую нестабильность в регионе и в стране, всячески старались вести планомерную работу по учету и контролю иностранных граждан.

Ключевые слова: Первая мировая война, Поволжье, Царицынская губерния, Саратовская губерния, военнопленные, Австро-Венгрия, чехословаки, поляки, беженцы.

AUSTRO-HUNGARIAN PRISONERS OF WAR AND REFUGEES IN THE VOLGA REGION IN THE CONTEXT OF THE ECONOMIC AND POLITICAL PROCESSES DURING WWI (BASED ON THE MATERIALS OF THE STATE ARCHIVE OF VOLGOGRAD REGION)*

B.K. Dulatov

University of Ostrava

7 Dvořakova, Ostrava, 701 03, Czech Republic

E-mail: berikdulatov2014@gmail.com

Abstract

Drawing on the archival materials, the author describes some episodes of the stay of the Austro-Hungarian subjects in the Volga region in Russia in 1916–1917, when Tsaritsyn and Saratov gubernias housed a certain number of foreigners, who were divided into prisoners of war and refugees by their social status. In this paper, the author focuses on their social and economic situation, financing, use of their labour in agriculture, relations with employers, their distribution by local authorities in the region and on the state level. Among questions considered are the wage rates of prisoners of war in peasant farms, the security paid by the employer, living conditions, provision

* This research is part of Project SGS07/FF/2018-2019.

of food and clothing. In the context of wartime and difficult economic situation, the Russian authorities called for the “rational” use of prisoners of war, which meant using them in production or on farms as unskilled workers. However, despite these requirements, foreign citizens were sometimes recorded as trying to find a job, basing on their pre-war knowledge and professional skills. On the other hand, this category of people did not remain indifferent to the political changes in Russia. As a result of the February and October revolutions, prisoners of war and refugees attempted to self-organise and establish contacts with representatives of the Provisional and later Bolshevik governments. Representatives of various nationalities organised committees and societies aimed at returning people to their homeland, overcoming the financial crisis, helping the needy fellow citizens, etc. Despite the political instability in the region and country, representatives of the Russian administration did their best to carry out systematic work on the registration and control of foreign citizens.

Keywords: WWI, Volga Region, Tsaritsyn province, Saratov province, prisoners of war, Austria-Hungary, Czechoslovaks, Poles, refugees.

Активное участие Российской империи в Первой мировой войне наряду с военными поражениями и успехами сопровождалось нарастанием социально-экономического кризиса. Многие представители российской общественности рассматривали войну как глобальный негативный фактор. В тот период в государстве концентрировалось огромное количество лиц иностранного происхождения, которые уже по факту наличия представляли реальную угрозу внутренней безопасности страны. Со всей очевидностью делался вывод о нараставшей проблеме содержания многих десятков тысяч военнопленных и беженцев. На уровне имперского правительства и губернской администрации предпринимались различные усилия для ее разрешения. Основной целью данного исследования является рассмотрение проблемы взаимоотношений местных граждан с военнопленными и беженцами Австро-Венгерской империи. Важной задачей становится вопрос о том, насколько устойчивым являлись указанные социальные категории граждан, степень их открытости или замкнутости. Ситуацию, в которой оказались граждане Австро-Венгрии (на примере Судачьинской волости Аткарского уезда), можно спроецировать на другие регионы без учета очевидных локальных особенностей местности.

Предметом исследования являются экономическое и социальное положение иностранных поданных, их политические интересы, результаты взаимодействия с представителями официальной власти, которые несколько раз менялись за 1917 г. Другой немаловажной частью научных изысканий являются взаимные контакты между

работодателями из числа местных жителей и военнопленными, занятыми на сельскохозяйственных и промышленных работах, а также роль государственных институтов в распределении пленных. Еще одной гранью исторического обзора стал вопрос о самоорганизации большой массы иностранцев, которые в результате политического кризиса и неразберихи 1917 г. пытались либо примкнуть к определенной группировке, либо покинуть пределы Российского государства и вернуться на родину.

На сегодняшний день проблема изучения истории судеб иностранных лиц, оказавшихся в результате исторических событий далеко от своей родины, приобретает не только научно-познавательный, но и гуманистический, глубокий этический смысл.

В современной российской и зарубежной историографии есть ряд фундаментальных научных работ, посвященных теме иностранных военнопленных и беженцев в России. Одна из первых таких работ – труд члена Центральной коллегии по делам пленных и беженцев Н.М. Жданова, в котором достаточно подробно проанализированы вопросы, связанные с условиями пребывания в плену иностранных солдат и офицеров Первой мировой войны (Жданов 1920).

Стоит отметить, что новый виток научного интереса к проблеме военнопленных возник в 50–60-е гг. прошлого века. Так, например, в тот период была издана работа И.В. Маевского, посвященная проблеме влияния трудовой активности военнопленных на промышленную экономику в 1914–1918 гг. (Маевский 1957).

Исследования экономического положения в русских деревнях в годы Первой мировой войны стали основой для теоретических изысканий А.М. Анфимова (Анфимов 1962). Особенности использования труда военнопленных на промышленных объектах и в аграрном секторе и их взаимодействие с рабочими и крестьянами освещены в исследованиях Б.М. Фрейдлина и Л.С. Гапоненко (Фрейдлин 1967; Гапоненко 1970). Процесс трудовой мобилизации военнопленных и их роль в экономике страны отражены в исследовании П.В. Волобуева (Волобуев 1964).

Проблеме международного статуса военнопленных Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны, вопросам их обмундирования, питания, санитарного состояния посвящена научная работа С.Н. Васильевой (Васильева 1999).

О деятельности коллегии по делам военнопленных и беженцев сообщается в труде И.П. Щерова (Щеров 2000). Вопросу формирования устойчивых политических организаций среди военнопленных уделена большая часть исследовательской работы Ю.И. Смирнова (Смирнов 2008).

Среди работ, географический охват которых сконцентрирован на регионе Поволжья, следует отметить результаты научных поисков В.П. Семьянинова, А.В. Посадского, А.В. Калякиной (Семьянинов 1988; Посадский 2010; Калякина 2014). Отдельного упоминания заслуживает исследование Е.К. Максимова и В.П. Тотфалушина о положении военнопленных в Саратовской губернии (Максимов, Тотфалушин 2007).

В чешской историографии прежде всего выделим научный труд Итки Заблоудиловой, где она дает оценку такому понятию, как плен, в процессе изменения его значения во время Первой мировой войны, вскользь останавливаясь на положении чешских военнопленных в России (Zabloudilova 2018).

По-научному интересными являются исследования Д. Вахи, в которых автор уделяет внимание вопросам повседневной деятельности военнопленных и легионеров, причинам вступления чехов и словаков в легион, формам проведения досуга, особенностям взаимоотношений с местным населением (Vácha 2015; Vácha 2016).

Чешский исследователь Карел Пихлик в своих работах сконцентрировал внимание на том, при каких условиях осуществлялось возвращение чешских и словацких военнопленных на родину (Pichlík 1991). Подобную тему в современный период освещают статьи и монографии о проблеме репатриации бывших военнопленных Австро-Венгрии и Германии Р. Нахтигала, Г. Лейденгера и В. Моритца (Leidinger, Moritz 2003; Nachtigal 2008).

Коллективный труд чешских историков К. Пихлика, В. Вавры и Я. Кржижека посвящен истории чехов и словаков, их участию в войне на Восточном фронте, а также процессу их вовлечения в гражданскую войну в России и политическому разделению на белых и красных (Pichlík, Vávra, Křížek 1967).

Источниковой базой для данной работы послужили архивные и музейные фонды. В работе использованы материалы фондов Государственного архива Волгоградской области и государственного историко-мемориального музея-заповедника «Сталинградская битва».

К первой группе архивных источников относятся документы, касающиеся вопросов найма и содержания военнопленных в период с 1916 по 1918 г., например, циркуляры, распоряжения, приказы Аткарской уездной земской управы по продовольствию, которые высылались в волостные правления. Здесь же стоит упомянуть о списках домохозяев определенных сел и поселков, которым требовались военнопленные в качестве рабочей силы, и списки военнопленных, направленных к этим домохозяевам на сельскохозяйственные работы.

Вторая группа источников – это адресованные представителям большевиков заявления военнопленных, суть которых сводилась к

прошениям и просьбам о получении разрешения на переезд в другие регионы России или о возвращении на их историческую родину. Среди этих документов встречаются протоколы о численности и проблемах офицеров и солдат иностранного происхождения, трудившихся на некоторых промышленных объектах региона, о беженцах-поляках и их бедственном положении в результате войны, прошения о финансовой поддержке для этих категорий лиц, адресованные местным исполнительным комитетам Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Третью группу источников составляют материалы о военнопленных в 1921–1922 гг., когда молодое государство проводило учет проживавших на ее территории иностранных подданных с целью их последующей отправки на родину. Основную массу представляют удостоверения, выписанные иностранным гражданам, справки, подтверждающие их статус военнопленного или беженца, виды на жительство для подданных бывшей Австро-Венгерской империи.

Методологической основой исследования являются традиционные принципы и методы исторического познания, основополагающие из которых – принцип историзма и объективности, системность и конкретность изложения материала, а также применяемый в научных исследованиях ценностный подход.

Поток военнопленных во второй фазе Первой мировой войны увеличился. Отдельно отметим, что на территории Поволжья преимущественно содержались военнопленные, которые относились к славянским народам. Ряд источников, а также исследования современных историков указывают на разницу в статусе военнопленных-славян, с одной стороны, и немцев, австрийцев и венгров – с другой. Еще в 1907 г. на II Гаагской конференции ее участникам удалось договориться по вопросу об отношении к подданным вражеских государств, попавшим в плен. В 1914–1915 гг. эти правила, ставшие для военных чинов юридической основой, были дополнены и приняты за основу. Как российские, так и зарубежные ученые указывают, что пленные из числа немцев и венгров считались «неблагонадежными» и их в основной своей массе отправляли в лагеря на территории Сибири, Урала и Средней Азии. Военнопленные германской и австро-венгерской армий славянского происхождения концентрировались в большинстве случаев на территории, подконтрольной Казанскому военному округу, куда относилась и территория Царицынской и Саратовской губерний. В целом, как отмечают исследователи, пребывание в плену поляков, чехов и словаков (в сравнении с немцами, австрийцами и венграми) отличалось более мягкими условиями (Журбина 2008; Нахтигаль 2014; Федорова 2014).

В 1916–1918 г. военнопленные пребывали в отдаленных от фронта регионах, ориентированных на сельское хозяйство (Симбирская, Саратовская, Царицынская губернии в Поволжье). Пленных в основном задействовали на сельскохозяйственных работах. Отношение к ним со стороны работодателей было разным, в зависимости от субъективных и объективных факторов. Все работодатели сохраняли заинтересованность в эффективной деятельности военнопленных.

Ситуация в ряде губерний, в т. ч. и в Саратовской, усугублялась притоком беженцев. Они, в отличие от военнопленных, имели совершенно иной статус, но их концентрация в Саратовской губернии вызывала озабоченность местных властей, которые в ограниченные сроки обязывались решить глобальные задачи их размещения, пребывания в зависимости от профессиональной специализации и удовлетворения социально-экономических нужд. 27 января 1916 г. губернская администрация получила телеграмму Министерства внутренних дел, в которой указывалось на необходимость оказать помощь беженцам (ГАВО 1: 3).

В тот период администрация проводила системную работу в вопросах беженцев. Руководство губернии приняло решение привлечь их на сельхозработы в качестве рабочих местных сельских хозяйств. Вследствие данного решения местным работодателям предлагалось принять с наступлением весенних работ беженцев в качестве сельскохозяйственных рабочих. Для этого следовало определиться с конкретным количеством беженцев, которых могли и желали принять местные хозяйства. Параллельно выдвигались проблемные вопросы о системе оплаты труда наемных рабочих в зависимости от их пола и возраста. Каждому беженцу, задействованному на сельскохозяйственных работах, полагалось причитавшееся от казны пособие. Оно выдавалось сверх получаемого жалованья. На подготовку соответствующей отчетной документации в волостях губернии давался ограниченный срок.

В большинстве своем военнопленные в местах концентрации содержались за счет имперской казны, и их пребывание в бездействии в лагерях и бараках определено было обременительным. Очевидно, размещение пленных среди крестьянских хозяйств и прочих категорий работодателей в значительной мере снижало финансовую нагрузку на государственную казну. Однако, как продемонстрировал определенный анализ, пребывание значительного количества военнопленных у частных работодателей вызвало усиление негативной реакции в системе взаимоотношений между ними и работодателями. Часть озлобленных, голодных и оборванных пленных представляли потенциальную опасность для политической стабильности в регионе.

В конечном итоге администрация лагерей военнопленных по факту их возвращения от работодателей сигнализировала о необходимости дополнительного финансирования, что отражалось на состоянии государственных ресурсов, которые затрачивались на военные нужды. На местах проводилась канцелярская деятельность по поиску военнопленных и их упорядочиванию согласно заданным критериям.

В разгар весенне-полевых работ 1916 г. губернские власти актуализировали проблему улучшения условий жизни военнопленных. В уездах и волостях постепенно внедрялась программа удовлетворения экономических запросов пленных. Так, например, Аткарская уездная земская управа 27 апреля 1916 г. обратилась с просьбой к Судачьинскому волостному исполкому объявить крестьянам и мелким владельцам волости, что, согласно постановлению, каждый работодатель обязывался за использование труда военнопленного выплачивать 4 руб. в месяц, из которых 1 руб. платился казне, а 3 руб. – военнопленному (ГАВО 1: 4).

По решению управы в обязанности работодателей входило обеспечение военнопленных обмундированием, т. е. выдача им белья, одежды и обуви. Согласно приказу начальника Саратовской местной бригады по части военнопленных от 7 августа 1915 г. за № 8030, военнопленным полагались две смены белья в год (по две сорочки и двое кальсон), фуражка или шапка, теплая рубаха или куртка, пальто или теплый пиджак. По циркуляру вводились строго установленные критерии видов и качества шаровар, верхней одежда и обуви. Эти виды обмундирования следовало выдавать военнопленным сроком не менее чем на год по образцу, подходящему к военному, крестьянам вменялось вместо сапог выдавать башмаки, боты и прочие виды обуви.

Работодатели обязались содержать пленных, т. е. кормить их т. н. крестьянской пищей. Те работодатели, которые не имели возможности использовать пленных по данной модели, обязывались сдать имевшихся у них военнопленных в распоряжение управы и на соответствующий срок сдачи произвести финансовые расчеты с управой и работником-военнопленным (ГАВО 1: 4 об.).

Вся документация по системе взаимодействия управы, работодателей и пленных оформлялась под расписки владельцев. В мае 1916 г. Аткарская уездная земская управа направила циркулярное препровождение для информирования и исполнения крестьянами волости, которые имели в своем хозяйстве военнопленных. В содержательной части данного документа сообщалось о распоряжении командующего войсками округа о необходимости возвращения военнопленных военному ведомству полностью экипированными, «одетыми, обутыми и

снабженными двумя сменами белья». В противном случае ведомство ввиду невозможности вновь снабдить пленных необходимым количеством белья отказывалось их принимать. Таким образом, можно сделать вывод, что руководство штаба Казанского военного округа проявляло определенную озабоченность материально-бытовым состоянием и снабжением элементарными вещами военнопленных согласно природно-климатическим условиям страны (ГАВО 1: 6).

Во второй половине 1916 г. в уездах и волостях местные власти проводили ревизию системы распределения военнопленных среди местных работодателей. Работодатели жаловались в земскую управу на неправильное распределение попечительствами военнопленных среди нуждающегося населения. Реальным подтверждением работы попечительств являлись различные документы, в частности, журналы постановлений попечительств, в которых фиксировался процесс распределения военнопленных. Очевидно, прежде всего их следовало распределить среди нуждавшихся аграриев, к коим относились терпевшие экономические убытки вследствие определенных сложностей, вызванных войной (мобилизация на фронт, увеличение финансового и налогового бремени).

В волостях осуществлялась деятельность по уточнению списка домохозяев, которым требовалась дополнительная рабочая сила, и поэтому они хотели взять на хозяйственные работы военнопленных. Так, уже в июле 1916 г. волости предоставили соответствующие списки, заверенные волостными старшинами. Согласно этим спискам, в каждой волости насчитывалось определенное количество семей. В частности, только в Судащинском сельском обществе Судащинской волости Аткарского уезда насчитывалось 103 пожелавших принять военнопленных хозяйства (ГАВО 1: 14). Они относились к той категории семей, сыновья которых проходили военную службу. Интересы хозяйств представлял один человек. Каждое хозяйство указало на необходимость только одного работника. Очевидно, соответствующий показатель косвенно характеризует экономический статус вышеперечисленных семей, в которых дефицит мужских рук компенсировали трудом наемных рабочих. Определенную значимость выполнял фактор финансового бремени, который возлагался на семьи работодателей. В сущности, данную проблему они решали рационально.

Положение губернии, равно как других прифронтовых местностей, усугублялось постоянным потоком беженцев. Следует отметить наличие новых административных структур, в частности подкомитетов по устройству беженцев и распределению военнопленных. Соответствующие подкомитеты формировались и в Саратовской

губернии. Масштабные работы проводились в сотрудничестве губернатора, губернского правления, губернской и уездных земских управ, волостных правлений и полиции. По итогам взаимодействия административно-управленческих структур на уровне уездов и волостей реализовалась задача по снижению социального накала. В июле 1916 г. Судащинский подкомитет по устройству беженцев и распределению военнопленных на сельскохозяйственные работы составил официальный список домохозяев Судащинской волости Аткарского уезда, к которым, согласно постановлению местного подкомитета, распределялись пленные. Так, сообщается, что 17 июля 1916 г. в Судащинскую волость было отпущено 15 военнопленных для распределения на сельскохозяйственные работы нуждающимся семьям призванных на военную службу (ГАВО 1: 15).

Сохранились списки имен и фамилий прибывших военнопленных (табл. 1).

Таблица 1

№ п/п	Фамилия и имя военнопленного
1	Франтынский Мартын
2	Зингор Самоил
3	Хлебничан Андиян
4	Пашка Езов
5	Нецпал Дюро
6	Ганус Дюро
7	Клячко Мартын
8	Гайдаш Езов
9	Цырьяк Янус
10	Стромчик Андраш
11	Аравец Яно
12	Догаш Яно
13	Брезено Андрей
14	Швец Иван
15	Куперницкий Езов

Члены данного подкомитета по своему усмотрению распределили поступивших и утвердили список распределения военнопленных. Рутинная работа по распределению пленных между работодателями, а также поиски соответствующих нуждавшихся семей проводились под неусыпным контролем административных структур с ведением документации, ее обязательным протоколированием и соблюдением всех нужных инструкций.

График и принципы работы военнопленных в аграрной сфере сле-

довало выстраивать учитывая особенности весенне-полевой страды и ментальности местных крестьян. На протяжении длительного времени местные аграрии с учетом короткого весеннего периода, как правило, работали без воскресного отдыха. В отличие от местных русских крестьян, военнопленные, выросшие в условиях более умеренного климата, традиционно ориентировались на наличие дня отдыха в их повседневном графике. Соответствующие различия в сфере взаимодействия русских и военнопленных в весенне-летний период могли привести к недопониманию и физическим столкновениям. Поэтому губернская администрация была заинтересована в предотвращении каких-либо противоречий. С этой целью губернатор С.Д. Тверской и его советник П. Кратистов на основании телеграммы начальника Генерального штаба и штаба Казанского военного округа отправили циркуляры всем земским и волостным управам и начальнику полиции Саратовской губернии, согласно которым военнопленных следовало освободить от воскресных дней по примеру русских крестьян, работающих в аграрной сфере без отдыха (ГАВО 1: 16). Данное решение мотивировалось чрезвычайной важностью уборки урожая в ограниченные сроки. При этом в циркуляре предписывалась возможность предоставления военнопленным выходного дня взамен воскресного в другие дни недели.

Некоторые работодатели не желали затрачивать значительные финансовые суммы на содержание пленных. Таким образом, хроническая нерешенность социально-экономических проблем военнопленных способствовала обострению напряженности между ними и их работодателями. На этот вопиющий факт указывал начальник штаба Казанского военного округа в телеграмме от 18 декабря 1916 г. за № 27176 исполняющему делами губернатора С.Д. Тверскому (ГАВО 1: 1). Начальник штаба акцентировал внимание на нежелании ряда работодателей регулярно снабжать бельем и теплой одеждой военнопленных, которые вследствие нерешенности их вопросов отказывались от работ. Работодатели в свою очередь возвращали данный контингент воинским начальникам с ответным требованием заменить пленных и жалобой на их нелояльность. В телеграмме командующий войсками приказывал своим подчиненным впредь принимать обратно пленных, которые зачастую прибывали в оборванном виде и не имели положенного количества комплектов сменного белья. Более того, согласно приказу войсковые командиры в процессе приема соответствующей категории военнопленных от работодателей не должны были заменять их другими пленными, за исключением хронических больных и уголовных преступников. Руководство Саратовской губернии приняло решение распространить

копию данной телеграммы для объявления ее содержания крестьянам, в хозяйстве которых работали военнопленные. Земские управы и волостные управления в ракурсе содержания данной телеграммы и приказа губернской администрации обязывались проводить целенаправленную работу среди работодателей губернии. Таким образом, жалобы начальника штаба военного округа по сути характеризовало нараставшие экономические сложности пребывания и содержания пленных на огромных территориях.

Очевидно, жалоба начальника штаба Казанского военного округа по своей сути являлась одним из тех многочисленных документов, которые характеризовали сложность ситуации пребывания военнопленных в хозяйственных субъектах региона. Губернские власти в сотрудничестве с вышестоящими структурами проводили определенную деятельность, направленную на снижение социальной напряженности.

Повсеместный рост ценовой политики определенно отразился на финансовой составляющей расходов на нужды пленных. В январе 1917 г. в Саратовской губернии фиксировался финансовый рост на их содержание. Подтверждением тому было решение Аткарской уездной земской управы о содержании военнопленных работодателями. Согласно постановлению на каждого владельца, имевшего в своем хозяйстве пленных, возлагалась обязанность уплаты за каждого из них в управу залога в сумме 15 руб. (ГАВО 1: 35). Ранее управа от работодателя получала за военнопленных по одному рублю. По признанию администрации, при условии сохранения старой финансовой политики управа не имела возможности должным образом экипировать эту категорию при их возврате военному ведомству. Поэтому вводился новый залог в объеме 15 руб. Управа предупреждала работодателей о возможности возврата им залоговой суммы при условии удовлетворительного состояния обмундирования в процессе возвращения военнопленных управе.

Вопросу содержания пленных и рационального использования их труда при всех обстоятельствах общего ухудшения внутренней обстановки в империи уделялось значительное внимание. В частности, администрация Саратовской губернии сигнализировала в уездные земские управы о необходимости применения рабочих рук «на работы первостепенной, государственной важности, в том числе для молотбы урожая, обслуживания мельниц». По данным саратовских властей, частные лица нередко использовали пленных в качестве домашней прислуги, приказчиков торговых заведений, бухгалтеров, дворников, водителей, кучеров и т. д. Руководство земств обязывалось фиксировать такую категорию военнопленных-работников и

принимать меры для передачи их на сельскохозяйственные работы. Властям на местах вменялось проводить разъяснительную работу среди местного населения на предмет грамотного использования труда пленных. В ряде волостей фиксировалось количество хозяйств, имевших военнопленных, производился поименный учет домовладельцев и прикрепленных к ним в хозяйство пленных-работников (ГАВО 1: 36).

В период продолжения военных действий сохранялась система взаимоотношений военнопленных с семьями на их этнической родине путем почтовой связи. Для реализации соответствующего проекта на уровне волостей и уездов местные власти регулярно проводили учет и анализ категорий пленных, выявляли их имена и фамилии и т.д. Проведение подобной процедуры обеспечивало налаживание постоянных контактов военнопленных с их семьями, от которых управы получали деньги, посылки и письма, впоследствии передававшиеся адресату. Вполне логично предположить, что подобная материальная и финансовая помощь со стороны родных также способствовала облегчению нужд военнопленных (ГАВО 1: 45).

В феврале 1917 г. в России грянула буржуазно-демократическая революция, по итогам которой династия Романовых сошла с политической арены. В огромном государстве менялись и внутренняя политика, и экономическая ситуация. Февральская революция 1917 г. вызвала значительный общественно-политический резонанс в стране. Военнопленные под влиянием февральских событий проявляли общественную активность, ибо сохраняли заинтересованность в своем будущем. В тот период в Царицыне оформилась и функционировала организация пленных чехословацких офицеров и солдат. В царицынской организации военнопленных состояло 230 офицеров и 300 солдат. Возглавляли ее И. Цизнер и Т. Кесс (ГИМЗ «Сталинградская битва»: КП 13104). Представители этой организации 16 (29) марта 1917 г. направили письма Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Петрограда, Царицына и Киева. Адресные данные письма в определенной мере являлись подтверждением наличия контактов представителя этой группы с подобными организациями военнопленных в указанных городах. Факт написания данного письма, которое подписанты считали официальным документом, следует рассматривать как акт признания соответствующей группой военнопленных нового режима правления, составным элементом которого и важной организационно-идеологической силой являлись Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Отметим факт незначительного расхождения офицерского корпуса и солдатского контингента. Вероятно, по некоторым причинам чешские и словацкие

офицеры не были отдельно кооптированы от рядовых, поэтому немалое число грамотных, дисциплинированных и организованных офицеров определило мобильность соответствующей группы военных.

В летний период 1917 г. многие ранее принятые приказы, циркуляры и постановления продолжали автоматически функционировать. В частности, сохранялась процедура залога за военнопленных в размере 15 руб. Введение этой залоговой суммы вызывало неоднозначную реакцию у работодателей. Безусловно, введение нового финансового залога механически увеличивало денежный объем и расширяло соответствующую сферу ответственности работодателя. В частности, по официальным сведениям Судачьинского волостного исполкома от 2 июня 1917 г., на балансе Аткарской уездной земской управы от села Судачье в качестве залога за пленных находилось 540 руб. (ГАВО 1: 48).

В октябре 1917 г. состоялся переворот в Петрограде, после которого большевики объявили о победе советской власти и создании нового Советского государства. Революционные веяния стали распространяться в регионах официального доминирования сторонников новой власти. В губерниях, значительно отдаленных от центра, сохранялась политически нестабильная ситуация ожидания непредсказуемых перемен. Поэтому осенью 1917 г. во многих провинциях, в частности, в Саратовской губернии, сохранялись элементы дореволюционного устройства. По-прежнему наиболее острым являлся вопрос пребывания военнопленных. В губернии на уровне уездов функционировали уездные продовольственные комитеты, сфера деятельности которых состояла в реализации продовольственной политики. В сохранившихся в архиве копиях журнала заседаний уездного продовольственного комитета есть сведения о том, что в его составе официально функционировали отделы военнопленных. 22 октября 1917 г. состоялось очередное совещание. На нем докладчик по отделу военнопленных А.Н. Брагин предложил повысить ежемесячную плату за труд военнопленных. Свое предложение он мотивировал объективными трудностями содержания их управой. По итогам обсуждения комитет принял решение, согласно которому следовало повысить плату за работу пленных: с крестьян – до 6 руб. в месяц, а с городского населения, частных владельцев и т. п. – 10 руб. При этом сохранялась сумма оплаты труда лично военнопленному – как на уровне села, так и города – в размере 3 руб. (ГАВО 1: 53).

Профессиональная специализация и уровень подготовки пленных дифференцировались. Военнопленные с момента своего пребывания на новой территории с учетом условий содержания старались эффективно использовать собственные ресурсы, знания, умения и навыки

для дальнейшей адаптации. Согласно выявленной документации некоторые из них пытались трудоустроиться на т. н. интеллектуальную работу в качестве канцелярских работников, писарей, служащих частных контор и т.д. Это вызывало неоднозначную реакцию официальных властей. В дореволюционный период на уровне губернских правлений актуализировалась задача использования военнопленных по прямому назначению, т. е. на сельскохозяйственных работах или промышленных предприятиях. После Октябрьской революции на местах сохранялись сложности трудоустройства пленных. Некоторые из них, невзирая на изменение политической ситуации, предпринимали попытки самостоятельного трудоустройства в зависимости от образования. Например, австрийский военнопленный офицер Корнелий Пап в декабре 1917 г. ходатайствовал комиссару почтово-телеграфной конторы о предоставлении ему «какой-либо должности» в данном учреждении (ГАВО 2: 2). По его признанию, в довоенный период он работал присяжным поверенным. Пап отмечал знание русского, немецкого, румынского и венгерского языков. Он проживал в лагере на Дар-Горе в районе Царицына (совр. территория Ворошиловского района, г. Волгоград). Принятие на службу Папа проходило при участии исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и революционного комитета Царицынской почтово-телеграфной конторы. По итогам его заседания было принято постановление запросить исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о принятии на службу военнопленного Папа. Таким образом, трудоустройство последнего рассматривалось в политической плоскости, оценивалась благонадежность его как специалиста в интересах революционного режима.

Летом 1917 г. представители Временного правительства при содействии Российского общества Красного Креста создали Комитет по делам военнопленных, в задачи которого входили организация и обустройство военнопленных, а также их последующее возвращение на родину. Но в результате событий октября 1917 г. деятельность комитета приостановилась.

Большевистское правительство кардинально изменило внутривнутриполитическое устройство, экономический курс и внешнеполитическую стратегию государства. Приход к власти большевиков сопровождался принятием Декрета о мире и последующим выходом из войны. В то время четко обозначилась проблема дальнейшего пребывания и статуса военнопленных, сотни тысяч которых проживали на огромных территориях и содержались за счет государственной казны. Появилась тенденция отправлять пленных на их этническую родину. Эта программа вызвала резонанс в обществе и в среде военнопленных,

которые в своем большинстве стремились вернуться домой.

С момента установления советской власти военнопленные активизировали свою деятельность на предмет их возвращения на родину. Например, 13 декабря 1917 г. в исполком Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов обратился проживавший в Царицыне Эрнест Классен с прошением. В нем он апеллировал к содержанию статьи в газете «Борьба», согласно которой австрийские и германские военнообязанные имели право получить разрешение от властей на переезд в другие российские города. На основании этой статьи Классен просил местный исполком о выдаче ему разрешения организовать выезд германских и австрийских военнообязанных старше 50 лет, женщин и детей в Минск. Классен идентифицировал себя как гражданина, имевшего германское подданство, и указал собственный адрес проживания: ул. Донская, д. 61. Свою просьбу подписант мотивировал невыносимыми условиями пребывания. По его данным, в результате постоянного роста цен на продукты первой необходимости нетрудоспособные граждане вынуждены были существовать на ничтожном пайке. В результате недоедания участились случаи заболеваний. Классен построил лазарет, который за три месяца существования оказался переполненным. В случае переезда соответствующей группы лиц автор обращения гарантировал предоставление каждому из них определенной порции хлеба и соленого мяса на полтора месяца. Пунктом для возможного переезда Классен выбрал Минск, который находился ближе к фронту. Такое территориальное расположение рассматривалось Классеном как приемлемый вариант для обмена этих лиц на проживавших в Германии российских военнопленных в перспективе при наличии официального разрешения на процедуру обмена со стороны правительства (ГАВО 2: 3).

В Царицыне функционировал отдел Общества вспомоществования бедным семьям поляков, участвовавших в войне, и бедствующему польскому населению, пострадавшему от военных действий (ГАВО 2: 9), официально именовавшийся Царицынским отделом. Очевидно, таких отделов в стране было немало. Представители Польского комитета обратились в Царицынский исполком с просьбой о предоставлении им ссуды в размере 10 тыс. руб. Соответствующие финансы председатель комитета запрашивал для оплаты беженцам пайков за первую половину декабря и содержания учреждений комитета, в частности четырех приютов для детей, двух начальных школ, интерната для учащейся молодежи, дома инвалидов и амбулатории с санитарной помощью. Глава комитета Польского общества помощи жертвам войны квартировал в Петрограде. Царицынское польское общество финансировалось за счет ресурсов петроградского главы комитета

Польского общества. В тот период Царицынский отдел не получил должного финансирования, поэтому его председатель обратился в местный исполнительный комитет за соответствующей помощью. По сообщению председателя комитета, царицынский Польский комитет по инициативе беженцев подвергся реорганизации на демократических принципах, т. е. его состав избирался путем голосования. Таким образом, глава комитета продемонстрировал желание представителей этого общества конструктивно сотрудничать с новым политическим режимом. В сложившихся обстоятельствах он выражал надежду на поддержку местной власти, отразив в своем ходатайстве следующее: «...власть революционно-демократическая в лице Советов солдатских и рабочих депутатов не оставит нас своей помощью. В случае невозможности одолжения нам 10 000 р. просим ссудить хотя бы 5 000 для уплаты, по крайней мере, продовольственных и квартирных пайков беднейшим беженцам» (ГАВО 2: 9).

Анализ деятельности Царицынского отдела Польского комитета характеризует организационный уровень и сферу их деятельности. Представители польской общины при взаимодействии с официальной властью создали социальную инфраструктуру, ориентированную на сохранение польской культуры и языка. Подавляющее количество социальных объектов прежде всего было рассчитано на польских детей и молодежь.

Очевидно, действия советского правительства в отношении проблем военнопленных вызвали положительные настроения среди иностранных граждан, проявлявших желание вернуться в Европу. Например, в начале декабря 1917 г. австрийский гражданский пленный Густав Квасто обратился в царицынский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с просьбой о разрешении выехать с семейством на прежнее место жительства, т. е. в Могилевскую губернию. Прошение Квасто из-за его неграмотности написал некто В. Маркс. В течение двух недель с момента составления прошения, 20 декабря, Густав Квасто получил разрешение на переезд (ГАВО 2: 14).

В Царицыне концентрировалась большая группа австрийских военнопленных. В начале ноября они провели митинг, на котором обсудили политическое положение в стране и в мире. По его итогам австрийские пленные обратились в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с просьбой об оказании им помощи. Они выразили солидарность Российской социал-демократической партии и поддержали ее официальный лозунг «Мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов». Участники митинга обратились к представителю Царицынского исполкома

Ходожашеву с просьбой о предоставлении возможности возвращения на родину. В своем ходатайстве они просили определять их не как пленных или шпионов, а как «верных товарищей по идеологии, которые желают оказать помощь другим народам», и именовали себя организацией военнопленных. Итак, рассредоточенные в Царицыне австрийские военнопленные в подавляющем большинстве изъявили желание вернуться на родину. Эта группа работала на местном царицынском заводе, который в документации официально именовался французским. В своем обращении организация австрийских военнопленных обозначила свой статус как Социал-демократическая партия французского завода (ГАВО 2: 16).

На царицынском французском заводе работали также уроженцы Польши и Литвы. Осенью-зимой 1917 г. активисты создали царицынскую группу социал-демократов Польши и Литвы. 7 декабря 1917 г. ее представители обратились в Царицынский совет с просьбой разрешить австрийскому военнопленному Р. Рогалью публично выступать на собраниях и митингах. Свое прошение польские представители мотивировали определенными обстоятельствами. По их мнению, до недавнего времени польская группа не имела возможности проводить среди местных беженцев, рабочих-поляков целенаправленную политическую пропаганду из-за отсутствия идеологически подготовленных работников. По их данным, Р. Рогаль в довоенный период работал в системе Социал-демократической партии в Вене и Галиции и, благодаря большому опыту, оказался востребованным в польской группе (ГАВО 2: 19).

В Царицыне в тот же период функционировал лагерь военнопленных. Социально-экономический кризис 1917 г. и изменение политической ситуации вызвали активизацию их умонастроений. Доведенные до отчаяния военнопленные стремились использовать все легальные методы защиты собственных интересов. 21 декабря 1917 г. состоялось собрание военнопленных офицеров лагеря. На нем председатель описал кризисную ситуацию, в которой оказались офицеры, не получавшие жалованье с 20 октября. По сведениям председателя, офицерское жалованье в других городах Казанского военного округа выдавалось исправно. Он выразил мнение, согласно которому полагавшееся жалование в объеме 50 руб. из-за дороговизны было недостаточным для скромного пропитания. Вследствие крайней нужды офицеры продавали имевшиеся у них вещи, в т. ч. одежду, обувь и белье, но значительная часть вырученных за счет продажи денег была израсходована. Ввиду сложившегося критического положения и предстоявших рождественских праздников, на период проведения которых планировалось закрытие всех ведомств, пред-

седатель предложил собрать комиссию. В обязанности этой комиссии входило обращение ко всем воинским, городским, политическим и благотворительным учреждениям «во имя гуманности и санитарных интересов города» принять надлежащие меры для предотвращения голода. Предложение председателя поддержали единогласно (ГАВО 2: 21).

В декабре 1917 г. проживавшие в Царицыне австрийские беженцы обратились в комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с просьбой о выезде в Минскую губернию. Они изъявили желание выехать к состоятельному человеку (в документах значится некто господин Усолнеркевич), который приглашал их на работу. Подобное разрешение австрийские беженцы просили выдать их уполномоченному Феликсу Секашнсу (ГАВО 2: 22).

Военнопленные, ставшие свидетелями выхода России из войны, разложения армии, низкого уровня дисциплины, общественного хаоса, экономического коллапса, разложения общества, явственно осознавали туманные перспективы своего пребывания в скатывавшейся к гражданскому конфликту стране и поэтому задействовали все возможные средства для возвращения на родину. Например, в одном из документов Аткарской уездной продовольственной управы от 4 марта 1918 г. сообщалось, что в городе Аткарске наблюдалось большое количество военнопленных, заинтересованных в отправке домой. Местные граждане отвозили работавших у них пленных для сдачи в Аткарскую управу. В связи с этим в местных казармах проживало до 1 тыс. пленных. Местные власти не имели финансовых и продовольственных возможностей для содержания этой массы, поэтому уездная продовольственная управа на основании распоряжения аткарского исполкома Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов ходатайствовала в волостные Советы обратиться с просьбой к населению волостей воздержаться от возвращения военнопленных в городскую управу хотя бы в течение месяца. Городские власти устанавливали этот незначительный срок для дальнейшего прояснения ситуации, касавшейся определения будущего военнопленных в масштабах губернии и страны, и поиска материальных ресурсов для их содержания (ГАВО 1: 61).

Позднее местные власти на основании решения вышестоящих структур обязывались проводить комплексные мероприятия по осуществлению вопроса пребывания пленных. В частности, согласно приказу комиссариата продовольствия, на уровне волостей следовало проводить их строгую регистрацию. В ракурсе этого приказа уездный комиссариат предлагал Советам осуществить процедуру препровождения военнопленных в Аткарск при участии работода-

теля с обозначением метрических данных военнопленного и сроков пребывания в данном хозяйстве. Всем структурам по иерархической вертикали вменялось пресекать самовольные побеги. Комиссариат просил принять меры по предотвращению «распущенности и безнаказанности военнопленных и в особенности их побегов». Указывалось на предстоящую процедуру обмена пленными, в связи с чем актуализировалась задача их регистрации. Итак, приказ комиссариата в содержательной части отличался жесткими формулировками и в то же время не имел каких-либо новых принципиальных решений, кроме предполагаемого обмена (ГАВО 1: 62).

В годы гражданской войны в местах установления советской власти проводилась системная работа по составлению именных списков австро-венгерских военнопленных, проживавших в конкретной местности. С этой целью проводилась регистрация пленных, на которую они обязывались явиться. Например, 17 октября 1919 г. на регистрацию в одном из населенных пунктов Царицынской губернии прибыло не более 10 чел., которых идентифицировали по таким критериям, как фамилия, имя, отчество, возраст, звание, вероисповедание, время попадания в плен и состояние здоровья. По итогам проведенной работы только в одном населенном пункте проживало 6 военнопленных, статус которых отражен в табл. 2 (ГАВО 3: 109).

Таблица 2

№ п/п	Ф.И.О.	Возраст	Звание	Вера	Когда попал в плен	Состояние здоровья
1	Иван Бонк	28 лет	89-й полк, рядовой	Р-К.	В 1914 г.	Здоров
2	Треченский Андрей Михайлович	28 лет	Из Варшавы	Р-К.	Декабрь, 1914 г.	Здоров
3	Кавальчук Иван И.	18 лет	Буковина, с. Звинячка	Правосл.	Октябрь, 1914 г.	Здоров
4	Бурдель Теофил	Нет данных	–	–	–	–
5	Райхерт Рудольф	31 год	Пех. полк из Галиции	Немец	24 марта 1915 г.	–
6	Горовский Павел Петрович	40 лет	39-й пех. полк, из Львовской губ.	Русский	Ноябрь 1914 г.	–

Таким образом, следует сделать вывод, что иностранные граждане, находившиеся в Поволжье в 1917 г., делились на две группы: военнопленные и беженцы. Военнопленными считались солдаты и офицеры неприятельской армии, попавшие в результате боевых действий или добровольно сдавшиеся в плен, которые до окончания войны были ограничены в правах и свободах. В число беженцев попали прежде всего представители т. н. дискриминированных национальностей – немцы, евреи, поляки. В годы войны их либо заставляли выехать во внутренние губернии, либо они сами вынуждены были покинуть свои дома из-за последствий боевых действий. Отношение местного населения к военнопленным и беженцам было сложным в силу кризисных проявлений затянувшейся войны. Массы измученных боевыми действиями, голодом и болезнями беженцев столкнулись как с сочувственным отношением со стороны общественности, так и с враждебно настроенными группами, которые не желали, чтобы государство и народ, обремененные расходами на войну, содержали их за свой счет.

Государственные власти и местная общественность активно привлекали военнопленных в качестве дешевой рабочей силы как в аграрном секторе, так и на промышленных предприятиях. Хозяйственный тип региона влиял на процентное соотношение задействованных на работах пленных в сельском хозяйстве или индустриальных учреждениях. И беженцы, и военнопленные в 1914–1916 гг. преимущественно концентрировались вдоль железных дорог. Следует отметить, что имела место всеобщая неразбериха при подсчете граждан иностранного происхождения. Царское, а затем и Временное правительство, и большевики предпринимали ряд мер по учету данной категории лиц и последующему оказанию экономической, социальной и медицинской помощи.

Следует отметить положительный эффект и значительное влияние граждан Австро-Венгерской империи в российском обществе, в особенности в сфере сельского хозяйства, где использовался труд военнопленных, которые заменили ушедших на фронт работоспособных мужчин. Отдельная категория – это рабочие заводов и фабрик в Царицыне, которые по мере своей активной деятельности передали профессиональные навыки местным рабочим и внесли определенный вклад в экономику региона в годы Первой мировой войны. Сам процесс европейского перемещения и дальнейшей жизни переселенцев в пределах России имел существенные различия в зависимости от региональных особенностей. Современные историки по-разному оценивают значимость пребывания военнопленных на сельскохозяйственных работах и на промышленных объектах. Даль-

нейшие детальные исследования данного вопроса смогут внести определенную лепту в научные диспуты по заданной теме.

ЛИТЕРАТУРА

Анфимов 1962 – *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1962. 384 с.

Васильева 1999 – *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М., 1999. 133 с.

Волобуев 1964 – *Волобуев П.В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М.: Мысль, 1964. 360 с.

ГАВО 1 – Государственный архив Волгоградской области (далее ГАВО). Ф. 1500. Оп. 1. Д. 1. Документы (циркуляры Аткарской уездной земской управы комиссариата по продовольствию, продовольственной управы, рапорты Судачинского волостного правления, исполкома, списки домохозяев, списки военнопленных и др.) по вопросам найма и содержания военнопленных. 1916–1918 гг.

ГАВО 2 – ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 42. Заявления военнопленных в Царицынский горсовет о разрешении на выезд в другие города России на место жительства и другие вопросы. 1917 г.

ГАВО 3 – ГАВО. Ф. Р-216. Оп. 2. Д. 14. Материал о военнопленных с документами иностранноподданных. 1921–1922 гг.

Гапоненко 1970 – *Гапоненко Л.С.* Рабочий класс России в 1917 г. М.: Наука, 1970. 467 с.

ГИМЗ «Сталинградская битва» – Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва».

Жданов 1920 – *Жданов Н.М.* Русские военнопленные в мировой войне 1914–1918 гг. М.: Военная типография Всероглавлштаба, 1920. 376 с.

Журбина 2008 – *Журбина Н.Е.* Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 230–235.

Калякина 2014 – *Калякина А.В.* Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914–1922). М.: Кучково поле, 2014. 304 с.

Маевский 1957 – *Маевский И.В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Госполитиздат, 1957. 392 с.

Максимов, Тофталушин 2007 – *Максимов Е.К., Тофталушин В.П.* Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Саратов: Научная книга, 2007. 124 с.

Нахтигаль 2014 – *Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 142–156.

Посадский 2010 – *Посадский А.В.* От Царицына до Сызрани: очерки гражданской войны на Волге. М.: АИРО-XXI, 2010. 412 с.

Семьянинов 1988 – *Семьянинов В.П.* Советы в деревне в первый год пролетарской диктатуры: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1988. 36 с.

Смирнов 2008 – *Смирнов Ю.И.* Граждане зарубежных стран и их деятельность в Советской России в 1918–1920-е годы. М.: РЭА им. Г.В. Плеханова, 2008. 282 с.

Федорова 2014 – *Федорова Т.В.* Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4-2(84). С. 232–236. DOI: 10.14258/izvasu(2014)4.2-33

Фрейдлин 1967 – *Фрейдлин Б.М.* Очерки истории рабочего движения в России в 1917 г. М.: Наука, 1967. 340 с.

Щеров 2000 – *Щеров И.П.* Центропленбеж в России: история создания и деятельности в 1918–1922 гг. Смоленск, 2000. 92 с.

Leidinger, Moritz 2003 – *Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien: Böhlau Verlag/Wien, 2003. 754 p.

Nachtigal 2008 – *Nachtigal R.* The Repatriation and Reception of Returning Prisoners of War, 1918–22 // *Immigrants & Minorities*. 2008. Vol. 26, is. 1–2. P. 157–184.

Pichlík 1991 – *Pichlík K.* Bez legend. Zahraniční odboj 1914–1918: Zápas o československý program. Praha: Panorama, 1991. 424 p.

Pichlík, Vávra, Křížek 1967 – *Pichlík K., Vávra V., Křížek J.* Červeno bílá a rudá. Vojáci ve válce a revoluci 1914–1918. Praha: Naše vojsko, 1967. 471 p.

Vácha 2016 – *Vácha D.* Ostrovy v bouři. Každodenní život československých legií v ruské občanské válce (1918–1920). Praha: Nakladatelství EPOCHA, 2016. 440 p.

Vácha 2015 – *Vácha D.* Bratrstvo. Všední a dramatické dny československých legií v Rusku 1914–1918. Praha: Nakladatelství EPOCHA, 2015. 336 p.

Zabloudivilova 2018 – *Zabloudivilova J.* V ruském zajetí: Organizace zajatých Čechů a Slováků v Rusku (1914–1918). Praha: EPOCH, 2018. 264 p.

REFERENCES

Anfimov, A.M. (1962) *Rossiyskaya derevnya v gody Pervoy mirovoy voyny* [Russian village during the First World War]. Moscow: Izd-vo sots-ekon. lit.

Vasilyeva, S.N. (1999) *Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Prisoners of war of Germany, Austria-Hungary and Russia during the First World War]. Moscow: Moscow State Open Pedagogical University.

Volobuev, P.V. (1964) *Proletariat i burzhuaziya Rossii v 1917 g.* [The proletariat and bourgeoisie of Russia in 1917]. Moscow: Mysl.

The State Archive of Volgograd Region (GAVO). (1916–1918) *Dokumenty (tsirkulyary Atkarskoy uezdnoy zemskoy upravyy komissariata po prodovol'stviyu, prodovol'stvennoy upravyy, raporty Sudach'inskogo volostnogo pravleniya, ispolkoma, spiski domokhozyaev, spiski voennoplennykh i dr.) po voprosam nayma i sodержaniya voennoplennykh. 1916–1918 gg.* [Documents (circulars of Atkarsk

District Zemstvo Board of the Commissariat for Food, Food Board, reports of Sudachinsky volost administration, executive committee, lists of householders, lists of prisoners of war, etc.) on the issues of hiring and maintenance of prisoners of war]. Fund 1500. List 1. File 1.

The State Archive of Volgograd Region (GAVO). (1917) *Zayavleniya voennoplennykh v Tsaritsynskiy gorsoviet o razreshenii na vyezd v drugie goroda Rossii na mesto zhitel'stva i drugie voprosy. 1917 g.* [Applications of prisoners of war to the Tsaritsyn City Council for permission to travel to the place of residence in other cities in Russia and other issues]. Fund R-71. List 1. File 42.

The State Archive of Volgograd Region (GAVO). (1921–1922) *Material o voennoplennykh s dokumentami inostrannopoddanykh. 1921–1922 gg.* [Material about prisoners of war with documents of foreign citizens]. Fund R-216. List 2. File 14.

Gaponenko, L.S. (1970) *Rabochiy klass Rossii v 1917 g.* [The Russian working class in 1917]. Moscow: Nauka.

The State Historical and Memorial Museum-Reserve “The Battle of Stalingrad”.

Zhdanov, N.M. (1920) *Russkie voennoplennyye v mirovoy voyne 1914–1918 gg.* [Russian prisoners of war in the world war of 1914–1918]. Moscow: Military Printing House of All-Russian General Staff.

Zhurbina, N.E. (2008) German prisoners of war in Russia during the First World War (1914–1918). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication.* 2. pp. 230–235 (in Russian).

Kalyakina, A.V. (2014) *Pod okhranoy russkogo velikodushiya. Voennoplennyye Pervoy mirovoy voyny v Saratovskom Povolzh'e (1914–1922)* [Under the protection of Russian generosity. POWs of the First World War in Saratov Volga Region (1914–1922)]. Moscow: Kuchkovo pole.

Maevsky, I.V. (1957) *Ekonomika russkoy promyshlennosti v usloviyakh Pervoy mirovoy voyny* [The economy of Russian industry in the First World War]. Moscow: Gospolitizdat.

Maksimov, E.K. & Totfalushin, E.P. (2007) *Saratovskoe Povolzh'e v gody Pervoy mirovoy voyny* [Saratov Volga region during the First World War]. Saratov: Nauchnaya kniga.

Nachtigal, R. (2014) Prisoners of war in Russia in the era of the First World War. *Quaestio Rossica.* 1. pp. 142–156 (in Russian). DOI: 10.15826/qr.2014.1.028

Posadsky, A.V. (2010) *Ot Tsaritsyna do Syzrani: ocherki grazhdanskoy voyny na Volge* [From Tsaritsyn to Syzran: Essays of Civil War on the Volga river region]. Moscow: AIRO-XXI.

Semyaninov, V.P. (1988) *Sovety v derevne v pervyy god proletarskoy diktatury* [Soviets in the village in the first year of the proletarian dictatorship]. Abstract of history Dr. Diss. Moscow.

Smirnov, Yu.I. (2008) *Grazhdane zarubezhnykh stran i ikh deyatel'nost' v Sovetskoy Rossii v 1918–1920-e gody* [Foreign citizens and their activities in Soviet Russia in the 1918–1920s]. Moscow: Plekhanov Russian University of Economics.

Fedorova, T.V. (2014) Problema sotsial'no-bytovykh usloviy sodержaniya avstro-vengerskikh voennoplennykh na territorii Vostochnoy Sibiri vo vremya Pervoy mirovoy voyny [The problem of social and living conditions of the maintenance of Austro-Hungarian prisoners of war in Eastern Siberia during the First World War]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 4–2(84). pp. 232–236 (in Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2014)4.2-33

Freydlin, B.M. (1967) *Ocherki istorii rabochego dvizheniya v Rossii v 1917 g.* [Essays on the history of the labour movement in Russia in 1917]. Moscow: Nauka.

Shcherov, I.P. (2000) *Tsentroplenbezh v Rossii: istoriya sozdaniya i deyatelnosti v 1918–1922 gg.* [Tsentroplenbezh in Russia: the history of formation and activities in 1918–1922]. Smolensk: [s.n.].

Leidinger, H. & Moritz, V. (2003) *Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920* [Captivity, Revolution, Homecoming: The Importance of Prisoner of War Problems for the History of Communism in Central and Eastern Europe 1917–1920]. Vienna: Böhlau Verlag/Wien.

Nachtigal, R. (2008) The Repatriation and Reception of Returning Prisoners of War, 1918–22. *Immigrants & Minorities*. 26(1-2). DOI: 10.1080/02619280802442662

Pichlík, K. (1991) *Bez legend. Zahraniční odboj 1914–1918: Zápas o československý program* [Without legends. Foreign Resistance 1914–1918: Match for the Czechoslovak Program]. Prague: Panorama.

Pichlík, K., Vávra, V. & Křížek, J. (1967) *Červeno bílá a rudá. Vojáci ve válce a revoluci 1914–1918* [Red-white and red. Soldiers in War and Revolution 1914–1918]. Prague: Naše vojsko.

Vácha, D. (2016) *Ostrovky v bouři. Každodenní život československých legií v ruské občanské válce (1918–1920)* [Islands in storm. Everyday Life of the Czechoslovak Legions in the Russian Civil War (1918–1920)]. Prague: Nakladatelství EPOCHA.

Vácha, D. (2015) *Bratrstvo. Všední a dramatické dny československých legií v Rusku 1914–1918* [Brotherhood. Everyday and dramatic days of Czechoslovak legions in Russia 1914–1918]. Prague: Nakladatelství EPOCHA.

Zabloudivilova, J. (2018) *V ruském zajetí: Organizace zajatých Čechů a Slováků v Rusku (1914–1918)* [In Russian captivity: Organization of captured Czechs and Slovaks in Russia (1914–1918)]. Prague: Epoque.

Дулатов Берик Кайратович – магистр истории, докторант кафедры экономической и социальной истории философского факультета Остравского университета (Чешская Республика).

Berik K. Dulatov – University of Ostrava (Czech Republic).

E-mail: berikdulatov2014@gmail.com

УДК 94(73)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/20

РУСИНЫ В УМЕ И СЕРДЦЕ РУССКОГО ИСТОРИКА (НА ПРИМЕРЕ Г.В. ВЕРНАДСКОГО И А.В. ФЛОРОВСКОГО)*

А.Ю. Дворниченко

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru

Авторское резюме

В статье рассматривается очень важная и актуальная тема: отношение русских историков XX в. к русинам. На примере двух друзей – выдающихся историков-эмигрантов Г.В. Вернадского и А.В. Флоровского – показано, что интерес к русинам обычно зарождался в детстве и ранней юности, а потом сохранялся до конца жизни. В случае Вернадского огромную роль в этом сыграл его отец – выдающийся русский ученый и мыслитель В.И. Вернадский. Георгий написал свое первое сочинение о русинах в самом начале своей научной карьеры и продолжал интересоваться этой темой на протяжении жизни в эмиграции – и в Праге, и в США. Флоровский увлекся русинской тематикой, еще будучи преподавателем Новороссийского университета. Он продолжал работать по этой теме и в эмиграции в Праге. Автор использует свежие историографические и архивные материалы.

Ключевые слова: историки-эмигранты, русины, В.И. Вернадский, Г.В. Вернадский, А.В. Флоровский, руснаки, И.С. Орлай.

* Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Тема: «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.». Проект № 19-18-00073.

THE RUSINS IN THE MIND AND HEART OF THE RUSSIAN HISTORIAN (A CASE STUDY OF G.V. VERNADSKY AND A.V. FLOROVSKY*

A.Y. Dvornichenko

St. Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru

Abstract

This article deals with the very important and actual theme: the attitude of Russian historians to the Rusins. A case study of two friends – prominent Russian émigré historians G.V. Vernadsky and A.V. Florovsky – shows that the interest to the Rusins usually appeared in childhood and early youth and remained up to the end of the life. Vernadsky was greatly influenced by his father – the great Russian scientist and thinker V.I. Vernadsky. George wrote his first work on the Rusins at the beginning of his career and kept on doing research on this theme throughout his entire life in the emigration in Prague and the USA. Florovsky became interested in the Rusins when he was a teacher at Novorossiysk University. He continued to work on this theme in exile in Prague. The author draws on new historiographic and archival materials.

Keywords: émigré historians, Rusins, V.I. Vernadsky, G.V. Vernadsky, A.V. Florovsky, Rusnak, I.S. Orlay.

Русины всегда были и остаются особой темой для русского автора, будь он историк, литератор или специалист в какой-либо другой сфере гуманитарного знания. На этой теме – ответ столетий взаимной симпатии и любви, стремления не только понять, восстановить историю народа, но и защитить его, выразить сердечную боль по поводу трагичной и такой близкой истории. Русины переживают, по словам канадского ученого П.Р. Магочия, одного из ведущих исследователей проблем Закарпатья, свое третье национальное Возрождение и активно борются за признание национальной идентичности и автономии. Интересно исследовать вопрос, какое место занимали русины в мировоззрении русских эмигрантских историков.

*The study is supported by Grant of the Russian Science Foundation “National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Public Thought of the 19th – 20th Centuries.” Project Nr. 19-18-00073.

Данная тема изучена явно недостаточно. М.Ю. Досталь остановилась на той борьбе, которая велась в русской и украинской эмиграции в Чехословакии между сторонниками «народного» (по существу – украинского) и «традиционного» литературного языка (т. е. русифицированного церковнославянского, а потом и великорусского языка) (Досталь 1997: 68). Изучение языковой ситуации в регионе и участие в этом русских эмигрантов в 20-е гг. привлекали внимание К.Б. Егоровой (Егорова 2016). Мы хотим избрать другой ракурс и показать на примере только двух, но очень близких друг другу эмигрантов – Г.В. Вернадского и А.В. Флоровского, каково было их отношение к феномену русинов. Эти фигуры, конечно, не подменяют собой всего сообщества русских и украинских историков в эмиграции, но, благодаря своим талантам, они и типичны, и оригинальны одновременно.

Их связывала многолетняя крепкая дружба. Вернадский всячески способствовал появлению Флоровского в Праге в рамках знаменитой теперь «русской акции». В Чехословакии историки плодотворно сотрудничали. После отъезда Вернадского в США в 1927 г. дружба продолжалась в основном по переписке. Как и в случае с другими корреспондентами, это была своего рода творческая лаборатория: историки делились планами, давали друг другу советы. В 1968 г. в Нью-Хейвене ударом для Вернадского стала весть о смерти Флоровского в далекой Праге. В статье, посвященной его памяти, Вернадский писал: «Талантливый человек широкого кругозора и разнообразных интересов Антоний Васильевич всю жизнь посвятил неустанному научному творчеству» (Вернадский 1968). Эти слова, кстати, вполне можно отнести и к самому Вернадскому.

Интерес к русинам у совсем молодого человека зародился под влиянием отца – знаменитого ученого и мыслителя Владимира Ивановича Вернадского. Плодотворное влияние отца в детстве и юношестве со временем сменилось не менее конструктивным общением, которое также можно определить как своего рода творческую лабораторию. Отец был в курсе всех мыслей и идей сына, мудро и дальновидно направлял их в истинно научное русло, тем более что история всегда была близка и любезна сердцу великого натуралиста.

Сам он с детства увлекся Угорской Русью. В дневниках (Вернадский 1994; Вернадский 1999) он не раз говорил, что часто думает об Угорской Руси, чувствует ее, понимает ее значение и размышляет о тяжелой судьбе этого форпоста русского племени (6 июня 1918 г.). Его привлекала идея защиты Угорской Руси (10 июня 1918 г.), он сетовал на то, что удивительно мало знания о ней у натуралистов (20 июня 1918 г.), вспоминал разговоры с Драгомановым, который считал защиту края своей святой обязанностью (30 ноября

1918 г.) и надеялся на возрождение Угорской Руси, в отличие от Грушевского (с ним Вернадский тоже разговаривал), который в него не верил. Его впечатлило создание автономии Карпатской Руси в Чехии (30 ноября 1919 г.).

Из дневников мы узнаем, что у него это увлечение было от отца¹. Выясняется, что он все время собирал литературу о русинах, а отец выписывал журналы «Свет» или «Слово», там издававшиеся, а также украинскую литературу (30 ноября 1919 г.). «Свет» Владимир читал в детстве в Харькове (13/26 апреля 1920 г.).

В 1923 г. (3 июля) он вспоминал разговоры с отцом об Угорской Руси – «старые славянские интересы отца 1840-х гг.». Перед ним возникли многочисленные обрывки прочитанного. И еще один важный штрих, который можно извлечь из дневников: с одной стороны, Вернадский считал эту область первой русской областью, вышедшей из анархии (30 ноября 1919 г.), но с другой – связывал будущее региона с украинским движением – лишь бы оно не порвало с Россией (6 июня 1918 г.). В 1920 г. он наблюдал старые русофильские настроения, которые коренились в интеллигенции и, может быть, в народе. В то же время допускал (судя по записи в дневнике, это отразилось в статье, к сожалению, утраченной, которая была сдана в «Донскую речь»), что Угорская Русь может сделаться украинским центром и одновременно ареной борьбы русского и украинского течений (13/26 апреля 1920 г.). Но при этом он надеялся, что произойдет примирение. Во всяком случае, в 1924 г. он говорил и о возрождении Украины, и о сохранении Угорской Руси (5 сентября).

Вернадский не забыл отметить, что по его настоянию Георгий написал статью об Угорской Руси. В наследии великого ученого есть незаконченная статья на ту же тему. Она хранится в архиве, но в последние годы несколько раз публиковалась (Мазурок, Пеняк, Шевера 2003; Вчені Росії 2009)². Статья возникла как отклик на публикацию в «Русской мысли» за 1880 г. «Голос из Угорской Руси», в которой с болью говорилось о притеснениях властей и звучало обращение к российской власти поддержать русинов и по возможности даже предоставить им территорию для нормального проживания – в Крыму, европейской части России или даже в Сибири.

Мы не будем подробно пересказывать содержание этой неоконченной статьи. Она была написана молодым Владимиром Вернадским в 1880–1885 гг. Мы видим сложную гамму чувств, переживаемых молодым ученым. Русское общество, не привыкшее к самостоятельной деятельности и к тому, чтобы брать инициативу в свои руки, как будто забыло, что в другом государстве живут русские, не великороссы, правда, но русские. Политические условия России таковы, что ни

русский народ в России, ни русские в Австро-Венгрии не очень-то желают воссоединения. Но это не может помешать родственным чувствам, политические границы не могут разорвать их. В России не могут не звучать обида и негодование при известиях об угнетении и возможной смерти части родного народа. И там уже раздался вопль отчаяния...

Вернадский старается понять, как «часть родного народа» дошла до такого положения, и в то же время разобраться в причинах возрождения Угорской Руси – ведь к концу XVIII ст. для русинов все, как казалось, было потеряно. Возрождение угрорусов (так называет Владимир Иванович русинов), как и других народов, началось с разработки истории и развития либеральных идей.

Угнетение со стороны венгров привело к тому, что угрорусы помогали сначала австрийцам, а потом и русским в их борьбе с венграми. Автор довольно много внимания уделяет знаменитому венгерскому походу российской армии. И хоть положительного влияния русская армия оказать не могла – «шла старая армейщина», зато угрорусы узнали о существовании могущественного, однородного им народа.

Рассматривая далее деятельность русинских просветителей, ученый показал, сколь сложной была ситуация, когда мадьяры (русские сторонники мадьяр) воспользовались «украинофильством», чтобы бороться с русским влиянием.

Мыслитель не разделяет русских и украинцев и считает, что, если Россия не погибнет (а он в этом убежден), «вопрос обустроится правильно». В письме сыну он с болью писал (в связи с тяжелым положением Угорской Руси): «...гибель или несвободное проявление своего в какой-нибудь части русского племени есть, так или иначе, искажение его облика. Все равно как исчезновение какой-нибудь формы жизни – насильственное». Он призывал украинцев и русских в Праге сплотиться, иначе украинцы уйдут в самостийничество и частью полонизируются (BARa: 11).

При таком внимании и любви отца к русинам неудивительно, что ими в самом начале своей научной карьеры увлекся сын. В уже упомянутой статье, дав полновесный для того времени обзор историографии, историк отметил, что, несмотря на длинный ряд исследований, посвященных угрорусской национальности, остается еще много неясного и загадочного во всем ее этническом облике. Русские поселения в Карпатах существуют очень долгое время, но, к сожалению, за минувшие века русскому народу не удалось создать там особого государства и цельной национальной культуры. Но угрорусский народ сумел отстоять свое существование. Правда, здесь произошло то, что и в современной Георгии Владимировичу Юго-

Западной Руси за время ее принадлежности Польше, – полонизация элиты. Русинские верхи тоже быстро омадьярились, русский язык в школе и среди духовенства начинает уступать место латыни, а в начале XIX в. мадьяризации подверглось и духовенство (Вернадский 1915a: 5–7).

Историк восхищается некоей тайной этой истории: казалось бы, к середине XIX в. угрорусская культура и вовсе была стерта с лица земли, но именно на то время пришлось попытки ее возрождения. Важную роль тут сыграли события революции 1848 г., которая относительно проста и ясна для Франции, но в высшей степени сложна и запутана для Австрии. Вроде бы схема должна быть такой: Австрия в союзе со славянами выступает против венгров. Но между славянами не было должного единства. Да и русская знать, судя по всему, понимания не проявляла: известны пирушки русских офицеров с венграми (победители пиروвали с побежденными). И сама венгерская революция, которая была делом преимущественно социальных верхов, вовсе не означала национального самоопределения для немадьярских народов, наоборот, мадьяризация усилилась. Отсюда, кстати, проистекала хорватская революция (Вернадский 1915b: 8–9).

Непростыми оказались отношения угрорусов и с российскими войсками. Для русинов появление солдат Паскевича для защиты Австрии, очевидно, доказывало возможность союза между русским движением в Карпатах и венским правительством. Вот почему один из крупнейших русинских общественных деятелей Адольф Иванович Добрянский стал главным интендантом австрийского государства при русских войсках. Венгры очень опасались возможного сценария, но организационного слияния между армией Паскевича и угрорусским населением не произошло. И дело даже не в том, что русские офицеры пиروвали с венгерскими. Русины встретили русскую армию с доверием. Но русские офицеры и солдаты не были расположены к ответной доверчивости уже потому, что мало знали о «руснаках». Само их существование было непонятно для многих участников похода. Что пришли немцев за уши вытаскивать – это понятно. А при чем здесь славяне, да еще и «руснаки», во владениях венгров?

Однако поход длился недолго. И если не установилось настоящего понимания, то не могло накопиться и серьезной горечи. Осталось воспоминание об общей родственной силе, готовой откуда-то прийти в нужную минуту: ведь русские спасли от мадьярского пана! Впечатления от русского вмешательства ярко отразились в народных песнях Угорской Руси, которые довольно широко цитируются Вернадским (Вернадский 1915b: 10–11).

Поражение венгерской революции казалось первое время победой угрорусского национального движения. В октябре 1849 г. Франц-Иосиф сочувственно принимал в Вене делегацию от Угорской Руси. Адольф Добрянский вынашивал идею установления близкой связи между угрорусским народом и венским двором, хотел ввести Угорскую Русь в работу австрийского правительственного механизма и таким образом порвать с Венгрией. Это нашло сочувствие при дворе, где искали союзников для дальнейшей борьбы с мадьярами. Добрянский был назначен наджупаном четырех угрорусских комитатов (Вернадский 1915b: 13–14).

Вокруг него и священника Александра Духновича образовался круг людей, стремившихся создать полноправную угрорусскую письменность. Одно стихотворение Духновича («Я русин был, есмь и буду») стало знаменитым. Другой литературный деятель, молодой священник Мукачевской епархии Раковский добился разрешения издавать в Будапеште «Церковную газету». Литературная деятельность Добрянского и Духновича наткнулась, однако, на значительные препятствия – внутренние и внешние. В мучительной борьбе с собственным пером создавали угрорусские писатели свою поэзию и прозу.

Вместе с тем право творить на русском они защищали от украинско-народного направления, усилившегося в ходе национального возрождения Галиции. Внешние обстоятельства делали возможным и русское, и украинское национальное движение в Угорской Руси. Уже в 50-е гг. австрийское правительство стало стеснять деятельность Добрянского и Духновича³. Свое сближение с русинскими комитатами венское правительство поспешило использовать для проникновения немецкого элемента в Венгрии. Добрянского перевели в Вену. Но и германизация была не очень долгой. Уже с начала 60-х гг. имела место мадьяризация Угорской Руси. В 1867 г., когда окончательно возник дуализм Австро-Венгрии, край оказался в полном распоряжении мадьяр, наблюдалась последовательная и неуклонная мадьяризация. Наступил застой в национальной жизни, усилился поток эмигрантов в США. Так постепенно замирало пламя национального возрождения Угорской Руси, ярко вспыхнувшее в 1849 г.

Закончил свою статью Георгий словами о том, что Драгоманов когда-то дал Аннибалову клятву: делать хоть что-нибудь для Угорской Руси и ее народа. Эта клятва после его смерти была забыта. Кто знает, может быть, теперь о ней вспомнят. Обстоятельства неожиданно сблизили 1849 и 1914 гг., и ставить точку в развитии угрорусской народности еще рано (Вернадский 1915a: 17). Пиетет к М.П. Драгоманову, который Георгий Владимирович испытывал всю жизнь, был во многом связан именно с его позицией в русинском вопросе.

Статья молодого историка подкупает, с одной стороны, глубокой привязанностью к русинам, с другой – тем, что он не хотел лакировать историческую действительность, показывал ее во всей сложности и многозначности. Он отнюдь не был квасным патриотом – видел недостатки и в политике своей страны. Впрочем, не стоит забывать и о том, что в то время происходил очередной всплеск интереса к политической борьбе – не такой, конечно, как в 1905–1907 гг., но значительный.

В другой статье того времени ученый писал: «Если бы Россия придерживалась определенной славянской политики, она могла бы быть затронута венгерской революцией, поскольку речь шла о судьбе Угорской Руси и других славян Венгрии». Но под руководством К.В. Нессельроде такой целенаправленной политики не было. Само существование угорских руснаков явилось неожиданностью для офицеров русской армии (Вернадский 1915b: 82).

Стого времени и на всю жизнь русины стали своего рода талисманом, который всегда был с Георгием Вернадским, в его сердце. Кстати, незадолго до того, как покинуть этот мир, историк сделал этой статье изящный «апгрейт» и поместил ее в сборник, посвященный 60-летию друга и коллеги из Пуэрто-Рико (*Überlieferung und Auftrag* 1972).

Свою любовь к русинам историк увез собой и в эмиграцию. К сожалению, в Праге он еще не вел дневников. Сохранилось письмо М.А. Критского⁴, в котором он спрашивает Г. Вернадского: «Что это Вы делали в Карпатской Руси? Наверное, там много любопытного. Буду очень рад, если поделитесь впечатлениями» (BARb: 43)⁵. Мы досадно мало знаем об этой поездке. Георгий и его жена Нина переехали в Прагу из Афин в феврале 1922 г. Еще только обосновавшись на берегах Влтавы, Георгий отправился туда, где хотел побывать с юности. Письмо, кстати, свидетельствует о широком интересе русских к Карпатской Руси. Интерес Критского – типичного представителя русской эмиграции – можно сказать, своего рода лакмусовая бумажка, свидетельствующая о степени его заинтересованности.

Вполне возможно, что выезжал историк не только для того, чтобы своими глазами увидеть столь увлекавший его с детства мир. Он активно и плодотворно работал в области образования. Родник образовательной деятельности русской эмиграции пробивался в то время и здесь. Правда, «русских эмигрантов там было наперечет и, тем не менее, средняя посещаемость лекций была значительно выше» (Савицкий 2001/2002: 125). Возможно, Георгий был послан с некой инспекцией или для обмена опытом, но, определенно, он использовал эту поездку, чтобы получить все от встречи со своей юношеской мечтой.

Самое удивительное, что эту любовь историк перенес и через океан. Уже перед самой войной Г. Вернадский, опираясь на свои грандиозные знания, написал интересную статью о европейской «зоне беспокойства», которой, по его мнению, к тому времени стали не Балканы (хотя и там напряжение сохранялось), а страны Центральной Европы. Он показывает, что проблемы этих стран уходят далеко в прошлое. Включение в великие империи имело и благоприятные, и неблагоприятные последствия. Австрия, например, начала с угнетения национальностей, а пришла к идее автономии; Россия же двигалась в противоположном направлении (Vernadsky 1939: 258). Бывали, впрочем, и периоды самостоятельности (Польша, Венгрия и др.).

Историк объясняет судьбу этих государств тем, что экономика их носила аграрный характер, отличалась чертой, которую не совсем верно называют «феодализмом». Если на Западе крепостничество исчезло довольно рано, то в странах к востоку от Эльбы оно задержалось еще на несколько столетий (Vernadsky 1939: 262–263). Эти страны часто становились жертвой соседних могущественных государств, но и сами (например, Польша) иной раз имели империалистические замыслы. Версальский договор заложил под эти государства мину замедленного действия. Судьба их теперь зависит от победы в войне. Если победит Германия, то она сделает из них протектораты, подобные Богемии.

Что в конечном итоге ожидать от нынешней политики России, неясно. Если победят Британия и Франция, то они планируют независимость этих государств. Хотя это не значит, что все будет легко. Историк рисовалась некая федерация по примеру Швейцарии. Эта федерация могла бы в первую очередь включить в себя Польшу, Богемию и Моравию, Словакию, «Карпато-Украину» и Венгрию. Под Польшей подразумевается собственно Польша – область, где поляки составляют большинство населения. Западная Украина и Западная Белоруссия находятся в орбите Белоруссии и Украины. Но «Карпато-Украина», которая никогда не была частью России, принадлежит Центральной Европе географически и должна принадлежать ей политически. Включение Румынии очень важно, т. к. это позволило бы контролировать низовья Дуная и иметь выход в Черное море. Но появляется проблема с политическим устройством, ведь Румыния – монархия. Впрочем, есть и многие другие вопросы в связи с этой конфедерацией (Vernadsky 1939: 270–272).

На такой подход к «Карпато-Украине» русского историка обратил внимание прекрасный знаток творчества Георгия Вернадского американский историк Ч. Дж. Гальперин (Halperin 1985: 100). Дейст-

вительно, это на первый взгляд кажется странным: Евразия, о которой так много рассуждал Вернадский, включает в себя и Украину, и Белоруссию, но не «Карпато-Украину». Как объяснить этот феномен? Вопрос нуждается в дальнейшем изучении, но, на наш взгляд, нельзя здесь не заметить удивительной прозорливости русского историка, как будто предвидевшего нынешнее новое русинское возрождение, остро ставящее под вопрос пребывание «Карпато-Украины» в составе сегодняшней Украины.

Вернадский любил страны и регионы Восточной (Центральной Восточной) Европы, но его любовь с юных лет – Закарпатская Русь. Даже наблюдая у рецензируемого автора яркую картину российской цивилизации, он призывал не забывать о «современной культуре поляков, чехов и других славян», имея в виду любимых русинов (Vernadsky 1948).

Большой информативный курс историк прочитал в Колумбийском университете в 1944–1945 г. Особый интерес для характеристики взглядов Вернадского в то время представляет завершающая лекция (15 января 1945 г.). Он рисует весьма яркую и, что особенно важно, сочувственную по отношению к СССР и его политике картину. Ее не портит и присоединение прибалтийских республик: они ведь не аннексированы, и в любом случае если не политическая, то культурная автономия им точно гарантирована. Вернадский был не против присоединения и Закарпатья: в конце концов, карпатские русины всегда были недовольны политикой Чехословакии (BARC: 96).

Предположительно в 1938 г. Георгий написал статью «Князь Трубецкой и украинский вопрос» (Дворниченко 2015), которая была опубликована лишь недавно. Она начинается с бесспорного утверждения о том, что «украинский вопрос является одним из самых сложных и болезненных вопросов в истории русского самопознания». Для разрешения украинского вопроса не подходит ни программа механического и принудительного «единства», ни механический разрыв между двумя народами и двумя культурами. Вопрос может быть разрешен лишь на почве добровольного и единогодушного единения, признания каждым из двух народов ценности и свободы не только своей культуры, но и культуры другого, взаимного уважения и взаимного интереса.

Далее историк пишет о том, что русский и украинский народы не только имеют один корень, но и вместе проделали уже большой исторический путь и добились громадных исторических результатов. Именно в сотрудничестве русские и украинцы создали великое государство, великий союз народов Россию-Евразию, самодовлеющий материк. Если отрезать от этого материка Украину в географическом смысле в границах нынешней Украинской Советской Республики,

как того хотят крайние самостийники, то это губительно для Украины и украинской культуры. Это было бы искусственное ограничение деятельности украинского народа, он был бы загнан в узкие провинциальные рамки, тогда как исторически перед ним, как и перед народом русским, открыта вся Евразия.

Ни в коем случае нельзя забывать общие украинско-русские культурные основы. Необходимо единение, понимание друг друга, сотрудничество друг с другом, уважение друг к другу. Общим делом могло бы стать возрождение Карпатской Руси. Украинское дело в Карпатах есть русское дело!

Творчество А.В. Флоровского хорошо изученным не назовешь. Тут явно нужна солидная монография. Проблемами истории Карпатской Руси историк увлекся, будучи в Одессе, где служил в Новороссийском университете. Уже тогда он заинтересовался жизнью и деятельностью Ивана Семеновича Орлая. В одесском издании вышла статья, где фигурировали этот выдающийся русин и его заметки (Флоровский 1912: 15–18).

И вот, уже в эмиграции в Праге в 1928 г. Флоровский развивает свои наблюдения (Досталь 2011): все эти трудные годы он не забывал об Орлае, помнил о русинах! Иван Семенович Орлай – выдающийся деятель русинского просвещения (Кубасов 1905). Он, пожалуй, больше всех сделал для того, чтобы познакомить русское общество с положением своей родины (Свенцицкий 1906: 292).

По мнению крупного знатока проблемы И.С. Свенцицкого, «деятельность Орлая в России... можно определить как одно из самых живых культурных звеньев, соединявших в первой трети XIX в. Карпатскую Русь с Россией» (Свенцицкий 1906: 297). В наши дни изучением жизни и творчества И.С. Орлая плодотворно занимается профессор из Ужгорода Д.Д. Данилюк. Им опубликована большая часть научного наследия Орлая (Иван Семенович Орлай 2007). Немало страниц ученый посвятил творчеству Орлая и в своей книге об исторической мысли Закарпатья (Данилюк 2009).

Для сотрудников Санкт-Петербургского государственного университета Орлай особенно интересен. Дело в том, что он не только написал две статьи по истории Карпатской Руси и установил контакт с современными ему учеными-этнографами (З. Ходаковским и П.И. Кеппенем)⁶, чем, собственно, и содействовал пробуждению интереса у русских ученых к Карпатской Руси. И.С. Орлай был непосредственно причастен к вызову карпаторусских ученых М.А. Балугьянского, В.Г. Кукольника и П.Д. Лодия⁷ в Россию. Каждая из этих фигур интересна. Но нам наиболее интересен Михаил Андреевич Балугьянский, который стал первым ректором преобразованного в 1819 г. Петер-

бургского университета (Косачевская 1971). Именно Орлай сделал больше всех для прибытия этого славного деятеля в Петербург.

Флоровский извлек из архива канцелярии одесского градоначальника интереснейший документ – записки И.С. Орлая. Историк написал об этих записках статью, хранящуюся в архиве РАН. В архивных документах отмечено, что статья опубликована в Карпатской Руси, скорее всего, в Ужгороде. Нам пока не удалось найти следы той публикации, что, в общем-то, неудивительно, если учесть годы, когда это происходило. Так что статья изучена по архивному оригиналу. Он, похоже, не привлекал внимания исследователей. Во всяком случае, в довольно содержательном обзоре архива историка эта статья даже не упомянута (Лаптева 2014).

Статья написана к столетию со дня смерти Орлая (умер в феврале 1829 г.). Интересно само происхождение заметок Орлая. Дело в том, что в последний период его жизни (конец 1828 г.) с обязанностями в знаменитом Ришельевском лицее он совмещал должность цензора. По поручению одесского градоначальника он изучил партию иностранных книг, присланных на имя одного кишиневского жителя. Среди книг был французский словарь (Mac Carthy T. *Nouveau dictionnaire géographique universelle*. Paris, 1824). Цензор сразу решил, что передавать его адресату нельзя, поскольку в словаре шла речь (подумать только!) об убийстве Павла Первого и была какая-то не очень приличная ремарка в адрес дворца российского государя (АРАН: 2–3). Это сейчас кажется неким курьезом, ведь вся эта предосудительная информация занимает не более половины страницы и явно теряется на фоне более чем тысячи страниц сочинения, но так тогда работала цензура.

Покончив со своими должностными обязанностями, цензор преобразился в критика, установив, что вдобавок к неуместным выражениям «сочинитель обнаружил свое невежество в знаниях исторических». Очень внимательно, с большим интересом просматривал Орлай все справки французского автора о его родном крае и живо отзывался по поводу неточностей и неправильных сведений. Мы, конечно, не будем подробно пересказывать статью Флоровского, но важнейшие моменты, связанные прежде всего с русинами, осветить стоит.

Орлай отметил, что хорошая географическая книга есть драгоценное приобретение в ученом свете (АРАН: 4). Но француз явно не в ладах со «статистикой»: пишет об университете в Киеве (правда, не совсем понятно, о каком университете идет речь – университет Св. Владимира был создан в 40-е гг.), но не упоминает о Казанском, Харьковском, Санкт-Петербургском.

Раскритиковав мнение французского автора о том, что казаки делятся на малороссийских и донцов (или татар), он просвещает нас и касательно галичан. Дело в том, что француз заявил, что галичане и поляки характером сходны. С этим Орлай категорически не согласен, ибо известно, что «первые суть настоящие русские: они населяют Галицию везде, начиная с Молдавии даже до р. Сан, вытекающей из Карпатских гор и впадающей в Вислу». В столичном городе Галиции Львове имеет резиденцию митрополит Галицкий и всяя России (так называвался прежде). Флоровский отмечает, что об этом Орлай писал и в 1826 г. Простой народ говорит в Галиции на русском киевском наречии, а дворянство – по-польски и по-немецки (АРАН: 5–6).

Удивило Орлая и утверждение француза (Т. Мак-Карти) о том, что в Польше есть униаты-греки и неуниаты (или православные). Униаты в этих землях не греки, а русские, принадлежавшие к Червонной Руси. Исправляет Орлай француза и в вопросе происхождения венгров: они имеют разные корни со славянами, и язык их не славянский, а гуннский, сходный с разными финскими наречиями (АРАН: 7–8). Орлай погружается в историю венгров и даже здесь находит место для русских. Оказывается, угры – гуннский народ, жили они у Алтайских гор, потом переселились на Кавказ, а оттуда в IX в. вместе с русскими завладели Паннонией (АРАН: 7).

Русские не только во всем участвовали, но и знания у них большие. Так, француз говорит о том, что Афины находятся в Морее, но русские наверняка знают, что город Афины расположен в Ливадии, или древней Аттике.

Конечно, интереснее всего мнение Орлая о русинах. Он отмечает, что француз пишет о русских, обитавших в Высшей Венгрии в Карпатских горах. Автор словаря называет их русняками и полагает, что они переселились из Червонной Руси. Орлай дает свой комментарий: это, конечно, карпаторусы, которые переселились не из Червонной Руси, а вместе с венграми прибыли из окрестностей Киева. В то время они составляли 700 000 тыс. жителей, управляемых тремя епископами. Они говорили на чистом русском киевском наречии и не находились в столь грубом невежестве, как полагал сей писатель, и столь просвещены, что уже при Петре II в качестве наставника был русин Зейкан. Другой русин Дмитрий Череч – воспитатель эрцгерцога Австрийского, один из лучших литераторов на венгерском языке (АРАН: 9). Если бы г. Мак-Карти воспользовался творениями сего русского, в т. ч. «Географическим словарем», то не сделал бы столько непростительных ошибок о Венгрии.

Орлай очень боялся «подражания» французу со стороны писателей в России. И так-то уже в статистических описаниях некоторых губер-

ний «полагаются жители поляки, а в них малороссияне находятся» (АРАН: 11). В «Кратком общем землеописании» для уездных училищ, изданном при Департаменте народного просвещения, Орлай также обнаружил несообразность. Там описываются «...народные племена славян, к которым принадлежат россияне, русы или руснаки. Как будто россияне, русы и нововыдуманные русняки – не одно и то же!». В такую же ошибку впал и П. Кеппен, который писал о *Russnijkjen Land* – земле русняков.

В том, что Галиция никогда не называлась «землей русняков», можно убедиться, если посмотреть венгерские и польские летописи, изданные до присоединения к Австрии. Не случайно Бюшинг⁸ в «Географии» называет Галицию Малой Россией. Древние летописи подтверждают, что галичане принадлежали Владимиру Великому, а по смерти его были управляемы удельными князьями и имели неоднократные с уграми и поляками войны и всегда были известны под названиями *русские* или *русины*, а в летописях на латинском языке – *Rutheni* или *Russi*. Червонная Русь принадлежала Великой Руси, пока Казимир Великий не овладел этой русской областью (АРАН: 12).

Возникла даже своего рода дискуссия с участием как Орлая, так и Флоровского. Последний заметил, что в 1804 г. в своей «Истории о Карпато-Руси» Орлай сам говорил об «имени руснаки» (от реки Русны) (АРАН: 13). В то же время Флоровский отметил, что против имени «руснаки» протестовал Лавровский в письме к Кеппену в 1823 г.⁹ Решительно оспаривал слово «руснак» уже почти через сто лет после этого М. Возняк во Львовском «украинско-русском архиве» (Львов, 1910. Т. V. С. 65–69).

Нам, собственно, не так важна истина в данном споре, сколько такое пристальное внимание русских историков к этой теме. Во всяком случае, мы убедились в том, что как для Вернадского, так и для его друга и собрата по историческому цеху Флоровского русины на протяжении десятилетий их творческой жизни были постоянной темой, наполненной богатым содержанием, борьбой идей. Дальнейшее изучение творчества русских историков-эмигрантов может открыть тут новые горизонты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отец Владимира Ивановича Иван Васильевич Вернадский – выпускник Киевского университета, защитил магистерскую диссертацию в Петербургском университете, служил в Московском университете, затем переехал в Петербург, где посвятил себя государственной

службе. Был широко известен своей журналистской, научной, педагогической и общественной деятельностью.

2. См. также: Вчені Росії 2009. Есть и рецензия на последнее издание (Досталь 2010). Правда, на с. 88 удивляет следующий пассаж о статье Владимира Ивановича: «Статья написана в духе общерусского единства, в ней не содержится никаких грез Вернадского о воссоединении украинского народа по двум сторонам Днепра, как это отмечается в комментариях составителей (с. 513)».

3. О научных взглядах А. Духновича и А. Добрянского см. в: Данилюк 1997: 163–173; Данилюк 2009.

4. Критский Михаил Александрович (1882–1969) – из дворян Владимирской губернии. Выпускник юридического факультета Московского университета, учился и на историко-филологическом факультете, но не закончил курс. Пошел добровольцем на фронт, участвовал в Белом движении, был помощником Кутепова и вместе с ним отправился в эмиграцию. С Георгием Вернадским познакомился в Крыму в Горной Щели через своего друга М.А. Бакунина. После гибели Кутепова в 1930 г., а с ним и надежд на скорую военную интервенцию в СССР Критский стал заниматься описанием военных батальонов и торговлей книжным антиквариатом. Похоронен на Сент-Женевьев-де-Буа.

5. Письмо опубликовано М.Ю. Сорокиной («Там так легко дышится...» 2004).

6. Доленга-Ходаковский Зориан (Адам Чарноцкий) (1784–1825) – славяновед, археолог, фольклорист, этнограф и диалектолог; Петр Иванович Кеппен (1793–1864) – русский ученый немецкого происхождения, действительный статский советник, академик Петербургской академии наук.

7. Лодий Петр Дмитриевич (1764–1828) – русин, известный юрист; Кукольник Василий Григорьевич (1765–1821) – русин, видный ученый и педагог.

8. Бюшинг Антон Фридрих (1724–1793) – германский ученый, автор богословских, педагогических, географических и биографических трудов. В данном случае, видимо, имеется в виду знаменитое «Землеписание» («Erdbeschreibung»), которое было издано в Германии и по частям издавалось в России.

9. По-видимому, тут ошибка, т.к. как оба брата-славяноведа Н.А. Лавровский и П.А. Лавровский родились после 1923 г. (Славяноведение в дореволюционной России 1979: 212–213).

ЛИТЕРАТУРА

АРАН – Архив Российской академии наук (АРАН) // АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–14. Флоровский А.В. Статья «Заметки И.С. Орлая о Карпатской Руси (1828)».

Вернадский 1994 – *Вернадский В.И.* Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920. Киев: Наукова думка, 1994. 274 с.

Вернадский В.И. 1999 – *Вернадский В.И.* Дневники: Март 1921 – август 1925. 2-е изд. М.: Наука, 1999. 213 с.

Вернадский Г.В. 1915а – *Вернадский Г.В.* Угорская Русь и ее возрождение в середине XIX в. // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы (Год издания III) / Под ред. С.П. Мельгунова и В.И. Семевского. 1915. № 3. Март. С. 5–17.

Вернадский Г.В. 1915б – *Вернадский Г.В.* Венгерский поход 1849 года // Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. Год 36. Кн. 2. М.; Пг., 1915. С. 78–88.

Вернадский Г.В. 1968 – *Вернадский Г.В.* Памяти А. В. Флоровского (1884–1968) // Новое русское слово. 18 апреля 1968. С. 3.

Вчені Росії 2009 – Вчені Росії про Закарпаття / Упоряд.: О.С. Мазурок, І.О. Мандрик; Ужгород. нац. ун-т. Ужгород, 2009. 520 с.

Данилюк 1997 – *Данилюк Д.Д.* Історія Закарпаття в біографіях і портретах (з давніх часів до початку XX ст.). Ужгород: Патент, 1997. 289 с.

Данилюк 2009 – *Данилюк Д.Д.* Історична думка на Закарпатті епохи національного відродження (кінець XVIII – середина XIX ст.). Ужгород: Інформ-вид. центр ЗІППО, 2009. 392 с.

Дворниченко 2015 – *Дворниченко А.Ю.* Г.В. Вернадский об Украине и украинском вопросе (к публикации статьи Г.В. Вернадского «Князь Трубецкой и украинский вопрос») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 2. 2015. С. 57–79.

Досталь 1997 – *Досталь М.Ю.* Проблемы закарпатского национального возрождения в трудах русских и украинских эмигрантов в межвоенной Чехословакии // Славяноведение. 1997. № 6. С. 67–72.

Досталь 2010 – *Досталь М.Ю.* Рец.: [Вчені Росії про Закарпаття: Із карпатознавчої спадщини. Ужгород, 2009] // Славяноведение. 2010. № 6. С. 86–88.

Досталь 2011 – *Досталь М.Ю.* Историк-эмигрант А.В. Флоровский в Чехословакии: страницы научного творчества // Новый исторический вестник. 2011. № 28. С. 80–87.

Егорова 2016 – *Егорова К.Б.* Подкарпатская Русь в контексте культурного многоязычия первой Чехословацкой Республики // Вестник СПбГУ. История. 2016. Вып. 4. С. 198–210.

Косачевская 1971 – *Косачевская Е.М.* Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. 271 с.

Кубасов 1905 – *Кубасов Ив.* Иван Семенович Орлай (Orlay de Carva) // Русский биографический словарь. Обезьяников – Очкин. Издан под наблю-

дением председателя Императорского русского исторического общества А.А. Половцова. СПб., 1905. С. 309–312.

Иван Семенович Орлай 2007 – Иван Семенович Орлай. З наукової спадщини / Ужгородський національний ун-т. Інститут україністики ім. Михайла Мольнара. Кафедра історії України; упоряд. Д. Д. Данилюк. Вид. 2-е, доп. Ужгород: КП «Ужгородська міська друкарня», 2007. 192 с.

Лаптева 2014 – *Лаптева Т.Н.* Научное наследие А.В. Флоровского в Архиве РАН // Вестник архивиста. 2014. № 1. С. 270–287.

Мазурок, Пеняк, Шевера 2003 – *Мазурок О., Пеняк П., Шевера М.* Володимир Вернадський про Угорську Русь. Ужгород, 2003. 94 с.

Савицкий 2001/2002 – *Савицкий И.* «Русский Оксфорд» в Праге 1919–1928 // Записки русской академической группы в США. Т. XXXI: Русская Прага 1920–1945. New York, 2001/2002. С. 87–115.

Свенцицкий 1906 – *Свенцицкий И.С.* Обзор сношений Карпатской Руси с Россией в первую половину XIX в. Памяти Александра Николаевича Пыпина // Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук 1906. Тома XI-го книжка 3-я. СПб., 1906. С. 259–367.

Славяноведение в дореволюционной России 1979 – Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь / Отв. ред. В.А. Дьяков. М.: Наука, 1979. 429 с.

«Там так легко дышится...» 2004 – «Там так легко дышится...»: Из американского архива Георгия Вернадского / Публикация и примечания М.Ю. Сорокиной // Диаспора: Новые материалы. М.; СПб., 2004. Вып. 6. С. 620–696.

Флоровский 1912 – *Флоровский А.В.* Из одесской старины. Одесса, 1912. 18 с.

BARa – Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR) // George Vernadsky Papers (GVP). Box. 11.

BARb – Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR) // George Vernadsky Papers (GVP). Box. 43. М. Критский – Г. Вернадскому. 1 октября 1922.

BARc – Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR) // George Vernadsky Papers (GVP). Box. 96. Lectures on Contemporary Russia.

Halperin 1985 – *Halperin Charles J.* Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1985. Otto Harrassowitz. Wiesbaden. Bd. 36. P. 55–194.

Überlieferung und Auftrag – Überlieferung und Auftrag. Festschrift für Michael de Ferdinandy zum 60. Geburtstag. Wiesbaden: Verlag Pressler, 1972.

Vernadsky 1939 – *Vernadsky G.* European Trouble Zone // The Yale Review. 1939. December. Vol. XXIX, № 2. P. 248–272.

Vernadsky 1948 – *Vernadsky G.* Review [S.H. Cross. Slavic Civilization through the Ages. Edited, with a foreword, by Leonid I. Strakhovsky. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1948] // Speculum. 1948. July. Vol. 23, № 3. P. 482–484.

REFERENCES

Florovsky, A.V. (1828) *Stat'ya "Zametki I.S. Orlaya o Karpatskoy Rusi (1828)"* [The article "Notes of I.S. Orlayon Carpatian Rus (1828)"]. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1609. List 1. File 21.

Vernadsky, V.I. (1994) *Dnevniky 1917–1921. Oktyabr' 1917 – yanvar' 1920* [Diaries from 1917 to 1921. October 1917 – January 1920]. Kyiv: Naukova dumka.

Vernadsky, V.I. (1999) *Dnevniky: Mart 1921 – avgust 1925* [Diaries: March 1921 – August 1925]. 2nd ed. Moscow: Nauka.

Vernadsky, G.V. (1915a) Ugorskaya Rus' i ee vozrozhdenie v seredine XIX v. [Ugric Rus and its revival in the mid-nineteenth century]. *Golos minuvshego. Zhurnal istorii i istorii literatury*. 3. pp. 5–17.

Vernadsky, G.V. (1915b) Vengerskiy pokhod 1849 goda [The Hungarian campaign of 1849]. *Russkaya mysl'*. 36(2). pp. 78–88.

Vernadsky, G.V. (1968) Pamyati A.V. Florovskogo (1884–1968) [The Memory of A.V. Florovsky (1884–1968)]. *Novoe russkoe slovo*. 18th April. pp. 3.

Mazurok, O.S. & Mandrik, I.O. (eds) (2009) *Vcheni Rosii pro Zakarpattya* [Russian scientists on Subcarpathia]. Uzhhorod: Uzhhorod National Institute.

Danilyuk, D.D. (1997) *Istoriya Zakarpattya v biografiyakh i portretakh (z davnikh chasiv do pochatku XX st.)* [History of Transcarpathia in biographies and portraits (from ancient times to the beginning of the twentieth century)]. Uzhhorod: Patent.

Danilyuk, D.D. (2009) *Istoriczna dumka na Zakarpatti epokhi natsional'nogo vidrodzhennya (kinets' XVIII – seredina XIX st.)* [Historical thought in Transcarpathia of the epoch of national revival (the end of the 18th – the middle of the 19th century)]. Uzhhorod: Inform-vid. centr.

Dvornichenko, A.Yu. (2015) G.V. Vernadskiy ob Ukraine i ukrainskom voprose (k publikatsii stat'i G.V. Vernadskogo "Knyaz' Trubetskoy i ukrainskiy vopros") [G.V. Vernadsky about Ukraine and the Ukrainian question (articles by G.V. Vernadsky "Prince Trubetskoy and the Ukrainian question")]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya*. 2. pp. 57–79.

Dostal, M.Yu. (1997) Problemy zakarpatskogo natsional'nogo vrozozhdeniya v trudakh russkikh i ukrainskikh emigrantov v mezhvoennoy Chekhoslovakii [Problems of the Transcarpathian national revival in the works of Russian and Ukrainian emigrants in interwar Czechoslovakia]. *Slavyanovedenie*. 6. pp. 67–72.

Dostal, M.Yu. (2010) Ret.s.: [Vcheni Rosii pro Zakarpattya: Iz karpatoznavchoi spadshchini. Uzhgorod, 2009] [Review: Russian scientists on Subcarpathia. Uzhhorod, 2009]. *Slavyanovedenie*. 6. pp. 86–88.

Dostal, M.Yu. (2011) Istorik-emigrant A.V. Frolovskiy v Chekhoslovakii: strani-tsy nauchnogo tvorchestva [Emigre historian A.V. Florovsky in Czechoslovakia: pages of scientific creativity]. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 28. pp. 80–87.

Egorova, K.B. (2016) Podkarpatskaya Rus' v kontekste kul'turnogo mnogoyazychiya pervoy Chekhoslovatskoy Respubliki [Subcarpathian Rus in the context

of cultural multilingualism of the first Czechoslovak Republic]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya*. 4. pp. 198–210.

Kosachevskaya, E.M. (1971) *Mikhail Andreevich Balug'yanskiy i Peterburgskiy universitet pervoy chetverti XIX v.* [Michael A. Balaganskii and the University of St. Petersburg in the first quarter of the 19th century]. Leningrad: Leningrad State University.

Kubasov, Iv. (1905) Ivan Semenovich Orlay (Orlay de Carva) [Ivan Semenovich Orly]. In: Polovtsov, A.A. (ed.) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographic Dictionary]. St. Petersburg: Imperial Russian Historic Society. pp. 309–312.

Danilyuk, D.D. (2007) *Ivan Semenovich Orlej. Z naukovoї spadshchini* [Ivan Semenovich Orly. From the scientific heritage]. Uzhhorod: Uzhhorod National University.

Lapteva, T.N. (2014) Scientific heritage of A.V. Florovsky in the Archive of the RAS. *Vestnik arhivista*. 1. pp. 270–287 (in Russian).

Mazurok, O., Penyak, P. & Shavera, M. (2003) *Volodimir Vernadsk'kiy pro Ugors'ku Rus'* [Vladimir Vernadsky about Uhorska Rus']. Uzhhorod: [s.n.].

Savitskiy, I. (2001/2002) “Russkiy Oksford” v Prage 1919–1928 [“Russian Oxford” in Prague 1919–1928]. In: Arseniev, N.S. et al. (eds) *Zapiski russkoy akademicheskoy gruppy v SShA* [Transactions of the Association of Russian-American scholars in the USA]. Vol. 31. New York: Russian Academic Group. pp. 87–115.

Svetsitskiy, I.S. (1906) Obzor snosheniy Karpatskoy Rusi s Rossiey v pervuyu polovinu XIX v. Pamyati Aleksandra Nikolaevicha Pypina [An overview of the relations of Carpathian Rus to Russia in the first half of the 19th century. In memory of Alexander N. Pypin]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii Nauk*. 11(3). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 259–367.

Dyakov, V.A. (ed.) (1979) *Slavyanovedenie v dorevolyutsionnoy Rossii. Biobibliograficheskiy slovar'* [Slavic studies in pre-revolutionary Russia. A bio-bibliographic dictionary]. Moscow: Nauka.

Sorokina, M.Yu. (ed.) (2004) “Tam tak legko dyshitsya...”: Iz amerikanskogo arkhiva Georgiya Vernadskogo [“It is so easy to breathe...”: From the American archives of George Vernadsky]. *Diaspora: Novye materialy*. 6. pp. 620–696.

Florovsky, A.V. (1912) *Iz odesskoy stariny* [Old times in Odessa]. Odessa: [s.n.]. The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). *George Vernadsky Papers (GVP)*. Box. 11.

The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). *George Vernadsky Papers (GVP)*. Box. 43. M. Kritsky – G. Vernadsky. 1st October. 1922.

The Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). *George Vernadsky Papers (GVP)*. Box. 96. Lectures on Contemporary Russia.

Halperin, Ch.J. (1985) Russia and the Steppe: George Vernadsky and Eurasianism. *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 36. pp. 55–194.

Gerhard, J. (ed.) (1972) *Überlieferung und Auftrag. Festschrift für Michael de Ferdinandy zum 60. Geburtstag*. Wiesbaden: Verlag Pressler.

Vernadsky, G.V. (1939) European Trouble Zone. *The Yale Review*. 29(2). pp. 248–272.

Vernadsky, G.V. (1948) Review [S. H. Cross. Slavic Civilization through the Ages.

Edited, with a foreword, by Leonid I. Strakhovsky. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1948]. *Speculum*. 23(3). pp. 482–484.

Дворниченко Андрей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Andrey Yu. Dvornichenko – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.dvornichenko@spbu.ru

УДК 94(47).083

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/21

ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ АРИСТОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУСИНОВ*

М.В. Грибовский¹, С.Ф. Фоминых²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: mgrib@mail2000.ru

² E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Авторское резюме

Статья посвящена научному творчеству Федора Федоровича Аристова (1888–1932 гг.), которого можно назвать одним из наиболее крупных специалистов XX в. по истории и культуре и, в первую очередь, литературе русинов. В статье прослеживаются становление и жизненный путь ученого в дореволюционной России. В 1900-е гг. у Ф.Ф. Аристова, студента историко-филологического факультета Московского университета, возник интерес к культуре славянских народов. Делается заключение о том, что внимание к судьбам славян, живших в пределах Османской и Австро-Венгерской империй, было типичным для русского общества рубежа 1900–1910 гг. в условиях балканских войн и кануна Первой мировой войны. Рассматривается общественная и издательская деятельность Ф.Ф. Аристова в 1910-е гг. Акцент сделан на специфике деятельности профессора в советский период, который по объективным причинам оказался не самым благоприятным для продолжения его научных изысканий. Уникальным источником по истории жизни и творчества Ф.Ф. Аристова во второй половине 1920 – начале 1930-х гг. является переписка профессора с представителями Русского культурно-просветительного общества им. А.В. Духновича (Ужгород, Чехословацкая Республика), фрагменты которой были опубликованы в книге В.М. Разгулова «Аристов и Карпатороссия». По переписке можно судить о том, что представлял собой научный мир профессора Ф.Ф. Аристова незадолго до кончины, каковы были условия его работы, какие новые научные замыслы он вынашивал и что успел сделать. Делается вывод о том, что для Аристова, лишившегося в годы революции и гражданской войны значительной части своего архива, вынужденного работать не в специализированном научном учреждении и фактически невыездно, общение с единомышленниками было настоящей отдушиной, а также фактором,

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

стимулировавшим его научную деятельность. Пережив научный успех в достаточно молодом возрасте, драму утраты своих трудов и архивов в годы гражданской войны, Ф.Ф. Аристов сумел в непростые 1920-е вернуться в научной деятельности и оставить потомкам значительное научное наследие, которое не утратило своей ценности до сих пор.

Ключевые слова: Ф.Ф. Аристов, русины, литература, писатели, поэты.

FEDOR FEDOROVICH ARISTOV AS A RESEARCHER OF RUSINS*

M.V. Gribovskiy¹, S.F. Fominyh²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: mgrib@mail2000.ru

²E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Abstract

The article tells about the scientific work of Fedor Fedorovich Aristov (1888–1932), a most prominent specialist in history, culture and literature of the Rusins in the 20th century. The authors describe his formation and life in pre-revolutionary Russia. In the 1900s, F.F. Aristov, a student of history and philology at Moscow University, became interested in the culture of Slavic peoples. The interest to the fate of the Slavic peoples who lived in the Ottoman and Austro-Hungarian empires was typical of the Russian society at the turn of 1900–1910 during the Balkan wars and on the eve of the First World War. Analysing the public and publishing activities of F.F. Aristov, the authors focus on Soviet period, which, for objective reasons, was not the most favourable for his studies. A unique source on the history of life and work of F.F. Aristov in the second half of the 1920s – early 1930s is his correspondence with representatives of A.V. Dukhnovych Russian Cultural and Educational Society (Uzhhorod, Czechoslovak Republic), fragments from which were published in V.M. Razgulov's "Aristov and Carpathian Rus". It outlines the concept of Professor F.F. Aristov's scientific world shortly before his death, conditions he worked in, what new scientific ideas he had and what he managed to fulfill. Having lost a large part of his archive during the Revolution and Civil War, F.F. Aristov had to work in a non-specialised research institution and was banned to travelling abroad. However, he could communicate with the like-minded people, which became his escape and an impetus for his research. Having achieved scientific success at a young age, F.F. Aristov lost his works and archives during the Civil War, but managed to return

* The results were obtained under State Task of the Ministry of Education and Science of Russia, Project Nr. 33.1687.2017 / 4.6.

to scientific work in the difficult 1920s to leave a significant scientific heritage that has not lost its value so far.

Keywords: F.F. Aristov, Rusins, literature, writers, poets.

Русинскую проблему (этногенез, историю, культуру русинов) сложно отнести к пользующимся широкой популярностью среди ученых: историков, филологов, литературоведов, культурологов. Тем важнее актуализация научного наследия тех исследователей, которые внесли значительный вклад в изучение названной проблемы.

В XX в. одним из самых видных и плодовитых специалистов по истории и культуре русинов был московский профессор Федор Федорович Аристов (1888–1932 гг.), чья научная и просветительская деятельность уже становились в разные годы предметом внимания исследователей.

При жизни Ф.Ф. Аристова юбилейную статью, посвященную 25-летию деятельности профессора, написал литературовед и общественно-политический деятель Закарпатья П.С. Федор (Федор 1930).

В советское время, вплоть до 1950-х гг., имя Аристова было в забвении, но позднее все-таки смогли увидеть свет биографические очерки, написанные дочерью профессора Татьяной Федоровной и его коллегой, писателем, литературоведом, историком В.Р. Вавриком (Аристов, Ваврик 1959а; Аристов, Ваврик 1959b). В 1970-е гг. в связи с переизданием в США одного из основных трудов Ф.Ф. Аристова «Карпато-русские писатели» в качестве предисловия к книге вышло ценное и наиболее объемное биографическое исследование авторства Пантелеймона Юрьева (Юрьев 1977).

В новейшее время, помимо статей в энциклопедических изданиях (Энциклопедия Подкарпатской Руси 2001: 78–79; *Енциклопедія історії України* 2003: 120; Pop 2005) и исследований Т.Ф. Аристовой, посвященных отцу («Федор Федорович Аристов и карпаторусская проблема») (Аристов 1995), выходили работы слависта М.Ю. Досталь («Карпатовед Ф.Ф. Аристов о деятельности лидера русинского национального возрождения А. Духновича») (Досталь 2010), публициста и общественного деятеля В.М. Разгулова («Аристов и Карпатороссия») (Разгулов 2001); к научному наследию Ф.Ф. Аристова в кандидатской диссертации и ряде статей обращаются историк С.Г. Суляк (Суляк 2006; Суляк 2008), а также украинские исследователи О.С. Мазурок и Ю.И. Дичка (Мазурок, Дичка 2013: 179–207).

Несмотря на то, что, как свидетельствует приведенный выше краткий обзор, основные вехи биографии и направления научной деятельности Ф.Ф. Аристова известны, мы считаем необходимым более

подробно остановиться на специфике деятельности профессора в советский период, который оказался не самым благоприятным для продолжения его научных изысканий. Фокусирование именно на этом отрезке жизни Аристова позволяет поднять проблему бытования отечественных ученых в эпоху смены государственных режимов, когда многим научным работникам, в особенности гуманитариям, приходилось корректировать жизненные стратегии для того, чтобы продолжить занятия наукой.

Интерес Аристова к славянству формировался с юности и наглядно проявился во время обучения на историко-филологическом факультете Московского университета. Ему как человеку славянофильских взглядов была близка идея общеславянского единства. При этом его внимание фокусировалось на исторических судьбах и настоящем тех славянских народов, которые оказались в пределах иных государств, в первую очередь, конечно, в Австро-Венгерской империи.

В двадцатилетнем возрасте Ф.Ф. Аристов стал одним из инициаторов создания студенческого общества «Славия», был избран его председателем и на собраниях общества регулярно выступал с докладами о Карпатской Руси (Юрьев 1977: А-26).

Несмотря на то, что студенческое общество было довольно быстро закрыто, в скором времени общественная деятельность Аристова приобрела еще более широкий характер. В условиях балканских войн накануне Первой мировой проблематика судеб славянских народов, живших в пределах Османской и Австро-Венгерской империй, все более волновала русское общество и находила отклик в кругах интеллигенции.

Так возникло политическое общество с названием «Славия», секретарем которого стал Ф.Ф. Аристов, руководивший его издательской и лекционной работой. Помимо этого, он принимал участие в работе многочисленных культурно-просветительских славянских организаций, в т. ч. числе Галицко-русского общества, Славянского вспомогательного общества, Русско-чешского общества им. Яна Гуса, Словацко-русского общества им. Людовита Штура, Русско-хорватского общества им. Юрия Крижанича, Львовского общества им. Михаила Качковского и др. (Аристова 1995: 8).

В те же годы начиналась исключительно активная редакторская и издательская деятельность Ф.Ф. Аристова – редактирование журналов «Славянский путешественник» (Москва) и «Славянское объединение» (Москва), заведование славянским отделом в журнале «Русский архив» (Москва), сотрудничество с газетами «Славянин» (Санкт-Петербург), «Прикарпатская Русь» (Киев, затем Львов), «Речь» (Тифлис), еженедельником «Итоги жизни» (Москва). В названных изданиях

в 1910-х гг. появлялись исследования Ф.Ф. Аристова, посвященные творчеству М.Ф. Глушкевича, А.И. Добрянского, А.В. Духновича, В.Д. Залозецкого, И.Г. Наумовича и других литераторов, а также обзорные и обобщающие работы.

Незадолго до революции 1917 г. Ф.Ф. Аристов приступил к реализации двух главных научных проектов своей жизни – изданию многотомной «Библиотеки карпато-русских писателей» и трехтомной книги «Карпато-русские писатели».

Однако события революции и Гражданской войны круто изменили жизнь ученого. Грандиозным издательским планам не суждено было реализоваться. До революции ему удалось подготовить лишь несколько выпусков «Библиотеки...», куда вошли произведения О.А. Мончаловского, Д.А. Маркова, А.А. Полянского, А.В. Духновича и Ф.И. Свистуна, и вышел только один том «Карпато-русских писателей» (Аристов 1916). Архив ученого и фонды созданного им Карпаторусского музея были утрачены. Сам Ф.Ф. Аристов на несколько лет покинул Москву и поселился в Тифлисе, а затем в Феодосии. Лишь в 1922 г. он смог вернуться в новую столицу, где провел последние 10 лет своей жизни (Юрьев 1977: А-28).

1922–1926 гг. в профессиональном отношении оказались относительно благополучными для ученого. Ему удалось избраться профессором кафедры истории Востока Московского государственного университета. Одновременно он преподавал в Государственном институте журналистики. Однако в 1926 г. Аристов лишился работы и фактически не имел средств к существованию вплоть до 1928 г., когда ему удалось устроиться библиотекарем в школе ФЗУ при ткацкой фабрике «Трехгорка». Затем Ф.Ф. Аристов работал завучем школы, а в последние годы жизни – в Центральном научном институте сахара (Разгулов 2001: 30). При этом на протяжении 1920–1930-х гг. он неоднократно подвергался арестам. Был арестован и умер в ссылке его сын Юрий.

Однако относительная профессиональная стабильность последних лет позволила Ф.Ф. Аристову вернуться к делу его жизни. Именно на рубеже 1920–1930-х гг. после длительного перерыва отдельными брошюрами были опубликованы его работы об И.А. Дедицком (Львов, 1927), Ю.А. Яворском (Львов, 1928), И.И. Шараневиче (Львов, 1929), А.В. Духновиче (Ужгород, 1929), А.Ф. Кралицком (Ужгород, 1930), А.А. Полянском (Львов, 1930). Тогда же он подготовил свой третий крупный труд «Литературное развитие Подкарпатской (Угорской) Руси» (1928) и приступил к восстановлению пропавший в годы гражданской войны картотеки материалов, относящихся к культуре русинов (Юрьев 1977: А-37).

Важно понимать, что всю эту работу ученый проделывал благодаря собственному энтузиазму, не пользуясь сколько-нибудь значимой поддержкой со стороны государства или научных организаций. В этих условиях значительное место в последние годы жизни Ф.Ф. Аристова занимала переписка его с представителями Русского культурно-просветительного общества им. А.В. Духновича в Ужгороде (Чехословацкая Республика). Это была карпаторусская организация русофильского направления (Мазурок, Дичка 2013: 179–207).

До нас дошли лишь фрагменты этой переписки, впервые опубликованные в книге В.М. Разгулова, а позднее в статье О.С. Мазурока и Ю.И. Дички. По ним можно судить о том, что представлял собой научный мир профессора незадолго до кончины, каковы были условия его работы, какие новые научные замыслы он вынашивал и что успел сделать.

Для Ф.Ф. Аристова, лишившегося в предыдущие годы значительной части своего архива и вынужденного работать не в специализированном научном учреждении, фактически невыездного, общение с единомышленниками было настоящей отдушиной.

Буквально каждое новое письмо ученого в адрес правления общества содержит настоятельную просьбу писать ему чаще, больше и обстоятельнее: «Покорнейше прошу писать мне ежемесячно, дабы наша переписка носила строго планомерный, систематический характер, и я имел бы возможность быть в курсе всех научных культурных начинаний столько дорогой для меня Подкарпатской Руси» (Разгулов 2001: 55).

В письмах Аристову председатель общества делился с ним научными и издательскими планами, просил профессора присылать для публикации свои материалы, обращался к нему за советами по дальнейшей работе и т. п.

Ответы Ф.Ф. Аристова, как правило, были подробны и, что любопытно, часто носили назидательный характер. Он прямо указывал на ошибки, обнаруженные им в заданиях общества, причем делал это в стиле, не предполагающим возражений. Например, откликаясь на издание в трудах общества стихотворений Ю.И. Ставровского-Поправдова, Аристов заметил, что расположение произведений по их тематическому содержанию хотя, по его мнению, и облегчало чтение, но затрудняло изучение творчества поэта, поскольку не давало картины развития и совершенствования его таланта. Он предлагал как минимум привести в конце книги перечень всех сочинений писателя в хронологическом порядке («как это сделано, напр. [имер], мною в отношении творчества А.В. Духновича»), подчеркивая при этом, что портрет писателя был исполнен очень плохо, а в биографическом очерке нигде не было указано,

по какому стилю приводились даты, и, наконец, называл спорными некоторые суждения редактора о значении поэзии Ю.И. Ставровского-Поправдова (Разгулов 2001: 36–37). Приветствуя издание книги П.С. Федора «Краткий очерк деятельности А.И. Добрянского», Аристов отмечал, что «автор ее совершенно не подозревает о том, что жизни и деятельности этого карпаторусского великана я посвятил целых десять лет упорного труда и написал большое научное исследование на основании неизвестных источников» (Разгулов 2001: 38).

Очевидно, место, которое Ф.Ф. Аристов занимал в исследовании литературы русинов, позволяло ему так позиционировать себя в научном мире. Особый интерес ученого вызывали современные ему русинские писатели (А.В. Карабелеш, М.Д. Попович), с чьим творчеством 1910–1920-х гг. он был не очень глубоко знаком.

Переписка отразила принципиальные взгляды Ф.Ф. Аристова на карпатских (русинских) писателей и русинскую литературу. Он подчеркивал, что в силу исторических условий существования карпаторусских писателей в первую очередь необходимо было рассматривать как «народных деятелей», а не просто как литераторов (Разгулов 2001: 38–39).

Для Аристова не существовало «карпаторусской литературы», он изучал творчество карпаторусских писателей как представителей русской литературы: «[Карпаторусской] литературы нет (как нет, напр. [имер], литературы черногорской), а есть только русская литература, в состав которой входят общерусские и областные писали (белорусские, малорусские, карпаторусские и т.д.» (Разгулов 2001: 78). Вообще идею общерусского культурного единства можно назвать стрелом научных взглядов ученого.

Письма Ф.Ф. Аристова доносят до нас и его слабо скрываемые пессимистические нотки. Он часто сетовал на то, что сведения о литературной жизни карпатских писателей до него доходили с большим опозданием. Он был раздосадован условиями переписки (задержка почтовых отправок от нескольких месяцев до полугода), а главное – тем, что не имел возможности выехать в зарубежную командировку в Карпаты.

Увы, мечту поработать непосредственно там, где проживали карпаторусские писатели, Ф.Ф. Аристову так не удалось осуществить. Он скончался в своей московской квартире в ноябре 1932 г.

По словам дочери ученого, с его смертью в России была прервана нить в карпатоведении как в самостоятельном научном направлении (Аристов 1995: 5). С этим утверждением отчасти можно согласиться, однако интерес к данной теме, актуализировавшийся с начала 1990-х гг., вселяет надежду на появление новых исследований, посвященных изучению научного наследия профессора.

Ф.Ф. Аристов прожил короткую, но очень насыщенную жизнь. Загоревшись в юности идеей изучения литературы русинов, он уже не оставил этой страсти. Пережив научный успех в достаточно молодом возрасте, драму утраты своих трудов и архивов в годы гражданской войны, он сумел в непростые 1920-е вернуться в научной деятельности и оставить потомкам значительное научное наследие, которое не утратило своей ценности до настоящего времени.

ЛИТЕРАТУРА

Аристов 1916 – *Аристов Ф.Ф.* Карпато-русскіе писатели. Изсльдование по неизданнъм источникамъ. М., 1916. Т. 1. 350 с.

Аристова 1995 – *Аристова Т.Ф.* Федор Федорович Аристов и карпато-русская проблема // Аристов Ф.Ф. Литературное развитие Подкарпатской (Угорской) Руси. М., 1995. С. 3–11.

Аристова, Ваврик 1959а – *Аристова Т.Ф., Ваврик В.Р.* Ф.Ф. Аристов. 1888–1932 гг. // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М., 1959а. Вып. 27. С. 87–93.

Аристова, Ваврик 1959б – *Аристова Т.Ф., Ваврик В.Р.* Заметки о профессоре Ф.Ф. Аристове // Дукля [Чехословакия]. 1959б. № 1. С. 101–108.

Досталь 2010 – *Досталь М.Ю.* Карпатовед Ф.Ф. Аристов о деятельности лидера русинского национального возрождения А. Духновича // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1 (7). С. 57–62.

Разгулов 2001 – *Разгулов В.* Ф.Ф. Аристов и Карпатороссия. Б.м., 2001. 100 с.

Суляк 2006 – *Суляк С.Г.* Русины Молдавии: основные этапы этнической истории: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 206 с.

Суляк 2008 – *Суляк С.Г.* Русины: уроки трагической истории // Русин. 2008. № 3–4 (11–12). С. 7–34.

Федор 1930 – *Федор П.С.* Федор Федорович Аристов: (к 25-летию его науч.-лит. деятельности). Ужгород, 1930. 27 с.

Энциклопедия Подкарпатской Руси 2001 – Энциклопедия Подкарпатской Руси / Под ред. И. Попа. Ужгород, 2001. 431 с.

Юрьев 1977 – *Юрьев П.* Федор Федорович Аристов. Опыт литературной биографии писателя и историка литературы // Аристов Ф.Ф. Карпато-русскіе писатели. Бриджпорт; Коннектикут, 1977. Т. 1. А-14–45.

Энциклопедія історії України 2003 – Энциклопедія історії України / Редкол. В.А. Смолій (голова). Київ, 2003. Т. 1. 688 с.

Мазурок, Дичка 2013 – *Мазурок О.С., Дичка Ю.І.* З карпатознавчої спадщини (листування Федора Арістова з «Обществом им. А.В. Духновича») // Науковий вісник Ужгородського університету, серія «Історія». 2013. Вип. 1 (30). С. 179–207.

Pop 2002 – *Pop I.* Aristov, Fedor Fedorovich In: Magocsi P.R., Pop I. *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Toronto: University of Toronto Press, 2005. P. 15.

REFERENCES

Aristov, F.F. (1916) *Karpato-russkie pisateli. Izsledovanie po neizdannym istochnikam* [Carpatho-Russian writers. Based on unpublished sources.]. Vol. 1. Moscow: Tipografiya tov-va Ryabushinskikh.

Aristova, T.F. (1995) *Literaturnoe razvitie Podkarpatskoy (Ugorskoy) Rusi* [Literary development of Subcarpathian (Ugrian) Rus]. Moscow: [s.n.], pp. 3–11.

Aristova, T.F. & Vavrik, V.R. (1959a) F.F. Aristov. 1888–1932 gg. [F.F. Aristov. 1888–1932]. *Kratkie soobshcheniya Instituta slavyanovedeniya AN SSSR*. 27. pp. 87–93.

Aristova, T.F. & Vavrik, V.R. (1959b) Zаметки о профессоре F.F. Aristove [Notes on Professor F.F. Aristov]. *Duklya*. 1. pp. 101–108.

Dostal, M.Yu. (2010) Carpathianist F.F. Aristov about the activity of the leader of Rusin's national renaissance A. Dukhnovich. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1(7). pp. 57–62.

Razgulov, V. (2001) *F.F. Aristov i Karpatorossiya* [F.F. Aristov and Carpathian Rus]. [s.l.; s.n.].

Sulyak, S.G. (2006) *Rusiny Moldavii: Osnovnye etapy etnicheskoy istorii* [Rusins of Moldova: The main stages of ethnic history]. History Cand. Diss.

Sulyak, S.G. (2008) Rusiny: uroki tragicheskoy istorii [Rusins: Lessons of a tragic history]. *Rusin*. 3–4(11-12) pp. 7–34.

Fedor, P.S. (1930) *Fedor Fedorovich Aristov: (k 25-letiyu ego nauch.-lit. deyatel'nosti)* [Fedor Fedorovich Aristov: (to the 25th anniversary of his scientific and literary activity)]. Uzhhorod.

Pop, I. (ed.) (2001) *Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi* [Encyclopedia of Subcarpathian Rus]. Uzhhorod: V. Padjak.

Yuryev, P. (1977) Fedor Fedorovich Aristov. Opyt literaturnoy biografii pisatelya i istorika literatury [Fedor Fedorovich Aristov. The experience of the literary biography of the writer and historian of literature]. In: Aristov, F.F. (ed.) *Karpato-Russkiye pisateli* [Carpatho-Russian writers]. Vol. 1. Bridgeport: [s.n.], pp. A-14–45.

Smoly, V.A. (ed.) (2003) *Entsiklopediya istorii Ukraini* [Encyclopedia of Ukrainian History]. Vol. 1. Kyiv: NAS of Ukraine.

Mazurok, O.S. & Dička, Ū.I. (2013) Z karpatoznavchoї spadshchini (listuvannya Fedora Aristova z “Obshchestvom im. A.V. Dukhnovicha”) [From Carpathian heritage (correspondence of Feder Aristov with the “Society of A.V. Dukhnovich”)]. *Naukoviy visnik Uzhgorods'kogo universitetu, seriya “Istoriya”*. 1(30). pp. 179–207.

Pop, I. (2002) Aristov, Fedor Fedorovich [Fedor Aristov]. In: Magocsi, P.R. (ed.) *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Toronto: University of Toronto Press.

Грибовский Михаил Викторович – доктор исторических наук, доцент кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия).

Mikhail V. Gribovskiy – Tomsk State University (Russia).

E-mail: mgrib@mail2000.ru

Фоминых Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Россия).

Sergey F. Fominykh – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

УДК 141.30(477)“19”(092)
UDC
DOI: 10.17223/18572685/57/22

ФІЛОСОФСЬКО-РЕЛІГІЙНА ДУМКА ГАВРИЇЛА КОСТЕЛЬНИКА (АНАЛІЗ МАЛОВІДОМИХ ТА АРХІВНИХ ДЖЕРЕЛ)

Є.В. Нікольський¹, Н.Л. Юган²

¹ Ужгородська українська богословська академія
Україна, 88000, м. Ужгород, вул. Ю. Гойди, 4
E-mail: Eugenius-08@yandex.ru

² Київський національний університет ім. Т. Шевченка
Україна, 03022, м. Київ, вул. Васильківська, 36
E-mail: ugannl2@gmail.com

Авторське резюме

Проаналізовано маловідомі та архівні філософсько-релігійні роботи відомого бачванського русина, голови ініціативної групи по возз'єднанню УГКЦ з РПЦ протопресвітера Гавриїла Костельника (1886–1948). Деякі філософські праці Костельника були лише етапом філософського осмислення буття автором (теорії пізнання у «Три розправи про пізнання»). Інші розвідки мали потужний заряд критики: виходили далеко за рамки традиційно-догматичного католицького креаціонізму (наприклад, аналіз матеріалістично-атеїстичної доктрини та соціальних ідей у «Фільозофічнаа природна гадка», «Простір і вселенна») чи піддавали нищівній критиці основи філософії соціалізму-комунізму («Еволюція», «Розум», «Причини атеїзму», «Атеїст», «Матеріалізм» та ін.). Частина неопублікованих праць філософського характеру, що зберігаються в архіві Костельника, демонструють читачеві особливості власної філософської системи автора («Логіка»). Вона входила в протиріччя з усталеними нормативами логіки як науки та постулатами християнства (зв'язок свідомості та підсвідомості, стигматизація, перевтілення душ, езотерична термінологія, «почуття таїнственності» та ін.). Аналіз маловідомих та архівних джерел з архіву Костельника доводить, що протопресвітер був різноплановим науковцем з широкою ерудицією, мав критичне мислення та генерував оригінальні для свого часу філософсько-релігійні концепції (католицький модернізм).

Ключові слова: Гавриїл Костельник, українська філософська думка, архівні джерела, теорія пізнання, матеріалістично-атеїстична доктрина, соціалістичні ідеї.

ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ ГАВРИИЛА КОСТЕЛЬНИКА (АНАЛИЗ МАЛОИЗВЕСТНЫХ И АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

Е.В. Никольский¹, Н.Л. Юган²

¹ Ужгородская украинская богословская академия
Украина, 88000, г. Ужгород, ул. Ю. Гойды, 4
E-mail: Eugenius-08@yandex.ru

² Киевский национальный университет им. Т. Шевченко
Украина, 03022, г. Киев, ул. Васильковская, 36
E-mail: ugannl2@gmail.com

Авторское резюме

Проанализированы малоизвестные и архивные философско-религиозные работы известного бачванского русина, председателя инициативной группы по воссоединению УГКЦ с РПЦ протопресвитера Гавриила Костельника (1886–1948). Некоторые философские труды Костельника были только этапом философского осмысления бытия автором (теории познания в работе «Три расправы о познании»). Другие исследования несли мощный заряд критики: выходили за рамки традиционно догматического католического креационизма (например, анализ материалистически-атеистической доктрины и социальных идей в работах «Философская естественная мысль», «Пространство и вселенная») или критиковали основы философии социализма-коммунизма («Эволюция», «Разум», «Причины атеизма», «Атеист», «Материализм» и др.). Часть неопубликованных работ философского характера, хранящихся в архиве Костельника, демонстрирует читателю особенности собственной философской системы автора («Логика»). Она входила в противоречие с устоявшимися нормативами логики как науки и постулатами христианства (связь сознания и подсознания, стигматизация, перевоплощение душ, эзотерическая терминология, «чувство таинственности» и др.). Анализ малоизвестных источников из архива Костельника доказывает, что протопресвитер был разноплановым ученым с широкой эрудицией, имел критическое мышление и порождал оригинальные для своего времени философско-религиозные концепции (католический модернизм).

Ключевые слова: Гавриил Костельник, украинская философская мысль, архивные источники, теория познания, материалистически-атеистическая доктрина, социалистические идеи.

PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS THOUGHT OF GABRIEL KOSTELNIK (THE ANALYSIS OF UNDERSTUDIED AND ARCHIVAL SOURCES)

E.V. Nikolsky¹, N.L. Yuhan²

¹ Uzhhorod Ukrainian Theological Academy
4 Yu. Goyda Street, Uzhhorod, 88000, Ukraine
E-mail: Eugenius-08@yandex.ru

² Taras Shevchenko National University of Kyiv
36 Vasilkovskaja Street, Kyiv, 03022, Ukraine
E-mail: ugannl2@gmail.com

Abstract

The article analyses the understudied and archival philosophical and religious works of the famous Bachwana Rusin, Chairman of the initiative group on the reunification of the UGCC with the ROC, Protopresbyter Gabriel Kostelnik (1886–1948). While some of his philosophical works were only an interim stage in his philosophical understanding of being (the theory of cognition in “Three clues to cognition”), other studies carried a powerful charge of critique, going beyond the traditionally dogmatic Catholic creationism (for instance, the analysis of atheistic doctrine and social ideas in “Philosophical Natural Thought”, “Space and Universe”) or criticising the foundations of the socialism-communism (“Evolution”, “Reason”, “Causes of Atheism”, “Atheist”, “Materialism”, etc.). Some of the unpublished philosophical works from Kostelnik’s archive disclose the peculiarities of his philosophical system (“Logic”), which opposed the established norms of logic as a science and the postulates of Christianity (the connection of consciousness and subconsciousness, stigmatisation, reincarnation, esoteric terminology, “a sense of mystery”, etc.). The analysis demonstrates that the protopresbyter was a diverse scholar with broad erudition and critical thinking, who generated original philosophical and religious concepts (Catholic modernism).

Keywords: Gabriel Kostelnik, Ukrainian philosophical thought, archival sources, theory of cognition, materialist-atheistic doctrine, socialist ideas.

В останні роки увага суспільства до діяльності, наукового та творчого доробку відомого бачванського русина (з Руського Керестура), голови ініціативної групи по возз’єднанню УГКЦ з РПЦ протопресвітера Гавриїла Костельника (1886–1948) неухильно зростає. Продовжуються дискусії про місце Костельника в історії Української церкви (Мадей 2000; Петрук 2000; Мадей 2001; Мадей 2007; Петрук

2007; Гірник 2009; Загребельний 2014; Мірчук 2015; Коляда 2018 та ін.), активно вивчаються філософські праці вченого (Мірчук 2001; Кашуба, Мірчук 2002; Гірник 2006b; Гірник 2008a; Петрук 2014 та т. п.), аналізуються його оригінальна релігійна думка (Стеценко 2011; Загребельний 2013a; Загребельний 2013b; Загребельний 2015; Петрук 2015; Загребельний 2018a; Загребельний 2018b) та літературно-публіцистичні твори (Вежель 2001; Гірник 2008b).

У нашому дослідженні ми сконцентрували свою увагу на філософських творах протопресвітера, які у свою чергу тісно пов'язані з його релігійними роздумами та церковною діяльністю. Тема нашої статті набуває актуальності в силу того, що в запропонованому аналізі вперше вводяться в науково-дослідницький обіг окремі тексти філософа з «Архіву Костельника» – робочого архіву просвітника, збереженого Андрієм Савицьким (КДА (Київська духовна академія і семінарія)).

У монографії 2002 р. М. Кашуби та І. Мірчук вказано внесок Костельника у розвиток української релігійної філософії першої половини ХХ ст. Автори проаналізували концептуальний зміст поглядів релігійного філософа з онтології, гносеології, релігійної антропології, філософії історії, соціальної філософії, релігієзнавства. Автори довели, що Костельник дотримувався томістичного напрямку у філософії, поєднував релігійну антропологію з елементами неотомізму, позитивізму, католицького модернізму (Кашуба, Мірчук 2002).

Статті О. Гірника присвячено аналізу роздумів Костельника щодо проблем смислу буття та сенсу людського існування та призначення, ставлення держави до релігії та церкви, тенденцій десаκραлізації свідомості України, особливостей західного та східного обрядів, характеристик мислителя як неотоміста та релігійного модерніста (Гірник 2006b; Гірник 2008a). У статті Я. Петрук на основі аналізу друкованих та рукописних праць релігійного філософа вперше висвітлено його погляди на моральні поняття й проблеми. Продемонстровано, як вони творять цілісну етичну конструкцію в його філософській системі (Петрук 2014).

Але певні аспекти спадщини Гавриїла Костельника (гносеологічні, екзистенційні, полемічні, соціально-духовні) у наш час все ще недостатньо вивчено. Таким чином, тема нашої роботи актуальна, матеріал має наукову новизну.

Мета даної статті – проаналізувати філософсько-релігійні погляди Костельника на основі маловідомих та архівних джерел.

У широкому спектрі філософських досліджень просвітника можна умовно виділити три основні напрямки: теорія пізнання; аналіз матеріалістично-атеїстичної доктрини (зокрема еволюції) та соціалістичних ідей; намагання створити власну філософську систему.

Осмилення закономірностей пізнання було базовою платформою становлення Костельника як філософа, вони проводились у Фрайбурзькому університеті та знайшли своє відображення у роботі «De principiis Cognitionis Fundamentalibus» (1913), за яку о. Гавриіл був удостоєний звання доктора систематичної філософії. Теорії пізнання присвячені «Три розправи про пізнання» (1925), «Das Princip der Identitat – Grundlage aller Schlusse» (1929), «Ordo logicus» (1931), із яких фундаментальним опрацюванням даної проблеми у руслі позитивістської філософії є «Три розправи про пізнання» (Костельник 1925). Будучи надрукованою у Львові, ця робота здобула широку популярність по всій Європі завдяки тому, що пануючому на той час суб'єктивістському психоаналізу Костельник зумів аргументовано протипоставити зв'язок між пізнанням і природою, яку об'єктивно возводив до Творця.

Вже в передмові він проголошує своє кредо: криза культури зумовлена відходом від природи. Подолати її може тільки поворот до природи й до вищих інтуїцій, які дає нам природа. Відразу впадає у вічі науковий характер цього дослідження – автор ставить собі за мету роз'яснити природу та специфіку актів пізнання. Він детально характеризує свідомість та її ступені, підсвідоме, інтуїцію та різні види пізнання. Автор праці переконаний, що розумові треба вірити, а філософи це незаслужено відкидають: «Поворот до природи в пізнанні – це одинокий лік, який може оздоровити новочасну філософську думку» (Костельник 1925: 50–51). Це питання він розглядає на тлі аксіологічного вчення всіх європейських філософів, пояснюючи їх позицію та подаючи свій коментар. Він переконаний, що стара філософія, за винятком І. Канта, не сформувала питання про пізнання світу. Викладаючи у доступній і популярній формі погляди різних філософів, Костельник формулює свої висновки: основою нашого чуттєвого пізнання є інтуїція, яка надана нам природою; над нею стоїть розум, збудований для зв'язку з інтуїцією; враження, зображення і поняття не є речами, а образами речей; пізнання світу речей як і їх доцільність є властивою приналежністю одного лиш Творця.

Від моделі ідей Платона до постановки розуму над інтуїцією всупереч Канту – ці елементи стали складовими теорії пізнання Костельника. О. Гавриіл не продовжував ці розробки до якого-небудь логічного завершення та взагалі не працював над цією темою з 1931 р. Натомість наступний тематичний напрямок – аналіз матеріалістично-атеїстичної доктрини (зокрема еволюції) та соціалістичних ідей – властивий для всього творчого шляху Костельника, в буквальному розумінні цього слова – до останнього дня.

Вже на початку свого творчого шляху о. Гавриіл пише дві роботи

«Фільозофічнаа природна гадка» (1914) (*рукопис, укр., цитати грец. і лат.; Бачкерестур (в Руський Керестур). 181 с.*) та «Простір і вселена. Нова метафізична теорія» (1916) (*Ч. I–II, IV, VII–IX; укр., цитати грец. і лат.; Львів; 356 с.*) (Гірник 2006а: 89), які можна трактувати як його власну метафізичну теорію. Сентенції молодого автора виходили далеко за рамки традиційно-догматичного католицького креаціонізму, тому ці роботи не було видано. Вони існують тільки в рукописному варіанті.

Більш вагомі та значущі його роботи по висвітленню еволюційної теорії: «Еволюція» (1931) (укр.; 1 арк.); «Розум» (1933) (*рукопис, не закінч.; укр.; Мізунь; 8 с.*); «Людський родовід. Походження і становище людини на основі теорії прозябання» (1934) (рукопис; укр., цитати грец. і лат.; із 32 с. до 304 с.); «Гарбузова дочка. (Про душу рослин)» (б/д) (рукопис; не закінч.; укр., цитати лат.; 17 с.); «Людина в природі, її становище й походження на основі теорії прозябання» (б/д) (*рукопис; укр., цит. грец. і лат. 104 с.*); «Людина і звірина» (б/д) (*рукопис; незак.; укр.; 6 с.*) (Гірник 2006а: 89–92).

Загальний знаменник цих розробок можна окреслити як намагання співвіднести сучасні наукові досягнення із рамками неотомізму на фундаменті безапеляційного домінування Божої творчої сили. Спекулятивно-неоднозначну позицію у цьому напрямку займає лише одна робота – «Гарбузова дочка. (Про душу рослин)». За жанром вона швидше нагадує фантазію на тему наявності душі у рослин, проте остаточне судження зробити не має можливості, тому що робота не закінчена (AKd).

Аналіз атеїстичної доктрини займає найбільш вагоме місце і не втратив своєї актуальності до сьогодні. На початку 1921 р. з'являється перша робота цього циклу «Причини атеїзму» (*рукопис; укр., цитати грец. і лат.; 229 с.*) (AK; Гірник 2006а: 89). О. Гавриїл подає ґрунтовний аналіз порушеної проблеми у діапазоні від фізичного зла до суб'єктивних спотворень. До речі, останнім (незавершеним) твором стане «Психологія атеїзму», 12 сторінок якої буде написано за день до смерті Костельника – 19 вересня 1948 р. У цьому хронологічному діапазоні постали «Упадок релігії» (1940) (*рукопис; укр., цитати грец. і лат.; 257 с.*), «Віра в Бога» (*рукопис; укр.; 293 с.*) (1942), «Атеїст» (1943) (*рукопис; не закінч.; укр.; 112 с.*) (Гірник 2006а: 90–91).

Особливої уваги в руслі критичного аналізу основ атеїстичної доктрини заслуговує праця «Матеріалізм», написана у 1945 р. (*машинопис; укр.; 110 с.*) (Гірник 2006а: 91). Практично половину праці Костельник присвячує аналізу стародавньої грецької філософії, щоб показати, що матеріалізм не є якимось новим, революційним світоглядом, а мав своїх представників вже у грецькому античному світі.

Вдаючись до критичного аналізу новітнього матеріалізму, філософ шукає підтримки в самих же матеріалістів: аналізує працю німецького матеріаліста Людвіга Бюхнера «Kraft und Stoff» (Лайпціг, 1894), в якій, на його думку, помітна тенденція до утотоження енергії й матерії. Нові відкриття в природничих науках, на які покладалися прихильники матеріалістичного світогляду, а особливо біологія, вносили в матеріалізм все більше суперечностей: «Такі відкриття довели до неовіталізму, тобто, до погляду, що в органічній істоті є окрема життєва сила, додана до матерії – душа» (АКс: 83). Німецький хімік Оствальд остаточно відкинув матеріалізм, прийнявши енергію за окрему субстанцію. Це, на думку Костельника, було чимось новим у філософії: «Панспірітуалізм був відомий у філософії (Лейбніц, Берклі); а тепер прийшла черга й на паненергетизм. Це був знак часу – до якої міри енергія вже виемансипувалась у науці. Проти матерії піднялась уже й енергія. Т матеріалізм став розкладатися» (АКс: 84).

Не змогли врятувати матеріалізм соціалісти К. Маркс і Ф. Енгельс, які почали говорити про так званий «діалектичний матеріалізм». «Признавши матерії спроможність "діалектичного руху", соціалісти змішали матеріалізм з гегеліанізмом, зідеалізували, одуховили матерію. Такою матерією править "діалектичний рух", отже, гегеліанський логізм. Послідовно така матерія перестає бути матерією, а стає чимсь у роді Герлітового правою» (Костельник 1945: 88–89). Закінчує працю Костельник вердиктом матеріалізові: «Матеріалізм, як бачимо, це в першій мірі самогубство людини, як духової істоти» (АКс: 110).

Завдяки розвитку подій кінця ХІХ – початку ХХ ст. матеріалістично-атеїстична доктрина ставала підвалиною ідеї соціалізму-комунізму. Відслідковуючи цю закономірність, Костельник ще у 1919 р. пише твір «Границі демократизму» (Костельник 1919). Аналізуючи основні постулати соціалістичної доктрини – рівність людей, соціалізацію майна, громадянські свободи, а також стосунки між церквою та державою, дослідник доходить висновку, що соціалізм виріс з християнського кореня: «Новочасна ідея про рівність людей є нічим іншим, як застосування християнської ідеї про рівність всіх людей перед Богом» (Костельник 1919: 7). Між тим, соціальний суспільний порядок, як його змальовують прихильники соціалістичної доктрини, є утопією, бо люди рівні лише з точки зору природного закону, але не щодо права соціального. Не може бути абсолютної рівності громадян, бо існування держави – це вже передумова нерівності.

Цілковито абсурдною, на думку Костельника, є також інша ідея соціалізму – усупільнення майна. Автор праці стоїть на позиції священної недоторканості приватної власності, вважаючи суспільну власність аморальною через її насильність. Соціалістична теорія про

власність ґрунтується на тому, що приватну власність кожного держава вважає спільною, загальною власністю. Костельник детально та комплексно співставляє ці види власності й доходить висновку, що слабкість комуністичної теорії в нездійсненності, непрактичності, в нерозумінні того, що приватна власність потрібна кожній людині для підтримки індивідуального життя, є плодом праці особи і служить для самоствердження, морального щастя та індивідуальної свободи. Він переконаний, що праця для загалу ніколи не може та не зможе поступитися праці для себе. Більше того, обіцянки теоретиків комунізму не просто виходять за межі реальності, вони створюють реальну загрозу існуванню суспільства: захоплюючи своїми ідеями народні маси, вони не вказують, що ці ідеї існують лише у формі ідеалу – будь-які намагання їх реалізувати приведуть до суспільного колапсу (Костельник 1919: 70–79). Час довів, що ці прогнози справдилися. Утопічність соціалістичної доктрини апокаліптично метафоризована в образі її вождів-очільників, яких Костельник наділяє буквально демонічними властивостями у своїй праці «Наполеон і Сталін як представники духа свого часу» (Костельник 1933).

Найбільш цікава для нас його робота «Логіка». Ще на початку своєї наукової діяльності у 1922 р. о. Гавріїл пише підручник під такою назвою у рукописному розмірі 390 с. (АКа), викладаючи в ньому закономірності логіки як чітко визначеного спектру філософії. З плином часу переоцінка логіки трансформувалась у намагання створити синтез всього філософського спадку. Із цього задуму Костельнику вдалось написати лиш перший том машинописним розміром 383 с. у 1942 р.

На відміну від вузькоспеціалізованого підручника 1922 р. в основу своєї «Логіки» зразку 1942 р. (АКв) Костельник закладає міждисциплінарну платформу: «Поділ наук має тільки методичну вартість, а не органічну. В дійсності, всі науки зрослі з собою як органи одного організму... Логіку годі глибше розвинути без метафізики, психології та критеріології (теорії пізнання)... Це не буде змішування двох чи більше наук, тільки доповнення одної науки науками, що сусідують з нею» (АКв: 15–16). За задумом, такий підхід мав бути найдоцільнішим у формуванні переконань, співвідносних із досягненнями природничих наук. Насправді, результат виявився зовсім протилежним.

Уже в розділі «Вступних дефініційних пояснень» Костельник проводить нетиповий і незнаний у філософії поділ на природну та наукову логіку: «Справжня, природна, жива логіка – це людський розум при своїй праці. А наукова логіка – це рефлексія розуму на свою логічну працю. Але природної логіки ще ніхто не проаналізував наскрізь і ніколи не проаналізує. Як біологія не проаналізувала життя наскрізь, як психологія не проаналізувала душі, а фізика матерії, так наукова

логіка не проаналізувала і ніколи не проаналізує наскрізь людського розуму при його логічній праці» (АКb: 29). Головним завданням наукової логіки має стати відкриття, впорядкування й осмислення процесів природної логіки. Порушення цього співвідношення в бік наукової логіки, згідно Костельнику, призводить до самознищуючого наслідку: «Ніколи людство не було таке духовно розбите, таке затомізоване, як у наших часах. Майже кожен інтелегент має свою віру, свою метафізику, свою соціологію, свою політику. І лютує щоденно, безупинна війна всіх проти всіх. Модерне людство, яке в своєму засліпленні урало собі, ніби релігійні війни вже перевелися, в дійсності саме веде найжахливішу, вікову, релігійну війну, що загрожує безупинною революцією. Будинок людства на вершках науки і культури розсідається, розсипується – наче парламент, у якому немає більшості, здатної до проводу» (АКb: 9). Відновлення цього співвідношення має відбуватися в бік осмислення наукою основних даних, які людина отримує через природний інстинкт та природні інтуїції. Серед них основною є релігійна інтуїція.

Наступну сходинку в контексті наукової та природної логіки займає проблема свідомості. Не задовольняючись традиційно усталеними закономірностями, Костельник робить акцент на інстинкті та підсвідомості як основних засобах природного пізнання. І в цьому напрямку стверджує, що «звірі теж мають свідомість, тільки дещо слабшу від людини... Рослина, в свою чергу, стоїть між свідомим та несвідомим життям» (АКb: 92).

Якщо до цього моменту хід суджень Костельника в «Логіці» можна вважати з філософських позицій неоднозначно-спекулятивним, то наступні твердження стоять на відверто нехристиянських позиціях. Всупереч усталеним нормативам логіки як науки, всупереч Богоодкровенним постулатам християнства у розряді зв'язку свідомість-підсвідомість Костельник вводить потужний блок ірраціональних інсинуацій.

Наприклад, Костельник визнає можливість віщих снів. На його думку, цей факт може заперечувати «лише нерозумне упередження». Свої аргументи на користь віщих снів Костельник черпає із власних досліджень явищ стигматизації: «Я сам, досліджуючи наші стигматики, мав чи одну нагоду ствердити не тільки правдивість тих віщих снів, але й те, яким способом вони відбуваються. Стигматики, вийшовши духом із свого тіла, суґерують такі сні особам, котрим саме хочуть. А бувають і такі випадки, що душа якоїсь особи, зрештою нормальної, в часі сну виступає з тіла, іде десь у світ, щось там оглядає, і по пробудженні пригадує собі це, начеб їй снилося» (АКb: 101).

Так, о. Гавриїл виводить власне пояснення «перевтілення» душ:

«В більших розмірах ті дивні, парапсихологічні сили виступають у медіумійному трансі та в містичних екстазах. Я мав нагоду понад усякий сумнів ствердити, що душа стигматички може покинути своє тіло і являтися десь у далекому світі в різних видах (у своїй власній подобі, в подобі дитини, мужчини, пташки і т. ін.!) Та увільнена від свого тіла душа стигматички може ввійти в тіло іншої стигматички і тут заступити душу тієї стигматички, якої є тіло: годинами розмовляти, ходити, їсти, працювати (притім стигматичка задержує повну свою свідомість, своє знання і свій психічний характер; їй навіть здається, що вона в своєму власному тілі)» (АКб: 102). На думку автора «Логіки», такі «мандрівки» є поясненням того, як духи можуть входити в тіло людини.

Костельник впроваджує у свою «Логіку» термінологію, яка значною мірою перегукується з езотеричною термінологією. Зокрема, він говорить про психічну ауру: «А матеріал, що його маємо для аналізу техніки ясновидження, ще не зовсім вистачаючий. На основі даного матеріалу певне те, що ясновидці покористовуються психічною аурую своєю і чужих людей» Відтак він подає і пояснення самого терміну: «Психічна аура – це випромінювання внутрішніх переживань. Психічна аура в'яжеться з предметом, з яким дана людина сполучувала свої внутрішні переживання, і осідає на них. Подрібних законів психічної аури не знаємо» (АКб: 204). Те, що в часи Костельника слово «аура» почало широко вживатися окултистами, зовсім не означає їхньої монополії на нього. Від античних часів аура («віяння») – феномен, який, наприклад, зафіксувався в іконі. Сказати, що цей феномен остаточно вивчений, не можна навіть сьогодні. Визнання існування аури не є сигніфікацією антихристиянського світобачення.

Далі протягом майже сотні сторінок слідує відверто антропософські моделі взаємодії енергетики. Наприклад, «<...> душа кожної людини своїм випромінюванням обіймає цілу земну кулю і лучиться з другим світом<...>»; «Як енергії, що виходять з тіл (гравітації, магнетизм, електрика, світло...), уможливають тим тілам діяння на віддаль (action in distans), так і та аналогічна психічна техніка уможливорює душам діяння на віддаль (телепатію, ясновидження, сугестію на віддаль і т. ін.)»; «<...>все лишає на собі свій вічний "фільм", і ясновидці можуть з предмету вичитати його історію (т. зв. психометрія)» (АКб: 293).

Поверх антропософсько-езотеричної моделі Костельником вводиться термін «почуття таїнственності». Причому не дається вичерпної визначальної характеристики цього терміну: чи це містично-благоговієне сприйняття Таїнств Церкви, чи збірне визначення ірраціональних моментів. Це «почуття таїнственності» прописується в діапазоні від причини атеїзму до необхідної умови збереження віри:

«Я шукав за справжнім джерелом атеїзму і по кільканадцятьох роках передумання попав на відкриття, що тим джерелом є безбарвне почуття, яке я назвав чуттям буденности, чуттям нічогости, а тепер бачу, що найкраще можна його назвати чуттям безтаїнственности» (АКб: 106–109). «Щоб у нинішньому світі оберекти християнську віру, перш за все необхідно плекати почуття таїнственности». Адже «розумові докази конечні, але якщо вони не впадуть на канву почуття таїнственности, то їх сила буде ніяка, як коли засіяне зерно впаде на камінь» (АКб: 109). Можливо, найточнішим аналогом цієї «таїнственности» виступає дефініція «ірраціоналізм», що теж не є, в принципі, антихристиянським розумовим висновком.

Спекулятивно-дискурсивним є ще одне поняття «Логіки» Костельника, виокремлене ним в розділ «Наука про контрасти». Контрастність, згідно Костельнику, пронизує все наше буття від матерії до Христа, який «найкраще збагнув гру контрастів... Смиренність при власті, вбогість духа при багатстві, спокій духа в нещасті... – таке згармонізування контрастів відповідає дійсному складові етичних контрастів» (АКб: 340–349).

Загальна світоглядна концепція Костельника не замикається у рамках християнства, а виражається черговим новотвором під назвою «Згармонізований плюралізм»: «Коли порожній простір приймемо за самостійну, субстанціальну істоту, як про те всі рації свідчать, то інвентар цілого природнього світу ось так представлятиметься: порожній простір + матерія із своїми енергіями + царство рослин із своїми душами + царство звірят із своїми душами + людина із своєю душею. Це згармонізований плюралізм, а не монізм і не дуалізм» (АКб: 38). Всі ці ірраціонально-світоглядні спекуляції розміщуються нижче верховного принципу, який ніколи не піддається Костельником навіть найменшому сумніву: верховним творцем і першопричиною всього є Бог.

Таким чином, ми можемо зробити висновок, що значна кількість праць філософсько-релігійного спрямування Костельника є мало-відомими (надруковані у 20-х рр. ХХ ст. невеликим накладом та не перевидані; наприклад, «Три розправи про пізнання») чи залишилися в архівах («Еволюція», «Розум», «Гарбузова дочка», «Людина і звичка», «Причини атеїзму», «Атеїст», «Логіка» та ін.). Існує декілька причин такої ситуації. По-перше, деякі філософські праці Костельника були лише етапом філософського осмислення буття автором (наприклад, теорії пізнання у «Три розправи про пізнання»). Інші розвідки мали потужний заряд критики: виходили далеко за рамки традиційно-догматичного католицького креаціонізму (наприклад, аналіз матеріалістично-атеїстичної доктрини та соціальних ідей у «Фільозофічнаа

природна гадка», «Простір і вселенна») чи піддавали нищівній критиці основи філософії соціалізму-комунізму («Еволюція», «Розум», «Людина і звірина», «Причини атеїзму», «Атеїст», «Матеріалізм» та ін.). Третя частина неопублікованих праць філософського характеру, що зберігаються в архіві Костельника, демонструють читачеві особливості власної філософської системи автора («Логіка»). Вона входила в протиріччя з усталеними нормативами логіки як науки та постулатами християнства (зв'язок свідомості та підсвідомості, стигматизація, перевтілення душ, езотерична термінологія, «почуття таїнственності» та ін.). Аналіз маловідомих та архівних джерел з архіву Костельника доводить, що протопресвітер був різноплановим науковцем з широкою ерудицією, мав критичне мислення та породжував оригінальні для свого часу філософсько-релігійні концепції (католицький модернізм).

Перспективою досліджень у цьому напрямку є аналіз усіх матеріалів архіву Костельника, зокрема листування протопресвітера, релігійних, літературних та філологічних праць.

ЛІТЕРАТУРА

АК – Архів Костельника. Т. XVIII. Спр. 006–008. Костельник Г. Причини атеїзму. Л., 1920–1921.

АКа – Архів Костельника. Т. XII. Спр. 004. Костельник Г. Логіка. Л., 1922.

АКв – Архів Костельника. Т. XX. Спр. 001–002. Костельник Г. Логіка як аналіз техніки людського думання. I том. Л., 1942.

АКс – Архів Костельника. Т. II. Спр. 003. Костельник Г. Матеріалізм. Л., 1945.

АКd – Архів Костельника. Т. III. Спр. 001. Костельник Г. Гарбузова дочка (про душу рослин). [Без дати].

Вежель 2001 – *Вежель Л.* Гавриїл Костельник як журналіст і літературний критик: дис. ... канд. філол. наук. К., 2001. 198 с.

Гірник 2006а – *Гірник О.* Архів Гавриїла Костельника // Український археографічний щорічник. 2006. Вип. 10/11. С. 83–98.

Гірник 2006б – *Гірник О.* Гавриїл Костельник як філософ на порозі нової наукової парадигми // Історія релігій в Україні: Наук. щорічник. 2006 рік. Львів, 2006. Кн. II. С. 61–69.

Гірник 2008а – *Гірник О.* Гавриїл Костельник як представник католицького філософського модернізму // Історія релігій в Україні: Наук. щорічник. 2008 рік. Львів, 2008. Кн. II. С. 77–85.

Гірник 2008б – *Гірник О.* Пошук ідентичності як «*principium movens*» творчості Гавриїла Костельника // Костельник Г. *Ultra posse*. Вибрані твори / упорядк. та передм. О. Гірника. Ужгород, 2008. С. 17–89.

Гірник 2009 – *Гірник О.* Світогляд Гавриїла Костельника – ідейний вибух сповільненої дії // Патріярхат. 2009. Число 1 (410). Січень-лютий. С. 21–23.

Загребельний 2013а – *Загребельний І.* Концепція «світу як вічної школи»

- Г. Костельника в оптиці богословської проблеми теодицеї // Філософські обрії. 2013. № 29. С. 154–161.
- Загребельний 2013b – *Загребельний І.* Політичні ідеології як форми секуляризму в інтерпретації Гавриїла Костельника // Держава і церква в новітній історії України: зб. статей. Полтава. 2013. С. 356–361.
- Загребельний 2014 – *Загребельний І.* Погляди Г. Костельника: церква і держава. URL: <http://politonomia.org.ua/page/o-maslak-pohliady-h-kostelnyka-tserkvu-i-dergavu.html> (останній погляд: 29.07.2019)
- Загребельний 2015 – *Загребельний І.* Бачення Г. Костельником взаємовідносин Церкви і держави в контексті розвитку католицької соціальної доктрини // Держава і церква в новітній історії України: зб. статей. Полтава, 2015. С. 158–165.
- Загребельний 2018a – *Загребельний І.* Іманентизація релігійного досвіду у творчості Гавриїла Костельника // European philisiphical and historical discourse. 2008. Vol. 4, is. 2. С. 165–169.
- Загребельний 2018b – *Загребельний І.* Особливості апологетичного підходу Гавриїла Костельника // Схід. 2018. № 1 (153). Січень-лютий. С. 103–107.
- Кашуба, Мірчук 2002 – *Кашуба М., Мірчук І.* Гавриїл Костельник: філософські погляди. Дрогобич: Вимір, 2002. 140 с.
- Коляда 2018 – *Коляда Г.* Отець Г. Костельник: контроверсійність портрету (іст.-біогр. нарис) // Історія в школі. 2018. Серпень-вересень. С. 1–11.
- Костельник 1919 – *Костельник Г.* Границі демократизму (Соціальна студія). Львів: НТШ, 1919. 220 с.
- Костельник 1925 – *Костельник Г.* Три розправи про пізнання. Л.: [б.в.], 1925. 199 с.
- Костельник 1933 – *Костельник Г.* Наполеон і Сталін як представники духа свого часу. Л., 1933.
- Мадей 2000 – *Мадей Н.* Гавриїл Костельник і Львівський собор 1946 р. // Вісник Львівського університету. Серія: Філософські науки. 2000. Вип. 1. С. 128–137.
- Мадей 2001 – *Мадей Н.* Концепція української греко-католицької церкви Г. Костельника в контексті історії уніатських церков: дис. ... канд. іст. наук. Л., 2001. 187 с.
- Мадей 2007 – *Мадей Н.* Концепція Української греко-католицької церкви Г. Костельника // Гавриїл Костельник на тлі доби: пошук істини: зб. наук. пр. Львів; Ужгород, 2007. С. 175–182.
- Мірчук 2001 – *Мірчук І.Л.* Філософські погляди Гавриїла Костельника: дис. ... канд. філос. наук. Л., 2001.
- Мірчук 2015 – *Мірчук І.Л.* Ідеологічні пошуки Гавриїла Костельника в контексті української національної ідентичності // Людинознавчі студії. Серія: Філософія. 2015. Вип. 32. С. 170–181.
- Петрук 2000 – *Петрук О.* Відвертість віри та трагедія о. Гавриїла Костельника // Поступ. 2000. № 107 (551). С. 10.
- Петрук 2007 – *Петрук О.* Гавриїл Костельник і радянська влада (1939–1941) // Гавриїл Костельник на тлі доби і пошук істини. Зб. наук. пр. Львів; Ужгород, 2007. С. 182–195.

Петрук 2014 – *Петрук Я.* Етичні погляди у філософській системі Гавриїла Костельника // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія: Філософія. 2014. Вип. 16. С. 79–89.

Петрук 2015 – *Петрук Я.* Атеїзм як релігія у розумінні Гавриїла Костельника // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Серія: Філософія. 2015. Вип. 17. С. 75–86.

Стеценко 2011 – *Стеценко В.* Гавриїл Костельник – оригінальний релігійний мислитель і філософ // Вісник Львівського університету. Серія: Філософія. 2011. Вип. 14. С. 113–123.

REFERENCES

Kostelnik, G. (1920–1921) *Prichini ateizmu* [Reasons for atheism]. The Archive of G. Kostelnik. Vol. XVIII. Spr. 006–008. Lviv.

Kostelnik, G. (1922) *Logika* [Logic]. The Archive of G. Kostelnik. Vol. XII. Spr. 004. Lviv.

Kostelnik, G. (1942) *L'ogika yak analiza tekhniki lyuds'kogo dumannya* [Logic as analysis of human cognition technique]. The Archive of G. Kostelnik. Vol. 20. Spr. 001–002. Lviv.

Kostelnik, G. (1945) *Materializm* [Materialism]. The Archive of G. Kostelnik. Vol. 2. Spr. 003. Lviv.

Kostelnik, G. (n.d.) *Garbuzova dochka (pro dushu roslin)* [Pumpkin daughter (about the soul of plants)]. The Archive of G. Kostelnik. Vol. 3. Spr. 001.

Vezhel, L. (2001) *Gavriil Kostel'nik yak zhurnalist i literaturniy kritik* [Gabriel Kostesnik as a journalist and literary critic]. Philology Cand. Diss. Kyiv.

Hirnyk, O. (2006a) Arkhiv Gavriiła Kostel'nika [The Archive of Gabriel Kostelnik]. *Ukrains'kiy arkheografichniy shchorichnik*. 10/11. pp. 83–98.

Hirnyk, O. (2006b) Gavriil Kostel'nik yak filosof na porozi novoї naukovoї paradigmi [Gabriel Kostesnik as a philosopher on the threshold of a new scientific paradigm]. In: Bilik, Z., Dashkevich, Ya. & Moravska, L. (eds) *Istoriya religiy v Ukraini* [History of Religion in Ukraine]. Vol. 2. Lviv: Logos. pp. 61–69.

Hirnyk, O.O. (2008a) Gavriil Kostel'nik yak predstavnik katolits'kogo filosof's'kogo modernizmu [Gabriel Kostelnik as a representative of Catholic philosophical modernism]. In: Bilik, Z., Dashkevich, Ya. & Moravska, L. (eds) *Istoriya religiy v Ukraini* [History of Religion in Ukraine]. Vol. 2. Lviv: Logos. pp. 77–85.

Hirnyk, O. (2008b) Poshuk identichnosti yak “principum movens” tvorchosti Gavriiła Kostel'nika [Search for identity as “principum movens” of Gabriel Kostelnik's works]. In: Kostelnik, G. *Ultra posse. Vibrani tvori* [Ultra posse. Selected Works]. Uzhhorod: Grazhda. pp. 17–89.

Hirnyk, O. (2009) Svitoglyad Gavriiła Kostel'nika – ideyniy vibukh spovil'nenoi dii [The worldview of Gabriel Kostelnik – an ideological explosion of a delayed action]. *Patriyarkhat*. 1(410). pp. 21–23.

Zagrebelny, I. (2013a) Kontsepsiya “svitu yak vichnoi shkoli” G. Kostel'nika v

optitsi bogoslovs'koï problemi teoditsei [The concept of “world as an eternal school” by G. Kostelnik in the optics of the theological problem of the theodicy]. *Filosofs'ki obrii*. 29. pp. 154–161.

Zagrebelny, I. (2013b) Politichni ideologii yak formi sekulyarizmu v interpretatsii Gavriila Kostel'nika. In: *Derzhava i tserkva v novitnyy istorii Ukraïni*. Poltava: National Pedagogical University. pp. 356–361.

Zagrebelny, I. (2014) *Poglyadi G. Kostel'nika: tserkva i derzhava* [G. Kostelnik's views: church and state]. [Online] Available from: <http://politonomia.org.ua/page/o-maslak-pohliady-h-kostelnyka-tserkvu-i-dergavu.html> (Accessed: 29st July 2019).

Zagrebelny, I. (2015) Bachennya G. Kostel'nikom vzaemovidnosin Tserkvi i derzhavi v konteksti rozvitku katolits'koï sotsial'noï doktrini. In: Stepanenko, M.I. (ed.) *Derzhava i tserkva v novitnyy istorii Ukraïni*. Poltava: National Pedagogical University. pp. 158–165.

Zagrebelny, I. (2018a) Imanentizatsiya religiyного dosvidu u tvorchosti Gavriila Kostel'nika [Imanization of religious experience in the work of Gabriel Kostelnik]. *European Philosophical and Historical Discourse*. 4(2). pp. 165–169.

Zagrebelny, I. (2018b) Osoblivosti apologetichnogo pidkhdodu Gavriila Kostel'nika [Features of the apologetic approach of Gabriel Kostelnik]. *Skhid*. 1(153). pp. 103–107.

Kashuba, M. & Mirchuk, I. (2002) *Gavriil Kostel'nik: filosofs'ki poglyadi* [Gabriel Kostelnik: philosophical views]. Drohobych: Vimir.

Kolyada, G. (2018) Otets' G. Kostel'nik: kontroversiynist' portretu (ist.-biogr. naris). *Istoriya v shkoli*. August – September. pp. 1–11.

Kostelnik, G. (1919) *Granitsi demokratizmu (Sotsiyal'na studiya)* [The Borders of Democracy (Social Studies)]. Lviv: NTSh.

Kostelnik, G. (1925) *Tri rozpravi pro piznannya* [Three clues to cognition]. Lviv: [s.n.].

Kostelnik, G. (1933) *Napoleon i Stalin yak predstavniki dukha svogo chasu* [Napoleon and Stalin as the signs of their time]. Lviv: [s.n.].

Madey, N. (2000) Gavriil Kostel'nik i L'vivs'kiy sobor 1946 r. [Gabriel Kostelnik and Lviv Convocation in 1946]. *Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriya: Filosofs'ki nauki*. 1. pp. 128–137.

Madey, N. (2001) *Kontseptsiya ukraïns'koï greko-katolits'koï tserkvi G. Kostel'nika v konteksti istorii uniats'kikh tserkov* [The Concept of the Ukrainian Greek Catholic Church by G. Kostelnik in the context of the Unian Churches History]. History Cand. Diss. Lviv.

Madey, N. (2007) Kontseptsiya Ukraïns'koï greko-katolits'koï tserkvi G. Kostel'nika. In: Garasim, Ya. (ed.) *Gavriil Kostel'nik na tli dobi: poshuk istini*. Lviv; Uzhhorod: Lviv National University. pp. 175–182.

Mirchuk, I.L. (2001) *Filosofs'ki poglyadi Gavriila Kostel'nika* [Philosophical views of Gabriel Kostelnik]. Philosophy Cand. Diss. Lviv.

Mirchuk, I.L. (2015) Ideologichni poshuki Gavriila Kostel'nika v konteksti ukraïns'koï natsional'noï identichnosti [Ideological search of Gabriel Kostelnik in the context of Ukrainian national identity]. *Lyudinoznavchi studii. Seriya: Filosofiya*. 32. pp. 170–181.

Petruk, O. (2000) Vidvertist' viri ta tragediya o. Gavriiła Kostel'nika. *Postup*. 107(551). pp. 10.

Petruk, O. (2007) Gavriil Kostel'nik i radyans'ka vlada (1939–1941). In: Garasim, Ya. (ed.) *Gavriil Kostel'nik na tli dobi: poshuk istini*. Lviv; Uzhhorod: Lviv National University. pp. 182–195.

Petruk, Ya. (2014) Etichni poglyadi u filososfs'kyy sistemi Gavriiła Kostel'nika [Ethical Views in the Philosophical System of Gabriel Kostelnik]. *Naukovi zapiski Natsional'nogo universitetu "Ostroz'ka akademiya". Seriya: Filosofiya*. 16. pp. 79–89.

Petruk, Ya. (2015) Ateizm yak religiya u rozuminni Gavriiła Kostel'nika [Atheism as a religion in the understanding of Gabriel Kostelnik]. *Naukovi za-piski Natsional'nogo universitetu "Ostroz'ka akademiya". Seriya: Filosofiya*. 17. pp. 75–86.

Stetsenko, V. (2011) Gavriil Kostel'nik – original'niy religyinyi mislitel' i filosof [Gabriel Kotesnnik is an original religious thinker and philosopher]. *Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriya: Filosofiya*. 14. pp. 113–123.

Никольский Евгений Владимирович – доктор богословских наук, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры богословия и истории церкви Ужгородской украинской богословской академии (Украина).

Нікольський Євген Володимирович – доктор богословських наук, доктор філологічних наук, професор, професор кафедри богослов'я та історії церкви Ужгородської української богословської академії (Україна).

Evgeny V. Nikolsky – Uzhhorod Ukrainian Theological Academy (Ukraine).

E-mail: Eugenius-08@yandex.ru

Юган Наталья Леонидовна – доктор филологических наук, доцент подготовительного отделения Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Украина).

Юган Наталія Леонідівна – доктор філологічних наук, доцент підготовчого відділення Київського національного університету ім. Т. Шевченка (Україна).

Natalia L. Yuhan – Kiev National Taras Shevchenko University (Ukraine).

E-mail: ugannl2@gmail.com

УДК 94(477.8):821.161.2"1918/1932"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/23

ПОВОЄННІ РОКИ ЖИТТЯ РУСИНІВ БУКОВИНИ В ЕПІСТОЛЯРІЇ ОЛЬГИ КОБИЛЯНСЬКОЇ

О.О. Драч

Київський університет ім. Б. Грінченка
Україна, 04212, м. Київ, вул. Тимошенка, 13-Б
E-mail: o.drach@kubg.edu.ua

Авторське резюме

Продуктивне освоєння предметного простору еґо-історії є однією з актуальних завдань історіописання щодо вивчення минувшини соціокультурної практики індивіда. Основою нашого дослідження стала публікація 12 листів О.Кобилянської за період із 1918 по 1932 р. із діячами УНР (Микитою Шаповалом та його дружиною Ольгою Шаповал, Павлом Богацьким), що зберігаються у фондах ЦДАВО України. Студіювання епістолярію буковинської письменниці скеровано на виявлення умов і обставин життя місцевих українців міжвоєнного періоду. Вхідження Буковини до складу Королівства Румунії спричинило політику румунізації в регіоні. О.Кобилянська, яка вже визнана частиною українського літературного канону і проживала в Чернівцях, стала символом національного виживання місцевих українців. Рефлексія повсякденних подій у листуванні подається авторкою крізь призму їхньої значущості і проблемності для літньої письменниці, загальним тлом чого слугує постійне переосмислення загальної української справи. Безпорадність перед життєвими обставинами, такими, як високі ціни і нестача продуктів харчування, відсутність власного житла і проживання в родичів, холод у помешканні, брак надійних джерел доходу та життя в борг, маклерські оборудки при обміні валюти, погіршення стану здоров'я та тривалий інформаційний вакуум щодо рідних і знайомих, виявляє аналіз епістолярію Кобилянської. Способом виживання самотньої хворої письменниці стає посильна підтримка як місцевих українців, так і допомога коштами і видавничими проектами зарубіжного українства. Наскрізно в листуванні О.Кобилянської присутній мотив контролю вихідної інформації (своїх та адресатів) як ознаки несвободи суспільної атмосфери в підрумунській Буковині.

Ключові слова: Ольга Кобилянська, епістолярій, Чернівці, підрумунська Буковина, міжвоєнна доба, українці, повсякденне життя.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ ЖИЗНИ РУСИНОВ БУКОВИНЫ В ЭПИСТОЛЯРИИ ОЛЬГИ КОБЫЛЯНСКОЙ

О.О. Драч

Киевский университет им. Б. Гринченко
Украина, 04212, г. Киев, ул. Тимошенко, 13-Б
E-mail: o.drach@kubg.edu.ua

Авторское резюме

Продуктивное освоение предметного пространства эго-истории является одной из актуальных задач историописания в контексте изучения ретроспективы социокультурной практики индивида. Источниковой базой исследования стала публикация 12 писем О. Кобылянской, написанных с 1918 по 1932 г. деятелям УНР (Никите Шаповалу и его жене Ольге Шаповал, Павлу Богацкому), хранящихся в фондах ЦГАВО Украины. Изучение эпистолярия буковинской писательницы направлено на выявление условий и обстоятельств жизни местных украинцев межвоенного периода. Вхождение Буковины в состав Королевства Румыния обусловило политику румынизации в регионе. О. Кобылянская, ставшая к тому времени украинским литературным каноном и проживавшая в Черновцах, была символом национального выживания местных украинцев. Рефлексия повседневных событий в ее переписке представлена сквозь призму их значимости и проблемности для умудренной годами писательницы, общим фоном чему служит постоянное переосмысление украинского движения. Беспомощность перед жизненными обстоятельствами, такими, как высокие цены и нехватка продуктов питания, отсутствие собственного жилья и проживание у родственников, холод в доме, недостаток надежных источников дохода и жизнь в долг, маклерские сделки при обмене валюты, ухудшение состояния здоровья и длительное отсутствие вестей от родных и знакомых, выявляет анализ эпистолярия Кобылянской. Способом выживания одинокой больной писательницы становятся как всевозможная поддержка местных украинцев, так и помощь средствами и издательскими проектами зарубежного украинства. В переписке О. Кобылянской постоянно присутствует мотив контроля исходящей информации (своей и адресатов) как признак несвободы общественной атмосферы в подрумынской Буковине.

Ключевые слова: Ольга Кобылянская, эпистолярий, Черновцы, подрумынская Буковина, межвоенный период, украинцы, повседневная жизнь.

POST-WAR YEARS OF LIFE OF BUKOVINIAN RUSINS IN OLHA KOBYLIANSKA'S EPISTOLARY

O.A. Drach

Borys Grinchenko Kyiv University
13-B Tymoshenko Street, Kiev, 04212, Ukraine
E-mail: o.drach@kubg.edu.ua

Abstract

Productive development of the ego-history subject space is a most crucial task of historical writing in terms of the individual's socio-cultural practice retrospective. This research is based on the correspondence between O. Kobyljanska and the figures of the UPR (Nikita Shapoval and his wife Olga Shapoval, Pavlo Bogatsky) in 1918–1932. The twelve letters were found in the Central State Archives of Higher Bodies of Ukraine. The study of the Bukovinian writer's epistolary aims at revealing the live conditions and circumstances of local Ukrainians in the interwar period. The inclusion of Bukovina in the Kingdom of Romania led to Romanisation of the region. O. Kobyljanska, who lived in Chernivtsi and had already become part of the Ukrainian literary canon, was recognised by local Ukrainians as the symbol of the national survival. The reflection of everyday routine in her correspondence is represented through the prism of their role for the elderly writer in the context of constant rethinking of the Ukrainian movement. The analysis of Kobyljanska's collection of letters demonstrates that she was helpless in the face of hard life circumstances, such as high prices, lack of food, lack of own house (she had to live at her relatives), cold, no reliable source of income, living in debt, brokerage deals in currency exchange, deterioration of health and long lasting lack of information about relatives and friends. The lonely sick writer was supported by local Ukrainians and received the financial support and invitations to participate in publishing projects from Ukrainian émigré. Her correspondence reveals the motif of control over outgoing information (hers and that of addressees) as the sign of unfreedom in the public atmosphere in sub-Romanian Bukovina.

Keywords: Olha Kobyljanska, epistolary, Chernivtsi, sub-Romanian Bukovina, inter-war period, Ukrainians, everyday life.

Продуктивне освоєння предметного простору еґо-історії є однією з актуальних завдань історіописання щодо вивчення соціокультурної практики ставлення людини до світу, формування індивідуальної історичної пам'яті. Листування являє собою значущий соціальний спосіб комунікації і мислення, головною функцією якого є поєднання відтворення і роздумів. При аналізі особистого епістолярію варто враховувати глибинний зв'язок текстів листів із культурно-історич-

ною епохою, що їх породжує. Як стверджують французькі дослідники, інтимні тексти одного покоління досить схожі, оскільки пишуть особи, занурені в одну й ту саму історичну ситуацію, які є свідками рівночасних подій і опиняються перед однаковими проблемами (Lejeun 2005: 31).

Фактографічний підхід до вивчення еґо-документів О. Кобилянської засвідчено в радянську добу. Вкрай важливим для розуміння світогляду письменниці й обставин її життя має видання документалістики, а саме щоденників, автобіографії, спогадів і листів (Кобилянська 1982).

Нині українські науковці демонструють антропоцентричний погляд на листування письменниці, аналізуючи їх крізь призму гендерної проблематики, пошуку жіночої ідентичності і відтворення фемінної свідомості. Дослідницею С. Богдан реалізовано спроби відтворити епістолярний образ О. Кобилянської за листами Л. Українки (Богдан 1994). С. Павличко акцентувала увагу науковців на еротичному вимірі листів О. Кобилянської і Л. Українки, який символізує виклик традиційній патріархальній культурі і переосмислення жіночої сексуальності модерної епохи (Павличко 1999). Т. Гундорова на основі зіставлення оригінальної та документальної творчості О. Кобилянської, а також епістолярних текстів простежила ґенезу її меланхолійного стану, постійної межовості її творчої натури (Гундорова 2002).

Дослідження епістолярного діалогу між О. Кобилянською і О. Маковеєм стала праця М. Павлишина, в основі якої комплексний аналіз інтимних листів письменниці до адресата, більшість із яких донині перебуває в рукописних фондах (Павлишин 2008). Вивчення інтимного листування О. Кобилянської з адресатами-чоловіками (О. Луцький, В. Стефанік) дало можливість через дослідження екзистенціального концепту «Я – Інший» доповнити біографічний образ письменниці, додати нові штрихи до реконструкції її психообразу (Ільків 2016). Відзначимо і ґрунтовний біографічний нарис про життя і творчість О. Кобилянської, який здійснив давній дослідник її персоналії В. Вознюк (Вознюк 2012).

Відкриття автентичного психологічного образу О. Кобилянської ще попереду, адже зі 176 листів, що збереглися до нашого часу, опубліковано лише 67, решта й надалі перебуває в рукописному вигляді. Публікаційна активність зазвичай підвищується у зв'язку з черговими ювілеями літераторки. Приміром, до 150-річчя від дня народження видатної письменниці опубліковано маловідомі документи з фондів Державного архіву Чернівецької області про життєвий і творчий шлях О. Кобилянської, її роль у громадському житті регіону (Масіян 2013).

Підкреслимо, що значний масив епістолярної спадщини О. Коби-

лянської (понад 100 листів) зберігаються у фондах Центрального державного архіву вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України). До вищезгаданого ювілею письменниці провідним науковим співробітником архівної установи К. Криворучко опубліковано 12 листів Кобилянської до Микити Шаповала та його дружини Ольги Шаповал, Павла Богацького за період із 1918 по 1932 р. із фондів ЦДАВО України (Криворучко 2013). Видання цих унікальних документів національного архівного фонду становить джерельну базу нашого дослідження.

Студювання повоєнного епістолярію О. Кобилянської з діячами УНР (М. Шаповалом, П. Богацьким) уможливує з'ясування загальних процесів у конкретному локусі реального життя підрумунської Буковини. У ході дослідження розглядали листування як спосіб самовираження письменниці і фіксації життєвих подій, де втілено рефлексії авторки щодо повсякденного буття, пережиті нею почуття й емоції. Вивчення індивідуального досвіду буковинської письменниці, втіленого в її епістолярії, допоможе більш детально осмислити обставини життя місцевих українців міжвоєнного періоду.

Зауважимо, що уже в дівочому щоденнику О. Кобилянська визначила для себе завдання стати справжньою русинкою («гадка одна, котра тепер душу мою пригріває, єсть: бути русинков цілов душов»), що передбачало оволодіти письмом українською («відтепер лише по-руськи хочу писати») (Кобилянська 1982: 64). Подальші тексти та дії О. Кобилянської підтримують наратив про її самоідентифікацію як людини, жінки, представниці інтелігенції, члена української нації (Кобилянська 1982: 96). З огляду на це, аналіз її епістолярію набуває значущості не лише для реконструкції умов і обставин повсякденного життя в Чернівцях повоєнної доби, а й з'ясування місцевого політичного контексту і соціокультурної атмосфери буття українців у підрумунській Буковині.

В умовах розпаду Австро-Угорської імперії під кінець Першої світової війни Буковину окуповано військами Королівства Румунії. Післявоєнні міжнародні договори підтвердили включення регіону до румунської держави. Політика румунізації, що здійснювалася в Буковині, скеровувалася на примусову асиміляцію українців, наслідком чого стало зникнення шкіл з українською мовою викладання. У Північній Буковині з 1918 по 1928 р. тривав «стан облоги», під час якого можливості політичної самоорганізації українців суворо обмежувалися. За таких умов О. Кобилянська – найвідоміша письменниця Буковини й української літератури загалом – стала символом культурного і національного виживання місцевих українців (Павлишин 2008: 232).

Дійсно, на той час Кобилянська стала частиною українського літературного канону. Пошана до літературного канону – риса спільна для європейських суспільств, перетворених у процесі побудови модерних націй (Павлишин 2008: 7). Сама письменниця оцінює свою просвітницьку місію національної справи («боролася на свій лад») на Буковині досить скромно, оскільки проживала далеко від гурту лідерів УНР, за інших обставин і була дуже самотня (Лист 6: 157).

Попри відокремлення від інших центрів українського життя, Кобилянська в міжвоєнний період опинилася в двох силових взаємовиключних полях українського національного концепту (Павлишин 2008: 232). Вона публікувалася у Львові та Празі, де українські журнали і видавництва в більшості були об'єднані навколо ідеї незалежної, єдиної небільшовицької України. Водночас, з розвитком процесів українізації в УСРР твори О. Кобилянської почали виходити там великими накладками. Звернемося до аналізу епістолярію письменниці, щоб з'ясувати коло нагальних проблем і духовну атмосферу окресленої доби.

У листі до М. Шаповала за грудень 1918 р. авторка кваліфікує як «велику дотеперішню біду» повернення Буковини «під румунський караул», що стало фіналом Великої війни (Лист 1: 148). Глибину внутрішнього сум'яття від карколомних подій О. Кобилянська пояснює тим, що не пише вже протягом трьох місяців. У листі вона окреслює тогочасні обставини життя в Чернівцях: «хліба не можна дістати, дров також ні, хіба за високу ціну», «водночас будь-якої матеріальної допомоги немає від кого чекати». (Лист 1: 148). У той самий час румунська влада вимагає від населення «здавати муку і скидати австрійські мундири», які також підлягали конфіскації (Лист 1: 149). За таких обставин – «коло мене голод і холод» – письменниця вимушена жити в борг, наслідком чого є постійні докори сумління («день і ніч гризуся тим») і погіршення самопочуття («упадаю дуже на здоров'я») від ситуації безвихіддя. Її поетично-чуттєва натура страждає від повсякденних «упокорень і понижень... ради кусника хліба», які поглиблює відповідальність за утримання «сироти по сестрі, своєї старої доглядачки... і слуги». (Лист 1: 148).

О. Кобилянська наполегливо просить адресата надіслати хоча б частину – 3 тис. крб – з обіцяного їй літературного гонорару (20 тис.), оскільки отримала від червня 1918 р. тільки тисячу крб. Прикметно, що єдиним надійним каналом передачі коштів із Києва до Чернівців в умовах фіналу Великої війни лишається доправлення їх через близьких знайомих письменниці («свояк Галі Бурачинської з Бергомету, професор учительської семінарії Іван Боднар») (Лист 1: 148). Скупі рядки з листа адресантки підтверджують загальну тенденцію

відсутності в регіоні сталого правопорядку в умовах військово-політичних трансформацій, аргументом чого є прохання літньої самотньої жінки до М. Шаповала лишити решту гонорару у себе, оскільки «зараз страшно більше грошей держати». (Лист 1: 148). Для надійності отримання так потрібних їй коштів Кобилянська чітко окреслила бажану валюту – австрійські банкноти, так як «інші гроші тепер тут не приймуть» (Лист 1: 149).

Окрім важких побутових обставин, О. Кобилянська осмислює суспільні реалії від краху Австро-Угорської імперії та встановлення румунської влади в Буковині: замість культури – «голод, муки і несправедливість», майже повна інформаційна ізоляція («всі ми замкнені від світу і нічого не знаємо, хіба якісь непевні відомості») (Лист 1: 148). Письменниця не приховує від М. Шаповала власний стан творчої кризи, коли жодна книжка не цікавить, «манускрипт закинений, а то що рвалось нове на верх... осталося у душі і глумиться», задуманий до написання «Острів мертвих» не виходить утілити (Лист 1: 148).

Складну суспільну атмосферу, в якій україномовній письменниці доводиться жити і творити за румунської влади, О. Кобилянська підтверджує майже в кожному листі до адресатів. «Живемо у великій напруженні», «не все можна писати», – такими словами адресантка інформує про реалії буття станом на листопад 1919 р. (Лист 2: 149). Навесні 1920 р. письменниця поглибила характеристику умов повсякдення: «...не всі можуть тепер говорити, а я також тепер страшними обставинами засуджена на мовчання» (Лист 3: 150). Побіжні фрази з епістолярію наводять на думку, що авторка передбачала можливість перлюстрації її листів і, прагнучи уникнути додаткових проблем, відверто повідомляла про це своїх адресатів – лідерів української справи.

Тривалий інформаційний вакуум щодо долі «добрих і щирих прихильників» творчості письменниці з Наддніпрянської України засвідчує лист до П. Богацького (лютий 1921 р.), перші рядки якого виявляють щиросердну її радість від довгоочікуваної обізнаності станом справ. Кобилянська нарікає на власну недостатню поінформованість («коло мене не багато чувати»), яку вона пов'язує з віддаленістю від європейських культурних процесів («дуже терплю під тим, що я так далеко від Європи») (Лист 5: 156). Отже, аналіз рядків листування дає підстави для твердження, що провідна літераторка Буковини особисто відчула глибину змін духовної атмосфери, як наслідку включення регіону до складу Румунії

Листування з М. Шаповалом на початку 1920-х рр. стало для О. Кобилянської важливим каналом отримання актуальної інформації щодо української справи на еміграції, у т. ч. відзначення «ювілею» письменниці (35-річчя літературної діяльності) у Празі. Газету з відо-

мостями про зазначену подію вона просить його надіслати: «Я тут тієї газети ніде не дістану... до нас не доходять жодні галицькі часописи. Заборонено» (Лист 6: 158). Вмотивоване прохання адресантки засвідчує інформаційну блокаду, в якій опинилися підрумунські українці повоєнної доби.

В епістолярії письменниці неодноразово виявляє свою зацікавленість бути в курсі спільних справ («подавайте мені від часу до часу те, що можна буде в листі подавати»). Отже, незважаючи на налагодження життя у повоєнну добу, звичка контролювати вихідну інформацію ще міцно вкорінена в свідомість інтелектуалки. Також вищенаведені фрази з листа засвідчують наявність контролю румунської влади за кореспонденцією україномовних підданих у Буковині.

Додаткове психоемоційне напруження О. Кобилянської викликала нерегулярна робота пошти, що зумовлювала тривале очікування листів і навіть не отримання окремих із них (Лист 6: 157). У першому листі до М. Шаповала вона з прикрістю констатувала, що від червня до грудня 1918 р. не надійшло жодного листа від адресата (Лист 1: 148). За таких умов перевіренним джерелом відомостей для письменниці лишаються особисті контакти з прихильниками української справи («колишня приятелька Євшана»), з яких вона принагідно дізнавалася про події в середовищі зарубіжного українства, у т. ч. й на Галичині (Лист 6: 158). Приватним способом доходили до Чернівців іноземні часописи, в яких літераторка з нетерпінням («мов голодна») відшукувала знайомі прізвища. Разом з тим подальші рядки листування розкривають нерегулярність таких зв'язків: «до нас лиш десь колись дійде потайки якась часопис з далеку» (Лист 7: 159).

Наприкінці весни 1922 р. письменниці уже отримала від М. Шаповала разом із листами і перші два номери часопису «Нова Україна», що додало їй наснаги після тривалої хвороби (Лист 7: 159). Вона висловлює щире вдячність редакції «Нової України» і своєму адресату за запрошення до друку в новоорганізованому часописі (Лист 8: 162).

Складна суспільно-політична ситуація змушувала буковинських українців бути вкрай обережними в контактах, з огляду на що О. Кобилянська (1922 р.) надсилає лист до Х. Алчевської (Радянська Україна) не їй особисто, а переадресовує його М. Шаповалу (Чехословаччина) для подальшого відправлення адресатці. Мотивація таких дій літньої письменниці позначена змістовною фразою: «бо в нас не вільно». Кобилянська інформує П. Богацького про доцільність вказати на поштової картці до неї адресу німецьку, оскільки в іншому разі не дійде («у нас д. погано») (Лист 8: 161).

Певні паростки стабілізації суспільного життя в Буковині засвідчує лист письменниці (травень 1922 р.), в якому вона розкриває

М. Шаповалу плани місцевої громади щодо підготовки до видання збірки її новел до «ювілейного року». Побіжні слова епістолярію характеризують буковинських українців – «ще молода і бідна та громадка», яка втім обрала досить прагматичну стратегію розвитку: шляхом видавництва творів званої на той час О. Кобилянської зміцнити фінансове становище осередку і заявити про національні запити пошануванням ювілею літераторки (Лист 7: 159). До речі, самі громадівці визнавали, що «обставини, серед яких живемо, не дозволяють нам вшанувати творчу працю нашої славної Письменниці так, як цього нам бажається» (Масіян 2013: 178). Наведені рядки опосередковано підтверджують непросту суспільно-політичну атмосферу в регіоні. Водночас активісти національної справи в Чернівцях були обізнані з життям зарубіжного українства, зокрема в Чехословаччині, а тому планували зробити нарис М. Шаповала «Панна в прозі» про письменницю передмовою до майбутньої книги.

Листування розкриває обставини відновлення громадського життя в Буковині. Активісти підрумунської України обрали перевірений шлях просвітництва, задля чого розпочали друк національної літератури і започаткували єдиний у регіоні часопис «Промінь» для публікації місцевих авторів. Природно, що гурт звернувся до О. Кобилянської – найавторитетнішої україномовної письменниці – за матеріалами для видання. У буковинському часописі «Промінь» надруковано її оповідання «Василка». Виданням останніх новел О. Кобилянської окремими брошурами розраховували акумулювати кошти для української справи в Буковині (Лист 8: 161).

Інформацію щодо ситуації в більшовицькій Україні О. Кобилянська отримала від брата Олександра, який через сім років російського полону, наприкінці 1921 р., повернувся до Буковини. Утім, почуті відомості виявилися не дуже оптимістичними. Її давня знайома Х. Алчевська посивіла, «живе в злиднях» і бажала б переїхати жити до Чернівців. Але Кобилянська сумнівається «чи впаде?». У листі до М. Шаповала літераторка нарікає на сумну долю України, «відколи її не її щирі діти топчуть і марнують», образ якої уподібнює до «сонця, що тепер лиш заслонено кривавою ослоною, але вона колись впаде» (Лист 7: 159). Утім, письменниця не втрачає надії і вважає, що майбутнє української справи залежить від людського чинника («людей нам треба – сильних характером, знанням і чеснотою... щоб на них будувати можна як на скалі») (Лист 6: 158). Вона вірить у краще життя, хоча в щоденному вирі клопотів навколо «стільки несправедливості», що «вмерти хочеться» (Лист 9: 163).

О. Кобилянська осмислює обставини української національної справи в контексті світової історії. З огляду на це духовним порятун-

ком від зневіри на еміграції М. Шаповалу пропонує праці Р. Тагора, оскільки «індійці витерпіли під пануванням англійців, так само перебуваємо і ми» (Лист 7: 160).

Засмучує літню письменницю духовна атмосфера віддаленості від Європи і тогочасних літературних процесів, що стала особливо відчутною в підрумунській Буковині. Водночас вона радіє з того, що зможе посилено допомагати просувати ідею європейського україномовного часопису, організованого емігрантами в Празі. Готові літературні доробки письменниця надсилала голові української дипломатичної місії в Румунії у 1919–1923 рр. К. Мацієвичу (Лист 5: 156). Нею рухає величезне бажання «покоління просвітників» принести як найбільше європейської культурності своєму народові. Разом із тим вона стурбована чи вистачить у неї сил, а найголовніше чи будуть сприятливі зверхні обставини («Чи буду мати ще сили і зовнішнього спокою?»), що певною мірою засвідчує невпевненість літньої літераторки у завтрашньому дні. Подекуди відчуття самотності Кобилянської поглиблювало зверхнє ставлення до неї окремих діячів української справи. Своєму постійному адресату П. Богацькому вона зізнається, що її не вважали за потрібне повідомити, особливо консул К. Мацієвич, про можливість передати йому листа до Чехословаччини (Лист 8: 161). Тому звістка про смерть її найкращого приятеля М. Шаповала стала для письменниці страшним ударом («Чи се можливо, щоб його не було... не було далі кому працювати?» (Лист 10: 163). Втішаючи його вдову Ольгу Філаретівну, Кобилянська щиро зізнається наскільки розуміє її «самітність і осиротілість» (Лист 11: 164).

Спасала письменницю від самотності, безраднісного повсякдення і матеріальної скрути винятково творчість, навіть без сподівань на публікацію («пишу, хоч не скоро друкувати буду») (Лист 6: 158). Ці рядки з епістолярію опосередковано підтверджують, що в підрумунській Буковині україномовна література не була затребувана. Щоб не втратити своє творче єство («не згубити тут себе в тім глухім циганським болоті») в непрості часи румунської влади О. Кобилянська студіює новітню німецькомовну літературу («зачитуватись в "Європу"»), у т. ч. й перекладну («почасти й Азію») (Лист 7: 160).

Епістолярій О. Кобилянської містить чимало деталей побутових обставин повсякденного життя в підрумунській Україні, зокрема в Чернівцях. Приміром, вижити протягом 1919 р. письменниці допомогли кошти надіслані навесні М. Шаповалом. О. Кобилянська відновила роботу з літературним агентом (І. Лизанівський) щодо видання власних творів, на гонорари з яких вона дуже сподівалася. Часткове залагодження матеріальних аспектів буття покращило творчий стан письменниці: вона інформує адресата, що «має гарні і поважні мотиви

до оброблення». Утім, гнітить немолоду жінку відсутність власного помешкання у Чернівцях, оскільки стомилася «волочитись з кута в кут, так як досі» (Лист 2: 149).

Наступний лист (жовтень 1920 р.) О. Кобилянської сповнений щирoserдної подяки Шаповалу за його сприяння в отриманні допомоги від ліги українських письменників («у квоті 20 тисяч німецько-австрійських корон»). Його текст містить цінну інформацію про валютно-обмінні операції за румунської влади. Письменниця нарікає на невивідний обмінний курс у Чернівцях, у зв'язку з чим зазнала значних втрат і на руки отримала «ледве що третю частину (три тисячі 60 леїв)» надісланих коштів. Скаржиться вона і на невиконання обіцянок деяких поважних добродіїв виміняти ту допомогу в Бухаресті на лєї чи «проштемпелювати румунською stampілією», щоб не було втрат при обміні в Чернівцях (Лист 4: 155). З огляду на викладені обставини літераторка наполегливо прохає адресата в разі подальшої допомоги вчинити більш раціонально, щоб не було втрат. Аналіз матеріалів листа дає підстави для твердження про безпорадність пересічних буковинців в умовах повoенної нестабільності соціально-економічного життя перед різного роду ділками в сфері фінансово-валютних операцій, що користалися складною процедурою обміну грошей за румунської влади у віддаленому регіоні.

Як свідчить аналіз епістолярію О. Кобилянської, економічне становище в регіоні суттєво не покращилося навіть за кілька років. Навесні 1923 р. немолода письменниця нарікає на погіршення продовольчої ситуації і суттєве дорожчання продуктів харчування («мабуть будем їсти раз на місяць»). Її прогнози невтішні: «наших урядників жде найбільший голод і остануться на старість бездомні і без хліба» (Лист 9: 162). Некраща ситуація із опаленням помешкань, оскільки дрова дістати в Чернівцях складно. Взимку 1922–1923 рр. протриматися О. Кобилянській допоміг молодий лісничий, який постачав їй дрова безоплатно. Бажаючи віддячити своєму рятувальнику за турботу, письменниця просить М. Шаповала допомогти придбати в Берліні спеціальну літературу з фаху для студіювання людині, яка того варта, – «дуже здатному і чесному українцю», «поважному і коректному» з глибокими знаннями лісничо-інженерної справи. Прикметно, що літераторка, мотивуючи своє прохання, підкреслила, що такі особи між українцями («нашими людьми») зустрічаються рідко (Лист 9: 163).

З огляду на скрутні побутові обставини О. Кобилянська безмежно вдячна адресату за сприяння в наданні їй стипендії, яку вона отримувала через віденський банк у розмірі 2941 леїв і 15 банів (за березень 1923 р.). Така фінансова допомога забезпечувала письменниці певний продуктивно-творчий стан.

Листування О. Кобилянської розкриває чимало деталей повсякденного життя містян. Зокрема щодо роботи пошти в підрумунській Буковині, то епістолярій письменниці містить чіткі вказівки на затримки листів: «Ваш лист з 26 грудня 1921... довго ішов, і не раз було... що не доходив» (Лист 6: 157). Рядки чергового листа письменниці підтверджують нерегулярність поштових відправлень, так як Кобилянська одержала всі три листи М. Шаповала одночасно з двома примірниками щойно заснованого часопису «Нової України», надісланих адресатом (Лист 7: 159).

Прикметно, що ситуація з функціонуванням пошти в регіоні не покращилася і за десять років по тому. В листі до О. Шаповал письменниця повідомляє, що надсилає їй лист до С. Русової, який адресатка має передати спільній знайомій. Кобилянська принагідно інформує про отримання поштової картки від Русової, надісланої не на її адресу (Лист 11: 164). Отже, листування буковинської літераторки з діячами української справи із зарубіжжя підтримувалося не завжди шляхом прямих поштових відправлень. Лист письменниці до О. Шаповал свідчить, що надіслану їй книжку «Ляхоманія» Кобилянська так і не одержала. Вона не лише висловлює жаль з цього приводу, а й шукає більш надійні варіанти поштової пересилки їй до Чернівців зазначеного видання. Письменниця пропонує надіслати книжку Польщі на адресу редакції «Нова хата» (Львів, пл. Ринок), а в середину вкласти конверт з позначкою «для О. Кобилянської». Вона сподівалася, що редакторка часопису Л. Бурачинська зможе її якось переслати, у разі якщо і від польського кордону не буде завернено (Лист 12: 165). За умови, що запропонований варіант не спрацює, Кобилянська планувала звернутися до пресового бюро в Бухаресті для замовлення доставки видання. Також письменниця рекомендує О. Шаповал по смерті чоловіка подавати вісточки про себе листівками, оскільки оплата іноземної кореспонденції недешева («багато тепер стоїть, то і вам буде тяжко») (Лист 12: 165).

Розглянемо більш детально побутові умови проживання, представлені в епістолярії Кобилянської. На січень 1922 р. письменниця жила досить скромно: «мала дві кімнати у брата Юліана, де був гарний садок». Матеріальний аспект буття змусив її до продажу шмату свого невеликого господарства на селі. Немолода жінка зізнається, що маклер, користуючись її непрактичністю, «ошукав мене добре з землею» і суттєво побаришував на цьому («годна ще так як він пожити з років 20–30, аби дочекатись зі своїх книжок маєтку») (Лист 6: 158).

Наступним випробуванням для О. Кобилянської стала смерть Юліана, яка означала не лише втрату дорогого брата, а й опікуна і щирого

приятеля (Лист 8: 161). Душу письменниці ятрили біль і самотність, але вона докладала зусилля для відновлення психологічної рівноваги і повсякденного буття («треба забути якимось інакше життя уладнати і далі жити»).

В епістолярії О. Кобилянської постійно присутній матеріальний аспект життя, що побічно підтверджує його гостроту для літньої жінки, яка мріє зібрати кошти для поїздки на курорт (Навгейм у Гессені) з метою оздоровлення (Лист 7: 160). Подальші листи підтверджують реалізовані влітку 1922 р. плани письменниці щодо курортного лікування в Саксонії. Цілющі купелі, які вона приймала, лише частково і тимчасово покращили здоров'я літераторки. Серйозність проблем зі станом здоров'я О. Кобилянської підтверджують як нарікання дописувачки щодо хворого серця, частково паралізованої ноги, втомлюваності від системності водних процедур, неможливості перебувати на ногах понад $\frac{3}{4}$ години, так і власне особистість адресата – П. Богацький – чоловік, якому вона не соромиться відкривати приватні обставини свого життя (Лист 8: 161).

За десять років по тому в листі до О. Шаповал літня письменниця зізнається, що «час так скоро минає і так мало що потішаючого приносить» (Лист 11: 164). Зауважимо, що врешті-решт покращать її матеріальне становище гонорари за публікації в Радянській Україні, уможливллять купівлю будинку в Чернівцях, де вона мешкала впродовж останніх п'ятнадцяти років життя. Також вона одержить пенсію від українського радянського уряду (Павлишин 2008: 233).

Отже, аналіз епістолярної спадщини О. Кобилянської є важливим джерелом не тільки для переосмислення особистості видатної письменниці, її світогляду, ціннісних орієнтирів, розуміння життєвого та творчого шляху. Що найголовніше, її листування віддзеркалює суперечливу міжвоєнну добу 1918–1939 рр., коли Буковина опинилася в складі Королівства Румунії, отже населення мало пристосовуватися до незворотних змін у політико-правовій і соціально-економічній сфері, побутовій культурі і менталітеті. Рефлексія повсякденних подій подається О. Кобилянською крізь призму їхньої значущості і проблемності для літньої письменниці, загальним тлом чого слугує постійне переосмислення загальної української справи. Безпорадність перед життєвими обставинами в Чернівцях, такими, як високі ціни і нестача продуктів харчування, відсутність власного житла і проживання в родичів, холод у помешканні, відсутність надійних джерел доходу та життя в борг, маклерські оборудки, погіршення стану здоров'я та тривалий інформаційний вакуум щодо рідних і знайомих, виявляє аналізований епістолярій Кобилянської. Способом виживання самотньої хворої україномовної письменниці стає посильна підтримка

небайдужих з місцевої громади, а також допомога коштами і видавничими проектами зарубіжного українства. Наскрізно в листуванні О. Кобилянської присутній мотив контролю вихідної інформації (своїх та адресатів) як ознаки несвободи суспільної атмосфери в підрумунській Буковині.

ЛІТЕРАТУРА

Богдан 1994 – *Богдан С.* «Мій хтосічку, мій з папороті цвіте...» (Епістолярний образ Ольги Кобилянської: психолінгвістичний етюд) // *Культура слова*. К., 1994. Вип. 45. С. 54–60.

Вознюк 2012 – *Вознюк В.* Ольга Кобилянська: Нарис. Харків: Фоліо, 2012. 160 с.
Гундорова 2002 – *Гундорова Т.І.* *Femina melancholica*. Стаття і культура в гендерній утопії Ольги Кобилянської. Київ: Критика, 2002. 272 с.

Ільків 2016 – *Ільків А.В.* Інтимний дискурс письменницького епістолярію другої половини ХІХ – початку ХХ століть: дис.... докт. філол. наук. Івано-Франківськ, 2016. 410 с.

Кобилянська 1982 – *Кобилянська О.Ю.* Слова зворушеного серця: Щоденники; Автобіографії; Листи; Статті та спогади / Упоряд., передм. Ф.П. Погребенника. К.: Дніпро, 1982. 359 с.

Криворучко 2013 – *Криворучко К.І.* «Я до послідного свого віддиху буду працювати для свого народу...» (Листи Ольги Кобилянської у фондах ЦДАВО України) // *Архіви України*. 2013. Вип. 5 (287). С. 146–166.

Лист 1 – Лист Ольги Кобилянської до Микити Шаповала 5 грудня 1918 р. // *Архіви України*. 2013. Вип. 5 (287). С. 148–149.

Лист 2 – Лист Ольги Кобилянської до Микити Шаповала 9 листопада 1919 р. // *Архіви України*. 2013. Вип. 5 (287). С. 149–150.

Лист 3 – Лист Ольги Кобилянської до Микити Шаповала 27 березня 1920 р. // *Архіви України*. 2013. Вип. 5 (287). С. 150–155.

Лист 4 – Лист Ольги Кобилянської до Микити Шаповала 6 жовтня 1920 р. // *Архіви України*. 2013. Вип. 5 (287). С. 155–156.

Лист 5 – Лист Ольги Кобилянської до Павла Богацького 16 лютого 1921 р. // *Архіви України*. 2013. Вип. 5 (287). С. 156–157.

Лист 6 – Лист Ольги Кобилянської до Микити Шаповала 16 січня 1922 р. // *Архіви України*. 2013. Вип. 5 (287). С. 157–159.

Лист 7 – Лист Ольги Кобилянської до Микити Шаповала 31 травня 1922 р. // *Архіви України*. 2013. Вип. 5 (287). С. 159–161.

Лист 8 – Лист Ольги Кобилянської до Павла Богацького 12 вересня 1922 р. // *Архіви України*. 2013. Вип. 5 (287). С. 161–162.

Лист 9 – Лист Ольги Кобилянської до Микити Шаповала 20 квітня 1923 р. // *Архіви України*. 2013. Вип. 5 (287). С. 162–163.

Лист 10 – Лист Ольги Кобилянської до Ольги Шаповал 28 лютого 1932 р. // *Архіви України*. 2013. Вип. 5 (287). С. 163–164.

Лист 11 – Лист Ольги Кобилянської до Ольги Шаповал 2 квітня 1932 р. // *Архіви України*. 2013. Вип. 5 (287). С. 164–165.

Лист 12 – Лист Ольги Кобилянської до Ольги Шаповал 28 квітня 1932 р. // Архіви України. 2013. Вип. 5 (287). С. 165–166.

Масіян 2013 – *Масіян Н.Б.* Незабутня зірка Буковини Ольга Юліанівна Кобилянська (до 150-річчя від дня народження письменниці) // Архіви України. 2013. Вип. 5 (287). С. 167–180.

Павличко 1999 – *Павличко С.Д.* Дискурс модернізму в українській літературі. К.: Либідь, 1999. 447 с.

Павлишин 2008 – *Павлишин М.* Ольга Кобилянська: прочитання Харків: Акта, 2008. 360 с.

Lejeun 2005 – *Lejeun Ph.* Signes de vie. Le pacte autobiographique 2. P. Éditions du Seuil, 2005. 277 p.

REFERENCES

Bogdan, S. (1994) “Miy khtosichku, miy z paporoti tsvite...” (Epistolyarniy obraz Ol’gi Kobilyans’koї: psikhologivstichniy etyud)]. *Kul’tura slova*. 45. pp. 54–60.

Voznyuk, V. (2012) *Ol’ga Kobilyans’ka: Naris* [Olha Kobylianska: A Sketch]. Kharkiv: Folio.

Gundorova, T.I. (2002) *Femina melancholica. Stat’ i kul’tura v genderniy utopii Ol’gi Kobilyans’koї* [Femina melancholica. Gender and culture in gender utopia of Olha Kobylianska]. Kyiv: Kritika.

Ilkiv, A.V. (2016) *Intimniy diskurs pis’mennits’kogo epistolyariyu drugoi polovini XIX – pochatku XX stolit’* [Intimate discourse of the writer’s epistolary in the second half of the 19th – early 20th centuries]. PhilologyDr. Diss. Ivano-Frankivsk.

Kobilyanska, O.Yu. (1982) *Slova zvorushenogo sertsya: Shchodenniki; Avtobiografii; Listi; Statti ta spogadi* [Words of a moved heart: Diaries, autobiography, letters, articles and memories]. Kyiv: Dnipro.

Krivoruchko, K.I. (2013) “Ya do poslidnogo svogo viddikhu budu pratsyuvati dlya svogo narodu...” (Listi Ol’gi Kobilyans’koї u fondakh TsDAVO Ukraini) [“Till My Last Out-breath I Will Work for My People...” [The Letters of Olha Kobylianska in the Fonds of the Central State Archives of Supreme Bodies of Power and Government of Ukraine]]. *Arkhivi Ukraini*. 5(287). pp. 146–166.

Kobylianska, O. (2013a) List Ol’gi Kobilyans’koї do Mikiti Shapovala 5 grudnya 1918 r. [Letter of Olha Kobylianska to Mykyta Shapoval of December 5, 1918]. *Arkhivi Ukraini*. 5(287). pp. 148–149.

Kobylianska, O. (2013b) List Ol’gi Kobilyans’koї do Mikiti Shapovala 9 listopada 1919 r. [Letter of Olha Kobylianska to Mykyta Shapoval of November 9, 1919]. *Arkhivi Ukraini*. 5(287). pp. 149–150.

Kobylianska, O. (2013c) List Ol’gi Kobilyans’koї do Mikiti Shapovala 27 bereznya 1920 r. [Letter of Olha Kobylianska to Mykyta Shapoval of March 27, 1920]. *Arkhivi Ukraini*. 5(287). pp. 150–155.

Kobylianska, O. (2013d) List Ol’gi Kobilyans’koї do Mikiti Shapovala 6 zhovtnya 1920 r. [Letter of Olha Kobylianska to Mykyta Shapoval of October 6, 1920]. *Arkhivi Ukraini*. 5(287). pp. 155–156.

Kobylianska, O. (2013e) List Ol’gi Kobilyans’koї do Pavla Bogats’kogo 16

lyutogo 1921 r. [Letter of Olha Kobylanska to Pavlo Bohatskyi of February 16, 1921]. *Arkhivi Ukraïni*. 5(287). pp. 156–157.

Kobylanska, O. (2013f) List Ol'gi Kobilyans'koï do Mikiti Shapovala 16 sichnya 1922 r. [Letter of Olha Kobylanska to Mykyta Shapoval from January 16, 1922]. *Arkhivi Ukraïni*. 5(287). pp. 157–159.

Kobylanska, O. (2013g) List Ol'gi Kobilyans'koï do Mikiti Shapovala 31 travnya 1922 r. [Letter of Olga Kobylanska to Mykyta Shapoval of May 31, 1922]. *Arkhivi Ukraïni*. 5(287). pp. 159–161.

Kobylanska, O. (2013h) List Ol'gi Kobilyans'koï do Pavla Bogats'kogo 12 veresnya 1922 r. [Letter of Olha Kobylanska to Pavlo Bohatskyi of September 12, 1922]. *Arkhivi Ukraïni*. 5(287). pp. 161–162.

Kobylanska, O. (2013i) List Ol'gi Kobilyans'koï do Mikiti Shapovala 20 kvitnya 1923 r. [Letter of Olha Kobylanska to Mykyta Shapoval from April 20, 1923]. *Arkhivi Ukraïni*. 5(287). pp. 162–163.

Kobylanska, O. (2013j) List Ol'gi Kobilyans'koï do Ol'gi Shapoval 28 lyutogo 1932 r. [Letter of Olha Kobylanska to Olga Shapoval from February 28, 1932]. *Arkhivi Ukraïni*. 5(287). pp. 163–164.

Kobylanska, O. (2013k) List Ol'gi Kobilyans'koï do Ol'gi Shapoval 2 kvitnya 1932 r. [Letter of Olha Kobylanska to Olga Shapoval from April 2, 1932]. *Arkhivi Ukraïni*. 5(287). pp. 164–165.

Kobylanska, O. (2013l) List Ol'gi Kobilyans'koï do Ol'gi Shapoval 28 kvitnya 1932 r. [Letter of Olha Kobylanska to Olga Shapoval from April 28, 1932]. *Arkhivi Ukraïni*. 5(287). pp. 165–166.

Masiyan, N.B. (2013) Nezabutnya zirka Bukovini Ol'ga Yulianivna Kobilyans'ka (do 150-richchya vid dnya narodzhennya pis'mennitsi) [The unforgettable star of Bukovyna (To the 150-Anniversary of the Date of Birth of Olha Kobylanska)]. *Arkhivi Ukraïni*. 5(287). pp. 167–180.

Pavlichko, S.D. (1999) *Diskurs modernizmu v ukraïns'kiy literaturi* [Discourse of modernism in Ukrainian literature]. Kyiv: Lybid.

Pavlishin, M. (2008) *Ol'ga Kobilyans'ka: prochitannya* [Olga Kobylanska: interpretation]. Kharkiv: Act.

Lejeun, Ph. (2005) *Signes de vie. Le pacte autobiographique 2*. Paris: Éditions du Seuil.

Драч Оксана Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Киевского университета им. Б. Гринченко (Украина).

Драч Оксана Олександрівна – доктор історичних наук, професор кафедри всесвітньої історії Київського університету ім. Б. Грінченка (Україна).

Oksana A. Drach – Boris Grinchenko Kyiv University (Ukraine).

E-mail: o.drach@kubg.edu.ua

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русины

ОСНОВАН В 2005 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2019. № 57

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Республика Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

– 436 стр.

Республика Молдова, г. Кишинев, MD 2028, а/я 1041
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59
E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»: <http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 29.09.2019. Формат 60x90 ¹/₁₆.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 104.

Отпечатано в типографии АО «Реклама».
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР В 2019 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

РОДНОЙ КРАЙ

МИХАИЛ ПОПОВИЧ

Мой родимый край – Карпаты;
Край лесистый и глухой;
Там живут мои собратья
Жизнью скудной и простой.

Все они страдают много,
Изнывая на горах;
Все так жалки и убоги,
У всех слёзы на глазах.

Их никто не охраняет,
Не отрадна их судьба...
Ныне брат их распинает,
Как бессильного раба.

Вся их жизнь однообразна, –
Всюду муки и беда,
Всюду горе в сёлах грязных,
Всюду чёрная нужда.

Источник: Попович Михаил. Песня коловратной сказки. С. 19-26 // Из Альмана возрожденцев / Ред. и авт. предисл. А.А. Фаринич. Прага: Изд-во О-ва карпаторус. студентов «Возрождение», 1933 (Пряшев: Книгопечатня Св. Николая). 100 с., ил.